АНТИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

НОНН ПАНОПОЛИТАНСКИЙ

ДЕЯНИЯ ДИОНИСА

Annotation

Нонн из Панополя (годы жизни предположительно 400-470 гг. н. э.), автор последнего эпоса античности "Подвиги (Деяния) Диониса", провел большую часть жизни в египетском городе Панополе. Поэма состоит из 48 песен общим объемом приблизительно в 22 тысячи стихов и повествует о происхождении и воплощениях Диониса, его войне с Индами и Гигантами. Это огромный свод мифологических сюжетов, вполне сравнимый по своему значению с "Метаморфозами" Овидия, "Мифологической библиотекой" Аполлодора и "Аргонавтикой" Аполлония Родосского. Поэма содержит сведения о мистических и орфических культах, более нигде не встречающиеся и служащие нашим единственным источником о духовной жизни поздней античности. Существенным достоинством поэмы является также и то, что она изложена в художественно убедительной форме, яркой и доступной для самого широкого круга читателей, несмотря на сложность предмета. Все вышеизложенное делает перевод этой поэмы, дотоле не существующий в русской культуре, огромным событием в культурной жизни России. Издание снабжено вступительной статьей и подробным содержанием всех песен, указателями имен и различного рода реалий, встречающихся в поэме. Перевод с древнегреческого Ю. А. Голубца.

Книга адресуется как знатокам, так и любителям античной культуры и истории

- Нонн Панополитанский
  - Захарова А.В. Нонн Панополитанский
    -
    - Биография
    - Датировка
    - «Египтяне, помешавшиеся на поэзии»
    - История текста: рукописи и издания
    - Нонн в XVI–XIX веках: слава и забвение
    - Нонн в XX веке: общий замысел и композиция поэмы
    - Жанровый синтез Нонна: эпос как парафраза
    - Нонн в России
  - Деяния Диониса
    - Песнь I
    - Песнь II
    - Песнь III

- Песнь IV
- Песнь V
- Песнь VI
- Песнь VII
- Песнь VIII
- Песнь IX
- Песнь X
- Песнь XI
- Песнь XII
- Песнь XIII
- Песнь XIV
- Песнь XV
- Песнь XVI
- Песнь XVII
- Песнь XVIII
- Песнь XIX
- Песнь XX
- Песнь XXI
- Песнь XXII
- Песнь XXIII
- Песнь XXIV
- Песнь XXV
- Песнь XXVI
- Песнь XXVII
- Песнь XXVIII
- Песнь XXIX
- Песнь XXX
- Песнь XXXI
- Песнь XXXII
- Песнь XXXIII
- Песнь XXXIV
- Песнь XXXV
- Песнь XXXVI
- Песнь XXXVII
- Песнь XXXVIII
- Песнь XXXIX
- Песнь XL
- Песнь XLI
- Песнь XLII
- Песнь XLIII

        - Песнь XLIV
        - Песнь XLV
        - Песнь XLVI
        - Песнь XLVII
        - Песнь XLVIII
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34

- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74

- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114

- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137
- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143
- 144
- 145
- 146
- 147
- 148
- 149
- 150
- 151
- 152
- 153
- 154

- 155
- 156
- 157
- 158
- 159
- 160
- 161
- 162
- 163
- 164
- 165
- 166
- 167
- 168
- 169
- 170
- 171
- 172
- 173
- 174
- 175
- 176
- 177
- 178
- 179
- 180
- 181
- 182
- 183
- 184
- 185
- 186
- 187
- 188
- 189
- 190
- 191
- 192
- 193
- 194

- 195
- 196
- 197
- 198
- 199
- 200
- 201
- 202
- 203
- 204
- 205
- 206

Нонн Панополитанский
Деяния Диониса

Захарова А.В. Нонн Панополитанский

ὄνομα μεῦ Νόννος· πάντων δ' ὑπερέχον ἀοιδῶν
τόσσον, ἐπιχθονὶων ὅσσον ἐπουράνια
Имя мне Нонн; поэтов же всех я выше настолько,
Сколько небесная твердь выше предметов земных.

*(Эпиграмма Христиана Аврелия, часто помещавшаяся в изданиях Нонна Франциском Нансием в его издании парафразы Евангелия, Лейден, 1589 год, с. **3)*

Часто говорят, что первое впечатление — самое верное, и сейчас, когда «Деянья Диониса» первый раз печатаются на русском языке, кажется уместным вспомнить о том, как впервые встретился с типографским станком оригинал поэмы и с какими чувствами представлял ее читателю первый издатель.

Этим издателем был Герхард Фалькенбург, напечатавший «Деянья Диониса» в Антверпене в 1569 году.[1] Фалькенбург, как пишет он сам в предисловии, стал восторженным поклонником Нонна после знакомства с другой его поэмой, парафразой Евангелия от Иоанна (которая уже была к тому времени неоднократно издана); многие годы он мечтал найти рукопись «Деяний Диониса», которую наконец отыскал его друг Иоанн Самбук. В греческой эпиграмме, подражая нонновскому стилю, Фалькенбург описывает покупку Самбуком драгоценной рукописи и ее прибытие в «геликонийскую Фландрию»: теперь «Музы–Нонниады» огласят своей песней холодный Антверпен:[2]

Здравствуйте, Нонновы Музы, благое Гомерово сердце;
Весь мой дом целиком пеньем наполньте своим!

Восторгаясь Нонном, Фалькенбург настойчиво сравнивает его с Гомером, вечным образцом великого поэта: как неизвестна жизнь Гомера, так же и жизнь Нонна; Нонн, как кажется Фалькенбургу, настолько проникся гомеровским духом, что можно говорить о некоем переселении души. И наконец: «Мне *кажется, что, если бы Гомер был утерян… то все, чем мы*

обычно восхищаемся в нем, могло бы быть почерпнуто и восстановлено из Нонна».[3]

Фалькенбург восхищен своеобразием нонновского мастерства: *«Удивительным образом услаждают меня и равномерность речи, и изумительная схожесть звучащих слов, и изящество небывало длинных эпитетов,… настолько, что то, что другие, быть может, сочли бы пороком, я отнес бы непонятным толпе достоинствам. Ибо это огромное и возвышенное сочинение столь верно себе повсюду, столь прозрачно, столь, наконец, сладостно, что кажется составленным без малейшего труда и излившемся само собою.…Не буду даже говорить ничего о тех стихах, которые с полным правом могут стать пословицами. А раз все это так, то я хотел бы, чтобы излишне суровые судьи, прежде чем выносить приговор этому поэту, второй и третий раз прочитали и перечитали бы всю поэму».* [4]

*** * ***

За полуторатысячелетнюю историю поэзия Нонна изведала самые разные оценки читателей и ученых: усложненный язык, вычурная образность, склонность поэта к символизму и мистицизму делали ее привлекательной для эпохи Ренессанса и особенно для барокко, когда она удостоилась высоких похвал Анджело Полициано, Меланхтона и Юлия Скалигера, а также для романтизма и для XX века; в другие времена она порицалась или вообще погружалась в забвение («Деянья Диониса» не издавались около двухсот лет, все время господства классицизма). Мало интереса до сих пор вызывал Нонн в России: он впервые переводится на русский, нет посвященных ему книг. Если что–либо и вызывало интерес к панополитанскому поэту, автору двух, языческой («Деянья Диониса») и христианской (парафраза Евангелия от Иоанна), поэм, то обычно это был вопрос о его конфессиональной принадлежности, от решения которого в последнее время исследователи все чаще уклоняются, тем более что интерес к парафразе Евангелия, на протяжении столетий далеко превосходившей «Деянья Диониса» известностью, числом изданий и исследований, в XX веке угас.[5]

Последний крупный представитель древнегреческого эпоса, в своей реформе эпической поэзии Нонн почти не имел ни предшественников, ни последователей. Наверно, из всех греческих поэтов Нонн в наибольшей степени соответствует новейшим представлениям о поэтическом творчестве как о процессе индивидуальной переплавки и перековки языка,

превращающей его в нечто неповторимое. Неудобопонимаемость, неудобопереводимость, частое впечатление ложной многозначительности и навязчивого самоповторения — побочные результаты этого процесса, те самые недостатки, которые Фалькенбургу хотелось расценивать как *«непонятные толпе достоинства»;* понадеемся вместе с ним, что тот, кто послушается его совета и *«второй и третий раз перечитает всю поэму»* (равную по объему обеим гомеровским вместе взятым), так свыкнется с Нонном, что проникнет в его поэзию изнутри и увидит *«сколь верно себе повсюду, сколь прозрачно и сладостно это огромное сочинение»*.

Биография

Время и обстоятельства жизни Нонна Панополитанского практически неизвестны; в большинстве рукописей обеих его поэм даже не проставлено имя автора.

Однако один из важнейших рукописных источников все–таки подписан; это так называемый «Берлинский папирус»,[6] который Рудольф Кайделль датирует шестым веком, а Людвих,[7] Чемберлен[8] и Линд[9] — седьмым; он содержит конец четырнадцатой и начало пятнадцатой песни «Деяний Диониса» и называет автора поэмы:

> ΤΕΛΟΣ ΤΟΥ ΙΔ ΠΟΙΗΜΑΤΟΣ ΤΩΝ
> ΔΙΟΝΥΣΙΑΚΩΝ ΝΟΝΝΟΥ
> ΠΟΙΗΤΟΥ ΠΑΝΟΠΟΛΓΓΟΥ
> …ΑΡΧΗ ΤΟΥ ΙΕ ΠΟΙΗΜΑΤΟΣ ΤΩΝ
> ΔΙΟΝΥΣΙΑΚΩΝ ΝΟΝΝΟΥ ΠΟΙΗΤΟΥ
> (КОНЕЦ XIV ПЕСНИ
> «ДЕЯНИЙДИОНИСА». НОННА,
> ПАНОПОЛИТАНСКОГО ПОЭТА
> … НАЧАЛО XV ПЕСНИ
> «ДЕЯНИЙ ДИОНИСА» НОННА ПОЭТА…)

Таким образом, нам известно имя и родной город поэта, Панополь (коптский Хеммис, современный Ахмим) в северной Фиваиде, священный город египетского итифаллического бога Мина, отождествлявшегося греками с Паном. Неизвестно, были ли родители поэта греками или коптами. Имя Нонна, неизвестное классическому периоду, становится относительно распространенным в последние века Империи в ее азиатских и африканских провинциях.[10]

Родившись в Панополе, Нонн, возможно, жил в Александрии, на что указывает как строка из вступления к его поэме (I, 13: *Φαρῶι παρὰ γείτονι νήσωι — у соседнего острова Фароса*), так и эпиграмма из «Палатинской антологии» (похоже, пародирующая во второй строке нонновский стиль), автор которой видит в Нонне александрийца и автора «Гигантомахии»:

> Именем Нонн, из города Пана, в фаросских пределах
> Звучным копьем из гортани исторг я рожденье Гигантов.[11]

Некоторые предполагали, что речь идет о несохранившейся поэме Нонна, но еще Гейнсий в XVII веке назвал вторую песню «Деяний Диониса» «Битва с Тифоном», или «Гигантиада». Также считал Якобе: *«Ошибочно некоторые заключают из этой эпиграммы, что Нонн написал «Гигантомахию». Подразумевается та часть «Деяний Диониса», в которой идет речь о борьбе с Тифоном»*.[12] Немного по–другому объяснял этот заголовок Лилий Гиральд: *«…следует выслушать тех, кто из–за этих двух стихов придумал некую другую «Гигантомахию» Нонна, хотя он сам в «Деяньях Диониса» называет индийцев гигантами»*.[13]

Высказывались и предположения, что Нонн жил в Бейруте, воспетом им в «Деяньях Диониса», возможно, учился в тамошней знаменитой юридической школе. Не меньше оснований предполагать, что образование Нонна было риторическим — так много элементов риторики в его поэмах. Во всяком случае, это образование было обширным, как о том свидетельствует насыщенность его текста всевозможными географическими, мифологическими и научными сведениями.[14] Неясно, в какой степени Нонн владел египетским и латинским языками (с этим связаны споры о том, был ли он знаком с поэмами Овидия и Клавдиана).

В словаре «Суда», источнике многочисленных биографических и хронологических данных, нет статьи «Нонн»; зато под словом *νόνναι* содержится следующее: *«Следует знать, что есть и собственное имя Нонн. Он был панополитанец из Египта, ученейший, тот, что переложил стихами Иоанна Богослова»*.[15] Вариант этой библиографической справки сохранился и в «Violarium» императрицы Евдокии Макремволитиссы (1059—1067), фальсификацию Константина Палеокаппы, напечатанную им в Париже в 1512 году. Сходная фраза стоит на рукописи парафразы из королевской библиотеки в Париже (Pa), датируемой XIII или XIV веком: *«Следует знать, что этот Нонн был красноречивейший египтянин, тот, что переложил героическим стихом Иоанна Богослова»*.[16] Ясно, что составитель этой кочевавшей по рукописям справки знал Нонна только как перелагателя Евангелия.

Две поэмы — языческая и христианская — всегда ставили перед исследователями вопрос о некой биографической перипетии. Уже не может считаться бесспорным простейший ответ, казавшийся само собой разумевшимся на протяжении пяти столетий от первых читателей Нонна в Европе до Пьера Коллара и Рудольфа Кайделля, а именно, что Нонн, написав (по Кайделлю — не дописав) «Деянья Диониса», обратился в христианство и стал покорно, стараясь неотступить от текста, перелагать святое писание христиан (причем Кайделль видел в парафразе симптомы

творческого упадка). Вполне возможен и обратный вариант (случаи «обратного» обращения детей родителей–христиан известны; так было, например, с Аммонием Саккасом, учителем Плотина): родившись в семье христиан и в молодости неуверенной рукой юноши переложив Евангелие, очарованный языческой эллинской поэзией копт посвятил годы творческой зрелости воспеванию Диониса.[17] Наиболее осторожные исследователи напоминают, что поэтические произведения не обязательно являются манифестацией конфессиональной принадлежности автора,[18] а также что острота религиозной борьбы притупилась к пятому веку (острой была в это время борьба христиан друг с другом, а не с язычниками), и многочисленные александрийцы и африканцы позднеимперского времени смешивали в своём творчестве языческие и христианские мотивы (Синезий, Клавдиан, Сидоний Аполлинарий, Паллад и Драконтий): церковь была христианской, но школа оставалась языческой. Ф. Виан прямо называет вопрос об обращении Нонна «ложной дилеммой».[19] Однако обе поэмы Нонна кажутся слишком насыщенными религиозным чувством, чтобы можно было без оговорок принять такую точку зрения. Любопытно также, что, как будет показано далее, на протяжении прошедших полутора тысячелетий в зависимости от меняющихся вкусов эпох то одна, то другая поэма Нонна выступает на первый план; «переложив» своими стихами два взаимоисключающих взгляда на мир, Нонн сумел найти точки соприкосновения с отрицавшими друг друга эпохами — со средневековьем и с Возрождением, с классицизмом и с романтизмом. Из этого же следует, что Нонна редко принимали целиком: классицизм не мог простить ему явно антиклассического языка и «варварской» образности «Деяний Диониса», романтизм и современность — «рабского» следования евангельскому оригиналу. Эпоха барокко является счастливым для панополитанского поэта исключением.

Датировка

Самое бесспорное основание датировки времени жизни Нонна — цитата из его поэмы у Агафия Миринейского,[20] чей труд датируется временем правления Юстиниана (527—565 гг.): «Об *этом ведь и древние поэты пели, и новые, переняв у них, подпевают; в том числе и Нонн, тот, что был из Панополя в Египте, в одной из своих поэм, которую он назвал «Деянья Диониса», рассказав немного об Аполлоне (не знаю точно сколько, ведь я не припомню предыдущих стихов), так заканчивает: …*» (следуют стихи I.42–43 «Деяний Диониса»).[21]

Воспетая же Нонном Беритская юридическая школа была закрыта в 551 году; таков безусловный terminus ante quem.

Более точное его определение связано с поиском подражаний Нонну в ранневизантийской поэзии. К «нонновской» школе Ф. Виан относит поэтов времени Анастасия (491—518): Мусея, Коллуфа Ликополитанского, Христодора Коптского и Драконтия. Еще более ранние (около 470 года) тексты, демонстрирующие, возможно, влияние Нонна — это приписываемый Пампрепию элогий Феагена Афинского и эпический фрагмент, посвященный Ираклию Эдесскому.[22]

* * *

Terminus post quem более шаток; он основывается на доводах предполагаемых литературных влияний. Многие исследователи связывают написание поэмы Нонна с греческой «Гигантомахией» Клавдиана (написанной до 394 года, переезда Клавдиана в Рим из Александрии) или даже с его латинским «Похищением Прозерпины» (396—402?).[23]Так, Кун, Брауне[24] и Рудольф Кайделль,[25] находя у Нонна следы влияния Клавдиана, считают, что terminus post quem для «Деяний Диониса» — 397 год, когда Клавдиан прервал работу над своей поэмой. Фридлендер,[26] проведя сравнение греческой «Гигантомахии» Клавдиана и XLVIII песни «Деяний Диониса», находит у него заимствования из раннего, «александрийского», периода творчества Клавдиана (а не зрелого, латинского). Однако не следует забывать, что Маргарет Римшнайдер[27] и Дженнаро д'Ипполито[28] предполагают, наоборот, зависимость Клавдиана от Нонна и соответственно изменяют их взаимную датировку.

Издатель Нонна Людвих[29],а также Йозеф Голега,[30] находя у Нонна много общего с Григорием Назианзином, считали, что Нонн подражал ему. Так как Назианзин умер в 389—390 году, это предположение подтверждает предыдущую датировку (terminus post quem — конец IV века). Наоборот, Квинтино Катауделла[31] пытался в своей работе доказать, что Назианзин заимствует у Нонна некоторые художественные приемы; таким образом, период написания поэмы Нонном закончился до 381 года, что согласуется с датировкой Римшнайдер и д'Ипполито.

Существуют и «отрицательные аргументы» такого же рода: согласно Ф. Виану, поэты V века Кир Панополитанский (435—457) и Прокл (410—485) не показывают никакого знакомства с Нонном ни в стиле, ни в метрике. Начало одной из эпиграмм Кира[32] буквально совпадает со стихами XVI.321 и XX.372 «Деяний Диониса». На основании этого факта высказывается предположение, что 441–442 гг. от Р. Х. — terminus post quem для Нонна (хотя вряд ли столь простая фраза может свидетельствовать о заимствовании). Виан склоняется к выводу, что парафраза, более раннее произведение Нонна, написана вскоре после 431 года, «Деянья Диониса» же относятся к периоду между 450 и 470, причем скорее ближе к концу этого отрезка.

Людвих считал также, что Евнапий в «Жизнеописаниях софистов» имеет в виду Нонна, говоря: *«Относительно его занятий риторикой достаточно сказать, что он был египтянин. Ведь этот народ совершенно безумным образом относится к поэзии. Гермес же серьезности их покинул»*.[33] Если это так, то это тоже свидетельство в пользу «ранней» датировки Нонна (до конца IV века), потому что книга Евнапия датируется 405 г. Р. Х. Кун, Коллар[34] и Виан отрицают, что здесь имеется в виду Нонн; возможно, речь идет о Евсевии из Александрии. В любом случае текст Евнапия любопытно характеризует литературную среду Нонна.

Виктор Штегеманн[35] основывал датировку парафразы Нонна на употребляемом им слове *θΐότοκος*, «Богородица». Это слово было предметом спора во время появления несторианства. Эфесский собор 431 года признает это слово православным. Это слово, встречающееся у Нонна несколько раз,[36] хотя и не в полемическом смысле, дает основание предположить, что парафраза была написана уже после 431 года и осуждения несторианства как ереси. Однако как раз в александрийской, антинесторианской, церкви, слово «богородица» могло использоваться даже тогда, когда Несторий «запретил» его в Константинополе, если даже не допускать того вытекающего из сопоставления контекстов вывода, что Нонн использует

красивый и парадоксальный эпитет вне всякой связи с его догматическим значением.

Ружена Досталова–Еништова[37] находит еще один аргумент в пользу поздней датировки поэмы Нонна, а именно упоминание им племени блемиев как мирного (XVII.385–397). Этот кочующий народ в V и VI веках часто совершал набеги на территории Верхнего Египта, к которому относится и Панополь. В «Деяньях Диониса» Нонн изображает блемиев вполне дружелюбно, что дает основание предположить, что поэма была написана уже после победы над ними и заключения столетнего перемирия в 451—452 годах.[38] Кроме того, она указывает, что Бейрут стал особенно знаменит в 449—450 годах, и с этого времени профессора в тамошней школе права стали называться τῆς *οἰκουμένης* διδάσκαλοι, «вселенские учителя».

Барбара Абель–Вильманнс[39] подводит итоги дискуссии о времени жизни Нонна в своей книге и завершает рассмотрение этого вопроса, приводя восходящие к трем германским филологам (к которым мы присоединим и других) три основные версии датировки (конец IV, первая половина V, вторая половина V веков):

1. Людвих датировал «Деянья Диониса» после 390 г. (использование Григория Назианзина) — до 405 г. (место из Евнапия). К этой или еще более ранней дате присоединяются Римшнайдер, Катауделла и д'Ипполито.

2. Кайделль считал, что «Деянья Диониса» написаны между 397/402 (Клавдиан прерывает работу над поэмой «De raptu Proserpinae») и 470 годом (первые тексты нонновской школы принадлежат времени Анастасия, см. стр. 11); скорее всего, это вторая четверть пятого века. С ним согласны Кун, Брауне и Голега. Парафраза, согласно Штегеманну, написана после Эфесского собора 431 года.

3. Фридлендер считал, что «Деянья Диониса» написаны после 440 (Нонн использует Кира из Панополя; Аммоний и гимны Прокла не имеют ничего «нонновского») и до 470 или даже 490 года («нонновская» школа). С этой, самой поздней, датировкой, в общих чертах согласны Досталова–Еништова и Ф. Виан.

«Египтяне, помешавшиеся на поэзии»

Произведения, посвященные мифам дионисического цикла, относительно редки в классический период, зато число их разрастается в эллинистическое и римское время. Гомер, как известно, почти не упоминает Диониса.[40] Эпических поэм, посвященных Дионису, не существовало вплоть до эллинизма. Зато мифы, связанные с Дионисом, активно разрабатывают трагики. Эсхил написал трилогию о Ликурге,[41] а также трагедию «Семела, или водоносицы»[42] и сатировскую драму о кормилицах Диониса, воскрешенных Медеей;[43] существовали и драмы других трагиков.[44] Еврипид в «Вакханках» указывает Бактрию, как крайнюю точку похода Диониса. Представления о его походе в Индию зафиксированы только в эллинистическое время.

В александрийское время поэму о Дионисе написал Эвфорион Халкидский;[45] некую «Дионисиаду» написал Неоптолем Парионский,[46] отождествляемый с Неоптолемом Паросским, жившим в третьем веке до Р. Х., автором трактатов «О надписях в Халкедоне», «Об изяществе выражений», а также некой гекзаметрической поэмы «Трихтонии» или «Эрихтонии».[47] Афиней, который упоминает Неоптолема, сообщает также и о «Деяниях Вакха» Феолита из Мефимны.[48] К середине третьего века до Р. Х., согласно новейшей датировке, относится мифологический роман Дионисия Скитобрахиона «Поход Диониса и Афины».[49]

В римское время дионисическая тема становится чрезвычайно популярна. Персии, высмеивая пустых и модных поэтов, приводит строки, посвященные вакханкам, барсам, тирсам и прочим атрибутам дионисийства, столь частым в поэме Нонна.[50] Возможно, он имеет в виду поэму Нерона о Дионисе. Важнейшим из греческих предшественников «Деяний Диониса» был Дионисий, написавший поэму «Бассарика» не менее чем в восемнадцати песнях,[51] а также «Гигантиаду» не менее чем в семнадцати.[52] Датировка жизни автора поэм основывается на папирусной находке; папирус, содержащий фрагменты «Гигантиады», датируется второй половиной второго века от Р. Х.[53] Из словаря Стефана Византийского, много раз упоминающего Дионисия в связи с разными географическими названиями, можно заключить, что поэма описывала поход Диониса во Фригию и Индию; в третьей песни содержался каталог войск Диониса и Дериадея;[54] Дериадей, индийский царь, главный противник Диониса у Нонна, упоминался и в поэме Дионисия (это самое раннее известное

упоминание Дериада). Еще одним из предшественников Нонна был египтянин Сотерих из Оазиса, написавший поэму «Бассарика» или «Деянья Диониса» в четырех книгах, как сообщает словарь «Суда».[55] О нем, очевидно, упоминает и Стефан Византийский.[56] Другую поэму о Дионисе написал некий Юлий, которого дважды цитирует Стобей.[57] В сохранившемся фрагменте Агава выносит на своих плечах старика Кадма, возможно, из их дома, объятого пожаром, вызванным смертью Семелы.

* * *

Несомненно, говорилось о Дионисе и в поэме в шестидесяти песнях Писандра из Ларанды Ἡρωικαί θεογαμίαι,[58] относящейся к началу третьего века. Она была, вероятно, подобно «Метаморфозам» Овидия, описанием всей мифологической эпохи, причем организующим принципом ее выступали союзы богов со смертными женщинами, от которых рождаются герои (таков же был принцип осмысления мифологического прошлого в «Великих Эоях» Гесиода). Этой поэме Нонн, по мнению Кайделля и Виана, следовал не только в истории Кадма, которая только в поэме Писандра была связана с борьбой Зевса и Тифона,[59] но и в перечне двенадцати смертных возлюбленных Зевса в седьмой песне.

Неизвестно, насколько были близки к нонновским стих и стиль Писандра. Из сохранившихся эпиков по лексике ближе всего к Нонну Оппиан, по метрике — Трифиодор. В последние десятилетия знания об обоих претерпели существенные изменения. Благодаря работам А. В. Джеймса и В. Шмитта[60] стало принятым различать двух Оппианов: умершего относительно молодым Оппиана из Аназарбы в Киликии, автора поэмы «О рыбной ловле», написанной не позднее 180 года от Р. Х., при Марке Аврелии и Коммоде, и Оппиана (или Псевдо–Оппиана) из Апамеи в Сирии, написавшего поэму «Об охоте» при Каракалле, между 212 и 215 гг. Хотя Нонн не пользуется оппиановской уникальной версией мифа о превращении кормилиц Диониса, сестер Семелы, в барсов,[61] которые одни из всех зверей пьют вино, этот поэт (вполне возможно, в то время два Оппиана уже считались одним) был для Нонна не просто известен, но любим, как показывают многочисленные заимствования редких слов и оборотов.

Что касается Трифиодора, то папирусная находка заставляет теперь датировать его творчество более ранним временем, чем творчество Нонна:[62] из «последователей» он перешел в «предшественники», и те

метрические правила, которые являются общими для обоих поэтов, можно теперь называть не «нонновскими», а «трифиодоровскими». Согласно «Суде», Трифиодор, как и Нонн, происходил из Египта; кроме дошедшего «Взятия Илиона» он написал поэмы о марафонской битве, о сватовстве к Гипподамии; особенно прославился[63] он своей «Одиссеей без буквы» (*λειπογράμματος*), то есть таким переложением гомеровской поэмы, в первой песни которой («альфа» по традиционной нумерации) отсутствовала буква альфа, во второй («бета») бета и так далее.[64] Другая статья «Суды» сообщает о другом (или том же?) Трифиодоре, который писал «парафразы Гомера» (т. е. ту же «липограмматическую Одиссею»?). Сравнив эти сведения с новейшей датировкой времени жизни Трифиодора, можно именно к нему отнести фразу Евнапия о «египтянах, взбесившихся на поэзии». С Нонном же Трифиодора объединяет не только метрика, но и поэтика парафразирования.

Раньше Нонна жил, вероятно, и традиционалист Квинт Смирнский, автор «Продолжения Гомера» в пятнадцати песнях (его творчество Ф. Виан[65] датирует III веком н. э.), также иногда причислявшийся к «последователям» Нонна, однако являющийся скорее его антиподом в языке, стиле и мировоззрении.

Другого эпика родом из Египта, Коллуфа из Ликополя в Фиваиде, много раз издававшегося и описывавшегося «в паре» с Трифиодором, отделяло от последнего 200–300 лет; согласно «Суде», он был современником императора Анастасия (491—518). Кроме сохранившегося «Похищения Елены», он написал поэмы о калидонской охоте в шести песнях, о персидской войне (?) и сборник гекзаметрических энкомиев. К Нонну «Похищение Елены» близко только метрикой, хотя Коллуф и причисляется иногда к «Нонновской школе».

Еще одним плодовитым эпиком родом из Египта был Христодор из Коптоса, крупным сохранившимся произведением которого является гекзаметрическая экфраза статуй гимнасия Зевксиппа, составляющая вторую книгу «Палатинской антологии». «Суда» относит его, как и Коллуфа, ко времени Анастасия. Он написал поэму об Исаврийской войне, многочисленные *πάτρια* разных городов — Константинополя, Фессалоник, Афродисиады, Тралл, Милета; два стиха из его гекзаметрических «Лидиака» сохранились в схолиях к «Илиаде».[66] «Суда» говорит и о другом эпике Христодоре, из египетских Фив, авторе поэмы «О птицеловстве» и описания чудес святых бессребренников Косьмы и Дамиана.

Уроженцем того же города, что и Нонн, был Кир Панополитанский, служивший при дворе императора Феодосия Младшего и занимавший многие важные должности. В 441 году он удостоился консулата. Особое

расположение благодаря его поэтическому мастерству оказывала ему императрица Евдокия, жена Феодосия. После ее отъезда в Иерусалим Кир оставил службу при дворе и стал епископом Котиэи во Фригии. «Суда»[67] и Евагрий[68] говорят о нем как о эпическом поэте, не упоминая названий его поэм. В «Палатинской антологии» под его именем сохранилось несколько эпиграмм, стиль которых вряд ли можно назвать нонновским (IX, 136 напоминает немного своей концовкой «Деянья Диониса», XX, 372 слл.).[69] Выше[70] говорилось о попытках использовать одну из них для установления terminus post quem для «Деяний Диониса».

Может быть, единственный поэт, в творчестве которого заметно ощутимое, не сводимое лишь к метрике влияние Нонна — это Пампрепий, тоже панополитанец, живший, согласно «Суде», при Зеноне (474—491), то есть раньше Христодора и Коллуфа, но позже Кира. Он писал и прозаические, ученые трактаты («Добавление к этимологиям» и «Об Исаврийской войне»).[71] Из остатков его поэзии, обнаруженных среди папирусов,[72] выделяется достаточно крупный фрагмент, озаглавленный Хайчем «Описание осеннего дня», и уже упоминавшийся элогий Феагену. Многие его стихи могут сойти за нонновские. Однако тех лексических и эстетических тем, которые составляют специфику Нонна — пестроты, блуждания, отображения, в них незаметно. Другое сходное произведение — анонимный энкомий Ираклию Эдесскому.[73]

Родом из Феневифиса, деревни под Панополем, был Гораполлон, знаменитый грамматик времени Феодосия, комментировавший, по сообщению «Суды», Гомера, Софокла и Алкея; он же, возможно, был автором знаменитой «Иероглифики», трактата, якобы написанного по–египетски, но сохранившегося в греческом переводе и содержащего символические толкования иероглифов (не имеющие ничего общего с их реальным значением).

Из Египта происходил и Клавдиан, споры о соотношении греческого и латинского творчества которого с творчеством Нонна упоминались выше.[74] Независимо от того, повлиял ли Клавдиан на Нонна или наоборот, ясна общая теологическая и мистериальная направленность «Деяний Диониса» и «Похищения Прозерпины». Когда Клавдиан просит музу вдохновить его, его мысленному взору предстают торжественные шествия Элевсинских мистерий, Триптолем, Геката и Дионис;[75] последний появляется со своими ритуальными атрибутами — шкурой леопарда и змеей, постоянно фигурирующими среди символов поэмы Нонна. Фригийское обиталище Рейи–Кибелы, одного из главных действующих лиц «Деяний Диониса»,

подробно описывается у Клавдиана[76] с излюбленными Нонном барсами, тимпанами, корибантами и прочими оргиастическими атрибутами.[77]

Общим для Нонна и Клавдиана является интерес к орфической поэзии: похищению Персефоны была посвящена одна из главных орфических поэм — «Нисхождение Коры».[78] В поэму Нонна из орфической традиции попал «первый Дионис», Загрей, а из вдохновлявших Клавдиана элевсинских мистерий «третий», Иакх (упоминаемый и в «Похищении Прозерпины»). К другой орфической поэме, теогонии или «Священным речам», восходит образ «перворожденного» Фанета, несколько раз появляющегося в «Деяньях Диониса»: в него превращается Гермес, отдавая Диониса на воспитание Рейе–Кибеле,[79] ему же Нонн приписывает создание вселенского астрологического календаря, предсказывающего судьбы мира и богов и висящего во дворце Гелите.[80] Хотя гипотеза Альбрехта Дияриха, допускавшая, что орфические гимны созданы в Египте, была опровергнута Отто Керном,[81] знакомство Нонна с религиозной орфической поэзией бесспорно.[82]

Среди анонимных отрывков эпической поэзии римского времени, обнаруживаемых в египетских папирусах, часто встречаются мотивы нонновской поэзии. Известен отрывок, восхваляющий преподавателя Бейрутской юридической школы (прославление которой часто считалось специфическим для Нонна[83] или буколический отрывок о Пане и Эхо (один из излюбленных мотивов Нонна);[84] среди обнаруженных на папирусах магических гимнов имеются два гимна Тифону,[85] ямбический и гекзаметрический, которые исследовались в контексте мистических верований поздней античности,[86] но, кажется, не связывались с Нонном. В них заклинающий называет Тифона «богом богов», «громовержцем», «господином космоса», «вожатаем неба, земли, хаоса и Аида», а самого себя — его союзником в войне против богов, желающим вместе с ним «замкнуть двойные своды неба» и «остановить моря и потоки рек». Это весьма похоже на претензии Тифона и на поведение Кадма в «Деяньях Диониса». Налицо в гимне и нонновская любовь в композитам–неологизмам, и поэтика парадокса и космической катастрофы: Тифон назван «мракосияющим», «скалосотрясающим» и «волнокипящим», его призывают «хладножаркодуть», «стеносокрушить» и «глубивозмутить»;[87] невероятные композиты в заклинании должны поражать таинственностью и ужасать, хоть в равной степени достигают и комического эффекта. Несомненно, Нонн знал о подобных верованиях и отражающих их текстах, и они не в меньшей степени, чем классические источники, повлияли на образ Тифона, открывающий «Деянья Диониса».

Таким образом, понятие о «предшественниках Нонна» и тем более о «нонновской школе» чрезвычайно расплывчато и противоречиво. Шаткость хронологии никогда не позволяет быть уверенным в определении влияний. Различны критерии общности: метрика, лексическая и содержательная близость, общее происхождение из эллинистического Египта или просто более–менее общая эпоха (три–четыре века?). Крист[88] причислял к «нонновской» школе Трифиодора, Коллуфа, Мусея (которого теперь принято называть «Псевдо–Мусеем»), Кира, императрицу Евдокию и Клавдиана. Из авторов «Палатинской антологии» к ней, по Кристу, примыкают Христодор, Иоанн из Газы, Павел Силенциарий и, наиболее поздний, Григорий из Писы (жил при императоре Ираклии, 610—641 гг. Р. Х.). В настоящее время к ним необходимо добавить Пампрепия и анонимного автора энкомия Ираклию Эдесскому. Нонн, несомненно, самая крупная фигура всего позднеантичного эпоса (и шире — гекзаметрической поэзии), однако «школы» он не создал и сам не имел «учителя»; перечисленных авторов следует назвать скорее «окружением», «средой», в которой (или несмотря на которую) развился его талант.

Христианские литературные связи Нонна исследованы значительно хуже. Особняком стоит работа Людвиха, искавшего общие элементы в поэзии Нонна и Григория Назианзина.

История текста: рукописи и издания

Хоть автора «Деяний Диониса» и не помнили по имени, его читали и цитировали в Византии. Две строки из сорок второй песни (209–210) процитированы в «Палатинской антологии» (10, 120); четвертая книга *Βασιλεΐαι* Генесия, жившего в IX веке, полна аллюзий на XXXVII песню «Деяний Диониса», посвященную погребальным играм Офельтеса (стихи 290, 500, 554, 621, 624, 676, 723); эпитафия Михаила Синкелла, умершего около 846—847 гг., заимствует строки III, 110; XXVIII, 278; XXXII, 248; XXXIV, 25. «Большой Этимологик» цитирует отрывок из IX песни (11, 17, 19–24); Евстафий Солунский семь раз упоминает I песню, из которой он цитирует стихи с 7–го по 10–й и 260–й. Большинство этих цитат анонимны.

Существует одно произведение искусства, заставляющее предположить, что оно было создано под влиянием «Деяний Диониса» или миниатюр, иллюстрирующих поэму. Это ларец из слоновой кости собора в Вероли (около 1000 г. Р. Х.); на нем изображена Европа на быке, которую шесть гигантов пытаются столкнуть обломками скалы. В нагроможденных друг на друга фигурах гигантов можно усмотреть нонновского Тифона с его «бесчисленными руками»; похищение Европы не связано с тифоно- или гигантомахией нигде, кроме «Деяний Диониса».

* * *

В части рукописных источников «Деяний Диониса» указано имя Нонна, однако большинство рукописей анонимно. К первой группе относится упоминавшийся выше Берлинский папирус[89] (П), состоящий из пяти фрагментированных листов, и относящийся, возможно, к VI веку, то есть написанный, возможно, примерно через сто лет со дня появления «Деяний Диониса». На странице содержится от 44 до 48 стихов; между строками приводятся варианты — уже тогда текст был сомнителен и нестабилен.

Другая рукопись, в которой поэма была подписана, ныне утеряна. Кирьяк из Анконы видел ее в ноябре 1444 года в Афонской Лавре.[90] Двенадцать сохранившихся от нее строк — это нечетные стихи (1, 3, 5 и т. д.) начала поэмы; таким образом, она была написана в два столбца — стих слева, потом стих справа.

Все остальные рукописи анонимны. Важнейшая рукопись «Деяний Диониса», Codex Laurentianus[91] (L), содержит также «Аргонавтику»

Аполлония Родосского, фрагменты Гесиода, Феокрита, Фокилида, Григория Назианзина и первую книгу «Об охоте» Оппиана — все написано одной и той же рукой, курсивным письмом; отдельные ошибки писца исправлялись прямо в процессе изготовления рукописи. Эта рукопись была написана в мастерской Максима Плануда в Константинополе и датирована первым сентября 1280 года. Текст располагается также, как в Афонской, в две колонки, в каждой по тридцать три строки. Между строк или на полях отмечаются варианты текста. Плануд иногда вставлял в те места, которые казались ему испорченными, стихи собственного сочинения, отмечая их пометкой ἐμὸς στίχος.[92] Впоследствии еще несколько византийских ученых оставили в рукописи свои исправления, добавления и схолии. Один из них (L^2) отмечает мифологические имена и сравнивает Нонна с Гомером, Гесиодом, Аполлонием, а также с авторами «Антологии»; например, в примечании к стиху VI.345 он излагает миф о Пираме и Фисбе. Меньшее количество добавлений принадлежит другому схолиасту (L^3), пометки которого сделаны красноватыми и выцветшими чернилами; в двух из них он сравнивает Нонна с Вергилием, из чего, по–видимому, следует, что он работал в Италии уже после того, как рукопись была перевезена во Флоренцию: иногда он пишет по–гречески, иногда на латыни.

Анализ Кайделля и Виана позволяет судить и о той рукописи, с которой был скопирован Codex Laurentianus. Она была написана минускульным письмом, как об этом свидетельствуют характерные ошибки, и содержала также по 33–34 строки на странице. Ее писец вносил в текст изменения, чтобы исправить метрические ошибки, возникшие в результате деятельности его предшественников. Эти ошибки частично являются характерными ошибками унциального письма; таким образом, минускульной рукописи предшествовала унциальная. Перечень песен (περιοχή) в ней был разделен надвое, половина перед первой, половина перед двадцать пятой песней; возможно, «Деянья Диониса» с самого начала были изданы в двух томах. Возможно, все упомянутые рукописи уже были анонимны: Евстафий Солунский, «Большой Этимологик» и составитель «Палатинской антологии» цитируют нонновские стихи, не называя их автора.

В январе 1423 года Франческо Филельфо в Константинополе приобрел Лаврентианский кодекс у вдовы Иоанна Хрисолора и привез его во Флоренцию. Там его мог читать Анджело Полициано, наставник детей Лоренцо Медичи, и переписал несколько строк для своих «Miscellanea».

В XVI веке с рукописи была сделана копия. Это так называемый Palatinus Heidelbergensis gr. 85 (P). Большая группа рукописей, как установил Людвих, представляет собой копии с промежуточной,

недошедшей до нас, копии этого кодекса.[93] Количество рукописей свидетельствует об определенном успехе поэмы в кругах гуманистов.

*** * ***

Уже упоминавшееся editio princeps «Деяний Диониса» было выпущено Герхардом Фалькенбургом в Антверпене в 1569 году (парафраза была к этому времени издана уже пять раз). Оно опиралось на венскую рукопись (F), купленную Иоанном Самбуком в Таренте в 1563 году и переданную им Фалькенбургу. В приложении к изданию упоминаются еще четыре рукописи, идентифицировать которые сейчас трудно, но которые также являлись копиями с P. Издание Фалькенбурга сохраняло свое значение вплоть до появления изданий Кёхли и Людвиха в XIX веке.

Через сорок два года, в 1605 году Эйльхардом Любином в Ганау было выпущено второе издание «Деяний Диониса».[94] Он следовал Фалькенбургу, сохранил его примечания и приложения и добавил латинский перевод и индекс. Все целиком, вместе с переводом, это издание вошло в изданное через год собрание греческого эпоса под редакцией Якоба Лекция;[95] еще через пять лет трудами Петра Кунея, Даниила Гейнсия и Иосифа Скалигера появилось еще одно, фундаментальное для того времени, но также основанное на Фалькенбурге, издание.[96]

Двести лет, всю эпоху классицизма, «Деянья Диониса» не издавались: поэма не соответствовала вкусу эпохи. С началом романтизма снова пробуждается интерес к ним. Х. Мозер издал только шесть песен (VIII–XIII) с предисловием знаменитого мифолога–романтика Фридриха Крейцера.[97] Через четыре года, в 1813 году Фридрих Грефе, немецкий профессор, преподававший греческую литературу в Главном Педагогическом институте и в Духовной Академии в Санкт–Петербурге, выпустил книгу «Des Nonnos Hymnos und Nikaia», которая включала в себя греческий текст части «Деяний Диониса» — эпиллия о Н***и***кайе, комментарий и стихотворный перевод на немецкий. Затем Грефе выпустил и первое полное новое издание (точнее, переиздание) поэмы;[98] первый том его был посвящен императору Александру Первому.[99] Он не использовал для издания ни одной рукописи, но собрал исправления и дополнения всех занимавшихся Нонном филологов. В 1856 году «Деянья Диониса» были изданы с французским переводом графа Марселлюса в издательстве Дидота.[100] Тейбнеровское издание было выпущено Германом Кёхли, известным специалистом по

позднему эпосу, издававшем также Квинта Смирнского, через год после Дидота.[101]

Эпохой в изучении текста «Деяний Диониса» стало издание Артура Людвиха 1909—1911 годов.[102] В Loeb Classical Library «Деянья Диониса» издали У. Г. Д. Роуз и Л. Р. Линд.[103] Большой труд для издания Нонна предпринял Рудольф Кайделль.[104]

В настоящее время под руководством Ф. Виана коллективом французских ученых (в их числе П. Шювен, Ж. Жербо и американец Нейл Хопкинсон) осуществляется многотомное фундаментальное издание «Деяний Диониса» с французским переводом и подробным аппаратом и комментарием. Первый том, содержавший I–II песни, вышел в 1976 году; порядок выхода отдельных томов, подготовленных разными учеными, не всегда совпадает с порядком содержащихся в них песен. В настоящее время издано около половины поэмы.

* * *

Существуют две основные рукописи парафразы: Codex Laurentianus и Marcianus (L и Ma). Их исследовал Г. Кинкель;[105] А. Шнейдлер в своем издании парафразы добавил Codex Parisinus (Pa), а также привлек еще несколько рукописей: Vaticanus (V), Moscoviensis (M), Palatinus (P). Parisinus, как установил Шнейдлер, относится к XIII или XIV веку и представляет собой копию Palatinus, относящегося к тому же времени. К этим двум близок Moscoviensis, наиболее поздний по времени (XVII век). Обе эти рукописи происходят от еще одной, несохранившейся, обозначаемой Шнейдлером как *B*. Копиями с нее же являются Vaticanus (XIV век) и Marcianus (XIV век) рукописи. Vaticanus не имеет никаких указаний на автора, а Marcianus в заголовке приписывает парафразу философу и ритору по имени Аммоний, а далее в рукописи есть приписка: «Одни считают, что парафразу написал Аммоний, философ из Александрии, другие, что Нонн, поэт из Панополя». Возможно, что в *B* указание на автора отсутствовало.

Некоторые из этих рукописей были привезены в Италию в эпоху возрождения из Греции, и до появления парафразы в печати Анджело Полициано (1454—1494) сообщает о своем знакомстве с произведением Нонна и выражает свое восхищение им.

* * *

На протяжении веков парафраза Евангелия привлекала значительно больше внимания, чем «Деянья Диониса», и издавалась несколько десятков раз. За более чем двести лет, прошедшие между изданиями Кунея и Грефе и охватившие XVII и XVIII века, «Деянья Диониса» не были изданы ни разу, парафраза же — десятки раз. В отличие от романтической и постромантической (т. е. современной) эпохи, в эпоху классицизма (как и в Византии) Нонн воспринимался не как автор «Деяний Диониса», написавший еще и маленькую, скучную и далекую от подлинного творчества парафразу, но как поэт, переложивший Евангелие, хоть и написавший при этом еще и ненужную, забытую, громадную и безобразную (как полагали) языческую поэму.

Editio princeps парафразы принадлежит Альду Мануцию; он издал парафразу в 1504 году в Венеции, опираясь на кодекс P. Издание было подготовлено к печати еще в 1501, не имеет предисловия и вышло в небольшом количестве экземпляров; некоторые исследователи вообще сомневались в его существовании.[106]

О втором издании парафразы имеются лишь библиографические сведения:[107] это editio Romana, изданное в 1526 году «попечением Деметрия, герцога Критского». О его существовании свидетельствует упоминание в каталоге Королевской библиотеки в Париже. Возможно, это просто переиздание альдины в Риме с добавлением некоторых произведений Иоанна Златоуста.[108] Следующее издание принадлежит Филиппу Меланхтону: Tralatio sancti evangelii secundum Joannem, Hagenoae per Joannem Secerium 1527. В 1528 году появляется первый, совершенно неудовлетворительный латинский прозаический перевод: Nonni poetae Panopolitae in evangelium S. Joannis paraphrasis Graeca a Hegendorphino Latine facta. Этот перевод неоднократно переиздавался.[109] Меланхтон был весьма высокого мнения о произведении Нонна, о чем он пишет в предисловии. В издании Мартина Ювениса[110] по сравнению с предыдущими изданиями текст был значительно улучшен. Издание Иоанна Бордата[111] любопытно произвольными изменениями, внесенными в 80 строк парафразы. В подлинности этих строк уже давно возникали сомнения, тем не менее, они вошли во многие последующие издания, включая Пассова, Марселлюса и Миня. Только Шнейдлер окончательно отверг их в своем издании. Почти одновременно с этим изданием вышел в свет новый латинский перевод парафразы, сделанный медиком Герхардом Геденекцием.[112] Франц Нансий[113] первым ввел нумерацию стихов парафразы; текст в его издании сопровождается латинским переводом, а также текстом самого Евангелия. В 1596 году появляется первый стихотворный перевод парафразы на

латинский.[114] В то же время появляется издание Сильбурга, наиболее, по мнению Куна, интересное из старых изданий.[115] Сильбург первым после Альда пользовался рукописью парафразы (тем же Палатинским кодексом), сравнив ее сизданиями Геденекция и Бордата, добавил несколько конъектур и index verborum, отметив в своем предисловии неуместность изменений Бордата. Новая редакция текста парафразы принадлежит Даниилу Гейнсию.[116] В течение следующих ста лет парафраза переиздавалась еще около 30 раз.

В XIX веке парафразу издал Фр. Пассов в Бреслау в 1828 году; издание Бордата переиздал Маниарий (Triest, 1856); издание Гейнсия — Минь (Paris, 1858), и, наконец, появилось издание графа Марселлюса, более известного как дипломата (Paris, 1861). В 1838 году появляется первый стихотворный перевод парафразы на немецкий.[117]

Издание, имеющее серьезный критический аппарат, было осуществлено в 1881 году Шнейдлером в Лейпциге; оно остается до сих пор лучшим изданием парафразы. Шнейдлер опубликовал также несколько работ, посвященных особенностям нонновской метрики и его восприятию текста Евангелия. В своем предисловии к изданию он подробно рассматривает все рукописи парафразы и предыдущие ее издания. В издание включен index verborum. Это издание парафразы остается последним; зато за время, протекшее с его появления, «Деянья Диониса», издание которых обычно требует от филолога большой (или даже большей) части его жизни, издаются уже четвертый раз. Таким образом вкус эпохи окончательно поменял местами «любимую» и «нелюбимую» поэмы Нонна.

Нонн в XVI–XIX веках: слава и забвение

В отличие от оценки филологов XVIII–XIX веков, привыкших обвинять Нонна и его современников в искусственности и упадке, в эпоху Возрождения и барокко мнение его первых западных читателей и исследователей было восторженным. Анджело Полициано (1454—1494) еще прежде первого издания называет его «mirificum poetam»;[118] эти слова Полициано положили начало популярности Нонна в образованных кругах последующего века и еще ободряли его поклонников тогда, когда общее мнение уже подвергло его опале *н посвятил «Дионисиака» эпиграмму*.[119]

Филипп Меланхтон в «Посвятительном послании Фридриху, аббату св. Эгидия в Нюрнберге», предваряющем его издание парафразы, пишет: *«Эта ученейшая поэма Нонна может служить вместо обширного комментария; я не усомнюсь заявить, что она много раз помогла мне <при чтении Евангелия> и я надеюсь, что многие, прочитав ее, признаются, что и для них это стало возможным. Ведь хотя <Нонн> так тщательно соблюдает правила <жанра> парафразы, что едва ли им добавлено к словам евангелиста хоть что–то от себя, однако многие выражения прояснены им удивительно удачно»*.[120] Вообще Меланхтон видит в парафразе книгу из чистого золота.[121]

Юлий Скалигер ставил Нонна выше, чем Гомера.[122] Муре восхищается «Деяньями Диониса» и называет Нонна «поэт ученый и величавый».[123] Геденекций излагает свое мнение в «epistola nuncupatoria», предваряющей его издание парафразы 1571 года: *«Бесспорно, что он пользуется наилучшим образом отобранными, по большей части гомеровскими, словами греческого языка; эпитеты же его разнообразны и изобильны, и при этом столь удачно применены, что в этом он, по признанию ученых мужей, не уступит наилучшим мастерам….Несомненно, что эта его поэма написана благочестиво и умело: ведь нигде он не вставил ничего своего и не отошел в сторону от евангельского рассказа, но гладко и просто изъяснил сам ход повествования»*.[124]

Мнение Фалькенбурга уже приводилось в начале. Себастьян Крамуази, директор королевского издательства Лувра, был расточительней и вычурней всех в похвалах панополитанцу: *«Нонн один заключает в себе достоинства многих: если ты спросишь о важности его предмета, то он говорит о божественности Христа; если о правдивости — он пересказывает евангелиста, притом того самого, который упокоился в лоне Вечной Премудрости; если будешь искать обдуманности, то ничего не найдешь*

тщательнее; если изобилия слов — ничего богаче; если слаженности — ничего согласнее; если рассмотришь сам ход речи и нить повествования — ничего не найдешь возвышеннее, великолепнее, величественнее; поэтому ты не будешь искать в нем ни величия Гомера, ни возвышенности Пиндара, ни важности Софокла, ни разумения Еврипида, ни гладкости Каллимаха, ни согласности Мусея, ни соразмерности Никандра, ни легкости Гесиода, ни прозрачности Феогнида, ни нежности Анакреонта, ни шуток Аристофана, ни доброжелательности Менандра — настолько во всем Нонн единственный из всех поэтов, законченный и совершенный мерою самой поэзии».[125] Нонн предстает взору Крамуази неким идеалом поэта, достигшего вершин как светского мастерства, так и вдохновенности Святым Духом: единение орла горней мудрости и лебедя сладчайших песен изображает «эмблема» на титульном листе издания. Нонн соединил строгость истины и волшебство поэзии: если бы божественный Платон был просвещен светом Христовым и знал бы творца парафразы, он, полагает Крамуази, не изгнал бы поэтов из своего Государства. К великим деяниям поэта Крамуази хочет добавить и подвиг проповедника: отождествляя Нонна со св. Ионном Эдесским, Крамуази приписывает ему обращение в христианство 30 тысяч сарацин.

*** * ***

Однако уже в конце XVI века зарождается и противоположная оценка Нонна, возвещающая упадок барокко и грядущий классицизм. Например, иезуит А. Поссевин в своей речи о парафразе, обращенной к теологам, пишет: *«Иногда Нонн, как кажется, будучи стеснен правилами стиха, скорее затемнил, чем прояснил текст Иоанна»*.[126]

Критиковал Нонна и сам Иосиф Скалигер (1540—1609): *«Поэты позднейшего времени, восторженно предаваясь этому изобилию, не достигали ничего, кроме пустого шелеста высокопарных слов. Из тех, кто был особенно рьян и нагл в этом, первым, конечно, будет пресловутый Нонн Панополитанский, преизбыток слов у которого в «Деяньях Диониса» извинил бы предмет, если бы в парафразе Евангелия он не исповедовал бы, если можно так выразиться, еще большую невоздержность. Я привык читать его так, как обычно мы смотрим на представления шутов, которые ничем не услаждают нас более, как своей смехотворностью»*.[127] В одном из писем к Гейнсию Скалигер судит Нонна значительно милосерднее: *«Если бы ты был здесь, я показал бы пороки и акарологию (несдержанность в словах. — А. З.) этого писателя, [показал бы,] насколько*

его следует читать и насколько любить; однако громадный том не выдержит еще и критических заметок; все–таки бесчисленные места у него доставляли мне наслаждение, и, хоть и не стоит ему подражать, читать его все же стоит».[128]

Издание Нонна, осуществленное Петром Кунеем (1586—1638), Скалигером и Даниилом Гейнсием, отразило роковой поворот в его восприятии. В своем предисловии Куней так определял поставленную цель: *«Поскольку уже давно люди, первые по дарованию и образованию, Ангел Полициан, Марк Антоний Мурет и почти все остальные судили о нем не иначе, как о наилучшем и превосходнейшем писателе, то нужно было показать, что, напротив, его знание вещей отнюдь не велико и что, пускай прочее у него и в избытке, однако умения говорить ему не доставало, равно как и искушенности в подражании*».[129] Граф Марселлюс в связи с этим отзывом называл Кунея «Зоилом Нонна».[130]

Даниил Гейнсий (1580—1655), будучи вначале горячим почитателем Нонна, быстро изменил свое мнение; под влиянием Скалигера восхищение сменилось презрением. В 1627 году вышел в свет его «Aristarchus sacer», сопровождаемый «exercitationes ad Nonni in Joannem metaphrasin». Цель этого издания Гейнсий формулирует так: *«Если где–либо против верности или правильности речи, или в описаниях времен и мест, или по незнанию греческого или еврейского языков, или философии, погрешил автор, то каждую его ошибку мы без излишней придирчивости, но вместе с тем добросовестно проверили правилами тех, кто писал об этом; если он истолковал что–либо противно издавна утвержденным древними канонам христианской веры, если что–либо по собственному разумению он, человек, как кажется, едва отвернувшийся от язычества и ступивший на дорогу Господа…, ставший наконец оглашенным, или изменил, или добавил, то [эти места] мы ясно отметили*».[131]

Во Франции одновременно с Гейнсием, в 1627 или 1628 году Ж. Б. Бальзак (1594 — 1654), один из выдающихся ораторов своего времени, помощник Ришелье, весьма экспансивно характеризовал Нонна: *«Этот Нонн был египтянин, и стиль его дик и чудовищен. Это был живописец химер и гиппокентавров. Его мысли — причем я говорю о самых упорядоченных и самых трезвых — выходят далеко за пределы заурядной экстравагантности. В некоторых местах его можно принять скорее за одержимого демонами, чем за поэта; он кажется не столько вдохновленным Музами, сколько гонимым Фуриями*».[132] Замечательный отзыв Бальзака звучит почти комплиментом для современного читателя; но для классициста он был приговором.

Этим приговором можно было бы и закончить историю взлета и падения нонновской поэзии в XVI–XVII веках; хотя Каспар Урсин в 1667 году в Гамбурге опубликовал работу под названием «Нонн снова в живых», [133] направленную против «Aristarchus sacer» Гейнсия, она не смогла изменить сложившееся о Нонне мнение: Рене Рапен (1621—1687) в своих «Reflexions sur la poétique»[134] нашел многочисленные недостатки в нонновской технике стихосложения и назвал стиль Нонна темным и запутанным; Вавассор (1605—1681) считал язык Нонна напыщенным, не в меру натуралистичным, чересчур страстным и не имеющим границ;[135] Олав Боррих (1626—1690) ценит в поэмах Нонна его усердие и тщательность, которые, как он считает, заслуживают должного уважения, в остальном же соглашается[136] с Фоссием (1577—1649) в том, что у Нонна «*речь часто дифирамбична*»,[137]что для «Деяний Диониса» может быть извинительным, но совершенно не соответствует содержанию парафразы. [138]

*** * ***

Нонн, автор парафразы — не только поэт, но и богослов; когда он был славен как поэт, он высоко ценился и как богослов. Теологи XVI–XVIII веков видели в парафразе истинную ортодоксальность и не находили в ней никаких указаний на какую–либо из распространенных во время Нонна время ересей. Один из известнейших католических экзегетов того времени Мальдональдо (1534—1583)[139] использовал текст парафразы в своем комментарии к четвероевангелию.[140] Известный библеист Сикст Сиенский (1520—1569) писал в своей Bibliotheca sancta:[141] *«Нонн Панополитанский, среди греческих христианских поэтов первейший,… составил гекзаметрическими стихами переложение Евангелии от Иоанна, которое, напечатанное Альдом, мы читаем»*.[142] Современником и соотечественником Гейнсия был Корнелий «от Камня» (1567—1637), который, подобно Мальдональдо, использовал парафразу с целью прояснения евангельского текста; перечисляя греческих толкователей Евангелия от Иоанна, он последним упоминает Нонна и замечает: *«Хотя толкование Нонна — это, собственно говоря, всего лишь парафраза, однако во многих местах при помощи эпитетов он указывает смысл Евангелия и проясняет его»*.[143]

Уже упоминавшийся Себастьян Крамуази особенно высоко ставит Нонна как теолога: каждый эпитет первых стихов парафразы направлен,

согласно Крамуази, против одной из ересей: ἄχρονος (невременный) — против арианства, ἀκίχητος (невозмущаемый) — против евномианства, ἀμήτωρ (не имеющий матери) — против валентинианства; таким образом Крамуази приравнивает структуру нонновских стихов к структуре важнейших догматов церкви, в центральных определениях которых каждое слово (часто это такие же отрицающие эпитеты) отсекает одну из ересей.

Упадок репутации Нонна как поэта сразу компротирует его и как богослова: Гейнсий упрекает Нонна в ересях арианства и полупелагианства: [144] ведь Нонн называет Святого Духа ἀγνόν πνεῦμα.[145] или πνεῦμα вместо ἅγιον πνεῦμα и не употребляет слово ὁμοούσιος. «Aristarchus sacer» привлек к себе внимание филологов и теологов того времени: Салмазий[146] возмущался необоснованно возводимой на Нонна клеветой.

В начале XIX века, как отмечалось выше, вновь пробуждается интерес филологов к «Деяньям Диониса»; они снова начинают издаваться. Еще в 1753 году швейцарский поэт И. Бодмер переводит на немецкий эпизод похищения Европы.[147] Толчок для новых исследований Нонна с филологической точки зрения дали француз д'Анс де Виллуасон своим письмом «Epistola de quibusdam Nonni Dionysiacorum locis ope notarum emendatis»[148] и англичанин Г. Вейкфилд, исправивший чтение многих мест «Деяний Диониса» в своей «Silva critica».[149] В Германии наблюдения над нонновской метрикой издал Г. Германн, открыватель «моста Германна», в своей «Dissertatio de aetate scriptoris Argonauticorum»[150]. Н. Шоу пересказал содержание «Деяний Диониса» в «Commentarium de indole carminis Nonni eiusdemque argumento».[151] Дж. А. Вайхерт старался уничтожить предубеждение, сложившееся о Нонне, с помощью исследования эпического искусства панополитанского поэта в своей книге «De Nonno Panopolitano». [152] Известный мифолог Фр. Крейцер, написавший предисловие к изданию Х. Мозера, исследовал мифологическое содержание «Деяний Диониса».

Петербургский ученый граф Сергей Уваров в своем докладе защищал поэтический талант Нонна, называл его солнцем греческой поэзии, которое вместе с Гомером и по прошествии двух тысячелетий все так же сияет на поэтическом небосклоне, хотя его лучи — лучи заката:

δυόμενος γὰρ ζομως ζηλιός ίστιν ἔτι.[153]

Во второй половине девятнадцатого века исследования Нонна становятся более частыми;[154] но уже почти все они посвящены «Деяньям Диониса», а не парафразе.

Нонн в XX веке: общий замысел и композиция поэмы

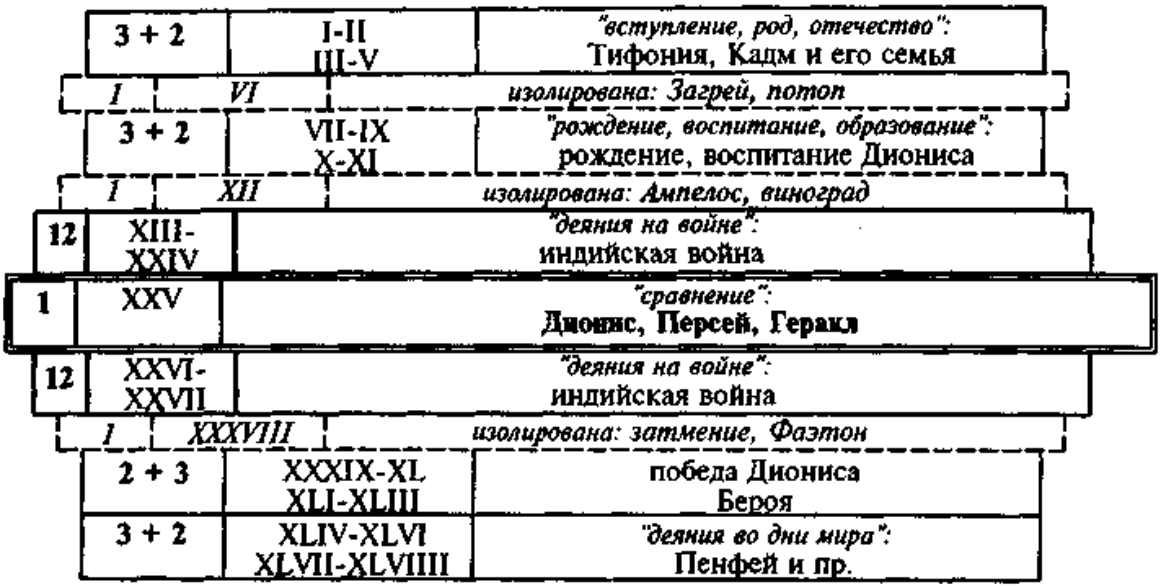
«Маятник» читательских и исследовательских вкусов, раскачивающийся от одной поэмы к другой, привел в XX веке к почти полному забвению парафразы: едва ли не последнее посвященное ей исследование — работа Андреаса Куна 1906 года,[155] связывающая парафразу со взглядами и деятельностью Аполлинария Лаодикейского, одного из основателей александрийского монофизитства. Зато литература, посвященная «Деяньям Диониса», растет с каждым десятилетием.

* * *

Увлечение поисками геометрической композиции у Гомера в первой половине XX века отразилось и в изучении Нонна. Виктор Штегеманн,[156] первым пытавшийся найти симметрическую композицию в поэме Нонна, связал ее с подробно исследованными астрологическими воззрениями поэта. Штегеманн исходит из двух основных предпосылок: во–первых, находясь под влиянием риторики, Нонн при написании поэмы руководствовался правилами составления панегирика, изложенными в трактате «Об эпидейктических речах» Менандра Лаодикейского (III–IV вв. от Р. Х.); во–вторых, композиция поэмы построена на символике астрологических чисел. Число песен поэмы — это двенадцать знаков Зодиака, помноженные на четыре сезона года; для Нонна также очень большую роль играет число 5, разложенное на составляющие: 2+3 и 3+2. Это число связано с культом Айона, не раз упоминающегося в «Деяньях Диониса».

Схема Штегеманна исходит из плана панегирика: Менандр советовал строить его по следующей схеме: *вступление*, *род*, *отчество*, *рождение*, *воспитание*, *образование*, *деяния на войне*, *деяния во дни мира*, *сравнение*.[157] Все эти элементы обнаруживаются в «Деяньях Диониса» в надлежащем порядке: только сравнение — «синкрисис», самый важный, итоговый элемент, перенесено в центр и сделано осью зеркальной композиции. «Деянья Диониса» — это панегирик во славу царя–героя, затрагивающий те же темы, что и риторическая похвала. Последние песни поэмы, заканчивающиеся восхождением Диониса на небо, написаны, по мнению Штегеманна, под влиянием восточных идей о правителе, боге и спасителе.

Во многом эти выводы Штегеманна остаются неоспоримыми и теперь. Схематически композиция поэмы у Штегеманна выглядит следующим образом:



Пьер Коллар[158] оспаривал Штегеманна: он никак не классифицирует эпизоды Никайи и Халкомеды, не объясняет разделение *ycvos* на две части (I, 46–IV, 226; V, 88–562); число песен поэмы, естественно, объясняется тем, что Нонн соперничает с Гомером, что подтверждается и тем, что поэма имеет два вступления: I, 1–33 и XXV, 1–17. Главной движущей силой поэмы является, по мнению Коллара, гнев Геры (что также указывает на соперничество Нонна с Гомером); все, что происходит с Дионисом, а до его рождения — с Семелой и Загреем, объясняется ее вмешательством:

в VI песни — гибель Загрея,

в VIII — смерть Семелы;

в IX и X безумие дочерей Ламоса и Ино;

в XI Ата провоцирует смерть Ампелоса из–за быка;

в XX из–за посланницы Геры Ириды, побудившей Диониса не надевать доспехов, Дионис бежит от Ликурга;

в XXIX и XXX Гера подстрекает Дериадея;

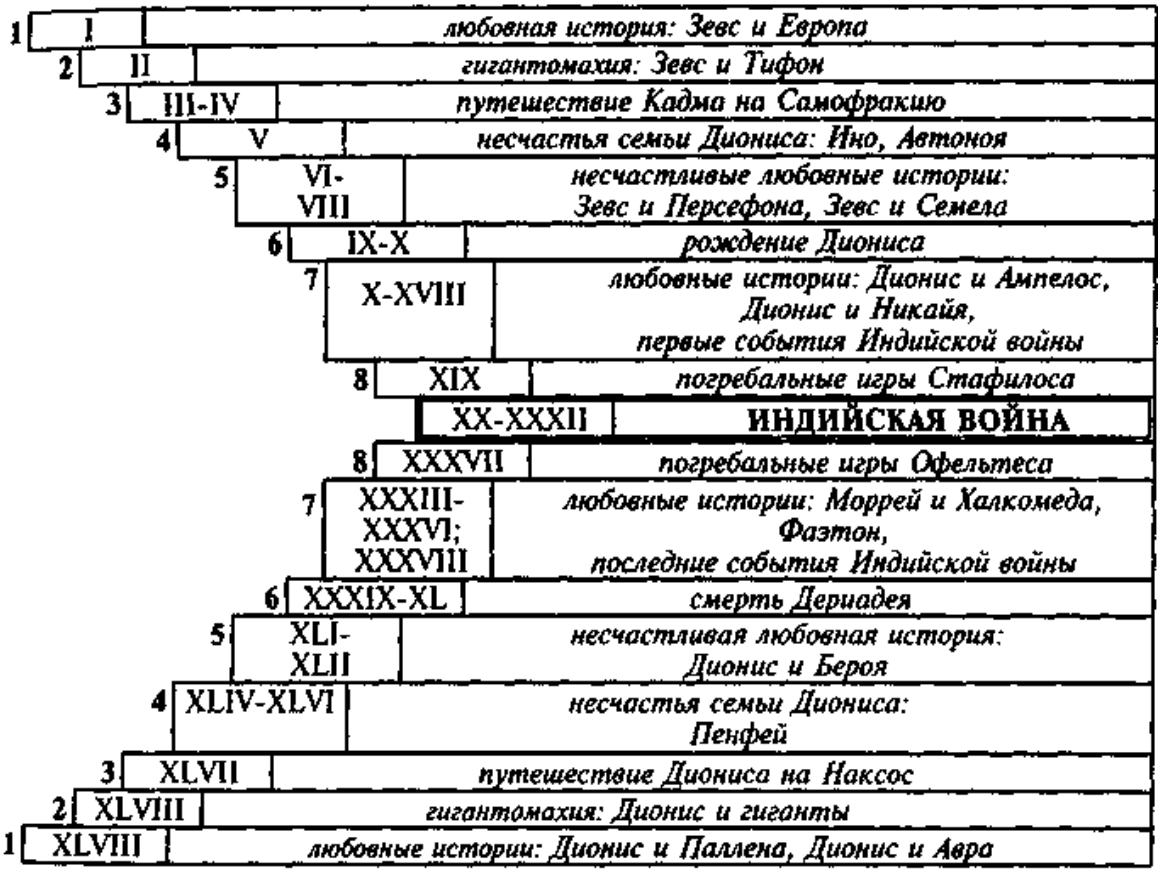
в XXXI и XXXII она, усыпив Зевса, лишает Диониса отцовской защиты;

*в X*XXV Зевс наказывает ее -- она должна вскормить Диониса грудью и открыть ему Олимп;

в XXXVI Гера сама принимает участие в бою, сражаясь с Артемидой;

в XLVII и XLVIII побуждает фракийских гигантов и аргоссцев выступить против Диониса.

Коллар приводит свою схему композиции поэмы, исходя из принципа зеркального отражения вокруг оси — индийской войны — жанровых и тематических элементов (любовных историй, борьбы с чудовищами, путешествий и пр.):



Таким образом, вторая часть поэмы является зеркальным отражением первой части.

Обе приведенные выше схемы геометрической композиции представляются несколько искусственными; вряд ли они являются отражениями действительного замысла автора поэмы. Странно было бы предполагать, что в описании самой Индийской войны Нонн отказался от принципов композиции остальной части поэмы. Рудольф Кайделль[159] считал, что Нонн оставил свою поэму незавершенной и издавал ее кто–то другой, поэтому в ней нет никакого плана.

Дженнаро д'Ипполито[160] предлагал объединять песни в октады, выделяя в текучем развитии поэмы некие значительные рубежи через каждые восемь песен:[161]

1. I–VIII: до рождения Диониса.

2. IX–XVI: до первой победы над индийцами (примыкает история Никайи).

3. XVII–XXIV: до победы на Гидаспе.
4. XXV–XXXII: до усыпления Зевса Герой.
5. XXXIII–XL: до триумфа Диониса.
6. XLI–XLVIII: до апофеоза Диониса.

Движение же поэмы между этими вехами разнообразится множеством вставных эпиллиев, скульптурная вылепленность которых компенсирует нестройность и несвязанность их расположения; такие композиционные принципы вместе с особенностями нонновского стиля заставляют д'Ипполито назвать «Деянья Диониса» «поэмой барокко».

Ипполито выделяет несколько видов эпиллиев внутри «Деяний Диониса»: эпиллии о девушках, скрывающихся от преследующего их влюбленного *(παρθένοι φυγόαεμνοι* — Никайя, Авра, Халкомеда, в некотором смысле Бероя; антитезой является брошенная Ариадна); о юношах, которых любит божество (pueri dilecti superis — Ампелоса, Гименей, ср. историю Каламоса и Карпоса); эпиллии о гостеприимцах Диониса (Бронг, Икарий) или наказания нечестивых (ἀσεβεις — Пенфей, Актеон). Особое место занимают рассказ о Кадме, отдельные повести о гневе Геры (Загрей, Семела, Ино и Афамант) и эпиллий о Фаэтоне (последний удобно было бы объединить с эпиллием о Загрее и Тифонией в рубрику «эпиллии о мировой катастрофе»). О том, что Нонн любит повторять свои темы, что, возможно, ни один мотив и образ поэмы не остается без повторения («отражения»), еще пойдет речь ниже.

Барбара Абель–Вильманнс старалась вывести вопрос о композиции «Деяний Диониса» на новый методологический уровень. Статическая композиция — ложное и ненужное понятие; поэму организует не мертвый «план», а метод повествования, *Erzählaufbau*. Метод Нонна она называет «аналитически–генетическим», соответствующим критерию «пойкилии».

Крупнейший из современных специалистов по Нонну, Франсуа Виан в своем предисловии к фундаментальному изданию «Деяний Диониса»[162] предостерегает как от поиска в композиции поэмы последовательных числовых закономерностей, так и от представления о ней, как о нагромождении плохо связанных элементов или некого текучего повествования, не имеющего общего плана.

Основополагающий принцип «пойкилии» не позволяет ожидать первого: «поэма вызывает в воображении образ гирлянды пестрых цветов, стебли которых сплетаются сложными узорами».[163] Виан напоминает в этой связи нонновские выражения *«сплетать песнь»* или, даже *«смешивать песнь»* (μελός πλέκειν, *κεράσαι*), Нонн специально заставляет не совпадать границы сюжетных эпизодов и границы песен, таким образом часто уничтожая саму возможность арифметических выкладок. Эти

композиционные enjambements являются, по мнению Виана, сознательным эстетическим приемом, сходным с пиндаровскими асимметрическими переносами фразы из строфы в строфу; о «гимнической» традиции Пиндара у Нонна будет говориться ниже.

С другой стороны, поэма далека от хаотичности. Два основных принципа накладываются друг на друга в ее строении: «восходящий», т. е. рисующий «восхождение» Диониса на небо, реализацию плана Зевса, и «кольцевой». Композиционной осью поэмы является, согласно Виану, XXV песнь, начинающаяся со второго обращения к Музам, расположенная в «мертвом» эпическом времени (на месте первых семи лет войны, которые поэт отказывается описывать) и посвященная «синкрисису» Диониса с другими великими сыновьями Зевса, элементу схемы Менандра Лаодикейского, специально перенесенному Нонном из конца в середину, а также символическому описанию щита Диониса. Вокруг этой оси некоторые элементы на самом деле отражают друг друга, хоть и не с такой формальной четкостью, как это представлялось Коллару и Штегеманну. «Прото–Дионис», Загрей, отражается в «пост–Дионисе», Иакхе; соответствуют друг другу две счастливые влюбленности Диониса, т. е. сюжеты о Н*и*кайе и Авре, которые обе были фригиянками и охотницами, обе были покорены Дионисом сходными способами и обе родили ему детей, причем Телета, дочь Никайи, воспитывала Иакха, сына Авры; отражаются и две «несчастливые» влюбленности, в Ампелоса и в Берою, обе, однако, имевшие великие последствия: открытие винограда и основание прославляемого Нонном Берита. Дважды вакханки спасают войско во время отсутствия Диониса — Амвросия во время его бегства от Ликурга и Халкомеда во время его безумия, дважды Дионис вступает в поединок с вождем–индийцем и поражает его тирсом, в первой половине поэмы Оронта, во второй Дериадея (причем последний поединок и сам дублируется). Юношей–возлюбленным Диониса, подвергающимся опасности, в первой части является Ампелос, во второй — Гименей. Как отмечал Коллар, поэма начинается и кончается «гигантомахией».

Симметрическое отражение возможно не только на уровне сюжета, но и на уровне образных мотивов; так мотивы обожествления Диониса из пророчества Зевса в VII песне, открывающего его судьбу, повторяются в XLVIII, где эта судьба реализуется.[164]

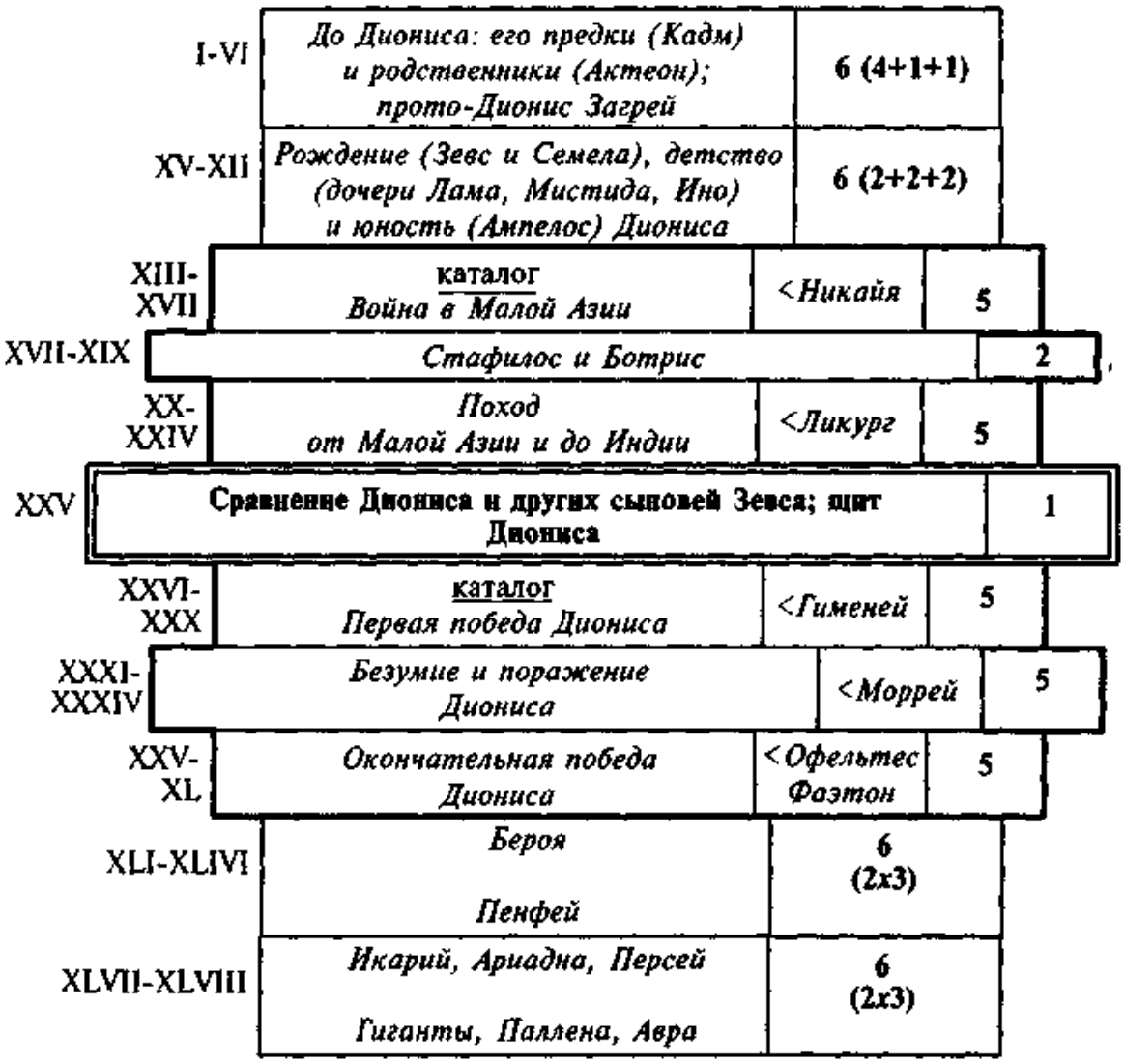
Поэма открывается двумя «гексадами» песен: первые шесть описывают историю семьи Диониса (Кадм, Гармония, Актеон, сюда же относится песнь оЗагрее), вторые (VII–XII) его рождение, воспитание и юность до индийской войны. Завершается поэма также двумя «гексадами», но первый раз это шесть песен, а второй шесть эпизодов; сначала двум эпизодам посвящено по

три песни (Бероя — XLI–XLIII, Пенфей — XLIV–XLVI), а потом каждая из двух песен описывает по три эпизода (XLVII — Икарий, Ариадна, Персей, XLVIII — гигантомахия, Паллена, Авра).

В основной части поэмы, «Индиаде», песни группируются «пентадами», причем каждая из них, ради «пойкилии», разнообразится по меньшей мере одним большим вставным эпиллием, чаще всего любовным. Первую половину «Индиады» (т. е. до «оси» поэмы, XXV песни) составляют две пентады, разделенные двумя «мирными» песнями о Стафилосе и Ботрисе (XVIII–XIX, «отражающими» две песни о другом «виноградном герое», Ампелосе — XI–XII); первая из этих «военных» пентад (XIII–XVII) открывается каталогом войск Диониса и рассказывает о битвах в Малой Азии; в них вставлен эпиллий о Н***и***кайе. Вторая «пентада» (XX–XXIV) рассказывает о походе от Малой Азии до Индии; в ней находится эпиллий о Ликурге. Место прибытия Диониса в Индии и битва при Гидаспе в «дионисическом кикле» структурно совпадает с битвой при высадке с кораблей в «эпическом кикле», которой, возможно, заканчивались «Киприи».

После осевой XXV песни, занимающей место «пустых» семи лет, следует каталог войск Дериадея, открывающий вторую половину «Индиады» (как каталог союзников Диониса первую). Первая пятерка песен (XXV–XXX) рассказывает о трех днях битвы, приводящих к победе Диониса; здесь мы находим любовный эпиллий о Гименее. Вторая (XXXI–XXXV) описывает безумие Диониса и поражение его войск. Здесь находится любовный эпиллий о Моррее. Последняя пентада (XXXVI–XL) описывает двойной поединок с Дериадеем и окончательную победу Диониса; целую песню в ней занимают погребальные игры Офельтеса и эпиллий о Фаэтоне.

Ф. Виан весьма тактичен и осторожен в своих выводах, упрощенных и заостренных в нашем изложении. Он не пользуется терминами «пентада» и «гексада» и тем более не приводит таблиц. Однако на наш взгляд, из его слов вырисовывается следующий четкий план, выгодно отличающийся от предшествующих схем здравым смыслом, остроумием и оказывающая неоценимую помощь тому, кто хочет окинуть одним взглядом громадную и запутанную поэму. Кроме того, план Виана удачно синтезирует обнаруженные исследователями различные композиционные принципы поэмы: уравновешенную зеркальную симметрию, восходящее движение от одной победы Диониса к другой, пестроту вставных эпиллиев и переплетенность повествования отголосками и «отражениями» эпизода в эпизоде.



Почти через двадцать лет Ф. Виан вернулся к вопросу о композиции «Деяний Диониса»[165] и высказал, отталкиваясь от него, чрезвычайно важные соображения о фундаментальных характеристиках поэмы и ее героя. Композиция проясняет Виану движущие силы поэмы, она — отпечаток их действия; этими движущими силами являются судьба и божество. «Деянья Диониса» – не «биография» Диониса; это описание одного из периодов мифологической истории мира.

«Героические теогамии» Писандра из Ларанды были, вероятно, описанием всей мифологической эпохи, и перечень двенадцати теогамии Зевса, рубежей мифологических «эпох», Нонн заимствовал у него и вложил в описание картин Фанета, предсказывающих ход космического развития. [166] Хоть Дионис и является главным действующим лицом эпохи от теогамии Семелы (которую подготавливала и теогамия Европы, с которой начинается поэма) до теогамии Антиопы,[167] но не он вершит ее судьбы.

Замысел Зевса, заявленный в тринадцатой книге и согласующийся с предопределением судеб — даровать миру через Диониса вино и таинства -- встречает отпор в лице Геры (таким образом, Виан возвращается к старой мысли Коллара о том, что козни Геры являются главной движущей силой поэмы). Дионис, как он сам заявляет в осевой XXV песне,[168] мог бы разрушить город индийцев в одно утро; но власть над ходом истории принадлежит Зевсу и Гере. В силу этого отпадают предъявляемые исследователями Нонну упреки в пассивности Диониса, а также в отсутствии изображения психологических мотивов его поступков: «Деянья Диониса» — не восславление Диониса и не портрет его, но «история» того мифологического периода, в котором вокруг его фигуры сплетались вершимые роком и небожителями судьбы мира. Его дело — исполнить волю Зевса и предначертание рока и взойти на небо, и это требует от него все возрастающей активности в ходе индийской войны, подробно разобранном Вианом. Сначала Дионис практически уклоняется от военных действий, затем начинает выступать как полководец, и только в самом конце принимает личное участие в бою. Из противоречия миссий бога–миротворца и бога–воина вытекает, согласно французскому исследователю, внутренняя насыщенность и динамика характера Диониса.

Жанровый синтез Нонна: эпос как парафраза

Современная Нонну риторика дала «Деяньям Диониса» не только композиционную схему энкомия, но и другие элементы, исследованные Альбертом Вифштрандом,[169] автором классического исследования нонновской метрики.

У Гомера, а также у его последователей Аполлония Родосского и Квинта Смирнского речи всегда обращены к какому–либо конкретному лицу, и на них дается ответ. У Нонна речи занимают около одной четверти всей поэмы, но выполняют совершенно другую функцию: у них чаще всего нет адресата, а в тех случаях, где он есть, ответной речи не ожидается, иногда просто дается краткое согласие. В первых двенадцати песнях поэмы лишь один раз Электра отвечает Кадму на пиру (III, 248 — 319; 326 — 371). В содержании речей преобладает риторика, играющая многочисленными сравнениями, хиазмами и повторами, причем в плане содержания речь не вносит ничего нового; поэма осталась бы не менее связной (или бессвязной), если большинство речей исключить. Вифштранд считает, что новый стиль Нонн заимствовал из прозы, и приводит несколько соответствий между «Деяньями Диониса» и романом Ахилла Татия «Левкиппа и Клитофонт».[170] Этот тип речей Вифштранд сближает с риторической «этопойией», определения которой даются у Либания, Гермогена, Николая из Миры. Определение Николая одинаково подходит к Нонну и Ахиллу Татию: *«Этопея – воспроизведение нрава говорящего лица»*·.[171]В самом деле, нонновские речи почти всегда похожи на риторические упражнения вроде «что сказал бы Менелай, узнав о бегстве Елены».

Но цель нонновских речей, всегда описывающих действие поэмы, а не меняющих его, другая — поставить еще одно «зеркало» в цепочке пестрых отражений. Весьма часто сам говорящий появляется в поэме только для этого, чтобы произнести речь, изобилующую мифологическими сравнениями, и исчезнуть. Сплошь и рядом он даже не имеет собственного имени, как, например, моряк, смотрящий на увозимую быком Европу, матрос на корабле, на котором плывут Кадм и Гармония, безымянные нимфы и вакханки. Наслаивающиеся друг на друга мифологические «отображения» — основное содержание нонновских речей[172] (даже если герой говорит о себе самом, как Актеон в своем предсмертном монологе или влюбленный Моррей, он сравнивает себя с другими мифологическими персонажами), причем никогда не встает вопрос, мог ли говорящий по

хронологическим и географическим соображениям знать о том, о чем он говорит. Действительно лишь символическое соответствие мифов, «образов» и «прообразов», а не пространственно–временные условности. Так, Моряк, увидевший Европу, плывущую на быке, вспоминает о Тиро и Энипее, в которого превратился Посейдон, а сама Европа опасается, как бы ее не похитил Борей подобно тому, как он похитил Орифию.[173] Актеон, раздираемый собаками, сравнивает самого себя с Тиресием, а Артемиду — с Афиной, которую тот увидел обнаженной. Речная наяда, видя купающуюся Семелу, последовательно сравнивает ее с Афродитой, Музой, Селеной и Афиной.[174]

Возвращаясь к работе Вифштранда, следует назвать изменения, которым подвергается у Нонна описание военных действий. Традиционные гомеровские аристии, наличествующие у Квинта Смирнского, уступают место безличному описанию сражения; многочисленных павших не называют по именам, как у Гомера; текст изобилует словами «один», «другой», «многие» и т. п.[175] Особенно заметны эти черты в XXII и XXIII песнях; в XXVII и XXVIII описание боев ближе к традиционным образцам. По мнению Вифштранда, на Нонна здесь оказал влияние риторический экфрасис Либания; не менее обоснованным будет утверждение о влиянии исторической прозы.

* * *

Неоднократно высказывалось наблюдение, что начало «Деяний Диониса» — похищение Европы совпадает с эстетизирующим началом романа Ахилла Татия «Левкиппа и Клитофонт», описанием картины, на которой изображено то же похищение; само это описание является риторической экфразой, которые были весьма распространены в литературе второй софистики (от Филострата сохранился целый сборник таких экфраз). Вообще о греческом романе заставляет вспомнить многочисленность любовных эпизодов «Деяний Диониса», разработанность лексики любовной страсти, наличие типа описаний божественной красоты героев. Повторяя с большими или меньшими вариациями этот тип, Нонн описывает красоту Кадма (устами Афродиты, превратившейся в Пейсиною, подругу Гармонии), Ампелоса, друга юного Диониса, Гермеса и других.[176] Все эти юноши еще безбороды, их белоснежные плечи блистают, длинные локоны, ниспадающие на них, превосходят красотой гиацинт,[177] руки белее молока, след от ступни подобен розе на лугу, блеск глаз затмевает свет Се лены, шея

подобна утренней звезде, голос слаще меда. Подобные развернутые описания утонченной идеализированной красоты немыслимы в традиционном эпосе и напоминают именно о современных Нонну греческих романах, главные герои которых превосходят прочих людей небывалой и однообразной красотой, или о романическом эпосе Тассо и Руставели.[178]

*** * ***

В нонновский жанровый синтез входит и научная — медицинская, астрологическая, географическая, парадоксографическая литература: многие отступления в «Деяньях Диониса» являются как бы переложениями, «парафразами» научной прозы: «Деянья Диониса» превращаются время от времени в «дидактический» эпос, который в эллинистическое и римское время и был ничем иным, как гекзаметрической «парафразой» научной прозы.[179] Именно у дидактиков Никандра и, особенно, Оппиана, а также из современной ему прозы, а не из героического эпоса Дионисия или Квинта Смирнского, Нонн, как будет продемонстрировано ниже, часто черпает ту свою лексику, которой нет у Гомера.

Наконец, вся парафраза — это тоже не что иное, как переложение стихами евангельской прозы. Эпическая поэзия для Нонна -- творческий метод, который может вобрать в себя и привести к стилистическому единству любые чуждые поэзии в узком смысле слова элементы — риторику, роман, научную литературу, евангельскую проповедь.

Метод «парафразирования», превращающий исходный «прозаический» текст (фиксированный или возникающий в голове поэта) в поэтический (заметим, по длине в несколько раз превышающий оригинал), заключается, говоря огрубленно, во «вставке» эпитетов между словами исходного текста (при помощи эпитетов, как отмечал еще Фалькенбург, Нонн достигает большинства своих поэтических целей). Например, в начале Евангелия от Иоанна сказано: *Ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος,* «в начале было Слово»; Нонн «парафразирует»:

Ἄχρονος ἦν ἀκίχητος ἐν ἀρρήτῳ λόγος ἀρχῇ

(невременное, неколебимое в неизреченном начале было Слово); все слова оригинала сохранены; вставлено три эпитета, и ими внесены в текст идеи неизреченности, сверхвременности и недосягаемости для возмущений божественного абсолюта; тройное отрицание, соединенное аллитерацией (αχρ — α… χ — αρρ -· *αρχ)* со словом *ἀρχῇ,* создает торжественный смысловой и звуковой аккорд, выражающий мистическую апофатичность содержания.

Кроме поэтического парафразирования операция вставки эпитетов здесь одновременно выполняет задачу философского комментария; это и текст, и комментарий к нему, и художественная обработка того и другого.

*** * ***

В «Деяньях Диониса» присутствуют и элементы стихотворных жанровых традиций. Байрон Херриз[180] исследует буколические элементы «Деяний Диониса», находя их в историях пастуха–Кадма, Актеона, Ампелоса, Химноса и Никайи. Пасторальный, буколический элемент предстает в поэме, согласно Херризу, как вытесняемый и поглощаемый дионисийским. Пастушеская сиринга олицетворяет буколику, оргиастические кимвалы и погремушки *(ρόπτρα)* — - дионисийское. Аристей, бог патриархальной простоты, и его напиток, мед, терпит поражение в состязании с Дионисом и вином; его сын Актеон погибает как растерзанная дионисическая жертва и в его плаче о самом себе звучат буколические интонации «Плача по Биону» Мосха. Гибнет и пасторальный герой Ампелос, чтобы превратиться в виноград. Бронг предлагает Дионису пастушескую трапезу — - козье молоко и овечье мясо, играя на сиринге; в ответ Дионис дарит ему вино, подлинное освобождение от забот. Влюбленный в Никайю быкопас Химнос убит ею, и его, как Дафниса у Феокрита, оплакивают звери и нимфы, а Никайя достается Дионису. Пастух должен быть простодушен по определению; но дед Диониса Кадм - — «ложный пастух», буколическая песнь которого -- смертоносное коварство.

Роли александрийского эпиллия в «Деяньях Диониса» посвящена упоминавшаяся книга д'Ипполито. Хуже осмыслена чрезвычайно важная для Нонна связь его поэзии с поэзией гимнов и торжественной хоровой мелики Пиндара и трагиков.

*** * ***

Из многообразия жанровых элементов вытекают многочисленные определения — «риторический эпос», «любовно–авантюрный эпос», «гимнический эпос» грозящие вытеснить традиционное «героический эпос». В самом деле, сущность «Деяний Диониса» не в описании доблестей и подвигов героев; но она и не в любовных приключениях, и не риторических «экфразе» и «этопее». «Деянья Диониса», эта «история эпохи мифологического развития» (по определению Ф. Виана) — эпос

«мифологический», или, точнее «теологический», описывающий природу божества Диониса и ее взаимодействие с миром. Этой природе свойственны, согласно Нонну, протеическая неустойчивая многоликость, рождающая множество отображений и ввергающего того, кому она явлена, в экстатическое блуждание и в состояние уподобления ей. Метод же изображения того мира, которому является божество — «эпическое парафразирование» всевозможных жанровых традиций.

Определение «мифологический» или «теологический эпос» хорошо и тем, что точно подходит и к парафразе Евангелия, жанровая специфика которой практически не осмыслена исследователями.[181] Нужно отметить, во–первых, связь этого жанра с риторическими упражнениями вообще и с такими фокусами поэтической техники в частности, как упоминавшаяся «липограмматическая Илиада» или переложенная элегическим дистихом «Илиада» Пигрета Галикарнасского, который после каждого гомеровского гекзаметра добавил свой [пентаметр, а во–вторых, с дидактическим эпосом, являвшимся в это время ничем иным, как «парафразой» научной прозы.

Нонн в России

В Москве хранится одна из рукописей нонновской парафразы Евангелия. С деятельностью петербургского профессора Фридриха Грефе связано, как отмечалось выше, «возрождение» «Деяний ДиОниса» после двухсотлетнего забвения. Упоминалась и высокая оценка Нонна графом Уваровым.

Однако в целом вплоть до второй половины XX века Нонном почти не интересовались в России. Например, во «Всеобщей истории Литературы» под редакцией В. Ф. Корша (1881 год) Нонн, в отличие от Оппиана, просто не упоминается. Характерно отсутствие внимания к Нонну и в «Дионисе и прадионисийстве» Вячеслава Иванова: Иванов не столько отказывает в доверии позднему и ненадежному источнику (он как раз иногда приводит нонновские цитаты как аргументы для своих построений относительно того, что имело место не менее чем за 1000 лет до Нонна[182]), сколько просто не замечает существования этого, как выражается Пьер Шювен, *«самого большого мифологического текста, который сохранился от античности»*.[183]Не замечает Иванов и того, что творчество Нонна, одинаковым языком и часто при помощи одинаковой образности изложившего истории Диониса и Христа, может многое дать для их сближения, которое, конечно, подспудно было столь важно для автора «Эллинской религии страдающего бога».

*** * ***

Именно в контексте мифологического исследования вспоминает о Нонне А. Ф. Лосев в главке «Миф о Загрее у Нонна» «Античной мифологии в ее историческом развитии».[184] Хотя *«местами разработка мифа о Загрее у Нонна высокохудожественна»*·, недостатками ее являются *«растянутостью* и *«произвольные фантастические измышления»*· (каков весь рассказ о всемирном пожаре и потопе). В отличие от большинства исследователей, Лосев обнаруживает «полное *отсутствие какого бы то ни было символизма в концепции Нонна. Загрей изображен здесь при помощи позднейших импрессионистических приемов, но это изображение выдержано в тонах старого, непосредственного эпоса и абсолютной мифологии без какого бы то ни было намека на символическое толкование. Восходя к древнейшим орфикам, Нонн здесь абсолютно неорфичен*». Лосев не хочет называть «символами» нонновские «прообразы» и «отображения»

(зеркало Персефоны зеркало Загрея сон Семелы, Тифония — потоп — Фаэтония и др.), «символизирующие» главным образом друг друга: поэма Нонна, пронизанная символическими соответствиями изнутри, закрыта вовне.

*** * ***

М. Е. Грабарь–Пассек перевела на русский язык фрагменты «Деяний Диониса»[185] и посвятила Нонну обстоятельный очерк.[186] Грабарь–Пассек судит «Деянья Диониса» с точки зрения поэзии чистого и искреннего чувства: поэт, по ее мнению, злоупотребляет одинаковыми словами и выражениями в конце стиха (речь идет о нонновских формулах); все герои изъясняются удручающе однообразным и условным языком (Авра обращает к Дионису два десятка риторических вопросов, чтобы сказать, что она его не любит). Поэма написана зрелым человеком, на что указывает сухой, анатомический характер описания любовных сцен. Вообще *«под поверхностным блеском пестрых мифов и любовных приключений развертывается трагическая, страшная и отвратительная повесть»*·. Изобилие символов отмечается, но не вызывает у исследовательницы интереса. «Деянья Диониса», возможно, являются вовсе не «дифирамбом» Дионису, но высмеивающим его и развенчивающим язычество памфлетом, который написал человек, близко стоявший к культу Диониса, но разочаровавшийся в нем. Дионис – неудачник; он теряет ιιγι–χ своих друзей и любимых, неоднократно терпит поражение и [Трусливо обращается в бегство, а побеждает либо чужими руками, либо при помощи вина и колдовства; обещая счастье, он приносит несчастье всем, с кем сталкивается.

Последний вывод М. Е. Грабарь–Пассек не столь уж парадоксален: в самом деле, Дионис ни в малой степени не является традиционным, «гомеровским» эпическим героем. Храбрость Ахилла, стойкость Аякса, умудренность Нестора, терпение и находчивость Одиссея — всё это не его достоинства, и Нонн безвкусно исказил бы сам взятый им мифологический образ, если бы пытался приписать их ему. «Деянья Диониса» вообще не героический, но «теологический» эпос: бог вина, экстаза и таинства чужд любых «доблестей», как и любых «добродетелей»; он равно далек как от христианской, так и от классической системы ценностей. Его кажущаяся пассивность и нераскрытость его характера вызваны тем, что не доблесть и не добродетель он противопоставляет перипетиям судьбы и козням врагов, но лишь саму свою природу: друзьям и врагам он дарует одно и то же —

опьянение, чудо и безумие экстаза (вином он «побеждает» Никайю, вином же — вражеское войско); только для тех, кто хочет быть его врагами, его дары могут оказаться смертельны (так помилованный богом Оронт, узрев дионисийское чудо, закалывается собственным мечом). Дионис и сам подвержен безумию, как простому (которое наслали на него Гера и Эриния), так и, особенно часто, любовному; при этом он пускается в блуждание, которое -- благо для него и его друзей, но зло для врагов (как для ставшего бродягой Ликурга). Диониса легко обратить в бегство потому, что неустойчивость, — его природа; и его конечная победа основана не на силе и не на мудрости, а на заразительности безумящей дионисической тайны.

Касаясь парафразы Евангелия, Грабарь–Пассек считает само собой разумеющимся, что Нонн обратился в христианство; при этом привлекло его не нравственное учение Евангелия, а мистериальная символика.

*** * ***

Л. А. Фрейберг[187] в статье «Античное литературное наследие в византийскую эпоху»· сравнивает два вида ранневизантийского восприятия греческой мифологии; примером одного служит Нонн, примером противоположного, «низового» Иоанн Малала. «Деянья Диониса» *«вводят нас в мир византийского нарочито–высокого иносказания, утонченной аллегорезы»*. В поэме несколько сюжетных планов: первый — мистериальный, «троекратная теофания Диониса»; второй - — «исторический», к которому относятся изобретение виноделия и описание Индии, третий · «мифологический орнамент». Мотив превращения проходит по поэме «красной нитью». Поэт «не упускает случая выразить восторг перед гомеровскими поэмами»[188]. Наконец, *«Нонн выступает как идеолог римского правопорядка; в конце поэмы (sicl) он помещает персонифицированный образ Бероэ (от Бейрута — - центра юридического образования), которая получает из рук Афродиты свод римских законов. Так животворящее начало в образе греческой богини упорядочивает дионисийскую стихию, обрывает, казалось бы, нескончаемую цепь метаморфоз посредством образа трезвой рассудочности римской юриспруденции»*·. К сожалению, столь эффектного финала не получается; даже если бы Нонн и противопоставлял римское право дионисической стихии, в любом случае Бероя не становится женой Диониса, и после эпизода с ней следует еще шесть песен «нескончаемых метаморфоз» и прочего вакхического безумия.

М. Л. Гаспаров в статье «Продром, Цец и национальные формы гекзаметра» в том же сборнике,[189] рисуя историческую эволюцию гекзаметра в греческой и новоевропейской поэзии, касается ноннов–ской метрики, исходя из исследований Людвиха[190] и Вифштранда. Нонн — *«центральная фигура позднеантичной предвизантийской истории гекзаметра»*·. У Нонна гекзаметр приобретает, подобно другим длинным размерам греческой метрики, вторичный ритм и диподическое строение.

С. С. Аверинцев посвятил Нонну статью «Поэзия Нонна Панонолитанского как заключительная фаза эволюции античного эпоса», [191] материал которой вошел позднее в главу «Мир как загадка и разгадка» «Поэтики ранневизантийской литературы».[192] Нонн, по предположению Аверинцева, коптское имя:[193] Нонн был коптом, душа его была «по всей вероятности, сложной и скрытной», а его поэзия — ни греческая, ни коптская, ни византийская — *«снятие»*· античного эпоса в его *«уже–не–античном состоянии», «поэзия «сдвинутого» слова», «поэзия косвенного обозначения и двоящегося образа, поэзия намека и загадки»*· *и вообще «поэзия неестественного мира»*·, для которой *«естественно быть неестественной»*. Поэтические принципы Нонна сближаются с поэтикой Псевдо–Дионисия Ареопагита, призванной обозначить «неименумое» обилием не называющих, но отвязывающих» его читателю слов; проводятся параллели между приемами Нонна и скандинавскими кеннингами или аналогичными выражениями арабской поэзии. *«Слово у Нонна никогда не попадает I* в *точку; не в этом его задание. Совершенно приравненные друг к другу синонимы выстраиваются как бы по периферии круга, чтобы стоятъ вокруг «неизрекаемого» центра»*. В качестве примера приводится нонновское выражение *βαθυσμήριγγος ἀλήμονα βότρυν ἐθείρης, «блуждающий грозд глубокошерстной гривы»*.[194]Нонн, согласно Аверинцеву, делает все, чтобы разрушить наглядность и не назвать волосы прямо, сделав их «отгадкой» загадки–кеннинга.

Однако Нонн сплошь и рядом говорит *πλόκαμοι* или *κόμαι*, то есть называет волосы вполне прямо. Дело не в том, что Нонн побегает прямого названия, а в том, что оно практически ничем не отличается для него от метафорического. В нагромождениях синонимических метафор может встретиться и прямое обозначение, а может и не встретиться. Таким образом «центр», вокруг которого иыстраиваются нонновские слова, отнюдь не является «неизрекаемым»; они вообще не «выстраиваются» вокруг чего бы ни было. К принципам нонновского использования слов скорее подошла бы влюбленная им самим метафора «парящего блуждания»; нонновские слова «никогда не попадают в точку», потому что подобны не выпущенным в цель

стрелам (хотя и стрелы у Нонна «блуждают»), но бесчисленным птицам, кружащим в небе перед перелетом. «Выстраиваются» же нонновские слова по правилам символических ассоциаций и отображений: «гроздью» волосы названы для того, чтоб напомнить о превращении Ампелоса и о виноградных символах, «блуждающей» — для того, чтобы поставить их в ряд символовблуждания. «Центра», таким образом, не может быть в нонновском мире потому, что он неизбежно «отразится» в чем–либо; Дионисова природа «эксцентрична».

С. С. Аверинцев пробует осмыслить и эстетику нонновской парафразы; сближая само слово *пара–фраза* с понятием *парадокса*, он видит результат пересказывания «евангельских реалий» «гомеровскими оборотами речи» в «остранении» того и другого: *«Эллинская «форма» становится мистически бесплотной. Евангельское «содержание»· становится мистически материальным»*.[195] Сочетание христианского содержания с языческой поэтической формой не было специфичным для Нонна; такова вообще поэзия образованных христиан того времени, прежде всего Григория Назианзина. Какой же эстетический эффект должен был произойти, когда Оппиан пересказал выспренным эпическим языком сухой трактат «О псовой охоте»?

*** * ***

О. П. Цыбенко[196] осмысляет особенности изображения городов в «Деяньях Диониса»[197] с позиций русского структурализма, благодатную почву для которого создают нонновская любовь к «бинарным противопоставлениям» (суша море, земля небо и т. п.) и склонность к космическому символизму. Основанные Кадмом Фивы у Нонна становятся центром мировой гармонии, символом которой является ожерелье Гармонии, и подобием неба, поэтому семь ворот в Фивах посвящены семи главным планетам. Ожерелье Гармонии отображает сцену основания Фив, змея, вплетенная в него, символизирует основу мироздания, драгоценные камни — мировой океан. Другие два города также являются для Нонна моделью мироздания — это Тир с дворцом Геракла–Астрохитона, основанный «землеродными мужами», остановившими две блуждающие в море скалы,[198] и Бейрут, город Берои. Тир это одновременно невеста, супруга и мать Посейдона, подобие неба;[199] Бероя, невеста Посейдона, отождествляемая с Афродитой, Гармонией и Селеной, уничтожает хаос и олицетворяет собой мировую законность.[200] Афины и Спарта упоминаются

Нонном только как родина законодателей Солона и Ликурга, а в описании Бейрута Нонн создает миф мировой полисной законности, совершенно чуждый предшествующей ему литературе. Дионис и Посейдон, состязающиеся из–за Берои, уподобляются им Афине и Посейдону, спорящим за право владеть Афинами. Город у Нонна космичен и космогоничен, он находится у истоков процесса космогонии; построение Фив Кадмом — венец космогонического змееборства; Тир и Бероя вступают в символический брак с водой, ожерелье Гармонии является мифопоэтическим символом нонновского мира. Цыбенко выделяет у Нонна несколько черт, присущих византийской литературе:

1. Странничество: города основаны скитальцами и на странствующей тверди.

2. Преемственность: Самофракия — Троя — Рим — Византий; Сидон (Тир) — Самофракия — Фивы; «города мира» Рим и Бейрут.

3. Образы города–женщины, по примеру Константинополя: Микены, [201] Фивы.[202]

4. Направленность с Востока на Запад: Египет и Финикия (Осирис) — Самофракия (Кабиры) — Греция (Дионис).

*** * ***

Таким образом, русская филология последних десятилетий шла по пути постепенного «признания» Нонна. Очерк М. Е. Грабарь–Пассек, весьма ценный своей неподдельной внутренней последовательностью, содержит полное эмоциональное неприятие нонновской поэзии; в статьях М. Л. Гаспарова и Л. А. Фрейберг важность роли Нонна признается как объективный исторический факт; С. С. Аверинцев, хоть и считает «весьма вероятным», что Нонн «в некотором μι смирно–историческом смысле *дурной* поэт», все же удостаивает его : шания «большого поэта» и противопоставляет Нонна таким его «посредственным коллегам, как Квинт Смирнский» (вся «посредственность» которого заключается в его традиционализме, «неоклассицизме», если можно так выразиться), а затем пытается интуитивно проникнуть в парадоксальность нонновской «дурной, но большой» поэзии. Наконец, в статьях О. П. Цыбенко «Деянья Диониса» рассматриваются как само собой разумеющееся общезначимое достояние мировой литературы.

Деяния Диониса

Песнь I

Первая песнь - о хищенье девы Зевесом пресветлым,
Также о дланях Тифона, потрясших звездное небо.

Пой же, богиня, посланца огнистого ложа Кронида,
Молнии сполох, что родам помог, став светочем брачным,
Гром, у лона Семелы сверкавший; пой же явленье
Дважды рожденного Вакха! Из молнии влажного вынул
Зевс недоноска-младенца от девы еще не родившей,
Бережной дланью разрезал бедро и туда-то, в ложницу
Мужескую упокоил, отец и владычная матерь!
Ведал он роды и прежде, когда из главы плодоносной,
В коей с виска, чревата, безмерная зрела припухлость,
Вдруг Афина изверглась, сверкая для битвы доспехом!
Тирсом меня вразумите, о музы, ударьте в кимвалы,
Тирс мне во длани вложите хвалимого мной Диониса!
Там, у земли фаросской, у острова, близкого суше,
Дайте коснуться Протея многоликого, пусть он
Явит пестрый свой облик - пеструю песнь и сложу я!
Примет он змея обличье, влекущего кольцами тело -
Стану я славить ту битву божью, где тирс плющеносный
Племя низвергнул ужасных змеевласых Гигантов!
Льва ли он образ примет, трясущего гривой густою -
Вакха вспою, столь слепо прильнувшего к млечному лону
Рейи грозномогучей, богини, кормилицы львиной!
Прянет ли бурно, в воздух прыжком устремившись могучим
Как леопард, своевольно меняя искуснейший облик -
Стану я отпрыска Дия греметь, истребившего индов
Род, кто в повозке, влекомый барсом, слонов обезумил!
Коль его плоть обернется вепрем - то сына Тионы
Я воспою, как пылал он к Авре-вепреубийце
В землях Кибелы, третьей матери позднего Вакха!
Влагой податливой брызнет - восславлю я Диониса;
Бросился в лоно он моря, спасаясь от схватки с Ликургом!

Если листвой обернется лозы, трепещущей тихо,
Вспомню Икария - древле в давильне, пьянящей столь тяжко,
Истово сочные грозди стопою собственной мял он!
Посох дайте мне в руки, о мималлоны, на плечи
Бросьте мне шкуру оленью пятнистую вместо хитона,
Туго ее завяжите, душистый дух маронидский
Веет с нее! Эйдотее бездонной, согласно Гомеру,
Грубая шкура тюленья достанется пусть Менелаю!
Дайте мне в руки накидку козью и бубны, другие
Пусть в сладкозвучную флейту двуустую дуют, но Феба
40 [41]
Не оскорблю! Ненавидит он отзвук полой тростинки
С той поры, когда Марсий был побежден вместе с нею,
Бог же кожу навесил на ветви, по ветру качаться,
Вживе ведь с пастуха сорвал он плотски́е покровы!
Ты же начни, о богиня, с исканий Кадма-скитальца!
Некогда Зевс на сидонский берег быком круторогим
Прянул, глоткой поддельной томленья мык испуская,
Сладостным слепнем гонимый... За пояс ручонками деву
Точно слегка приобняв, двойными узами дланей
50
Эрос ей правил малютка! Близ брега и бык-мореходец
Вдруг оказался, подставил загривок и спину он деве,
Пал на колена, склонясь, на спину юной Европе
Сесть дозволяя... Лишь села, он к морю тотчас устремился,
Плавным копытом касаясь влаги безмолвной пучины,
Бережный шаг сохраняя, а дева простор озирала
Моря, от страха бледна, на бычьей плыла хребтовине,
Влагой не тронута пенной... Всякий, увидев, сказал бы:
То Галатея, Фетида иль Энносигея супруга,
Иль на загривке Тритона воссела сама Афродита!
60
Сам Лазурнокудрый быку, что плывет, изумился.
Бог же Тритон, заслышав мычанье притворное Дия,
В раковину затрубил Крони́ону песнью ответной,
Свадебным кликом. На деву, поднявшись из волн, с изумленьем
Глянул Нерей и Дориде на мореходного зверя
Указал, на рогатый убор... На быке, что касался
Еле зыбей, совершала плаванье в море юница,
Волн страшася высоких от быстрого хода, прильнула

К рогу словно к кормилу, ведь Эрос плаваньем правил!
А злоковарный Борей, вздымая свадебный ветер,
Складки развел покрывала ревнивым томимый желаньем,
Зависть тая, расшумелся, лаская груди девичьи!
Из Нереид одна, временами являясь из моря,
Сидя верхом на дельфине, взрезала текучую влагу,
Длани вздевала вверх, посылала приветствие словно
Кормчим каким подражая... Дельфин же, ее не тревожа,
Еле видный над зыбью, стремил сквозь пенные гребни,
Странник с округлою спинкой, и гладь разбивая морскую,
Рыбьим хвостом разделенным прочерчивал сверху дорожку.
Бык умыкал Европу, быка же плывущего Эрос,
Сей быкопас, по вые стегал пояском по покорной,
Лук закинув на плечи как посох какой-то пастуший,
Палкою гнутой Киприды пастись гнал Геры супруга
По Посейдоновым влажным пастбищам, и застыдилась
(Щеки в румянце!) Паллада, не знавшая мук материнства,
Видя, что правит Кронидом как мулом запряженным дева.
Дий же свой путь продолжает влажный, взрезая пучину.
Зыбь не угасит ведь страсти - бездонную Афродиту
Древле зыбь породила от влаги небесной Урана!
Так безмолвно свершала свой путь (и бремя, и кормчий!)
Дева, быком управляя. И тут-то, увидев такое,
Сходное столь с кораблем, бегущим проворно по морю,
Сам бывалый муж, мореходец воскликнул ахейский:
"Верить ли собственным взорам? Копытом волну раздвигая,
Бык деревенский по морю бесплоднопросторному рыщет!
Сушу ль Кронид мореходной содеял? Возможно ль повозке
Ехать по морю сухой, проложив колею водяную?
Струга ищу я глазами - не вижу! Наверно, Селена
Сев на быка без поводьев, на море с небес опустилась!
Или Фетида из глуби сей быстрый бег направляет?
Только вот бык морской не подобен зверю земному,
Тело имеет он рыбье, а тут не нагой он, иное:
Пешим странником в волнах, совсем без узды и поводьев,
Длинноодетая правит чудным быком нереида!

Если же это Деметра пышноволосая ищет
Бычьим копытом рассечь хребет смарагдовый моря,
Пусть тогда Посейдон, восстав над зыбистой бездной,
Пешим пахарем выйдет на страждущей почвы хребтину,
Словно бы струг морской борозду Деметры взрезая,
Плаванья способ удобный под ветром, веющим с суши!
Бык! Ты тут заблудился, в краю чужедальном! Нерей ведь
Не быкопас! И Протей не пахарь! И Главк - не крестьянин!
Нет тут ни луга, ни поймы в валах, в бесплоднопросторном
Море плавают только по влаге соленой пустынной,
Зыби взрезая кормилом, а лемехом воду не режут
Слуги Энносигея борозд тут не засевают,
Здесь ведь морское растенье - водоросль, почва же - влага,
Пахарь - моряк, а борозды - зыби, а лемех - лебедки!
Только зачем же ты деву влечешь? Неужто в пыланье
Страсти любовнобезумной и жен быки умыкают?
Или опять Посейдон юницу прельстил и похитил,
Приняв рогатый образ быка речного как древле?
Хитрость иную измыслил, когда с Тирóй насладился
Только недавно, богом реки прикинувшись влажным,
С виду лишь Энипеем, обрушившим водную гору?"
Молвил слово такое, плывя по валам, корабельщик
Эллинский изумленный, а дева, проникнув в любовный
Умысел бычий, забилась в рыданиях, косы терзая:
"Волны безмолвные, зыби безгласные, туру скажите.
Если внимать он способен - "Безжалостный, сжалься над девой!"
Молвите, пенные гребни, родителю-детолюбу,
На хребтовине быка покинула землю Европа
Отчую, он же похитил меня для супружества, мыслю
Матери пряди несите сии, круговые моряны!
Ныне молю, о Борей, похититель аттической девы,
Ввысь меня ты на крыльях взнеси... О плач мой, довольно!
Ах, не изведать бы после быка мне безумства Борея!"
Так младая стенала, несома быка хребтовиной.
Странствовал Кадм из края в край чужой той порою,
В поисках зыбкого следа невестоводителя тура.

Вот он дошел до аримов пещеры плачущей: горы
Вздыбившись, во врата нерушимого бились Олимпа,
Боги крылатые сверху над Нилом беззимним парили,
Словно они подражали полету птиц недоступных,
В токах воздушных неба поддельным крылом помавая,
Высь же семипояснáя терзалась: пока ведь на ложе
Зевс Кронид с Плутóвозлегал, дабы в мир появился
Тантал, воришка безумный нектара кубков небесных,
Он оружье эфира укрыл в глубинах пещеры
Тайной совместно с зарницами; спрятаны будучи, громы
Дым испускали, чернящий белые кручи утесов,
А от зарниц, исходящих пламенем бурным и тайным,
Сразу ключи закипали и в руслах речек нагорных
Мигдонийских бурлили токи, паром клубяся.
Длань протянуть лишь осталось по знаку родимой Аруры
Киликийцу Тифону, зарницы похитить у Дия,
Пламени стрелы. Рои он глóток тяжкоревущих
Выставил и завопили все криком, лишь зверю приличном,
Ибо змеиные кольца тел извивались над пастью
Леопардов, лизали ужасные львиные гривы,
Свившись в клубок, оплетали бычьи рогатые морды
Сдвоенными хвостами; с слюною вепрей смешавшись,
Яд источался из пастей, летя с языков острожалых!
Спрятал оружье Кронида в своем укрывище темном
Тифоей и к выси сонмищем лап потянулся.
Сжало скопище пястей края́ пределов Олимпа!
Вот одна Киносуры схватила, другая в загривок
Паррасийки вцепилась, склоненной по óси небесной,
Третья гнет Волопаса, прервавши ход его горний,
Сжали Утренний Светоч прочие, тщетно у меты
Круговой заметался отзвук плети эфирной.
Чудище Эригенейю тащит, стиснул он Тавра,
На полпути осталась безвременно Хор колесница.
Полными мрака власами с туловищ змееголовых
Застил он высь, смешалась тьма его гривы с Селены
Светом, восставшей с Солнцем при полном сияющем полдне!
Только Гигант и на том не остановился и вздыбил

Нота он на Борея, и Север на Юг взгромоздил он!
Пясти расставив свои, он крепко оплел Водолея,
Спину он исхлестал градомечущего Козерога,
Рыб двойных низвергнул с небес в пучину морскую,
Овна жестоко отбросил, созвездье средины Олимпа,
Там, в кругах Солнцепутья, пылающих в горних пределах,
Властвует этот лишь знак равноденствием суток весенних.
Бёдер мощным извивом Тифон до высей поднялся
Горних, туда устремившись бесчисленными племенем пястей,
Блеск затмевает эфира, серебряных высей сиянье,
Войско извивное змеев шу́йцы с десницей вздымая.
Вот один устремился прямо за ось круговую,
Вспрыгнул на хребтовину Дракона, звездного зверя,
Рыкнув воинственно, после вкруг дщери Кефея обвился,
Новыми звеньями взвившись колец, притиснул их крепко,
Новым кольцом удушает закованную Андромеду,
Весь изогнувшись, а третьим змеем своим рогоносным
Стиснул в изгибах созвездье Тельца, рогатого зверя,
И по-над бычьим взлобьем восстав словно своды крутые,
Тянется жалом к Гиадам, что образ рогатой Селены
Открывают явленьем своим. И сплетаются змеи,
Дабы поймать Волопаса в свои ядовитые кольца.
Змей же четвертый, завидев вдали Змееносца Олимпа,
На змееносную руку бросается в исступленье.
После над Ариадны Венцом венец он сплетает
Свой чешуйчатой выей и туловом кольчатогибким.
Зе́фира воинский пояс и крылья парящего Эвра
Грозно колеблет чаща объятий змеиных Тифона:
Мира столбы он объемлет за утренней зве́здой;
Веспер и выю Атланта схватил и завладевает
Мчащей в струистых зыбях от бездны к тверди повозкой
Посейдона и следом за влажнопенную гриву
Он скакуна подъем лет, стоявшего в стойлах подводных,
И одичалого мечет прямо на обод небесный,
Против Олимпа сражаясь; сбита с пути колесница
Гелия, ржут подо сбруей по кругу бежавшие кони;

После он отрывает быка от двойной рукояти
Плуга и длань воздевая, бросает мычащего зверя
Словно копье в Селену, что схожа с телицей рогами -
Встала повозка богини! Тифон, за узду ухватившись
Белую туров, богиню терзает рёвом стозевным
Гадов шипящих, лиющих яд из пастей разверстых.
Не отступая бьется Мена с ним Титанида,
220
С аспидами Гиганта (сама круторога богиня!),
Бьет она их светоносным венцом рогатым телицы -
Жалобно мечутся, стонут быки богини Селены,
Впавши в безумье тотчас пред Тифоновой пастью бездонной.
Хоры, не дрогнув, призвали фаланги звездного войска,
Звезд небесных порядки, правильный круг образуя!
Битвенный клич исторгли - неистово быстрое войско
Огненным пылом блистая в небе взгремело, там правит
Ветер Борей, там Либ юго-западный, Эвра порядки,
Нота пределы, и страстным горя́ желанием биться
230
Звезд рои неподвижных несутся к блуждающим звездам
Бурно и соединиться стремятся, и отзвук небесный
Грянул по горнему своду, вышнюю ось потрясая
До основанья. Заметив орду свирепую чудищ,
Меч Орион обнажает, готов он броситься в битву
И серебристый блеск изливает клинок танагрийский.
Пламя сверкающей пастьюр жаром дыша, источает
Алчущий Пес, из глотки звездной сыпятся искры,
Лает, зной изрыгая, но вместо привычного Зайца
Он на Тифоновых змеев ряды клыков обнажает.
240
Ось мировая грохочет, откликнулись кличем ответным
Семь поясов небесных в равном по силе и ладу
Воплю Плеяд боевому семиустым ответившим эхом.
Грянули сразу и звезды, призыву на бой отвечая.
Образ заметив Гиганта ужасный и змееликий,
Вмиг Змееносец пресветлый метнул отвращающих беды
Змей с хребтовиной лазурной, воскормленных пламенем горним,
Телом пятнистых и гибких, вкруг них взметну лися яро
Вихри огня и дроты змей, сорвавшихся с лука,
Пляской неистовой в высях безумствуя, закружились.

250
Дерзкий (он и́дет вослед Козерогу с хвостом как у рыбы)
Мечет Стрелец свои дроты. Дракон, что в круге Повозки
Блещет по центру, стремится меж двух пробраться Медведиц,
Хвост колеблет лучистый за гибкой спиною эфирной.
Рядом совсем с Эригоной, возницею звездной Повозки,
Волопас замахнулся посохом в яростной длани.
А у колена Лика, соседствуя с Лебедем вышним,
Лира, звездная дочерь Дия, пророчит победу!
Вырвал тогда и низвергнул Тифон корикийские пики,
260 [259]
Реки Киликии стиснул, бег обрывая струистый,
Бросил и Тарсос и Кидн он взмахом единственным в бездну.
В поисках глыб для метанья, чтоб пенные глади разрушить,
Бросился к скалам прибрежным: за небом он море бичует!
Гордо шагает Гигант разбивающей зыби стопою,
Бок приоткрыв незадетый, как кажется, влажной волною,
До середины бедра лишь пенная зыбь и доходит!
Аспиды вьются по влаге, из пенноклокочущих глоток
Свист и шипенье исходят, блюют они зельем отравным
В зыби соленые, прямо в рыбообильную влагу
270 [269]
Встал Тифоей воздымаясь и водоросли попирая
Бездны стопою, а чревом высей воздушных коснулся,
Вытеснив тучи с эфирных сводов, глава же Гиганта
Сеющий ужас рык испускает от львов своей гривы.
Лев морской от страха спасается в илистой бездне
Все это войско чудищ и душит, и полнит пучины,
Землерожденный собою покрыл морские просторы,
Пояса не замочив! Заревели в испуге тюлени
И в глубинах дельфины укрылись бездонного моря.
Шупальцы переплетая извилистой сетью узорной,
280 [279]
Быстроискусный стремится к утесам прилипнуть привычным
Осьминог, превратившись в подобье неровного камня.
Ужас всех охватил, спасается даже мурена
Острозубая бегством, что к змеям вечно пылает
Алчностью, чуя дыханье гадов, враждебных бессмертным!
Море башнею встало, достигло вершины Олимпа
Гребнем высокого вала. Взметнулись пенные зыби

Птиц небесных коснувшись, вовеки не ведавших влаги.
Деет подобье трезубца из бездны Тифон и могучей
Пястью, колеблющей почву, скалистую глыбу пучины
290 [289]
Пенной он исторгает как остров от основанья,
Мечет ее словно шар, вращая вкруг плеч своих мощно.
Вот она, ярость Гиганта! Достигнув созвездий небесных,
Солнце он омрачает, круша вершины Олимпа
Пястью, мечущей скалы и глыбы как копья и дроты.
После, пенные глуби и лоно благое оставив
Тверди, сей Зевс самозванный перуном пясть ополчает!
Только оружье Кронида сплетеньем рук необорных
Воздымая (две сотни пястей!), Тифон истерзался
Тяжестью оного, Зевс же одною легко управлялся!
300 [299]
Не было туч у Гиганта в его иссохших ладонях,
Гром едва грохотал, чуть слышалось тихое эхо,
Да глухое жужжанье, иссох и воздух настолько,
Что из тучи безводной росинка едва ли упала
Молния потемнела, оделась дымом багровым,
Будто только блеснула на миг она струйкой огнистой.
Чувствуя неуменье неопытного владыки,
Мужеским пламенем полны, истомно меркнут зарницы,
Часто из пястей безмерных выскальзывают незаметно,
Сами собой рассыпаясь, отскакивают случайно,
310 [309]
Словно томясь по деснице всемощного высей владельца!
Так необъезженный конь, ведомый неопытным мужем,
От удил ускользает, хоть тот его нýдит и хлещет.
Труд напрасен, и чуя неопытность рук самозванца
(Конь необузданный сразу как будто все понимает!)
Он под жгучим стрекалом встает на дыбы и ярится,
Сзади копытами прочно упершись о твердую землю,
Бьет передними в воздух, чуток подогнувши колена,
Шею назад он откинул, по обе стороны сразу
Плеч его грива густая пó ветру бьется и вьется.
320 [319]
Так и Гиганту невмочь уж держать руками своими
Промельк пугливый и быстрый бегущей мгновенно зарницы!
Был меж тем у аримов Кадм, непрестанный скиталец,

Бык же тогда, мореходец, приплыл к прибрежьям диктейским,
Там разрешил он деве, нетронутой влагой, спуститься.
Гера, проведав о страсти любовной, зажегшей Кронида,
Стала над ним надсмехаться, ревнивая, жаля речами:
"Феб, приди же на помощь родителю, ведь земледелец
Зевса возьмет ли в работу, коль плуг его пашню колеблет?
Если возьмет, пусть он пашет, а я посмеюся над Дием:
330 [329]
Мучься стрекалом двойным и Эроса, и земледельца!
Боже стад, Стреловержец, паси родителя зорко,
Дабы Кронид к Селене в упряжку быков не попался,
Дабы она, поспешая к Эндимионову ложу,
К пастуху, не стегнула хребта Зевеса сильнее!
Зевс-владыка! Поплачет Ио́, рогатая телка,
Ибо тебя не видала быком, а то родила бы
От такого ж, с рогами, быка похожего тут же!
Бойся козней Гермеса, бычьего вора, украл бы
Он и отца родного, сочтя его телкою, дабы
340 [339]
Фебу, Зевесову сыну, снести кифару как выкуп
От воровавшего вора! Да что ж я жалуюсь-плачу?
Если б видящий всеми глазами сверкающей плоти
Аргус в живых остался, то к пастбищам неприступным
Он, быкопас богини, под палкой привел бы Зевеса!"
Так возопила. Кронид же, оставив бычий свой образ,
Юношей милым обвился вкруг девы неукрощенной.
Нежно ее обнимает, лаская плечи юницы,
И удаляет повязки, что вьются вкруг стана Европы,
Словно бы ненароком коснувшись раздвоенных грудей,
350 [349]
Сладко и терпко целует в губы, а после безмолвно
Пояс ее целокупный нетронутый он разрешает,
Плод недозрелый и ранний Кипридиной страсти срывая!
И в плодоносном лоне свершилось двойное зачатье,
И, понесшая в чреве, священная роженица,
Астери́ону в жены богатому отдана после
Зевсом соложником... Так, у изножья Возничего в небе,
Звездным блеском лучась, Телец олимпийский явился:
Влажный хребет подставляет весенним лучам Фаэтона,
Ноги согнув, чело поднимает, полупогружен

360 [359]
В море, он к Ориону копыто правое тянет;
Мнится, с закатом по своду небесному в путь поспешая,
Он Возничего быстро, спутника утра, обходит
Так воцарился на небе Телец. Тифону ж недолго
Оставалось владеть зарницами Дия. Кронид же
Зевс совокупно с метким Эросом высь оставляет,
Дабы страннику Кадму, блуждающему средь отрогов
Горных в поисках тщетных, замысел в разум посеять,
Чтобы он выпрял Тифону сети судьбы на несчастье
Дия приспешник, Пан, печальник козий, для Кадма
370 [369]
Дал стада и быков, и овец, и коз дивнорогих,
Сплел шалаш из травы, укрепив ветвями кривыми,
И поставил на землю. Кадма никто не узнал бы -
Пан изменил его облик и тело пастушьим нарядом,
Мнимого пастуха чужая одежда сокрыла!
Ловкому Кадму вручает Пан коварную флейту,
Кормчую óной судьбы, погибели Тифона.
Ложного скотопаса с крылатым вождём убежденья
Зевс зовет и единый умысел им излагает:
"Кадм, играй, мой любимец, и небо пребудет спокойным!
380 [379]
Если помедлишь - Олимпа высь содрогнется, ведь нашей
Молнией горней владеет Тифон, на нас ополчившись,
Только эгида одна у меня и осталась, и что же
Значит одна в сраженье с перуном и громом Тифона?
Как бы не посмеялся старец Кронос над нами,
Враг Иапет бы безмерный не поднял надменную выю,
Как бы Эллада, матерь сказаний, как бы ахейцы
Не назвали Тифона Горним и Ливненосным,
И Высочайшим, имя мое оскверняя! Так стань же
Быкопасом на утро одно лишь, пастушьей цевницы
390 [389]
Многоствольной волшéбством спаси ты пастыря мира,
Дабы не слышал я грома Тифона, гонящего тучи,
Грохота и сверканья ложного Зевса, чтоб сверг я
Бьющегося зарницей и мечущего перуны!
Если ты отпрыск Дия и род Ио́ Инахиды,
Звуком свирели, гонящей зло, ее пеньем кудесным

Ум обольсти Тифона - достойным тебя воздаяньем
Вознагражу я вдвойне, ты стражем гармонии будешь
Мира и милым супругом Гармони́и прекрасной!
Ты ж, изначальное семя плодных брачных союзов,
400 [399]
Лук натяни, о Эрос, и мир да не вздыбится боле!
Всё пред тобой отступает, о пастырь возлюбленный жизни,
Выстрели, только одною стрелою мир да спасется!
Пламенный, бейся с Тифоном и через тебя да вернутся
Огненосные дроты и громы в Зевесовы длани!
Всеукрощающий! Бейся огнем своим и ворожбою,
Стрелкою да укротится непобежденный Кронидом!
И да пронзит ему сердце песни Кадмовой жало
С силой, с какою и я стремился к лону Европы!"
Молвив так, он принял облик бычий рогатый.
410 [409]
В память об этом горы названы Тавром. И Кадма
Флейта откликнулась песнью звонкой, зовя и чаруя.
Встал он спиною к дубу, что рос на лесной луговине,
В грубом вретище точно как скотопас настоящий,
И до слуха Тифона достигла песнь обольщенья
В легком дыхании Кадма, раздувшего щеки, рождаясь.
Тут Гигант обольщенный свивает змеиные ноги,
Песне коварной внимая, потом оставляет в пещере
Жгучие молнии Дия, доверив их матери Гее,
Ищет, откуда же звуки ближние дивной свирели
420 [419]
Пеньем чаруют. Кадм же, завидев чудище в чаще,
Затрепетал и скрылся тотчас за скалою крутою.
Только высокоглавый бегущего сразу приметил,
Кадма безмолвным жестом Тифон безмерногромадный
Подозвал и, коварства не распознав, скотопасу
Мнимому правую руку тянет, погибельной сети
Не заподозрив, срединной главой человечьей багровой
Захохотав, изрыгает гордонадменные речи:
"Что, козопас, ты трясешься, что прячешь руку под плащ ты?
Разве мне доблестно после Кронида гоняться за смертным?
430 [429]
Разве мне доблестно дудку похитить с зарницей Зевеса?
Общего что у дудки с грохочущим огненным громом?

Властвуй цевницей своей, у Тифона орудье иное -
Дрот самогромный Олимпа. Сидя с руками пустыми,
Громов привычных лишенный и туч ливненосных, владыка
Зевс пусть плачет, ему-то и надобна дудка пастушья!
Пусть забавляется свистом малых тростинок, а я же
Не плету камышинку одну с камышинкой другою,
Правлю я тучею бурной вкруг тучи бурной бегущей,
Громом играю таким же как грохот кручи небесной!
Хочешь со мной состязаться? Только ты будешь во флейту
Дуть, извлекая песни, а я взыграю перуном!
Ты, раздувая щеки и рот, дыханье натрудишь,
Мне же Борей перуны вздохом шумным всколеблет
И загремят-загрохочут громы его дуновеньем!
Вот, пастух, за цевницу и плата: лишь поднимусь я
Вместо Зевса на небо, владыка и жезла, и трона,
Землю и ты оставишь, возьму и тебя я с собою
Вместе с дудкой твоею и стадом, как ты захочешь!
Нет, не лишу тебя стада, раз козы с ним схожи, с созвездьем,
Коз твоих над спиною поставлю я Козерога
Или рядом с Возничим, что в поднебесье предплечьем
Тянется яркоблестящим к Козе Олена лучистой!
Я размещу близ выи Тельца ливненосного плоской
Всех быков твоих звездных, чтоб шли к Олимповым высям,
Иль у росистой меты, где жизненосным зевом
Мык выдыхая, Селены быки упряжные пасутся.
Боле нет нужды в лачуге, и вместо лесной луговины
Стадо твою попасется с Козлятами звездными вместе.
Образ другой и Яслей Ослят небесных содею:
Пусть по соседству сияют они с настоящими рядом.
Я быкопасом тебя увидал сначала, так станешь
Звездным ты быкопасом, хлещущим звездною плеткой,
Станешь возницей Повозки медвежьей ликаонийской,
Пастырь блаженный, сопутник небесного Тифаона!
Днесь на земле ты играешь, а завтра уже на Олимпе:
Вознагражу я достойно пенье твое, при звездном
Круге лучистом цевница Олимпа восцарствует, к сладкой
Певчей горней Форминге свирель и твою помещу я!

В жены, коль пожелаешь, чистую дам я Афину,
470 [469]
Коли лазурноокой не хочешь - Летóˊ, Киферею
Выбери или Хариту, иль Артемиду, иль Гебу!
Только ложа не требуй Геры, моей она будет!
Если брат есть, что сведущ в искусстве вожденья, пусть вместо
Гелия возит возок заревой с четырьмя скакунами,
Дия желаешь эгиду (ведь ты пастух!), то получишь!
Даром станет тебе! А сам я достигну Олимпа,
Не озаботясь бессильем Кроониона. Что за оружье
Может направить в Тифона изнеженная Афина?
Пой же, пастух, Гиганта преславную ныне победу!
480 [479]
Новый гимн чтоб узнали! Ведь я - скиптродержец Олимпа,
Дия жезлом владею с доспехом блистающем вкупе!"
Но похвальбу Адрастея тотчас вписала в свой свиток.
Пастырь увидел: влекомый в силок искусный ловитвы,
В судьбоносные сети попался отпрыск Аруры,
Сладостным жалом ведомый прелыттающих душу тростинок.
Словом лукавым, скрывая усмешку, Кадм отозвался:
"Скромен напев свирели моей, коей ты изумился.
Молви, что станешь ты делать, коль трон твой высокий восславлю
На семиструнной кифаре гремя песнопеньем хвалебным?
490 [489]
Ибо могу состязаться с небесными струнами, Феба
Я победил формингой, но сладкозвучные струны
Наши огненным громом Кронида во прах обратились
Сыну его на радость, если когда обрету я
Новые струны, то песней звуча и сладкой и дивной,
Я зачарую и горы, и диких зверей разуменье!
Гее подобный, даже поток Океана короной
Свившийся вкруг себя, и вечно влекущий к пределам
Тем же свою круговую влагу, остановлю я!
Строй планет неподвижных и звезд противутекущих
500 [499]
Остановлю, и Селены упряжку, и Фаэтона!
Только, богов и Зевса сразив огненосной секирой,
Дай мне на Тифоея пире победным Луком
Славного Феба вызвать на состязание в песнях -
Кто из нас победил бы, славя величье Тифона?

Пиэрид хороводных не убивай, чтоб водили
Пляску, когда мы с Фебом взгремим песнопеньем хвалебным,
Пусть их женское пенье вторит пенью мужскому!"
Рек - и Тифон мановеньем грозным сие одобряет,
Космами потрясает, власами, текущими ядом
510 [509]
Гадов, и проливает ливни над горной грядою.
Быстро ползет он в пещеру и там (как знаки доверья!)
Взяв сухожилья Зевеса, вручает лукавому Кадму -
Пали они когда-то на землю при битве с Тифоном.
А скотопас этот мнимый за дивный дар благодарен.
Кадм берет сухожилья заботливо, будто бы хочет
Сделать струны для лиры, и прячет их в гроте укромном,
Дабы отдать Зевесу, убийце Гигантов, а после
Губы сложив осторожно, легко посылает дыханье,
Чуть прикрывая тростинки, чтоб звук извлечь благородный,
520 [519]
Более нежный из флейты. Тифон же слух многоликий
Напрягает, внимая, гармонии не разумея!
Мнимый пастух чарует Гиганта нежным напевом,
Бегство богов он, мнится, поет на свирели пастушьей,
Славя на самом деле победу близкую Дия -
Сидя рядом с Тифоном, погибель поёт он Тифону!
В нем пробуждает желанье... Тот смотрит как юноша страстный,
Сладким стрекалом гонимый, на деву-ровесницу смотрит,
Сребросияющий лик девичьей красы озирает,
Кудри ее созерцает, вольнобегущие книзу,
530 [529]
Розовобелые локти, а под повязкой дивится
Еле алеющим грудей округлых сосцам, он ищет
Шеи нагой изгибы, весь облик ее обегает
Взглядом своим ненасытным неспешно, неторопливо,
Деву не может, не хочет оставить... Вот так, побежденный
Чарами музыки, Кадму Тифон предает свою душу!

Песнь II

В песне второй говорится о распре Тифона на небе,
Зевса громáх и сраженье, о празднестве на Олимпе!

Так он и оставался у края лесной луговины,
По навершьям тростинок водя искусно устами,
Кадм, Агенóра кровь, козопас подставной, ... чтобы тайно
Зевс Кронид подобрался без шума к глубям пещеры,
Неуловимый, и вновь ополчился привычным перуном!
Кадма, невидимым ставшего, облаком скрыл он на склоне,
Дабы обманут коварством, узнав что тайно украден
Гром, Тифон не замыслил лукавого козопаса
Гибели смертной, да только, сладостным жалом пронзенный
Музыки жаждет он слушать пьянящие душу напевы.
Внемля древле песням коварным Сирен, мореходы
Так влеклися ко смерти безвременной доброхотно
Чарами песенных звуков, на весла не налегая,
Гребней сине-зеленых на волнах не пенили боле,
В сети они попадали Судьбины ясноголосой
С радостью, о Плеядах забыв семипутных на небе,
Не обращая вниманья на бег Медведицы плавный.
Так затемнился разум от пенья лукавого флейты,
Сладкое лезвие песни предвестьем судьбы оказалось!
Непроницаемой тканью скрывая, окутывал облак
Сладко звучащего песней пастушьей... Но смолкли тростинки
И благозвучье распалось: Тифон мгновенно поднялся,
Яростью обуянный, рвется во чрево пещеры,
Ищет гром ветроносный в приступе гнева метаясь,
Рыщет в поисках молньи невидной, страстно взыскует
Меркнущего мерцанья похищенного перуна -
Грот пустым он находит! Разгадывает Кронида
Хитрости и ловушки лукавые Кадма - да поздно!
Рвет он горные глыбы, на приступ Олимпа стремится,
На змеевидных изгибах ног проносится косо,

Пасти гадов отравой и ядом яро сочатся,
С шеи безмерной Гиганта аспиды космами виснут,
Зелье смертное льётся, рекой разливается бурной.
Яро и скоро ступает, землй терзает твердыню,
Киликийского края глуби недвижные поступь
Ног змеиных колеблет, дрожат в смятенье отроги
Горние Тавра; столкнувшись друг с другом, скалы рокочут,
И памфилийские кряжи соседние зыбятся в страхе.
Горные стонут ущелья, кренятся нáбок вершины,
Зыбятся почвы пустоты, песчаные кручи сползают
Вниз, трясясь под стопою, колеблющей почву земную.
Нет ни зверью пощады, ни краю. И диких медведей
Рвут на части медвежьи клыки личин Тифаона,
Головы львиные ликов Тифоновых змей пожирают
Львов с косматою грудью светлой, грызут их подобной
Пастью разверстой. Змеиной глоткой своею и ярой
Раздирают хребты прохладные змеек ползучих.
Птиц небесных хватают, приблизивши страшные пасти
Прямо в воздухе даже, заметив орла в поднебесье,
Устремляются пасти к орлу, Зевесовой птице!
Жрут и скот, не взирая на след кровавый от ига,
Что на шее остался ремнем натружённой яремным.
Реки он осушает, как будто обед запивает,
Толпы наяд он гонит, живущих в водных потоках!
Нимфа остановилась средь русла, ставшего тропкой,
Ступни ее без плесниц, ни капельки влаги на теле,
Влажной привыкла дорогой идти - а тут она месит
Быстрой ступнею своею иссохшее ложе потока.
Дева в иле увязла и бьется в грязи по колено.
Образ ярый Гиганта и многоликий завидев,
В страхе свирель роняет старый пастух и стремится
К бегству. При виде ужасном лéса бесчисленных дланей
И козопас отбросил свою неказистую дудку.
Пахарь, нуждой пригнетенный, не сеет, не окропляет
Пашни с зерном за собою, только что вспаханной к севу,
Если Тифоновы длани простор полевой разрывают!
Да! Колеблющей землю медью пашни не взрежет -

Можно быков отвязать из упряжки! - Гиганта секира
Борозды разрубает, жилы земли обнажая;
70
Бьют из подземной глуби воды, наверх изливаясь,
Будучи сжатыми долго, ключами мощными плещут,
Влага глубинная топит ничем не покрытую сушу.
Скалы валятся сверху, и падая в водовороты
Влаги пенной, под воду, разлитую морем просторным,
В дно речное уходят от этих глыб и обломков -
Словно основы новых растут островов над зыбями.
Вырваны все деревья вместе с корнями из почвы,
И плоды на землю до времени падают, сад же
Столь ухоженный, гибнет, розарий в прах обратился.
80
Зе́фир, и тот трепещет, когда кипарисы с сухими
Листьями катятся. Скорбной песнью заходится, плача
Жалобно, Феб, гиацинты увидя упавшими наземь.
Гимн погребальный слагает, но жалостней, чем над цветами
Амиклейскими, стонет он над лавром соседним.
Пан безутешный подъемлет сосну, склоненную долу!
Помня Мори́ю, город принесшую, Аттики нимфу,
Над маслиною, стонет блистательноокая Дева.
Плачет Пафийка: во прахе разбит анемон и повержен...
Слёзы льёт непрестанно над ликом благоуханным
90
Нежные кудри терзает - погибли завязи розы!
А над поломанным стеблем пшеницы Деó стенает,
Ибо не праздновать жатвы; печалятся Адриады
Смерти подружек-деревьев - не будет живительной сени!
Вот из пышного лавра разбитого гамадриада,
Выросшая с листвою древа, спасается бегством,
Вот и другая нимфа бежит от сосенки ближней,
Встав с изгнанницей рядом, молвит нимфе-соседке:
"Нимфа лавра, ты брака избегла - спасемся же в бегстве
Обе, чтоб не увидеть Феба тебе, а мне Пана!
100
Ах, дровосеки, не надо рубить вам дерево это
Дафны несчастной, о плотник, меня пощади и помилуй,
Струга из прямоствольных сосен не ладь, умоляю,
И да не тронут зыби меня морской Афродиты!

Иль, дровосек, окажи мне последнюю милость: не в крону
Устремляй ты железо, а грудь мою поскорее
Рассеки ты пресветлым металлом девы Афины!
Чтоб умерла я до брака, в Аид спустилася чистой,
Страсти любовной не сведав как некогда Питис и Дафна!"
Молвила так и сплетает повязки из листьев с ветвями,
Этим зеленым покровом и грудь одевает, и плечи,
Нимфа чистая, так же вкруг бедер листву укрепляет.
Глядя на деву, товарка прервала слезные речи:
"Страх за девичество мною владеет уже от рожденья,
А ведь от лавра за мною погонятся, как и за Дафной!
Где же спасенье? В скалах укрыться? Но склоны и выси
Брошены против Олимпа, от молний в прах обратились!
Я и злосчастного Пана боюсь, его страсти несносной
Как Сиринга, как Пи́тис... Погонится - надо скрываться
В скалах, и девою стану, вторящей голосу Эхо!
К зелени крон не вернуться! Я там обитала средь горных
Круч на деревьях, где девство любящая Артемида
На ловитву сама выходила. Но все же Крони́он
С Каллисто́ насладился, облик прияв Артемиды!
Броситься в волны морские? О нет, и в пенной пучине
Астери́ю свою настиг женолюб Эносихтон.
Были бы легкие крылья! Влекома потоком воздушным
Я бы горней дорогой удобной для ветров летела!
Бегство на быстрых крыльях до туч поднебесных напрасно:
Тифоей простирает высокоогромные длани!
Если к насильственной страсти принудит он - облик сменю я,
В стаях птиц затеряюсь, взлечу с Филомелою вместе,
Вестницей розы я стану, росой, кропящей бутоны!
Ласточкой говорливой, Зе́фиру милой весною,
Птицей, звучащею звонкой песней под краешком кровли,
Вьющейся в пляске пернатой вокруг лачужки плетеной!
Прокна, страдалица, плачешь горестно в жалобе певчей
Над судьбиной сыночка - стенаю и я над бесчестьем!
Зевс-владыка, не дай же ласточкой стать, чтоб Терея
Злобного я не видала на крыльях, как и Тифона!

Небо, горы и море запретны... лишь под землею
Скроюсь! Ах нет, ведь ноги Гиганта - змеиные гидры,
Погруженные в почву, там льющие яд свой отравный!
Стану текучею влагой здесь, как было когда-то
С Комайтóй и сольюсь с потоком из отчих сказаний...
Нет! И в Кидн не желаю! Свою я чистую влагу
С влагой речною смешаю девы злосчастной погибшей...
Где же спасенье? С Тифоном если сойдусь, то зачну я
Чудище с тысячью ликов, подобных отчим личинам!
Быть ли другим мне древом? От древа к древу скитаясь
Имя хранить непорочной? И слышать, как кличут не Дафной,
Миррой, этим нечистым растеньем меня называют?
Нет, я молю: у потока жалобного Эридана
Сотвори Гелиадой, дабы и я источала
Из очей изобильный янтарь, дабы с плачущей кроной
Тополя я пребывала, мешая листья и ветви,
По чистоте девичьей моей заливаясь слезами,
А не по Фаэтóну плача... Прости меня? Дафна!
Стыдно мне становиться не тем стволом, что была я!
Стану, как Ниобея, камнем! И точно так же,
Будучи стонущим камнем я жалобить путников стану!
Ах, увы, злоречивой! Богиня Летó, о прощенье
Я умоляю, да сгинет имя, детей погубившей!"
Так говорила. Возок с небесной выси округлой
Фаэтон направляет на запад, встает над землею
Острым как будто бы клином безмолвная Ночь в поднебесье,
Горнюю высь затемняя звездно лучистым покровом,
Свод изукрасив эфира. У брега беззимнего Нила
Боги бессмертные бродят, но там, при Тельце крутобоком,
Зевс Кронид, чтоб сразиться, ждет света ясного Эос.
Ночь настала, и стража службу несет вкруг Олимпа
И семи поясов, и как над бойницами башен
Клич несется дозорный, отзыв ответный созвездий
Крýгом идет по сводам, и от пределов Сатурна
Отклик несется охранный до самой меты́ Селены.
Стражи эфира, Хоры, раскинули кольцеобразно
Тучи, высь оградили сомкнутой плотно завесой

Фаэтоновы слуги, на неприступных воротах
Звезды задвижку Атланта накрепко запирают,
Дабы в отсутствие в высях Блаженных враги не прорвались!
Вместо напевов свирелей обычных и флейт зазвучала
Грозная песнь на крыльях сумрачных ветров суровых.
Спутник Дракона небес, аркадской медведицы спутник,
Тифаона набег ночной на горние выси,
Подстерегает старец Боот, очей не смыкая.
Утренний светоч следит за востоком, звезда вечерница
Смотрит на запад, и Нота врата Стрельцу предоставив,
Сам к Борея вратам ливненосный Кефей устремился.
Всюду огни запылали. Созвездий светочи блещут,
Пламенники ночные вечнобессонной Селены
Словно светильца мерцают. Часто с рокотом бурным
По-над эфиром летая мимо вершины Олимпа
Звезды лучистые чертят в воздухе след свой огнистый
Одесную Крони́она, часто промельком быстрым
Вниз головою несутся как только расступятся тучи,
Вспыхивают зарницей, пляской взаимной вихрятся,
Гаснут поочередно и блещут зыбким сияньем;
Вот, расправя пряди огнистые полною гроздью,
Вспыхивает комета хвостом пламенистокосматым;
Вот метеоры-пришельцы бушуют, подобные белкам,
Вытянулись под сводом как длинноокруглое пламя,
Зевсу помощь в сраженье; насупротив Фаэтона
Гнется в лучах его ярких и пестрая спутница ливня,
Арка цветная Ириды, в чьем полукружье сплелися
Светлозеленый и темный, розовый и белоснежный.
Дий же один восседает, лишь Ника несется утешить
Троп воздушнонебесных едва касаясь стопами -
Приняв образ Летó, доспех родителю бранный
Передает и речи искусные держит при этом:
"Зевс, о владыка, родимым детям стань ты защитой,
Чтоб не видать мне Тифона супругом чистой Афины,
Матерью стать не дозволь не родившей матери деве,
Бурно взмечи зарницу, копье светоносное высей,

Снова и снова тучи гони, о тучегонитель!
Ибо основы вселенной, незыблемой древле, трепещут
Под Тифоновой дланью, четыре первопричины
Боле уже не в упряжке, - Део отказалась от нивы,
Геба оставила кубок, Арея копье - в небреженье,
Жезл Гермес позабыл, Аполлон забросил кифару,
Сам крылатый, стрелы пернатые с луком оставил,
Взмыл он лебедем в небо. Брачных союзов богиня,
Странствует Афродита и всё пребывает бесплодным,
Связь нерушимая мира разбита, и дев предводитель,
Эрос неукротимый, всё укрощавший - он, дерзкий,
В страхе бежал, разбросав породительниц страсти любовной,
Стрелы... Покинул Лемнос Гефест огнистый, хромая,
Мысля, что быстрым бегом несется! И даже, - вот чудо! -
Хоть Лето и не любит Гера, мне жалко и Геры!
Ах, неужто вернется отец твой в звезд хороводы?
"О, того да не будет! Хоть я и сама Титанида,
Я не желаю титанов, царствующих на Олимпе -
Только тебя и потомков твоих! Защити же ты громом
Чистую Артемиду! Храню для того ли я деву,
Дабы ее принудйли ко браку без вена, насильно!
Та, что родами правит, родит и руки протянет
Мне? И за Илифйю Охотнице буду молиться,
В помощь ее призывая, когда Илифия рожает?"
Так она говорила, а Гипнос на сумрачных крыльях
Всю объемлет природу, ей отдых даруя: Кронйон
Бодрствовал только единый, а Тифоей, распростершись,
Плоть расправил устало на жестких покровах, праматерь
Гею обременяя, она же лоно разверзла,
Ложе ему устроив, укрывище для почиванья,
Главы змеиные в землю при этом зарылись глубóко.
Только лишь солнце восходит, как всеми глотками разом
Клич боевой испускает Гигант Тифоей многорукий,
Надсмехаясь над Зевсом великим, и рык сей ужасный
Достигает до края вросшего в твердь Океана,
Что объемлет собою четыре стороны света,
Словно повязкой твердь препоясав венцеобразно.

Только лишь рев Гиганта поднялся - в ответ зазвучали -
Нет, не один! - но сотни кликов единым взгремели:
Ибо на бой ополчался облик его многоликий -
Вой волков раздавался, львов рычащих раскаты,
Вепрей хрип и бычий мык, и гадов шипенье,
Хищный рев леопардов. Медведи оскалили пасти,
Псы обезумели, в центре глава человечья Гиганта
Поносила Зевеса, гремя пустою угрозой:
"Пясти мои, жилище Дия разрушьте и мира
Твердь со Блаженными вместе разбейте, затвор на Олимпе
Движущийся сам собою вскройте! Когда же эфира
Наземь столп упадет, пусть Атлас бежит, потрясенный,
Свод многозвездный Олимпа долу низвергнув и боле
Звезд возвратного бега не страшась! Допущу ли
Сгорбленному Аруры сыну плечами тереться
О небосвод, подпирая оный согласно судьбине,
Прочим бессмертным оставит пускай он вечное бремя,
Пусть с Блаженными в битву вступит, пусть мечет он глыбы,
Острые скалы как дроты прямо в свод многозвездный,
Что бременил ему плечи, и пусть, камнями побиты,
С неба да прянут трусливо девы бессильные, Хоры,
Гелия-солнца рабыни, силою дланей пусть воздух
С почвой смешается; влага - с огнем, а море - с Олимпом!
Порабощу я четыре ветра, служить их заставлю!
Свергну Борея, Нота скручу, отстегаю и Эвра,
Зефира же бичом отхлещу, день и ночь я смешаю
Собственноручно, а родич мой Океан мириадом
Волн из глотки Олимп затопит зыбью приливной!
Над пятью поясами небесными грозно волнуясь
Он затопит созвездья. Медведица, алча, по водам
Поплывет, а дышло повозки скроется в пене.
Туры мои! Раскачайте мира ось круговую,
Мыком эфир огласите, ударьте рогом изострым
В темя Тельца огневого - рогами вам он подобен!
Бычья упряжка Селены на тропах влажных вздыбится,
Мыком испугана тяжким, несущимся с глав моих многих,

Пусть медведи Тифона оскалят грозные пасти,
Пусть обрушат безумье на звезды Медведицы вышней!
Львы мои! О, сразитесь со звездным Львом, и гоните
Прочь упорного с круга эфирного солнцепутья!
Аспиды! О, заставьте дрожать на высях Дракона!
Нет, и Дий мне не страшен с ничтожной зарницей, ведь зыби
Яростные, отрогов вершины и островные
Скалы моими мечами будут, а горы - щитами,
Панцырем нерушимым - граниты, дротами - глыбы,
Реки зальют своей влагой ничтожнейшие перуны!
Цепи я Иапета для Посейдона припрячу!
Там, у вершины кавказской, пернатая мощная птица
Вечно кровавит печень, растущую снова - всё из-за
Огненного Гефеста, огонь ведь причиной, что печень
Прометея терзают, она же срастается снова!
Я, сыновей соперник Ифимедеи, закрою
Сына Майи, опутав крепко-накрепко сетью,
В медном чане глубоком, чтоб так потом говорили:
"Освободивший Арея Гермес ныне сам несвободен!"
Дева же Артемида, сорвав целомудрия узы,
Пусть Ориона супругой станет, хоть бы насильно!
Древнее Титию ложе пускай Лето уступает
Даже и против желанья! Арея мужеубийцы
Щит разобью и нагого пленю владыку сражений,
То-то убийца кроток станет. А Эфиальту
В жены дам я Палладу пленную, станет женатым
Парнем он наконец! В кои-то веки увижу
Связанного Арея с рожающей в муках Афиной!
А на плечах пригнетенных вращенье небес плывущих,
Высь Атлантову, будет держать стоящий Кронио́н
Вечно, и он услышит свадебный клик, терзаясь
Злобой ревнивой в тот день, когда Гера женою мне станет!
Светочей к свадьбе не надо моей, самовитой зарницей
Брачный покой воссияет, вместо сосновой лучины
Сам Фаэтон засверкает, сыпя от пламени искрой,
Славя брак Тифоэя огнем и светом плененным,

На торжестве новобрачных лучи заструятся над высью
Блещущих звезд, озаряя празднество свадебной страсти
Пред ночною порой. С Афродитой, владычицей ложа,
Эндимион и Селена-рабыня постель приготовят
Для меня, а если нужны омовенья при этом -
В звездном я Эридане омоюсь, во влаге прохладной!
Ложе Тифона, не Дия, по кругу бегущие Хоры
Вы понесете, ложе Эроса! От Океана
330
Вы - Артемида, Харита, Лето, Афинайя, Пафийка,
Геба - мужу Тифону несите влагу родную!
А на праздничном пире вместо Зевеса меня же
Брачными струнами славить станет Феб, мой прислужник!
Но не чужого надела я домогаюсь, ведь небо -
Брат мой с хребтом звездоносным, в котором царить собираюсь,
Сын земли, и жилищем небо это мне будет!
Крон, пожиратель плоти, мне сродник другой, и к сиянью
Света из бездны подземной возьму его - станет союзник!
Тяжкие узы расторгнув в эфир небесный Титанов
340
Возвращу и на выси горние жить приведу я
Землерожденных Киклопов, наделать их снова заставлю
Огненных дротов, сражаться перунами надобность будет,
Ибо две сотни пястей имею, не пару ладошек,
Как у Кронида, другие гораздо лучшие громы
С пламенем жарче и ярче и много гораздо светлее
Я откую себе после, и небо построю просторней,
Выше и шире гораздо, чем было когда-то иное,
Звезды там будут светлее, ведь эти вышние своды
Слишком низки, не могут укрыть собою Тифона!
350
После мужских и женских потомков, рожденных Кронидом
Многоплодным, и я насажу свое новое племя
Многоглавых Блаженных. И не дозволю я толпам
Звезд оставаться без брака, мужей дам женам небесным,
Дабы от Девы крылатой рабское племя родилось,
Чтобы на Волопаса взошло оно брачное ложе!"
Так вопиял он, грозный, и внемля, Кронид усмехался.
Битвы пыл возгорелся в обоих, вела же Тифона
Распря, над Зевсом парила, в бой направляя великий,

Ника. Но не за стадо бычье иль овчее бились,
Нет, не пылали за деву прекрасную оба во брани,
И не за город невидный сражались - за власть над вселенной
Бились они, на коленях Ники-богини лежали
Трон и скипетр владыки Дия, ставка в сраженье.
Зевс, ударив по тучам, заставил греметь их ужасно,
Рев эфирный взгремел как труба Энио́ перед битвой,
Тучами грудь оделась от дротов Гиганта, Зевеса
Обороняя. Безмолвным и неподвижным однако
И Тифоей не остался: морды бычьи взревели
Как громогласные трубы по направленью к Олимпу;
Змеи, сплетясь, зашипели, авло́сы бога Арея!
И Тифоей, дабы члены укрыть будто панцырем плотным,
Громоздит за громадой громаду побольше, рядами
В башни слагает утесы с утесами прочными вместе,
Плотно глыбы кладет, прижимая их тесно друг к другу;
Он - словно войско к битве готовое, там без зазоров
Льнут изгибы к изгибам, края к краям и - ни щелки!
А вершина у туч неровную давит вершину!
Шлемы Тифон содеял из пиков крутых, острозубых,
Сборище глав упрятав под гребнями горными высей.
Множество было голов у чудища с телом единым,
В битву идущего, войска множество: толпище пястей,
Зевы разверстые львов, усеянные клыками,
Пряди змеиные гривы, бегущие алчно к созвездьям!
Вот Тифаоновы длани метать дерева начинают
Против Кронида. О, сколько дивнопрекрасных растений,
Явленных твердью земною, Дий спалил, не желая,
Искрой одною перуна, что дланью метнул он палящей!
Сколько вязов гибнет и с ними же сосен-ровесниц,
Сколько могучих платанов и тополов[203] белых, что против
Зевса летели, сколь много трещин в земле пораскрылось!
Мира круг раскололся по всем четырем направленьям,
И четыре союзных Крониону Ветра все небо
Мраком покрыли, вздымая тучи и праха и пепла,
Встав словно горы какие, когда они море хлестали...

Выбился брег сицилийский, мыс пелоридский как Этны
Склон содрогался; ревели, будто пророча, что будет
Лилибея утесы к западу, скалы Пахина
Клонятся... А у нимфы афонской в доле фракийском,
Там, к Медведице ближе, слабели от страха колена,
И стонал македонский лес на горах пиэридских!
Весь восток содрогнулся в ассирийском Ливане,
Благоуханные храмы, дворцы и жилища трепещут.
Свергнуть стремясь перуны непобедимого Дия,
Сразу множество дротов мечут Тифаона пясти.
Только одни, вихряся у самой повозки Селены,
Валятся книзу бессильно у ног быков многобуйных,
Свищут иные сквозь воздух летя и вращаясь при этом,
Дуновеньями ветров противных свергнуты наземь.
Многие и не коснулись Дия десницы громóвой -
Их подбирал Посейдáон дланию радостной вскоре,
В ход не пускавший трезубца для разрушенья утесов
Влажноглубинные дроты, павшие в Кроновы зыби -
Старец Нерей Зевесу ими свершал подношенье!
Ужас кругом наводящих сынов Эниалия-бога,
Фобоса с Деймосом дед на битву выводит в доспехах!
Из эфира щиты их - он ставит у самой зарницы
Фобоса, а у перуна Деймос грозно теснится,
Страх наводя на Тифона; Ника свой щит подымает
Зевса прикрыть, Энио́ разражается битвенным кличем,
Грозно Арей рокочет, взметнув ураганные выси,
Зевс эгидодержавный бурно несется сквозь воздух
На квадриге пернатой Хроноса восседая.
Кони Кроониона - ветры, игом единым ведóмы -
Вьется он то зарницей огненною, то перуном,
Попеременно из дланей то гром излетает, то буря,
Будто каменный ливень он насылает, сражаясь,
Градом сыпятся громы, столпы из пены и влаги
Изостренные грозно летят на гигантовы главы
Метко, и Тифоэя пясти, коими бился
Он, иссечéны силой разящей небесного грома.

Вьется во прахе одна из пястей, не выпустив глыбы,
Искалечена камнем льдистым, она продолжает
Битву даже в паденье, уже на земле извиваясь,
Рвется, прыгая будто, неистово бьется, желая
Страстно своды Олимпа ударами снизу низвергнуть
Но предводитель небес потрясая в высях зарницей,
С левого фланга на правый перун направляет, в эфирной
Выси сражаясь... Гигант же решил многорукий к потокам
Гор обратиться: сжимает плотно сплетенные пальцы,
Свитые связью природной, сделавши впадиной емкой
Соединенные пясти и черпает ими потоки
Горные рек, что порою зимнею бурно рокочут -
После собравши во пясти бурноглубокие воды,
Мечет их против молний! Брошен навстречу потокам
Бурнонеистовым, блещет сквозь влагу пламень эфирный!
Искрою быстроогнистой вскипели дерзкие воды -
Влажное естество иссушается медью каленой!
Возжелал надменный Гигант зарницу эфира
Угасить! О, безумный! Перун огнистый с зарницей
Зарождаются в тучах, плодящих обильные ливни.
Вычерпав пястью в глубинах пещер ручьи и потоки,
В Зевсову грудь, что не в силах разрушить железо, их мечет...
Скалы летят на Дия, но чуть повеяли ветры
С уст Зевесовых - сразу и дуновенья хватило,
Сбить с пути и отбросить округлоскалистую гору!
Вмиг отрывает пястью тогда гряду островную
Тифоэй, дабы снова ринуться в ярую битву,
Дабы камни обрушить на Диев лик нерушимый!
Прямо в Зевса громада летит, но одним лишь движеньем
Тот избегает громады. Тифон попадает в зарницу,
Блещущую изгибом пламени, в камне же влажном
След огня проявился, явственно черный от дыма!
В третий раз он мечет громаду - ловкой Кронион
Дланью перехватил ее в воздухе, мечет обратно,
Словно скачущий шар своей огромной ладонью,
Прямо в Тифона уметил - громада гор полетела,
Путь изменив на обратный, в воздухе быстро вращаясь,

Острым верхом срезая стрелкá, пускавшего дроты.
470 [469]
Глыбу четвертую бросил огромный Тифаон - взгремела
Глыба, задев об эгиды кайму с подвесками звонко.
Мечет он новую глыбу, несется сия словно вихорь,
Но сожжена зарницей, искрошена быстро перуном!
Глыба не в силах облак влажный пронзить, на осколки
Разлетается камень со влажною тучей сшибаясь!
Энió не склонялась еще ни к какому решенью
В битве Тифона и Дия, и с грохотом велешумным
Пляшущие перуны вихрились бурно в эфире.
Так Кронид ополчился на битву: он громом прикрылся
Словно щитом, одела туча панцырем тело,
480
Мечет как дрот он зарницу, божественные перуны,
Ниспровергаясь с небес, остриями огнистыми блещут!
Вот, вихрясь, из расселин земных выходя на поверхность,
Иссушенной струею пар поднимается кверху,
Алчущей глоткой тучи он поглощен без остатка,
Бьется там, задыхаясь во чреве распухшем. Грохочут,
Дым испуская при тренье о пар, огненосные тучи!
Сжатое в сердцевине, ищет наружу дорогу
Пламя, но не находит. Сиянью в них не пробиться
К небу. Пламени проблеск, вдруг к земле устремленный,
490
Воздух тянет к себе частицами влажными ливня,
Поверх тучи влага сбирается снизу, по ходу
Пламени остается она совершенно сухою.
Так и камень о камень ударившись искру рождает,
Как прикоснутся друг к другу - горит самородное пламя,
Только лишь женскую особь должна ударить мужская;
Так во взаимном объятье парá и тучи небесной
Огнь появляется; если от суши идут испаренья,
Чистые, словно туманом, то так зарождаются ветры,
Это другое - от влаги земной сие происходит,
500
Солнце пылающим светом сей пар исторгает при встрече,
Влагой богат, достигает теплого поля эфира,
Там уплотняется он, покровы туч порождает
И колеблемый ветром, рыхлый и влажнотяжелый,

Рушит он снова мягкий облак, дождем изливаясь,
Влагой став, праначальный облик он обретает.
Облак так огнеродный творится, сородных являя
В блеске и громе перунов небесных поочередно.
Бился Зевс, прародитель, в противника ниспосылая
Укрощенное пламя, львов пронзал остриями
Пастей бессчетных, нестройно ревущих, порядки небесным
Смерчем сражал и Зевсов дрот, летя с поднебесья,
То бессчетные пясти, сияя, спалял, то несметных
Множество плеч, то несчетных орды змеев кишащих!
Сонмище глав обращали в прах эфирные копья.
Вот Тифаоновых прядей кольца вдруг загорелись,
Ибо пронзило их пламя искрою встречно бегущей,
Головы вдруг запылали, космы в огне затрещали;
Гадов злобно шипящих на главах заставила смолкнуть
Искра небесная, змей извела и испепелила,
Исходящих слюною отравной из глоток разверстых.
Бился Гигант и зеницы во прах его превращались
Дымом огнистым, ланиты секли небесные снеги,
Влагою льдистой, текучей, белея, лики покрылись,
И с четырех сторон четыре Ветра теснили.
Если он повернет на восток неверные очи -
Натиск его настигает неистовый ближнего Эвра,
Кинет в сторону взоры Медведицы бурной аркадской -
Хлещут зимние смерчи в лицо ему градиной мерзлой;
Бегством спасается - стужей снежной Борей заметелит
И настигнет Гиганта дротом то хладным, то жарким.
Взгляд обратит ли к югу, напротив Эос грозящей,
С запада Эниó устрашит его бурей своею,
Он услышит, как Зефир бичом весенним захлещет;
Нот же с другого края, от южного Козерога,
Свод бичует небесный, огненное дуновенье,
Зной направляя в Тифона маревом жаркого лета.
Если б Зевес Дождливый дал волю потокам и ливням,
То Тифоэй омылся б с ног и до глав целокупно,
Освежив свои члены сожженые громом небесным!

Дроты изострые бури и снега, и глыб бичевали
Сына, но вместе и матерь могучую тоже задели!
Только она узрела на теле Гиганта судьбины
Знаки - льдистые глыбы, следы всежалящей влаги,
Голосом изнеможенным взмолилася матерь Титану
Гелию, и попросила, чтоб луч полуденный и жаркий
Влагу льдистую Зевса светом расплавил горячим,
Дабы родимый согрел Тифона, покрытого снегом.
Вот на истерзанного обрушились снова удары -
Полчища пястей узрев, окруженных пламенем бурным,
Тут же мать умолила ветер зимы влагоносной
Хоть на одно только утро подуть - дуновеньем прохладным
Боль и терзание жажды сына Тифона умерить.
Так исход этой битвы решил в свою пользу Кронион!
В горе великом вцепившись в леса и чащи рукою,
Гея-мать застонала, завидев Тифоновы главы
Обгорелые, лики Гиганта дымились, колена
Подломились. Пророча победу, ставшею близкой,
Загрохотала по небу труба Зевесова громко:
Рухнул наземь с небес оглушенный зарницей огнистой
Тифоэй - и раны ему нанесли не железом.
Он на матери Гее во весь хребет растянулся,
И змеевидные члены простерлись во прахе по кругу,
Огнь изрыгая из глоток. Кронид же над ним надсмехался,
Речи из уст такие презрительные разносились:
"Старец Крон какого заступника выбрал, Тифаон!
Вслед Иапетовой распре сына земля породила,
Сладкую месть за Титанов! Я так понимаю, бессильны
Вовсе стали перуны небесные бога Кронида?
Медлишь почто поселиться ты в неприступном эфире?
Ты, скиптродержец обманный? Олимпа трон в ожиданье!
Жезл и мантию Дия прими, боговержец Тифаон!
В небо взойди с Астреем - ну, если тебе так угодно,
Может, прихватишь с собою Офи́она и Эвриному?
Иль, как спутника, Крона? Когда же поднимешься к своду
Пестрохребетному неба, где горние ходят светила,
Хитрого Прометея возьми, избежавшего цепи,

Пусть бесстыдная птица, клюющая сочную печень,
Вечно им верховодит на горних небесных дорогах!
Боле всего на свете мнил ты после сраженья
Видеть Энносигея и Зевса рабами у трона?
Видеть бессильного бога, лишенного скиптра Олимпа?
Без перунов и туч Зевеса, вместо зарницы
Пламени божьего полной, перунов, длани привычных,
Светоч поднявшего свадьбы в брачном покое Тифона,
Зевса, прислужника Геры, соложницы и добычи,
Зрящего яростным оком ревниво за ложем любовным?
Вот отлученный от моря Энносигей, мой соратник,
В рабстве кравчий прилежный, зыбей когда-то владыка,
Вместо трезубца подносит дрожащей ладонию чашу!
Вот и Арей твой прислужник, тебе Аполлон угождает,
Вестником же к Титанам пошлешь ты отпрыска Майи,
Да возвестит о власти твоей и роде небесном!
А рукодела Гефеста оставь на Лемносе милом,
Дабы твоей новобрачной он выковал на наковальне
Пестрое ожерелье, блистательное украшенье,
Иль для прогулок плесницы, что светом дивным сияют,
Гере на гордую радость, иль смастерил для Олимпа
Златосияющий трон, чтоб престолу тому, что получше,
Веселилася в сердце твоя златотронная Гера!
Вот, ты воссел на Олимпе - под властью твоей и Киклопы,
Жители бездн подземных, сделай же громы пожарче!
Ум твой победной надеждой околдовал он, коварный -
Эроса цепью златою свяжи со златой Афродитой!
Спутай медною цепью Арея, владыку железа!
Пусть зарницы бегут, Энио не выдержав вопля!
Разве не ведаешь страха пред молнией малой и слабой?
Как велики твои уши! Ах, ты услышать боишься
Даже и отдаленный грохот малой зарницы?
Кто тебя сделал робким таким? И где твои дроты?
Где же головы песьи? Где змей разверстые пасти?
Где же рев твой утробный хриплых, рокочущих глоток?
Где же отрава гадов волос твоих длиннотенных?

Что ж исходить не заставишь шипом гривастые космы?
Где ж твоих бычьих глоток рык? Где же щупалец пясти,
Что метали как дроты вершины изострые кряжей?
Что ж не бичуешь уже круговые орбиты созвездий?
Что ж не белеются боле вепрей клыкастые пасти?
Что же пенной слюною косматая грудь не влажнится?
Где же морды с ужасным оскалом свирепых медведей?
Вспять обратись, землеродный! От жителей неба одною
Дланию только поверг я сотен пястей армаду!
Да раздавит своими острыми высями кряжей
Целиком Тифаона трехглавой Сицилии суша,
Пусть чванливый стоглавец, жалкий, во прахе пребудет!
Ты, обуянный гордыней, обманутый тщетной надеждой,
Чаял ты приступом взять и самые выси Олимпа!
Жалкий! Ведь я над тобою за это воздвигну гробницу
Полую и над священным твореньем надпись оставлю:
"Здесь Тифоэя надгробье, земли порожденья, метал он
Глыбы в эфирные выси - и сжег его пламень эфирный!"
Молвил с издевкою сыну Аруры, еле живому,
Зевс. Всемогущему Дию торжественное песнопенье
Каменною трубою возносит Тавр Киликийский.
Влажнопенной стопою извилистый Кидн отбивает
Ритм, прославляя победу Зевса рокотом влаги,
В сердцевине земли струясь ровесника Тарса.
Гея хитон из камня в горести разрывает,
Долу склоняясь - увы, срезает не нож погребальный
Скорбную прядь, но ветры рвут древесные космы,
С воем врываясь в пряди главы, покрытой лесами
Словно в порý листопада; утесистые ланиты
Матерь терзает волною речною вдоль плеч увлажненных,
Горестный громкий плач струится Геи скорбящей;
Плоть Тифаона покинув, вихри и смерчи, и шквалы
Вместе с волнами бушуют, в глубь увлекают морскую
Все корабли, возмущают зыби спокойные Понта,
Но не только над морем свищут пришельцы - на землю
Ветры кидаются часто, вздымая пыльные бури,
Нивы прямые колосья клоня в траву полевую.

Ключница же Природа, родительница вселенной,
Раны земли разбитой врачует и заживляет,
Сорванные вершины всех островов укрепляет,
Связывает нерушимо колеблемые основы.
Нет и средь звезд никакого уже беспорядка, бог Гелий
Льва косматого рядом с Девой, держащею Колос,
Снова поставил, ведь ране Дева с пути уклонилась!
Рака, что устремился ко Льва небесного лику,
Вспять отводит, напротив льдистого Козерога,
И помещает вновь за небесным Раком Селену,
И пастуха песнопевца Кадма не забывает
Зевс Кронид: вкруг тела рассеяв облак темнейший,
Юношу он призывает и речи такие вещает:
"Кадм! Свирелью своею ты своды Олимпа восславил,
Брак твой небесной формингой почтить и я собираюсь!
Зятем почтенным ты станешь Арея и Киферейи,
А на свадебном пире твоем богов ты увидишь!
Сам я приду в палаты к тебе! И лучшего в мире
Нет, чем видеть Блаженных, пирующих в доме у смертных!
Если же Тихи желаешь бежать переменчивой зыби,
Жизни ход совершая по ясному тихому морю -
Да не обидишь вовеки ты Диркейского бога,
Бога Арея, без гнева гневного! Полночью темной
На небесного Змея пристальный взор устремляя,
Благоуханный офит неси ты на жертвенный камень,
Змееносца Олимпа призвав, сожги на огне ты
Многоветвистый рог иллирийской лани при этом,
Дабы судьбины горькой тебе отныне избегнуть,
Участи, мойриной нити, что свита из пряжи Ананке,
Если только возможно нить Мойры смягчить. А отчий
Гнев Агéнора прéзри, об участи братьев пропавших
Не беспокойся! Все братья в мире рассеяны этом,
Живы, бодры и здоровы. Кефей у самых пределов
Нота царствует средь кефенов эфиопийских;
Тасос в Тасос попал у высокохребетного Тавра,
Килик Киликией правит у самых вершин многоснежных;

После странствий Финей завладел страною фракийцев!
Гордого копей богатством и руд в горах изобильем
Зятем содею фракийца Борея и Орифи́и,
Ведающим судьбу женихом Клеопатры венчанной.
Нить же Мойры твоей не кратче нити для братьев!
Над кадмейцами царствуй, оставь им, подданным, имя!
Вечный круг дороги скитальческой ныне отвергни,
Не ходи за следами быка неверными, ибо
Сломлена игом Киприды, сестра твоя стала женою
Астери́я Диктейца, царя корибантов идейских,
Только это пророчу я сам, остальное же Фебу
Предоставляю! Ступай же, Кадм, ко срединному камню,
К храму и долам зеленым Пифо́, пророчицы в Дельфах!"
Так промолвив, с Кадмом, странником Агеноридом,
Зевс Кронид попрощался. Быстрый, ко сводам эфирным
Колесницу златую правит, Ника вспарила
И жеребцов отцовских бичом стегнула небесным.
Так второй раз на небо бог приходит, навстречу
Неба врата отверзают стройные Хоры-богини,
Стражи эфира. И боги, вновь в богов превратившись,
Вместе с Зевесом победным к Олимпу снова стремятся,
Облаченье пернатых отбросив, вернув себе истинный облик...
В тонкотканном наряде восходит на небо Афина
Безоружная, в пляске Арея под пение Ники.
Фемис оружье Гиганта на страх поверженной Гее,
Дабы увидела матерь Гигантов и вечно боялась,
Прикрепляет высо́ко над преддверьем Олимпа.

Песнь III

Третья песнь воспевает странствия Кадма по морю,
Дом роскошный Электры и милое гостеприимство!

Кончилось зимнее время и битва закончилась. Пояс
Ориона яснеет, лезвием мечным сверкая
Восходит созвездье на небо. Не омывает копыта
Инистые в Океане Телец, закатившийся ныне.
В землях Медведицы алчной, матери ливней, не ходят
Люди стопами сухими по мрамором ставшею влаге,
Массагет уж не гонит бичом тележного дома,
Не переходит и рек на колесах он деревянных,
Не бороздит он влажно на Истре замерзшем дороги.
Зефира появленье речет непраздная Хора,
Лопнули почки ветвей, напоённые ветром росистым.
Звонкоголосый вестник весны, сопутница смертных,
Сон у них отнимая щебетом перед зарею,
Ласточка прилетела. Благоуханных покровов
Цвет засмеялся нагой, омываясь в живительных токах
Теплой поры. Киликийский дол, цветущий шафраном,
Тавр высокохребетный с высью острозубчатой
Кадм поутру оставляет, лишь Эос мрак разогнала.
Время кораблевожденья пришло. И Кадм поспешает
Снарядить поскорее ладью корабельного снастью:
Высокоглавую ставят мачту, до неба верхушкой,
Прямо ее укрепляют... Тут, зыбь колебля тихонько,
Утреннее дыханье является ветра морского,
Вслед кораблю он свищет, свивая валы́ прихотливо,
Зыби вихрем внезапным и быстрые пляски дельфинов,
Любящих кувыркаться на глади немой, разгоняя.
Снасти плетеные воздух хлещут с пронзительным треском,
Реи скрежещут под шквалом и жалобно стонут подпорки,
Паруса грудь круглится под натиском ветра свирепым,
Воздымаются волны и падают, пенится влага

Бурно, корабль поспешает быстро по ровной пучине.
Волны с шумом вихрятся и ропщут, и плещут вокруг киля.
Лопасть весла рулевого соленый вал рассекает,
Выкруглив белую пену, в зыбях рисуя узоры.
Девять дней появлялась на небе безбурная Эос.
Кадм, погоняемый ветром ласковоевющим Дия,
Плыл к троянским прибрежьям, где в волны Гелла упала,
Как повлек его ветер противный мимо пролива
Тихого к Самосу, мимо воинственного Скамандра,
40
К острову близ Ситони́и, где Кадма ждала уж невеста,
Юная Гармони́я. Согласно богов повеленью,
Вещие ветры к фракийским несли корабль побережьям.
Только завидев самосской сосны огонь негасимый,
Радостные мореходы убрали снасти и парус.
50 [45]
Судно подводят поближе к якорной тихой стоянке,
С весел остроконечных влагу они отряхают
И под укрытье залива чалят. Отвесных утесов
Острые гребни чалки с бортов корабля принимают,
И за влажные дюны бухты глубоководной
Струг якоря зацепляет кривые с причального снастью,
Только за море зашел Фаэтон... Моряки по прибрежью
Рассыпаются, дабы поспать на песке, без подстилок,
После еды вечерней. Гипнос блуждающий очи
Их смыкает, ступая по векам темной стопою.
60 [55]
Вот от пределов Эвра, что любит и пурпур и алость,
На верхушках зубчатых отрогов Иды тевкрийской
Эос восходит, залив озирая взором рассветным.
Черные воды моря вокруг от нее засверкали!
Тут Киприда зажглась Гармони́ю к браку принудить -
Сделала зыби немые негодными к плаванью вовсе.
Только ранняя птаха взлетела с криком над морем,
Строй прекрасношеломный неистовых корибантов
Потрясая щитами двинулся с пляскою кносской,
Лад отбивая стопами. Глухо гремела воловья
70 [65]
Шкура о медь ударяя, звуча пронзительной песней
Словно авлос двуствольный, и с танцем неистовым вместе

Воздух дрожал от звуков вослед плясовому движенью.
Зашелестели дубравы, скалы в ответ загудели,
Чащи в вакхическом буйстве, разум забыв, затряслися -
Тут и дриады запели, в плотные стаи сбиваясь,
Заскакали медведи кружась-состязаясь друг с другом.
А из пастей львов, застигнутых тем же безумьем,
Рык вырывается мощный, как в таинствах темных Кабиров
В их ясновидческом бреде. Авлосы в неистовстве яром
80 [75]
Славят Гекату богиню, псолюбицу, оные дудки
В Кроновы времена придумали, рог обработав.
И под буйные звуки любящих шум корибантов
Рано Кадм пробудился. Спутники тоже проснулись,
Одновременно заслышав издали ропот немолчный.
С дюн песчаных вскочили, прибоем морским увлажненных,
Моряки из Сидона, по гальке прибрежной рассеясь...
Кадм-путешественник спешно пошел на поиски града,
Струг поручив мореходам. Пока же он к Гармонии
Дому стремился - навстречу Пейто, прислужница страсти,
90 [85]
В облике смертной явилась: к груди прижавши тяжелый
Груз, семенила служанка со взятой в источнике влагой.
Сребряный круглый сосуд она в ладонях держала,
Знаменованье святого обычая - деве прилично
Перед свадьбой омыться в живительной влаге истока.
Вот уж почти у града Кадм оказался, где жёны
Грязные одеянья, сложив их все по порядку,
В стирнях, обильных водою, толкут стопами усердно,
Соревнуясь, кто лучше. Юношу от лодыжек
Непроницаемой тучей до верха темени скрыла
100 [95]
Плотно Пейто, и Кадма по камням неведомым града
Повела, взыскуя царской гостеприимства
Кровли, Пафийки веленьем влекома. Явилась им птица,
Сев среди густоветвистой кроны оливы зеленой,
Ворон-вещун, и раскрывши клюв изострый пошире,
Стала свирепо браниться, что ищущий Гармонйи
Девы идет столь лениво ко браку, как путник беспечный!
И крылами забив, кричала хрипло, глумливо:
"Кадм неразумный плетется, не смысля в науке любовной!

Эрос быстрый не знает ленивцев! Пейто, умоляю,
110 [105]
Кадм твой медленно ходит - да погонит его Афродита!
Пламенный Эрос кличет, жених, что медлишь да мямлишь?
Сладко станет собрату Адониса нежного, сладко!
Сладко, кто сродником будет всем обитателям Библа
Ах, не прав я: не видел ты струй Адониса, пашен
Библа не знал, где Хариты живут, где пляшет Сирийка
Киферейя, где нет избегающей ложа Афины!
Радостная с тобою божеств повивальница брачных
Шествует, не Артемида - Пейто! Не терзайся же боле -
Насладись Гармонйей, быку оставь ты Европу!
120 [115]
Примет тебя Электра, спеши из рук ее помощь
Получить! И эроты корабль нагрузить твой помогут!
Афродите доверься в этой сделке любовной!
Дочерь Киприды для брака хранящую зорко, Киприду
Чти неустанно! И птицу восхвалишь вещую после,
Ей провозвестницы брака дашь имя, посланницы страсти!
Ох, заболталась - Киприда меня вдохновила! Богиня
Пафоса свадьбу пророчит, хоть я и птица Афины!"
Так рекла и сомкнула болтливый клюв в знак молчанья.
Он же по многолюдным улицам шествовал града.
130 [125]
Вот, наконец, показался дворец высококолонный
Царский, где всех принимали; и палец вытянув тонкий,
Ясный знак вместо речи - красноречивый, безмолвный,
Кадму Пейто указала на блещущий ярко огнями
Дом царя; а после, облик приняв настоящий,
На пернатых плесницах в небе исчезла богиня.
Кадм же блуждающим взором осматривал в изумленье
Дивное бога деянье. Его же невестной Электре
Выстроил мастер лемносский когда-то, с миринским искусством
Чудесами украсив. Дворец, недавно построен,
140 [135]
Медным порогом блистал. По сторонам же обеим
Входа ввысь поднимались врата искуснорезные,
Над высокою кровлей дома плавно круглился
Ровный купол срединный, отделаны лещадью стены
Гладкие ровно и чисто, как будто из белого камня,

От порога до комнат внутренних. Вкруг простирался
Сад за оградой, плодами росистыми преизобильный,
На четырех десятинах; и ветви мужеской пальмы,
Плотно смыкаясь над женской, о страсти любовной шептали.
Грушевые деревца-однолетки, плодами блистая,
Шелестели под ветром, касаясь верхушками тихо
Рядом растущего с ними кустика тучной оливы,
И под весенним дыханьем ветра листики мирта
Лавровых веток касались. Листвы кипариса пахучей
Куща крутая вверху взволнованно колыхалась;
А над смоквой медовой, над сочновлажным гранатом,
Плод алеющий тесно с плодом пурпурным мешался.
Яблоня рядом с соседней яблоней расцветала.
Милые Фебу, повсюду цвели ученые знаки
Лепестковых письмен прежалостливых гиацинтов.
Зефир веял дыханьем над зеленью преизобильной,
Взором зыбким над садом скользил Аполлон безутешный:
Глядя на юную зелень цветка, клонимого ветром,
Стонет... Метанье диска он вспоминает! Боится -
Вдруг, завидуя, ветер и к лепесткам приревнует,
Стебель цветка сломает и тот затрепещет во прахе.
Брызгали из бесслезных зениц Аполлоновы слезы,
Только в цветок обратились Аполлоновы плачи,
Запечатлел же рыданье узор лепестков гиацинта -
Вот каков благотенный сад! С ним рядом источник
Бил двуустый: устье одно всем людям давало
Воду, канавку с другого отвел садовник, чтоб влага
Прихотливо текла от растенья к растенью, как будто
Фебовых уст песнопенье изножья лавра касалось.
Много в покоях стояло на каменных пьедесталах
Статуй златых: держали юноши светочи в дланях,
Дабы пирующим было светло во время ночное.
Много с равным искусством изваянных, молчаливо,
С пастью, открытой свирепо, с оскалом клыков до подбрадья,
Псов находилось разумных по обе стороны створок
Врат, золотые собаки с серебряными совместно

Лаяли радостно-звонко навстречу входящему люду,
Если его признавали. Когда же Кадм появился,
То заскулили они искусно содеянной глоткой,
И завиляли хвостами, в нем своего признавая!
Домом любуется Кадм, то туда, то сюда обращая
Лик. Очами своими сады владык созерцает,
Росписью стен наслаждаясь, красою рельефов и статуй,
Ослеплен он сияньем белого мрамора кресел...
Временем тем, оставив и площадь и брани судилищ,
190 [185]
На косматогривастом гордо коне восседая,
Самофракийский царь жилища Арея, Эматий,
Остановился у дома матери милой, Электры.
Он без брата владычил, держа бразды управленья
Царством, ибо отчий дом и пашни оставил.
Дардан же поселился на бреге противоположном,
Основав Дарданйю, город, ему соименный,
Колесницей своею прах потревожив идейский.
Ради того, чтоб испить от вод Гептапора и Реса,
Сроднику долю оставил свою и скиптр Кабиров
200 [195]
Брат Эматия, Дардан, от Зевсова ложа рожденный
И воспитанный Дикой, когда владычицы Хоры,
Взяв и скиптр Зевесов, и Хроноса плащ, и Олимпа
Жезл пред царским домом Электры все вместе явились,
Дабы о будущем веке господства вещать авсонийцев.
Хоры дитя воспитали. Согласно пророчеству Дия,
Зрелости только достигнет, как колос, и юности вечной
Цвет распустится в нем - Электру покинет, и третий
Вал потопа высокий основы мира затопит.
Огиг подвергся сначала первого наводненья
210 [205]
Ливням и токам бурным, разбившим небесные своды.
Воды по всей разлились земле, сокрылися гребни
Гор фессалийских, и выси небесные кручи пифийской
Ливненосной стремниной волнующейся омылись.
При наводненье повторном ринулись в круги земные
Зыби безумные влаги и сушу собой затопили.
Девкалион лишь единый с подругой-ровесницей Пиррой,
В чреве ковчега укрывшись (а смертные гибли в стремнинах),

В водоворотах пробился неукротимых потоков,
Мореход, бороздящий туман с пеленою вслепую!
220 [215]
А при третьем потопе, насланном Дием, основы
Тверди и горы омыла влага, и склоны Афона,
Ситонйи вершины иссохшей скрылись под зыбью.
Вот тогда, проложив дорогу во вздыбленных волнах,
Дардан прибился к отрогам древней Иды соседней.
Вот Ситонйи владыка, земли, укрытой снегами,
Дардана брат, Эматий, покинувший шумную площадь,
Лику гостя дивится: ведь в нем благородная юность
С красотою слилася и мужеством черт соразмерных.
Лику дивился владыка: разумных правителей взоры,
230 [225]
Даже когда и безмолвны, разве не станут послами?
Царь, приветив пришельца, в дом с одобренья Электры
Кадма тотчас приводит, обильный стол предлагает,
Обращается к гостю с дружеской речью учтивой,
Угождая во всем. Но клонит чело свое долу
Гость, от прислужниц он очи царские разумно отводит.
Чуть притронувшись к яствам, лица он не открывает
Гостелюбивой хозяйке, хоть точно сидит он напротив,
Рук неучтивых не тянет жадно к еде или к чашам
Перед пирующим людом плясун да игрец выступают,
240 [235]
Громко в дудочки дуют Иды корибантийской,
Из многочисленных скважин с движеньем пястей искусных
Быстрая плясовая пронзительно-звонко авлоса
Вылетает вслед пляске в лад ударяющих пальцев,
Резвой дроби кимвальной вторят медные диски.
Шумны и гулки кимвалы, звон тарелок ударных
Ладит с рядом тростинок флейты искусной, а плектру
Лира с семью ладами струною в ответ воздыхает.
Лишь когда насладился сполна бистонийским авлосом
После пира, придвинул скамью к любопытной хозяйке
250 [245]
Кадм. Промолчав о заботе, погнавшей их через море,
Происхожденье свое раскрыл он высокое, речи
Потекли невозбранно от уст его, как из истока:
"Гостеприимица наша! О роде моем вопрошаешь?

В слове сравню я ответном с листьями род человеков:
Падают листья на землю под ветром бурным безумным,
Коли приходит время зимы, а весенней порою
Лес рождает другие, свежее да зеленее.
Недолговечней и смертный: только лишь жизнь человека
Обуздает погибель, тотчас другой расцветает,
260 [255]
Дабы после исчезнуть... Айону лишь вообразимо
Видеть и юность, и старость, текущие одновременно!
Все же скажу я о роде моем, детьми именитом.
Есть блистательный Аргос у Геры, чертог конепасный
В сердце Тантала края, и там-то некую деву
Муж растил благочестный, потомок лишь женщин... То Инах
Был, гражданин инахийских полей и пашен преславных,
Жрец - и грозные тайны, согласно обычаям древним,
Блюл он, что града богиня ему одному и открыла,
Предку нашему. Зевса, владыку Бессмертных и неба
270 [265]
Взять отказался в зятья он, хранящий почтение к Гере!
Обращенная в телку, в образе стадной телицы,
Вместе с коровами в стаде паслася Ио в луговине.
Гера тогда же наслала бессонного быкопаса,
Аргуса, коего тело сияло повсюду очами,
Дабы Зевс не предался любви с рогатой невестой,
Зевс незримый! И дева пошла на пастбище кротко,
Трепеща пред очами всевидящими быкопаса.
После, гонимая слепня укусом жалящим, дева
Зыбь ионийского моря топтала безумным копытом -
280 [275]
Лишь у Египта очнулась, мне сродного, что называют
Нилом сооттичи, ибо из года в год постоянно
Он разливается, будто вступая со влажной землею
В брак, и наносит на пашни новый ил плодородный!
Дева, Египта достигнув, сбросила облик телицы,
И явилася с ликом рогатой богини, отныне
Плодородье дающей. Когда возжигают начатки
Нашей нильской Деметре, Ио ветвисторогатой,
Дым поднимается к небу с дыханьем смол благовонных
Там родила она Дию Эпафа, ибо касался
290 [285]

Муж божественный лона невинного инахийской
Телки любовным движеньем. От сына бога, Эпафа,
Ливия родилась, до ложа её добираясь,
Бог Посейдаон даже Мемфиса града достигнул,
Дабы найти Эпафиду. Приняв обитателя глубей
(К ней тропою земною пришел он), дева явила
Зевса ливийского, Бела. Он - нашего рода начало.
Новый оракул Зевса асбистейского, равный
Хаонийской голубке, провозвестили отныне
Жаждущие пески... Бел же, предок, посеял
300 [295]
Щедрое семя потомства - сынов пятерых он оставил!
Были там Фойник с Финеем, изгнанники. Рос и Агёнор
С ними, ходил он по градам, то тут, то там поселяясь.
Он-то и есть мой родитель... По миру странствуя долго,
В Фивы из Мемфиса вышел. Из Фив в Ассирию отбыл.
Мудрый Эгипт, насельник земли египетской, многих
Породил сыновей, несчастный, мужское потомство,
Отпрысков недолговечных, столькое множество юных!
Царь же Данай, изгнанник, на сродных себе ополчился:
Дочкам дал он мечи, в покоях праздничных тайно
310 [305]
Алая кровь пролилася растерзанных новобрачных.
Ибо, припрятав железо на ложе брачном с собою,
Женственная Энио с Ареем нагим опочила.
Лишь Гипермнестре единой противно зло против мужа:
Не захотела исполнить родителя злые наказы,
Клятвы отцу и обеты позволила ветру развеять,
Не осквернила пясти братоубийственной медью,
Жалко ей стало супруга. Сестру же мою молодую
Некий бродячий бык внезапно и дерзко похитил.
Только вот бык ли то был? Не могу я в это поверить,
320 [315]
Чтобы порода бычья к женам земным вожделела!
Вот и послал за сестрою меня, как и братьев, Агенор
Вслед похитителю девы свирепому; может, узнаем,
Что за бык по равнине морской как по суше бегущий... -
Вот почему я, тщетно странствуя, здесь оказался!"
Так говорил он в палатах под звуки сладостной флейты,
Кадм, изливающий речи от уст искусноумелых,

Рассказавший о гневе отца, рассеявшем братьев,
И о мнимом быке, рассекшем тирренские зыби,
Неумолимом похитчике девы сидонской пропавшей.
330 [325]
Выслушала Электра - и молвит утешное слово:
"Гость мой, отчую землю, сестру и родителя струям
Вод летейских оставь и беспамятному безмолвью!
Участь сия человеков, муку влечь неизбывно
За собою вовеки, ведь кто родился от чрева
Смертной, тот пребывает в рабстве у мойриной пряжи.
Ведаю я об этом, царица, одна из блестящих
Звезд Плеяд поднебесных, их же некогда матерь
Породила из лона на свет в мучительных родах,
Призывая семижды богиню к себе Илифию,
340 [335]
Дабы она облегчила приступы мук роженицы.
Ведаю я: ведь живу вдали от жилища отцова,
Нет ни Стеропы, ни Майи со мною, не вижу я боле
И сестры Келено. Уж боле не поднесу я
К лону сестрицы Тайгеты ее Лакедёмона сына,
Не улыбнуся, младенца в объятьях баюкая нежно.
Дом Алкионы не знаю, и не услышу вовеки
Сладкоречивой Меропы слова, что по сердцу было...
Но еще боле страдаю вот отчего: ведь мой юный
Сын оставил отчизну. Лишь пух на ланитах пробился,
350 [345]
Дардан отплыл к идейским долинам, чтоб там поселиться!
Первую прядь посвятил фригийскому Симоенту,
Пьет он влагу чужую речных потоков фимбрийских.
И у пределов ливийских отец ненаглядный томится,
Старец Атлас согбенный, плечом подпирающий полость
Неба с семью поясами, взнесенными в горнем эфире.
Но утешаюсь надеждой в страданье, ведь Зевс обещает:
Скоро с сестрами вместе твердь оставив земную,
Я на горние выси Атлантовы вознесуся,
Буду на небе жить и стану седьмою звездою.
360 [355]
Так что утешься в печалях своих и если внезапно
Участи повороты тебя и гонят по свету,
Страшною нитью закручены Мойры неодолимой,

Претерпи - ты отмечен! - изгнанье, не бейся с судьбою,
И надеждой утешься на то, что будет в грядущем.
Корень первый Ио пустила Агеноридов,
Ты потомок Либи́и, ты - Посейдоновой крови,
Так ступай же в чужбину, как Дардан, устроить жилище,
В гостеприимном граде правь, как Агенор-родитель
Иль как Данай, отцовский брат, иль словно недавний
370 [365]
Чужестранец, чей род от Ио, как и твой происходит:
Отпрыск небесный, Зевеса воскормленник, некий Византий,
После того как испил он от вод семиустого Нила,
К новым краям удалился, поплыл к боспорскому брегу,
К влаге, что древле прияла телицу, Инахову дочерь,
Подал свет для народов окрестных, как только он силой
Долу склонил дотоле быка несклонимого выю!"
Молвила - и усмирила заботу Агенорида.
Зевсом владыкою послан сын Майи резвоплесничный,
Вестник быстрый, в домы Электры, чтоб Гармонию
380 [375]
Отдали Кадму в жены на радость всем и согласье!
Дева ж являлась небесной изгнанницей. Ведь Афродита
В тайной связи зачала сего младенца Арею,
Семени тайного ложа стыдясь и разоблаченья,
Не вскормила малютку матерь - с небесного лона
Отнесла, прижимая к сердцу нежною пястью,
В домы Электры младенца. Богини рождения Хоры
Приняли только дитя у нее, и взбухшие груди
Матери исходили густым белеющим млеком
Приняла мнимую дочерь Электра, кормить ее стала
390 [385]
Грудью, как и Эматия, только рожденного ею
Сына, и с равным вниманьем она к груди подносила
Дланью кормящей своею сие двойное потомство.
Словно охотница-львица с косматою гривой густою
Двойню принесшая, милым детенышам млеко по капле
Равно она выделяет из пары сосцов материнских,
Милых щеночков обоих к груди придвигая поближе,
Лижет ласково тельце еще не одетое мехом,
Плод одного помета с равной заботою нежит -
Так и Электра кормила малюток собственной грудью,

400 [395]
Данных ей в воспитанье обоих новорожденных,
И неразумный младенец часто с сестричкой молочной
То к одному, то к другому сосцу, изобильному млеком,
Припадали, а мать их баюкала в нежных объятьях.
После сыночка с дочуркой она на колени сажала,
Ноги расставив пошире, устраивалась поудобней,
Дабы складки хитона глубокие чуть натянулись.
И напевала тихонько она колыбельную песню,
Оба пока младенца сладко не засыпали.
После приподнимала, поддерживая головки,
410 [405]
И на коленах качала, как будто в люльке, а краем
Покрывала над личиками помавала Электра,
Дабы прохладно им было. Зной она умеряла
Этим движеньем своим, порождающим ветер прохладный!
Но в то время как Кадм пребывал при владычице мудрой,
Не замеченный стражей, как похититель бесшумный,
К ним Гермес проникает, никем не замеченный в доме,
Юноши облик приявший. Вкруг ясного светлого лика
Пряди густые, венчая виски, свободно струились,
Вкруг ланит и подбрадья еле пушок пробивался
420 [415]
Юношеский, обрамляя бороздкою золотистой
Лик с обеих сторон, и как посланник и вестник,
Жезл привычный в деснице держал он. С невидимым ликом,
Облаком скрыт от макушки до кончиков пальцев на ступнях,
Он явился незримый к скончанью обильного пира.
Ни Эматий не видел его, ни сама Гармония
С Кадмом, сидящим рядом, из слуг и рабов - ни единый!
Только одной боговидной Электре он показался,
Красноречивый Гермес. Уведя в глубину помещений,
Вдруг, перед нею представ, человечьим голосом молвил:
430 [425]
"Матери милой сестра, супруга Диева, здравствуй!
В женах ты приснoблаженна, ведь повелитель Кронион
Предназначил крови твоей владычить над миром!
Над городами земными твое будет править потомство,
Брачный дар предложен тебе с моей матерью Майей:
Ты над Олимповой высью седьмою звездой воссияешь,

Над орбитою Солнца вместе с восходом Селены.
Я ведь твой родич, Гермес, о чадолюбивая матерь,
Вестник бессмертных Блаженных крылатый и быстрый, и с высей
Горних Зевс высочайший послал меня слово промолвить
440 [435]
О богоравном госте. Крониону ты покорися,
Мужу милому: деве дай Гармонии отъехать,
В жены отдав без подарков брачных ровеснику Кадму,
Будь милосердной к Блаженным и к Зевсу, ибо Бессмертных
Гость твой спас, чаруя Тифона игрой на свирели.
Этот муж защитил в беде супруга Зевеса,
Этот муж возвестил о дне свободы Олимпа,
Да не смягчишься ты плачем любящей матушку дочки,
В жены ее отдай отвратителю горестей Кадму,
Так желает Кронион, Арей и сама Афродита!"

Песнь IV

В песне четвертой поется о плаванье Гармонии
Вместе с Кадмом-супругом, ровесником милой юницы!

Молвив так, на Олимп благожезлый Гермес удалился,
Легкими крыльями воздух колебля, подошвой плесницы
Словно веслом он воздушный ток разрезает, бегущий...
Что до Электры фракийской, владычицы верных кабиров,
Повиновалась она велению Дия-супруга,
Ибо его почитала: невестную дочерь Арея,
Прямо ладонь воздымая, как будто знаком условным,
Дабы без слов обойтись, призвала к себе Гармонúю.
Та взглянула прямо на лик округлый Электры,
10
И выраженье узрела печали и думы глубокой,
Щеки запали и деве безмолвную весть доносили.
Встала тотчас Гармония и вслед пошла за родимой
В высокостенный покой. Затейливые затворы
Опочивальни открыв семичастной, матерь Электра
Каменный праг преступила и нежнолюбящей девы,
Испугавшейся вдруг, задрожали колена от страха.
Розовые ладони в свои белоснежные руки
Нежно берет Электра и ласково их пожимает,
Словно Гебы персты лилейнораменная Гера.
20
И по покоям ступая стопами в пурпурных плесницах,
До последней светлицы в доме царица доходит
Вечно юная дева, дочерь Атланта, на скамью
Вырезанную искусно, садится, рядом с собою
Девушку в кресло с накладкой серебряною помещает,
О повеленье Кронида речет недоверчивой деве.
Все ей о том сообщает, что в облике юноши милом
Перед нею явившись, молвил посланец Олимпа.
Выслушав весть о грядущем браке, сулящем скитанья,
Муже без племени-роду, госте в собственном доме,
30
Воспротивилась дева, не верит рассказу Гермеса

О покровителя Кадма могучего Зевса веленье,
Хочет она супруга из тех же краев, чтоб избегнуть
Связи с каким-то скитальцем без брачных даров и союза,
И простирая руки к той, что ее воспитала,
Льет горючие слезы и так укоряет Электру:
"Матерь, почто отторгаешь от лона родимую дочерь?
Хочешь отдать дитя ты первому же чужеземцу?
Что же сей мореходец как брачный выкуп предложит?
Разве подарком мне станут одни корабельные снасти?
Разве я знаю, родная, зачем ты безотчее чадо
Предназначаешь для брака с бродягой каким-то безродным?
Разве нет средь сограждан иных женихов, да получше?
Что же за польза мне будет женою стать нищеброда?
Голого попрошайки, бегущего гнева отцова?
Ты говорила, он помощь Крониону подал супругу -
Разве не воздана почесть Олимпова, если ты правду
Молвишь? Коли сражался он за Олимп, что же Гера
Диева юную Гебу не отдала Кадму в супруги?
Зевсу всевышнему дела нет до какого-то Кадма!
Дий! Прости, умоляю! Гермес боговидный - обманщик,
Он о родителе Дие солгал, совсем я не верю,
Что пренебрег он Ареем, водителем браней свирепых,
Ради смертного мужа, которого вызвал в подмогу,
Он, владыка вселенной и неба. И как это странно:
Стольких он ниспровергнул Титанов в недра земные,
А одного погубить - он Кадма к себе призывает?
Предки мои, ты знаешь, дважды они сочетались
Браком. Зевс со своею сестрою Герой, на ложе
Кровь смешавши родную, взошел, а Арей с Киферейей
В брачный покой единый совместно вошли, хоть и были
Братом с сестрой и зачáли там твою Гармонию,
Род и кровь сохраняя! О горе, горе мне, жалкой:
Родич родичу отдан, а мне достанется нищий!"
Так говорила, а матерь, досадуя, плачущей деве
Слезы с лица отирала, двоякою думой волнуясь:
Гармонию жалела и гнева Зевеса страшилась.
Тут, препоясавши чресла внушающим страсть и желанье

Поясом, полным чар, кознодеющая Афродита,
Облачилась в одежды Пейто, чтобы вызвать доверье,
И в благовонный девичий вступает покой Гармонии.
Лик небесный богини она тотчас изменила,
Приняв обличье девы, что рядом жила, Пейсинои,
Кадма вдруг возжелавшей... Скрывая будто бы тайный
Умысел, входит дева бледная с ликом печальным,
Слуг отослав, и только оставшись одна с Гармонией,
Будто стыдяся заводит такие хитрые речи:
"Ах, счастливица, в доме такого ты принимаешь
Странника милого, мужа-красавца иная невеста
И не увидит вовеки, тебе ж такая удача!
Кровь Ассирии в нем, без сомнения, так и играет,
Края, где плещет Адонис струею веселой! Прекрасен
Юноша этот с Ливана, где пляшет сама Киферейя!
Нет, не смертное чрево Кадма на свет породило!
Он от Зевесовой крови и лжет о своем он рожденье!
Знаю сей олимпиец откуда: если Электра
Майи сестра, дочь титанида Атланта родная,
То жених Гармонии - Гермес, но только без крыльев!
Ведь не напрасно славят его как "Кадмила"! Небесный
Облик он изменил и теперь он Кадмом зовется!
Коль божество другое имеет смертного облик,
То Эматий лишь Феба в своем дому принимает!
Дева, хвалимая миром! Удачливей матери будешь
С небожителем в браке! Какое великое чудо!
Зевс лишь втайне назвал Электру супругой своею,
Сам Аполлон открыто назвал Гармонию невестой!
О счастливица, ты Дальновержцем избрана! Если б
Феб к Пейсиное желаньем, страстным таким загорелся!
Нет, не отвергла бы Феба, как некогда Дафна!
Нет, как Гармония не стала бы я упираться,
Я б оставила дом, родителей, все достоянье,
Дабы отправиться с Фебом-супругом в дальние страны!
Помню облик подобный: когда я с родителем милым
В доме была прорицаний, в оракуле Фебовом, в Дельфах,

Видела статую бога пифийского - на чужестранца
Бросив взгляд, я узнала: сам Феб перед нами явился!
Скажешь: златою повязкой повиты власы Аполлона!
Словно злато сам Кадм сияет! Возьми, если хочешь,
Всех рабов и домашних слуг без числа, за него я
Златом всем, что имею, и серебром заплатила б,
Я б отдала и одежды, что зыбь тирийская красит
Для царей, даже отчий дом! Сказать же по правде,
Отбери и отца, и матерь, и слуг несчетных,
Только бы стал мне супругом милый юноша этот!
Ах, чего ты страшишься? Весной поедешь по морю,
Узок пролив и спокоен... А я б с моим Кадмом желанным
Я б в Океан безмерный кинулась с бурею зимней!
Пенной соли и вала не бойся - хранит Афродита,
Пеннорожденная дева, парусник Эроса в море!
Кадм у тебя, Гармония! Зачем тебе троны Олимпа?
Я не желаю так страстно камня алого Индов,
Или плодов золотых с дерев гесперийских, иль камня
Янтаря от сестер Гелиад, как мрака желаю
Брачного опочивальни, где б странник ласкал Персиною!
Если ты род свой ведешь от Арея и Афродиты,
Матерь мужа нашла достойного Гармонии!
Не появлялось в мире цветка такого, природа
Луг весной украшая, и Кадма тогда породила!
Вижу, что белизною руки сияют, а очи
Мед точат благовонный, лик, рождающий пламя
Страсти, как алая роза рдеет! Когда он ступает -
Стопы белее снега в пурпурно-алых плесницах
Блещут, а руки гибки и бе́лы как лилии цве́ты!
Цвет кудрей назову я (Феб! Не прогневайся только!)
Цветом от лепестков терапнийского гиацинта;
Взглянет он на кого своим взором, рождающим страсти,
Пламя как будто в сиянье полном над миром восходит,
Месяц блестящий, а если вдруг рассыпаются кудри,
Лоб открывая - как будто звездою утро мерцает!
Об устах умолчу я. Рот его - гавань эротов,

Медоточивые речи из уст Пейто изливает!
Вкруг его пляшут Хариты, о белизне его пястей
И судить не могу - посрамлю белизну молока я!
Ах, приюти ты меня! Я в смятенье! Коснуться бы только
Юноши мне десницей, дотронуться бы до хитона,
Я б исцелилась, от хвори тайной нашла б утешенье!
Я б любовалася шеей, словно случайно пожала
Пясти сидящего рядом... Ах, если б он дерзкую руку
Опустил мне, лаская, на грудь - я бы так и сомлела,
Чувствуя это касанье на персях моих без повязок,
Как приникают губы его, знаменуя начало
Сладостно-жарких лобзаний... Ах, с юношей этим в объятьях
Я б доброхотно спустилась и к самым зыбям Ахеронта
Без сожалений, и Леты многослезным потокам
Я бы поведала счастье, и мертвым о том рассказала б,
И в Персефоне жестокой проснулись бы жалость и ревность!
Я б обучила лобзаньям, где негою дышат Хариты,
Тех несчастных влюбленных, которых любовь истерзала,
И пробудила бы ревность в тенях, когда бы у Леты
Жёны, уже после смерти, могли ненавидеть Пафийку...
Я пойду за тобою, если захочешь, и страха
Хоть и неопытна я, не сведаю! Стань же супругой,
Неумолимая дева, законной Кадма, служанкой
Стану в опочивальне как мужу, так и жене я!
Только страшусь: в тебе, хоть гнев ты, конечно же, скроешь,
Из-за ложа супруга пробудятся ярость и ревность,
Ибо и Гера богиня, высей владычица горних,
Так была недовольна соложницами Зевеса,
Что и Европу гнала и к скитаньям Ио́ принуждала!
Да и богинь не щадила: не из-за гнева ль родимой
Гнал Арей и Лето, что родить была уж готова!
Если ж ты не ревнива - позволь найти исцеленье:
Дай мне ложе с супругом твоим разделить до рассвета!
Хоть на одну только ночь, умоляю! А если ты против,
Собственною рукою убей, чтоб не мучилась боле
Я от денно и нощно меня сожигающей страсти,
Гложущей сердце и чрево, не ведающей и предела!"

Так сказав, Гармонию, брака бегущую деву,
Поясом крепко стегнула, желанье в ней пробуждая!
Тут раздвоились мысли в уме тотчас Гармонии:
Стать чужеземцу женою, но жить лишь в отчих пределах!
И раздираема этим противоречьем, сказала:
"Кто изменил мое мненье? Прощай же, берег родимый!
О Эматий и дом мой, прощайте, пещеры Кабиров
И Корибантов вершины я покидаю. Гекаты
Матери светоч священный в ночи не увижу я боле,
Участь девичья, прощай, отдают меня милому Кадму!
Ах, не мсти, Артемида, поеду по влаге лазурной.
Скажешь: море жестоко. Но буря меня не заботит
Боле морская, пускай умру я вместе с любимым!
Кадма и Гармонию да примут родимые волны!
Вслед за супругом пойду я, супругов морских призывая!
Если меня на восток повлечет мой муж-мореходец,
Эригенейе на вид поставлю страсть к Ориону,
Да и Кефала припомню! А коль поплывем мы на запад
Сумрачный, то и Селена, пылавшая к Эндимиону
По-над кручею Латма, меня в страданьях утешит!"
Вот что молвила дева, сладостной страстью палима,
Ум затмившей ее, не в силах сопротивляться;
Слезы жалобно льются по лику влажному девы,
Руки и очи Электры целует, объемлет колена,
Жмется к груди, рыдая, и губы Эматия-брата,
Выросшего вместе с нею, устами стыдливо лобзает,
Шлет прощанье домашним слугам, слезно стеная,
Даже дверную приступку резную горько ласкает,
Даже бездушное ложе и стены светлицы девичьей...
Даже и праха отчизны устами касается дева!
Вот Электра берет Гармонию, деву без вена,
За́ руку (Боги и видят, и слышат!), и Кадму
Передает, и девичьих слез ее не отирает...
Приняв дочерь Киприды, покинул поутру странник
Царский дворец, лишь служанка дряхлая провожала
Деву в пути по улицам града до гавани самой.

Только ее завидев на бреге морском, за пришельцем
Шествующую покорно с сердцем, сгорающим страстью,
Над Кипридою стала браниться насмешница Мена:
"Ах Киприда, оружье против потомства подъемлешь,
Жало страсти терзает твое родимое чадо,
К собственному дитяте пощады не знаешь, какую
Деву смягчишь ты, когда и дочерь родную неволишь?
Горе-то мыкать, подружка, придется, дочерь Пафийки,
Матери молви: "Солнце смеется, луна укоряет!"
Ах, Гармония, беглянка злосчастная, Эндимиона
Мене оставь, за Кадмом-странником в море последуй!
Вынеси равную муку, терзаясь любовной заботой,
Помни, страдая: и я, Селена, истерзана страстью..."
Так говорила, а Кадм сопутников подгоняет...
Все корабельные снасти к отплытию скорому ладить.
Ставит он парус, готовый наполниться ветром попутным,
Намертво закрепив скобою двойные канаты;
Крепкосбитое судно правя к валу морскому,
Травит причальные тросы ровно, как финикиец
Рукомеслу такому обученный с самого детства,
Держится он за правйло, а на корме Гармонию
Размещает жену, сопутницу в плаванье мужа.
Тут он увидел на судне попутчиков, их мореходы
Взяли за плату на борт, и вот один из плывущих
Молвит, оторопевший от дивного вида обоих:
"В этой ладье сам Эрос плывет! Не грозит нам опасность,
Коль Афродита морская нам родила мореходца!
Только вот стрелы и лук у него, и жаркое пламя,
Коим Эрос, малютка крылатый, нас жжет, но я вижу
Струг пред собою сидонский... Арей, может, злое замыслил,
И на корме корабельной увозит в земли Либана
Тайно от Фракии кущ ассирийскую Афродиту...
Эроса матерь, молю! Ниспошли на безбурные глади
Ветер благоприятный, ведь рождена ты на море!"
Слово такое измолвил плывущий рядом сопутник,
Время от времени глядя на Гармонию украдкой.
Кадм направлялся в Элладу. Словом пророческим Феба

Подгоняемый в сердце и беспрестанно томимый
Диевой речью, когда-то услышанной слухом безгрешным.
Там, всем эллинам новый дар принеся, он Даная,
Зачинателя зла, затмит жизненосное дело,
Воду принесшее в Аргос... Что ж лучше было ахейцам,
Как не рыть однозубой медной мотыгой прилежно
Полную влаги жилу, вгрызаясь в землю глубоко,
Аргос водой напоив, аргивянам жаждущим подступ
К струям прохладным устроив - достойная гостеприимства
Плата, ключ невеликий, бьющий из недр! Но в Элладу
Кадм с подношеньем идет, порожденьем мудрости с речью,
Ибо придумал нечто, годное для разуменья -
Там и гласный звук и согласный ладят друг с другом
В нарисованных знаках - безмолвные, но не немые!
Научившись в отчизне тайным дивным искусствам,
Мудрости божьей египтян, когда родитель Агéнор,
В Мемфисе побывав, основал стовратные Фивы,
Он напитался млеком бессмертным свитков священных,
Справа налево рукою письмá округлые знаки
Вырисовывал, там египетского Диониса,
Он же странник Оси́рис, зрел святые обряды,
В коих действам таинным и бденью ночному учился...
Втайне он песнопенье творил сокровенное гласом,
Жалоб исполненным слезных. В храмах с толпами статуй
Он изучал на скальных стенах вязи рисунков,
Будучи юношей только... Предмудрым своим разуменьем
Неисчислимых созвездий огнистые выси измерил,
Гелия бег расчислил и меру лугов или пашен,
Пясти вместе с локтями переплетя воедино,
Смог умом он проникнуть на зыбкие тропы Селены:
Как же она в трехфазье меняет свой облик лучистый,
Убывая, взрастая и полным ликом сияя,
Как, приближался тихо к мужескому блистанью
Гелия-животворца блеск безматéрний рождает,
От отца укрывая сие самородное пламя.
Вот каков он был, Кадм! И быстрый, по весям ахейским

В путь пустился, оставив корабль. Со своей Гармонией
И дружиной морскою посуху в путь он пустился,
Правя упряжью конной повозок груженных скарбом,
К прорицалищу Феба. Сразу же, только он прибыл
В Дельфы, к срединному камню пифийскому девы немолчной,
Он вопрошает оракул, и камень пифийский срединный,
Разумом наделенный, ответил гласом глубинным:
"Странствуешь, Кадм неразумный, по кругу земному напрасно,
Ищешь быка, что рожден не из чрева земного телицы,
Ищешь быка, что ярма вовеки смертных не ведал?
Землю оставь Ассирúи и назначенье исполни:
Следуй за телкой земной, не ищи быка олимпийца,
Ни один быкопас жениха не догонит Европы,
Не в луговинах иль поймах он ходит; бодцом не заставишь
Повиноваться, бичом не стегнешь, лишь нежные узы
Ведает он Афродиты, не иго в руках земледельца!
Эросу выю подставит, но не богине Деметре!
Что же, довольно о Тире мечтать, о родителе милом,
Оставайся в чужбине, граду ты дашь основанье,
Именем - Фивы, словно в Египте отческом, в месте
Том, где телка приляжет по божьему соизволенью!"
Рек и умолк, как будто в дреме, глас исступленный.
И задрожали Парнаса выси от Фебова эха,
И на ложе провидческом воды внезапно взметнулись
Влаги кипящей ключа касталийского, мудрости полной.
Бог измолвил - и Кадм отступился. Около храма
Он увидел телицу, она пошла - он за нею.
Спутники быстрые следом пустились в дорогу тотчас же,
Шаг с неспешным копытом идущей к цели телицы
Соразмеряя... И скоро взору Кадма открылось
Некое место святое, где древле Пифиец на склонах
Горных заметил змея, что в девять колец свою спину
Складывал - и умертвил смертоносного аспида Кирры.
После герой-скиталец, оставив выси Парнаса,
Вышел к пределам Давлиды, где слышал я, сказ и родился
О говорящих одеждах лишенной слов Филомелы,

Осквернённой Тереем... И брачная Гера от брака
Отвернулась, в теснинах без подобающих плясок
Совершенного (в прахе дорожном юница рыдала)
Без светлицы и ложа, и безъязыкая дева
Сетовала на жестокость и гнев Афродиты фракийской,
И безъязыкая Эхо с нею бесслезно стенала,
Горько плача над долей девичьей, бегущей супруга
Филомелы... Пурпурным кровь бежала потоком
330
Из обрубка во рту, мешаясь с кровию девства.
Видел он Тития город, где дерзкий отпрыск Аруры,
В чаще бродя Панопея пречистой, прекрасноветвистой,
Страстью пылая, с Лето срывал одеянья святые![204]
После вступил он в край Хайрониды, там, где копыта
Побелели телицы от пыли блестящей и светлой.
И пройдя повороты многих дорог каменистых,
Прах наконец отряхнул от стоп запыленных белесых.
От хайронидской земли он в край Халиарта приходит,
Феспиев грады минует, платейские долы лесные,
340
И беотийской равниной ступает в Аонии землю,
Где Ориона, потомка злосчастного Геи-богини,
Скорпион повергнул, Охотницы чистой защитник,
Лишь только тот к незнавшей празднеств брачных богине
Стал подбираться, хватая деву за край одеянья...
Тут-то чудище бездны земной, ползущее тихо,
В самую пятку гиганта вонзило хладное жало.
После Беотии Кадм стопы в Танагру направил.
Тут, подвернувши копыта, священная телка ложится,
Возвещая тем самым место для града. Свершилось
350
Вещее слово в Пифо взгремевшее недрах подземных!
Телку святую оставив у алтарей благовонных,
Ищет Кадм ключей с бегущей водою, очистить
Вещие длани, чтоб мог он жертву священною влагой
Окропить... Средь угодий виноградных в округе
Не возросли еще грозди порой плодоносною лета.
Остановился Кадм у змеепитающей Дирки,
Здесь он застыл в изумленье: пестрохребетный Арея
Змей шевелился вкруг бьющих струй извивом змеиным!

Затрепетала дружина Кадма, идущая следом -
Змей же в передового впивается зубом блестящим,
Умерщвляет другого кровавою пастью своею,
Третьему рвет он печень, прибежище жизни, и мертвым
Падает шлемник, и гребень над змеем дыбится косматый
Сам собою, над мордой влажной покровом спадая!
Змей устрашает другого, метнувшись над головою,
Воина, неукротимый, он хочет вцепиться уж в глотку
Пятого, брызгая очи зельем отравным из пасти,
Белый свет застилая очей его мраком ужасным!
Этого он за пяту хватает и, зубы сомкнувши,
Плоть терзает и пена с клыков зеленая хлещет,
Воина лик покрывая... Становится мертвенно-серым
Лик, как будто железо под действием мерзкой отравы!
Тот хрипит, задыхаясь, чуя челюсти хватку,
Воспалилась и вздулась плоть от яда из пасти
Змея излитого, влага из мозга размягшего вскоре[205]
Потекла через ноздри, с кровью мешаясь и слизью.
После подполз он к Кадму и подле коленей обвился,
Кольцеобразным телом сдавить грозя понапрасну;
Змей приподнялся, и бросился, вдруг оказавшись
В центре щита кругового, обшитого шкурою бычьей,
Но средь извивных колец с оплетенными крепко ногами,
Изнемогая под страшным бременем аспида плоти,
Кадм устоял пред натиском змея, тот же низвергся
Снова на землю и прянул, в ползущий клубок собираясь,
Ненавистную пасть отверзая, кровавую глотку,
Жаждущую добычи, словно врата, открывая,
Голову наклоняет, тянется мордой к герою,
Выю посередине свивая кольцеобразно.
Кадм изнемог, но к нему приблизилась дева Афина.
Предрекая победу, эгидой она потрясает
С головою Горгоны змеиновласой над нею,
Битвенный клич испуская, вещает герою богиня:
"Кадм, помог ты в битве Дию-Гигантоубийце,
Чудища что же страшишься единого? Разве в сраженье

Не на тебя полагался Кронион, низвергший Тифона,
Чья вздымалася грива волос мириадами змеев?
Не трепещи же пред пастью клыкастою дикого зверя -
Ведь с тобою Паллада! У струй кровавистых Дирки
Аспида-стража Арей спасет ли меднодоспешный?
Чудище только издохнет, возьми ты грозные зубы
И засей это поле сиим змеиным приплодом -
Войско пожнешь Гигантов, рожденное змеем ползучим!
Землерожденных фаланги в битве междоусобной
Сгибнут, но пятеро будут в живых, и в Фивах грядущих
Спартов встанет потомство, деяньями славное племя!"
Так изрекала Афина и мужество в Кадма вдохнула.
После оставив глубокий след стопою в эфире,
В дом удалилася Дия. Кадм же, оставшись на месте,
Мрамора глыбу подъемлет (их много было на поле),
Дрот огромный и твердый, и прямо камнем ужасным
Мечет в голову змея, пасть ему раздробляя.
После, выхватив острый меч, у бедра укрепленный,
Ею перерубает чудище... И неподвижна
Голова, что от тела отделена, но о землю
Бьется еще, свиваясь в кольца, хвост как обычно.
Вот все стихло, и прямо дракон во прахе простерся
И над чудищем мертвым Арей возопляет от скорби:
Из-за гнева Арея и Кадм в грядущем изменит
Облик свой человечий ради извивов змеиных,
Чуженином придя к брегам Иллирии круглым.
Только случится все это нескоро. Вот Кадм собирает
В чашу медного шлема жатву ужасную битвы,
Зубы чудовища... После плугом гнутым Паллады
Местной тучную землю взрыхлив от края до края,
Он в рождавшие распрю борозды пашни привольной
Сев многорядный бросает зубов ядовитых змеиных.
Вот возрастают, колеблясь, из пашни колосья Гигантов,
Видны высокие главы, уже и грудь показалась
В панцыре, видятся плечи под выей высокой, могучей,
Грозно шевелятся выи по-над расступившимся полем,

Вот один уж до чресел явился, другой уж поднялся
Над землей, вполовину вооруженный землею,
Третий колеблет гребнем на шлеме, и не показалась
Грудь еще на поверхность... Материнского лона
Не оставив, бросается воин на храброго Кадма,
В полном вооруженье рожденный. Ведь Илифи́я -
Чудо! - вооружила того, кого мать не рожала!
Этот копьем потрясает, что вместе с ним появилось,
Виден наполовину, а тот, на свет устремившись,
Пятки в земле лишь оставил, полон резвости бодрой!
Только Кадм не забыл повеленья богини Афины:
Стал собирать он жатву новорожденных Гигантов.
Так, одного он уметил под грудь копьем быстролетным;
А другого сражает, попав под ключицу у выи
Мощной, кость раздробивши под подбородком власатым;
Третьего он повергает каменной глыбою, прежде
Чем поднимается воин... И среди грязи кровавой
Проклятых миром Гигантов Арей неистовый реет,
Кровию члены забрызгав, и над разгоревшейся схваткой
Ника зрит одеянье бога в росах пурпурных!
В битву бросается новый - и Кадм мечом рассекает
Щит и бедро Гиганта, рожденного вместе с доспехом.
О, несказанная битва! Разрублено тело Гигантов!
Льются крови потоки, смертные росы под взмахом
Кадмова кладенца... По промыслу мудрой Паллады
Мечет глыбу из камня герой в одного из Гигантов:
Все, Энио кровавой подстрекаемы в битву,
Бросились за Ареем и во взаимном убийстве
460 [459]
Валятся в прах, сражены железом, что с ними явилось!
Бьются друг с другом, забрызган каждый грязью кровавой,
Как только падает мертвым Гигант, то щит из воловьей
Кожи тут же чернеет, губят созданья земные
В братоубийственной распре друг друга оружьем Аруры!

Песнь V

В пятой песне узнаешь о гибели Актеона,
Как, превращенный в оленя, растерзан он псами своими.

Вот и скосил, наконец, герой змеиную ниву.
Жатву закончил Кадм из зубов рожденных Гигантов.
Он возлияет Арею начатки от грязи кровавой,
И омывает тело в Дирке, питавшей дракона.
После телицу из Дельфов кладет на алтарь богоданный,
Славную жертву Палладе. Вот, обряд зачиная,
Он ей рогатый лоб окропляет влагой святою,
Сыпет ячменные зерна и меч, у бедра укрепленный
Поясом ассирийским, он обнажает изострый,
После клок шерсти срезает с протянутой выи телицы
Кадм кладенцом рукоятным. Рога на хребет ей заводит
Теоклимен тотчас, и открывши упругое горло,
Шейные жилы Фиест двуострым топориком сразу
Перерубает у телки, и крови ток изобильный
Обагряет алтарный камень Афины Онкайи.
От нанесенного мощно между рогами удара
Валится наземь телица. Колют острым железом
Мясо. Отрезав бедра, на части ножом расчленяют,
Грубую шкуру телицы скоблят, на земле растянувши,
После сбросив блестящий плащ с одеяньем на землю,
К туше герой приступает и делит тучные бедра,
Их покрывает слоем жира двойным, на ломти
Тонкие нарезая, а внутренности на угли
Складывает, насадив куски на стержень железный,
Жарит их над огнем несильным. А после их кравчий
Мимо сидящих рядами разносит на вертелах медных,
Их расставляя на низких столах, увитых цветами,
Каждому предлагая вертел с мясом шипящим.
Дым благовонный поднялся вверх, завивался в кольца
От возжигаемых смол ассирийских. Свершились обряды,

Время для пира настало. Делит Кадм это мясо,
Каждого одаряя равною долей от яствы.
Так пировала дружина за стол округлый воссевши,
Пищею насыщаясь согласно желанию сердца.
Но с убиением змея не кончились испытанья:
После борьбы с драконом, с диким родом Гигантов,
Бился с энктенами Кадм и с племенем аонийским,
Жатву сбирая Арея свирепую, и на теммиков
Ближних обрушился он и на клич к набегам и к битвам
Пестрое племя стекалось многих народов окрестных.
Эрис и Энио свели в жестоком сраженье
Оба войска, и в битве, пылавшей неистовством диким,
Гнулися луки, и копья неслись на врага, и звенели
Шлемы, и дроты ломались, и с грохотом будто бы камни,
Щит со щитом сходились, брошены друг против друга.
Кровь лилася погибших. Много в кормилицу землю
Воинов полегло, во прах повергшись главою.
Вот уж войско вражье молит о милости Кадма:
Кончилась битва, и Кадм, невредим в кровавом сраженье,
Основание Фивам безвратным кладет в этом месте!
Землю всю разделяя, многие линии чертит
Тут и там, размечает многих дорог перекрестки
Острозубым железом, влекомым бычьей упряжкой.
По четырем направленьям вéтров он замышляет
Улицы и отмеряет бечевкой длину с шириною.
Град аонийский тирийским искусством он украшает
В каменном деле, ведь он с камнеломен соседних различный
Камень себе выбирал - один с беотийских нагорий,
Этот - у рощ густолистых на холмах ближних тевмесских,
Там, где дубравы трепещут ветвями, а тот - в Киферoне
Взят, а четвертый родом со склонов самих Геликона.
Храмы воздвиглись Бессмертным, простые жилища - для смертных,
Правилам строгим согласно. На нерушимых основах
Камни воздвигнуты для семи ворот, что жилища
Оградили людские по образу выси небесной
В семь поясов. Амфиону Кадм возведенье оставил

Стен под звуки кифары, строящей башни... Воздвиглись
Створам небесных врат подобны, семь врат перед градом!
Первые, что на запад направлены были ворота,
Названы в честь остроглазой Мены-богини "Онкайи",
Напоминая о мыке телицы, сама ведь Селена
Бычьи имеет рога и бычьей правит повозкой,
Пряча под ликом тройным Тритониды облик Афины.
Отданы в дар вторые блестящему Гермаону,
Он ведь соседствует с Меной; Имя четвертым "Электры" -
Вспомнил Кадм о сиянье огня Фаэтона в паденье
На рассвете, ведь цвет того пламени сходен с электром!
Гелию огненному врата посредине подарок,
Что на восток выходят - ведь бог в середине созвездий!
Пятые - дар Арею, а третьи - дар Афродите,
А между ними - стоят врата Фаэтона - Солнца,
Дабы врата Афродиты от врат отделились Арея.
Боле других изукрасил герой ворота Зевеса,
Счетом шестые, седьмые сделаны были для Крона.
Так построил он город и град святой сотворенный
Именем он нарекает Фив, стоявших в Египте,
Град, украшающий твердь по подобью пестрому неба.
Дщери Аонии с пляской гимн зачинали хвалебный
В честь Гармонии невесткой, и перед брачным покоем
Выкликали плясуньи имя девы фракийской.
И украшает Пафийка новую опочивальню
Кадму. Нежная матерь песней дочь величает
Вместе с богами на свадьбе. Отец же милой невесты,
Мирный Арей, без оружья, пустился в радостный танец,
К Афродите склоняясь, тянет десницу к богине,
Свадебный клич выдувает в трубу боевую, подобно
Страстной и нежной сиринге! С главы, привычной шелому,
Гребень грозный бросает, чтоб буйные кудри не вились,
Он стянул их повязкой, не обагрившейся кровью,
И в честь Эроса пляску ведет! К Гармонии на свадьбу
Вместе с сонмом бессмертных пришел Аполлон Исменийский,
На семиструнной кифаре он нежный гимн исполняет!

Девять Муз зачинают песнь жизненосную вместе,
Матерь Полимния пляску, подъявши пясти, заводит,
Будто беззвучные речи являются в танце богини,
В жестах красноречивых, в движенье глаз столь премудро
Все обустроено! Вот на плесницах пребыстрых над Зевсом
Милая Ника вспарила, в покой жениха она вводит,
Кадма, вспомощника Дия, и здравицу кличет, пред входом
Девственными устами брачную песнь зачинает,
Движется шагом скользящим и в плавной пляске стыдливой
Плещет крылами своими в кругу пернатых эротов.
И от светочей многих в ночи совместно горящих
Свет занялся, как будто Эос обманчиво-светлой!
Там всю ночь раздавались клики звонкие подле
Брачных покоев, где любы страсти забавы, до света
Пели все и плясали, к торжеству поспешая.
Жезл оставил привычный Гермес, хоть и вождь сновидений...
Стал Олимпом фиванский край... И видели Кадма
Рядом с самим Зевесом сидящим на праздничном пире...
Час наступает и должно вести новобрачную в спальню,
Ибо Дракон показался, ведущий Возок за собою,
Вестник судьбы, ведь с девой-ровесницей в будущем должен
Землю покинуть для неба в образе Змея-Дракона
Юный супруг Гармонии! Один за другим олимпийцы
Свадебные подарки несут влюбленному Кадму:
Зевс ему дарит Удачу; в честь Геры, сородницы славной,
Матери бога Арея, приносит бог темновласый,
Скакунов укротитель, дары из бездн океанских;
Дарит Гермес ему жезл, Арей - копье, Стреловержец -
Лук, на чело Гармонии венец с драгоценным каменьем
Бог Гефест возложил, что сиял переливчатым светом,
А виски повязал невесты повязкой златою.
Златотронная Гера престол с самоцветами дарит,
Славя Арея при этом. Премудрая мать Афродита
Ожерелье златое с каменьем сверкающим дарит -
Яркий ограненный камень лучится на шее невесты
Сделал Гефест ожерелье для матери Кипрогенейи,
Дабы отметить рожденье Эроса-стрелоносца!

Думал супруг хромоногий, что сына родит Киферейя
Слабого на ноги, так же как на ноги слаб и родитель...
Тщетно так мыслил, но только узрел резвоногого сына,
Блещущего крылами, словно бы отпрыск он Майи -
Выковал бог ожерелье подобное гибкому змею,
С хребтовиной из звезд! Двуустой оно амфисбеной
Было, с двумя головами, и волнообразно змеилось,
Яд источая из каждой главы, венчающей тело,
С двух сторон извивалась плоть двойным трепетаньем,
Словно ползла она, главы одну с другою содвинув,
Плоти извивы дрожали, биясь с боков, у ползущей.
Так ожерелье цветное змеилось, струя хребтовину,
Выгнув двойные главы, сплетаясь плотью двойною!
Скрыт он наполовину пластинчатой чешу ею,
Этот аспид двуглавый. Искусна была хребтовина:
Словно живые вились эти кольца двойные в движенье,
Две же главы трепетали, и можно было подумать:
Шип змеиный исходит из пасти с присвистом легким!
Между главами, там, где конец и начало изделья,
Четырехкрылый вставлен орел из злата, как будто
Он парит посредине меж пастей разверстых змеиных,
Он над ним поставлен, златое навершье с застежкой:
В первом крыле золотистый яспис и камень Селены
Белоснежный в другом, что вместе с рогатой богиней
То умеряет сиянье, то ярче становится - если
Мена влажным блистаньем с родившихся рожек заблещет,
От родителя приняв Гелия огнь самородный;
В третьем мерцает жемчуг, от блеска которого волны
Эритрейского моря зеленые мягко сияют;
В центре четвертого рдеет будто бы уголь индийский,
Камень агат своим блеском влажным и легким лучится -
Только края ожерелья начнут сходиться друг с другом,
Пасти голов змеевидных зевы свои разверзают,
Дабы сокрыть в своих глотках двойных орла целокупно,
Обхватив его крепко... И свет какой в лике орлином!
Эскарбуклы сияют в очах алым блеском и ярким,

Словно пламя живое колеблется в только возженной
Лампе! Сие ожерелье блеском камней многоцветным
Морю подобно, ведь рядом с темным зеленым смарагдом
Словно пена прозрачный хрусталь пребывает, как будто
Белые гребни на черной зыби Понта струятся!
Много на том ожерелье резьбы и все там сверкают
Златом созданья, какие только не вскормлены морем;
В водах плывущий странник средь волн изваян искусно -
Резвый дельфин там пляшет над валом средь стаи подобных,
Машет хвостом, и мнится, весь он в движении быстром;
Там и пестрые птицы порхают, и будто бы слышен
Шум рассекающих воздух крыл их в резвом полете.
Вот какой Киферейя дочери дар подарила,
Ожерелье златое с каменьем, невесте на радость,
С поясом, что владычит движеньями страсти любовной!
Гармония потомство многое явит из лона
По истечении времени, роды успешными будут,
Освободится от бремени дева, дочек родивши,
Девять лунных кругóв пройдет, их будет четыре:
Автоноя из лона плодного явится первой,
Девять месяцев матерь носила, прежде чем болью
Разрешиться рожденья. Инó благая от той же
Родилася четы, супруга царя Афаманта,
Дважды матерь. Агава третьей дочерью стала,
Сочетавшися браком с одним из Гигантов, явила
Сына супругу, рожденному от драконьего зуба;
Дивным Харитам подобна ликом, будящим страсти,
Дочкой четвертой Семела была, предназначена Зевсу -
Только лишь ей одной, хоть и младшей, очарованье
Даровала природа, неподвластное смертным!
Будет и мужеский отпрыск, поздний сопутник потомству
Женскому, в радость себе и Кадму дала Гармония
Утренний светоч отчизне Аонии - Полидора,
Розоволикой Семелы младшего брата, его же
Ради власти Пенфей из Фив отправит в изгнанье.
Старец Хронос такие событья свершит лишь в грядущем.

В срок своих дочек Кадм отдаст мужьям постепенно,
Он четырежды двери брачных покоев откроет,
Пары соединяя для брака. Первым же будет
Аристей дароносный, "Агрей" он прозван и "Номий",
Кровь премудрого Феба и благоумной Кирены,
В жены возьмет Аристей Автоною, согласно закону.
Агенори́д не откажет ему, знатоку скотоводства,
Примет Фебова сына, дарителя жизни и блага,
С тем, кто милостью ветра, подаренного Зевесом,
Усмирил смертоносный жар опаляющей Майры,
Он породнится с супругом дочки высокого рода.
О, сколь благою свадьба была! Ибо деве в подарок
Дал он бычьи и козьи стада, приведенные с горных
Пастбищ, толпы рабов, клянящих жестокое бремя;
Много сосудов сгрузил он, полных доверху маслом,
Брачное вено, и много меда, что мудрые пчелы
С тяжким трудом собирают по восковым отделеньям!
Первый сей муж, по отрогам гор блуждая, проворный,
Гон за ланью открыл, что любит прыгать по скалам,
Вызнал, как гончих направить на дичь, что укрылася в чаще,
Дабы учуял пес незримую оку добычу,
Дабы пускался по следу петлистому, слух напрягая!
Вызнал, как ставить искусно силки, сплетенные крепко,
С жердью воткнутой прямо утром на почве песчаной
Там, где по́утру след оставлен звериный, нетронут;
Он научил человека ловитве и псовой погоне
Неумолимой, охоте, которую не остановишь;
Он научил как одежду, что бегу мешает, подправить,
Чтобы ловцу не мешала, не путалася под ногами,
Чтобы хитон, ниспадая, преследованья не замедлил!
Муж сей поведал опыт, как ульи пчелиные ставить
В ряд, чтобы странницы-пчелки труд оставляли обильный,
Пчелки, что от цветка к цветку по лугам пролетают,
Венчиков полных златых, что виснут над гроздью душистой
И хоботком преусердным не́ктар сосет сердцевинки;
Сеткой льняною и плотной он первый опутывал тело
От макушки до самых пяток без щелки единой,

Приспособленьем искусным, огнем удушливым с дымом,
Он успокаивал злючку пчелу, помавая по ветру
Факелом, не обращая вниманья на ропот пчелиный,
Медные диски вздымал над самою кровлею улья,
Где над сбором жужжали воинственно гневные пчелы,
Там он трещоткой двойною гремел неустанно и громко,
Защищая себя от жал ужасного роя,
И меж тем потихоньку, разрезав воск многослойный,
Мед собирал сокровенный, блестящий, сочащийся каплей.
Первым он научился готовить масло густое,
Как только плод на жернов каменный догадался
Положить... Так он выжал масло из жирной маслины!
Он к тенистым пущам, на склоны холмов травянистых
Научил пастухов приводить пасти свое стадо,
Чтоб от зари до заката кормились быки или овцы.
Часто скот разбредался, покорствуя собственной воле,
Он же, шествуя следом, сбивал их в единое стадо,
Чтобы шли друг за другом по тропке единственной рядом,
А во главе пускал козла, чтоб шаг задавал им!
Знал он и песни пастушьи Пана для пастбищ нагорных;
Он иссушающей Майры смирил удушающий пламень,
Он икмейского Дия возжег алтарь благовонный,
Крови бычьей, помимо, он сладостное возлиянье
Положил совершать, пчелы трудолюбной подарок,
Полня смешанным с медом питьем изящные чаши.
Отчий Зевс Аристея внял мольбам и отправил
Вслед благосклонные ветры внуку, коих дыханье
Сириуса усмирило знóйноогненный пламень.
Даже еще и поныне вестники Аристея,
Ветры Диевы, летней порою прохладу приносят,
Лишь виноградные грозди соком начнут наливаться.
Вот кого провожал к аонийским празднествам Эрос,
Сын кеосского Феба. Жертвенную телицу
Заколоть устремились все в венках, распевая,
Гимны и пляску ведя, у врат же опочивальни
Пели "Ио́, гименей!" и хороводы водили!

Сладкозвучные песни из уст юниц зазвучали,
С брачной сирингой смешалась песнь аонийских авлосов.
Так совершался брак Аристея и Автонои,
Породивший на свет Актеона. Потомок Агрея,
Отдал он сердце охоте, как и отец его славный,
Он служил Артемиде скитаясь в горах. Не мщенье ль
Зверя лесного настигло злосчастного Актеона?
Ведь он младший потомок львов убийцы, Кирены!
Разве спасся горный медведь от него? Устрашал ли
Львицу с детенышем гибель несущий взор Актеона?
Сколько раз пантера прыжком внезапным бросалась -
Ниспровергнута наземь была, и Пан изумленный,
Пастырь заботливый, часто охотника-юношу видел
Вслед за быстрым оленем бегущего быстро в погоню!
Только ни резвоногость не помогла, и ни стрелы
Не защитили, ни меткость дротов, ни хитрость в охоте...
Мойра его погубила, растерзанного борзыми,
Ставшего быстрым оленем после с индами битвы,
Дышащего еще, когда сквозь ясеня крону
Он омовение плоти Лучницы грозной увидел!
Созерцатель, не должный чего созерцать и не должно,
Тело пречистое он неневестной девы увидел
В святотатственной блúзи. Да только глядящего тайно
На госпожу нагую случайно нагая наяда,
Некая нимфа, вдруг увидала издали оком:
Крикнула громко со страху, плакаться стала богине
На нечестивого мужа влюбленного, на святотатство.
Вмиг Артемида схватила повязки и одеянья,
Платьем девичьим груди пречистые сразу прикрыла
И погрузившись стыдливо в волны бегущие речки,
Юная дева мгновенно спряталась в водных глубинах...
Актеон! О, злосчастный! Мгновенно ты человечий
Облик утратил, четыре ноги копыта одели,
Щеки округлые стали костистыми челюстями,
Бедра вдруг искривились, рогов ветвистых взметнулась
Над твоими висками пара, чуть удлиненных.

Образ чужой расцветает странными пятнами зверя,
Тело стало косматым, и в быстром как ветер олене
Только лишь ум человечий! Прыжками дикими быстро
Ты понесся по скалам чуждым резвым копытом -
Ловчий, трепещущий ловчих! И прежнего господина
Не признали собаки, ведь он изменился! И в скорби
Лучница, стонам не внемля, в неистовстве полном, пускает
Их по ложному следу, ярых от гнева богини.
Псы же грызутся, оскалив зубы, сулящие лани
330
Смерть, обмануты видом хозяина в стати оленьей -
Псы пятнистую шкуру мнимого зверя терзают.
Казнь и другую богиня замыслила: песьи уж медлят
Пасти, дабы подольше заживо рвать Актеона,
Дабы он чувствовал сердцем более муки и боли,
В горьком страданье! Томимый, как человек, непомерной
Пыткой, жалобно плачет над роком, к собакам взывает:
"О, блаженный Тиресий! Ты видел нагую Афину
Против воли ее - милосердная не погубила!
Ты не умер, оленем не стал! Над твоими висками
340
Нет и рогов ветвистых, сомкнувшихся сводом высоким!
Жив ты, хоть очи твои и погибли для света, но в разум
Свет осиянный глаз вложила богиня Афина!
Лучница гневалась злее Тритогенейи бессмертной!
Ах, когда б мне такое ж страданье ниспослано было,
Если б мои зеницы дева взяла как Афина!
Если б и ум изменила как тело! Но преобразилась
Плоть, звериною ставши - людским мой разум остался!
Разве звери лесные оплакивать могут погибель?
Разум им не присущ - умрут они и не заметят!
350
Я же разум свой горький храню и в облике зверя,
Плачу, на самом же деле как человек умираю!
Ах, как вы стали жестоки, борзые! На львов не бросались
Вы с такою безумной яростью на охоте!
Милые горы! Звучите плачем по Актеону!
Звери, вам я подобен - о том же вас умоляю!
О, Киферон! Автоное скажи, что видел! Слезами
Каменными Аристею о смерти жестокой поведай,

О безумстве свирепом псов... О, рок мой жестокий!
Собственными руками убийц своих я взлелеял!
Лучше б смирил меня горный лев, да лучше б я барсом
Быстрым с мехом пятнистым был на части растерзан!
Лучше б медведь свирепый кривыми когтями вцепился
Мне в загривок олений, тело терзая клыками -
Но не охотничьи псы, с которыми всем я делился!
Псы не признали речи иноголосой и лика!"
Так он стенал, умирая, и так умолял он свирепых
Псов, глухих к слезам и жалобным мыкам оленя.
Мнилось ему, он разумной речью корил их, но вместо
Речи из уст его стоны невнятные слышались только.
Вот над горной грядою молва-самоучка уж плещет,
И кричит Автоное о сыне, затравленном псами,
Но не сказала, что образ оленя косматого придан,
Молвила только, что умер. И нежно любившая сына
Матерь, застигнута горем, раздета и босонога,
Рвет уж кудри густые, хитона ткань разрывает,
В скорби великой ногтями в кровь раздирает ланиты
Нежные, по обнаженной груди, что помнила сына,
Бьет кулаками, ибо ею вспитала-вскормила
Некогда матерь младенца... Неиссякаемо слезы
Лик ее орошают и увлажняют одежды.
Вот и псы Актеона, с гор прибежавшие, тоже
Скорбную весть подтвердили, их слезы безмолвные ясно
Юноши показали безвременную кончину.
Видя как свора скулит, удвоила матерь рыданья.
Старец Кадм обрезал с чела свои пряди седые,
Плач подняла Гармония, жалобы горькие женщин
Дом весь заполонили, слившись во плач погребальный.
Автоноя с супругом милым своим, Аристеем,
Кинулась в горы, искать рассеянные останки.
Мать дитя увидала - и не узнала, ведь облик
С пестрою шкурой оленя не юноши милого образ!
Много раз миновала она останки оленя,
Что на земле простерлись, не узнав, ведь искала

Сына погибшего тело, лик его жаждала видеть.
Нет, не виню Автоною злосчастную! Ведь измененным
Видела труп она сына, пред нею образ олений
Лишь находился, не взоры родимого были пред нею!
Пальцы рогá осязали, не голову милого сына,
Зрела оленьи копыта, ступнéй родных не узнала,
Видела сухожилья, не Актеона плесницы!
Нет, не виню Автоною злосчастную! Смертным взором
Сына ушедшего матерь искала, о лике зверином
Не помышляла и горла не зрела с первой брадою,
Что первоцветом пресветлым юноши кожу покрыла!
Шагом неверным блуждая по горным взлобьям лесистым,
Топчет она глухие нехоженые чащобы,
В платье рваном, босая. После скорбных блужданий
По ущельям, домой приходит. Скорбит, что напрасно
Сына искала, не может заснуть она подле супруга.
Вот они оба смыкают очи и тайно приходит
Сон под крылом соловьиным, насколько певцы дозволяют.
Юноши дух явился отцу, сраженному горем,
Обликом он - со шкурой пестрой олень, из глаз же
Слезы струятся и молвит он голосом человечьим:
"Отче, спишь и не знаешь моей ты горькой судьбины!
Так пробудись и изведай: мой облик звериный, он ложен!
О, пробудись и притронься ко лбу оленьему сына
Милого, о поцелуй же лона плод Автонои!
Сына видишь, тобою взращенного! Видишь и слышишь
Облик и речь Актеона, да, одного Актеона!
Хочешь ладони и пальцы потрогать милого сына,
В ноги оленьи всмотрись - увидишь сыновние руки,
Голову видеть желаешь - вглядися в облик олений,
Жаждешь узреть ты тело - в рога ветвистые вникни,
Ступни же Актеона - задние ноги марала,
Шкурой изюбра косматой и жесткой стала одежда!
Отче, узнай же сына, не спас Аполлон его жизни,
Сына оплакивай, отче, не спас его бог Киферона,
Ты превращенное тело дитяти предай погребенью,

Ты не оставь без последних почестей зверя родного,
Да не введет в заблужденье тебя мой облик обманный!
Ах, отец, от охоты почто ты меня не отвадил?
Мне бы за одинокой Лучницей не хотелось,
За богиней Олимпа, подсматривать... Я бы любовью
К деве смертной пылал... Но краткую страсть я оставил
К смертных жёнам другим и только к бессмертной богине
Воспылал я любовью и в гневе великом богиня,
Отче, меня достояньем сделала псов, и отроги
Горные видели это! Если же скалам не веришь,
Дев наяд вопроси, и гамадриады всё знают,
Мне подобных оленей расспрашивай, горных
Пастухов (я их звал!). Окажи мне последнюю почесть,
Отче! И несмотря на кручину отчую, тварей
Не убивай, истерзавших сына в облике зверя,
Ибо собаки не знали, кого они убивают!
Разве щадят борзые оленя на травле? Охотник
Станет ли гневаться, если зверь затравлен? И сколько
Времени бедная свора носилась по горным отрогам,
Следа жертвы взыскуя! Из глаз их обильным потоком
Слезы печали струились, псы лапами истоптали
Все силки и наметы, как будто в приливе горячей
Верной любви к господину (и люди так в горе страдают),
Как же они скулили над ложем моим из праха...
Не убивай, умоляю, тварей разумных! Олений
Облик один лишь косматый видели эти собаки -
Вот мольбам и не вняли, вот потому и сомкнули
Пасти на горле моем, что мык лишь олений слыхали!
Ибо они вопрошали о роке моем даже камни:
"Где ж Актеон наш сегодня сокрылся? Скажите нам, скалы!
Где на ланей устроил облаву? Скажите нам, нимфы!"
Свора так вопрошала, гора же так отвечала:
"Разве будет собрата олень преследовать горный?
Я не слыхала о звере таком! Актеон превратился,
Облик свой изменив, и стал оленем разумным!
Стал охотник дичиной! Сородник героя Агрея
Мужеубийцей-богиней, Лучницей ярой затравлен!"

Так скулящим собакам гора в ответ возопила.
Артемида же псу, убийце невольному, часто
Речь бросала: "Не рыскай, злосчастный, в поисках следа!
Актеона ты ищешь? В брюхо, пес, загляни-ка!
470 [471]
Актеона ты ищешь, сожранного тобою?
На луговине кости хозяина можешь увидеть!"
Отче, явился тебе я поведать об участи горькой!
Древо с густою листвою стояло, полумаслина,
Полудичок. Ах я, бедный! Оставив побег, столь мне милый,
Я взобрался на ветвь оливы соседней, чтоб видеть
Наготу Артемиды, которую видеть не должно!
Ах я, безумный, двойное свершил я тогда преступленье!
На побег я Паллады взобрался, чтоб Лучницы прелесть
Подглядеть нечестиво - вот за что Актеона
480 [481]
Артемида с Афиной подвергли казни ужасной!
Ибо в это мгновенье она, томяся от зноя,
Дело охоты оставив, обычное дело богини,
Омовенье свершала во влаге прохладной и чистой.
Очи мои помутились от блеска белого тела,
Что испускало сиянье льдов в струистые волны.
Так, говорят, на зыбя́х Океана к истокам своим же
Льнущего, Мена сияет, матерь, в волна́х на закате!
Спутницы, Мены, наяды, поют! Локсо́, возопивши
490
Вместе с Упис, в во́дах недвижных остановила
Бег неспешный по глади сородницы Гекаэрги
Тут и туман разлился повсюду и застил мне очи;
Я с ветвей соскользнул и в прах, бессильный, повергся
Вижу - я в шкуре пятнистой, не в облике человечьем,
Мех косматый и плотный укрыл мое тело повсюду,
Псы же мои вцепились в меня и рвут меня яро!
Но умолчу о дальнейшем... Что горе множить рассказом?
Горькие слезы, боюсь, ты будешь лить в сновиденье...
Миновал ты часто древо, где Актеона
500
Распростерлись останки, часто пятнистую шкуру
Вместе с костями ты видел разбросанными во прахе,
Жалкие кости, останки растерзанного Актеона,

Брошенные как попало! Дам я тебе и другую
Смерти примету, вернее: там, у злосчастного древа,
Там колчан мой увидишь, увидишь и лук мой, и стрелы,
Если только во гневе своем Артемида-богиня
Стрел пернатых и быстрых, а также колчана и лука
В дерево не превратила, растущее на опушке!
О, как счастлив был От - не стал он оленем травимым!
510
О, ловец Орион - тебя псы не терзали! О, если б
Актеона ужалил скорпион ядовитый!
Ах я, жалкий, напрасно молва морочила душу!
Ведь говорили, что Феб, брат Лучницы, вместе с Киреной
Почивал, Аристею дав рожденье при этом!
Думал и я Артемиду-сородницу сделать супругой!
Ведь говорили, что Эос блестящая Ориона
Увела, что Селена похитила Эндимиона,
Что и богиня Деó обнимала Иасиона,
Смертного мужа... Я мыслил - и Лучница тоже такая!
520
Отче, предай погребенью мнимого тело оленя!
Да не оставишь ты трупа собакам на поруганье!
И, когда ты укроешь мои останки в могиле,
Милость мне окажи такую: лук мой и стрелы
Положи на гробницу, сие приношение мертвым!
Только лишь лук и стрелы, ибо Лучница любит,
Лук напрягая, стрелою меткой своей забавляться!
Пусть же высечет в камне резчик искусный марала
Облик, образ мой мнимый, от выи и до копыта,
Только лицо человека оставив при изображенье,
530
Дабы все поняли сразу, кто прятался в ложном обличье!
Не высекай ты надгробной надписи, и да заплачет
Странник, мимо идущий, над ликом и смертью моею!"
Молвив речи такие, мнимый олень исчезает.
Словно на крыльях каких Аристей спешит к Автоное,
Потрясенный своим пророческим сновиденьем.
С ложа ее поднимает, трепещущую супругу,
Молвит о лике оленьем и теле милого сына,
Передает ей речи, поведанные разумным
Зверем. Сколь горьки рыданья! Тотчас жена Аристея

В путь пустилась повторный. Как тяжко идти ей сквозь чащи
Непроходимые леса, что вольно раскинулись всюду!
И по извивам тропок обрывистых пробираясь,
Поросль находит кровавую, также - лежащие вместе
Лук и колчан у изножья ствола одинокого рядом,
Также видит останки, разбросаны неподалеку...
Кости сына в великом горе мать собирает,
Нежной ладонию гладит хрупкий рога отросток,
Обнимает главу шерстистую сына-оленя...
С горестным воплем, рыдая, сына мать погребает,
И вырезает на камне, что Аристей ей поведал,
Об Актеоне узнавший из горестного сновиденья.
В то же скорбное время для Аристеева дома
Прекрасногрудой Агавой рожден был для Эхиона
Землеродного отпрыск, ставший врагом всем Бессмертным.
И в дни скорби назвали сына супруги Пенфеем.
После союза с Нефелой, первой своею супругой,
Афамант стал мужем Инó, прекрасной юницы,
Та родила и Леарха злосчастного, и Меликерта.
Ей суждена была участь жилицы морской, ибо стала
Юная матерь кормилицей Бромия вместе с сыном -
Грудью одною вспитала Палéмона и Диониса!
Был предназначен Семеле блистательнейший соложник,
Нового Диониса миру дать он замыслил,
Древнего Диониса, явлéнного в облике бычьем...
Ибо высокогремящий Зевес сожалел о Загрее!
Со злосчастной судьбой родила его Персефонейя
Зевсу с обличьем змеиным, мужем имея владыку
Черноплащного... Зевс же тогда был плотью извилист,
Змея облик прияв, свивавшего кольцами тело,
В сладостной страсти в покои тайные вполз к Персефоне
Для любви. Ведь все боги, что вечно живут на Олимпе,
Были тогда лишь одною очарованы девой,
Состязаясь друг с другом в поднесенье подарков
К свадьбе. Тогда-то Гермес, с Пейтó еще не деливший
Ложа, невесте поднес свой жезл как подарок на свадьбу.

Сладкозвучную лиру дал Феб как свадебный выкуп.
Бог же Арей, добавив копье и панцырь впридачу,
Щит даровал новобрачным. Хромец лемносский, от горна
Оторвавшись, подарок только что сделанный вносит:
Ожерелье с каменьем (блистают там самоцветы!).
Там-то он и отрекся от прежней жены, Афродиты,
После того как на страсти к Арею поймал он супругу.
Всем явил он блаженным богам осквернённое ложе
С помощью Фаэтона, и паутиною медной
Афродиту нагую с нагим Ареем опутал.
Зевс же Отец сильнее всех прочих пленен Персефоной:
Лишь за девичьей красою следил ненасытным он взором,
Взгляд его направляли и сопровождали эроты
Прямо к самой Персефоне... В груди его бурное сердце
Билось, и не было силы с бессонною сладить заботой!
Вспыхнула страсть внезапно, светочем ярким, раздутым
С малой искры Пафийки, прекрасногрудой богиней
Проданы в рабство Зевесу взоры, слепые от страсти.
Тут-то юная дева взяла блестящую бронзу
Зеркала, чье отраженье судит смотрящего, облик
Вверила вестнику, правду безмолвно рекущему, дабы
Мнимый образ во мраке зеркала явно увидеть -
И своему отраженью смеялась. Так Персефона
Облик свой отраженный пред зеркалом созерцала,
Призрачное подобье призрачной Персефонейи!
Вскоре, пред наступленьем жажду несущего зноя,
От появленья Хор, творящих жар полуденный,
Дева бежит, оставив ткацкий станок и основу;
Пот вытирая, обильно лицо ее увлажнивший,
Все повязки грудные развязывает стыдливо.
После она, погрузившись в бодрящие воды бассейна,
Предается на волю струй водоема прохладных,
Волны несут ее прочь от дев, сужденных Палладе!
Но не ушла от Дия всевидящих глаз. И нагое
В волнах зыбучих узрел он тело Персефонейи...
Не был охвачен он страстью такою и к Кипрогенейе -

А ведь тогда, желаньем томимый, семя на землю
Извергал он невольно, горячую пену эротов,
Древле от коей на Кипре, обильном стадами и плодном,
Двуприродное племя кентавров рогатых явилось...
И владыка вселенной и мира, возница верховный,
Выю склонил перед страстью, могучий! И ни перуны,
Ни громовые раскаты не в помощь пред Афродитой!
Дом он оставил Геры, отверг он ложе Дионы,
620
Бросил Деó, Фемиды бежал, Летó не заметил,
Только одной лишь страсти желал он Персефонейи!

Песнь VI

В песне шестой ты увидишь: в честь бога Загрея
Дождливый Зевс поглощает землю своим ливненосным потопом.

Но не только Отец вожделел к Персефоне, другие
Боги на горнем Олимпе, сраженные той же стрелою,
Дщери прекрасной богини Деó руки домогались.
Побледнело богини сиянье румяное лика,
Ибо мукой терзалась Део, пребывала в смятенье:
И с чела венец из колосьев срывает богиня,
Волосы распускает (пусть струятся за спину!),
Затосковала по дочке. Скорбящей горько богини
10 [9]
Сами собою струятся слезы по белым ланитам,
Стольких многих влюбленных зажег от единственной стрелки
Вверг их в раздор любовный жаждущих брака с одною
Девою общий им Эрос, совсем безумных от страсти!
Всех она трепетала, но боле всеплодная матерь
Трепетала Гефеста - вдруг станет хромец этот зятем!
Вот в жилище Астрея-провидца благою стопою
Устремилась богиня с распущенными волосами.
Ветер непостоянный, следом летя, забавлялся.
Предупреждает старца, завидев ее, Эосфóрос.
Он же, выслушав гостью, поднялся: рассыпавши темный
20
Прах по ровности гладкой стола, фигуры рисует
Циркулем острозубым медным, окружность выводит,
После изображает квадрат на песке бледно-сером
И добавляет еще равнобедренный треугольник.
Тут он оставил занятье, чтоб встретить на самом пороге
Гостью Деметру. Богиню ведет за собой по палатам
Веспер, удобное кресло Део предлагает радушно
Рядом с троном отцовым. С равным сердечным вниманьем
Приготовив в кратере нéктар, дающий забвенье
Мук, богине Деметре в кубках его предлагают
30
Ветры, сыны Астрея. Но пить Део отказалась,

По Персефоне печалью пьяна... Ведь если родитель
Отпрыска лишь одного имеет, он вечно трепещет!
Но, наконец, склоняет Део, не желавшую пищи,
Сладкоречивый Астрей, имеющий дар убежденья.
И учреждает старец пир великий, заботы
Горько скорбящей Деметры за яствами пира развеять.
Вот все четыре ветра, отчие верные слуги,
Пояс пораспустив, на бедрах одежды скрепляют,
Чаши несет с собою к кратеру, где пенится нектар,
Кравчий Эвр, а сосуд для рук омовенья подносит
Нот, а Борей амвросúю располагает пред гостьей,
Яство богов, и Зéфир, нежновеющий ветер,
Перебирая тростинки гибкие, песню играет!
И венки Эосфорос свивает и ветви растений
Яркозеленые блещут на листьях прохладной росою!
Светоч ночной подъявши над головою высоко,
Веспер пляс затевает, в лад стопой ударяя,
Плавно ступая по кругу - ведь он водитель эротов,
Свадебных хороводов и шествий он устроитель.
Но когда после пира пляскою услаждала
Дух богиня, то жало муки не усмирила.
Хочет спросить оракул и левою дланью колена
Старца, что состраданья полон, коснулась... Десницей
Тянется к подбородку с густокосматой брадою.
О женихах своей дочки рассказывает богиня,
Слов утешенья алкая пророческих... Ибо оракул
В горьких наших заботах нам бывает поддержкой!
Не отказал ей старец Астрей в мольбах: и рожденья
День рассчитал он дочки и точно сроки зачатья,
Неумолимое время и миг часов неустанный
Появления в мир и, пальцы искусно раскинув,
Вычислил круговращенья и время возврата созвездий,
Вычислил, пясти содвинув двойным движеньем ладоней.
После Астерион-служка подносит по первому зову
Старцу округлую сферу, образ вселенной с рисунком
Всех созвездий небесных, пред ним на ларь ее ставит.
После и приступает старец к гаданью: вращает

Шар по оси́ и зорко на знаков бег зодиака
Смотрит, звезд уясняя движенье и положенье.
После двигает полюс, и многих созвездий орбиты
В беге своем неустанном соприкасаются точно
С положеньем планет, проходя на подобии неба
Среднюю ось. И находит старец, окинувши взглядом
Сферу, сие положенье: орбита Селены растущей
Пересекает кривую земной орбиты, и Солнце,
Находясь перед ликом Мены-меридиана,
К самой нижней точке своей устремляется; конус
Темный идет, от земли восходящий, Селену-богиню
Закрывает, что место Солнца сейчас занимает.
Выяснив, как же к браку желанному звезды стремятся,
Старец Арея находит и над западным домом
Бога вора он видит невесты, ведомый звездою
Кипрогенейи... "Участок Родимых" под Колосом видит
Девы небесный... Звезда, дающая жизнь, воссияла
Там... Светило Кронида-Отца, подателя ливней!
Все это выяснил старец, созвездий бег рассчитавши.
После сферу с вращеньем вечных светил, эту сферу
С пестрой поверхностью звездной он в сундук запирает.
Гостье, в ответ на расспросы, тройной выкликает оракул:
"Чадолюбивая матерь Деметра! Конусом мрака
Только затмятся Селены лучи, от сего и померкшей,
Защити Персефону от полюбовника-вора,
Умыкнувшего втайне неприкосновенную дочерь,
Ежели пряжа Мойр дозволит... Ибо внезапно
Перед свадьбой законной ты соблазнителя узришь
Злоковарного в облике зверя, ибо Арея
В точке заката с Пафийкой, изменника, я замечаю;
Вижу созвездие Змея, что там, над ними, восходит!
Но тебе я блаженство реку. Прекрасноплодной
Во вселенной пребудешь, ты изнуренную землю
Колосом осчастливишь, ибо в "Участке Родимых"
Дочери Звездная Дева стоит со снопом колосистым".
После пророчества голос Астрея в устах замирает.

Слышит Деметра, что серп сжимает в ладонях, о жатве
Будущей и о муже, столь грубо похитившем дочерь,
Вопреки всем обрядам, по собственному хотенью,
И улыбается, плача. Тотчас же горней дорогой
К дому, спеша, направляет стопы печально и мрачно
В стойлах стояли драконы с ярмом на выях удобным,
Облегающим крепко и плотно звериные пасти,
Их она запрягает, аспидов, ига не знавших!
И укрощая их пасти упряжью кривозубой,
Грозной повозкой своею Део светлокудрая правит,
Дочерь под покрывалом из тучи туманов упрятав.
Прямо пред колесницей Борей застонал многошумный.
Но богиня взмахнула хлестким бичом, ускоряя
Бег повозки, влекомой как будто бы скакунами,
Развернувшими крылья драконами мчащими в небе
Прямо к объятьям Либа у струй круговых Океана.
Слыша воинственный отклик воителей пестрошлемных
С Дикты отрогов, богиня критский брег миновала,
Где бойцы ударяли о щит гудящим железом.
После она, заметив каменный дом в отрогах,
К скалам летит пелоридским, к трехмысным брегам Сикели́и,
К адриатическим мелям, где зыби морские к закату
Вечно влекомые, гнутся как будто серпом кривозубым,
От Борея направив к Либу дыбливые воды.
Там же, где буйные воды пристанищем стали Кианы
У родника, что влагу в жертву морю приносит,
Увидала богиня укрывище, словно крепость,
С крепкою кровлей гранитной, прятавшей это место,
С каменными вратами, содеянными природой,
И со столбами из камня, там жили соседние нимфы.
Тут богиня, пробравшись во мрак палат непроглядный,
Прячет дочь средь громадин в этой пещере скалистой.
Там, разрешивши драконов своих от повозки крылатой,
Одного оставляет справа от мыса у входа,
Слева другого, напротив каменного затвора,
Чтоб стерегли Персефону, ведь дочерь не должно и видеть!

Каллигенейю приводит, чадолюбивую няньку
С пряжей и всем, что потребно для рукоделья Паллады
Женскому роду в тяжкой и кропотливой работе;
Нимфам доверив хранить живущим в скалах потайных
Гнутую колесницу, Део в небеса удалилась.
Взявши изогнутозубый гребень железный изострый,
Стала вычесывать пряжу дева Персефонейя,
После взялась и за прялку: от движенья ладоней
Колесо завращалось, свершая круги равномерно -
А веретенцо мотает кольца прядущихся нитей!
Равномерно стопами вращению помогая
Колесá, выпрядает основу, ткани начало,
После кладет ее рядом. Затем к тканью приступает
Дева, челнок прогоняя по нитям, в работе склоняясь,
Первой ткачихе, Афине, хвалебную песнь запевает.
Юная Персефонейя! Нет от страсти спасенья!
Ибо девичество будет отъято в змеином объятье.
Зевс, волнуясь змеиным телом, в облике гада,
Страстной любовью пылая, кольцом извиваясь в желанье,
Доберется до самых темных покоев девичьих,
Помавая брадатой пастью драконам у входа.
Обликом схож со змеем, сомкнет им дремотою очи,
Полный томленьем страстным, лижет он нежное тело
Девы, от жарких змеиных объятий небесного змея
Плодное семя раздуло чрево Персефонейи:
Так Загрей и родился, отпрыск рогатый, он Зевсов
Трон занимал единый на небе и трогал ручонкой
Детской зарницу Зевеса, в ладонях слабых младенца
Неразумного эти зарницы казались игрушкой!
Только недолгое время Дия трон занимал он -
Белым медом измазав лик злоковарный, Титаны,
Подстрекаемы гневом Геры тяжкоразящим,
Тартарийским ножом младенца в куски истерзали:
В зеркало детка смотрела, любуясь своим отраженьем!
Так, разделенный на части железом изострым Титанов,
Кончил жизнь Дионис, дав новое жизни начало:
Стал он тогда превращаться, часто меняя свой облик!

То он Кронид хитроумный, юный, с грозным эгидом,
То он немощный старец Крон, изливающий ливень,
То он с ликом младенца является, то он предстанет
Юношей исступленным с первым пушком на ланитах,
Темным, что вдруг подчеркнет округлость нежную лика.
То вдруг львом обернется, в ярости грозным и страшным,
Львом, что с рыком могучим огромную пасть отверзает,
Гривою осененный густою, тянет он выю
Вдоль хребтовины косматой, хлещет хвостом непрестанно,
Шкуру мелькающим быстро будто бичом раздирая.
То вдруг прикинется, львиную бросив тут же личину,
С ржанием неуемным, высокогривым и диким
Жеребцом, что стремится жалящие удила
Перегрызть, их кромсая, белою пеной исходит.
То из уст испуская свистящее громко шипенье,
Извивается в кольцах змеем чешуйчаторогим,
Из глубокого зева мечет язык копьевидный
И бросается он на испуганного Титана,
Шею его окружая воротником ядовитым.
То вдруг, покинув тело ползущего кольцами гада,
Тигром становится с пестрою шкурой... То примет он бычий
Облик, и ревом исходит, зубы ощеря свирепо,
И пронзает Титанов рогами, бросаясь внезапно.
Так он за жизнь свою бился, пока из ревнивой глотки
Мачехи-Геры гневом тяжкоразящей не вырвал
Вопля, сотрясшего неба. Сама повелительность гласа
Грохотом поднебесным ударила в створы Олимпа,
На колени повергнув могучего зверя - убийцы
Тут же в куски истерзали ножом быколикого бога.
Зевс же Отец, как яденье свершилося Диониса,
Понял, что в зеркале хитром темный призрак причина
Смерти и матерь Титанов предал мстящим зарницам,
Бросил убийц Загрея рогатого за затворы
Тартарийские, бурным пламенем вспыхнули чащи,
Тяжкоогромной Геи огнем исходящие пряди.
Предал огню он восточный край. От огнистого дрота

Бактрианские пашни вспылали, вместе с ручьями
Ближней Ассирии воды Каспия загорелись,
Горные цепи индов. Эритрейские зыби
Занялися огнем. Горит и Нерей аравийский...
Запада не миновали чадолюбивого Зевса
Распаленного громы, под пяткой Зéфира-ветра
Зыби закатные блещут сияньем зноя огнистым,
Как и арктийские горы. Равно горит, закипая,
220 [221]
Лед на северных водах, в странах ветра Борея
И под шатром Козерога, где веет Нот ливненосный,
Южные долы пылают от огненных сполохов жарких.
Слезы потоков струятся и рек из глаз Океана -
Молит о милости старец, лиющий влагу морскую.
Гнев свой Зевс умеряет. Узрев, как страдает от молний
Тяжкоогромная Гея, сжалился. Хочет водою
Почву смягчить, исцелить огнем нанесенные раны.
Вот сначала всю землю залили воды Зевеса,
230
Тучи все небо закрыли плотным покровом, и с неба
Возгремела ужасно Дия труба громовая.
Все светила, дотоле в домах бывшие, сразу
Бег свой остановили. На колеснице с четверкой
Гелий пылает кóней, сквозь Льва созвездье к палатам
Собственным поспешая, а Скорпион восьминогий
Вместе с ее повозкой трехликую принял Селену.
Овна минуя, что влажной стопою проходит экватор,
Бег свой правит Киприда к дому весеннему быстрый,
Появляясь в созвездье Тельца безумного вскоре.
240
И близ Гелия сразу Арей оказался, в пределах
Скорпиона, пред дышлом Медведицы самой смиряя
Огнь Тельца, косится Арей на лик Афродиты.
И, по двенадцати знакам скиталец, год завершая,
С наступлением ночи Зевс появляется в Рыбах,
Справа оставив с косой орбитой трехликую Мену.
Крон же проходит дождливый хребет Козерога в то время,
Влагой руна пресветлой обрызганный, а над крылатой
Девой сверкающей всходит Гермес, ибо Дика-богиня -
Зодиакальный дом судии. Семивратного неба

Все затворы открыты, когда извергается ливнем
Влажный Зевс и на лоне земли и бьют, и вскипают
Водные токи, бушуя, и водопады грохочут.
И разбросаны всюду, отпрыски Океана,
Прибывают озера, и бьет водометами влага
Вверх, от вод подземных струй Океана питаясь.
Скалы крошатся от влаги, и водопады рокочут
С горных отрогов суровых, ущелья плещут ручьями,
Море до гор достало, взметнулось над чащами леса,
Ореадами стали вдруг нереиды, и Эхо,
Дева злосчастная, влагу бия неумелою пястью,
За повязки девичьи боится (вот новые страхи)
Как бы, спасаясь от Пана, не пасть Посейдону в объятья!
Львы пучинно-морские, средь валунов оказавшись,
Заплескались в пещерах влажно-пенною плотью
Среди львов сухопутных. В логове каменистом
Вепрь столкнулся с морскою свиньей, дельфином, случайно.
И в приливе потопа, что залил и горы, и долы
Дикие звери смешались с рыбами. И осьминоги,
Над скалой проплывая, за зайцем запрыгали резво.
В пене морской тритоны в изножье гротов заросших,
На крестце приподнявшись, бия хвостом раздвоённым,
Прячутся в логовах Пана, после того как пропели,
Гордо подняты к небу и ветерками омыты,
Раковины цветные. Вот у скалы одинокой
Пан, так любящий горы, старца Нерея встречает -
Отказался Нерей от влажной сиринги плывущей,
Но среди скал остается, сменяя море на сушу,
Влажный грот занимает, служивший прибежищем Эхо.
Много людей погибель влажную в водах снискали
Моря, и громоздяся один на другой по пучине,
Трупы поплыли людей по воле волн пеннозыбких.
И под прибоем, разверзшим воды у гор каменистых,
Прибежавшие влаги испить от истоков нагорных
Лев и вепрь погибают. В водовороте едином
Реки, озера, потоки Зевса и воды морские

Бьются друг с другом, и все четыре ветра, смешавшись,
Хлещут яростным вихрем всеобщего зыби потопа.
Материки завидев под зыбью, вызванной мощным
Только одним мановеньем ливненосного Дия,
Энносигей пучинный метнул оружье в глубины,
Гневаясь, что не может земли трезубцем достигнуть.
Дев нереид порядки как посуху по морю ходят,
И на смарагдовой вые влажный скиталец брадатый,
Мчит Фетиду Тритон. На чешуйчатой хребтовине
Рыбы восседает нереида Агава,
И округлую спинку являя в пенных потоках,
Дочь Океана Дориду несет дельфин к новоселью.
Кит, взметаясь из бездны морской на поверхность, играет,
Хочет в пещеру - а там устроила логово львица!
Вот у скалистых утесов, водой омываемых бурной,
Вымокший Пан, Галатею плывущую видя, воскликнул:
"Ах, Галатея, куда же плывешь? Здесь горы, не море!
Уж не желаешь ли слушать нежные песни Киклопа?
Ради Пафийки молю и ради прошу Полифема,
Ты, познавшая горе страсти, если видала,
Плавая средь валунов, мою Эхо - скажи мне!
В водах ли зыбких ныряет? Или на спинке дельфина
Пеннорожденной богини служки, она восседает
Как Фетида нагая и плещется, милая Эхо?
Страшно мне, как бы не сбросил пенный прибой ее в зыби,
Страшно мне, как бы теченьем ее не снесло во глубины:
Бедная, носишься в море средь гребней горообразных,
Словно из горной Эхо стала ты Эхо морскою!
Увальня Полифема забудь! Когда пожелаешь,
Сам тебя и спасу я, на плечи себе взгромоздивши,
Ибо бурные зыби не страшны мне, могу я
Прыгнуть прямо на небо звездное, козлоногий!"
Так отвечала ему Галатея с жалобным стоном:
"Верный мой Пан, Галатею спаси, не умею я плавать!
Деву не спрашивай тщетно, как же я тут оказалась!
Плаванье чуждое мне шлет вышний Зевс ливненосный...

Сладкая песнь Киклопа? Не до нее мне, мой милый,
Я не ищу Сикели́и уж брега, так я боюся
Этого наводненья, меня Полифем не заботит!"
Молвила так, проплывая мимо убежища Пана.
Но прибывает влага, и вот уж водовороты
Скрыли грады и веси, лишь зыби повсюду. Ни Оссы,
Ни Пелиона не видно, единого голого пика
Горного, над трехглавой горою плещутся зыби
Тиррении́ские, море хлещет ливень нещадно.
Сикелийская влага бьется в пене о скалы
Адриатийского брега, и на дороге воздушной
Фаэтона сиянье дымка влажная застит.
И над сферой седьмою, нависшею над землею,
Водовороты прибоя лунный свет затмевают:
Влажных быков отпустивши, остановилась Селена.
И до самых созвездий достали волны потопа,
Сделала Млечный Путь белее пена прибоя.
Вот плодоносным потоком из семиустья лиющий
Влагу Нил-скиталец встречает Алфея-страдальца:
Жаждет первый излиться со всей любовью на почву
Плодородную, жаждет обнять любимую пылко;
Хочет другой, отклонившись с привычной прежде дороги,
Скорби любовной предаться; влюбленного встретив Пирама
По пути, он молвит мольбою полные речи:
"Нил мой, скажи, что делать, когда Аретуса исчезнет?
Ах, Пирам, ты куда? Кому юную Тисбу оставил?
Сколь же ты счастлив, Евфрат! Ты не ведаешь жала эротов!
Я же страшусь и ревную, как бы Кронид, превратившись
В бурные токи воды, не возлег с моей Аретусой!
Как бы разливом зыбей не поял, боюсь, твою Тисбу!
Ах, Пирам, утешитель Алфея, ведь не от Дия
Нам обоим опасность, от жала Афрогенейи!
Жжет меня пламень страсти. Идем же со мной! Аретусу,
Сиракузянку, стану искать, а ты свою Тисбу!
Скажешь мне, знаю, земля содрогается, небо враждебно,
Вздыбились глади морские, а по небесным окружьям,
Где никто и не плавал, в пене потоки несутся.

Я не страшуся ливней. Вот великое чудо!
Ливень Диев всецело землю и Понт запылавший
Вместе с огнем потоков залил - и только Алфея
Пламень, возженный Пафийкой, не смог угасить совершенно!
Все же, хоть водовороты и мучат, скорбеть заставляет
Пламя - есть и лекарство благое, чтоб исцелиться:
Нежный Адонис-скиталец, мучимый Афродитой!"
Но не кончил он речи, уста удивленье сковало:
Ибо Девкалион, рассекая паводок бурный,
Мореход несравненный, словно с небес показался!
Сам по себе, без кормила, и гавани вовсе не видя,
Мчался вперед ковчежец по взвихренным водоворотам.
Лад вселенной разлажен, стал хаосом, племя людское
Всепитающий старец Айон растворил в наводненье!
Но по божественной воле Зевеса фиалковокудрый
Бог в сердцевину гор фессалийских мощно уметил
И от трезубца разверзлась твердь, и в открытую бездну
Между хребтов скалистых вал смертоносный низвергся.
Вот, раздвигая гребни плещущих вод ливненосных,
Вновь земля показалась и средь стекающих в недра
Водных токов вершины нагие гор появились.
Влажный лик осушая земли сиянием жарким;
Солнце взошло и по мере испарения влаги
Под иссушающим жаром лучей опять показался
Ил, оживленные снова высоким искусством, строенья
Каменных городов поднялись на почве скалистой.
Вот и жилища слагают люди. В селениях новых
Новое племя людское по улицам засуетилось.
Вновь улыбнулась природа, и так же быстро, как ветры,
Птицы пернатые в небо, как некогда, устремились.

Песнь VII

В песне седьмой поется о кроткой мольбе Лиона,
Тайном ложе Семелы и пламени диевой страсти.

Вот, дабы плод появился неиссякаемой жизни,
В борозду женскую семя мужское, что все зачинает,
Эрос, любви прародитель, бросает за пахотой в землю.
Во всекормящей природе в рост пустилися корни:
Огнь смешался с землею, с воздухом влага сплелася,
В четверояком слиянье род людской нарождался.
Только вот смертное племя преследуют, видно, несчастья,
Горе и всякие беды, и нет скончанья заботам.
Для всемогущего Дня счастья не знавшее племя
Злополучное родич природы, Айон, выставляет.
Шва родового Отец на бедре, Дионисом чреватом,
Не распустил в то время, чтоб сын на свет появился,
Утешитель злосчастий людских; аромат возлияний
Винных в токах воздушных небес еще не струился
С жертвенников, и Хоры, Ликабанта быстрые дщери,
Из травы для бессмертных венки сплетали без песен.
Надобно было вина... Какое же будет веселье
В пляске и песне без Вакха? Только вино и чарует
Очи, когда в исступленной пляске, в круженье с прыжками
Вдруг зайдется плясун, ударяя пятками оземь;
Вместо речи звучащей - пясти, персты или перси!
К Дня стопам припав, разметав серебристые кудри,
Ключник племен человеков, Айон изменчиволикий,
Пряди космато-густые брады распустивши привольно,
Зевсу взмолился умильно: главу преклоняет он долу,
Гнет с мучением тяжким спину, вытянув выю.
Падает на колена, долгие пясти подъемлет,
Старец, пастырь извечной жизни, так просит Зевеса:
"Зевс владыка, на муки взгляни омраченного мира!
Видишь, Отец, Энио разорила круг обитанья,

Преждевременно срезав колос младости быстрой,
Нет, и потоп не схлынул, сгубив за собой все живое,
С неба поток ливненосный льется влагой обильной,
Водовороты бушуют, Мене самой угрожая!
С жизнью прощаюсь я смертных, править боле не буду
Доли кормилом небесным, боле не буду вселенной
Мольбы внимать и пени, пускай другой из Блаженных,
Божество помогучей, жизнью извечною правит,
Бремя годов бегущих пусть снимут - меня не заботит,
40
Истомленного мукой, род смертных многострадальный!
Разве мне старости мало, сменяющей медленно младость,
Силы сосущей из мужа, выю сгибающей долу -
Вот он идет согбенный (ноги его уж не держат),
Опираясь на посох, опору обычную старца!
Разве судьбы не довольно, нередко бросающей в Лету
Жениха после пляски свадебной вместе с юницей
Узам не должно ли брачным вовек пребывать нерушимым?
Знаю, сколь мил и любезен брак честной, где лепечет
Бога Пана сиринга с авлосом богини Афины!
50
Что же тогда в том проку, если у брачных чертогов
Семиструнной форминги песнь полнозвучная плещет?
Нет, не преграда пектида заботам. Даже сам Эрос
Хоровод остановит и светоч свадебный бросит,
Коли увидит: и брачный пир уже нежеланен!
Пусть возрастет, коль молвишь, корень, дающий забвенье
Горестям смертных злосчастных... Да хоть бы Пандора вовеки
Пифоса не открывала небесного, племени смертных
Сладкое зло обольщения! Сам Прометей, всезаступник
Рода людского в несчастьях, повинен в причине сих бедствий.
60
Лучше 6 вместо истока бед, огня, он похитил
С неба сладостный нектар, что радует сердце Блаженных,
В дар принеся человекам, чтоб горести жизни рассеять
Это питье, чтоб заботы избыть, одолевшие землю!
Что же, презри волненья жизни тревожной, предайся
Празднествам и пированьям мрачным... Да мыслимо разве
Призрачным обольститься дымом без возлияний?"
Так изрекал сей старец. В безмолвии долгом раздумий

Зевс премудрый разум свой изощрял в размышленьях,
Мыслей узду отрешивши. И по веленью благому
Мысли рядами теснились в его голове многоумной.
Вот, наконец, измолвил Кронид и слово Айону,
Речь провозвестная взмыла над сердцем пророческим мира:
"Отче, пастырь годов неисчетных бегущих в тебе же,
О, не гневися! Ведь смертных род, столь рано погибший,
Не прекратится, взрастет он, подобно лику Селены!
Нектар оставь Блаженным, оплотом утешным для смертных
Сладкое станет вино, подобное самотечной
Нектара влаге струящей. В горести мир пребывает
Этот, пока не рожу я единородного сына.
Сам по себе я родитель, его в бедре доношу я,
Боль претерплю родовую, спасая родов причину.
Ныне по знаку Део, богини полей и угодий,
Вскроются тучные почвы от жениха их, железа,
Класов отец породит дитя сухое от пашни,
Сын мой блистательнодарный тогда и высадит в землю
Благоуханный и влажный плод целящего лета;
Вакх, утолитель печалей, гроздь, гонящую скорби,
Явит, соперник Деметры. Хвалу вознесешь мне, увидя
Как лоза заалеет, росою гроздной налившись,
Вестницею веселья, как мнут селяне в давильне
Тяжкой стопою грозди в пору позднего лета,
Как Бассариды толпою, пястями потрясая,
С криком несутся по долам, волны волос распустивши,
Как помутившись духом, вакханствующее застолье
Вопль испускает блаженный (за чашей следует чаша),
Превознося Диониса, заступника рода людского!
Он же, победный в сраженьях, свершит свой путь средь созвездий
После с Гигантами битвы, после победы над Индом,
Подле Зевеса взблистает зарницей, взнесенный на небо,
Бог лозы виноградной, в венке плющевом темно-алом,
И со змеею вкруг кудрей обвившейся кольцами тела,
В этой змеиной повязке, знаке божественной мощи,
Ровня богам блаженным, он назван будет средь смертных

"Дионис виноградный" (словно "Гермес златожезлый") ,
Словно "Медный Арей" и словно "Феб стреловержец"!"
Молвил Отец, и Мойры с ним согласились. На это,
Вестницы дней грядущих, кивнули быстрые Хоры.
Тут они оба расстались, один направился в домы
Гармонии, другой же к дворцу пестроцветному Геры.
Эрос, мудрец неученый, пастырь старца Айона,
В темные двери стучит праначального Хаоса громко,
После колчан вынимает дивный, кованный богом,
В нем лишь одном храниться могли те стрелы, что в Зевсе
Страсть пробуждали к женам земным, огненосные стрелы,
Счетом двенадцать... Вот Эрос пишет слово златое
Каждой - свое на спинке колчана, что полон желаний:
"Первая Зевса сведет на ложе Ио волоокой,
Тура-похитчика женит вторая на деве Европе,
Третья к свадьбе с Плуто принудит владыку Олимпа,
Ко златому супругу четвертая кликнет Данаю,
Пятая огненный брак готовит юнице Семеле,
Неба царю, орлу, шестая подарит Эгину,
Антиопу седьмая Сатира ликом обманет,
Приведет восьмая к лебедю Леду нагую,
А девятой удар обольстит перребийскую Дию,
Дрот же десятый ночь Алкмены чарой утроит,
А одиннадцатой прельстится Лаодами́я,
Олимпиаду отдаться последняя трижды принудит!"
Все осмотрел бог Эрос, каждую стрелку проверил,
Но отложил другие с огнепышущим жалом,
Пятую выбрав: на пламень тетивы налагает,
Плющ обвивает вкруг жала пернатого огненной стрелки,
(Чтоб увенчал потом божество виноградное), после
Острие он в кратеры с нектаром окунает,
Дабы как нектар сладок был Вакх осенней порою!
Вот направился Эрос к Диеву дому проворно...
Дева ж Семела проснулась с зарею розоволикой,
И над упряжкою мулов бичом из сребра заблистала,
Их погоняя и в прахе улиц прямой оставляя

След от круглых колес своей благозданной повозки.
Гипноса крылья, забвенье дающие, с глаз ее спали,
Дух же девы блуждал в пророческом сновиденье:
Куст с зеленою ветвью примстился ей в вертограде
Некоем, с гроздию тяжкой на пышнолистных побегах,
Гроздь, налитая соком, на ветвях тех поспевала,
Плодоносной росою Кроониона бога омыта.
Вдруг с поднебесья упавший огонь охватил это древо,
Наземь повергнув, но грозди новой нисколько не тронул.
Некая птица, раскинув крыла, сию гроздь похищает
Недозревшую с ветви, с места рожденья, Крониду
Зевсу тут же подносит - Отец к груди благодатной
Плод прижал, а после зашил в бедро, и явился
Юноша вместо грозди, быку рогами подобный,
Он из бедра Зевеса в полной силе родился!
Древом была Семела... В страхе дрожащая дева
С ложа вскочила, и в ужас повергнув отца, рассказала
Сон о ветви зеленой, об огненосном дыханье.
От Семелы услышав о древе, от пламени павшем,
Кадм-владыка трепещет. Зовет он дивного сына
Харикло, на рассвете говорит с ним о сне огненосном.
Выслушав божий оракул из уст Тиресия, тут же
Дочерь он посылает во храм родимый Афины,
Дабы принесть Громовержцу, метателю огненных молний,
В жертву быка, подобье рогатое бога Лиэя,
Также козла, что враждебен лозе, подъедая побеги.
Вот причина поездки: алтарь возжечь, дабы жертву
Зевсу свершить Громовержцу. При поднесении жертвы
Брызгала кровь святая, лоно Семелы кропила.
Юную деву кровавый ток омывал, и все кудри
Увлажнилися кровью, намокли хитон и повязки.
После, поросли мимо густых тростников, направляет
Путь к родимым водам близлежащим Асопа
Дева в грязной одежде, дабы в реке быстроструйной
Смыть все бурые пятна с забрызганных кровью покровов.
Новый испуг ожидает ее. С высокого брега
Предается она реки охранительным струям

Быстрым и страх оставляет, внушенный ей сновиденьем.
Нет, не без божией воли она окунается в воды
Резвые, речки этой, вели ее вещие Хоры.
И завидев Семелу, омытую влагой Асопа,
Мимо летящая дева Эринния громко смеялась,
Мысля Кроониона подле, мысля их общую участь:
Ибо низвергнут обоих громы палящие Зевса.
Дева в то время купалась, служанки ей помогали
Плыть, рассекая руками быструю влагу потока.
Ловко (ей было привычно) главу Семела держала
Высоко над волнами, до самых волос погрузивши
Тело в струистый поток, а грудью волну разрезая,
Сзади стопами взбивала обеими воду речную.
Не ускользнула от взоров всевидящего Зевеса
Дева. С высот поднебесных ее он взглядом уметил.
Эрос, податель жизни, свою тетиву напрягая,
Встал перед ликом Отца, взирающего на Семелу,
Несравненный стрелок. Под стрелкой, плющами увитой,
Тетива засияла - вот лук до предела натянут -
Дрот искусный слетает со звоном, рождающим отзвук.
Зевс всемогущий мишенью являлся. Эрос же, крошка,
В шею владыку уметил. Мерцающею звездою
Стрелка эротов вонзилась в тело с трепетом брачным,
К сердцу Дия приникла, ведая умысел тайный,
Бурно прошла до бедра до самого, провозвещая
Будущее рожденье бога. Тут-то Кронион,
Не отводя своих взоров, что сердце отдали страсти,
Загорелся любовью, язвимый волшебным желаньем.
Только узрев Семелу, себя вопросил: не Европа ль
Явлена пред очами снова? Мукой сердечной
Мучается, не забыл финикиянки. Так же прекрасна
И Семела, в ней то же сиянье, как в сроднице, блещет
Красоты несравненной, даруемой лишь от рожденья.
Зевс-Отец пустился на хитрость: в орла обратившись,
Страстью к Семеле томимый, летит, помавая крылами,
Высоко над Асопом, потоком многодочерним,

И, уж предвидя с Эгиной крылатую свадьбу, он блещет
Взором, орлиной повадке в воздухе подражая.
Он с поднебесья спустился, приблизился к брегу речному,
Взглядом окинул нагую прекраснокудрявую деву.
Нет, оставаться не надо вдали, наслаждайся видом
Девы с белою кожей столь близкой, чтобы возжечься
Страстью, приблизиться надо, чтоб взором острым измерить
Созерцателя целой вселенной и миропорядка.
Он не довольно ее разглядел, непорочную деву!
Розовой кожей сияла она сквозь темную влагу,
Струи речные предстали лугом прелестным, где блещут
Красотою Хариты. Одна нагая наяда
Выглянув из потока, кличет вдруг в восхищенье:
"После Ки́приды древней серпом отца оскопивший
Новый Кронос какой же ныне пену взбивая,
Снова ведет к рожденью влагу обретшую облик,
Он ли помог явленью младшей морской Афродиты?
Можно ль речному потоку с плодным морем сравняться,
Можно ль ему те зыби поднять самородные, где бы
Родилася другая Киприда - точно как в море?
Ах, возможно ль, чтоб Муза какая покинула склоны
Геликона и в глуби отца моего опустилась?
Ради кого оставляет конный ключ пегасийский
Или воды Олмея... О нет, то в водах простерта
Среброногая дева, плывущая вниз по теченью!
Нет, наверно, желая взойти на латмийское ложе
Эндимиона, вечно не спящего козопаса,
В аонийских ручьях омовенье свершает Селена!
Если для своего любимца пастыря водах
Моется, что ей в Асопе, текущим в поток Океана?
Если она сияет красой белоснежного лика,
В чем отличье от Мены? Распряженные мулы
Вольно пасутся на травах, возок же среброколесный
Рядом стоит, у брега. С ремнями яремными ига,
Бычьей упряжки возница, богиня Селена не знает!
С неба явилась богиня? Ибо, мнится мне, вижу
Отблеск светло-зеленый глаз глубоко-спокойных.

250
Может, вражду презревши с Тиресием старцем былую,
Плещется, скинув доспех, яснооkая дева Афина?
Дева с розовым ликом красой божества обладает!
Если же лоно смертной сияющий плод породило -
Дева такая достойна Кроониона страсти небесной!"
Так она говорила, в водах глубоких ныряя.
Зевс, обуянный стрелою огненной страсти любовной,
Жадно смотрел на руки белые девы плывущей.
Он поводил очами кругом, без конца озираясь,
То сияние лика белого подстерегая,
260
То волоокого взора отблеск впивая пресветлый,
Всматривался в струенье волос, поджидая, когда же
Белая шея из прядей юницы нагой засверкает.
Боле всего любовался он грудями - ибо, нагие,
Стрелами были эротов, направленными на Кронида!
Телом ее восторгался, не смея разглядывать только
Скромное девушки лоно (тут взгляд отводил он стыдливо).
Мысль всевышнего Дня покинула, плавая вместе
С юной Семелой в потоке. Как и многажды дотоле,
Пламенем жарким желанья зачарованный, страстью,
270
Сыну отец уступил: ведь Эрос-малютка стрелою
Малою воспламенил метателя громов и молний!
Не помогли ни ливни, ни огненные зарницы
Своему господину, и был повержен небесный
Пламень малою искрой не знающей битвы Пафийки!
Эрос нагой, без доспехов, пробил и щит волокожий,
Бился и пояс с эгидой... Перун же, рождающий отклик
Громко-рокочущий - раб колчана, где страсть зародилась.
Зевс от волшебной стрелки любовью к Семеле охвачен -
Оцепенел, ведь с восторгом соседствует пламень любовный!
280
В небо решился вернуться Зевс, высочайший владыка,
Замысел хитрый задумав, принял свой истинный облик.
Пылким желаньем томимый взойти на ложе Семелы,
Взгляд подъемлет на запад - придет ли сладостный Веспер...
Он бранит Фаэтонта, тянущего с наступленьем
Вечера и, удрученный любовью, так он вещает:

"Ночь, уйдет ли Эос завистливая с небосвода?
О, возжигай же светоч, горящей для страсти Зевеса,
Светоч, что предвещает ночного скитальца Лиэя!
290 [289]
О, Фаэтонт-ревнивец меня преследует, разве
Он к Семеле пылает, завидуя страсти любовной?
Гелий! Помилосердствуй, коль жала эротов изведал!
Что ж ты не погоняешь бичом коней нерадивых?
Знаю я средство другое ускорить ночи явленье,
Если б желал, и тебя, и Эригенейю я б спрятал
В тучах, ты б скрылся, и Ночь густая днем воцарилась,
Ночь, споспешница страсти нетерпеливого Зевса!
Звезды б под Солнцем сияли, с моим повелением вечный
Спутник эротов, Веспер, взошел бы, не закатился!
Ну же, влеки на закат Эосфороса, спутника Солнца,
300
Мне и себе свою милость яви, насладися с Клименой
Ты всю ночь напролет, а я проникну к Семеле!
О, запрягай же повозку, молю, светоносная Мена,
Испусти же сиянье, что бодрствует над древами,
Страсть моя предвещает рождение Диониса -
Поднимись над прекрасным и милым домом Семелы,
Вместе с звездою Киприды сияй, ибо так я желаю,
Ночь счастливую страсти сделай для Зевса длиннее!"
Слово такое измолвил Отец, томимый любовью.
Гелий, молению внемля, одним прыжком неизмерным
310
Землю пересекает, влажному мраку ночному
Уступая, и Эос заставив с собой закатиться!
Зевс же горний, тайно звездные домы оставив,
Поспешает к Семеле. В невидимые плесницы
Он обулся и прянул чрез путь подлунный мгновенно,
После у Фив оказался, влекомый словно пернатой
Мыслью и вот уж стремится по залам дворца поскорее
Пронестись, и пред ним замки словно сами спадают.
Вот заключает Семелу в нежные узы объятий,
И над ложем нависнув, мык быка испускает!
320
Тело в нем человечье, чело же с парою бычьих
Рожек - будто он облик рогатого Диониса!

Вдруг он во льва обратился с гривою густо-косматой,
Вдруг - в пантеру (здесь сына храброго было зачатье,
Сына, водителя львов, пантер укротителя диких);
Вдруг обратился змеею юный супруг и лозою
Виноградною пряди свил с плющевыми ветвями
Цвета пурпурных вин, повязав побегами темя,
Вакхово украшенье! - и змей этот сразу обвился
Вкруг белорозовой шеи девы доверчивой, сладким
Язычком изливая ласки, потом опустился
Он на упругие груди, сжав их кольцами плоти,
Брачною песнью звеня и мед изливая пчелиный
Сладостнотерпкий на грудь, а вовсе не яд смертоносный.
Долго Зевс наслаждался, и будто бы рядом с давильней
Вопль "Эвоэ!" испускал, столь милый зачатому сыну!
Бог, обезумев от страсти, устами сливался с устами
Милой Семелы и нектар в лоно Семелы безумной
Изливал, чтобы сыном, царем лозы, разрешилась;
Гроздь, грядущего вестницу Зевс воздымал над собою,
Дланию опираясь на жезл, пламенами чреватый.
То, потрясая тирсом, увитым плющом виноцветным,
В шкуру рядился оленью. В ласках любовных теряясь,
Потрясал он небридой на левом плече помещенной...
Вся земля улыбалась, пускала побеги растений,
А виноградные листья опутали ложе Семелы,
Стены покрылись цветами влажноросистого луга
В честь зачатия Вакха- Бромия, Зевс же над ложем
Без облаков громами внутри дворца потрясает,
Дабы вещать о грядущих тимпанах Вакха Ночного.
Зевс к Семеле со словом ласковым обратился,
Будущее предвещая соложнице, деве прекрасной:
"Знай же, Кронид - твой любовник! И с небожителем, с богом
Ты спозналась! Так выше гордой главою, юница!
Страсти больше чем страсть моя не найдешь среди смертных!
И с тобой не сравняться Данае! Затмила своею
Страстью ты и союз с быком Европы, отцовой
Кровной сестры, насладившись с Зевесом любовью, та дева
К Криту направилась - ты же на небо вознесешься, Семела!

Большего невозможно желать, чем звезды и небо!
360
Скажут однажды люди: почтил особо Кронион
Миноса под землею, а Диониса - под небом!
Смертный сын Автонои, отпрыск Ино - все погибли;
Первый затравлен псами, второй от родителя принял,
Детоубийцы, смерть, причиненную дротом пернатым.
Недолговечный отрок растерзан безумной Агавой -
Пусть же родится бессмертный, и станет Семела богиней!
Ты, о благая, на радость богам и людям младенца
Породишь, что забвенья подаст в злосчастье и горе!"

Песнь VIII

В песне восьмой поется о злобной ревности Геры,
Также о пламенном браке Семелы и Зевса-убийцы.

Слово промолвив такое, бог на Олимп возвратился,
Но и в высокостенном дворце вспоминает он деву,
К Фивам стремится желаньем боле, чем к небу, эфирный
Дом для Кроониона девы-Семелы жилище, служанки
Кадма для Зевсовых мыслей - быстрые дочери, Хоры!
Вот от пламенной страсти брачной, исшедшей от неба,
Стала она тяжела - округлилось чрево Семелы,
В честь божества Диониса венколюбивого стало
Мило венков плетенье; из плюща плетеницы,
Словно вакханка, на плечи и голову возлагает
(Вот Бассариды накидка!); в честь жен, что вот-вот разродятся,
Жен капризных, стала Киссою величаться.
Но и носящая в чреве тяжкого божьего сына,
Только заслышав сирингу старого козопаса,
Песнь, средь скал и утесов будящую отзвук ответный,
Тут же, безумствуя, дева в хитоне простом убегала,
Только двуустой свирели почуяв средь долов призывы,
Тут же бросалась, босая, прочь из высокого дома,
В чащи бросалась лесные, в поросли горного склона;
Если бряцали кимвалы - мчалась в неистовой пляске
Дикой по лугу кругами, прыжками высокими дева,
Если внимала мыку быка со лбом круторогим,
Бычий мык вырывался из нежной глотки девичьей;
Часто в горных ущельях напевы Пана безумным
Гласом подхватывала, становилась сородницей Эхо;
Часто, заслышав пастушью дудочку роговую,
Тут же плясать принималась. Дитя зачатое тоже,
Все понимая, во чреве материнском пускалось
В пляс, обезумев от дудки; слышал песни пастушьи,
Что отражались в утробе, еще не рожденная детка!

Так во чреве, сулившим младенца мужеска пола,
Вестник веселия рос, разумный малютка - вкруг девы
Служки Крониона, Хоры, вечали и звезды, и небо.
Фтон же, зависти бог, следя за ложем владыки,
Высочайшего Зевса, за мукой Семелы, зачавшей
Вакха, божьего сына, к младенцу в утробе ревнует,
Сам своим ядом отравлен, что губит любовь и терзает:
В сердце своем замышляет замысел злой и коварный.
Принял он ложный облик воинственного Арея,
Сотворил и доспехи, и цветом отравного корня
Щит воловий окрасил, изобразивши кровавый
След сраженья, и словно убийца он многих героев,
Пальцы обманные в краску алую окунувши,
Руки кровавит, словно в битве они обагрились.
После он испускает вопль ужасный из глотки,
Вопль, способный развеять ряды воителей грозных;
Речью обманной и бурной волнует он разум Афины,
Гнев разжигает и ревность в сердце завистливой Геры,
И такими речами обеих богинь укоряет:
"Гера, ищи в поднебесье другого, получше, супруга,
Зевса взяла Семела, ради милостей ложа
Девы предпочитает он семивратные Фивы
Небесам семислойным, вместо Геры в объятьях
Дий чреватую деву земную ныне лелеет!
Где ж материнская ревность? Где гнев твой и ярость, богиня,
Что покарает Семелу - иль чувства эти ослабли?
Где беспощадное жало овода? Разве телицу
Боле не гонят за море? Разве же пастырь твой, Аргус,
Чьи неисчетные очи гонят прочь сновиденья,
Не стерегут уж ложа тебе изменившего мужа?
Что мне дом на Олимпе! На землю я возвращаюсь.
Отчее небо оставлю, в родимую ныне отправлюсь
Фракию, дабы не видеть матери боль, оскорбленной
Зевсом, мужем неверным. Если когда он нагрянет
В край мой, влекомый любовью к прелестнице бистонийской,
То узнает, как может Арей яриться, ведь нашим
Копнем смертоносным для дерзкого рода Титанов,

Я прогоню Кронида, что обезумел от женщин.
Он бесчестит юницу - вот вам мое обвиненье!
70
Так отомщу я, по воле собственной, Геры бесчестье!
Он, сочетался браком с земными женами, звездный
Свод блестящий заполнил плодами собственной страсти
(О, да простит меня небо!) - домом сделал для смертных!
Я ухожу. Разве в высях Каллисто не мелькает
Там, где блистает созвездье аркадской Медведицы с гривой?
Семипутье Плеяд ненавижу! Электра с Селеной
Там сверкающей вместе долит меня горькой обидой!
Что ж ты, Гера, спокойна? С ложа Лето ненавистной
Ты погнала Аполлона - и щадишь Диониса?
80
Деве Тритогенейе помог ты, Гефест, народиться -
Только в бедре от жены незаконной сына доносит
Зевс, и сам породит, и будет отпрыск сильнее...
Нет в топоре твоем нужды! Так подчинись же, Афина,
Не прославляй ты Зевеса главы беременной боле,
Ибо сие рожденье мудреное Дионису
Будет казаться смешным: рожденный от смертного корня,
Станет он жить на Олимпе, как и богиня Афина,
Славу затмит Паллады, не знавшей матери девы.
Стыдно мне мысли единой, что смертный станет смеяться:
90
"Зевс дал битву Арею, веселье дал Дионису!"
Вот я и оставляю Кронида детям побочным
Свод небесный, а сам удаляюсь, пусть Истра замерзший
Ток увидит владыку, блуждающего по дорогам,
Нежели кравчего Зевса, кудрявого Ганимеда,
Пастуха на Олимпе, у самого Пергама встречу
Гебы небесной супругом, девы с винною чашей,
Нежели я Семелу и Вакха на небе увижу
Иль Ариадну земную в венце небесных созвездий,
Рядом идущую с Солнцем, подле Эригенейи.
100
Тут остаюсь, чтоб не видеть Кита и серпа Персея,
Иль Андромеды лик, иль око Горгоны Медусы,
Коих Кронид пристроит еще в небесах напоследок!"
Так говорит и смущает ум самородной Афины,

И разгорается злоба Геры и тяжкая ревность.
Фтон стремительно прянул, коленами острыми взрезал
Воздух, несясь по воздушным тропам. Для рода же смертных
Он проносился по небу подобно струям тумана,
Вооруженный коварством и злобным духом тельхинов.
Не дремала и злоба тяжкая Зевса супруги.
Прянула бурной стопою, небо пересекая
Пестрое, все в созвездьях, пылавших пламенем ярким,
Неисчислимые веси повсюду земные минуя,
Только б найти Апату, умыслов полную злобных.
Вот с высоты диктейской, милой всегда корибантам,
Гера Амнис узрела поток, дарующий жизни,
Там, в горах, и наткнулась она на богиню обмана,
Ведь Апата жила у мнимой гробницы Зевеса,
Милая критянам, ибо лгут всегда эти люди!
Пояс кидонский богини стягивал узкие бедра,
Изображенье там было всего, что смертных прельщало:
Все воровское лукавство, лести искусной беседы,
Хитрости и обманы, возможные при коварстве,
Также и лживые речи, что ветер по воздуху носит!
Вот к злоковарной Апате со словом лукавым богиня
Хитроумная Гера, Зевесу мстя, обратилась:
"Здравствуй, с сердцем коварным, рекущая речи коварства,
Здравствуй! В искусном притворстве Гермеса ты превосходишь:
Дай же мне пояс обманный, с помощью коего Рейя
Бедра свои обернувши, мужа запутать сумела!
Не поднесу я Крониду каменной глыбы какой-то,
Не обману я супруга какой-то мнимой скалою,
Нет, лишь дева земная гнев возбуждает и ложе,
Из-за коего небо Арей оставляет во злобе;
Что мне званье богини, когда какою-то смертной
Зевс уведен, отторгнуть коего мать Аполлона
Не смогла; Высочайший более не был с Данаей,
После того, как из медной темницы вызволил деву,
Та супруга бранила и дождь его златоносный,
И получила в подарок брачный соленую пену,

В ларчике этом медном плывя по воле течений!
Снова на Крит не вернулся Телец олимпийский по волнам,
Выйдя из брачных покоев, Европы он боле не видел;
Даже Ио, телица, плыла, гонимая слепнем!
Даже богини браком полностью не насладилась!
Даже Лето, понесши во чреве, долго скиталась
По островам округлым, на месте отнюдь не стоящим,
По зыбям беспокойным негостеприимного моря,
Только с великим трудом смогла разродиться у пальмы...
Столько Лето страдала - помощи не было мужа!
Зевс ради страсти к смертной, что скоро умрет и исчезнет,
Гере, сестре небесной, отказывает от ложа!
Боязно мне, что известный как брат и супруг Кронидаон
Из-за страсти земной меня с Олимпа изгонит,
Геру - соделав Семелу владычицею Олимпа!
Если Крониону Дню ты служишь больше, чем Гере,
И не отдашь мне пояс, что полон чары обманной,
Дабы вернуть на небо смогла я изгнанника сына,
К самым дальним пределам отправлюсь реки Океана,
Горние выси оставив из-за Зевесова брака,
И к очагу Тефи́и-праматери сяду. Оттуда
К дому пойду Гармонии, с Офисном рядом пребуду!
Ты же почти праматерь премудрую, Зевса супругу,
Пояс мне дай, обольщу я воинственного Арея
Беглеца, чтоб к Олимпу, на небо он снова вернулся!"
Ей откликалась богиня ответным словом искусным:
"Мать Эниалия бога, единая на престоле!
Дам я тебе сей пояс и все, что мне ни прикажешь,
Ибо ты правишь богами, первая после Зевеса!
Вот тебе подпояска, вяжи ее прямо под грудью,
Дабы Арея на небо вернуть, а если желаешь,
Ум зачаруй Кронида... Коль надо - и Океана
Гневного! Зевс же, оставив женам земным вожделенье,
Сам вернется на небо по собственному разуменью,
Чарой опутан могучей, обманной моей опояски,
Ибо она сильнее пояса дивной Пафийки!"
Так коварная молвив, исчезла - словно, как ветер

Прянула в воздух, высь рассекая крылатой плесницей
Над диктейским отрогом с пещерой? где бычьи гремели
Древле щиты и с гротом, где древле богиня рожала...
В опочивальню Семелы явилась коварная Гера,
Ревностью горькой пылая. Преобразилась в старуху
С речью слащавою, облик кормилицы приняв, что деток
Взращивает и лелеет, Агёнора кто вспитала -
Дал он ей землю и мужа выбрал, отцом ей родимым
Стал, она ж, в благодарность, заботливой стала и верной
Мамкой, и собственной грудью Кадма-младенца вскормила,
И взрастила Европу от самой ее колыбели.
Облик нянюшки приняв, явилася Гера в покои,
Гневаясь на Семелу, Пафийку и Диониса,
Хоть он и не родился еще... И вставши у ложа
Страстной любви, устремила взгляд свой на ближнюю стену,
Взор отвратив, лишь бы ложа любовного Зевса не видеть.
Пейсианасса, служанка Семелы, тириянка родом,
Место ее пригласила занять на сиденье удобном,
А Тельксиноя на кресло яркий ковёр подложила.
Там разместилась богиня, зло затаившая, глядя
На Семелу, мученьем томимую близких уж родов.
Только еще не достигла дева срока рожденья,
Так о том говорила бледность ланит и запястий,
Прежде таких румяных... Гера, устроившись рядом,
Задрожав всем телом в трепете старческом мнимом,
Головою кивая, выю долу склонила...
Вот наконец старуха нашлась и речью плаксивой,
Слезы лия, разразилась... Вся затряслась, застенала,
Отирая рукою лицо, и лгала, обольщая,
Голосом, льнущим к сердцу, словом таким хитроумным:
"Ах, скажи мне, царица, что ж щечки твои побледнели?
Сталось что с прежней красою? Покой твой кто же порушил,
Угасивши то рденье, что так украшало ланиты?
Роза стала почто анемоном, чья жизнь столь непрочна?
Точит забота какая? Иль слышала речи какие
Стыдные, или слухи среди горожан преболтливых?

Ох уж это злоречье из женских ртов, вот беда-то!
Все расскажи, не таися, кто пояс порушил девичий,
Кто из богов обесчестил? Кто твое девство похитил?
Если к моей дочурке Арей пробрался украдкой,
Возлегал с Семелой, не думая об Афродите,
Пусть подойдет к ее ложу, копьем потрясая как даром,
Пусть твоя матерь узнает о грозном воителе муже!
220
Если резвоплесничный Гермаон сей новобрачный,
Ради красы Семелы пусть от Пейто отречется,
Пусть тебе жезл свой предложит, брачный союз закрепляя,
Или тебя украсит плесницами золотыми -
Дар достойнейший к ложу брачному, чтоб величали
"Златоплесничной" Семелу, как Геру, Дня супругу!
Если это прекрасный пришел Аполлон с поднебесья,
Дафну забыв, чтоб предаться любви с Семелою-девой,
Если без всякой утайки слетел он с неба, беспечный,
На возке, лебедей поющей стаей влекомом,
230
Пусть в ознаменованье страсти формингу подарит,
Верный супружества знак! И только формингу увидев,
Кадм-владыка признает кифару горнюю Феба,
Ибо внимал он ей уже на пиршестве брачном,
Где Гармонии свадьбу гимном она прославляла!
Если тебя темнокудрый бог, безумный от женщин,
Силой поял, предпочтя воспетой в стихах Меланиппе,
Пусть приходит открыто, к привратью дворцовому Кадма,
Пусть жениховский трезубец вонзит у самого входа,
Равную почесть воздав и Дирке, воспитавшей дракона,
240
Точно как в Аргосе Лерне, гидру вскормившей, где встретил
Страсть с Амимоной своею, в память сего и истоку
Имя "Трезубец лернейский‟ от имени девы лернейской.
Что же я называю Энносигея супругом -
Разве есть у тебя Посейдона-бога подарки?
Влажною пястью своею Тиро обнимал он когда-то,
Бился изменчивым валом, как будто был Энипеем!
Если промолвишь, что нынче возлюбленный твой - Кронидаон,
Пусть он явится к ложу в сиянии пламенных молний!
В громе великом перунов, дабы промолвили после:

"Гера лишь и Семела являются в блеске зарницы!‟
Зевса супруга ревнива, но горя тебе не доставит:
Родич по матери твой, Арей, того не дозволит!
Счастлива боле Европа - ее на бычьем загривке
Зевс умыкал рогатый, гонимый пламенем страсти,
Гребней касался копытом (не в силах достать его влага!),
Эроса малой скорлупкой бык огромный являлся!
Дева владычила - чудо! - владыкой целой вселенной!
Счастлива боле Даная: на лоно ее ливненосный
Зевс золотыми ручьями сквозь кровлю проникнув, пролился
Влагой росистообильной ласки любовнобезумной!
Только счастливая дева ласки себе не просила:
Мужа она получила, как дар любовный. Так кто же
Муж твой? Ах, ради богов, помолчи! Как бы Кадм не услышал!".
Молвив, печальную деву в светлице она оставляет,
В ревности и обиде на брак владычицы Геры,
Горько бранящей Зевеса. А Гера, в дом возвратившись
Поднебесный, входит в жилище и видит у трона
Брошенное оружье (как будто ненужное Зевсу!),
Льстиво молвила Гера (как будто слышит оружье!):
"Огненный гром! И тебя оставил тучегонитель;
Кто тебя снова похитил? Кто снял тебя снова с владельца?
Ты уворован, гром, но сие не вина Тифоэя,
Беды ты с Герой делишь, новою девой увлекся
Зевс ливненосный, и оба мы брошены им в небреженье!
Ливня земля не дождется, влаги, тучей излитой,
Боле не будет на пашне, засуха поле изгложет;
Колос не вызреет, боле не назовут земледельцы
Тучегонителем Зевса, воскликнут, молясь: "О, бестучный!‟
Звезды, кликайте Дня огненно ликой зарницей!
Зевса влюбленного, громы, о други, зовите погромче!
Отомстите за тяжкий позор, терзающий Геру!
К ложу Семелы ступайте! Попросит подарка за ложе -
Станете вы ей подарком, огненные убийцы!"
Так восклицала Гера, жалуясь громам безмолвным;
Оскорбленная, гневом богиня пылала ревнивым.

Дух же Семелы терзался новой печалью обидной:
Молний дева желала, пламенных стражей страсти
И умоляла супруга, всячески упрекая;
С Герой тщилась сравниться на ложе в блеске зарничном:
"Ради Данаи, молю я, дождем златоносным омытой,
Милости, муж быкорогий Европы - стыдно Семелой
Зваться, себя я видала только лишь в сновиденье.
Кадма счастливей Акрисий, да и сама я желала б
Свадьбу златую увидеть, о Зевс, мой супруг ливненосный,
Если б матерь Персея меня того не лишила!
Плыть и я бы желала, о бык похититель, на мощной
Хребтовине, чтоб милый брат Полидор меня, долго
Странствуя по далеким краям разыскивал, словно
Некогда Кадм владыка, меня, быком уносимой!
Только вот что же мне в страсти такой с быком или ливнем?
Почестей не желаю, доставшихся смертным на долю,
Будь быком для Европы, ливнем златым для Данаи -
К ложу я Геры ревную! Когда ты почтить меня хочешь,
Пусть в моем брачном покое огонь разольется эфирный,
Страсть да сверкнет из тучи зарницей - вот дар твой небесный,
Вот любви твоей знак, вопреки неверью Агавы!
Пусть Автоноя трепещет, внемля в соседнем покое
Песни любви, что перун гремит, сторожа у порога,
Знак для мира единый таимого брачного ложа!
Дай заключить мне в объятья пламень небес, насладиться,
Огненный блеск лаская и пламенный гром перунов!
Дай мне супружеский пламень! Ведь над любою невестой
Светоч пылает брачный, когда свершается свадьба!
Разве я не достойна зарницы свадебной блеска?
Кровь Арея во мне и матери Афродиты!
Горе мне! Ведь для Семелы кратко брачное пламя,
Факел прост ее брачный, ведь огненною зарницей
И перуном владеет одна только Гера-богиня!
Муж мой громогремящий! Ты в полном божественном блеске,
Лик священный являя, нисходишь к Гере на ложе,
Освещая супругу брачной своею зарницей,

Пламенный Зевс! А к Семеле быком или змеем крадешься!
Слышит она на Олимпе тяжкорокочущий отзвук
Страсти, но бледною тенью скользишь ты мимо Семелы,
Слышит она лишь мычанье мнимое мнимого тура,
Зевс без туч, без перунов ложе мое посещает -
С Герой, богиней надменной, возлег он средь туч с облаками!
Дабы слухов постыдных не слышать про дочь любодейку,
В доме Кадм затворился, по улицам боле не ходит,
Людям стыдясь на глаза показаться, ибо болтают
Все горожане открыто об этаком тайном союзе,
На Семелу бранятся с ее женишком малодушным:
Что за брачный подарок - брань торговок базарных!
Даже рабыни, и те судачат, но боле боюся
Языка я дурного кормилицы невоздержной!
Вспомни: кто чаровал Тифона искусной игрою,
Кто вернул тебе снова им похищенный пламень?
Что ж, отцу -то Семелы яви, что вернули, и старый
Кадм тогда мне покажет брачные знаки Зевеса!
Только еще не видала я праведных взоров Кронида,
Ни блистанья лучистых зениц, ни сияния лика,
Ни зарницы, горящей слепительным светом в подбрадье!
Нет, не знала я лика божественного олимпийца,
Лев и барс пред очами - не лик божественный мужа,
Смертный лишь предо мною - а богом должна разродиться!
Я о другом слыхала огненном браке: ведь Гелий
Деву Климену в объятьях огненных страсти покоил!"
Так она кликала участь, ей дорогую... Как Гера
Дева злосчастная пылко желала покоиться в страсти
С лаской зарницы, слетевшей с перуна, полного ласки!
Зевс же Отец все слышал и проклял ревнивые Судьбы,
Предрешенную гибель Семелы оплакал. На Вакха
Неумолимая Гера зависть и гнев направляла.
Он приказал Гермесу из огненно-пылкой зарницы
Выхватить сына Тионы, пожранной пламенем неба.
Слово молвил такое Отец юнице надменной:
"Дева, умыслы Геры гордой твой разум затмили!
Что ж ты думаешь, дева, молнии сладостны будут?

Только немного осталось - от бремени разрешиться,
Только немного осталось до срока рождения сына,
Не домогайся от Зевса явленья зарниц смертоносных!
Не было пламенных молний, когда овладел я Данаей,
Не было грохота громов, когда я с тирийскою девой
Сочетался на ложе, не было там и перунов,
Для инахийской телицы огни не пылали, одна лишь
Ты о том умоляешь: Лето - и та не просила!"
Так говорил, но Кронион и не дерзал состязаться
С пряжею Мойр, и прянул, весь небосвод озаряя,
Светом громовой зарницы к возлюбленной, громов молящей,
Против воли своей Кронид супруг-громовержец
В опочивальне Семелы явился в неистовой пляске,
Дланями воздымая погибельные зарницы.
Дева Семела, увидев огонь смертоносной зарницы,
Гордо встретила пламя такою достойною речью:
"Я не желаю пектиды жалостной, прочь же авлосы,
Громы и молнии Дня - вот сиринги эротов,
Мой же авлос - громыханье громов, а светоч мой брачный -
Горних высей сиянье! Жалких факелов чада
Мне не надобно боле, светоч мой славный - зарница!
Я - Зевеса супруга! Эхиону - участь Агавы,
Пусть Автоноя зовется женой Аристея, пусть Зевса
Делят Ино с Нефелой, а я - соперница Геры!
Не Афаманта жена, не рожу Актеона для скорой
Смерти от яростной стаи псов среди чащи нагорной!
Нет, не желаю форминги смиренной, ибо небесной
Звездной Кифары звуки Семелы брак воспевают!"
Гордая, так она молвит - и возжелала в объятья
Смертоносные громы заключить. Не противясь
Мойре, коснулася пястью смелой громов смертоносных.
Брак, погубивший Семелу, свершился. Во установленье
И костром и гробницей Эринния сделала ложе.
Вот зарница Семелу от бремени разрешивши
(Зевс не удерживал боле), деву во прах обращает!
Восприемником - гром, Илифией - зарница сказались,

Только лишь Вакх из чрева горящего появился.
Пощадило младенца пламя зарницы небесной,
Хоть и невестную матерь сгубило огнем смертоносным,
400 [398]
И до срока рожденный остался Вакх невредимым,
Ведь дыханье сдержали его омывшие громы!
Видя погибель, Семела счастливой себя почитала,
Ибо родить успела... Средь пламени видеть могли бы
Химероса, Илифи́ю с Эриннией в брачном покое!
И недоношенный отпрыск как только родился, омытый
Горним огнем, доставлен тотчас Гермесом к Крониду.
И смягчает Кронион Геры злобноревнивой
Умысел, что завершился, бремени гнева лишает:
Пламенный прах Семелы возносит на свод небесный,
410 [408]
Матерь Вакха приводит к дому звездному, дабы
Там она обитала, ведь в близком родстве она с Герой,
От Гармонии, дщери Арея и Афродиты.
Там свое новое тело омыв сиянием звездным,
Замерла навсегда в бытии нетленном. Не с Кадмом
Ныне она на земле, не с Агавой, не с Автоноей -
С Артемидою рядом, беседует с девой Афиной,
Стал небосвод ей подарком свадебным, делит застолье
С Зевсом, Гермесом, Ареем и самой Афродитой!

Песнь IX

Внемли песне девятой, найдешь там отпрыска Майи,
Ми́стиду, дщерей Лама, Ино́ прескромной обитель.

Зевс-Отец от Семелы пылавшего лона младенца,
Полу рожденного Вакха, избежавшего молний,
Принял и поместил в бедро, и ждал окончанья
Бега месяцев лунных, положенных для рожденья.
Вот и рожденье, и длань Кронида как повитуха
Опытная в этом деле, бедро от швов разрешает,
Где дитя пребывало, трудных вспомощница родов.
Стало бедро Зевеса, как и у женщин, смягчаться:
Слишком ранний младенец без матери чрева доношен,
Взят от женского лона, зашит он в бедро мужское!
Только лишь появился от крови бога младенец,
Хоры дитя увенчали из стеблей плюща плетеницей,
Славя грядущее Вакха, и сами в цветочных уборах
Благорогого змея кольца гибкого тела
Располагают у чресл благорогого Диониса.
Над драканийским отрогом, местом рождения Вакха,
Майи отпрыск, Гермес, взлетел в простор поднебесный,
Приняв во длани младенца. Родившегося Лиэя
Он нарек Дионисом, ибо в ноге свое бремя
Выносил Дий, хромая с бедром непомерно раздутым;
Значит и "нис" в сиракузском говоре "хромоногий" -
Так вот в имени бога имя отца прозвучало!
Бог народившийся также зовется "Эйрафиотом",
Ибо в бедро мужское зашил младенца родитель!
Только лишь бог народился (не требовалось омовенья!),
Детку, не знавшую плача, во длани Гермес принимает -
Бог был подобен Селене с рожками над висками.
Нимфам, дщерям потока Лама, младенец доверен,
Сын Зевеса, владыка лозы виноградной. И Вакха
Приняли на руки нимфы, в уста дитяти вливая

Каждая сок свой млечный от груди, текущий свободно.
Взоры дитя устремляет ко своду горнему неба,
Глаз не смыкает, лежа на спинке, ножками воздух
Маленький Вакх взбивает, млеком себя услаждая,
На небосвод взирает, владенье отчее, дивный,
Радуясь бегу созвездий, смеется дитя беззаботно.
Отпрыска Дия кормящих, дщерей Лама потока,
Гнев ревнивый и тяжкий супруги Зевеса бичует:
И безумствуют нимфы, застигнуты яростью Геры,
Бьют рабынь и прислужниц, странников на перекрестках
Троп и дорог на части острым ножом разрубают,
Воя и завывая, с выпученными очами
В пляске несутся свирепой, в безумстве раздравши ланиты,
В разуме помутившись, бегут и бегут непрестанно,
Кто куда, то кружася на месте, то прыгая дальше!
Волосы, распустившись, вольно вьются по ветру
Бурному, ткань хитона шафранная каждой безумной
Пеною белой клубится, стекающей с грудей девичьих.
Буйством влекомы, унесшим их разум, они бы
Неразумного Вакха ножом растерзали на части,
Если б, нечуемый вовсе, ступая как вор по воздушным
Тропам, крылатой плесницей Вакха Гермес не похитил!
Сжав младенца в объятьях спасительных, тут же уносит
Вакха Гермес в жилище Ино, разродившейся только.
Дева младенца в то время к своей груди подносила,
Новорождённого сына, дитя свое, Меликерта,
И округлые груди полнились млеком обильным,
С них сочилося млеко, сосцы тесня и терзая!
Бог приветливым словом деву сию приголубил,
Вещие бога уста пророческой речью звучали:
"Вот тебе, жено, новый сынок! К груди поднеси же
Сына Семелы, милой сестры твоей, коего в брачной
Опочивальне и громы с огненною зарницей
Сжечь не смогли, но Семела в огне их грозном сгорела.
Пусть же этот младенец в дому пребывает укромном,
Пусть в покоях жилища невидимым он пребывает
Для лучей Фаэтонта и глаз лучистых Селены,

Пусть же сего дитятю (хоть, говорят, волоока)
Гнев ревнивый и тяжкий злобной Геры не узрит!
Вот сестры твоей отпрыск - вознаградит Кронид&он
Все труды и мученья по воспитанию Вакха!
Да пребудешь в блаженстве средь дщерей Кадма-владыки!
Ибо Семела и вправду пала от огненных дротов,
Автоною же с сыном погибшим земля приютила,
Вместо гробницы над ними воздвиглись холмы Киферона.
Смерть и Агава узнает, по предгорьям скитаясь,
Ибо забьют камнями (причиною смерти Пенфея)
Изгнанную из града... Живою одна и пребудешь,
Гордая пенного моря насельница, ты-то и внидешь
В дом божества Посейдона такою ж богиней морскою
Как Галатея, Фетида - под именем Гидриады.
Нет, в пещерах наземных тебя Киферон не укроет -
Станешь ты нереидой, вместо родителя Кадма
В чаянье лучшем Нерея отцом назовешь, укрываясь
В доме его вместе с сыном, божественным Меликертом,
Нарекут Левкотеей, ключницей волн и течений,
Мореходцев защитой вослед Эолу... Доверясь
Ясной погоде, по гребням пустится в путь мореходец
Лишь с одним алтарем - Эносихтону и Меликерту -
На корабле торговом, бог же Лазурнокудрявый
В колесницу морскую возьмет Палемона возницей!"
Молвив, неуловимый Гермес в небеса устремился
Резвоплесничной стопою, мчался он быстро, как ветер.
Повиновалась Ино: и с нежнолюбовной заботой
Бога-сиротку, Вакха, к груди материнской прижала,
Поудобней устроив к локтям обоих малюток,
Обе груди дала Дионису и Палемону.
Отпрыска Мистиде юной, рабыне, после вручает,
Мистиде, сидонийке прекрасноволосой, что с детства
Вместе с Ино возрастала по Кадма веленью для службы.
Мистида отнимает от богокормящей Вакха
Груди, и в темный уносит покой, чтоб никто не увидел.
Дия миру вещая непроизвольные роды,

Блеск озаряет лучистый лик, одевшийся светом,
Темные стены покоев в ярких лучах проступают,
Сумрак уходит пред светом священного Диониса.
Бромия же младенца Ино всю ночь забавляет.
Часто дитя Меликерт, насытившись грудью одною,
Ищет губами своими другую, опору теряя,
110
Дионис же лепечет негромко "Эвой" или "Эвий".
Мистида отнимает бога от груди хозяйки
И над Лиэем, сомкнувшим глазки, бодрствует ночью.
Так, по имени верной служанки, обряды назвали
Празднеств полночных мистических никтелийского Вакха,
В честь бессонного бденья над малюткой Лиэем;
Первая погремушкой гремела над Вакхом служанка,
Медью двойной ударяла в гудящие глухо кимвалы,
Первая огнь запалила, чтоб свет был для плясок полночных,
И "Эвой" завопила вечно бессонному Вакху!
Первая гибким побегом лозы свежесрезанной кудри
Вольные бога венчала, сплетая венок виноградный;
120 [122]
Первая тирс оплетала плюща виноцветным отводком,
Спрятав его острие железное в зелени пышной,
Листья с отростками, дабы Вакховы длани не ранил!
Мистида подвязала к груди обнаженной фиалы
Медные, первая бога чресла укрыла небридой,
К поясу прикрепила хранящую тайны корзинку,
Вот погремушки какие Вакха сперва забавляли!
Первая окружила змеиными кольцами ткани
Вакховых одеяний: двойное сплетенье змеиных
Тел образует пояс кольчатый Диониса.
Только и в глубях дома, за всеми его замками,
130 [133]
Всепроникающим взором Гера бога узрела,
Хоть охраняла Вакха служанка в укрывище тайном.
Стиксовой влагой богиня клялась, что в горестей море
Дом Ино погрузится, что беды дом сей постигнут,
Что погубит Зевесова сына... Гермес же малютку
Подхватил и в отрогах лесистых укрыл Кибелиды.
Резвоплесничная Гера прянула быстрой стопою,
140

Неустанная, с неба - Гермес ее опережает!
Фанеса принял он облик, перворожденного бога...
Из уваженья к древнейшим богам свой шаг замедляет
Гера, сияньем лучистым обманута мнимого лика,
Образ лживый не мысля в искусном явленье увидеть.
Тот же еще быстрее бросается к горным отрогам,
В нежных объятиях сжав круторогого сына Зевеса;
К матери Дия приходит, к Рейе, кормилице львиной,
Речь говорит богине, родившей бессмертных Блаженных:
150 [149]
"Вот, прими, о богиня, нового сына Зевеса,
Сокрушителя индов, что к высям звездным взнесется!
Гнев почуяла Гера на Вакха, рожденного Дием;
Нет, не Ино дитятю, я вижу, воспитывать должно -
Матери, Дия зачавшей, ныне отдать подобает
Внука, ибо лишь Рейя вскормить Кронида сумела!"
Молвил Гермес быстроногий и прянул в высокое небо,
Крылья расправив в воздушных потоках веющих ветров.
Древлерожденного Фанеса лик благородный оставил,
Принял он, возвращаясь, облик первоначальный,
Бога растить оставив бабке и бодрой, и зоркой.
160
Вакха вспитала богиня, и, хоть и был он мальчишкой,
Править хищными львами повозки своей дозволяла.
Шумные корибанты в жилище, бога укрывшем,
Пляскою соразмерной и пеньем дитя забавляли.
Скрещивали железо мечей и попеременно
Били в щиты воловьи, звенеть заставляя оружье,
Дабы сокрыть возмужанье растущего Диониса.
Отпрыск, внимая звону щитов охранных, мужает
При неусыпном надзоре вспитавших отца корибантов.
На девятом году убивал он диких животных,
170
Резвоногий и быстрый, зайца мог он настигнуть,
Предаваясь погоне за ланью, детской рукою
Тушу со шкурой пятнистой мог он на плечи забросить;
Тигра с хребтом полосатым, мог он свободно над выей
Воздымать и не нужно вязать было этого зверя.
Львят приносил он в руках, показать их матери Рейе,
Малых зверюшек, материм напитавшихся млеком,

Что же до львов свирепых, то он ловил их живыми,
Дабы могла их Рейя впрягать в свою колесницу:
Пару лапищ львиных каждой удерживал дланью;
Рейя же, изумляясь, со смехом блаженным взирала
Отрока Диониса на силу и ловкость, и доблесть!
Глядя, как Иовакх свирепых львов укрощает,
Зрелищем сим услаждался, смеясь, родитель Кронион.
Бог свое тело прятал под косматым хитоном,
Эвий, хоть был он отрок, почти совсем еще мальчик,
Шкурой пятнистой оленя кутал и грудь он, и плечи,
Шкурой, подобной небу, усыпанному звездами.
И на фригийских нагорьях, похитив из логова рысей,
С пестрым их леопардом впрягал в свою колесницу,
Будто хотелось восславить ему отчизны обычай
Часто он забирался, бессмертный, в Рейи повозку,
Нежной и слабой рукою ухватывал упряжь кривую,
Несся в быстрой повозке, влекомой свирепыми львами,
И с возрастающим в сердце мужеством Зевса-владыки,
В глотку медведицы лютой впивался юной десницей,
Дланью неустрашимой ярую пасть усмиряя,
Дланью почти ребячьей... Страшный зверь умилялся,
Глотку свою подставляя юному богу Лизю,
И, прикрывши клыки, ладони лизал Диониса.
Так возрастал он близ Рейи, любящей мчаться по взгорьям,
Мальчик, средь гор взращенный, среди теснин и отрогов;
Пановы дети плясали резво вкруг сына Тионы,
Густокосматой стопою прыгая с камня на камень,
Вакху "Эвой" кричали, носились вприпрыжку по склонам,
И козлиным копытцем цокали звонко по скалам!
Дева Семела и в небе огнь не забывшая молний,
Радостно выпрямив выю, гордо так восклицала:
"Гера! Тебя победили! Сын мой растет и мужает!
Зевс родил его, вместо Семелы став матерью Вакха!
Семя отец посеял и выносил, без повитухи
Обошелся, природы закон изменивши жестокий!
Вакх Эниалия выше! Ведь Зевс зачал лишь Арея,

Но не рожал его, бога, в бедре зашитого долго!
Фивы и Ортигúю славой затмили, ведь Феба
Втайне миру явила Лето, богиня-беглянка!
Феба Лето рожала - вовсе не вышний Кронион!
Майя Гермеса рожала, а не соложник законный!
Сына ж Семелы открыто Отец породил! Что за диво!
Зевс! Взгляни же на Вакха! Твоя же матерь в объятьях
Нежных его покоит: она ведь ключница мира
Этого, всех Блаженных бессмертных она же начало
И - кормилица бога Бромия! Вакху давала
Грудь со млеком обильным, ту грудь, что Зевса вскормила!
Что за Кронид Арея рожал, что за Рейя питала
Сына Геры? Кибела-матерь и Зевса явила
Миру, и Диониса вспитала на собственном лоне!
Сын и отец, они оба во дланях покоились Рейи!
С сыном Семелы не в силах безотчий Гефест состязаться,
Гера его породила одна, неизвестен родитель,
Слаб ее отпрыск ногами, на обе стопы он хромает,
Неудачные роды скрыть стараясь походкой!
Спорить не может с Семелой и Майя, чей сын хитроумный,
Бог Гермес, превратился в подобье бога Арея,
Дабы у Геры богини млеком ее напитаться!
Чтите меня как богиню: лишь у единой Семелы
Муж, что выносил сына и миру явил Диониса!
Счастлива дева, имея сына такого! Не надо
Было лукавств и обмана Вакху, чтоб среди звездных
Высей отчих он жил, ведь матерь родная Зевеса
Выкормила Диониса млеком, кормилица божья!
Сам он взойдет на выси небесные, млека же Геры
Сыну Семелы не надо, самою Рейей он вскормлен!"
Так ликовала Семела на небе. Супруга же Зевса,
Гневная, деву Ино погнала за пределы отчизны,
Вдруг на дом Афаманта обрушившись в гневе великом.
Ненавидела Гера Вакха, хоть и младенца!
Вот из палат помчалась Ино, несчастная в браке,
Вот, босоногая, скачет по склонам горным и скалам,

След ища понапрасну исчезнувшего Диониса.
Вот от отрога к отрогу блуждая без цели, юница
Горной скалистой долины Пифо достигает дельфийской.
Тут она остановилась у воскормившей дракона
Чащи, неумолимо гонимая... Грудь обнажая,
Ткани висели лохмотья в знак скорби великой и горькой
У безумицы-девы. Заслышав ее причитанья
Жалобные и стоны, пастух в долинах трепещет.
Часто берет она змея, что кольца тройные свивая,
260 [258]
Вкруг треножника бьется, приладить к спутанным прядям
Грязным; к вискам изможденным змеиные кольца приладив,
Вкруг неприбранных кудрей вяжет из змея повязку.
К шествиям часто девичьим бросается - ни возлияний
Нет при них, ни обрядов... боле никто не приходит
К храму близ Дельфов священных. Свитой из плющевых веток
Плетью отроковица хлещет жен проходящих.
А зверолов, лишь завидев Ино, что несется по склонам,
Забывает силки и ловушки, стадо же козье
Козопас загоняет в укрывище в скалах отвесных.
Пахарь, быков ведущий по полю под тягостным игом,
Весь трепещет от страха, Ино в неистовстве видя!
270
Звуки подземного гласа заслышавши странного только,
Пифия, дева-вещунья, бросается в горы внезапно,
Панопеидским лавром над головой потрясая.
После бежит к вершине, над долом глубоким нависшей,
Прячется в гроте дельфийском, Ино страшася безумья.
Только блуждая в безумье средь чащ запутанных леса,
Не избежала всезрящих глаз Аполлона. И приняв
Смертного облик, к безумной из жалости, он перед нею
Предстает прямо в чаще, и лик Ино украшает
Лавром, ладонию кроткой венцом из вещего лавра,
280
Сладостный сон насылая. Умащивает амвросией
Члены юницы Ино, истомленной тяжким страданьем,
Тело кропит Инахиды росой, разрешающей горе.
Долго она, три года, в парнасском лесу пребывает,
Подле покоится самой скалы пророческой, там же
Учредит она после обряды в честь юного Вакха

Во исполненье пророчеств Феба. Со светочем в дланях
Корикийские девы-вакханки, благоухая,
Празднества совершают, сбирая во длани святые
Травы, хранящие разум и жен, и дев от безумья.
По Афаманта приказу тем временем посланы люди
Во все стороны света, и в горных теснинах служанки
Толпами ищут усердно, и в самых углах отдаленных
Края безвестного следа своей госпожи убежавшей,
Скрывшейся, неуловимой - плачут, стонут, рыдают
Девы-служанки, ланиты ногтями они раздирают
В кровь и белые груди терзают в горе перстами.
Многоголосый отзвук воплей град наполняет,
Горестный вопль раздается по всем покоям дворцовым.
Мистиды благоразумной скорбь поболее прочих,
Ибо двойную муку терпит - Ино злосчастной
Бегство безумное вместе с утратою Диониса.
Но Афамант-владыка не плакал над девой жалчайшей.
Царь забывает Ино пропавшую без сожаленья
(Как забыл он Нефелу, двух отпрысков царственных матерь)
Он Темисто на ложе сладостное приводит,
Делает третьей женою дочерь царя, Гипсеиду,
Брак расторгнув с Ино. Как будто нежная нянька
Он с младенцем играет, подкидывает Меликерта
В воздух, а тот как будто лепечет "папочка!", "папа!";
Если же хочет младенец груди, млеком обильной,
Тот ему в шутку свою подставляет, его утешая.
И Темисто Афаманту во браке этом рождает
Крепкогрудых сынов, и храбрых, и сильных в сраженье,
Левкона и Схойнея, поросль новую силы,
Плод ее первых родов. После и двойню приносит
Матерь плодная, двух сыновей еще породивши,
Порфиреона она вскормила грудью обильной
Вместе со Птойем, потомство, что горе с бедой отвращает,
Двух сынов, коих матерь, ровесников, равно и любит -
Только вот сгубит однажды их Темисто, ибо примет

За других, за потомство Ино прекрасносыновной.

Песнь X

В песне десятой - безумье Афаманта и бегство
Девы Ино к зыбям со спасшимся Меликертом.

Так же как матерь-убийца детей своих погубила
В помраченье рассудка, отец их безумьем наказан
Был, ведь на Темисто, погубившую род их, женился!
Афаманта ударил бич неистовый Пана:
В стадо безумец ворвался и будто рабов нерадивых
Коз густошерстых безвинных хлестал кнутом в исступленье.
Вот он одну хватает, приняв ее за супругу,
Козочку вместе с двойней, припавшей к сосцам, изобильным
Млеком, мохнаты копытца вяжет крепко, веревку
10
Петлей двойной затянувши; после пояс срывает
С чресел, бичует тело мнимой Ино, обмана
Даже не подозревая! В слухе царя Афаманта
Свищет один лишь только бич Паниада Кронийца.
Часто неистовый, буйный, он с трона срывается дико,
Только лишь в слух устрашенный шипенье змей проникает!
Лук он тотчас напрягает, и с тетивы напряженной
В небо стрела пустое летит, никого не уметив.
То вдруг он видит змеиный лик тартарийской богини,
В страхе трепещет от лика многообразного тени,
20
Снежная пена из уст извергается, признак безумья,
И замутненные очи в глазницах вращаются страшных,
И при блуждающих взорах белки наливаются кровью
Глаз неподвижных, трепещут хрупкие темени кости;
Третья часть погибает души: способности мыслить
Ясно и твердо уж нет, поколеблено разуменье,
Скачут зеницы как будто неистовые вакханки,
Жалом гонимы безумья, волосы спутаны в космы,
Вьются, нестрижены, вольно у царя за плечами,
30 [29]
Что-то бормочут губы и с уст срывается в воздух
Отзвук бессмысленной речи, бессвязных слов восклицанья;

Смертных желание пищи вкусить похищает дыханье
Дев-Эвменид, распухает язык от речи тиадской,
Только кружась замечает, главу повернув, иноликий
Образ Мегайры призрачной, девы, не должной являться -
Царь Афамант впадает в приступ безумия ярый.
И гонимый богини пястию, сеющей ужас,
Хочет вырвать из длани ее он бич змееносный...
Выхватив меч короткий в чело Эринии метит,
40 [39]
Аспидоликие кудри алчет отсечь Тисифоны;
С речью пустою стремится к стене соседней, как будто
Призрачный образ увидел явленной мнимо богини
Артемиды и призрак обманчивый углядевши,
Он загорается страстью травить и преследовать образ...
Вот на году на четвертом Ино, испытавшая много
Горестей слезных, вернулась. Плачет вдвойне молодица:
Муж охвачен безумьем, в дому Темисто и двое
У нее сыновей; Ино же, соложницы верной,
Не признает супруг, слишком долго странствия длились.
50 [49]
Царь обуянный желаньем охотиться на оленей,
Устремляется в горы, быстрый, как ярая буря...
Видит отпрыска он, за животное отрока приняв,
Вскидывает свой лук, устремляется на Леарха,
Зрит лишь образ дичи ветвисторогатой в родимом,
Уподобленном зверю... Мальчик спасается бегством,
Робкий, и страх убыстряет голени юноши вдвое.
Только безумною дланью спустив пернатую с лука,
Пригвождает на месте сына убийца-родитель;
Голову не узнавши, мечом коротким срезает,
60 [59]
Мысля, что это олень. Над неузнанным ликом кровавым
Радостно он смеется, пылко его воздымает,
Словно охоты трофей, несется в припадке безумья,
Тела земле не предавши милого сына Леарха,
К дому, матерь он ищет косящим бешеным взором
Слуги попрятались в страхе. В уме поврежденный проходит
Свой дворец семистенный быстрым решительным шагом
В поисках сына, коего сам и убил... И в покоях
Младшенького Меликерта только внесенного видит.

Ставит на разведенный огонь лохань для купанья,
70 [69]
Сына туда помещает. Охвачена пламенем жарким,
В сей лохани клубится, кипит и пенится влага.
Жалобно плачет малютка, но ни один и не смеет
Из рабов подойти... Тут бурно врывается матерь,
Полусожженную детку выхватывает из лохани
И несется прыжками Ино без пути и дороги.
Лишь оказавшись на Левке, белом брегу, вспоминает
Имя Белой Богини, Левкотеи... В безумье
Афамант из покоев бросается, ветру подобный,
Тщетно Ино стараясь догнать на склонах гористых.
80 [79]
Все же ее ужасный преследователь настигает...
Боле не в силах мчаться несчастная, гнутся колена:
Остановилась у моря, плескавшегося перед нею,
Запричитала, плача над участью милого сына,
Обвиняя Кронида с глашатаем, отпрыском Майи:
"Бог сребромолнийный, что за награда кормилице Вакха!
Чуть не сгоревшего брата молочного узри, Лиэя!
Коль такова твоя воля - дожги жестоким перуном
Мать и младенца ея, Вскормленного тою же грудью,
Что и божественный отпрыск, наш Дионис богородный!
90 [89]
Сын мой! Богиня Ананке могуча, куда тебе деться?
Горы какие сокроют? Мы ведь у самого моря!
Где ж Киферон, что спрячет тебя во мраке пещеры?
Смертный какой пожалеет? В родителе жалости нету!
Примут лишь меч или море тебя, и уж если судьбина
Смерть сулит, то пусть будет море, не мечная бронза!
Ведала я - несчастье следом висело да вилось,
Знала я, на меня Нефела Эриний наслала,
Дабы я сгинула в волнах, как Гелла отроковица!
Было известно мне: в землю колхов несомый по небу,
100 [99]
Восседал на хребтине похитчика овна как всадник
Фрикс, чтобы жить в изгнанье! Когда б влекомый бараном
Златорунным по небу, мой сын путешествовать мог бы,
Отыскать (о, изгнанник!) край для жизни спокойной!
Ах, когда бы как древле Феб к Ино милосердный

Сжалился Посейдон над нами, Главка приявший!
Страшно, видевши гибель Леарха без погребенья,
Видеть малютку, над телом не причитать, не поплакать
Умерщвленным кровавой медью во длани отцовой.
Да не увидишь, спасаясь от гневного Афаманта,
110 [109]
Сыноубийцы, отца, убивающего и матерь!
Море, прими меня после земли! Нерей, не отвергни
И Меликерта, сердечно ты принял на лоно Персея!
Не оттолкни же Ино (ведь Данаю в ковчеге ты принял!)
Казни достойна, страдаю - ведь нашу же поросль младую
Сделал бесплодной по праву и уничтожил Кронион!
Ведь и сама я когда-то сделала землю бесплодной!
Мачехой злобной была, незаконное мысля потомство
Извести Афаманта, и гнев заслужила я Геры,
Мачехи Диониса, недавнего только питомца".
120 [119]
Молвила, и стопою неверной шагнула в пучину,
Быстро стала с сыночком тонуть... Левкотею-богиню
В гостеприимные длани принял Лазурнокудрявый,
Дабы жила среди влажных божеств. Она помогает
Мореходцам плывущим. Ино нереидой морскою
Стала и правит отныне зыбей безмолвных покоем.
Объясняет Кронид родительнице Лизя,
Что ради Бромия сделал богиней Ино. И с великим
Смехом та обращает сестре морской свое слово:
"Морем, Ино, ты владеешь! Семела же царствует в небе!
130 [129]
Мне подчинись! Ведь Кронида числю я предком и он же
Мой бессмертный соложник, выносил вместо подруги
Плод моего порожденья - а ты от мужа земного,
Афаманта, терпела детей убиение кровных!
Доля младенца Ино - в пучине! Мой сын вознесется
К небу, в вышние домы Зевеса. Нет, не сравниться
Гостю пучин, Меликерту, с горним вовек Дионисом!"
Вышняя так Семела смеялась над жизнью морскою,
Выпавшею Ино, сестре родимой, на долю.
А Дионис по скалам бродил лидийских отрогов,
140 [139]
Потрясая кимвалом Рейи Кибелеиды,

Ибо он юношей стал. И вот, спасаясь от зноя
Солнечного бича, что Гелий вздымает в зените,
Стал он купаться в струях ясно и стройно журчащих
Меонийского тока, и, угождая Лиэю,
Златоносную влагу Пактол тотчас упокоил,
Льющуюся по светлым пескам, средь коих в пучине
Злато лежит, а вокруг златоспинные рыбки мелькают.
Тут же и сатиры скачут и в воздухе кувыркнувшись,
Устремляются в реку бурно вниз головою!
150 [149]
Вот уж один резвится, пястями подгребая,
Наперекор теченью след пролагая во влаге,
А под водою копытца взбивают бурную воду;
Тут же ныряет другой к жилищам глубоководным,
Дабы бездонную дичь поймать с расцветкою яркой,
Тянет незрячую руку за рыбкою резвоплывущей.
Вынырнув, он предлагает добычу рыбную Вакху,
Что блистает от злата в речном лежащего иле.
Вот лодыжки и стопы содвинув единым движеньем,
Старый силен согбенный, с сатиром состязаясь,
160 [159]
Скачет, и вот уж мгновенно перевернувшись в полете,
В воду ныряет, достигнув дна - и в иле уж космы!
И упираясь ногами в окружье чаши блестящей,
Он вынимает из влаги клад потоков песчаных.
Третий в волнах покоясь, спину кажет из влаги,
Плечи оставил сухими - в воду зашел он по пояс,
Бедра лишь омочивши. А этот вот плоские уши
Плотно прижав, только голень косматую окунувши,
Влагу хлещет хвостом, что присущ ему от природы.
Бог же, чело возвысив, вдохнув глубоко и сильно,
170 [169]
Дланями подгребая, златую гладь рассекает,
И на брегах тотчас распускаются пышные розы,
Лилии расцветают, Хоры вьют плетеницы -
Вакх же плывет по водам, и темноволнистые пряди
Вьются по влаге, вбирая алый отблеск потока.
Вот однажды охотясь у сени отвесной деревьев,
Юношей Вакх пленился с ликом румяным и нежным.
Ибо в отрогах фригийских юноша Ампелос вырос

И возмужал, сей отпрыск цветущий страстных эротов.
Нежный пушок подбородка, юности цвет золотистый
180 [179]
Не препоясал ланиты округлые, снега белее
Горного, пряди густые свободно падали сзади,
Вились вольно по белым плечам без всякой повязки
И под дыханием ветра они едва колыхались,
Трепеща и вздымаясь, шею его обнажая
(Ибо волною волос она была скрыта от взоров).
Шея как будто сияла, белая, тени развеяв -
Так Селена сквозь тучи влажное сеет сиянье.
С уст, словно розы цветущих, медовые речи лилися,
Словно весна, его тело цвело. От стоп его белых
190 [189]
Розы алели на травах зеленых приречного луга.
Взоры когда он бросает глаз огромноокруглых -
Мнится, в полном сиянье блеск разгорелся Селены!
Отрок взят Дионисом в сопутники для забавы,
И божество, уподобив смертному голос и речи,
Лик божественный спрятав, искусно его вопрошает:
"Кто же отец твой родимый? Зачат ты не чревом небесным?
Уж не Харита ли матерь? Не Аполлон ли родитель?
Молви, милый, и рода не скрывай! Не бескрылый
Эрос ли вновь появился без лука и без колчана?
200 [199]
Кто из бессмертных на ложе тебя породил Афродиты?
Нет, и я не сказал бы, что мать твоя Кипрогенейя,
Я не назвал бы отцом Арея или Гефеста.
Если тебя называют Гермесом, с неба слетевшим,
Где же легкие крылья, плесницы пернатые бога?
А нестрижены кудри, вьющиеся за спиною?
Разве что сам появился, без лука и без кифары
Феб, чьи волосы вольной волною за плечи струятся!
Хоть и Кронид мой родитель, а ты от семени смертных,
Сатиров быкорогих кровь в твоем сердце играет!
210 [209]
Вместе побудь со мною, о богоравный, ведь крови
Олимпийской Лиэя твоя красота не постыдна!
Что ж говорю я со смертным, чьи лета столь краткосрочны?
Чую твою породу, хоть ты и пытаешься скрыться!

Гелию породила, соложница бога, Селена
Юношу, что Нарциссу равен прекрасному, дивный
И небесный твой облик - лик Селены рогатой!"
Так он измолвил, и отрок чудною речью пленился,
Гордый тем, что прекрасней он многих ровесников юных,
Затмевая их блеском красы. Когда же в чащобах
220 [219]
Отрок наигрывал песню - ею Вакх наслаждался.
Юноша уходил - угасала бога улыбка.
Если ж за пиром, где можно пылко резвиться, Сатир
Бил в тимпан, порождая отзвук далекий и гулкий,
А в зто время отрок охотился на оленя,
Не появляясь на пире - то бог останавливал пляску.
Если ж у вод Пактола, на брег цветущий и пышный,
Юноша не являлся, желая к вечернему пиру
Собственноручно владыке подать сладчайшую воду,
Отрока подле не видя, Вакх тоскою томился.
230 [229]
Если из флейты щемящей, либистидской работы,
Эхо он выдувает, слабый звук и неверный,
Вакху тут виделся Марсий, родил которого дивный
Хиагнис, Марсий мигдонский, что на беду свою с Фебом
Состязался, на флейте двойной играя Афины.
Если же только единый отрок сидел с ним в застолье,
Слушал он отрока речи, что сладостны слуху бывали;
Только умолкнет мальчик - бог печалится тут же...
Если вдруг обуянный желанием пляскою взвиться,
Ампелос вдруг принимался резвиться в пляске веселой
240 [239]
С дланью сатира длань резвящегося соплетая,
Ставя поочередно стопу за стопой в хороводе,
Вакх, за ним наблюдая, тяжко от ревности страждет.
Хочет ли отрок резвиться с силенами иль на охоту
С юным погодком каким пойти за быстрою дичью,
Бог Дионис, ревнуя, удерживает любимца,
Дабы раненный жалом таким же, служка эротов
Не заронил желанья в душе переменчивой легкой,
Как бы новою страстью томимый, не бросил Лиэя -
К юноше юноша быстро влечется, юностью милый!
250 [249]

Даже когда и тирсом медведицы ярость смиряет,
Или же тяжким жезлом свергает свирепую львицу,
Смотрит на запад со страхом, блуждает по небу взором:
Вдруг там Зефир повеет снова, ветр смертоносный,
(Некогда легким дыханьем этого ветра повёрнут
Был метательный диск, что наземь поверг Гиакинфа!)
Он и Кронида страшился, птицы эротов с крылами
Страсти неумолимой - вдруг взмоет над склонами Тмола,
С неба взыскуя любимца своими похитить когтями,
Словно Тросова сына, что кубок ему наполняет.
260 [259]
Он боится и страсти неистовой моря владыки
(Тот принудил Танталида взойти на златую повозку),
Как бы тот колесницы пернатой не бросил по небу,
Ампелоса похитить, безумный в любви Эносихтон!
Сладостное сновиденье он зрит на сновидческом ложе:
Мальчик речи лепечет, полные лести любовной,
Видя призрачный облик мнимого лика любимца!
Если же мнимый образ изъяном каким отличался,
Сладостным мнилось и это влюбленному Дионису,
Милой плоти милее! А если любовным томимый
270 [269]
Пылом, слабел он в внезапном полном изнеможенье,
Сладостней сладкого меда казался возлюбленный Вакху,
Даже и жирный волос кудрей неухоженных больше
По сердцу часто бывал больному от страсти любовной.
День они проводили вместе, и бог недоволен
Был, если ночь приходила, ведь очарованным слухом
Более не внимал речам и милым и нежным,
Спавшего в Рейи пещере, матери мощного сына.
Ампелоса узревший, влюблен и сатир в сей облик
Дивный и прячась, лепечет украдкой любовные речи:
280 [279]
"Ключница сердца людского, Пейто, божество, что милее
Всех, пусть этот вот мальчик станет ко мне благосклонен!
Если как Вакх я буду с ним - то не надо мне дома
Поднебесного в высях эфирных и быть не хочу я
Богом и Фаэтонтом сияющим смертным... Не надо
Нектара мне с амвросией, ничто меня не заботит!
Пусть и Кронид ненавидит, коль Ампелос нежит и любит!"

Так говорил он, пронзенный под сердце стрелою эротов,
Тайно и тяжко страдая и мучаясь ревностью жгучей,
Пылкую страсть с восхищеньем чувствуя рядом, но даже
290 [289]
Эвий, умеченный жалом медовым и вожделея,
Улыбаясь, Крониду любвеобильному молвил:
"Ты ко влюбленному будь благосклонен, Зевесе Фригийский!
Я от матери Рейи, дитя неразумное, слышал:
Дал ты Зарницу Загрею, предшественнику-Дионису,
Гукающему младенцу - всесожигающий пламень,
Громы небесных перунов, горних дождей водопады,
Стал он, этот ребенок, вторым ливненосным Зевесом!
Вовсе я не желаю присваивать пламень эфирный,
Туч не надо и грома, а если ты милостив, отче,
300 [299]
Огненному Гефесту дай от искры перуна,
Пусть Арееву грудь окутает облачный панцирь,
Хочешь - Гермаону даруй с небес излетающий ливень;
Пусть Аполлон поиграет зарницей родителя вволю!
Но лишь единого друга довольно мне, Дионису.
Честь мне - малой зарницей играл я, Семела видала!
Пламень, спаливший матерь, мне ненавистен, и вырос
Я в Меонии... Что меж небом и Дионисом
Общего? Сатиров норов добрый милей мне Олимпа.
Молви, отец, не скрывай, поклянись мне новой любовью:
310 [309]
Юноша, коего ты со склонов Иды Тевкридской,
Ставши орлом, на небо вознес в объятиях нежных,
Так ли прекрасен, что стоил (пастух этот!) места на пире
Горнем... Поди, ведь хлевом несло от этого парня!
Отче пространнокрылый! Смилуйся Зевс, не о кравчем,
Сыне Троса реку я, что чашу твою наполняет!
Пообольстительней пламя в челе и лике сияет
Ампелоса моего, Ганимеда блеск затмевая...
Тмола отпрыск милее отпрыска Иды... Ведь много
Есть и других в этом мире! Возьми их, владей ими всеми -
320 [319]
Этого же красавца оставь, отец мой, Лиэю!"
Молвил он слово такое истерзанный страсти стрекалом!
Даже когда и в чащобах густых лесов магнесидских,

Стадо царя Ад мета гнал Аполлон-быкопасец,
Так не безумствовал страсти пронзенный жалом нежнейш
Как безумствовал Вакх, забавляясь с юным любимцем.
Оба по чащам бродили, друг с другом беспечно играя:
То они тирс бросают, ловя налету его ловко
Средь густолиственной сени или на солнечном бреге;
То охотятся в скалах на львят в их логове горном;
330 [329]
То, одни оставшись на бреге потока пустынном,
На песке предаются крепкозернистом и чистом
Состязанью в борьбе шутливому для развлеченья.
Не был наградой треножник, победы их не отмечали
Чашей чеканной, с лугов кобылиц им не приводили,
Ставка у них - звонкогласый авлос двуствольный эротов
Это для них лишь страсти игра. Меж ними могучий
Эрос, новый Гермес, пернатый судья состязаний,
Страсти венец он явил, сплетая нарцисс с гиакинфом.
Оба в борьбу вступили, потщась награды эротов.
340 [339]
Вот друг друга руками за поясницу схватили,
Каждый другого дланью стискивает поясницу,
Попеременно пытаясь ребра стиснуть друг другу.
Поочередно друг друга они от земли отрывают,
Переплетаясь руками... Небесное наслажденье
Вакх испытал в этой сладкой борьбе, ибо он похищаем
Тут, и он же похитчик - влюбленному радость двойная!
Бромия пясти захват проводит Ампелос быстро,
Пальцами крепко сжимает, усиливая давленье,
С силой удвоенной дальше крепкие пальцы разводит,
350 [349]
Диониса десницу одолевая помалу!
Тут, сведя свои длани у юноши на пояснице,
Сжал его тело Вакх от любви ослабевшей рукою,
Ампелоса приподняв, а тот у Бромия сразу
Подколенок подсек, и со смехом сладостный Эвий
От подсечки внезапной ровесника, милого друга,
Валится, перевернувшись на прах песчаный спиною.
Только навзничь простерся Вакх почти добровольно,
Юноша тут же на торсе нагом его оказался;
Тот же, руки раскинув, выгнувшись и напрягшись,

360 [359]
Милую тяжесть подъемлет. О землю стопы опирая,
Дабы не сдвинуться боле, он все сильней выгибался,
Не извернулся спиною пока... Не являя всей силы,
Перевернулся и быстро движеньем могучей десницы
Наземь играючи сбросил с торса тяжесть эротов!
На бок упав, на песок тот локтем успел опереться,
Юноша ловкий, искусный, и спину противника жарко
Обхватил, сжав ребра, и попытался подсечку
С внутренней стороны провести стопы и лодыжки,
Одновременно захватом двойным замкнув поясницу,
370 [369]
Ребра стиснул, ударил своей стопой под колена
И навалился: по брегу песчаному покатились
Оба, и пот заструился, усталости вестник, обильный!
Вот наконец побежденный (хоть был он непобедимым),
Подражая Зевесу-родителю в состязанье,
Дионис уступает. И сам Зевес Величайший
На берегах Алфея вступивший в борьбу, ниспровержен
Был, уступив добровольно, склонил пред Гераклом колена!
Так борьба у влюбленных окончилась. Юноша принял
За победу авлос двуствольный в нежные длани.
380 [379]
Тело усталое после в потоке от пота и грязи
Юноша омывает, песок счищая липучий,
И засияло снова влагой омытое тело.
После того как отдал победу ему в состязанье
Силы, Вакх своих игр и забав отнюдь не оставил.
И предложил состязаться в беге, быстром как ветер!
Дабы и пыл пробудился у соискателей быстрых,
Он учредил как награду. Рейи благой Кибелиды,
Медный кимвал и шкурку пеструю олененка.
А наградой второю стала сопутница Пана,
390 [389]
Сладкоречивая флейта, и барабан гулкозвучный,
Медью окованный. Третьей наградой была Диониса -
Россыпи брега златые, намытые бурным потоком!
Вот отмеряет Бромий для бега пригодный участок,
И две меты кладет меж концом и началом дорожки,
В десять локтей высотою пару жердей, чтоб бегущим

Виден был знак для начала бега, вбивает, а дальше
Тирс в песке укрепляет, мету конечную бега.
Сатиров пригласили также соревноваться.
Плясолюбивый Бромий кличет звонко начало:
400 [399]
Первым Леней быстроногий место свое занимает,
И резвостопый Киссос и милый Ампелос рядом.
Так, быстроте доверяя ног на ровной дорожке,
Встали друг с другом рядом и вот, от земли оторвавшись,
Будто на воздух взвился - летит не касаясь ногами
Почвы Киссос, порывом резвым вперед унесенный.
Сразу за ним - след в след! - обжигая дыханием спину,
Мчится бегун Леней, подобный бурному ветру.
Так он близок к тому, кто немного опережает,
Что наступает стопою в песчаный след неглубокий.
410 [409]
И оставался меж ними всего такой промежуток,
Что остается меж тканью на ткацком станке и ткачихой,
Коли над ней наклонится та и грудью коснется!
Ампелос мчался третьим и был среди них последним.
Оком ревнивым смотрел Дионис на бегущих, терзался:
Вдруг те двое быстрее окажутся у пределов,
Ампелоса опередят, позорно оставят последним!
Кинулся бог на помощь любимцу, дал ему силы,
Так что пустился любимый быстрее бурного вихря!
Вот из бегущих первый, что алчно жаждал награды,
420 [419]
Вдруг споткнулся о холмик песчаный, колена ослабли
Киссоса, и он в скользкий кубарем ил покатился!
Сатир Леней пошатнулся, замешкался, быстроногий,
И замедлил движенье. Так оба атлета остались
Далеко позади и Ампелос вырвал победу!
Ярый вопль испускают силены, внезапной победе
Радуясь юноши в беге. Ведь мальчик пышноволосый
Первую получает награду, Леней же - вторую,
В сердце досадуя, ибо заметил он хитрость Лиэя,
От ревнивой любви изошедшую... Глядя стыдливо
И огорченно, принял третью Киссос награду...

Песнь XI

Ампелоса красоту в одиннадцатой ты увидишь
Песне с мужеубивцем-быком, что увлек его к смерти.

Так состязанье окончилось. Гордый победою отрок
В пляс пускается вместе с верным сопутником-Вакхом,
Неутомимо сплетая стопы в этой пляске по кругу,
Белоснежной десницей касаясь плеча Диониса.
Видя двойную победу, бог Иовакх веселился
Радости юноши бурной и молвил милое слово:
"Что же, давай-ка, мой милый, после победы в забеге
И на борцовской арене третью распрю устроим!
Непобедимый, с верным Вакхом плыть тебе надо,
Ампелос, коего бросил ты на приречную гальку.
Будь и в быстром потоке быстрей своего Диониса!
Сатиры пусть веселятся, довольствуясь только прыжками,
Ты же старайся все силы в третьем напрячь состязанье!
Коль победишь на воде и на суше, то милые кудри
Я двойным увенчаю венком в знак победы, одержишь
Дважды верх над Лиэем, не знавшим досель поражений.
Эти милые струи подобны тебе и подобны
Красоте твоей! Надо б Ампелоса отраженье
Дать, что дланью златою плещет в струи златые!
Будешь нагим состязаться ты за победу в заплыве,
Волны всего Пактола тебя, красавца, возвысят!
Дай же дар олимпийский такой же каким Океана
Фаэтонт одаряет, алеющий свет излучая
Блеск своей красоты удели и Пактолу! Как светоч
Утренний ты воссияешь, Ампелос! Будете оба
В блеске светлы лучистом, Пактол от червонного злата,
Ты же от собственной плоти! Поток! Ты отрока в лоно,
Полное злата, прими, ведь отрока тело сияет!
Славь красоту с красотою! Спрошу я сатиров тут же:
Роза ли с розой сплелись? К чему съединили сиянья

Розовый тела отблеск и огнь искристый потока?
Если б тут заструился вдруг Эридан многоводный,
Как заблистали бы слезы дев Гелиад и я мог бы
И янтарем, и златом омыть твое тело, любимый -
Только вдали обитаю от гесперийских потоков!
Двинусь к ближней Алибе, там, где течет по соседству
Гевдис, сверкает сребристый волной изобильной и быстрой,
Как только нá берег выйдешь, омывшись в водах Пактола,
Ампелос, в водах обильных сребром, тебя я омою!
Герм пусть сатиров прочих довольствует бурною влагой,
Он ведь не бьет из златого истока! Ты лишь единый,
Отрок златой, и достоин касанья златого потока!"
Так он молвил, ныряя в воду. Не медля, с откоса
Ампелос тут же ныряет и вслед за Лиэем стремится.
Оба, один за другим по дуге как будто поплыли,
Огибая реки поток широко-просторный.
Бог проплывает упорно, то быстро, то медленно, токи
Влаги быстрой, взрезая струи грудью нагою,
Борется он с теченьем, стопою и дланью взбивая
Пену, скользя неустанно по глади злато-зеркальной.
Держится он недалёко от верного друга-любимца,
Уплывать от него он не хочет и осторожно
(Ампелос плыл за спиною, в близи непосредственной Вакха!)
Замедляет движенья дланей, словно усталым
Сделался, стал уступать искусно победу любимцу
Вот после плаванья отрок в чаще лесной оказался.
Гордо главу поднимает, радуясь этой победе,
Он плетеницу из змей на волосы возлагает
Словно бы в подражанье главе змеевласой Лиэя!
Бромию подражая в его пятнистой накидке,
Натянул он одежды с искусным пятнистым узором,
Пурпурные котурны на легкой стопе укрепляет,
Пестрый плащ одевает, воображая повозку,
Что пантеры влекут, направляемы Иовакхом,
Он, словно дикие звери, прыгает через камни,
Спины медведей седлает в горах высоко живущих,
Крепко вцепившись в загривок косматый бегущего зверя

(А иной раз и спины львов хлестнет ненароком),
Или взбирается быстро на тигра хребет полосатый
И погоняет, довольный, "конем" своим без поводьев!
Видя его, Дионис любимца предупреждает,
Речью пророческою исполненный, молвит такое,
От укоризненных уст излетает одно состраданье:
"Ах, куда ж ты любимый, так уж манит тебя чаща?
Только со мною странствуй, странствуй лишь с Дионисом,
На пирах да попойках сиди с единым Лиэем,
Там веселись, а веселых сатиров сам соберу я!
Мне не страшны ни пантера, ни пасть медведицы ярой,
И меня не пугают оскалы львицы нагорной,
Ты же остерегайся острого бычьего рога!"
Так он рек, ведь беспечным Ампелос был... И отрок
Только ушами слышал, а в разум совета не принял.
Знаменье тут явилось влюбленному Дионису:
Ампелос на погибель раннюю предназначен!
У скалы проползал, чешуёю блистая, рогатый
Змей, на хребтине несущий еще молодого оленя.
Нижние камни минуя, он пробирается выше,
Сбрасывает оттуда, рогами подбросив, оленя
В бездну, и кувыркаясь в воздухе, падает камнем
Вниз животное, долго вой несчастного слышен.
Крови ручей как вестник свершившегося приношенья
На алтаре валунном струится, прообраз далекий
Возлиянья вином. Бог Эвий все это видел,
Как сей змей оленя сбросил, знамение принял:
Легкомысленный отрок должен погибнуть от рога
Зверя... Но в скорби двойными чувствами обуянный,
Бог смеялся при мысли о будущем даре для смертных,
Плакал от слишком близкой и ранней смерти любимца.
Вновь устремился с любимым он к склонам скалистым высоким
Гор: в каменистые долы, бог, предавшись охоте...
Вакх смотрел со страстью на юношу милого, очи
Бога не насыщались отрока лицезреньем;
Часто с Бромием рядом на пире сидючи, отрок

Игрывал на сиринге напев, непривычный для Музы,
Собственную сочиняя песню на полых тростинках.
Если же переставал играть искусную песню
Отрок, то поднимался, стремительно вскакивал с ложа,
Дланями громогласно бил одна о другую
И прижимался устами к устам, на сиринге игравшим,
Будто бы их награждая искусное исполненье,
Клялся самим он Кронидом: ни Пан-песнопевец не смог бы
Песню сложить такую, ни Аполлон звонкогласый!
Отрока тут увидала в горах смертоносная Ата
Смелого, он на охоту вышел без друга Лиэя.
Приняв ровесника облик пред ним, богиня обмана
Ампелоса принялась обольщать соблазнительным словом,
Мачехе угождая фригийского Диониса:
"Отрок бесстрашный, напрасно тебя Дионис так пугает!
Что ты имеешь от дружбы? Лиэй ведь не позволяет
Ни на повозке дивной поездить, ни править пантерой!
Правит Ма́рон повозкой Бромия, оного в дланях
Зверя гонящий бич и недоуздок тяжелый -
Даром каким обладаешь ты тирсоносца Лиэя?
Дети Пана пектидой играют, звонким авлосом,
Есть у сатиров даже тимпан благошумный округлый,
От твоего Диониса-хранителя, а по отрогам
Бассариды несутся, на спинах львов восседая!
И с какими ж дарами достойными шествуешь гордо
Ты, возлюбленный Вакха, что славно пантер погоняет?
Часто на Феба возке восседая и гордо, и прямо,
Едет по горним сводам Атимний, эфир рассекая!
А́барис юный также по небу часто летает,
Если Феб на стреле его отпускает в поездку.
Правит орлом в поднебесье и Ганимед, восседая
На пернатой хребтине Зевса, родителя Вакха!
Ампелос же не обласкан Лиэем, в облике птицы
Страстной он не похищен, в когтях его не уносили!
И виночерпий троянец выше тебя, ибо Дия
Домы - жилище его! А ты - ты томишься и страждешь

На повозке поездить, но этого даже не можешь!
Ибо бурные кони, бия копытом могучим,
Быстрые словно ветер сбросят наземь возницу!
Главка некогда тоже повергли безумные кони!
Некогда Посейдона крови, отпрыска бога
Энносигея, от самых высей горних эфира
Быстрокрылый Пегас низвергнул Беллерофонта!
Следуй ко стаду за мной. Пастушкй там звонко играют!
Там быки столь прекрасны, что сесть к одному ты сможешь
На хребет! Обучу я как править быком или стадом!
Твой владыка похвалит тебя, когда он увидит,
Дионис быковидный, что ты на быке восседаешь!
Нечего и бояться! Ведь даже нежная дева,
Дева Европа на бычью взошла хребтовину бесстрашно,
За рога ухватившись, бича и узды не хватившись!"
Молвив так, божество тотчас растворилось, исчезло.
Тут с утесов внезапно спускается бык одинокий,
С кончиков губ его длинный язык иссохший свисает,
Признак жажды. Открывши пасть, принимается жадно
Воду лакать, и так близко встал подле отрока, будто
Пастырем был тот знакомым. И не грозился он рогом
Остроизогнутым, только, неукротимый, извергнул
Поглощенную воду из пасти своей преогромной.
Юношу с головы и до ног омочила та влага -
Весть грядущего! - ибо тяжко землю по кругу
Истоптав, из колодца воду быки качают,
Орошая сей влагой ростки лозы виноградной...
Отрок смелый подходит к бычьей шее поближе
И бестрепетной дланью за рог его гнутый хватает:
Очарованный туром лесным, желает поездить
По горам и чащобам верхом на быке приученном.
Без промедления рвет он на луговине цветущей
Травы различной, из стеблей вьет зеленых и гибких
Что-то вроде хлыста, из ветвей же гибких сплетает,
Их скрепив меж собою, род узды и поводьев.
Отрок охапкой росистой цветов быка украшает,
На хребтовину бычью роз кладет плетеницы,

Взлобье венчают бычье лилии и нарциссы,
Вьется по бычьей вые и анемон пурпуровый!
Вот со дна он речного черпает полною горстью
Ил золотой и тем илом рогá позлащает искусно,
А на хребет возлагает зверя огромного шкуру
Пеструю, сам же на спину взобрался словно для скачки.
Вот над боками тура взмахнул он хлыстом и по ребрам
Хлещет как жеребенка с гривой густой и волнистой!
Дерзкий, такое он слово Мене кричит быковидной:
"О, богиня Селена, рогатая, мне позавидуй!
Стал я тоже рогатым, на турьей скачу хребтовине!"
Вот такою он речью хвалился пред Меной округлой.
Глянуло с высей небесных завистливой око Селены,
Ампелоса увидала на звере-мужеубийце...
Насылает богиня бычьего слепня, и тут же
Обезумев от жала, пронзившего толстую шкуру,
Словно конь тот метнулся тотчас в бездорожную чащу.
Ампелос же, увидев от жала безумного зверя,
Вскидывающего выей и мечущегося по скалам,
Устрашенный судьбою, так он, плача взмолился:
"Тур мой, остановись же, завтра в скачке безумствуй!
Не уноси на скалистый кряж пустынный и дикий,
Вакх ведь должен проведать о судьбине злосчастной!
Тур мой! Рогов позолоту запачкаешь в беге безумном!
Ах, не завидуй же злобно любимому отроку Вакха!
Ты умертвить меня хочешь, не ведая про Диониса!
Нет в тебе милосердья и к плачущему вознице,
Я ведь совсем еще юн, я возлюбленный бога Лиэя -
К сатирам мчи, не в горы, средь них убей поскорее!
Там я умру, их слезы мой прах оросят и утешат!
Тур мой, мой милый, тебя умоляю: утешусь я если
Горькую смерть Дионис, хоть без слез, но все же помянет!
Коль погубить ты хочешь того, кто за рог твой схватился,
Голос и речь обретя - тебе, подобному ликом,
Бычьим весть о злосчастье моем передай ты, Лиэю!
Бык! Сказался врагом ты Деметры и Диониса,

Бромию боль причиняешь, Део изобильную ранишь!"
Слово такое промолвил отрок розовотелый,
Близкий Аиду, злосчастный... На сдвоенных мчася копытах,
Бык, одержимый безумьем, в горах без пути и дороги,
Отрока с хребтовины бросает на камни свирепо,
Падает тот головою оземь, хряснули кости
Выи юноши нежной, глава отделилась от тела...
Бык же бросился к трупу и стал подбрасывать тело
Остроизогнутым рогом, в расселину голову сбросив.
Обезглавлено тело, непогребенной осталась
Белая плоть, струей пурпурной омытая крови...
Видел лишь сатир некий любимца бога во прахе,
Ампелоса, о злосчастье весть и принес он Лиэю.
Бог же, нисколько не медля, несется, ветру подобный,
Так и Геракл не мчался спасать от нимф злоковарных
Гила, любимца, стащивших на дно водяного потока,
Отрока предназначая одной из юных в супруги!
Ныне вот устремился Вакх на горные выси,
Думал, лежит живое во прахе юноши тело -
И разрыдался, увидя нагое... На плечи набросил
Пеструю шкуру оленя, прикрыть охладелые члены,
И на отроке мертвом ремни плесниц приторочил,
Розами тело украсил, гирляндой из лилий, а кудри
(Как у всех, кто случайно погиб в горах при паденье)
Он украсил цветком быстровянущего анемона.
Тирс вложил во длани и собственным одеяньем
Алым прикрыл... С никогда и никем не стриженных кудрей
Прядь густую срезает - усопшему для посвященья,
Наконец, и приносит он амвросúи от Рейи,
Раны телес затирая ею, чтоб отрок любимый
От божественнодивной расцвел амвросúи и в смерти.
Так вот мертвого тела тлен никакой не коснулся,
Хоть и на каменном прахе покоилось, милые пряди
Развевались под легким ветром над милой главою
Умершего до срока, над ликом отрока вились...
Сколь он прекрасен лежал и во прахе! Подле же тела
Плакали горько силены, вакханки горько стенали!

Отрока красоты и смерть не похитила, словно
Сатир улыбчивый, мертвый покоился. Мнилось:
Сладкие речи с безмолвных уст потекут, как и прежде!
Глядя на мертвое тело, Вакх, смеющийся вечно,
Прослезился и с лика улыбка ушла Диониса:
"Зависти полное пря́дево Мойр прервалось... о, ужели
Стали быки юнцов любить, как некогда ветры?
Зе́фир ужель ополчился на Аполлона и Вакха?
Я восхвалял, счастливый, Феба Атимния имя -
Отрока взял он, любимца! Но терапнийца утешив,
В честь его имени корень взрастил он, цветущий на диво,
На лепестках Гиацинта запечатлел свои стоны!
Чем обовью я кудри, какой цветок взращу я,
Скорбь и печаль утешить по отроку и исцелиться?
Дабы отмстить за погибель ушедшего слишком до срока,
Я на твоей могиле быка соделаю жертвой!
Нет, не жертвенной медью умерщвлю я убийцу,
Как и обычно бывает, нет, ненавистное чрево
Зверя-убийцы рогами собственными разорву я
На куски, точно так же, как некогда юное тело
Рвал твое на куски он, неистовый, в пропасть бросая!
Энносигей блаженный! Фригийского отрока тоже
Ты полюбил в стране по соседству с моей, и восхи́тил
В домы златые Зевеса, привел пожить на Олимпе...
Бог всепобедную отдал для скачек в честь Афродиты
Собственную колесницу, чтоб деву Гипподамию
Выиграл отрок... Любимый мой погиб слишком рано!
Ампелос жен не ведал, цвет жизни, на брачное ложе
Не восходил этот отрок, моей не правил повозкой,
Смертную муку оставил бессмертному Дионису!
Вот и богиня Пейто не ушла от уст твоих, милый -
Хоть ты и умер, она на губах твоих бездыханных!
Вот и у мертвого так же как в жизни ланиты сияют,
В веках прикрытых улыбка таится, а пясти как прежде,
Белы как горные снеги вместе с твоими плечами!
А ветерки шаловливо вздымают милые кудри,

И не стерла смертыня сияние розовой плоти...
Все в тебе - как при жизни! Увы, увы мне, эроты!
Ах, зачем тебе было на дикого зверя взбираться?
Если тебе так хотелось коня быстроногого, что же
Ты не сказал мне об этом? Я бы от Иды соседней
Колесницу привел с упряжкою древнею вместе
Тросских коней небесных, родом из края, откуда
И Ганимед похищен, питомец Иды лесистой,
Равный тебе красотою, кого от свирепости бычьей
Зевс высоко летящий умчал в когтях осторожных!
Если хотел ты охоты за дичью в чаще нагорной,
Что же ты мне не открылся, что надо тебе колесницу?
Мог бы тогда на повозке моей безопасно поездить,
Бич держал бы во дланях Рейи-богини запретный,
Сам легко бичевал бы пару змеев ручную...
С сатирами ты боле здравиц веселых не вскличешь,
С бассаридами в чаще шумя и играя, не прыгнешь,
Не поохотишься боле с милым своим Дионисом!
Горе! Аид не приемлет выкупа ни за какого
Мертвого, и откупного златом ярким не примет!
Ампелос! Если бы к жизни из смерти ко мне ты вернулся!
Горе! Не убедить мне Аида! Когда б согласился
Царь, то блестящий клад получил бы всего Эридана!
Вырвал бы я все речные деревья! Я бы доставил
От Эритрейского моря индийские самоцветы,
От богатой Алибы сребро, от Пактола же - злато,
Только вернуть мне тотчас же отрока милого к жизни!"
После заплакал он, взоры, на милого устремивши:
"Ты меня любишь, Отче, ты знаешь Эроса муки,
Пусть, хотя б на мгновенье, Ампелос заговорил бы,
Пусть, хоть разочек последний, сказал бы: "Напрасно, напрасно
Стонешь по том, Дионис, кого стон твой уже не разбудит!
Есть и слух у меня - да боле тебя не услышу,
Есть и глаза у меня - да боле тебя не увижу!
О, Дионис беспечальный, не лей по мне горькие слезы,
Отрекися от скорби, ведь плачут девы-наяды

У истока, да только Нарцисс им уже не внимает,
Фаэтон Гелиад стенаниям горьким не внемлет!"
Горе! Родил не смертный отец меня! Ах, я сумел бы
С отроком милым спуститься в царство Аида, за Лету
Ампелоса моего одного тогда не пустил бы!
Ах, Аполлон счастливей был со своими друзьями!
Имя осталось любимцев при нем навеки - о, если б
Звался и я Ампелий, как Аполлон - Гиакинфий!
Ах, ты все спишь да спишь - не пора ли и пляски затеять?
330 [331]
Не зачерпнешь ли влаги прозрачной, речной из потока
Этой вот чашей удобной? Пора тебе в чащах нагорных,
Как ты всегда это делал, пляску вести за собою...
Если ты сердишься, милый, на скорбного Диониса,
Лишь прикажи силенам - они принесут мне все вести!
Если же лев замучил тебя - всех львов уничтожу,
Всех, что живут у отрогов Тмола, и не пощажу я
Львов и Рейи-богини, убью и этих чудовищ,
Коли тебя клыками ужасными истерзали!
Если тебя пантера низвергла, цветочек эротов,
340 [341]
Боле пантерной упряжки не будет в моей колеснице!
Звери есть и другие! Владычица же ловитвы,
Артемида, пригонит и серн в роговую повозку!
Стану ланями править и шкуру носить оленью!
Ежели вепрь бесстыдный убил тебя - вепря убью я
Всякого, без разбора, и ни одному не дозволю
Для Стреловержицы боле быть дичью желанной лесною!
Ежели бык нечестивый убийство свершил, то изострым
Тирсом искореню я и род бычиный на свете!"
Так стонал он и плакал. Эрос же рядом явился,
350 [351]
Облик приняв Силена косматого с жезлом во длани,
С рожками небольшими во лбу. Обвил он вкруг чресел
Мех звериный, и, старец, на жезл суковатый оперся.
Бромия, льющего слезы, стал утешать понемногу:
"Новой страсти пыланьем смири пылание прежней,
И над другим любимым томись и мучайся сладко,
А о мертвом не мысли! Ведь исцеленьем от страсти
Новая страсть и бывает! Любви ты не одолеешь,

Вечно сердце тая, увы, не убьет ее время!
Коли желаешь защиты от сердце терзающей боли,
360 [361]
Мальчика заведи: желаньем уймется желанье!
Зефира юный лаконец потряс - но умер тот мальчик,
Ветер любвеобильный влюбился тотчас в Кипариса,
Кем и утешился после погибшего Гиакинфа!
Хочешь, спроси у садовника: коли завяло растенье
Некое, в прах поникнув, тот ищет тотчас же замены,
Вместо погибшего корня новый побег насаждает!
Вот, послушай-ка повесть из старого времени, внемли:
Жил однажды на свете отрок, из отроков лучший,
На берегах Меандра, многоизвивного тока,
370 [371]
Строен изящным телом, ногами резв, безбородый,
С гривой волос густою, прелестию природной
Отрока веют ланиты, милые очи блистают,
И от взоров исходит далёко видное людям,
Вмиг разящее сердце лучисто-златое сиянье!
Кожа - белее млека, и разливается сверху
Тонкий румянец, как будто два цвета на коже смешались!
"Каламос" называет отрока милый родитель,
Бьющий из бездны земной, текущий к свету упорно,
Никому не видный сначала странник по тверди -
380 [381]
Вдруг он внезапно выю перед всеми подъемлет,
Сей Меандр пещерный, из недр изливающий струи!
Жил он, Каламос милый и резвый, и страстно влюбился
В сверстника своего (Карпóс того юношу звали);
Тот был прекрасен так, как средь смертных и не бывает!
Если бы отрок годов набрал немного поболе,
Стал бы сей юноша мужем Эос прекрасноволосой!
Ибо прекрасен собою, румянцем, пожалуй, покраше
Блеска кожи Кефала, сияньем затмил Ориона!
Не прижимала к груди Део с такими руками
390 [391]
Юношу Иасиона, Селена - Эндимиона!
И красотою настолько сей юноша отличался,
Что захотели б в супруги взять его обе богини.
Он бы на ложе благое взошел к Део златовласой,

И ревнивой Селены брачный чертог посетил бы!
Он же, милый, лишь друга любил, сей цветочек эротов
Наипрекраснейший. Оба играли в полном согласье
В игры на берегах извилистой речки соседней.
Часто меж ними случались состязания в беге:
Каламос бегал подобно быстрым ветрам воздушным!
Бега начало - вяз, метой конечной маслина
Выбрана, надо по брегу бежать туда и обратно!
Каламос резвоногий бежал в этот раз осторожно,
Милому другу, Карпóсу, желал победы соперник!
Если Карпос купался - то Каламос тут же плескался,
Но и в реке затевали они состязанье такое:
Только помедленней плыть старался Каламос, другу
Уступая, чтоб видеть, следуя за плывущим,
За стопами его, рассекающими равномерно
Влагу реки бурливой, Карпоса спину нагую!
Да, и тут затевали спор, и спорили оба,
Кто же победу одержит! От брега к брегу речному
Меж отмеченных точек проплыть должны были оба,
Дабы напротив лежащей земли поскорее коснуться,
Выгребая против теченья, и здесь постоянно
Юноша плыл след в след, старался держаться, чтоб видеть
Взмахи милых ладоней и рук белолокотных друга!
Тот уплывал подальше, Каламос тут же сильнее
Греб ладонью, но отрок еще быстрее руками
Взмахивал, быстрый, над влагой бурною вытянув выю!
Вот, наконец, выходит первым Карпос на берег,
Снова он одержал в речном состязанье победу!
Тут его ветер порывом сталкивает обратно
В воду, неумолимый, он отрока убивает,
В полуприкрытые губы метнув обильные воды!
Каламос смог от ветра враждебного все-таки скрыться,
И достичь, уж без друга, напротив лежащего брега.
Милого там не встретив, любимого там не увидев,
Жалобно он заплакал, запричитал он с тоскою:
"Молвите мне, наяды, - ветер похитил Карпоса?

Милость, молю, окажите последнюю: к влаге истока
Уходите другого! Бегите от вод смертоносных
Отчих, боле не пейте влаги, Карпóса убийцы!
В отрока сам он влюбился, и злобой томимый ревнивой,
После диска дыханье послал подростку в погибель!
Боле из вод не взойдет звезда моя, светом сияя!
Боле мой Эосфóрос, увы, не заблещет как прежде!
Умер Карпос мой, зачем же сияние Солнца мне видеть?
440 [439]
Молвите мне, наяды, как светоч эротов угаснул?
Медлишь еще ты, отрок? Нравиться тут купаться?
Друга нашел ты получше в волнах, ласкающих тело,
С ним и пребудешь, оставив Каламоса этим ветрам?
Если же дева нагая, наяда, тебя умыкнула,
Молви - от всех я стану защитой! Если желаешь,
Вместе со сродницей нашей брачных эротов изведать,
Молви, и в волнах зыбучих я брачный чертог твой воздвигну!
О Карпос, ты забыл и берег родимый в потоках?
Кличу тебя я, усталый, ты жалобным кликам не внемлешь!
Если бы Нот или дерзкий Эвр подули, то ветер сам бы
Жалобно веял вокруг, сей враг ненавистный эротов!
450 [451]
Если тебя Борей убил - я пойду к Орифи́и!
Если тебя сокрыла волна, красотою пленившись,
Знай, отец мой жестокий безжалостным правил потоком,
Пусть же и сына родного волной унесет смертоносной,
Хочет Каламос скрыться вместе с пропавшим Карпосом!
Бросившись вниз головою, умру, где Карпос заблудился,
Пламень любви уничтожу ахерусийскою влагой!"
Так говорил он, и слезы из глаз катились... В честь друга
470 [459]
Прядь он темную срезал густую острым железом
С кудрей, что так лелеял, явил он знак этой скорби
Горькой отцу Меандру, последнее слово промолвив:
"После этой вот пряди и плоть мою примешь, ужели
Без Карпоса увидеть Эригенейю смогу я?
Неразделимы Карпос и Каламос были в сей жизни,
Эроса жало пронзило обоих... Подобной же смертью
И умереть им пристало в волнах бурливых потока!
Выстройте, девы-наяды, на бреге речном на высоком

Нам обоим надгробье над могилой пустою,
480 [469]
Надпись надгробную дайте жалобными стихами:
"Ка́ламоса и Карпо́са эта могила, друг друга
Страстно любивших, обоих жестокая влага сгубила!
Каламос брат вам, по брату печалясь, пряди срезайте,
Ибо со страстью своею он покоится рядом,
В знак печали срезайте и прядь для Карпоса такую ж!"
Молвил - и вниз головою бросился в водовороты,
Захлебнувшись водою, убийцей отроков, отчей.
Каламос дал тростнику свое имя, в тростник обратившись,
Стал и Карпос плодами земли той плодоносящей."
490 [479]
Мягкой участливой речью тронут неистовый Эрос
И восхотел он умерить сладкую скорбь Диониса...
Только еще сильнее скорбит по погибели Бромий
Слишком ранней любимца... Вот дщери бегущего вечно
Их отца Лика́банта с резвобурной стопою,
К дому Гелия вышли, румяноланитные Хоры.
Вот одна, с лицом, затененным снежною тучей,
Нежный свет посылает сквозь темномрачнеющий облак,
Хладны стопы, и плесница плещет градом и снегом,
Слиплись волны волос вокруг главы ее влажной,
500 [489]
И вкруг чела обвилась повязка, что ливни рождает,
Ярко-зеленый венок виски обхватил, а груди
Круглые поддержала она снежно-белой повязкой.
Вот другая: дохнула ветром, что радует смертных,
Ласточек нам возвращающим, Зефир чело ей ласкает,
Волосы благоухают росой изобильной весенней,
Сладостный смех раздается из уст, от одежды струится
Запах роз, что с зарею готовы раскрыться побольше,
Песнь хвалебную кличет Адонису и Киферейе.
Сестрам вслед выступает Хора жатвы и сбора,
510 [499]
Связку выносит в деснице с зерном тяжелым колосьев,
Держит и серп изострый с блестящим лезвием гнутым,
Вестника жатвы, и тело этой закутано девы
В тонко льняные полотна; в пляске она выступает -
Сквозь прозрачные ткани бедра манят, мерцая,

Увлажнены ланиты росою пота обильной,
От лучей Фаэтонта жарких вкруг лика бегущих!
Вот и четвертая - пашни благой она правит порядком,
Ветвью венчает оливы виски прохладные дева,
Орошенной обильной водой семиустого Нила,
520 [509]
Волос ее так скуден на голове невеликой.
Клонится хрупкое тело, когда встает она в небе,
Листья рвет ветер с деревьев, власы чащоб подрезает,
Нет ничего у нее за душою, ни гроздей душистых
Над затылком не виснет, плетей золотистых побегов
Нет, и влаги маронской темно-пурпурною погреб
Не наполняется духом, и пены нет над амфóрой...
И не виснут побеги плюща, сплетенного с гроздью!
В час предреченный приходит она и сестрами правит:
В домы Гелия спешно тогда возвращаются Хоры!

Песнь XII

В песне двенадцатой скажем о новом цветочке эротов,
Ампелос возродится в гроздьях лозы виноградной!

Хоры ночь проводили за прибрежьем песчаным
Западного океана, родимого Гелия в домах,
Их при въезде встречала звезда вечерняя, Веспер;
Вышед навстречу из дому, вновь явленная в небе,
Правящая повозкой бычьей сияла Селена.
Зоркое око узрев плодоносного Хениохея,
Быстрый шаг укрощали, он же, бег завершая,
С неба домой возвращался, к вознице с огненным зраком
Светлолучистый Фосфорос шел, на ярой четверке
Коней ярмо разрешал и бич откладывал звездный,
После в потоке соседнем и бурном купал Океана,
Пот омывая и пену с коней огнеядущих.
Бурно они колебали влажные выи и гривы,
Прядая наземь, били копытом лучистые ясли.
Вкруг огневейного трона бога дочери встали
Рядом совсем с неустанным возницею Хениохеем,
Все двенадцать, привет четырем посылаючи Хорам.
Гелия все - служанки, при огненной колеснице
Жрицы Ликóбанта девы при этом. И пред древнейшим
Пастырем мира склоняют безропотно рабские выи.
Вот виноградновласой Хоры слышатся речи,
Так, моля, она молвит, на пряди перстом указуя:
"Гелий, жизнеподатель, и трав и плодов ты владыка,
Срок созревания грозди когда, укажи нам, настанет?
Время придет ли о даре бессмертных Блаженных напомнить?
Не укрывай, умоляю, от дщери родимой подарка,
Ибо одна я осталась без оного, нет мне ни жатвы,
Ни снопа, ни травинки, ни Зевсом дарованных ливней!"
Так молила. Надежду на щедрообильные сборы
Дал ей Гелий, перстом же прямым указует он деве

Прямо на стену, на бег годов и часов круговратный,
Изображенный на досках двойных Гармони́и, где видны
Все пророчества в мире, когда бы ни явлены были
Фанеса дланию, бога древлерожденной вселенной,
И на досточке каждой рисунки к буквам теснятся!
Так показал и молвил ключник огня, Гипери́он:
"Тут, на досточке третьей, когда будет время для сбора,
Сведаешь, в области Девы и Льва, на доске же четвертой
Сам владыка гроздовий изображен, и нектар
Ганимед на пиру подает нам сладостный в чаше!"
Так объяснил Бессмертный. Гроздолюбивая дева
Подошла и на кладке пророческой вдруг увидала
Первую доску (стара, как всей вселенной начала),
Изображала она, что свершил владыка Офи́он
Некогда, также деянья древнего Крона являла;
Как детородный орган отца отрезал, как кровью
Дщерегородное море, как семенем древле, кропилось,
Как он глотку отверзнул, камень глотая огромный,
Думая, что пообедал собственным сыном, Зевесом!
Как потом этот камень (как повитуха!) всех прочих
Из утробы отчей извергнуть помог младенцев!
Так же над бурным Дием огнелучистую Нику
В распре разбитого Крона с его и снегом и градом
Резвоногая зрела Хора, раба Фаэтонта,
На картине соседней. А дале видела сосны,
Вместе с племенем смертных мучились равно деревья:
Ибо ствол вдруг разбился, и без семени в мире
(Только лишь собственной силой!) человек появился;
Как Зевес ливненосный низверг на горные выси
Влаги обильной потоки, весь мир тотчас затопившей,
Как и Нот, и Борей, и Либ, и Эвр бичевали
Девкалиона ковчег скитальческий с Меной плывущий
Вровень по волнам безбрежным, где гавани не было видно!
А приблизившись к третьей скрижали быстрой стопою,
Жрица Ликабанта, дева, такое потом увидала:
Много пророчеств различных, назначенных миру судьбою,
Светло-лучистые знаки червленой писаны краской,

Все, что начальная мудрость взяла из пестрых сказаний...
Вот что сведала дева из пророчеств скрижалей:
"Аргус, тот быкопас, что Герой назначен, павлином
Станет с тысячью ярких глазков. И ждет превращенье
Харпалику, бесстыдным отцом приведенную к ложу,
(Сына убила, отцу его предложила на ужин!)
В быструю мощную птицу, крылами гребущую воздух
В небе высоко Ткачиха некогда, Филомела,
Станет ласточкой легкой, с пестрою шейкою птицей
(Так же она щебечет, как безъязыкая дева,
Что на одежде знаки сумела тайные выткать).
Также Ниоба, на склонах скалистых высей Сипила
Превращенная в камень, прольет и слезы из камня,
Детям погибшим надгробье плачевное. Встал чуть не рядом
Пирр похотливый, камень фригийский, ибо он к Рейе
Вожделел, нечестивый, гнусного брака желая!
Тисба вместе с Пирамом рекою одной, однолетки,
Страстно желая друг друга, слились... И в Милакс влюбленный,
В деву, отрок прекрасный - цветком эротов стал Крокус!
По состязании в беге, где свадьба была бы наградой,
И после яблок Пафийки разгневанная богиня
Артемида львицей сделает Атаданту!"
Все пробежала глазами пророчества быстрая Хора,
До возвращенья туда, где пламенный Гиперион
Знаки указывал деве, стремительной, словно ветер...
Зрит она изображенье Льва лучистого, тут же
Девы образ звездный написан был преискусно,
Гроздь держащей во длани, рожденной осенью ранней.
Здесь же прочла оракул Хроноса быстрая дочерь:
"Станет Киссос, сей отрок милый, плющом, ползущим
Вверх обильным побегом; Каламос, отрок прекрасный,
Тростниковым стеблем гибким под ласковым ветром,
Стройным побегом, растущим из лона земли плодоносной,
Стойкой опоры гроздей... Станет гибкой лозою
Ампелос, даст свое имя грозди, что виснет средь листьев!"
После того, как оракул прочла плодосбора богиня,

Быстро прошла к той скрижали, где был нарисован искус:
Ганимед, сей отрок, в полный рост, что на пире
Нектара влагу в чаше златой подает, наклонившись.
Здесь предвещанье судьбы сведено в четыре лишь строчки
Дальше счастливая дева, горлиц подруга, спешила,
110 [109]
Для плющевого Лиэя знаменье найдя таковое:
"Фебу даровано Зевсом носить ветвь вещего лавра.
Яркие розы присущи яркой Кипрогенейе.
Ветви зеленых олив - Афинайе зеленоглазой.
Сноп колосьев - Деметре, а гроздь лозы - Дионису!"
Все прочитала буквы чтившая Эвия дева,
После идти собралась с сестрами милыми вместе
К струям и токам восточным старца, реки Океана,
За Фаэтонта четверкой конной... Целенья Лиэю
Нет от скорби по другу погибшему, даже о пляске
120 [119]
Не вспоминал он. Терзаем памятью по любимом,
Горько стенал и плакал... Диски медные богу
Уж и ненадобны боле, не хочет он медного звона,
Не услаждает пектида, нет на лике улыбки
Боле, лишь боль и печаль у влюбленного Диониса...
Не журчит уж лидийский Герм в берегах тростниковых,
Что, подгоняемый ветром шумным, по склонам катился,
Боле течь он не хочет... С сокровищницею в пучине
Златопенный Пактол замедлил скорбящую влагу,
Словно по мертвому плача... И в честь погибшего воды,
Бьющие над землею, вспять повернул под землю
130
Ток фригийский, Сангарий. Окаменевшая матерь,
Влажная Танталида, немая, зашлась, исторгая
Слезы в рыданье двойном: сострадает она Дионису!
И сосна с однолеткой пинией горестно плачет,
Что-то шепча еле слышно. И лавр, древо бога с густыми
Кудрями Феба, роняет листву свою в горестном ветре
Вещую... Даже олива блестящие листья на землю
Сбрасывает, хоть она Афины древо святое!
Вот Дионис, бесслезный прежде, слезами исходит,
140 [139]
Плача над отрока смертью - нитью, разорванной Мойрой;

Видя скорбь Диониса, сочувствуя горести бога,
Атропос из состраданья слово божие молвит:
"Жив, Дионис, твой отрок! Он ведь горестной влаги
Не перешел Ахеронта, жалобный плач твой подвигнул
Неумолимую Мойры нить по-новому свиться:
Ампелос, если и умер - не мертв! Ибо в сладостный нектар
В сок приятный, бодрящий юношу я обратила!
Должно чтить его мерой пляски веселой и пальцев
Ловкой игрой на авлосе двуствольном на праздничном пире,
150 [149]
Либо в ладе фригийском, либо в дорийском напеве.
Пусть его чтит и в театре муж благозвучным напевом
На аонийской цевнице, будь родом он хоть исмениец,
Хоть марафонец. Восславлен в Муз песнопениях будет
Ампелос сладостный вместе с владыкою грозди, Лиэем!
Ты змеевидную станешь носить повязку вкруг прядей,
Лоз и грозды, и листья, венцом сплетутся вкруг кудрей
Богу Фебу на зависть, ибо во дланях тот держит
Жалобу лишь, гиакинф, в цветок обращенный печалью,
Ты же даришь напиток, для смертных одно утешенье,
160 [159]
Это земное подобье небесного нектара, отрок
Твой любимый насколько цветка из Амикл превосходней!
Если того сильнее город битвенной медью,
То твоего любимца отчизна, славная током
Вод, блестящих от злата, бурлящих меж берегами,
Златом она гордиться, не медью, в битвах добытой!
Так что, если хвалиться шумливобурным потоком,
Сколько сильнее Эврота бурная влага Пактола!
Ампелос, скорбь дотоле бесскорбного Диониса,
Должен ты, как только грозди медовые в лозах созреют,
170 [169]
Завоевать все четыре стороны света весельем,
Шествием и возлияньем радостному Дионису!
Плакал Вакх, чтобы боле на свете не плакали люди!"
Так божество, промолвив, с сестрами удалилось.
Тут скорбящему Вакху явилось великое чудо,
Ибо восстал из праха словно бы вьющимся змеем
Ампелос сам собою, ветвясь кустом древовидным
Вверх. Из мертвого чрева, на ветви делясь, извиваясь,

Рвется побег прекрасный, из кончиков пальцев пустились
Усики в рост, корнями ступни врываются в землю,
Кудри гроздьями стали, даже и мех и его небриды
Вдруг распустился прекрасным гибкой листвы узорочьем,
А удлиненная шея стала плетью с гроздовьем,
Стебли пошли от сгибов локтей и побеги от пястей,
Полны сладостных ягод, из гнутых рогов меж висками
Кисти вдруг зазмеились лозы, прижимаясь друг к другу...
Все заполнилось ими, они же росли, завивались,
Снова росли, и уж зелень лозы распустилась повсюду,
Ветви дерев соседних гроздьями плотно усыпав.
Вот и еще одно чудо: юноша ловкий коснулся
Высоколистого древа вершины проворною дланью
И превратился в растенье Киссос, добравшись до верха;
Стали стебли витые по имени отрока зваться,
Только родившейся ветви лозы обхватили побегом,
Листьями, милыми сердцу... Виски божество осеняет,
Вьет венок и на кудри густые его возлагает
Радуясь, Дионис, и рвутся к богу побеги,
На глазах вызревая в сладостноспелые грозды:
Самознающий боже без виноградной давильни,
Гроздие в длани приявши, ягоды жать начинает
Плотно и крепко перстами, на свет обильное бремя
Гроздьев винных выводит, лозы смарагдовоалой
Сладостнокрепкий напиток! И белоснежные пальцы
Льющего хмель Диониса от крови багрянца алеют.
Рог быка он хватает и сладостнокрепкий отжаток
Вакх в уста проливает, вино испробовав первым,
После отведав и ягод... Тем и другим насладившись,
Слово такое он молвит, веселый и радостно-гордый:
"Нектар и амвросию ты, Ампелос, милый, мой отрок,
Породил. Аполлон два цветка особо отметил -
Только не станет он лавра есть, пировать с гиакинфом,
А из колосьев не сделать - прости, о Деметра! - напитка!
Ампелос, сколь же почтенна участь твоя! Пред твоею
Красотой уступили и нити суровые Мойры!

И пред тобою смягчился Аид, самой пред тобою
Персефонейи суровой стал нрав и мягче, и кротче!
Мертвый - для Диониса-брата ты к жизни вернулся!
Нет, не умрешь ты, как умер Атимний; болотины Стикса,
Пламени Тисифоны, Мёгайры взора не встретишь!
Отрок, живым пребудешь и в смерти, и в Леты потоках
Ты не канешь вовеки, могиле не взять тебя, даже
Побоится и Гея укрыть тебя в сумрачных недрах!
Сделал тебя растеньем отец мой в честь Геи, и тело
Стало нектаром сладким - судил так Кронион-владыка!
Нет, не таким, где природа на лепестках терапнийских
Изобразила верно непреходящее горе;
Милый, сиянье и свежесть хранишь на узорчатых листьях,
Даже и смерть рассказала о красоте твоей, отрок!
Нет, вовек не погибнет румянец ланит или пястей,
Ибо за смерть и погибель страшную буду я вечно
Мстить, на алтарь возливая вино, приготовив к обряду
Мужеубийцу-быка. И будут гамадриады
Страстно завидовать листьев узору, от благоуханных
Гроздий твоих эротов меня обовьет дуновенье!
Ах, могу ли я в чаше смешивать яблоко с гроздью?
В кубок, нектара полный, смокв добавить немного?
Нас наказать оскомой яблоко может и смоква!
Нет ничего, что могло бы с лозой виноградного спорить!
Нежноцветущий нарцисс ли, роза иль цвет анемона,
Лилия иль гиакинф - не сравняются с гроздами Вакха!
Ибо во влаге винной, истекшей из сдавленных ягод -
Всякого благоуханье цветка! Лишь этот напиток
Может смешаться со всяким, придав духовитость и крепость
Травам, добавленным в чашу. Твоя лоза - украшенье
Всех цветов и растений на луговине весенней!
Внемли мне, Дальновержец, ты, что печальною ветвью
Вечно виски осеняешь, а кудри повязкой тугою:
Стоны читаются в листьях - в садах лишь произрастает
Знаменитый цветок, вино же сладкое всюду
Я изливаю, мне должно венок носить над главою,

Ампелоса я в сердце ношу, как вино, постоянно!
Внемли владыке гроздей, владыка воинственной битвы -
Возливает Арею убийца, от лоз Диониса,
От ярко-алого сока ягод лишь радость струится!
Вы же, Део и Паллада, вы проиграли! Олива
Не пробуждает веселья, нет в колосе хмеля для смертных!
Груши медовосладок плод, а мирт возрастает,
Благоухая цветами - но ни единый стебель
Не дарует забвенья забот и бед человеку!
Гроздь моя превосходней всех растений, без винной
260 [259]
Влаги никто из живущих яств вкушать и не станет
На пирах, и без винной влаги и пляска не в пляску!
Коль, светлоокая, можешь, то пей ты сок из оливы -
Дар мой великолепный затмил твое приношенье!
Ибо оливковым маслом натерты мужи́-атлеты -
Только невеселы что-то! А муж, несчастьем сраженный,
Дочь потеряв иль супругу (такая судьба оказалась),
Иль кто по детям погибшим скорбит, по родителям милым,
Пусть пригубит только малость вина, почувствует сладость -
И возрастающей боли умерит приступ напиток.
270 [269]
Ампелос, и после смерти ты сердце радуешь Вакху:
Ибо по всем моим членам ты разливаешься, милый!
Клонят в лесах окрестных все деревья вершины
Мужу подобно, что выю согнув, о милости молит,
Древняя пальма склонила широко-пространные листья,
Яблоню ты стопами обвил, а дланию гибкой
Смоквы ствол обхватил, и несут, как служанки, деревья
Госпожу свою кротко, ее легко поднимают -
Ты же вверх устремляешь свои проворные пясти,
Встав на плечи служанок, узоры тонкие листьев,
280 [279]
Пестрые стеблей побеги, усики с самых верхушек
Словно бы в сновиденье тычутся в лоб и ланиты,
И ветерок прохладу сулит своим дуновеньем,
Словно служанка желает не тронуть в дому ни пушинки,
Лику царицы владычной прохладу она навевает!
Если тебе угрожает полуденный жар Фаэтонта -
Дует ветер прохладный над виноградным гроздовьем,

Зной укрощая палящий огнедышащей Майры;
Если же Хор явленье летний жар возвещает,
Сириус знойным дыханьем соком ягоды полнит!"
280 [289]
Так, гордясь, он измолвил, и то, что было печалью,
По любимому, отнял сок благовонный из гроздьев.
Так говорилось в сказаньях о плетях лозы виноградной,
Названной по любимцу Но песнопевцы древнее
Знают присловье об этом: просочился на землю
Сквозь небесные кровы ихор плодоносный с Олимпа,
И народился напиток лозы вакхиадской, а в скалах
Сам собой от него же ствол возрос виноградный:
Дик он был, необхожен, в чаще ютился безвестной,
Вольно раскидывал плети и гибкие всюду побеги:
300
Истинный лес благолозный вино родящих растений,
Чаща, взращенная соком, что выгнал стволы и побеги,
Сад изобильный и пышный, где ввысь устремляются бурно
Грозд, прижавшийся к грозду пурпурному в беспорядке;
Частью недозревает сок ягод, покуда растущих,
Светом пурпурным блистающих - все столь различны при этом!
Полупрозрачны иные, белы, словно пена морская,
Прочие - златоянтарны, мерцают, прижавшись друг к другу,
310 [308]
Ягоды... Есть и такие, что смоли чернее по цвету,
Их же могут и спутать, кто хмелен, с растущими рядом
Ягодами ветвей оливы блистательноплодной!
Сверху какой-то грозди сребристой с круглящимся плодом
Сам собой наползает черный налет от побега,
Приведя за собою лозу с сочащейся гроздью!
Там сосну обвивают соседнюю крепко побеги,
Вверх, затененный повсюду, ползущие усики рвутся,
К радости Пана великой; если Борея дыханье
Треплет верхушку древа с побегами грозди густыми,
Кровью смолистой исходит сосна под таким бичеваньем.
Кольцами свившись однажды, плети змея обхватила,
320
Ягоды алчно сосет нектар благовонный и крепкий;
Вот ужасную пасть насытив Вакховой влагой,
Так, что из грозной глотки валятся сладкие гроздья,

Выю вместе с подбрадьем соком змея обагряет...
Бог же, скитаясь по горным склонам, змее удивился,
Видя подбрадье и выю в росах винно-пурпурных...
В кольца узорчатогибким телом мгновенно свернувшись,
К чреву глубокому в скалах бросился, к ближней пещере
Аспид проворный, завидев Эвия... Тут же и вспомнил
Вакх, узревший гроздовья, обильно текущие соком,
Данные в древности давней пророчества Рейи-вещуньи!
Стал он выравнивать камень скалы, углублять понемногу
Внутренность оной, железом равняя стенки изострым,
Ямки широкой в камне дно углубляя помалу!
Так сотворил он впервые прообраз винной давильни;
Сочнообильные кисти снимает он тирсом изострым
С плети лозы гроздовой - вот серпа стального прообраз!
Сатиров хор его славил... Один же вдруг наклонился,
Руки к лозе простирая - и стал собирать эти грозды.
Миску взял другой и в миску складывал кисти,
Освобождая грозди ягод от зелени пышной.
Третий, даже без тирса, без острого даже железа
Тянет десницу, глядя пристально в груды сих ягод -
Плод и сочный, и крепкий он с черенков обирает,
Подле груды высокой ягод на корточках сидя;
После чего ссыпает бог виноград в эту ямку,
Горкою оставляя ягоды посередине,
После их ровным слоем по дну рассыпает, ровняя,
Дабы, как на гумне зерно, они плотно лежали.
Так он полнит до края ягодами углубленье
И начинает ногами давить виноградные грозды.
Сатиры, потрясая космами в ветре, стремятся
Делать то же, что делал бог Дионис перед ними,
И подвязав небриды пестрые прямо под плечи,
Славу они возглашали вакхийским неистовым ладом,
Яро топтали грозды, стопами переминаясь,
Эвия восхваляя, и с лона того гроздовья
Грязнобелая пена взбурлила над месивом алым!
И не в обычные чаши напиток сбирали, но в бычьи
Полые роги, а после стали говаривать люди:

"В рог наливать - значит, смешивать винную влагу с водою!"
Вот уж из уст перепивших одних изливается влага
Винная, вот уж и ноги его заплетаются спьяну,
Быстро бежать уж не может, о левую правая бьется
Пятка, подбрадье седое дерет он, хмелен от Вакха...
Скачет другой, опьяненный, в диких прыжках извиваясь,
Слышится гул непрестанный бубнов с бычьею кожей!
Кто-то, выпив чрезмерно вина, веселящего душу,
Побагровел от питья пурпурно-темного сразу!
Тот, уставившись взором блуждающим в ветви деревьев,
Скрывшуюся среди листьев простоволосую нимфу
Видит, или вдруг хочет забраться в горные чащи,
Переступая неверной по каменным кручам стопою!
Но Дионис его тянет назад! Иной вкруг истока
Водного бродит и только желает деву наяду
Выловить, деву нагую - и вот косматою лапой
Нимфу почти уж хватает, плывущую в водах бурливых...
Быстро наяда нырнула - и нет уж девы в потоке!
Рейя лишь Дионису дарит единому средство
От хмельного забвенья - аметист всеохранный!
Многие из рогатых сатиров прыгали, пьяны,
И в хороводах веселых кружились. Один же, пылая
Пьяным весельем, с собою ведущим страсти эротов,
Потянулся лохматой лапой к одной из вакханок
Вот, совладать не в силах с подстегнутым хмелем желаньем,
Он за пояс девичий чистую нимфу хватает
И срывает одежду, против воли Киприды,
Обхватив ее бедра розовые покрепче...
Вот уж Ми́стиду тащит другой, стыдливую деву,
Хочет возжечь он светоч в честь пляски ночной Диониса -
Он ладонями гладит, пальцами нежно лаская
Мягко-округлые груди, ее к себе прижимая...
А Дионис после пира в честь сладостного гроздовья,
Направляется, гордый, в пещеру Кибелеиды -
Пясти его обвивают плети лозы виноградной,
Учит он меонийку, что значит праздник полночный!

Песнь XIII

Петь о бесчисленном войске в тринадцатой собираюсь
Песне, о всех героях, пришедших к вождю Дионису!

Зевс меж тем посылает в жилище священное Рейи
С быстрою вестью Ириду к воинственному Дионису,
Дабы он дикое племя индов надменных и дерзких
Тирсом своим из Асиды прогнал до самого моря,
Дабы могучего сына бога речного Гидаспа,
Дериадея владыку, сразил, научив все народы
Празднествам полуночным и сбору хмельного гроздовья.
По воздушным потокам прянула быстро богиня
И шагнула в пещеру, где львы у яслей кормились.
Совершенно бесшумно, словá в устах удержавши,
Молчаливая, встала посланница пред богиней
Гор и долин, поклонилась, припала главою ко трону,
Словно моля, обхватила колена владычицы Рейи.
Тут ее корибанты по знаку Рейи и просят
Разделить с ними вместе божественное пированье.
И в изумленье отведав питья из вина молодого,
Вестница веселится. И опьянев, возглашает
Диеву сыну в застолье Диеву вышнюю волю:
"О, Дионис отважный, повелевает родитель
Индов повергнуть свирепых, не ведающих законов!
Тирс во дланях подъем ли на битву, достойное неба
Сотвори же деянье, ведь Дия благая обитель
Лишь после тяжких трудов к себе тебя примет, и Хоры
При таком лишь усилье врата Олимпа откроют!
Ведь и Гермесу открыли не сразу, но после того лишь,
Как он очами покрытого от ступней и до кудрей
Аргуса умертвил, как вернул свободу Арею!
После убийства Дельфина живет Аполлон над эфиром,
Даже родитель, глава Блаженных, Зевс всевладычный,
Не без трудов на небо взошел, созвездий водитель,

Должен он был низвергнуть грозящих ужасно Олимпу
Племя титанов могучих, замкнуть их средь бездн тартарийских!
Ты же достоин и после Гермеса и Аполлона
Тяжкий подвиг свершив, поселиться в отчем эфире!"
Молвила и устремилась к Олимпу богиня, а Рейя,
Мира праматерь, с вестью шлет тотчас плясовода
Пи́ррриха, в пляске бурной искусника и шумолюбца,
Дабы понес он о битвах Лиэю оружному вести.
Вот, собирая войско различное для Диониса,
Пиррих все посещает места населенного мира,
Все племена Европы, народы земель Асиды,
Всем приказал он собраться в земле лидийцев роскошных!
Всех героев воспойте, много различных народов,
Сатиров племя косматых, кровь отважных кентавров,
И отряды Силена, шерстобедрого старца,
И Бассарид порядки, о корибантские Музы!
Нет, не воспеть мне войска и десятью языками!
И десятью устами труб не воспеть меднозвонных,
Как всех Вакх копьеносный на битву кликал, я лучше
Поименую, на помощь Гомера призвав, полководцев...
Муж сей - гавань искусства эпоса, так и на море
Претерпевая крушенье, зовут темнокудрого бога!
Первым, исполнив приказ благотирсного Диониса,
Шел Актеон, по зову родственной крови спешащий
Из семивратной столицы Аони́и, и с ним же -
Воинство беотийцев, живущих в фиванской твердыне
Башенной, в граде Онхесте с культом Энносигея,
Также в Петео́не, Окалео́е, также в Эритрах,
В Арне гроздообильной, прославленной Дионисом,
Тех, кто в Ми́дейе жили, в Эйлео́сионе преславном,
В Ско́лосе, в гавани Тисбе, лежащей у самого моря,
Месте, что робкий голубь любит морской Афродиты,
Всех из Схена, Хелео́на, окруженного чащей,
Всех из Коп, из града, чье имя озеро носит,
Где, как я слышал, и ныне угря улов изобильный;
Из Медеона лесного, из благостадной Хилы,
Места пространного, где жил усмарь знаменитейший, Тихий;

С широкобрежной равнины, назначенной для предвещанья,
Имя приявшей свое от повозки Амфиарая;
Даже из Феспий, из дальних Платей в долине лесистой,
Из Халиарта, что влагой обилен, который потоком
Горным отделен от горних высот Геликона,
Из городка Антедона, что близко соседствует с морем,
Место рожденья средь пены и рыб живущего вечно
Влажного Главка; из Аскры горной (ведь в этом местечке
Пастырь немолчный жил в осененной лавром отчизне);
Из священной Грайи; равнинного Микалесса,
Что по громкому воплю еще Эвриалом зовется;
Из Нисайи, из града, носящего имя Корона
Всеми сими мужами, идущими прямо к востоку,
Предводил Актеон. Знаменье грядущей победы
Юноше дал родитель его, Аполлон лавроносный!
Прочих же беотийцев вел прекраснокудрявый
Гименей безбородый, юный, в расцвете силы,
Милый Эвию отрок: с ним рядом шел неразлучно
Воин, испытанный в битвах, Фойник, муж седовласый,
Лаокоонту подобный, Арго который когда-то
Иасонийский струг привел к прибрежиям колхов,
Плававший с Мелеагром, от бед его охранявший.
Так вот и этот отрок, юною силой цветущий,
Гименей пышнокудрый, в поход пошел против индов,
За плечами его струились кольцами кудри;
Также из Аспледона, также из Орхомена
Миния, в коем рощу эротов не бросила Харис,
Также и из Хирйи, что принял когда-то бессмертных,
Град же по имени назван Хирйэя-гостеприимца,
Там Гигант преогромный на ложе пустом когда-то
(Се Орион трехотчий) зачат праматерью Геей,
Ибо от трех бессмертных моча изверглась и стала
Саморожденья причиной, некиим стала обличьем,
Бычья же шкура приветно выносила младенца,
Гея ж чрез щель извергла, что без соитья явилось...
Также пришли оттуда, где войско ахейцев сбиралось,

Из скалистой Авлиды, что для Стреловержицы свята,
Там же, гневна, богиня на алтаре нагорном
Жертву Ифигенейи приняла только по виду,
Ибо сожгла на чистом пламени лань вместо девы,
Истинный облик сменив унесенной Ифигенейи...
(Выманил хитроумный ее Одиссей, ведь Ахилла
Стала б соложницей дева пред самым походом), зовется
"Сватьей" Ифигенейи чистой с тех пор Авлида,
Ведь над судами аргивян задуло скопище ветров,
По поверхности моря тихой тотча́с доставив
Ланеубийце владыке попутное дуновенье...
Дева же перенеслась в пределы Тавров по выси,
Стала служить обрядам священным у бронзовых чанов,
Жертвенникам жестоким отдавать чужеземцев -
Лишь по морю пришедший Орест и спасет сию деву!
Вот такое-то войско бесчисленных беотийцев
Против индов в поход отправилось с Гименеем!
С ними соединились при скалах в пророческих Дельфах
Жившие вой фокейцы: было там из Кипариса
Войско и рать из Хиа́мполя (ведь, как я слышал, он назван
По аонийской ве́прице, что красотою сравняться
Гордая, восхотела с богиней Тритогенейей);
Были там и из Пифо, и из обильной садами
Крисы, преславного града, с Давлиды и с Панопеи,
Градов с храмами Вакха - и Аполлон лавроносный
Долей земли делился с братом своим Дионисом,
Двувершинным Парнасом, и для градов обоих
Камень вещий пифийский являл свои прорицанья,
Как и треножник, звучащий сам по себе, и немолчно
Рокотали потоки бурливой волны касталийской;
А фаланги звбейцев вели мужи щитоносцы
Корибанты, что в детстве лелеяли Диониса,
Те, что у бухт фригийских Рейи, любящей горы,
Били в кимвалы и бубны, храня во младенчестве Вакха,
Ибо нашли его в скалах, закутанного в пурпурный
Пеплос, рогатое чадо - Ино́ там бога младенца

Ми́стиде (той, что Коринта матерь!) передавала.
Вой с Примне́я, славой богатого острова, были,
Ми́мант тяжкоидущий и горный охотник Акмон,
С ними Дамне́й и Оки́той, щитоносцы, а с ними
И Мелиссе́й гривошлемный явился с воем Идеем
(Оба изгнаны были отцом в безумии яром,
Соком, с милой отчизны пенноприбрежной совместно
С матерью Комбой, родившей уже семерых младенцев
Изгнанные достигли Кносса и снова пустились
С Крита до Фригии самой, из Фригии прямо в Афины
Прибыли, там чужеземцы укрылись, пока царь Ке́кроп
Сока с престола не свергнул медью мстительной Дики.
И беглецы вернулись с земель Марафона морского
По своим же следам в священные земли абантов,
Место происхожденья древних куретов, где пляска
С мечным бряцаньем и пеньем сладкоголосых авлосов
В хороводах с ношеньем щитов их жизнь составляли...);
С ними явились и боем дышащие абанты,
Что населяли холмистый Эре́трию град, а также
Стиру и Ке́ринт, а также славного домы Кариста;
Ди́она скудное поле; и те, что владели прибрежьем,
Скалами в пене соленой, шумящей у мыса Гереста;
Также пришли из Сти́ги, Коти́леи и из Сириды;
Из Мармари́я, и с пашен Огиги́и у Айги,
Также пришли вместе с ними и вой из града Халкиды,
Града Эллопие́ев, растивших власы лишь на теле.
Семь полководцев войско вели, обуянны единым
Духом ярым Арея, пред алтарем огнежарким
Семь поясов Зодиака просили о милости вой,
Распри исход доверяя ладу и ходу созвездий.
Вел Кекропидов полки Эрехтей, в бою неустанный,
Отпрыск от крови златой Эрехтея, славного родом,
Оного в храмовой глуби, в сени огней предалтарных,
Самородная дева взрастила у мужеской груди!
Светлоокая, страсти любовной чужая, долг сознавая,
Приняла непривычной дланью, к сердцу прижала

Гефестиада... Ведь в браке несчастный отец хромоногий
Воспылал любовью к Афине и семя извергнул
В землю, близ храма ее, самовольную пену эротов!
Вот такой Эрехтей вел войско афинян на битву.
Власть разделял он с Сифном и руководство дружиной.
Все пришли с плодородной равнины Ойнои, что рядом
С пчелами населенной вершиной Гимета граничит
И густолесым, богатым оливками Марафоном;
Также из града Торйка, из детообильной Афидны,
Из элевсинских краев Деó, именитой потомством,
Выступают жрецы плетенок с богининым сбором,
Тлиптолема потомки (он в колеснице Деметры
Со змеиной упряжкой, украшенной злаком ячменным,
Несся по небу, бичуя змеев пестрые спины...)
Множество, медным оружьем то там, то тут проблиставши,
Старцев ахарнян вслед детям оружным в строю выступает,
Войско Аттиды замкнув. Блистают воздетые копья,
В ножнах мечи наготове, горят они рвением к битве,
К ратным трудам, ведь шлемы надеты уж пылких афинян,
А фалерская гавань трясется от поступи вое в!
Обозначая племя древнейшее автохтонов,
Кольца кудрей густых сжимает златая цикада...
Айакóс оставил отчизну, коего птица
Мнимая зачала: Асопи́ду-деву похитил
Зевс в обличье орла и сделал Эгину супругой -
В браке таком и родился Айакóс. Восхотел он
Быть полезным в походе кровному Дионису!
Вот мирмидонцев рать выступает в порядке искусном,
Раньше они пресмыкались во прахе земном муравьями,
Ножками перебирая частыми... Их же заметил,
Сих ничтожнейших тварей, ликом уткнувшихся в землю,
И превратил в двуногих Зевс высоковладычный,
Воев искусноружных сделав из них: так, внезапно,
Твари глухие, немые, кишащие в почве песчаной,
Муравьи появились в облике смертных прекрасном.
Войском таким предводил Айакóс. На щите же округлом

Зевса в обличье орлином носил он, что отроковицу
В острых когтях к поднебесью взносил осторожно, но быстро;
Видно: там у горящей реки восседает юница,
Скорби своей предаваясь, сидит, почти бездыханна,
Как на картине бывает, оплакивает будто отчий
Горький удел, причитая над милым отцом, над Асопом:
"Вот твой на свадьбу подарок - отца моего униженье!"
Критян многоболтливых, сборище пестрых народов,
Вел Астéриос в битву, отрок блистательноокий,
Сколь прекрасен собою, столь мужествен - Андрогенейя
Юная, родом из Феста, Миносу породила
На кидонейском ложе некогда этого сына.
Отрок для Вакха хмельного народ из ста поселений
Вел, дабы кровное племя отчего сродника честью
Не обделить, ибо Минос - двоюродный брат Семелы,
Он от того же рода, что Кадм... Воителей много
Пылких сражаться стеклося к единому полководцу:
Тут и вой из Кносса, тут и кмети из Ликта,
Воинство из Милета, сюда же пришла дружина
Ополчившихся воев высокохребетной Гортины,
Рать прислал и Ритóн, и град Ликаст благоплодный,
Также пределы Дия Модайского, Бойбы угодья,
Также и край Кисама и дивные рощи Китея...
Вот что отрок с Крита привел, при его появленье
Заструился сияньем ярким, щедрым и вещим
Для Астéриоса соименник, светоч Арея -
Блещет, пророча победу! А он же, неблагодарный,
После победы в битве гнусным стремленьем охвачен
К чуждым краям. Не желает после похода на индов
Видеть пещеру в блеске шеломов в ущелиях Иды,
Жизнь избирает во граде чужом и, вместо Дикты,
Кносский сей поселенец во Скифию удалился,
Миноса старца оставив и матерь Андрогенейю,
К племени варваров колхов, кои гостей умерщвляют,
Их "астерийцы" назвал, дал "критяне" имя народу,
Им, кому и природа иное дала... Он, оставив
Отчий ток Амнисоса, струящийся в Крита теснинах,

250 [249]
Пьет бесстыдно устами Фа́сиса ток нечестивый!
Лишь Аристей единый явился без понужденья,
Он же, на самом краю живущих пределов Эллады,
Гордый сладостным медом, сбираемым в тысячи сотов,
Он снисходительно смотрит на виноточивого Вакха,
Тщетно искавший победы, как мед такой же и сладкой!
Их обоих призвали на суд обитатели неба:
Отпрыск Феба представил новый напиток из сотов
Божествам, но победы сладкой как мед не снискал он!
Сладостный боги напиток пчелы усердной испивши,
260 [259]
Быстро насытились влагой медовой, сладкобезмерной,
И после третьей чаши уже не могли наслаждаться
Чашей четвертой, и больше пить не могли, хоть терзала
Жажда жестокая! Тут же подносит Вакх свой напиток,
Льющийся вольно из чаши, радостный сердцу и духу.
Пили Бессмертные целый день из чаш невозбранно!
И опьяняясь по мере питья, все пьяней становились,
Осушая чашу за чашей и радуясь в сердце,
И наслаждаясь безмерно вином, их ум веселящим.
Зевс одобрил напиток сладкотекучий пчелиный,
270 [269]
Труд кропотливо-искусный сей любостайной зверюшки,
Дар Аристея, но влаги винной творцу, Дионису,
Он даровал победу, мук разрешителю горьких.
Аристей добровольно пришел для похода на индов.
Позже свое недовольство выразит он, аркадский
Край оставив, Киллену покинув, владенье Гермеса.
Он еще и не плавал на остров меропеидский,
Не усмирял он дыханья огненного на прибрежье
Жара, подняв благотворный ветер защитника Зевса;
Меднодоспешный, он стражи еще не держал против блеска
280 [279]
Звездного Сириуса, отвращая мор с огневицей
Ночь напролет (ведь пламень алчущий это светило,
Огненную разверзнув глотку, мечет сквозь небо
И сегодня, и ветры прохладные жар умеряют!);
Ныне пришел он с равнин Парраси́и. И с ним же
Ополчилося племя аркадцев, желудь ядущих,

Ласион населявших и дивные чащи Ликея,
Сти́мфала край скалистый, а также преименитый
Рипу град, и Стратйю, и Мантенйю с Эниспой,
И Парраси́ю лесную, край запретный богини
290 [289]
Рейи, где почивает праматерь сущего мира,
Также пределы Фенея и место, где пляска явилась,
"Орхомен" многоовчий, обитель апиданеев;
Были и те, кто владеет Аркадйей, Аркада
Градом (Дию же сына Каллисто породила,
Коего в небо родитель вознес, назвавши "Боотом"),
Сулицею аркадской войска Аристея гордились.
Псы там были пастушьи, коих взяли сражаться!
Аристея ж Кирена, новая Артемида,
Нимфа, убивица львов, родила, сочетавшися с Фебом
300 [299]
В крае ливийском, сюда ведь увлек Аполлон дивноликий
Деву, от отчих пределов на брачной своей колеснице.
Сына, алкавшего битвы, бог Аполлон, оставив
Вещий лавр, ополчает собственноручно к походу:
Лук дает он сыну и щит из кожи воловьей,
Прочно сработанный, после закидывает на плечи
Тул с искусной резьбою на перевязи свободной...
Прибыл из Сикели́и Ахат, стреловержец умелый,
С ним же сопутники следом, вой пришли щитоносцы,
Киллирийцев с элимами рати, а также пали́ков
310 [309]
Края владельцы, все те, кто близ излучин катанских
Жил во граде, близком к Сиренам (их Ахелою
Терпсихора румяная зачала на рогатом
Ложе, в любви сочетавшись с соложником страстным и пылким...)
Были и те, кто правил Кама́риной, где так яро
Хиппарис неукротимый бурные воды свергает,
Были из Хиблы священной, были и те, кто у Этны
Жил, что мечет пламя над высью своею скалистой,
Пламя темницы Тифона, пробившееся из бездны;
Были и те, чьи домы - на склонах высоких Пелора,
320 [319]
Так же и те, чье жилище у пенного брега Пахина,
У Аретусы, ключа сикелийского, с оным же слился

Лавром Писы венчанный Алфей, из далекой отчизны
К ним притекший сквозь море, по пенным зыбям донесший -
Эросом порабощенный! - свою целокупную влагу,
Сквозь прохладную воду - огонь, его пожиравший!
Прибыл туда же и Фавн, свой огненный бросив, весь в скалах,
Мыс пелоридский, что встал в Сикелйи трехоконечной...
Сын он страсти Кронида глубинного с Киркой-колдуньей,
Брат ее - царь Ээт многомудрый, что обитает
330 [329]
В хитросплетении мрачном каменного строенья;
Ополчились либийцы, здравы на западе дальнем,
В градах пред облачных, Кадмом основанных древле в скитаньях -
Ибо и вправду в тех землях, удерживаем противным
Ветром, Кадм задержался, с ним же плыла ситонийка,
Чистая Гармонúя, чей облик молва наградила
Красотою такой, что соседи ее возжелали...
Войско ливийцев назвало Харитой, прелестницей нежной,
Бистонийку, юницей земной из Харит хоровода.
Холм Харит ее именем назван в Лúбии, и плененный
340 [339]
Красотою девичьей, желаньем безумным язвимый,
Алчущий деву похитить бог Арей чужеземный
В облике племени мавров к распре принудили пришлых.
Вскинув во дланях могучих копье либистидской Афины,
Муж, щитом прикрываясь, от них защитил Гармонúю,
Бегством спасаться заставил западных эфиопов,
С помощью Дия оружного, Киферейи с Ареем...
Там же, как молвят иные, у озера Тритониды,
С Гармонией румяной странник Кадм сочетался.
Гесперuды-девы песнь выплетали, в садах же
350 [349]
Их эроты с Кипридой в знак счастливейшей свадьбы
Брачное ложе убрали лозы золотыми плодами,
Дар достойнейший деве, из листьев пышных садовых
Кадму и Гармонии сделаны к брачному ложу,
А для глав их венки из листьев и гроздий душистых
Вместо свадебных роз; и стала прекраснее дева
В золотых подношеньях, в дарах золотой Афродиты!
Горней кифары песнь звучать заставил на свадьбе
Дед по матери, небо как медная сфера крутнулось,

Лишь только топнул стопою либиец Атли́нт согбенный,
360 [359]
Славя невесту, запел он гимн, благозвучия полный;
В память о свадьбе, что с девой его тогда съединила,
Кадм оплатил свое право прохода в земле либистидской.
Сто основал он селений и придал каждому стены
С башнями крепкого камня, кои и взять невозможно.
Память храня о деяньях тех, пришли эти вой,
Потрясая щитами в знак помощи Бромию в битве,
Все, кто родился в пределах, ближних к Мене-богине
Иль асбистийскому Дию в оазисах южных далеких,
Вещему богу с рогами. Ведь часто под ликом Аммона
370 [369]
С трехразворотным витком рогов столь мощноокруглых
Древле вещее слово пророчил Зевс гесперийский!
Были и те, кто жили у Ки́нифа вод и Хремета,
У бесплодных песчаных равнин, иссохших от зноя,
Бакалы и Авхе́ты, что боле всех из народов
Живших в краях зефирийских предали́ся Арею...
Вот каково было племя ста городов. Кратегон же
Вел их на это деянье, коего некогда дева
Анхероя, Хремета дщерь, зачала на песчаном
Бреге отцовом в союзе кратком с безумным Псиллом,
380 [379]
После сразившимся с богом: ибо однажды и вправду
Нот дуновением знойным спалил его край плодоносный,
Он же, вооружившись, собрал многолюдное войско
Вместе с армадой морскою, мстительно восхотел он
Распрю затеять с ветрами, веющими в поднебесье,
Знойного Нота в сраженье убить... Да только близ края
Островного Эола, куда, потрясая щитами,
Прибыло войско, ветры, взявшиеся за оружье,
Все как один ополчились и ринулись бурно на битву,
Дуя свирепо единым вихрем, бичующим лодьи,
390 [389]
И опрокинули в море и Псилла, и струги, и войско!
Из Самофракии также прибыли щитоносцы,
Посланные владыкой с густоволнистой брадою,
Тяжелостопным Эматием, мужем, уже седовласым,
Были подобны Титанам прибывшие владельцы

Ми́рмека, града приморского, также цветущей Саоки;
С ними явились и вой из града, славного пашней,
Фесиада, где чащи густые произрастают;
Зе́ринт священный рати прислал, корибантов неспящих
Град, где дщерь Персеида таинство в скалах свершает,
400 [399]
Светоч святой запалив, священнодействуя втайне;
Были и те, что владели землею в скалистых отрогах
Около Бронтия града, и из Атрапитов были,
Жившие в месте, что свято глубинному Посейдону;
Вот что за рати явились, верность тому сохраняя,
Кто свой род возводил к прародительнице Электре,
Ведь Гармонию, кровью горнюю и морскую,
Зевс, Арей, Киферейя богов хранителю, Кадму,
Дали в честны́е супруги без свадебных подношений;
В честь ратоборцев, идущих с тирсоблагим Дионисом,
410 [409]
Над небесами восходит звезда седьмая, Электра,
Доброе знаменованье похода; пророча победу
Песнью взгремели Плеяды, отдавшейся эхом в эфире,
Славящей Диониса, в ком кровь сестры заструилась,
Мужество в целое войско вдохнув. В походе же ратью
бгирос предводил, Арей в Ареевом деле
Новый, ведь Огирос статью, мнилось - из рода Гигантов;
Телом в схватках упорен, с главы могучей и мышцы
Шейной спускались кудри острые, точно иголки
Дикобраза, волною вольной до самых до чресел
420 [419]
Доходя своенравно, и воина этого выя
Столь была преогромна, что глыбу напоминала.
Нрав же варварский, отчий имел он, и не был сильнее
Оного мужа никто в сём войске, идущем на индов -
Лишь Дионис виноградный! Клялся богинею Никой
Он, что копьем лишь - и только! - землю индийскую сгубит.
Отпрыск дерзкий Арея Пи́мплейю также покинул,
Бистонию Эагр, он рад был началу похода,
Он Орфея оставил на лоне Каллиопейи,
Только младенца забота - лишь грудь, лиющая млеко;
430 [429]
Киприадские рати Ледр отважный построил

С Лапетом благовласым, множество их ополчилось,
Тех, кто Сфе́кией правил, пенноприбойной землею,
Островом Кипром, приютом святым благокрылых эротов,
Имя Киприды приявшим, тут и родившейся, очерк
Острову мягкоокруглый придан трезубцем глубинным
Старца Нерея, спинки оруглой дельфина подобье,
Ибо некогда семя и детородного члена
Кровь Уранова, слившись, в пене образ явили,
И родилася Пафийка, и на Кипр керастидский
Зверь премудрый, дельфин, на себе и вынес богиню
Афродиту, резвяся над морскими валами;
Были и те, кто владел Хила́том и Те́гессой правил,
И владычил Тама́сом, и Тембром, и Эритреей,
И священным пределом горно-лесного Панакра;
Сильная рать ополчилась из Сол, притекли из Лапета,
Названного потом так в честь своего полководца,
Предводившего войском в войне, что тирсом велася,
Пал он, и был погребен, и согражданам имя оставил.
Были и рати из града Кини́рейи, ибо ведь имя такое
Предок Кинирас носил; притекли и из Урани́и,
"Башней", по образу выси небесной названной, люди
Были там све́тлы и ярки как чистые светочи неба;
И из Крапа́сейи были, венчанной прибоем твердыни,
Также из Пафоса, бухты, милой нежным эротам,
Где явилася древле из моря сама Афродита;
К струям, где брачные зыби пенной Пафийки застыли,
К Се́трахосу приходила, там часто, взявши одежды,
Обряжала Киприда омытого отпрыска Мирры;
Были из града, Персеем основанного, и Тевкр же,
Саламин оставляя из-за вражды Теламона,
Выстроил новый город, как Саламин и воспетый;
Струги явились лидийцев изнеженных, населявших
Благокаменный Ки́мпсос и в стенах высоких Итону,
Также пространный Торе́бион, и со многим богатством
Город, Сарды благие, ровесник Эригенейи;
Люди земли вакхийской, с лозою, полной гроздовья,

Где Дионис виноградный чаши с винною влагой
Рейе впервые поднес, населявшие город Керассы;
Те, кто Оа́ном владеет и обитатели Герма,
470 [469]
У влажнопенных копей пактолийского ила,
Желтое достоянье несущего в токах струистых;
Ополчилось Стата́лы сильное войско, где древле
Тифоэй дуновеньем огненной молнии ярой
Сжег окрестности края, и дыма клубы, и пепел
Пали на горный кряж от горевшего тела Тифона,
От огнем запылавших и глав, и дланей ужасных.
Тут ведь, покинув Дия лидийского храм благовонный,
Безоружный служитель сразился словом изострым,
Сулицей-словом вместо режущего железа,
480 [479]
Остановился и речь обратил он к сыну Аруры,
Был язык его дротом, слово - мечом, а щитом же -
Речь, и призвавши бога, метнул он слово такое:
"Остановись, злосчастный!" Гигант же, горящий под власты
Тайномудрого слова, оцепенел как в оковах,
Убоявшися мужа, оружного речью премудрой,
Завороженный звуком волшебного заклинанья.
Затрепетал он от страха не пред Молниевержцем,
Зловеликан многопястный - пред чародеем могучим,
Оный врага низвергнул только стрелою словесной,
490 [489]
Учинил сей служитель словом пронзительным язвы.
Огненной раною мучаясь, пламени дротом пронзенный,
Пламенем иномирным Тифон повержен, духовным.
Оцепенело тело, не в силах двинуться с места,
И змееносной стопою к матери Гее приник он,
Дротом безвидным сражен, от коего кровь не струится.
Деял Айо́н среди древних смертных такие деянья!
Также и вой явились, кто землю топотом звучным
Оглашает, из Стамна и Стабия с индами биться.
Видя войско такое, вприпляску идущее в битву,
500 [499]
Скажут, что полководец ведет сей строй ратоборцев
В круг для пенья и пляски - не для того, чтоб сражаться!
Ибо, шаг отбивая походный, звучит плясовою

Мигдонийская дудка, битвенный дух пробуждая,
Нет, не желание петь, - это зов к смертоносным сражен]
Трубы звенят строевые - вот сиринги эротов,
Сдвоенные авлосы берекентийские свищут
И под ударами дланей воинственношумных рокочут
Шкуры быков, на медных растянуты барабанах!
510 [508]
Ополчились фригийцы, влившись в лидийское войско,
Были из Бу́дейи рати, пришли из воспетого громко
Града лесного Теме'нейи, благотенного края,
Из Дреси́и и О'брима, что с извилистым током
Вод Меандра сливает вольнотекущую влагу,
Из краев соименных Дойанту, те, кто Келены
Населял златоструйные, также из града Горгоны;
С ними и те ополчились, кто жил в селеньях соседних
Влаге Сангá рия, кто обитал в земле Хелеспидской;
Войску сему предводитель - оставивший Дирку и змея
520 [518]
Прúасос, он уехал, чтоб жить в краю аонийском,
Ибо, когда ливненосный Зевс затопил фригийский
Край, небесным потопом влагу свою изливая,
Скрыв под водою отроги и в волны древа погрузивши,
И когда по ущельям крутилися водовороты,
Залитый влагой дом оставив под ливнем обильным,
Водоворотов спасаясь, шагая по крышам строений,
Прúасос все оставил тогда, уйдя в Аонúю,
Дабы спастись от смертельной влаги, насланной Зевсом.
Но и среди народа скитальцев страдал он и плакал,
530 [528]
Вспоминая Сангарий, искал он источник подобный,
Чужеземную влагу впивая реки аонийской...
Вот, наконец, сей ливень с его погибельной влагой
Зевс усмирил Высочайший и от вершины Сипила
Воды вспять он погнал, грозившие Фригии смертью.
Энносигей ударом трезубца ручьи и потоки
Во глубины и бездны загнал безбрежного моря,
И обнажились выси из токов рокочущей пены...
Тут и край беотийский снова странник оставил
Прúасос, и возвратился, по размышленье, в отчизну.
540 [538]

Немощного же старца родителя взял он на плечи,
Сильной рукой удержавши, его же по благочестью
Зевс великий от смерти спас, от влаги потопа,
Бромбием звали старца. Вернувшийся от фригийцев
Прúасос, полководец, вел воителей гордых!
От Астéриоса, отца своего, появился
В Мúлетос юный, влился в Вакхово войско
С Кавном, братом родимым и тоже юным, карийцев
Приведя за собою, чтоб выступить против индов.
Кавн не сложил еще песни в злосчастном любовном томленье
550 [548]
Единородной сестре: о самóй, предавшейся страсти
Точно такой же, подобной, на ложе брачном с любимым
Братом Зевесом, песне о Гере, сестре и богине;
Ей он не спел этой песни еще у пастыря стойла,
Он, блаженный, у камня соседнего этому месту
С дремлющим Эндимионом, к кому вожделела Селена.
Чистой была и Библúда, и увлекался охотой
Кавн на зверя, не зная кровосмесительной страсти.
После изгнания брата прекраснокудрого в чуждый
Край, не томилась в потоках слез сестра дорогая,
560 [558]
Не превращалась в источник, журчащий жалобой слезной.
Были там и хоробры отважные в этой дружине
Из Микалы, и те, кто жил у извилистых токов
Струй, текущих в подземье и вновь выходящих наружу
У извивов Меандра, змеящегося средь ущелий.
Рати такие явились туда, со рвением равным,
Шумом наполнило войско кибелеидские домы,
Заполонив переулки мигдонийского града.

Песнь XIV

Песне четырнадцатой со вниманием внемли, ведь Рейя
Здесь собирает войско на битву с Ареем индийским!

Резвоплесничная Рейя тем временем к каменным яслям
Львов косматые выи накрепко привязала,
Взмыла в небесные выси, с ветрами состязаясь,
Над землею шагнула далёко пернатой плесницей,
Кличет под руку Лиэя божественные фаланги!
Быстрая словно крылья иль мысль, проходит четыре
Стороны света: Нота, Борея, Веспера, Эос;
Гласом единым взывает к лесам и водным потокам,
Всех наяд собирает, чащобы полчища дикой.
10
Божие племя на голос стекается Кибелиды
Отовсюду. По выси небесной до края лидийцев
Шагом суровым доходит парящая в воздухе Рейя...
По возвращенье, во мраке светоч таинный подъемлет
Вновь, огневеющий жарко пламенем мигдонийским:
"Вслед за племенем смертных воителей собирайте
Небожителей войско, о Фебовы ветры!" - так кличет.
Сразу же, прянув с вершины Лемноса огнехребетной,
Той, что с Самосом рядом, горящим светочем тайным,
Ополчилися братья; сыны Гефеста, Кабиры,
20
Оба взявшие имя от матери, их породившей
Горнему меднoделу, от Кабейрó фракийской,
Алкон и Эвримéдон, искусные в деле кузнечном!
С Крита ринулись вой, грозные в битвах ужасных,
Дактилы с гор идейских, насельники круч каменистых.
Купно пришли корибанты, их же некогда Рейя
От земли отделила, племя саморожденных -
Только на свет появился в пещере лелеемый скальной
Зевс-малютка, плясали они вокруг свои пляски,
30 [29]
Щит о щит ударяя, грохотом высь оглашая,
Вой ярые! Меди неистовый гул и бряцанье

Достигали до слуха Крона, до туч поднебесных,
От родителя пряча Кронио́на возмужанье.
Первым идет перед ними вождь плясунов корибантов,
Щитоносец Пиррио́хос, а рядом вооруживший
Соименное войско быстрое, Кио́рбас из Кносса;
Вот выступают на индов завистливые тельхины,
Беспредельного моря безмерную бездну покинув.
Дланью могучей сотрясши длиннотенную пику,
40 [39]
Шествует Лик, и ступая за Дамнеменеем и Скельмис
Правит морской колесницей родителя Посейдона;
Тлиполема владенья покинув, странствуют в море
Буйные жители влаги, боги, некогда коих
Против воли изгнали из отчих родимых пределов -
Фрио́накс и Макаре́й, а также блистательный А́вгес,
Гелия бога сыны. Гонимы с земли материнской,
Мстители дланию мощной Стиксовой влаги черпнули
И обесплодили почву тучную Родоса, бросив
Тартарийские зыби на землю сию островную;
50 [49]
Следом за ними грядет двуприродное племя кентавров:
Фол с двойным обличьем рядом с другом Хироном
Двуприродным, чью выю ничье ярмо не сгибало!
Хлынули толпы киклопов, в сумятице только мелькают
Руки нагие, что скалы рвут вместо копий и дротов,
Вместо щита они глыбой каменною прикрылись,
Гребнем шелома им служит гребень гряды островерхой,
И сикелийское пламя вместо стрел у них пышет!
И, привычны к работе в кузнице, дышащей жаром,
Взяли во длани дубины, в огне закаленные крепко,
60 [59]
Бронте́с и Стеропе́с, Элате́й и с ним же Эврио́ал,
А́ргес, Трахио́с и с ними воинственный Халиме́дес...
Лишь Полифем остался дома в сторонке единый,
Ростом до выси небесной, отпрыск Энносигея,
Ибо, вступившего в море, его охватила иная
Страсть, чем походы да битвы: рядом с собою увидел
Нимфу он Галатею, что в водах соленых плескалась!
Стал он любовные песни играть на сиринге для девы...
Вот, обитатели горных склонов и логов природных,

(Имя - от бога Пана, что любит уединенье),
70 [69]
Ополчаются паны купно - ликом как будто
Люди, но рожки имеют и козью косматую шкуру!
Вот рогатолобая помесь: двенадцать панов,
Вооруженных рогами, все от родителя только
Пана единого, горных жителя склонов лесистых;
Кéленевс первым идет, он именем лик потверждает;
Следом же Аргеннóс - соответствует имени сущность!
Айгокорос ступает - и этому имя подходит,
Ибо от вымени коз на пастбище кормится млеком;
Вот Эвгéнейос, дивный пан с бородою чудесной,
80 [79]
Вся она завитками плещет как травами пойма;
Вот Дафойнéй с Омести́ром, пастыри на луговинах,
Вот и Фóбос с Филáмном мягкокопытным ступают,
Вместе с Главком и Ксант явился, и плотная шкура
Главка вся отливает лазурно-зеленым оттенком
Моря, а шкура Ксанта светится золотистым
Цветом, давшая имя рогатому жителю долов.
Аргос дерзкий и пылкий хвалится белою шкурой;
Дале идут два пана, коим Гермес был родитель,
Сразу с двумя разделивший и пылкую страсть, и ложе.
90 [89]
Первого бог с горянкой Сосой зачал на любовном
Ложе, и полон сей отпрыск мудрости, вещего знанья.
Это Агрей, и он любит охотиться пылко за зверем!
Номий - второй, и он любит овец пасти, ибо нимфу
Пенелопу когда-то бог посетил на ложе,
Любит он и на сиринге наигрывать! Форбас за ними
Следует ненасытный, хищник и плотоядец!
Старец Силен, опираясь на посох дланью неверной,
Тоже вышел в поход, рогатый потомок Аруры,
Трех сыновей за собою, сообщников Вакха, приводит:
100 [99]
Ополчились Астрáйос, Мáрон, Леней совокупно,
Под руки старца взяли, бродившего по отрогам
С посохом гибким, подмогой старости. Подпирают
Немощного подпоркой из лозы виноградной,
Ибо уж много видали лет они быстротекущих...

Вот от них-то и племя двусущное сатиров страстных!
Сатиры ополчились вождям согласно рогатым:
Там и Поймений, Тӣасос, там и Хюпсӣкер с Орестом,
Там и Флегрáйос, а следом стоит и рогатый Напайос,
Гёмон пришел, ополчился и Лӣкон храбрейший, насмешник;
И возлиятель Петрáйос идет за резвым Ферéем;
Ламис, горный скиталец, с Ленобием шествует вместе,
Дале Скиртóс впripляску с Óйстром быстрым выходит;
С Фереспондом явился Лик, громозвучный вестник,
Также Проном премудрый, отпрыск бога Гермеса,
Чадо зачавшего это в союзе тайном с Ифтимой,
Оная ж - дочерь Дора, отпрыска Зевсовой крови,
Родом от Хéллена он, а от прародителя Дора
Крови ахейской, рода дорийцев, происхожденье!
Скиптр и честь возглашенья дал им Эйрафиóтес,
Их многомудрый родитель, доверив выкликивать вести.
Вечно хмельное от винной влаги в наполненных чашах,
Сатиров дерзкое племя в битвах и схватках жестоких
Грозно пустой похвальбою, бежит оно сечи кровавой,
Львы они, битвы не видя, а в битве - робкие зайцы;
Ведь знатоки они пляски и знают как выпить получше,
Как осушить половчее пьяную влагу кратера,
Воинов там немного, кому Арей нестрашимый
Все искусство поведал битвы свирепой и пылкой
Иль построенье фаланги... Лиэй ополчался на битву -
Вот и они, кто шкуру на плечи грубую бросил,
Кто под львиною гривой густо-косматой укрылся,
Кто-то мехом пантеры решил украситься к бою,
Прочие, ветки сплетя, накидку себе сотворили
Эти вот шкуру оленью набросили быстро на спину,
Пеструю, словно небо звездное, и подвязали,
И над висками двойные, прямо над теменем круглым,
Высятся кончики только остро изогнутых рожек,
А на макушке на самой вóлос курчавится редкий,
По-над глазом раскосым... А ветер вставшие уши,
Быстрый и бурный, книзу, ко скулам их прижимает

Плотно косматым... Порыв - и хлопают уши о скулы
Громко! И конская грива струится вдоль хребтовины
Всей, выгибаяся после крестца хвостом прекосматым!
Были там и кентавры, схожие с человеком;
Был там и род косматый Феров рогатых, их Гера
Наделила обличьем иным, ведь древле потомки
Влажных наяд обладали обликом человечьим,
Дев, коих звали "Гиады", дщерей Лама-потока;
Феры Диева сына родимого крепко хранили,
Вакха-малютку, что только из швов отцовых явился,
Стражами верными были спрятанного Диониса,
Обликом же обладали обычным. Во мраке пещеры
Часто на руки брали дитя, качали в ладонях,
Детка шептала "папа!", смотря в обиталище Дия!
О, премудрый младенец! Вот притворился ягненком,
Только рожденным от матки, и прячется в самом укромном
Уголке овчарни, наденет руно густое
И заблеет тихонько, крик испуская овечий,
И прыжкам подражая козлиным, резво так скачет!
То он в ложном обличье женщины явится миру,
В пеплосе светло-желтом он кажется юною девой,
Ускользнуть лишь желая от Геры ревнивого взора,
Складывает он губы, будто дева лепечет,
Благоуханной повязкой кудри густые скрывает,
Рост и осанку таит в узорчатом покрывале,
А груди середину подвязывает повязкой,
Пояс девичий на бедрах укладывает как надо,
Цветом темно-пурпурный, хранящий чистую деву!
Только напрасна хитрость, ведь Гера с высот поднебесных
Все проницает оком всевидящим в этом мире,
Вот она и разгадала хитрости бога Лиэя,
И на Бромия стражей разгневалась: взяв изо дланей
Ночи цветок фессалийских лугов злоковарный, волшебный,
Сон она насылает на зачарованных стражей,
Морок она чудодейный над кудрями их распускает,
И, чело помазав зельем из корней зловредных,
Преображает облик в иной, уж не человечий!

Вот появляются уши длинные, признак породы,
Конский хвост всколыхнулся прямой над их поясницей,
Хлещущий прямо по бедрам существ с волосатою грудью,
А над висками взрастают бычьи рожки прямые,
Очи стали косыми под челом рогоносным,
Закурчавились гривой пышной над теменем кудри,
Челюсти удлинились, выросли острые зубы
И косматою шерстью покрылось от поясницы
И до стоп их тело вдоль всей хребтовины шерстистой...
Дюжина полководцев войском их предводила:
Шумные плясуны, Спаргéй и Гленéй; вместе с ними
Эвриби́ос ступает, Кетéй, друг лозы ненасытный,
А Петрéй Рифóна сопровождает, и парой
Áйсакос винолюбец с Ортáоном выступают,
С ними идут совокупно Амфи́темис с Фавном-любимцем,
С Фáнетом дивнорогим вместе идет Номéйон;
Здесь и другое племя Кентавров на бой ополчилось,
С Кипра: ибо Киприда бежала, ветра быстрее,
Не пожелав сочетаться с родителем страстью любовной,
Убоявшись в отце увидеть бесчестного мужа.
Зевс же отец, не в силах к любви принýдить беглянку,
Неуловимо и быстро бежавшую Афродиту,
Вместо ложа ее изливает семя на землю,
Брызнув ливнем горячим плодоносных эротов:
И земля восприяла брачные росы Кронида,
И извергла из бездны рогатое, странное племя!
Ополчившись, явились сюда воевать и вакханки,
Кто с меонийских склонов, а кто каменистые выси
Перейдя перевала высоких отрогов Сипила.
Горные нимфы в длинных хитонах, неистовы духом,
Выступили в поход воителей благотирсных,
Сроки жизни двойные жили они в этом мире,
Долог век их земной... Средь них и горные девы
Были Эпимелиды, что зорко овец охраняли,
Те, кто оставил рощи и заросли дикие леса,
Мелии, вместе с древом на свет изошедшие девы:

Все они ополчились, одни захватили с собою
Меднозвонный тимпан, принадлежность Рейи Кибелы,
Вьющимися плющами власы увенчали другие,
Препоясались третьи змей шипящих клубками;
Тирсами потрясая, лидийские девы, менады,
К ним примкнули, желаньем пылая с индом сразиться;
Силой могучей дышали боле всего Бассариды,
Всех неистовей были кормилицы Диониса!
Áйгла и Каллихóра, Иóна и Эвпетáла,
Вместе с смешливой Калúкой Бриýса, что ветра быстрее,
Девы Силéна и Рóда, и Эревтó с Окитóей,
Мéта, вакханка Акрéта, вместе с Хáрпой явились
С ярким румянцем Ойнáнта, с лядвеей белой Ликáста,
Стесихóра, Протóя, старуха с улыбкой приветной,
Вечно хмельная Тригúя, последнею вооружилась!
В ратях Вакха каждый вождь имел ополченье,
Но возвышался над всеми властью Эйрафиóтес,
Пыщущий пламенем молний, и выступал он на битву
Без щита или дрота бурного, меч за плечами
Не держал и шелома не возлагал на густые
Кудри, медью чело закрывавшего, но над главою
Извивался, сплетаясь телами гибкими тесно,
Грозный венец змеиный, виски кольцом охвативший,
Вместо поножей искусных, защищавших колена,
Белые ноги скрывали пýрпурные плесницы,
С плотным мехом небрида мощную грудь покрывала,
В пятнах-узорах, подобных узорам звездного неба,
В левой руке держал он рог с вином медосладким,
Златом отделанный тонко, из этого винного рога
Сладкотекущей струею влага лилася обильно,
Правой держал он изострый тирс в плюще темно-алом,
Грозно им помавая, на медноздaнной верхушке
Плющ кудрявился плотно, острое жало скрывая,
Чресла ж свои препоясал златою плотной повязкой...
Вот уж и Вакх облачился в жилище корибантийском
В вооруженье златое, сработанное искусно,
Покидает жилище, звенящее воплем призывным

Рейи, и оставляя Меóнию с войском вакханок
Горных, бог винограда идет средь бесчисленной рати.
Прямо вожди направляют воинства толпы густые,
Те же несут с собою отводки новые Вакха!
Мулы бредут вереницей, неся на своих хребтовинах
Нектара из гроздовья полные с верхом амфоры,
Плавно онагры ступают: на спинах их терпеливых
Темно-алые ткани, в пестром узоре небриды;
Для пирующих утварь вьючная тащит скотина,
Золотые кратеры, серебряные рукомойни;
В яслях, внушающих ужас, начали корибанты
К выям своих леопардов упряжь вязать ездовую,
И уздой плющевою львов они усмиряют,
Грозными удилами губы и челюсти вяжут;
Вот кентавр косматый уже готов и оседлан,
Сам пошел под уздечку, шею свою протянувши,
Сатиров резвых не мене охоч до терпкого хмеля,
Муж он до половины, а дале - конь; в нетерпенье
Ржет, желая скорее принять на круп Диониса...
Бог, поместившись в кузов увитой ветвями повозки,
Вдоль Сангария тронул, по фригийским пределам,
Мимо недвижной Ниобы, ставшей некогда камнем -
Камень, предвидя сраженье инда с богом Лиэем,
Слезы льет и стенает голосом человечьим:
"Не затевайте сраженья с богом, безумные инды!
С отпрыском Дия, страшитесь, как бы не превратили
Вас - так древле со мной Аполлон расправился! - в камень,
Не обратили бы распри ищущих в слезный источник;
Да не увижу тебя близ Оронта, индийского тока
Соименного, зять храбрейший Дериадея!
Рейя богиня во гневе, Лучницы гневной ужасней:
Вакха, Фебова брата, бегите! Страшуся заплакать
Боле при виде бедствий индов, чем собственных бедствий!"
Так промолвивши, камень снова замкнулся в молчанье.
Бог же лозы виноградной, оставив Фригии горы,
В Асканúю явился. Все населенье столпилось,

Каждому Иовакх предложил налитое гроздовье,
Каждый принял обряды и таинствам научился,
Выю отдав во владенье неодолимого Вакха,
Только покоя желая, а вовсе не крови в сраженье!
Столь рогатые рати страшны и ужасны вакханок,
Ополчившихся в битву. В честь всенощного Лиэя
Ночь напролет все звезды след огнистый чертили
В горнем просторе, и гром гремел неустанно ужасный -
Рейя так предвещала победу Индоубийцы!
Утром бог собирался наказать за гордыню
Воинов смуглокожих, избавить лидийца от рабства,
Жителя Фригии вместе с насельником Асканӣи
От ужаснейшей власти освободить и мучений!
Вестников двух посылает Вакх им, доставить скорее
Вызов на битву, пускай же или бегут иль сразятся!
Вместе с козлиным Паном те пустились в дорогу,
Богом, коего кудри брады всю грудь затеняли.
Резвоплесничная Гера густокудрявому инду
Меланею явилась, не прославлять виноградный
Тирс приказала богиня Астраэнту-владыке,
Не принимать во вниманье сатиров крик полупьяный,
Но в беспощадной битве противостать Дионису!
Молвила речи Гера предводителю индов:
"Слава тому, кто ужас вселяет в сборище женщин!
В битву ступай, Астраэнт, и ты, Келенéй, ополчися,
Медью изрежь изострой плющеносного Вакха!
Тирсом махать - не дроты метать! Келеней, опасайся
Гневного Дериадея, если кинешься в бегство
Перед врагом, столь ничтожным, войском изнеженным женщин!"
Так промолвила властно мачеха, прянула в воздух,
Гневом грозным пылая на доблестного Диониса.
Вот, наконец, посольство Бромия прибыло, только
Был Астраэнт неприступен, полон угроз, бессердечный,
Сатиров он быкорогих прогнал, а вместе и Пана,
Не почитая посольства мирного Диониса.
Робкие, обратились в бегство они и пустились

Вновь обратной дорогой к воинственному Дионису.
Бромий же выставил войско напротив индов враждебных.
И Келеней темнокожий увидел женские рати,
И ни мгновенья не медля, выстроил индов фаланги.
Астраэнт же отважный, битвенным пылом влекомый,
Встал у вод астакидских, шумно струящихся, с войском,
Натиска там поджидая бога лозы, Диониса.
330 [329]
Тут, как во всяком сраженье, когда встречаются рати,
Обе когда, влекомы вождями, сближаются к бою,
С воплем неистовым инды смуглые кинулись в битву -
Журавлям они стали подобны фракийским, бегущим
Зимних ливней секучих, коими полнятся тучи,
Птицам, что на пигмеев с воздуха нападают
Подле влаги тефийской и клювом своим изострым
Племя ничтожное губят сих невзрачных людишек,
После летят в облаках над струями Океана.
Тронулись в битву, навстречу врагам, безумные рати
340 [339]
Непобедимые слуги воинственного Диониса!
Бросились Бассариды шумной толпою. Вот эта
Поясом ядовитым из змей шипящих обвита,
Та - в плюще благовонном, кудри ее окружившем,
Третья тирс медножалый схватила крепко рукою,
Яростью обуянна, четвертая распустила
Волосы вольной волною, ничем не скрепив сии пряди,
Без покрывала она, меналида, и над плечами
Вьются, ветром влекомы, свободно кудри густые!
Пятая в роптры бьет и двузвонный шум раздается
350 [349]
И взвиваются кудри над косматой главою,
Эта вот в исступленье ладонями ударяет
В тяжелозвонную кожу огромного барабана,
Гулкие звуки рождая, подобные шуму сраженья,
Вместо копий - лишь тирсы, но сулицы лозовые
Прячут в плюще кудрявом лезвий медные жала!
Вот одна из вакханок, влекома к битве кровавой,
Повязала вкруг выи змей огромных и хищных,
Вот другая под грудью, как будто это одежда,
Пеструю шкуру оленью, в пятнышках светлых по шерсти,

360 [359]
Подвязала, оленя, что любит прыгать по скалам;
Подпоясалась дева шкурой узорчатой лани;
Эта львенка прижала косматогривого к грудям,
Укрощенного млеком, что лишь человеку прилично;
Та к непорушенным чреслам кольца змеи прижимает,
Сей невидимый пояс, плотно бедра обвивший,
Тихо шипящий... А если кто-то на деву хмельную
Посягнет, то хранят ее девственность бдительно змеи!
Вот скиталица горная мчится и скачет, босая,
Топчет шипы и сучья, и острые листья аканфа,
370 [369]
Твердо ступает ногою, сминая колючую поросль,
Вот, на верблюда взобравшись, на длинноногого зверя,
Наклоненную шею режет тирсом изострым,
И вслепую бегущий вперед еще по дороге,
Движется полуумерший зверь, спотыкаясь все чаще,
Скачет само собою безглавое тело верблюда,
Бьет оно тяжким копытом пыльную землю сухую,
И, наконец, на хребтину валится, в прах придорожный;
Мчится другая вакханка на горный луг со древами,
Где пасутся быки, одного за загривок хватает,
380 [379]
Рвет его шкуру руками, полными силой ужасной,
Толстую бычью шкуру она отделяет от мяса,
А другая в то время внутренности вырывает!
Видно, как третья менада без покрывала, сандалий,
Бесноватая, скачет прямо по каменным скалам,
Деву высот неприступность не страшит, и лодыжек
Голых о камни не ранит острые дева-вакханка!
Многие полчища были у астакидского тока
Истреблены сих индов, убиты железом куретов!
Вражеские порядки воители окружали,
390 [389]
Потрясая оружьем: они подражали движеньям
Плясовой со щитами, стопою в лад выступая.
Вот косматою дланью глыбу кустистую вырвав
С ближнего горного склона - так Леней ополчился!
Он во врага ее мечет, неровную, в строй ненавистный!
Битвенный клич испускает вакханка, и дрот виноградный

Мечет тотча́с Бассарида в смуглокожее войско -
Слабым тирсом повергнут муж, воитель могучий!
Да, от лозы смертоносной падает воин отважный -
400 [398]
О, Эвпета́ла воюет! - и так листвой виноградной
И плющевой железо насквозь пробивается в битве!
В бой идет Стесихора, благогроздная дева,
Вражье племя она крушит разрушительным гулом,
Коловращая с двойною медью кимвал тяжкозвонный
Сеча с обеих жестока сторон - вот свищет сиринга,
Битвенный клич испуская, авлос призывает к сраженью,
Буйно вопят Бассариды, к распре всех разъяряя,
Небосвод потемневший грохочет раскатами громов,
410 [407]
Будто бы голос Диев Лиэю сулит победу!
Разгорелася битва, и заалела от крови
Алчущая равнина, и в устье струй астакидских
Кровь убиенных индов слилась с волною озерной!
Бог же, чье сердце кротко, сжалился над врагами:
Опьянения даром наделяет он волны,
Белая пена влаги влагой вин пурпуровых
Востекает, струятся медленным сладостным медом
Волны, пьяня излияньем, преображенные воды
Благоуханием веют, дивный хмель источая,
420 [417]
Червью одев брега... Вот индов вождь отпивает
Некий и молвит сразу речь изумленную люду:
"Вот питье неземное! Оно и козьему млеку
Белому не подобно и не темно, как влага!
И на то не походит, что в сотах тысячеустых
Нам пчела сотворяет в воске благоуханном,
Разум же будто окутан облаком благовонным;
Если жаждущий муж, изнуренный жаром палящим,
Влаги журчливой в ладони зачерпнет, хоть и малость,
Жаждою распалится его иссохшая глотка...
Мед же способствует боле сытости быстрой... Тут чудо!
Это питье я желаю все больше! Ибо и слаще
430 [429]
Меда оно, не рождая пресыщенья у пьющих!
Геба! Чашу возьми! Виночерпия, Тросова сына,

Приводи за собою с кубками для Блаженных,
Дабы из волн медовых черпать сладкую влагу.
О, Ганимед! Для Зевса наполни скорее кратеры!
Други! Сюда! Вкусите от влаги медоточивой!
Мнятся мне горние выси, ведь там струится напиток
Сам собою, Зевеса питье или нектар небесный;
440 [437]
Нам подарили наяды в земных потоках такой же!"

Песнь XV

В песне пятнадцатой молвь о Ни́кайе светлораменной,
Звероубийце младой, гонительнице эротов!

После слова такого кинулись смуглые инды
Буйно в токи речные, текущие медом. Вот первый,
Встав подле брега, ступает в ил своими ногами,
Еле видный в тумане, омывшись водою до чресел,
Наклоняется, после выпрямив бедра и спину,
Он, сложивши ладони, медовую черпает влагу.
Вот другой подле тока страшною жаждой томимый,
В струи пурпурные влаги браду погрузив пред собою,
Грудь на обрывистый берег реки упирая и свесив
Голову, алчно впивает Вакхову влагу хмельную.
Третий же лег на землю, приникнув к рядоположной
Зыби и влажную длань оперев на берег песчаный,
Жаждущими устами пьет влагу, родившую жажду!
Воин другой, приспособив осколок вместо сосуда,
Черпает донышком битым от целой когда-то амфоры...
Вот и толпа устремилась - и пьет пурпурные струи,
Прямо из вод наполняя, текущих обильно и быстро,
Грубые плошки пастушьи... Тут у врагов начинает
Изливаться из глоток полных винная пена,
И пред глазами плывут и в мареве тают отроги,
Волны речные двоятся во взорах, вином замутненных!
А теченье потока плещет влагой пьянящей,
Заставляя крутиться водовороты от хмеля,
Берег душистый лижет ток хмельного прибоя...
Крепкие винные струи врагов допьяна напоили -
Вот уж некий индиец, разум теряя от хмеля,
Устремляется к стаду, прямо в заросль густую,
Там быка он хватает свирепого, тянет упрямо
За изогнутоострую пару рогов, пригибает
Дерзкой к земле рукою: бога рогатого, мыслит,

Диониса уводит в подъяремное рабство!
Лезвием острым кривого меча еще один воин
Горло козочки режет, любящей прыгать по склонам,
Ятаганом изострым и искривленным ей вью
Рвет, полагая, что пана рогатого убивает!
Третий рог твердоватый бычий срезает и мыслит:
Сатиров быкообразных сбирает обильную жатву!
Тот преследует племя изящнорогих оленей,
40 [39]
Видя шкуру оленью светлую в пятнышках пестрых,
Думает, что убивает Бассарид быстроногих!
Взор же его обманут сходством с небрид узорочьем!
Крови обильным потоком убитых животных окрашен
Панцырь смуглого инда, пятна повсюду алеют...
С грозным воплем воин к соседнему древу стремится,
Рубит побеги, заметив, что ветер весенний колышет
Листьев убор курчавый кроны округловетвистой,
И поражает дротом верхушку с плотной листвою,
Хворост и поросль сухую крушит и кромсает свирепо,
Мысля, что Диониса пряди густые срезает -
50
Бьется ж на самом деле не с сатирами, а с ветвями,
Наслаждается тщетно призрачною победой!
Вот охватило безумье других: вместо сулицы тяжкой
Вскидывает ратоборец за плечами висящий
Глухозвонный тимпан, и рокотом обоюдным
Откликается бычья кожа, отзвуком медным.
Тот, трепеща от рева свищущего авлоса,
Кружится в пляске безумной, стопою стопу оплетая...
Третий к устам притиснул, неопытный, лотоса стебель,
Силится выдуть авлоса мигдонийского клики...
60
Этот у ближней оливы древней прыгая резво,
Темно-зеленую ветку благородного древа
Рвет, напоенную соком, думает, будто за гриву
Он схватил Маронида, облитую винною влагой!
Прочие, шлемы надвинув, схватив ятаганы и копья,
Сопротивляться не в силах умом хмельному безумью,
Стали уже подражать щитоносных игре корибантов,
Бьющих буйно ногами о землю в пляске оружной,

Воздымающих длани кругом, яро гремящих
О щиты с обеих сторон, вращая железо!
Тут некий воин, завидев неистовство Музы святое,
Сатиров буйную пляску изображает невольно.
Ратник иной, заслышав шумный ропот тимпана,
Негой неясной томится и, обезумев от гула,
В сторону тул бросает грозный, о нем не заботясь,
Отдаваясь на волю буйства. Отряда индов
Вождь вдруг хватает за кудри вакханку со стройною выей,
Деву чистую алча повергнуть, палимый желаньем,
Наземь - вот уж и пояс девы, простертой во прахе,
Он дрожащей рукою на клочки разрывает,
Ослепленный надеждой тщетной... И тут-то внезапно
Прямо с девичьего лона змея на него устремилась,
В горло врага поражает, обвивши кольцами тела
Тесными выю его, как будто повязкою плотной...
Затрепетали колена - и в бегство вождь обратился
Смуглокожий, оставив втуне жало желанья,
Унося на плечах змеиное ожерелье!
И пока среди гор томимые жаждой бродили
Инды, сладостный Гипнос, раскинув широкие крылья,
Пал на зыбкие взоры индов неукрощенных,
Их усыпил, уязвленных в разум винною влагой,
Угождая во всем Пасифаи отцу, Дионису!
Вот уж один и навзничь во сне опрокинулся, ликом
В небо повернут, и сонный, пары выдыхает хмельные;
Тот головою тяжелой припал к брегам каменистым,
И, бездыханный, раскинул члены на гальке прибрежной,
Что-то бормочет, блуждая умом в сновидениях дневных,
Пальцами крепко сжимая виски и лоб в опьяненье;
Третий простерся ниц на песке зыбучем безвольно,
Обе руки вдоль бедер своих уронив как попало;
Сей, упершись руками, трясет головой, извергая
Винную пену, другой же, судорогой объятый,
Скрючился словно змея, когда она спит, отдыхая!
Часть отрядов враждебных в чаще лесной воевала -

Дремлет один под дубом, другой в изножии вяза,
Некий же воин свалился под падуб раскидистый набок,
Левую руку закинул на лоб, забыв о сраженье;
Множество воев окрест лежит, подобное груде
Мертвых, и оглашают небо пьяные всхлипы
Обеспамятших воев... Вот один, прислонившись
110
К древнему лавру спиною, носом клюет непрестанно;
Дремлют в цепкой дремоте другие на ворохе веток
Перистолистной пальмы и благоплодной оливы,
И ветерок лишь колеблет над ними верхушки деревьев.
Вот иной, что простерся во прахе почвы зыбучем,
Пальцами ног во влаге полощется быстрого тока;
Тот, непривычный ко хмелю, пляшет и плещет в долони,
После главой тяжелой к сосне соседней приткнувшись
Этот хрипит и к жилам набухшим лба потянулся...
120 [119]
Видя врагов уснувших, с улыбкою изрекает
Бромий-владыка слово, полное силы могучей:
"Слуги-индоубийцы властителя Диониса,
Битвы довольно, и в узы тесные индов ввергайте,
Всех плените, и капли крови уже не проливши!
Пусть, колена склонив пред могущественным Дионисом,
Инд послужит отныне неистовой матери Рейе,
Тирс виноградный вздымая! Пусть на ветер он бросит
Из серебра поножи! Пусть пляшет в алых плесницах,
130 [128]
Пусть ему лоб увенчают плющевыми венками,
Сбросив высокогривый шлем со стриженых кудрей!
Битвы бряцанье оставят пускай и бурные вопли,
"Эвоэ!‟ да воскликнут в честь гроздоплодного Вакха!"
Так он изрек - и слуги спешат: вот один окружает
Выю врага кольчатой гирляндой из змей ядовитых,
После прочь увлекает мужа с таким ожерельем;
Тот за браду витую хватает косматого воя,
Тащит за плотный волос заросшего густо подбрадья;
Этот к главе кудрявой тянет пальцы поспешно,
140 [138]
Тянет его за кудри изловленного без ловушек!
Третий, крепко опутав руки врага за спиною,

Гибкою ветвью ивовой стянул ему петлю на шее;
Вот шатается старый Мáрон, подставивший плечи
Под опьяненного инда недвижимо-тяжкое тело;
Кто-то метателя дротов пленил, побежденного дремой,
Вяжет лозою, а после располагает в повозке,
Увлекаемой парой пятнистою леопардов;
Этого спящего толпы вакханок, связав над затылком
Пясти лозой нерушимой, влекут уж на хребтовину
150 [148]
Зверя-слона, что ноги сгибать не умеет в коленах.
Прочие скопом взялися за перевязи тимпана,
Плотно обвившие плечи инда, чтоб влечь его дальше;
Вот одна Бассарида, посох отбросив пастуший
(Видно, ум потеряла в этом неистовстве бурном!)
Инда хватает, что в море глубокопучинном богатства
Ищет - и тащит его за кольца кудрей густые
К игу тяжкому рабства; вот, вдохновленный Лиэем,
Тянет в прекрасном доспехе врага Эрехтей, что в железо
Весь закован, на вые собственной! Вот и вакханка,
160 [158]
С гор пришедшая, гонит стадо слонов (ведь хозяин
Хмелен), зверя со шкурой темною хлещет нещадно;
Вот Хименайос колеблет щитом прекрасным из злата,
Златощитного воя оружья лишивший, и гордо
Вакх на отрока смотрит взором безумнолюбовным,
Отрок же весь сияет в доспехе, чей дремлет хозяин...
Юноша в блеске оружья, сверкающего лучезарно -
Словно ликийского Главка доспех золотой получивший,
Ослепляющий войско Диомед несравненный!
170 [167]
Прочих воинов вражьих в плен забрали вакханки,
Сном глухим обуянных, сладким вином отягченных!
В этих местах лесистых, уединения полных,
Средь подруг астакидских, выросшая вместе с ними,
Никайя расцветала, новая Артемида,
Страсти любовной чуждалась, не ведала Киферейи,
Только зверей стреляла да по ущельям скиталась,
Не таяся в светлице чистой, словно девица,
Нет, средь склонов скалистых, в местах пустынных и диких
180 [176]

Луком играла, не прялкой, в дебрях глухих да чащобах
Вместо веретена забавлялась пернатой стрелою,
Жерди да ловчие сети - утварь сей гордой Афины!
С Лучницей чистой делила она труды и заботы,
В скалах силки расставляла, их дева больше любила,
Чем веретенные нити, но никогда не стреляла
Дева в пеструю шкуру молодого оленя
И никогда не гонялась за горной козой или зайцем,
Нет, окровавленной плеткой (после их укрощенья!)
Львов косматогривастых по желтым спинам хлестала,
190 [186]
Или копье поднимала против медведиц свирепых -
Лучницу часто бранила, что стрелы издали мечет,
Что и пантер пятнистых, и племя львиное вместо
Ланей никчемных в повозку свою она не впрягает...
Не заботили деву притиранья и вместо
Меда она любила родники средь утесов
С ледяною водою, и после тяжкой охоты
Часто предпочитала жилищу простую пещеру,
Часто после скитаний и рысканий по долинам
В логове оставалась пантеры или в скалистой
200 [196]
(Зноя спасаясь полудня) лежке львицы родящей.
Самка же только смотрела и только щурилась кротко,
Деву лизала, из пасти клыки она убирала,
Словно псица скулила и из прожорливой глотки
Легкий рык раздавался, когда появлялся детеныш -
Мыслила, видно, львица, что тут сама Артемида...
Лев же с косматой главою тихо наземь ложился,
Вытянув шею смиренно, и он склонялся пред нимфой;
В этих же самых горах и некий пастух обретался,
210 [205]
Был он и строен, и ладен, ровесников превосходней,
Звался же Хймносом. В чаще дикой и непроходимой
Выпасал своих телок дивных рядом с юницей,
Посох сжимая в руках пастуший... И вдруг погрузился
В бездны страсти любовной, пасти стада отказался,
Словно Анхйс розоликий, коему древле Киприда
Выпасать приказала горных быков белоснежных,
Поясом вместо бича погоняя... Так, подле чащобы

Белокожую деву быкопас вдруг заметил:
Боле его не волнует стадо, и вот уж телица
В поисках сочной травки оказывается в болоте,
220 [216]
Бывшего пастыря не видит уже, отдалившись;
Вот уж уходит другая телка в дальние горы
В поисках пастуха, а юноша в полном забвенье
Видит лишь облик милой с ямочкою над ланитой,
А злокозненный Эрос все более распаляет
Страсть уколами стрелки: далёко по склонам скалистым,
Там, где охотница-дева мчит, на бегу недоступна,
Ветер легкий, игривый хитон ее раздувает,
230 [224]
Белые видятся бедра, гладкая кожа светлеет,
Дева лилия словно, словно цветок анемона
Среди роз алоцветных - так светла и прекрасна!
Юноша, весь пылая, взором ненасытимым
В смутные очертанья вперяется под одеждой
Спрятанных белых бедер, алчет ласки, и видеть
Хочет пряди прически, разметанные ветерками
В разные стороны бурно (взметнулись волосы зыбью!),
О, как сияет под ними обнаженная шея!
Отрок часто бродил по горам высоким вслед милой:
240 [234]
Проверяет ли сети дева иль лук напрягает,
Или бросает дроты, в нем пыл любви пробуждая
Смотрит на белые руки любимой юный влюбленный:
Если ж она натянет лука изгиб рогового,
И обнажится локоть, то взор устремляет украдкой
И следит напряженно за белолокотной девой;
Зренье его направляют непрестанно эроты:
Так ли, как Никайи руки, длани светлеют у Эос?
То, устремивши с тоскою на запад взгляд, проверяет:
250 [243]
Так ли дева сияет красой, как богиня Селена?
Юноша, прямо под сердцем носивший рану эротов,
Близко ль, далеко ль он был, но мыслил только о милой -
Вот она метко мечет в медведицу горную дроты,
Вот она львиную шею дланями ухватила,
Сим обоюдным объятьем явив немалую силу;

Вот во влаге струистой пот и грязь омывает
Полускрыта водою, но боле всего он запомнил
Одеяние, ветром приподнятое выше бедер,
260 [252]
Грудь ее, что колебалась, точно цветок от дыханья...
Помня об этом он молит счастливоблаженные ветры
Снова и снова взвевать глубокие складки хитона!
Юноша, неустанно пасущий рогатое стадо,
Вдруг увидев рядом охотницу с гордою выей,
Выкрикнул ей такие, ревности полные, речи:
"Ах, отчего я не сети, не дроты, не острые стрелы!
Если бы стал я дротом, зверей убивающим, дева
Трогала б дланью своею меня! Ах нет, превратиться
270 [261]
Мне б в тетиву из бычьих жил - я б часто касался
Грудей ее белоснежных, девичьих не знавших повязок!
Агница ты! Телица, чью грудь ничто не стесняет!
Милая! Счастлива сулица - ты ее носишь! И стрелы
Счастливей Химноса, только овчее пасшего стадо,
Ты их касалась рукою, рождающей страсти желанье!
К ловчим сетям счастливым, хоть и безмолвным, ревную!
Ах, и не только к ловчим сетям вожделею, но также
Луку завидую горько, безмолвному также колчану!
Если бы в знойный полдень в источнике, будящим страсти,
280 [271]
Плоть омывающем, деву гордую я бы увидел!
Да, о телица моя - и без ревнивой одежды!
Что над моею судьбою не сжалишься, Киферейя?
Я Тринакйи не знаю, я стад не видал в тех пределах,
Гелия разве быков пасу я на этих отрогах?
Мой отец и не ведал тайного ложа Арея!
Не презирай меня, дева, хотя выпасаю я стадо -
Не пастухи ли всходили на ложе блаженных Бессмертных?
Розоволикий Титон ходил в быкопасах - повозку
Из-за красы забрала лучезарная хитчица Эос!
290 [281]
И виночерпий Дия был быкопасом, всевышний
Зевс восхитил на небо его в когтях осторожных!
Ах, приходи же к стаду бычьему и получишь
Ты, вторая Селена, второго Эндимиона!

Дроты оставь и пастуший посох прими, и скажут:
"Химноса бычье стадо пасет Киферейя-богиня!‟"
Так он рек, умоляя - в отчаянье бил он рукою
Обессиленной бедра, боялся открыться ей в страсти,
Всюду ходил за нею, свое проклиная молчанье.
Вот, наконец, эроты подмогу и мужество дали:
Никайи он оружье охотничье поднимает,
Бурную пику, томимый сладостнейшим желаньем;
Гнев презирая девы, колчан легчайший хватает;
Сети с силками целует, ее недвижные стрелы,
Острием смертоносным свои уста он ласкает,
В пылком порыве он стрелы к груди прилагает истомной!
Слово такое молвит голосом бездыханным:
"Ради Пафийки, дубравы, воскликните, как и во время
Пирры и Девкалиона, речи для девы безумной!
Дафна милая, дай же услышать стон твой древесный!
Если бы Никайя прежде жила, Аполлон бы пленился
Ею, и не превратилась ты бы, Дафна, во древо!"
Так он сказал и деве стал играть на сиринге
Томно-любовную песню, поведавшую о страсти...
Над пастухом посмеялась дева зло и сказала:
"Словно песнь для Пафийки Пан распевает прекрасный -
Часто он страсть прославлял - но не стал возлюбленным Эхо!
Сколько же Дафнис старался! Но только чем больше он тщился,
Тем быстрее бежала дева к отрогам укромным,
Бегством спасаясь от песен подпаска... И сколько старался
Феб в своих песнопеньях - да с Дафной не преуспел он!"
Бурную пику, молвив, она пастуху показала.
Он же, сладким томленьем охваченный страсти любовной,
Не разумел, сколь жестока была сия амазонка,
И перед гибелью скорой молвил снова, стеная:
"Умоляю: метни же милый свой дрот белоснежной
Дланью, убей - наслажденьем мне будет погибель! Нет страха
Ни пред мечом, ни пред дротом твоим, о бегущая страсти!
Пусть поскорее приходит погибель, неся мне свободу
От всеязвящего жала Эроса, жгущего сердце!

Смерть! Умереть я желаю! Ах, если б стрелою своею,
Лучница, вслед за Кипридой и ты бы меня уязвила,
Ради Пафийки молю я не в горло лезвием метить,
Дрот погрузи мне в сердце, где спрятались жала эротов!
Нет же... пусть будет горло! Не поражай меня в сердце!
В новой ране нет нужды! Если тебе так приятно,
Пусть другое оружье будет: земля меня примет,
Раненного огнем, низвергнутого железом!
340 [329]
Жалкого сразу прикончи! Стрел не жалей с тетивою!
Сладостно и железо, коль ты его тронула дланью!
Сам я себя вместо цели подставил, взором любовным
Светлую длань озираю, наложенную на стрелы,
Сладостную тетиву натянувшую до отказа,
Что до розовой груди правой легонько коснулась!
Гибну по собственной воле, жалкая Эроса жертва!
Не защищаюсь от смерти, облака стрел не боюся,
Только и вижу, как снеги белые нежные руки
Вожделенные мною стрелы и лук ухватили!
350 [339]
Что ж, мечи из колчана в сердце мне все свои дроты,
Смертоносные жала в меня посылай, ибо горше
Ранят стрелы иные острием огнежальным!
Если убьешь из лука, зачаровавшего сердце,
Дева, кострам погребальным не вверяй моей плоти,
Ибо я не желаю иного огня! Только, дева,
Скрой под сладостным прахом собственною рукою
Тело, подай же милость последнюю, дабы сказали:
"Сжалилась дева над павшим от длани ее!‟ Над могилой
Не клади ни авлоса, ни сладкозвучной пектиды;
360 [349]
Посоха пастуха, сего знака занятья, не надо!
Но возложи над гробницей только свой дрот смертоносный,
Дрот, что кровью моею окровавлен злосчастной!
Дай мне последнюю милость такую, и над могилой
Набросай ты нарциссов (знак жертвы страсти любовной)
Или крокусов милых, иль Милакс цветов полюбовных,
Или весенних цветов - быстротечных брось анемонов,
Возвестивших бы краткость жизни моей и цветенья!
Если ты рождена не морем жестоким иль камнем,

Слезы пролей скупые, чтоб их необильной росою
370 [359]
Увлажнилась поверхность ланит румяных и милых;
Собственною рукою выведи киноварь буквиц:
"Химнос пастух упокоен тут, отказавши от ложа,
Никайя дева убила его и сама схоронила‟".
Рек он - и в то же мгновенье Никайя рассвирепела -
Крышку срывает с колчана, полного стрел смертоносных,
И пернатую точно в цель направляет, согнувши
Рог округленный лука с тугою на нем тетивою!
Стрелка летит, точно ветер, прямо пастырю в горло -
Он же еще говорил! - и пернатая неумолимо
380 [369]
Преградила, вонзившись, лившейся речи дорогу!
Не неоплакан был мертвый юноша - проклиная
Никайю-мужеубийцу, горные нимфы стенали,
Разливаясь слезами по Химносу, в пенном жилище
Плакала дочь Риндакида, что без плесниц над водою
Странствовала, наяды плакали, в близком Сипиле
Камень Ниобы слезами полнился преизобильно;
Некая нимфа-юница, не знавшая брачных эротов,
Буколи́она ложа еще не спознавшая дева,
390 [378]
Абарбаре́йя-наяда убивицу часто бранила,
Горестный вопль поднимая; не менее, чем Гелиады
Над Фаэтоновой смертью, слез они горьких излили!
В неукротимое сердце девы-убийцы взглянувши,
Лук свой забросил Эрос и в честь пастуха дал клятву,
Противоборную деву бросить на грудь Дионису!
Даже бесслезная древле, воссевшая в львиной повозке,
Рейя Диндимйда, владычица, матерь Зевеса,
Плакала над пастухом; погибель Химноса злую
Эхо оплакала, дева, враждебная свадебным узам!
400 [388]
Голосили дубравы: "В чем же пастух провинился?"
Ах, да осудят тебя Киферейя и Артемида!
Видит все Адрастейя: видит и деву-убийцу,
Видит Адрастейя и плоть, умерщвленную медью,
И показавши на тело усопшего Кипрогенейе,
Эроса проклинает. И в густолистной чащобе

Бык по Химносу плачет, скорбит и слезами исходит!
Застенала телица, и яловица стенает
Над пастухом убитым, и мнится, все возопили:
"Умер красавец-пастырь - красавица погубила,
410 [398]
Столь желавшего девы дева убила, наградой
Вместо любви - погибель, кровью его обагрила,
Дева оружья железо, угаснул пламень эротов!
Умер красавец-пастырь - красавица погубила,
Нимф она в горе повергла, отрогам и долам не вняла,
Ах, не услышала вяза, глуха и к сосне осталась,
Что говорила: "Стрел не мечи, пастуха не повергни!"
Химноса волки жалели, свирепые звери медведи,
Слезы у львов из очей лилися, внушающих ужас!
Умер красавец-пастырь - красавица погубила!
420 [408]
Горных пастбищ ищите других, о быки и телицы,
Гостеприимства отрогов других - любовь погубила
Пастыря дланию девы! Куда же путь мне направить?
В чащу какую? Прощайте, луга, прощайте, долины!
Умер красавец-пастырь - красавица погубила!
Горы и долы, прощайте! Прощайте, ключи и истоки!
Гамадриады, наяды - прощайте!" Пан козлоногий
С Фебом заплакали горько: "Авлос да погибнет навеки!
Где Немесида с Кипридой? Эрос, оставь свои стрелы!
Пенье оставь, Сиринга! Погиб сладкогласый пастырь!"
430 [418]
Кровь злосчастного, жертвы невинной, родимой, милой
Феб показал сестре - и взрыдала сама Артемида,
Химноса участь жалея, над страстью жалкого плача!

Песнь XVI

В песне шестнадцатой свадьбу Ни́кайи воспеваю,
Спящую крепко подругу неспящего Диониса!

Но не осталась без мести злосчастного пастыря гибель!
Взяв и лук свой, и стрелы, таящие жала желанья,
Эрос невидимый, быстрый направился к Дионису,
Что отдыхал на гальке песчаного брега речного.
Ловкая Никайя после охоты, привычного дела,
Грязью и потом покрывшись от блужданья по скалам,
Тело омыть возжелала в струях горных потоков.
Не терял ни мгновенья Эрос далекоразящий, -
На тетиву налагает стрелку с зазубренным жалом
Быструю, лук натянувши, шлет ее в сердце Лиэю!
10 [11]
По оперение стрелка в грудь погрузилась, и в струях
Дионис вдруг увидел плывущую деву нагую...
Сладостное возгорелось в нем желанье от дрота!
И куда б ни пошла охотница, всюду за нею
Следовал бог, взирая на вьющиеся по ветру
Пряди волос густые, что на бегу полоскались,
То, когда развевались кудри, он выей нагою
Любовался, как будто сияньем богини Селены.
Сатиров он позабыл, позабыл забавы вакханок,
Взоры подняв к Олимпу Вифинскому, молвит влюбленно:
20 [21]
"Ах, последую всюду за сладостным бегом любимой,
Вслед колчанам и стрелам, мне милым, и ложе сей девы
Выслежу, выведаю, где льет она благовонья!
Сети ее проверю с силками собственной дланью!
Стану охотником тоже, губить привычных оленей!
Если меня изругает гневная амазонка,
Изливая потоки женских угроз и попреков -
Я припаду к коленам гневной юницы с мольбою,
Милое тело лаская нежною дланью своею,
Но не с ветвью оливы! Се древо богини Афины
30 [31]

Девственной и неподвластной страсти! Вместо оливы,
Горькой и маслянистой, медовосладостной нимфе
Дам лозы виноградной с медовосочащейся гроздью,
Дабы смягчить ее сердце... Если гневна она будет,
Крутолукая, пусть меня копьем не пронзает,
Пусть не язвит меня дротом, ах, пусть только ударит
В грудь мою побольнее своим изогнутым луком,
Я же, влюбленный, не стану сопротивляться - коль хочет,
Пусть мои кудри густые терзает милою дланью,
Тело мое увлекая - согласен! - за кудрей гроздовье!
40 [41]
Деве не воспротивлюсь, приму я вид посердитей
И ее правую руку своей обхвачу я покрепче,
Белые эти рамена в свои приму я объятья!
Вот утешенье Киприды в трудах! Ибо отроковица
Всю красоту с Олимпа похитила... Керна, прощенье!
У Астакиды явилась вновь розоперстая Эос!
Да, иная восходит звезда светоносная, ликом
Неизменная Никайя новой явилась Селеной!
Страстью томясь, я хотел бы в тысяче ликов явиться:
Если б почтения я пред отцом высочайшим не чуял,
Я бы тельцом, плывущим сквозь тирийские зыби,
50 [52]
Никайю нес на хребтине (она бы и волн не касалась!),
Мчался, как муж Европы, и даже как будто невольно
Поколебал бы спину, чтоб, испугавшися, дева
Белоснежной десницей за рог ухватилась скорее!
О, я бы стал пернатым супругом! Я б в небо поднялся,
Унося в поднебесье плавным полетом подругу,
Словно Кронид - Эгину! Ведь в высях после союза
Этого новый явился свадебный светоч эротов!
Нет, моей нареченной отца не ударю перуном,
Не принесу погибель в подарок свадебный страшный
60 [62]
Дочери, дабы сладкой Никайе горя не видеть!
Птицею благокрылой и мнимой я стал бы, ведь дева
Наша милая любит оперенные стрелы!
Нет! Я завидую больше влажной страсти Данаи:
Как я желал бы супругом быть и дождем златоносным,
Одновременно и мужем, и брачным даром излиться,

Ливнем любви золотым, ручьями росы изобильной!
Ибо на Никайю он, прекрасноокую дочерь,
На золотую - прольется ее супруг златоносный!"
Так он, безумствуя в страсти, стонал и стенал исступленно...
70 [72]
Вот, блуждая однажды по благоуханному лугу,
Бог увидел, что все цветы распустились и вспомнил
Светлую деву, и плакал, и жалобами изливался:
"Никайя, снова иду я о красоте твоей молвить!
Ах, неужто в цветок краса твоя переместилась?
Алостью роз восхищаясь, твои вспоминаю ланиты,
Только цветут непрестанно розы твои... Анемоном
Ты расцветаешь и вечно цветет он в тебе, и не вянет!
Лилии напоминают твои белоснежные пясти,
Глядя на гиакинфы, я вижу темные кудри!
80 [82]
Дай мне пойти на ловитву с тобою, а коли желаешь,
Сам я сладкое бремя снастей понесу, захвачу я
Плащ для охоты и лук, и стрелы, что будят желанье!
В сатирах я не нуждаюсь! Разве по дебрям и чащам
Сам Аполлон не носил ли силки ненаглядной Кирены?
Что ж в том дурного, коль сети сам понесу? Мне нетрудно
На плечах понести и Никайю-отроковицу!
Мне подражать незазорно отцу: не над пенной ли влагой
Бык мореходный Европу пронес, и одежды на деве,
Не замочив? О, милая! В чащах искать наслажденья?
90 [92]
Ах, смотри, не разбейся! Пускай эти камни и скалы,
Став твоим ложем, и тела милого не поранят!
Буду, коль пожелаешь, постельничим! В доме девичьем
Обустрою все ложа и все постели поправлю,
К шкурам пантер пятнистых добавлю собственноручно
Мéха львов гривастых, что гуще на хребтовине,
Собственную небриду сниму, упокоишься сладко,
Вся укрыта небридой самогó Диониса!
Сверху тебя я прикрою руном козы мигдонийской,
С сатиров снял я его... Нужны тебе псы-ищейки?
100 [102]
Дам я тебе, не помедлив, свору буйную Пана,
Призову и другую, из Спарты, для милого только

Аполлон Карнейский воспитал этих псов быстроногих;
Призову я и свору охотничью Аристея;
Дам с ловушками сети и то, что понравится больше:
Номия или Агрея сапожки, знаток ведь издревле
Он в искусстве пастьбы и в хитростях псовой охоты!
Коли ты зноя боишься иссушающих полдней,
Насажу я вкруг ложа мои виноградные лозы,
Будешь впивать в опьяненье веянье благоуханья,
110 [112]
Посередине покоясь многогроздного крова!
О, скиталица дева! Сжалься над собственным ликом!
Не подставляй Фаэтонту ланит, лучезарному зною,
Не дозволяй под лучами Гелия коже смуглиться,
Да ни единой пряди пусть суховей не иссушит,
Спи средь розы побегов, на лепестках гиакинфа,
Голову оперевши на ближний ствол кипариса,
Дабы четыре бога в веселии соединились,
Зефир и Феб с Дионисом, а также богиня Киприда!
Дам я тебе в услуженье индов род смуглокожий,
120 [122]
Дабы за домом смотрели... Но отчего это племя
Слугами дóлжно назначить у ложа брачного девы?
С Ночью темно-покровной сольется ль лучистая Эос?
Новая ты Артемида у вод астакидских! Я свиту
Дам в шестьдесят служанок, чтобы плясали и пели -
Нет! Пусть несчетная свита вечно тебя окружает!
Эта свита сравнится со свитой Лучницы горной,
Будет подобна свите дочерей Океана,
Дабы Охотница-дева не ревновала к любимой,
Дам охотно Харит из божественного Орхомена
130 [132]
В услуженье, детей моих, отнятых у Афродиты!
Сердце суровое страсти предай! От деяний ловитвы
Тяжких приди же на ложе мое! Ведь на склонах скалистых
Ты - сама Артемида, а в спальне - сама Афродита!
Нет, не позорно ловитвой заняться с богом Лиэем!
Хочешь как амазонка биться луком преславным -
Выступишь с войском на индов, восстанешь словно богиня
Убежденья, Пейтó - а в битве самой как Афина!
Коли желаешь, получишь и тирс ланебойный Лиэя,

Станешь оленеубийцей! И собственными руками,
Собственными трудами мою украсишь повозку
140 [143]
Подъяремного львицей и леопардом пятнистым!"
Рек - и пустился в погоню за девой, мелькающей в скалах,
Восклицая: "О дева, останься с Вакхом влюбленным!"
Только она разразилась во гневе неистовой речью,
Яростные уста извергли брань на Лиэя:
"Прочь! В любви объясняйся какой-нибудь неженке-нимфе!
Уговоришь Светлоокую Деву иль Артемиду -
То и в Никайе дикой верную сыщешь подругу!
Ибо подобна обеим богиням она, ведь отпрянет
150 [152]
От непредвиденной свадьбы не знавшая родов Афина;
Ты ведь не очаруешь Лучницы неприступной,
Пояса не развяжешь Ни́кайе Нет, не увижу
Длани твоей на луке охотничьем или колчане!
Как бы за Химносом вслед и тебя я не укротила!
Неуязвимого бога, Диониса я раню!
Коль не под силу железу плоть, коль бессильны и стрелы,
Вспомню я мощногромных отпрысков Ифимедейи -
О, заключу тебя в узы из нерушимейшей меди,
Единокровному брату подобно, будешь ты в медной
Заперт амфо́ре Арею вослед и мною удержан,
160 [163]
До поры, пока лун двенадцать полных не минет,
Ветрами не поразвеет пыл твоей страсти любовной!
Нет! Не смей и касаться страстною дланью колчана,
Лук этот мой! У тебя же тирс! На брегах астакидских
Стрелы во льва и вепря мечу я, с самой состязаясь
Артемидой-богиней! Ступай же к отрогам ливийским
Ланей преследовать, словно ты ловчий самой Афродиты!
Ложе твое мне противно, хоть ты и от Диевой крови!
Если б желала я бога в мужья, то не с женскою гривой,
Без оружья, без силы, расслабленного наслажденьем
170 [173]
Диониса, о нет, охранял бы мне брачное ложе
Дальновержец преславный или Арей меднолатный!
Первый бы мне на свадьбу лук подарил, а второй же -
Меч! Но из всех Блаженных я никого не желаю,

И отнюдь не пылаю назвать своим зятем Кронида...
Так что, мой Вакх, другую зови своею невестой!
Мчишься куда? Напрасно! Так тщетно некогда Дафну
Гнал Летоид, так Гефест за Афиной гнался напрасно!
Мчишься куда? Бесполезно! Ибо в скалистых отрогах
Сети или силки твоих мне милее котурнов!"
180 [183]
С этою речью Вакха она оставляет. Но в чащах
Гонится бог неустанно за нею, дикаркой, в скитаньях
Не оставляет Лиэя мудрый пес тонконюхий,
Коего Дионису, любящему ловитву,
Пан круторогий в подарок дал, воспитатель ищеек!
И к наделенному речью и разуменьем отменным,
Спутнику по ловитве, сочувственнику по мученьям,
Вакх, обезумев от страсти, слово милое молвил:
"Что ж ты, о пес мой ловчий, сопровождаешь Лиэя?
Пану, томимому страстью вечной, ты служишь, так что же
190 [193]
Отроковицу гонишь вместе с гонителем Вакхом?
Разве же твой хозяин учил сострадать тебя страсти?
Что ж, любимую мне отыщи! Среди скал и отрогов
Бромия не оставляй одного блуждать да скитаться!
Ты лишь меня не бросил и мне сострадаешь как смертный,
Рыщешь, узнать пытаясь, где милая может таиться
Так послужи, и почесть получишь великую сразу
Ты в награду, и там, где Сириус, Майры светило,
Будешь сиять созвездьем на поясе неба высоком
Подле Первого Пса, ускоришь ты созреванье
200 [203]
Грозди, твоим же сияньем высушит кисть винограда!
Что же дурного в Третьем Псе? Все в мире заметят
Бег неустанный и скорый за быстрым Зайцем небесным!
Ах, за меня укори целомудренную юницу,
Рыскаючи по Кибелы дебрям всевидящим оком:
Страждущего божества избегает смертная дева!
Ах, укори ты обоих - Адониса и Киферейю,
Ах, гони по отрогам зыбкую странницу Эхо,
Дабы не отвратила возлюбленную от страсти,
Дабы похоти Пана злосчастного деве не ведать,
210 [213]

(Вдруг божество насильно любимою овладеет?)
Если отыщешь ее - беги, соглядатай безмолвный,
Дионису скорей сообщить иль рычи потихоньку!
Стань посланником страсти! Пусть другие по следу
Гонят львов или вепрей на склонах отвесных отрогов!
Пан мой! Тебя назову я блаженнейшим из Бессмертных,
Ибо псы твои сами возлюбленных пригоняют!
Ах, многоликая Тюха, ты племенем смертных играешь,
О всевладычица, сжалься, не только людьми ты владычишь,
Власть у тебя и над зверем! А псинка несчастная эта
220 [223]
Пану влюбленному службу несла, теперь - Дионису1
Деву браните, дубравы! Молвите милой, о горы:
"Псам влюбленного жалко - не амазонке жестокой!"
И средь собачьего рода есть умйые, коим Кронион
Дал человеческий разум, но голосом не наделил их!"
Так говорил он, стеная, и голос до кроны ветвистой
Древа достиг. Услыхала стенания Диониса
Древняя нимфа Мелйя и стала над ним надсмехаться:
"О, Дионис! И другие вздыхатели посылали
Лучнице вслед всю свору - за тщетной Кипридою мчишься!
Ах, прекрасный влюбленный, нежной грозишь дикарке?
Бромий бесстрашный в рабство попал, молящий, к эротам!
230 [235]
Дланью, низвергнувшей индов, он молит слабую деву!
Твой родитель не ведал, как лестью любовною к ложу
Или к страсти склонить уже покорную нимфу!
Не умолил он Семелу - заставил повиноваться!
Не убедил и Данаи с девственностью расстаться!
Знал ты союз Зевеса с супругою Иксиона,
Их лошадиное ржанье, их любовные игры;
Игры знал Антиопы по всем законам эротов;
Знал и сатира облик, представленного супругу!"
Так дриада смеялась над сердцем робеющим Вакха,
240 [245]
Спрятавшись среди древа-ровесника. Снова по скалам
Гнал Дионис, пылая страстью, резвую деву,
Нетерпеньем сгорая. А быстрая амазонка
На неприступные выси каменных гор взобралася,
Сбив умело со следа рыщущего Диониса.

Знойный жар Фаэтонта, что тело бичует лучами,
Жаждою неукротимой уста иссушает юницы.
И, не ведая хитрость влюбленного бога Лиэя,
Видит златые воды она бурливого тока -
Пьет она сладкие струи как пили их смуглые инды...
250 [255]
Ум помрачился девы, слабеет отроковица,
Клонится головою она то вправо, то влево,
Кажется ей и мнится, что озеро вдруг двойное
Встало перед глазами, чело тяжелеет, пред взором
Вдруг поплыли вершины родимых гор звероносных,
Уж подогнулись колена и наземь она опустилась
Будто сама собою, и Гипнос возносит на крыльях
Деву... Так погрузилась она в томление страсти!
Эрос дикарку увидел и показал Дионису,
Гипносу помогая, Немесида смеется!
260 [265]
И Дионис хитроумный на бесшумных котурнах
Осторожно ступает, к возлюбленной приближаясь.
К отроковице подходит, стягивает повязки,
Что хранят ее чресла, узлы на них разрешает
Осторожным движеньем, сон опасаясь нарушить.
Гея распространяет благоуханье над ними
Сада, способствуя этим страстному Дионису.
Быстро свиваются стебли гуЛой лозы виноградной,
Переплетаются грозди тяжелые, сверху свисая,
Ложе листва затеняет, в едином порыве гроздовье
270 [275]
Отовсюду скрывает благоветвистое ложе...
И, где ни глянешь, трепещут виноградные грозди
Под ветерками Киприды, друг с другом переплетаясь,
Льнут друг к другу любовно, и ветви лозы кудрявой
Рвутся, полны желанья, вверх, собой опьяняя
Вьющийся плющ сопутный, карабкающийся по стеблям...
Так лукавая свадьба во сне свершается, в дреме:
Гипнос ей помогает и дремлющая юница
Девственность потеряла... но зрела друга эротов,
Гипноса, в шествии чудном, обманута опьяненьем!
280 [285]
Там и сосна в лесу, обуянном священным безумьем,

Пляшет сама собою, слагая песню эротам,
В небо летящую песню этого горного брака,
Целомудренной речью нимфы повторенной Эхо,
Пана подруги, что вечно отзвук рождает... Танцуя,
Флейта поет в изумленье, "Гимен! Гименей!" восклицая,
"О желанная свадьба!" - сосна отзывается звонко.
Ветром влекома, душа пастуха несется, трепещет,
Деву она укоряет, громко крича в сновиденье:
"Есть Эринии в мире и для влюбленного, дева!
290 [295]
Химноса ты бежала, но стала супругою Вакха!
Праведность лжива твоя, и ты и жена, и невеста!
Милого ты убила - тому, кто не мил, отдаешься?
В сон железный низвергла Химноса, а ведь любил он,
Сгублено все твое девство в сладостном сновиденье!
Кроткого пастыря кровь лилась, а ты надсмехалась!
Жальче ты застенаешь от собственной крови девичьей!"
Молвила так душа, подобная тени от дыма,
Слезно и горько стеная, пастыря, жертвы любовной.
Быстро она скользнула в Тартар гостеприимный,
300 [305]
Бурно к Вакху ревнуя, к обманной хитрости брачной.
Свадебный гимн играя на звучных и звонких тростинках,
Ревность тая глубокó на сердце, Пан-песнопевец
Гимном, полным укоров, славит свадьбу другого.
В чаще соседней сатир, что вечно в любовном томленье,
То, что не должно и видеть, высматривающий столь алчно,
Молвит, Вакхово ложе видя с девою чистой:
"Пан быкорогий, единый гоняешься ты за любовью!
Будешь ли ты удачлив, настигнув Эхо-юницу?
Изобретешь ли уловку, с помощью коей поймаешь
310 [315]
Деву и насладишься с ней страстью неутомимой?
Лучше, о Пан мой милый, ты виноградарем стал бы
Вместо доли пастушьей, отрекся б от посоха, в скалах
Бросив коров да овец И что тебе доля пастушья?
Лучше займись виноградом, обхаживай Эроса грозди!"
Только кончил он речи, как Пан-козопас и ответил:
"Если б отец мой поведал про хитрость любовную хмеля,
Если б как Вакх я правил лозой, затемняющей разум,

Я б насладился любовью, что гонит меня и терзает,
В сон хмельной погрузивши жестокую Эхо юницу...
320 [325]
Да простят мне луга! Отныне в истоках соседних
Стану я овчее стадо поить, когда винным потоком
Дев Дионис увлекает, не склонных к любовным забавам!
Он отыскал целебный корень от Эроса! Козье
Или овечье млеко прочь! Ведь оно не способно
Жар пробудить любовный и к страсти склонить молодицу!
Стражду лишь я, Киферейя, увы мне, увы, о эроты!
Пана бежала Сиринга, любви его неутоленной,
Славит зато повсюду свершившийся брак Диониса
Радостным песнопеньем и в довершенье к тому же
330 [335]
Звонко поющей Сиринге тотчас ответствует Эхо!
О, Дионис, о пастырь, в страсти, навеянной хмелем
Ты лишь блажен единый! Отроковица откажет -
Сразу вино поможет, пособник брачный эротов!"
Так изливал печали Пан, в любви несчастливый,
Страстно завидуя пылу брачному бога Лиэя.
Страсть утолив и желанье попутным сладостным ложем,
Вакх воспрянул и прочь устремился в бесшумных плесницах..
Отроковица, проснувшись, корит ручьи ключевые,
Гневается на Киприду, на Гипноса, на Диониса,
340 [345]
Проливает потоки слез. Оскорбленная, слышит
Отзвуки брачного гимна наяд в отдалении где-то,
Видит и то, что приводит мысли к удаче Лиэя:
Ложе в листве виноградной, дающей прохладу и свежесть,
Дионисом заботливо стеленную небриду,
Соглядатая страсти тайной Видит повязки
Собственные, повсюду забрызганы брачной росою...
Рвет она в исступленье ланиты румяные, плачет,
Всплескивает руками, жалостливо стенает:
350 [354]
"О, чистота девичья - похищена Эвия влагой!
О, чистота девичья - похищена дремой хмельною!
О, чистота девичья - похищена Вакхом блудливым!
Прокляты будьте, потоки Гидриад вместе с ложем!
Гамадриад обвинять? Или нимф? Это сон в опьяненье,

Страсть, вино, хитроумье девственность нашу сгубили!
Девственности Артемида не защитила! И дева
Эхо, противница страсти, зачем не открыла уловок?
Ах, почему же мне в уши, так, чтобы Вакх не услышал,
Питие не прошептала, не молвила милая Дафна:
"Нимфа, не пей эту воду обманную, поберегися!"
Молвит - и слезы струятся ливнем с ланит изобильным...
Мыслит: надо ли в горло мечу погрузиться девичье?
То вдруг страстно желает броситься вниз головою
С высей обрывистых, тело оставив катиться во прахе...
То уничтожить мыслит вóды ключа рокового:
Но уж прозрачная влага сменила Вакхов напиток,
Льдистые струи журчали в ручье, а не влага Лиэя!
То умоляет Кронида и Артемиду порушить
Домы наяд, чтоб от жажды они иссушающей сгибли...
Часто взором по склонам рыщет - где бы сыскался
След неверный и слабый невидимого Диониса,
Дабы его засыпать стрелами, дабы низвергнуть
Бога лозы виноградной! Желает каждую ветку,
Ложем служившую страсти, сжечь огнем смертоносным!
Часто, видя на склонах следы, что остались от Вакха,
Стрелами осыпает окрест просторы лесные.
Часто копье воздымает, желая за ближним утесом
Поразить и низвергнуть неуязвимого Вакха -
Только напрасны усилья, нет нигде Диониса...
Гневается она, клянется вовек не касаться
Жаждущими устами этой обманчивой влаги!
Спать клянется все ночи глаз своих не смыкая,
Хитростям дремы клянется боле в горах не поддаться!
Гневается на свору ловчую псов - отчего же
Не отогнали собаки вожделевшего Вакха?
То погибели ищет, петли силков призывает,
Дабы они вкруг выи, ее удушая, обвились,
Только чтоб не смеялись над нею ровесницы девы...
Против воли и лес оставляет она звероловный,
Ей перед Лучницей стыдно после всего появиться!

Семенем божьим чревата, Никайя-дева носила
Бремя в собственном лоне, вот срок подошел и для родов -
Животворящие Хоры младенца женского пола
Приняли по истеченье девятого круга Селены.
И от союза с Бромием народилась малютка,
Имя ей дали Телета: предана празднествам вечно,
Пляскам полуночным дева, сопутница Диониса,
Радуется кроталам и двуударным тимпанам...
Каменнозданный город у винной протоки поставил
Бог - Никея зовется по Никайе астакидской
400 [405]
И в честь победы великой бога-Индоубийцы

Песнь XVII

В песне семнадцатой битвы Ареевы первые славлю,
Струи медовые влаги, ставшею винным потоком!

Завершилася битва опьяненьем всеобщим
Рода смуглого индов, взятого в рабство без боя...
Но Дионис не рассеял гнева в ветре забвенья,
Поднял он тирс фригийский вновь - ведь на битву поднялся
Дериадей надменный, призвав раздоры и распри.
Вакх о любовном лукавстве, о страсти своей к амазонке,
Ставшею жертвою хмеля, отныне уже и не мыслил!
Он повел ополченье как вестник Диевой крови,
Осененный небесным сияньем и ропотом горним,
Вкруг повозки лидийской Вакха-Гигантоубийцы
Тирсоносное войско теснилось и среди рати
Высился он одиноко, соперник высей Олимпа,
Всех затмевал красотою, и бога зрящие мнили:
Гелий сам огненосный сияет в скопленьях созвездий!
И неоружное войско бог ополчил перед битвой:
Нет ни меча, ни дрота смертного, вместо копейной
Меди - непобедимый плющ, он же им помавает
Над городами Асиды, и в почву Асиды его же
Укореняя, ведет возок Кибелиды-богини,
Взмахивая бичом, увитым листвой, в колеснице
Оплетенной объятьем братским плюща и гроздовья,
Влагою маронидской восточный край опьяняя!
Бромию подражало в этом все войско вакханок,
Одержавшее в прежней битве победу! И сладкой
Яростью одержимый трепал в кольцевидных объятьях
Труп врага бездыханный, латного инда, сей старец,
Вечно пьяный Силен беспечный, бродя где придется!
И приплясывая и ритм отбивая стопами?
Мималлона, вакханка, топтала оружного воя,
Инда сонного, после ж, голову оторвавши,

Битвенную добычу тащила как дичь по отрогам...
Шел от града ко граду бог и вот оказался
На плодородной равнине алибов, где по соседству
Бурно и яро струился, питаемый влагою ливней
Гевдис и в водах белесых таил неисчетных сокровищ
Груды, путь пробивая себе средь почв сребронос ных.
Тут, идя по отрогам, таящим в недрах богатства,
Сопровождаемой свитой сатиров круторогих,
Вакх повстречался с мужем, живущим в лачуге убогой.
Бронгос бродил по отрогам в необитаемых долах.
В хижине, сложенной только из грубых камней он ютился,
В доме, который и домом назвать-то нельзя. Вот веселья
Благодателю козий напиток пастух предлагает,
Доброго гостеприимства знак, белоснежное млеко.
После одну он из стада овчего матку выводит
Густорунную, дабы в жертву отдать Дионису.
Бог отклоняет жертву. Старик подчиняется Вакха
Непреложным веленьям. Нетронутой матку оставив,
Яство добросердечно пастушье Лиэю подносит,
Накрывает на стол (обед не обед!) он убогий
Ужин. Ставит кувшины на стол и миски простые,
Так же, как некогда ставил Молорк из Клеон пред героем,
Поспешающим в битву со львом свирепым и страшным,
Пред героем Гераклом. Он подает изобильно
Вымоченные в рассоле оливы позднего сбора,
Бронгос, следуя прямо примеру доброго старца.
Он в плетеных корзинках сыр подает новожатый,
Круглый, сочащийся влагой; Бог улыбается, глядя
На подношенья простые. На пастуха благосклонным
Взором взирая, бог поедает скромные яства
С неистребимой охотой, при этом же поминая
Пиршества столь же простые без всякого мяса и дичи
За столом у богини Кибелы, матери горной;
Вакх дивился вратам из глыб в том доме округлом,
Трудолюбивой природой выточенному жилищу -
Будто бы без резца вершины на две разделили!
Только насытился Бромий-владыка сим яством пастушьим,

Вдохновленный явленьем божественного Диониса,
Песнью священною Пана тотчас почтил его пастырь
70
Бронгос, двойным авлóсом пользуясь девы Афины;
Диониса он славил, и очарованный песней,
Бог, смешавши в кратере сок молодого гроздовья,
Милостиво промолвил, чашу тому подавая:
"Вот тебе, старче, подарок! Он прогоняет заботы!
Боле нет нужды во млеке, коль соком душистым владеешь!
Это земное подобье небесного нéктара, оным
Ганимед на Олимпе отрок радует Зевса.
Млеко оставь отныне древнее, ибо напиток
Сей из козьих сосцов тобой добываемый белый
80
Горести и заботы рассеивать не помогает!"
Рёк - и пастырю подал за милое гостеприимство
Матерь веселья и хмеля, лозу виноградную с гроздью.
Обучил и уменью возделывать виноградник,
Как черенок на почву высаживать тучную лучше,
Как подрезать побеги старой лозы могучей,
Дабы побег плодоносный пустился в рост побыстрее.
Вот, пастуха оставив и горный гребень лесистый,
Бог на сраженье с индом отправился по отрогам,
Сатиров подгоняя идущих к ним через скалы.
90
Вновь примкнул он к вакханкам, служанкам неистовым бога.
Алча убийства и крови в благотирсном сраженье,
Он из тирренского моря трубу к устам прижимает,
Раковину морскую, трубит Эниалия бога
Клич, собирая войско, опьяняет он воев,
Дух в мужах пробуждает, зовет их на жаркую битву,
Дабы покончить с родом индов, Вакху враждебных;
Вот Дионис-владыка строит войска против индов.
Астраэнт же пророчит в это время Оронту
Голосом горьким и слезным только о рабстве грядущем:
100
"О нестрашимое племя копейщика Дериадея!
Внемли и не гневися, ибо тебе я открою
Правду о дивной победе неоружного Вакха!
Инды и сатиры в схватке сойдутся, вскричат Бассариды,

И народ, ополчившись на Вакха, щитами взблистает
Нерушимыми, видя войскá, подъявшие копья.
Многоопытный в битве лидиец пред ними встрепещет:
Встал во главе хвастливых сатиров муж неоружный,
Нет ни меча, ни дрота, ни стрел на жилах воловьих
Тетивы, что летели б к цели стремительней ветра!
Только вздымает он бычий рог, и пенится в роге
Чудное зелье, его же он в струи реки сребpоносной
Изливает, напиток коварный, и воды алеют,
Сладостны и пахучи горного струи потока...
Жаждой охвачены, вышли из схватки смуглые инды,
Стали пить и пустились, безумные, в дикую пляску!
После их Гипнос лукавый настиг. Сраженные сразу
Сном и томною пляской, на землю они повалились!
Прочие тут же простерлись, кто где оказался, на бреге,
Выронив щит и оружье, сделавшись в дреме волшебной
Легкой и быстрой добычей вакханок и Диониса.
Нет, не в схватке жестокой и не железом изострым
Женщины их захватят, ослабленных духом и телом,
В рабство... Врагов ненавистных они погрузят на плечи
После и поволокут на себе их как будто бы трупы,
Их, извергающих влагу злоковарную Вакха,
Сатирам малодушным в рабство предаст судьбина,
Зелием ядовитым отравленных... А из сраженья
Я лишь один и спасусь, ведь я не попробую влаги,
И нетронуты будут уста мои этим напитком!
О, питья берегися, копейщик, чтоб хитрой победой,
Без оружья одержанной и без пролития крови,
Бог Лизй не забрал бы в плен твоих индов остатки!"
Так он поведал. Гневливый Оронт распалился жестоко
И устремился как ветер на битву, ибо сраженье
Лишь вполовину свершилось и требовало завершенья!
Вот индийская рать, побуждаема богом Ареем,
Выстроилась. Бассариды со склонов скалистого Тавра
Устремились в сраженье. Вакханки оружные также
Двинулись в бой, и феры, что вместо оружия камни
Или глыбы набрали в горных долах окрестных,

140 [141]
Или с макушек отрогов... И вот, начиная сраженье,
На врага нападают! Тучею сыпятся глыбы,
Быстро вращаясь в полете, на головы индов и плечи!
Легкой, проворной стопою взнесясь на вершины отрогов,
Ополчаются паны, свирепствуя - бросился первый
Вниз и могучею пястью ухватывает за выю
Вражьего воина, козьим копытом бьет и свергает
Наземь, панцырь пронзая и средостенье грудное;
Вот и второй устремился, круторогий, со склона
Прямо на встречного инда, бодает его он рогами
150 [151]
И поднимая на воздух, пронзенного, оземь бросает,
Несколько раз подпрыгнув и повернувшись на месте
Вкруг себя самого! Вот третий, оружье Деметры
Крепко сжимая в ладонях, серп сей колосокосящий,
Словно обильную жатву, снопы собирающий словно -
Режет вражее племя когтеизогнутой медью...
О Арею обряды, о Дионису начатки -
Недругов ненавистных главы... О Вакх, ты свидетель:
Меч изогнутоострый, забрызганный алою влагой,
Вот кровавая жертва для возлияний Лизю!
160 [161]
Эниалий, упейся! Мойры! И вы в опьяненье!
Вот еще один пан козопасный на бой устремился,
Дланей железным захватом душит он вражию выю
И рогами своими изострыми латы пронзает,
Вражье чрево проходит обоими остриями...
Пятый с пастушьим посохом вдруг нападает на воя,
Лоб раскроил он инда от брови и до подбородка!
Но и Оронт отважный индов войска ободряет,
Грозным и громким гласом биться их призывая:
"Сатирам противостаньте! Не уступайте вы в битве!
170 [171]
Не трепещите рати трусливого Диониса!
Пусть никто не стремится испить воды желтоватой,
Да не отведает зелья сладкого в струях потока,
Дабы злосчастных индов от дланей бога Лизя
Головы не слетели, дабы во сне не погибли!
Недругам противостаньте в битве! Когда же я встречу

Малодушного Вакха, сойтися в противоборстве?!
Коль не боится - пускай подождет владыка пугливый,
Зная, поборников скольких Дериадей ополчает!
Пусть побросает листочки, ведь бьюсь я сверкающей медью!
180 [181]
Есть у меня и железный дрот! Что ж с гроздовьем листвяным
Сможет этот лидиец в цветочках? Этого воя
Я закую в оковы, и поволоку, и содею
Неженку Диониса слугою Дериадея!
Ах, нежнорукий, с девичьим румянцем, оставь же навеки
Индов толикое войско, выйди сразиться с Оронтом!
Выйди, мальчик кудрявый, ласкаемый льстивейшим ветром!
Выйди, сладкий владыка Бассарид, ибо жены
Только красой убивают - мужи поражают стрелою!
Свиты твоей служанки нагим индийцам сгодятся,
190 [191]
Поволокут их на ложе рабское наши мужчины!"
Молвил - и в гущу сраженья Оронт устремляется пылкий,
Жатву Арея сбирая, никто из мужей и не смеет
Выдержать столь свирепый и неистовый натиск:
Ни Эвримéдон отважный, ни Áлкон, кровный сородич.
В бегство Астрей обратился, сатиров предводитель,
Нет никого, кто б остался рядом, и буре подобно
Дериадея зять неистовствует в сраженье.
Вот он в пару кентавров мгновенно мечет утесы,
И поражает Гилея... Пастырь косматогрудый
200 [201]
Падает с головою уязвленною глыбой...
Мягкий подшлемник слетает от молниевидного камня,
Он ведь подобье шлема, сделанное из гипса,
Защищает он только кость от медного шлема:
Валится наземь подшлемник и разбивается сразу,
Черен покров его, белым сверкает прах от осколков!
Дротом каменным свергнут, бьет ногами о землю
Сей кентавр, и вдруг видит, как круторогое темя
Отделено от косматой выи двойною секирой,
Бычьи рога крошатся тут же от этих ударов -
210 [211]
Сам же он рухнул немедля на землю всем телом огромным...
Прянула голова - и с плеч во прах покатилась...

Он же в последнем усилье встает еще на колена
И начинается пляска зловещая смерти, не хмеля,
И раздается могучий мык, как из глотки бычиной,
Коль он под молотом бьется, в темя удар ощущая...
Но пред смертью своей Эрембéй низвергнул Хелику,
В чрево ей бронзу вонзивший, уметивший белые груди,
Смуглой рукой начертавший алые борозды в теле!
Грянулась в прах вакханка другая, сраженная раной,
220 [221]
Вихорь бурный ей пеплос и складки одежды развеял,
Брызнула кровь из раны... Она же стыдливой десницей
Наготу прикрывает белоснежную бедер,
Ухватить пытаясь бегущие складки хитона...
Бог же, узрев, что победа склоняется в сторону вражью,
Что устрашаются толпы сатиров - вопль испускает,
Вопль, коим девять тысяч возопить лишь смогли бы
Воинов, крикнув единой глоткою битвенный возглас!
Вот перед Бромием быстрый предстал Оронт, чтоб сразиться
Смертный бессмертного бога вызывает на битву!
230 [231]
Оба сходятся к бою шагом размеренным... Этот
С дротом, а тот лишь с тирсом изострым. Завидев лишь только
Вакховой головы навершье, Оронт распаленный
Бромиевы рога напрасно копьем поражает -
Нет, Дионис-владыка с главою неуязвимой
Облик не мнимый принял Селены быкоподобной,
Коего и железу секиры срубить не под силу,
Как зто было с рогатым Ахелоем... Сломал их
Мощный Геракл, домогаясь супруги! Но у Лизя
Истинен быкоподобный облик рогатой Селены!
240 [241]
Сей убор рогоносный бога, неразрушим он
И врагом в нападенье... И вот, напавший на Вакха
Бурный инд, уподобясь вихрю воздушному в небе,
Ударяет вдругóрядь копьем, но коснувшись небриды,
Гнется копье как свинец... И тут же в недруга прямо
Мечет тирс виноградный, в широкие плечи Оронта,
Вакх, и над ним надсмехаясь, над богом небесным, Лизем,
Над увитым плющом его дротом, Оронт похвалялся:
"Вот он, женское войско против меня ополчивший!

Если ты можешь, сражайся тирсом, оружием женским,
Если ты можешь, то бейся! Коль дух мужчин услаждаешь -
Что ж, одного лишь Оронта смири, всевладычный, попробуй!
Встань и сразись, и изведай, сколь мощен в единоборстве
Тот, кого воскормили потоки родного Гидаспа!
Я не из Фригии, где мужчины походят на женщин,
Где перед свадьбой срезают колос, плодородье несущий!
Я не изнеженный служка изнеженного Диониса!
Не спасут твои зелья поборников ваших, добычей
Служек твоих безумных возьму военной, из битвы
Выведу всех силенов, царю моему в услуженье!
Сатиров же трусливых копьем во прах ниспровергну!"
Так вопиял полководец угрозы... Словами такими
Вакх-владыка разгневан и виноградной лозою
В грудь того поражает... И только лишь ветка с гроздовьем
Панцырь железный задела, как надвое он раскололся!
Но оружие Вакха до тела не дотянулось,
Плоти не избороздило! И из обломков железных
Выскочил безоружный Оронт, нагой и бессильный,
Взор обративши на небо, к восточным горним пределам,
Пред Фаэтонтовым ликом бормочет предсмертные речи:
"Гелий! Ты неба пути измеряешь в возке огнепылком,
Ты излучаешь сиянье над краем Кетеев соседним,
Останови колесницу и молви Дериадею:
"В рабстве воинство индов, Оронт с собою покончил,
Хрупкие тирсы низвергли нас", сообщи и о зелье,
Что даровало победу непобедимому Вакху!
Молви, как влага в вино, несущее страх, обратилось!
Молви, что индов, в железо закованных воев победных,
Жезлов хрупкой листвою слабые жены разбили!
Если своей Климены ты ложе еще поминаешь,
Доброй к Дериадею, от крови твоей же потомка,
Ибо в нем кровь Астриды, слывущей дочкой твоею,
Молви, что Бромию битвы не проиграл я - клянуся
В том землей беспредельной и Солнцем, идолом индов,
Зыбью священного тока! Милостив буди ты к индам

В битвах и дай погребенья погибшему вою Оронту!"
Рек и выхватил меч он, и пал на железное жало,
В волны реки погрузился, названной ныне Оронтом.
Видя, что тело трепещет в смертном еще содроганье,
Вакх владычный промолвил свое жестокое слово:
"В волнах далеких от края родного покойся! Настигнет
Дериадея погибель - Гидасп-отец похоронит!
Зять и милый родитель погублены мной в одночасье,
Ибо свирепо и метко сражался я ветвью и тирсом,
Будто бы дротом каким иль мечом изострым и крепким,
Тирсом винолюбивым и лезвиями гроздовья!
Ты же, свирепо убивший себя кровавым железом,
Ты не испил от сладких струй медовотекущих
Влага речная укрыла тебя, ты ж не ведаешь хмеля!
Коль пожелаешь, то выпьешь, пожалуй, и целую реку!
Только к чему тебе влага? Ахерусийские воды
Смертоносные хлещешь, ныне погибельным током,
Горькой волною чрево наполнилось, Мойрой чревато!
Вод и кокитских попробуй и Леты потоков отведай,
Дабы забыть о сраженьях и о кровавом железе!"
Так насмехался над трупом он влажным. С телом раздутым,
Зыбится мертвый Оронт на волнах речных и спокойных.
Заледеневшие члены двинулись вниз по теченью,
Брошена плоть, бездыханна, на волю зыби приречной.
Погребли его нимфы, по усопшему плача,
Нимфы Гамадриады, что жили у самой Дафны,
У реки... Надписали надпись они на могиле:
"Непочитавший Вакха здесь покоится воин,
Павший от собственной длани Оронт, полководец индийский!"
Только жестокая битва не кончилась. Наполовину
Схватка зта свершилась - и на высоком прибрежье
Индов вопит Арей, туда, к разгоревшейся битве,
Исступленный лидийский рев издавая, несется
Энио́, вакханка священная, к бою готова.
В недругов метя, листвою увитый тирс смертоносный
В пляске вакхической бьется! Лозолюбивым Лизем

Недруг наземь повергнут, сражен листвой и лозою,
Чьи смертоносны раны. От безоружных вакханок,
Мечущих плющ, все железо расходится лат и кольчуги!
Меднодоспешные инды дивятся, что плющ остролистный
Разрешает от медных доспехов тело нагое,
Ибо без лат и доспехов уязвимее воин!
Каждому избиенье по-своему зто предстало
Страшное: обагрены доспехи, разбиты лозою,
Кровью... Лежат, где их сбили. По Тавра отрогам вакханки
Непобедимые тесно сошлися вкруг загнанных индов.
Звонкий авлос запевает песню убийства, и в схватке
Стаи вакханок, дев лозоносного Диониса,
Хоть их и рубят секиры с мечами кривыми наотмашь,
Словно стена невредимы - но к вящему посрамленью
Падает недруг на землю, листовьем хрупким сраженный!
Часто в гибкие ветви и стебли сыпятся стрелы
Меткие индов... Вот дротом, посланным издалёка,
Расщеплена сосна, вот лавр умечен пернатой,
Будучи древом Феба, прячет в ветвях густолистных
И целомудренных тучу стрел, его уязвивших.
(Как бы бог Аполлон и ран от стрел не заметил!)
Вот безоружною пястью, щита и меча не имевшей,
В бубен ударит вакханка - и щитоносец запляшет,
Тронет кимвал рукою - закружится в хороводе!
Лишь загремят кимвалы - и перед богом Лиэем
Падает инд молящий! Коснутся ль оленьей накидки
Необоримые копий наконечники - гнутся!
И от листвы разлетается напрочь топор меднозданный!
Некто из сатиров буйных, сражаясь, в какого-то воя
Мечет копье лозовое - и надвое панцырь расколот
Медный побегом лозы с плющом смешавшейся тесно...
Устрашенный исходом сраженья, сулящего богу
Вакху-индоубийце победу и славу в грядущем,
Астразнт, предводитель, судьбы избегая, уходит
Из сраженья, страшась лозового дрота Лизя.
Аристей же в то время целительные коренья
На Бассарид увечья накладывал, Фебов искусник:

Раны одной врачует он некой конской травою,
Раненую другую выделеньями лечит
Сыворотки кровавой; стонущих дев-вакханок
Исцеляет согласно ране каждой отдельной -
Уязвлена ли в руку, ногу, грудь или чрево...
Вот у воителя вынет иного из язвы кровавой
Быстрое острие пернатой и, жилы сжимая,
Сукровицу выгоняет каплю за каплей из раны;
Длань другого подносит поближе и рану раздвинув,
Лезвием острым целящим гнилую часть вырезает,
Вытянув осторожно кончик стрелы ядовитой...
С животворящей травою зеленой, земли порожденьем,
Смешивает пчелиный мед, отвращающий боли,
Льет рукою целенье несущую Вакхову влагу;
Раны других облегчает Фебовым песнопеньем,
Перечисляя при пенье грозные именованья.
(Ведает он врачéства, искусства отчего тайны!)
Так врачевал он язвы различные, а в зто время
Биться уж не хотело войско варваров индов.
Многих тогда пленили воинственные Бассариды
Воинов Множество, горы оставив Тавра, пустилось
В путь обратный, надеясь напрасно в земле поселиться
Индов, средь Дериадея пределов домами владея,
Взяв свирепых слонов, что меры жизни не знают.
Сатиров в поле собравший войско после сраженья,
Пастырь Пан зачинает свой эпиникий победный.
Блемис курчавоголовый, вождь эритрейских индов,
Мирную ветвь подносит древа молящих, оливы,
Выю рабскую клонит пред Индоубийцей Лиэем;
Бог же, увидев во прахе простершегося человека,
Подал руку, подняться помог и словом умильным
Дал прощенье. От индов отделив эритрейцев,
Он отсылает враждебных нравам Дериадея
В арабúйские земли, где, соседствуя с морем,
Край они населяют тучный, дав ему имя...
Блемис тотчас поспешает туда, к семиустому Нилу,

Дабы стать скиптродержцем подобным ему зфиопов,
Вечно теплые земли Мероз его принимают,
Носит отныне он имя владыки Блемиев рода!

Песнь XVIII

В восемнадцатой песне Ста'фил приходит и Бо́трис,
И приглашают на праздник сына Тионы, скитальца.

Тысячеустая Слава пернатая вдаль полетела,
Миновала в полете ряд городов ассирийских,
Имя провозглашая лозоносного Вакха,
Славя с индами битву и зрелость гро́здей блестящих.
Стафил, слыша о ратях сатиров безоружных,
Празднествах виноградных, священных бденьях Лиэя,
Вакха видеть пылает. Ботриса отпрыска нудит
Ассирийский владыка на быстрой как ветер повозке
Устремиться навстречу виноградному Вакху.
Бога узрел он тотчас в колеснице среброколесной,
10 [11]
Леопардом и львом влекомою, с упряжью яркой.
И нестриженный Ботрис родительскую повозку
Сдерживает. Вот Стафил-владыка на землю спустился,
Видя, что леопарды не движутся Диониса.
Только стопою коснулся земли, как пал на колена
И умоляющей дланью ветвь масличную тянет...
Милостей Диониса молит он словом медовым:
"Ради родителя Дия тебя, Дионис, умоляю
И богородной Семелы - нашего дома не презри!
Ведаю я, отца твоего принимал и Лик&он
20 [21]
Со Блаженными вместе, что сына на части разрезал
Никтима, подал его ни о чем не знавшему гостю...
Со всемогущим Дием потом разделил он и пищу
На земле аркадийской! И на вершинах Сипила
Та́нтал, как говорят, предложил ему гостеприимство,
Сына изрезав в куски, богам подавал он то яство!
Пелопа же лопатку (ее Део проглотила)
Заменивши на кость слоновую с дивным искусством,
Юноше, жертве несчастной, снова вставляет Кронион,
Разъединенные члены тела приставив друг к другу!
30 [31]

Что поминать, Дионис, Ликáона-детоубийцу,
Гостеприимца Блаженных, и Тáнтала-воздухознатца,
Хитроумного вора нектарических кубков,
Мужа, врага амвросúи и нектара, называя?
Макеллó принимала и Зевса, и Аполлона,
И когда всех флегийцев из самой пучины глубокой
Вместе с островом вырвал трезубцем бог Эносихтон,
Пощадил он и матерь, и дочерь - не гневался боле!
Ты же, обликом схожий с родителем Гостеприимцем,
Хоть бы на день единый, взойди в жилище просящих,
40 [41]
Окажи нам обоим, и мне, и Ботрису, милость!"
Так говорил, убеждая... Взошедши в свою колесницу,
Осчастливил он дом свой, увлек с собой Диониса!
Ловкий Ботрис вздымает бич над упряжкой блестящий,
На дороге, кружащей среди пустынного Тавра,
Отчим возком управляет и провожает Лиэя
По земле ассирийской. Перебирая искусно
Вожжи яркозлатые мигдонийской повозки,
Бромия бога возничий, Мáрон, возчик преловкий,
Взмахивал неутомимо бичом, что зверей укрощает,
Леопардов повозки стремительной погоняя.
50 [52]
Сатиры будто в дозоре, приплясывают перед ними,
Окружая толпою мчащего в горы Лиэя.
По сторонам мелькают вакханки в венках виноградных,
Легкой стопою минуя неровности горной дороги,
Переступая проворно скалистые склоны и щели,
Плещут они в ладони, перебирают стопами,
И скрывают усталость, одолевая ущелья
В легком безумье! А паны цокают звонко о камни -
Пляшут мохнатые ноги на гребнях всхолмий высоких,
Скачут через вершины - и следа не остается!
60 [62]
Вот, наконец, пред толпою и царский дворец показался,
Видимый издалека блистаньем резьбы и узоров.
Ботрис тотчас густовласый, повозку отца оставляя,
К дому, резвоплесничный, стремится, будто он вестник!
Все там приготовляет с усердием, полным почтенья,
Яствою многоразличной к пиршеству стол уготовив.

Временем тем, пока Ботрис пир собирал для Лизя,
Многощедрый владыка показывал Дионису
Все чудеса и всю прелесть каменнозданного дома,
В коем царило сиянье многоцветное света,
70 [72]
Соединивши в себе блеск Солнца с лунным мерцаньем!
Стены дворца излучали серебристые тени,
Очи людей ослепляли узоры из яркого камня,
Что эскарбуклом зовется и пламя нам напоминает,
Он дворец изукрасил пыланьем ярким и алым,
Соединив с гиацинтом и аметист пурпуровый...
Переливается бледный агат, офиты искрятся,
Повторяя узором чешуйки змеиного тела,
Зеленью яркой смарагды ассирийские блещут.
Кровлю держат колонны, бегущие точно по кругу,
80 [82]
Древо балок сияньем пластинок златых исходило,
Покрывающих крышу, мраморной плиткой искусно
Выложены полы в прекрасноцветистых узорах,
Соразмерны ворота с деревянной резьбою,
Изукрашенной также накладками кости слоновой -
Диво такое владыка почтенный показывал Вакху!
Вот в покои проходит, что зрят виноградного бога,
За руку Вакха держа. А тот, восхищаясь, обводит
Все очами вокруг, сим дивом-дворцом изумленный,
И дивится жилищу, где царь его принимает,
90 [92]
Гостеприимный владыка, и злату и украшеньям.
Царь приказал скорее рабам и слугам дворцовым
Бычьи туши разделать, овец да баранов зарезать,
Дабы и сатиры яство с Вакхом вкусили рогатым.
Стафил же, поспешая, всех слуг своих подгоняет
К исполненью работы: пусть все усердно готовят
Праздничное пированье, пусть быков закалают,
Тучных овец, что с горных пригнаны пастбищ, пусть пляшут!
Полнится дом благовоньем душистым, там лиры играют,
Дым по улочкам вьется города, благоухая,
100 [102]
Винною сладостной влагой весь дворец пропитался...
Вот забряцали кимвалы, вот за шумным застольем

Пана запела свирель, загудели двойные авлосы,
Бычья кожа тугая на барабанах округлых
Загудела двойным рокотаньем под кровлей дворцовой,
Зазвенели и бубны застольные, а в середине
Закачался вдруг пьяный, заплетаясь ногами,
Впавший в ярость хмельную Мáрон, от браги безумный...
Прыгает он высоко, вкруг себя обернувшись,
Обе длани на плечи сатиров положивши,
110 [112]
Сам же стоит в середине, бьет ногою другою
Оземь, лицом же красен, как будто весь излучает
Ликом побагровевшим пýрпурное сиянье,
Уподобляяся в этом богине Селене рогатой!
Бурдючок нововскрытый левой рукою сжимает,
Весь от вина распухший, ремнем у горла завязан,
В правой - чаша пустая... Окрест кружатся вакханки,
Сжав в хороводе старца, бьющего пяткой о пятку:
Так головою трясет он, что мнится, вот-вот оторвется -
Но остается на месте! Опьяненные хмелем,
120 [122]
Слуги и сами пустились в дионисийскую пляску,
Ибо вкусили впервые вина непривычного сладость!
Стафила же владыки жена, благородного сына
Матерь по имени Мéта хмельна от вакхической влаги!
С головой, отягченной вином, призывает вакханок
Пить, кружась вкруг Лиэя кратера, вместилища хмеля!
Головою кивает и пляшет, шатаясь, по кругу!
Волосы за плечами, в лад пляске, рассыпавшись, вьются,
Дева то чуть вперед наклоняется, то отступает!
Мнится, вот-вот на землю, ногою задевши за ногу,
130 [132]
Упадет - но Мету подхватывает вакханка!
Стафил-владыка хмелен, от возлияний обильных
Ботриса заалели пьяного обе ланиты;
Юноша, чей подбородок пухом первым покрылся,
Вместе с отцом на кудрях густых из побегов кудрявых
Плющевую корону водружает, и Ботрис,
Заплетаясь ногами, пустился в неверную пляску,
Левой ногою о ногу правую спотыкаясь!
Стафил также вприпрыжку пустился с пляскою следом,

Заскакал, завертелся, ноги согнувши в коленах,
140 [142]
В танце своем опираясь на Ботриса, сына, затылок...
Восхваляет напиток плясоводного Вакха,
Чуть покачиваясь, тряся густыми власами,
Падающими на плечи... В пляс и Мета пустилась,
Под руки подхвативши отпрыска и супруга...
Ботрис и Стафил рядом плясали... Как видно веселье,
С коим троица пляшет, сплетая танца фигуры!
Пифос, старец почтенный, оставив ветрам злоречье,
Сладостнейшим напитком до зубов наполняясь,
Пляшет, пьян до упаду, на слабых ногах хороводя,
150 [152]
Сладостные возлиянья, из уст его изливаясь,
Бороденку седую окрасили алою пеной!
Целый день они пили. Пока осушали все кубки,
Тьма вечерняя землю покровом плотным укрыла,
Окоём омрачился, тени гуще смесились,
Еле видные звезды в черноте замерцали,
И Фаэтонт закатился за сумрачный свод поднебесный,
В колее оставляя свет еще блещущий Эос...
Ночь безмолвная черным покрывалом одела
Небо, являя на ткани знаки горних созвездий.
160 [162]
После кратеров и кубков выпитых и пированья
Ботрис с родителем милым и Вакхом винотворящим,
Каждый на ложе своем, простерлись друг подле друга,
Сна вкушая дары, предавшися сновиденьям.
Только вестница Эос окрасила сумрак румянцем,
Бледные разбивая тени, в час этот ранний
Вакх благокудрый проснулся, восстал, пробудившийся, с ложа,
Упованьем победы пылая. Ведь этою ночью
Племя разбил он индов тирсом своим плющеносным,
170 [171]
В призрачном сновиденье лживом с ними сражаясь:
Слышал он сатиров вопли и свист метаемых дротов,
Бросился он, увидев битву во сне, на подмогу,
И пробудился внезапно! Но в сердце бога остался
Ужас иной сновиденья вещего, полного страхов:
Он ведь прообраз увидел битвы ужасной с Ликургом,

Что лишь в грядущем свершится: выпрыгнул вдруг из чащи,
Пасть оскаливши, в пене, лев свирепый. Со склона
Бросился он на Вакха пляшущего, без оружья,
Обратил его в бегство, гнал до самого моря...
180 [181]
В волнах бог и укрылся, бежав от свирепого зверя!
Также увидел (вот новый повод для страха!), что женщин
С тирсами гонит лев сей, пасть разверзнув с клыками,
Их когтит он и ранит, и разрывает на части!
И из дланей священных тирсы во прах упадают,
Брошены наземь кимвалы... Но вот обернулась вакханка
И повязкой девичьей львиную пасть усмиряет,
Виноградного ветвью морду звериную вяжет,
Выю львиную давит петлею этою тесной!
Вот, одна за другою, на зверя набросились вместе,
190 [191]
И могучие лапы колют до крови аканфом...
Зверя связали крепко кривою лозою - разбила
Артемида оковы, но сразу из горнего лона
Огненная зарница зверя в чело поразила,
И слепым отпустила по тропам и чащам скитаться!
Сон Дионис увидел такой и тут же воспрянул
С ложа и ополчился панцырем звездчатым, индов
Кровью забрызганным многих, грудь укрывшим и плечи;
Лоб повязкой витою венчает змеи кольцевидной,
Ноги он обувает в котурны из кожи пурпурной,
200 [201]
Тирс принимает во длани, стебель битв копьевидный,
Сатиров кличет тотчас же. Звук священный заслышав
С Вакховых уст излетевший, многощедрый владыка
Пробуждается Ботрис и облачается в платье...
Даже и Пифос, столь крепко спящий после вчерашних
Возлияний, проснулся. Мета, голос заслышав,
Голову поднимает, но, с челом отягченным,
Снова она засыпает, самые сладкие в мире
Взорами озирая утренние сновиденья.
Стафил же гроздолюбивый идет навстречу Лиэю,
210 [211]
Что уж в дорогу собрался, дары гостевые сготовив:
Кубок златой и чаши серебряные, из которых

Пил молоко он всегда, принесенное с козьего стада.
Дал он узорчатый пеплос тонкотканый, что сшила
Дева Арахна, персидка, у Тигра живущая брега,
И доброщедрый владыка Бромию молвит при этом:
"Бейся же, о Дионис, сравняйся с родителем в битве,
Докажи, что Кронида ты отпрыск! Ибо он свергнул
Землерожденных Титанов с горних склонов Олимпа
Юношей будучи только! Поторопись же, и в битве
220 [221]
Индов, рожденных от Геи, так же разбей и низвергни!
Вспомнилось мне сказанье о пращуре нашем далеком,
Беле, царе ассирийском, о покровителе нашем,
Дед мне его поведал, тебе его я открою:
Крон ливненосный, когда-то серпом изострым лишивший
Детородного члена отца, желавшего ложа
(С той-то самой поры и стал он навеки бесплодным!),
Вел с Зевесом сраженье, собрав под начало Титанов.
Крон широкобородый в битву сию устремился
Против Кронида, метая дроты в него ледяные,
230 [231]
Рассыпая снаряды влажные с горнего неба,
Он посылал их на землю с застывшими остриями!
Зевс огненосный бился могучим оружием Солнца;
Пламенным блеском и жаром растоплена твердая влага...
Так подстегни же свирепых львов на сражение с индом,
И слона ты не бойся, ведь Зевс высокогремящий
Высокоглавую Кампу поверг огненосным перуном,
Ту, что в извилистом теле тысячи ликов собрала...
Извиваясь всей тучей змеиных хребтин, она битвы
Жаждала разнообразной и, змеестопная, била
240 [241]
Землю, яд изливая... Вкруг выи зверя теснились
Пятьдесят разноликих глав звериных и чудищ,
Часть непрестанно вопила львиными пастями всеми,
Образом схожа со Сфингой, загадки любящей девой...
Часть же из-под кабаньих клыков слюну испускала;
В громко визжащую стаю сбились морды собачьи,
Напоминая Скиллы подобие и строенье!
Двуприродное чудо в средине девой являлось,
250 [249]

Вместо же кудрей змеи висли, яд источая,
Но от груди и до самых складок паха у бедер
Пурпурной чешуею (как у чудовищ пучинных)
Плоть покрыта, а когти на многочисленных дланях
Изгибалися словно лезвия серпа кривого...
На хребтовине от верха и до самого низа
Скорпион угнездился, сам себе жалящий выю,
Хвост подняв над спиною с жалом хладным и острым...
Так вставала на битву многоликая Кампа!
260 [258]
Дыбилась твердь земная, пучились глуби морские,
Если она летела, темным крылом помавая,
Вкруг поднимались смерчи, бури ей подчинялись,
Деве сей тартарийской чернокрылой, зеницы
Пламя ее извергали, палил огонь всю округу!
Но чудовище это прикончил Зевс поднебесный,
Торжествовал над змеею, союзницей Крона, родитель!
Стань же отцу подобен, дабы тебя я по праву
Ниспровергателем Геей рожденных после Кронида
Именовал, как индов землерожденных низвергнешь.
270 [268]
Битва твоя подобна, ибо и твой родитель
Торжествовал над предком, водителем в Кроновом войске,
С телом огромным, безмерным, сыном богини Аруры,
Индом, от коего племя индов и происходит!
Бился отец твой с Индом - ты с Дериадеем сразишься!
Стань же подобным Арею, который и сам уничтожил
В битве великой и жаркой чудище, сына Ехидны,
Яд источавшее страшный из пасти змеиной, ужасной,
С плотию двуединой, выползшее из дебрей,
С кольцевидным хребтом, наследием материнским!
280 [278]
Крон же обрел в нем друга, способного с молнией биться!
Дыбилось телом змеиным чудище, битвы желало,
Воздымало и длани - и к Эвру лицом повернувшись,
С Зевсом пылало сразиться, а головою воздетой
Бег облаков заграждало; в самое небо упершись,
Птиц летевших власами спутанными задевало,
Глоткой безмерно-огромной заглатывая пернатых!
Недруга вот такого твой брат Арей ниспровергнул!

Ты не слабее Арея, и с ним состязаться ты можешь
Среди отпрысков Зевса, ибо погибельным тирсом
290 [288]
Столько же ты прославлен, сколь мечом Арей среди битвы!
Столько свершил ты деяний, сколь Феб! Истребителя чудищ
Я принимал в своем доме, славного отпрыска Зевса!
И Персей по пути у меня побывал, но недолго,
Из блестящего Кидна, с Корикием по соседству,
(Так же как ты милосердный!)... Сказал, что быстрой пятою
След прочертив, основал он град в земле киликийской.
Он во длани воздетой держал Горгоны Медусы
Главу, коей не должно зреть... Ты вздымаешь гроздовье,
Вестника наших веселий, разрешителя скорби!
300 [298]
Зверя низринул Персей на брегах Эритрейского моря,
Ты же отродье индов истребил эритрейских!
Дериадея убьешь, как ты убил и Оронта,
Бедствие, худшее зверя морского! От муки избавил
Андромеду Персей, но ты - победитель могучей!
Освободи же ты Деву звездную от оскорблений
Нечестивейших индов, и празднеством я прославлю
Горгоубийцу Персея с Вакхом-Индоубийцей!"
Так он промолвил и в путь обратный пустился к дому,
Доброхотный владыка, Вакхов гостеприимен.
310 [308]
Выслушав царские речи, радостно приободрился
Бромий тирсобезумный, исполнился битвенным духом,
Зачарованно внемля древним деяньям отцовым!
Хочет он спорить с Кронидом, в славе с ним состязаться,
Дабы третья победа над индом, дважды сраженным,
Над Кронидом его вознесла! Фереспонда он кличет,
Вестника, горнего сына, соперника быстрого ветра,
Отпрыска мудрой Ифтимы, и милостиво изрекает:
"О Гермаона отпрыск, вестник, столь радостный сердцу,
Весть отнеси такую свирепому Дериадею:
320 [318]
"Царь, не вступивший в сраженье - прими дары Диониса
Или с Бромием бейся - и кончишь подобно Оронту!"
Так он промолвил - и прянул вестник быстроплесничный,
Взмыв над землею к востоку, не зная земных средостений,

Скипетр сжимая отцовский. Бог же в то самое время
На золотой колеснице с лозой виноградной веселой,
По неисчетным дорогам из града во град проезжая,
Ассирийской земли и дальней и ближней пределы,
Дарует всем земледельцам лозы виноградной гроздовье.
А меж тем, пока в странах, где Эвр на востоке родится,
330 [328]
На виноградной повозке бог катит по землям сирийским,
Стафил злой и внезапной постигнут кончиной. И в доме
Плачут рабы и рабыни, раздирая одежды,
Всюду стонут служанки, бьют ладонями в скорби
Грудь, раздирая ногтями тело и жены рыдают,
Волосы рвя на себе, и царапая лица до крови.
В этот самый же дом возвращался в увитой повозке
Дионис. Вот он входит к Ботрису в великолепный
Дом, вспоминая праздник, что Стафил богу устроил,
Пифоса облик он видит в красноречивом безмолвье,
340 [338]
Спрашивает о судьбине Стафила дорогого,
Также зовет он Мету и вопрошает царицу.
"Молви мне, жено, какое до срока состарило горе?
Вижу, что ты угасла - была ведь такою веселой!
Кто же отнял сиянье жизни? Где же румянец,
Коим лучились ланиты, пылая как жаркое пламя?
Ах, старик, не таи, почто ты льешь эти слезы?
Что заставило срезать бороду, прежде густую?
Кто седину запачкал? Зачем изорвано платье?
Ты, возлюбленной мною Меты, вино полюбившей,
350 [348]
Отпрыск и Стафила сын, скажи, что же срезаны пряди?
О, что за демон ревнивый на кудри твои покусился?
Локоны боле не вьются над блеском плеч белоснежных,
Боле не благоухают тирийской миррой душистой,
От вакхических плясок явившееся сиянье
Боле уже не исходит румянца, покрывшего щеки!
Ах, отчего же одежды темны от праха и пепла?
Где же царственный пурпур, дарованный морем тирийским?
Не узнаю тебя ныне, ты так изменился внезапно!
360 [357]
Стафил, где скипетродержец? Хочу его видеть и слышать!

Молви! Ах, в одночасье отец твой милый скончался!
О, я б про горе проведал, когда б ты и скрыть попытался!
Не говори ни пол-слова, твои безмолвные взоры
Бессловесную муку твою уже рассказали!
О, я б про горе проведал, когда б ты и скрыть попытался!
Слезы страданье явили, от непрестанного плача
По отцу все одежды влагой соленой омыты!
Зависть ревниво надежду похитила, ибо я мыслил
Вместе со Стафилом милым, в сраженье инда низвергнув,
370 [367]
Собственною рукою вскинуть пылающий светоч,
Празднуя Ботриса свадьбу, вспомощника в битвах и схватках!"

Песнь XIX

Песнь девятнадцатая о тризне святой на могиле
Стафила. Вакх учреждает награду: сосуд благовонный.

Молвил - но юноша с сердцем, исполненным муки недавней,
Наложил на уста печать немую безмолвья,
Непроизвольным рыданьем сраженный. И только лишь матерь,
Мета, смягчившись при виде Лиэя, со стоном сказала:
"Неутомимый поклонник песен и плясок священных,
Стафил твой, о Дионис, он забылся сном нерушимым,
Стафил твой, о Дионис, унесен харонидской волною;
Две беды разразились, увы, надо мною: оставил
Вакх меня виноградный и муж мой угаснул в болезни,
Я же, одна, по обоим скорблю и печалюсь жестоко,
10 [11]
Мужа оплакиваю и Лиэя, что дом наш оставил!
Ныне, о Вакх милосердный, дай мне сока гроздовья,
Кубок до верха наполни, чтоб пить мне полною мерой,
Чтоб умерила горе тяжкою влагой твоею!
Ты лишь, Эвий, надежда моя и твое лишь гроздовье,
Только увидев кратер и напиток твои - не заплачу!"
Сжалился бог над горем, смешал в кратере напиток,
Разрешителя боли, защитника в горьких несчастьях,
Сыну и матери в кубки вина возлияет, и оба
Пьют медоструйную влагу сладостную неотрывно...
20 [21]
Мета плач умеряет, Ботрис с горем мирится;
Молвит тут слово царица душ чарователю, Вакху:
"Вакх! О свет милосердный! Ты здесь - и не стало.печали!
О Дионис, ты приходишь, и скорби собой умеряешь!
Вакх! О свет милосердный, явился ты - сразу печали
Наши изгнал и скорби целительной винною влагой!
Нет, ни отца, ни супруга оплакивать боле не стану!
Ботриса, коли желаешь, отдам, ведь все обрела я,
Стал мне Вакх милосердный родителем, сыном, супругом!
Коли желаешь, с тобою в дом войду я охотно!
30 [31]

Стать ли смогу Бассаридой? Но коли того ты желаешь,
Тирс подниму над собою и сладостножгучие грозды,
Стану славить я песнью авлоса винодавильню!
Да не оставишь вдовицей, в горе двойном не покинешь -
От кончины супруга и от ухода Лиэя!
Ботрис станет слугою, обучишь и песне, и пляске,
Дашь и обряды, и тайны, пошлешь и с индами в битву,
Смех его да услышу у самой вино давильни,
Где, преступая стопами, топтать он станет гроздовье!
Вспомни и Пифоса-старца, да не оставишь своими
40 [41]
Таинствами и его, да отведает сладкого хмеля!"
Молвила смелая Мета в улыбчивый лик свои речи
Вакха владычного, он же ответствовал винолюбивой:
"Жено! Сияешь красою после златой Афродиты!
Ты и щедра, и блаженна, ты, милая матерь эротов!
В пиршествах примешь участье, когда Лиэй запирует!
Стань венценосной в честь Вакха, как некогда Афродита!
Пояс завьется из лоз на тебе и лист виноградный,
Прядей твоих венцу позавидует Ника ревниво:
50
Виночерпицей станешь - как златотронная Геба! -
Спутницей вечной и горней винного бога, Лиэя,
Пира вспомощницей, только поднимут Вакховы чаши -
Станут кричать тебе: "Мета!", вином довольствуя сердце...
Отпрыска твоего превращу в ягоду грозди,
Станет Стафил гроздовьем, что ягоды собирает,
Местом, рождающим плод на лозе и сок виноградный!
Боле без Меты не стану праздновать пьяных застолий,
Боле без Меты не стану вести хороводную пляску!"
Молвил и у могилы Стафила-винопийцы
60
Беспечальный Лиэй учредил бесскорбные игры.
Бог повелел доставить козла брадатого, тура,
В играх награду двойную, велел кифаредам в искусстве
Пиэрийском поспорить, и песельникам умелым
Также награду двойную назначил, певцов увлекая
С лирою звонкогласой такою ласковой речью:
"Тут по-аттически праздник устроим, и победитель
Тура с блестящею шкурой в дар от бога получит,

А побежденный будет козлом награждаться косматым!"
Бромий промолвил, и тут же Эагр, бистониец, выходит,
Лирник искусный и ловкий, житель холодного края,
Плектр у самой форминги приладив... После поднялся
Аттики обитатель, Эрехтей-песнопевец.
Оба спорщика тут же на середину выходят,
Мастера-кифареды - увенчаны кудри венками
Из ветвистого лавра, подобраны пеплосов полы...
Стали они, начиная, перстов перебором пременным
По натянутым струнам скользить искусною дланью,
Строго следя за движеньем рук, дабы верно звучали
Струны, чтоб в лад мужской изнеженный лад не вмешался!
Первым согласно жребию с ладом сложным кифару
Взял Эрехтей, кекропийский насельник, и заиграл он
Песнь отчизны своей: как древле в священных Афинах
Царь Келей принимал Део, всей жизни праматерь,
С отпрыском Триптолемом и Метанейрой-старухой,
Как подарила богиня зерно (его в борозды пашни
Бросив, сей Триптолем изобрел искусство посева!),
Как у гробницы недавней скончавшегося Келея
Матерь жатвы, Део, изрыдала бесслезные очи,
После ж, в речах милосердных слов изронив утешенье,
Тяжкую скорбь уняла Триптолема и Метанейры...
Все случилось подобно тому, как царь ассирийский
Принял в дому Диониса и за пиром обильным
Эвия дар изведал, дар виноградных гроздовий,
Как после смерти царя, сего винолюбца-владыки,
Ботриса бог утешил вином, унимающим скорби,
Также и Меты-супруги плачущей боль успокоил...
Вот что лирник искусный исполнил! И ладом, и строем
Очаровал он песни, и с благотирсным Лиэем
Все восхитились сказаньем аттическим благозвучным!
Быструю песнь заводит Эагр, вторым по порядку,
Он же родитель Орфея, взысканы милостью Музы!
Славит дистихом звонким, изошедшим от Феба,
Звучновозвышенной речью случившееся в Амиклах:

"Гиакинф благокудрый воскрешен Аполлоном -
Стафилу же, владыке, Вакх дарует бессмертье!"
Песнь еще не свершилась, а все уж вокруг разразились
Ликованьем единым, хвалою единодушной.
Сатиры заскакали, и Эвий своею десницей
Лад отбивал, привставши, а Ботрис кинулся с места
Славить все сочиненье за благозвучье и стройность,
Кличет в восторге он: "Эвоэ́!", и звонко смеется!
Так Эагра владыки виски плющом увенчали,
Так родитель Орфея и радуясь, и ликуя,
Неукрощенного тура получает в награду
И веселой толпою други его окружают.
А козел бородатый - его уводит в обиде
И печали афинский уроженец стыдливо!
Вот Иовакх благокудрый в щедрые длани приемлет
То, что наградою станет состязателям в пляске:
Полный до самого верха кратер с вином благородным,
Глубокодонный, златой, и через края проливалась
Выдержки четырехлетней влага густая Лиэя!
Это работа Гефеста, ее же когда-то Киприда
Брату в дар отдала, сему виноградарю Вакху;
Посередине собранья кратер поменьше он ставит,
Из серебра, округлый, когда-то Лиэю подарок
От господина алибов, живущего в тех пределах,
Где сквозь тучную почву видится выход подземный
Серебра, что белеет в отвалах чернеющих пашни.
Там по краешку вьется вместе с лозой виноградной
Плющ кудрявоузорчатый, весь позолоченный сверху...
Сей кратер и выносит бог и ставит пред всеми:
Мнится, что дышит чаша вином недавнего сбора,
Ягодой, зреющей первой, для легкого только лишь хмеля,
Зла ведь не будет, коль муж проигравший не опьянеет!
Вакх посредине покоев установил все награды
И обратился со звонкой речью ко спорщикам в пляске:
"Кто победу одержит в двойном прыжке, кто стопою
Всех резвей и быстрее будет, тот сразу получит

И золотой кратер со сладким вином благовонным!
Кто же не совладает с пляской, споткнувшись о ноги,
Будет поменьше удачлив, подарок получит поменьше!
Я ведь на всех не похож, и всем состязателям в пляске
Хороводной, наградой в танце этом искусном
Ни треножник блестящий не сделал, ни даже кобылу
Быструю или панцырь с копьем побежденного инда!
Не вызывал я атлетов диск метать за отметку
Иль показывать резвость ног, иль метания дальность
150 [149]
Копий, но Стафилу ныне усопшему мирно владыке,
Весельчаку винолюбцу веселый пир посвящаю:
Чтить тут не будут доблесть телесную в состязаньях,
Нет тут кониых ристаний, нет и борьбы элидской,
Нет быстроты Эномая смертельной - тут только пляска,
Не арена, а залы, где ловкие ноги мелькают,
Резвые длани, тут в танце свершают прыжки, преискусно
Лик повернув к другому, ни слова не молвив, движенье
Пальцев тут красноречивей, тут взор говорит бессловесный!"
Рек он - и с места некий силен поднимается сразу.
200 [159]
Также и втрое старший Марон следом стремится,
Хоть и дряхл... Но украдкой на золотую чашу
Смотрит не потому, что из злата - пенится чаша
Через край благовонным вином, душистым и старым;
Страсть к вину сотворила старца юношей милым,
Вакховой влаги дыханье старца жизнь укрепляет...
Дабы крепость проверить ног, он прыгает резво,
Тяжкая старость память о пляске не пригасила ль?
И почитающий душу Стафила, молвит он слово:
"Марон я, сатир, сопутник бесскорбного бога Лиэя,
210 [169]
Слезы лить не умею - что слезы для Диониса?
Пляску могу предложить я с прыжками у милой могилы,
Смех - мой удел и улыбка, Марон не знает заботы,
Горя Марон не ведал, не ищет печали и скорби,
Он лишь милый прислужник бесслезного Диониса!
К Марону милостив буди - я б выпил и влаги летейской!
Дай же глотнуть пощедрее напитка древнего снова,
Пусть силен помоложе пьет и вино помоложе!

220 [177]
Стафилу ныне в угоду, как будто живой он, спляшу я,
Ибо он хороводы предпочитал застолью!
Стафилу будто живому посвящаю я пляску,
Праздничный шаг соразмерив с шествием погребальным...
Вакха я служка, не Феба, выть причитанья не учен,
Коими в острове Крите некогда плакал владыка
Аполлон над Атимнием милым. И Гелиадам
Не уподоблюсь! Я странник и на брегах Эридана,
Я не юнец фаэтон, оплаканный ими возничий,
Не обитатель я Спарты, не рву и цветы я в знак скорби,
Хрупкие лепестки печального гиакинфа...
230 [188]
Если у Миноса ты выносишь свои приговоры
Или у Радаманта в лугах цветущих блуждаешь
По элисийским рощам, вдыхая дух благовонный,
Марону, Стафил мой, внемли - я словно кубок кипящий
Пеной в речах изливаюсь, творя возлиянье словами!
Марону, Стафил мой, внемли - дай же мне хмеля победы,
Всем прославленной людом, я же тебе над гробницей
Из золотых кратеров пожертвую влаги начатки,
Если в честь этой победы вина отведаю только!"
Так изрек и пустился Марон в пляс резвобуйный,
Правой и левой стопою в пляске чредуясь искусной,
240 [199]
Красноречивой рукою призвал остальных он к молчанью!
Завращалися очи, знаки лика немые,
Поводя своей выей, он строил пляски фигуры,
Сотрясал бы и кудри, откидываясь головою,
Если бы плешь не зияла на яйцевидной макушке!
Старец, хоть он и был по крови из рода Титанов,
Не титанидское племя в пляске буйной представил...
Не было там древнейших Ф&неса или Крона,
Гелия-солнца потомства, рожденного вместе с миром,
Судьбы вселенной оставив, россыпи чистых созвездий,
250 [209]
В пляске яркой представил он виночерпия Дия,
Зевсу и всем Блаженным подающим во дланях
Кубок за кубком, чаруя собранье бессмертных Блаженных
Излияньем из чаш божественного напитка -

Темою танца сладость вина послужила... Как дева
(В пляске представил он!) Геба нектар свой разливала!
Бросив на сатиров взгляд, представил он Ганимеда
Пляскою дланей безмолвных; взглянув на вакханок, являет
В красноречивом молчанье златоплесничную Гебу!
Вот им кого сей Марон представил игрою ладоней!
260 [219]
Он соразмерным движеньем ног закончил сей танец,
Ловкой пляски плетенье с ритмом искусным и сложным.
Встал, трепеща, неподвижно, бросая взоры украдкой -
Не победил ли кто-то, не входят ли в зал этот люди,
Дабы кратер огромный внести, для пьянства пригодный
Вот и силен заплясал: как многообразно искусство
Рук безмолвных, творящих танец, исполненный смысла!
Вот вам одна из картинок: спор меж сыном Кирены
И Дионисом (чей лучше будет напиток предложен!)
На собранье Блаженных. Там не было состязанья
270 [229]
В единоборстве кулачном, беге, метании диска -
Кубки раздали сыну Феба и Дионису,
Также кратеры. В одном вино густое, в другом же
Мед, свежесобранный пчелкой трудолюбивой, томился.
Стал в этом споре судьею Кронид - о сладкая распря,
Сладко ведущаяся за сладостную победу
С помощью чаш и кратеров! Словно Гермес златокрылый,
Эрос, всеми любимый, засомневался в застолье...
Мял он и плющ, и оливы ветвь единой рукою...
Все же плющ протянул он Вакху, а Аристею
280 [239]
Ветвь оливы - лишь в Писе венок из оливы дается,
В граде священном Паллады... И вот Аристей с ключевою
Влагой первым мешает мед, рожденный пчелою
В сотах, богам подает напиток, дарующий мудрость;
Обходя одного за другим, всем чашу подносит:
Боги едва пригубили питье благородное в чаше -
Тут же насытились, с третьей чашей они отвернулись,
А на четвертую даже взглянуть-то не пожелали...
Мед они упрекнули в сытости сладкой! Вот льется
Густовласого Вакха вино из кратера Блаженным...
290 [249]

Пару кубков во длани бог берет и подносит
Первый отцу Кроониду, второй владычице Гере,
Третий же подает он дяде, Энносигею.
После на радость бессмертным богам и родителю Зевсу
Смешивает в кратерах вино и с улыбкою богу,
Помрачневшему ликом, Фебу, чашу подносит...
Все опьянели от многих кубков с напитком чудесным,
Алчущим мало, и просят еще и еще наливать им!
Нет пресыщенья напитком, все просят кубков всё новых,
Радостно восклицают Бессмертные, славят Лиэя,
300 [259]
Как победителя в споре, давшего лучший напиток,
Эрос же неодолимый, распри распорядитель,
Пьян - и плющом кудрявым венчает чело Диониса!
Вот что рукою искусной представил силен круторогий.
Вот подъял он десницу, взлетел он в прыжке высоком,
Очи горё воздевши, от земли оторвался -
То съединяет ноги, их сплетая в полете,
То одну об другую бьет движеньем искусным,
То кругами идя, во вращении быстром несется
Увлекаем по залу вихрем стремительной пляски...
310 [269]
Вот, опершися на палец правый, стоит неподвижно,
Вдруг, разогнувши ногу, на полупальцах подпрыгнет,
То перстами искусными бедер коснется мгновенно,
То колена он выпрямит, сей силен кривоногий,
То стопу он поднимет до плеча или выи,
Обернувшись назад, а то, отбросив преловко
Ногу, в прежнюю позу возвращается быстро!
Вот приведя во вращенье все свое резвое тело,
Перегнулся за спину, почти кольцом совершенным,
Грудь и живот обнажая движеньем неуловимым,
320 [279]
Сохраняя и в пляске венкообразную позу.
Мнится, он головою сейчас вот земли коснется -
Но и назад прогнувшись, он не касается праха!
Вот силен завращался вдруг на ступнях косматых,
Телом откидываясь то вправо, то влево на месте,
Подгибает колена, вытягивается по струнке -
И на спине внезапно оказывается, спрямленный...

Вот превращается в реку, стал влагою будто текучей,
В долах струящейся вольно... Вспухает двурогое темя,
Дабы забить водометом, струею кипящим упругой,
Вот уж и зыбь поднимает гребни над головою,
Чрево же стало пучиной рыбообильной потока.
Сам же силен растекался влагой струистой, а кудри
Возросли тростниками, а над рекою дохнули
Ветерки, и тростинки, сколько б их ни было много,
Заиграли, запели... Сладкой победою Марон
Удовольствован - чашу с вином он до дна осушает.
После, схватив награду силена, ставшего влагой
Зыбкой, кратер из сребра в поток бросает, смеяся...
И вино опьяняет пляшущие потоки!
Место Кратером назвали, по награде силена,
Пляшущего в честь Вакха, чей голос слышится в водах.
После промолвил Марон радостноплещущей влаге:
"Марон тебя не обидел, силен! В тебя опрокинул
Темно-пурпурный напиток, тебя назвал винопийцей!
Так прими, ненасытный пьяница, кроме напитка
Также кратер из сребра и стань сребоносным потоком!
Ах, силен резвоногий, ты пляшешь и будучи речкой,
Свой прыжок преискусный в водоворотах хранишь ты
И продолжаешь пляску вести... Так милостив буди
К сатирам и вакханкам, к вину от позднего сбора,
И да хранишь ты силенов, и племя их, и потомство!
К Марону милостив буди, видеть тебя не хотел бы
Гневным, пенной струею, не победившею в пляске...
Лучше живительной влаги прибавь к маронидскому сбору,
Пусть и средь волн ты пребудешь навек съединен с Дионисом!
О неразумный, зачем за награду первую спорил?
Некий силен когда-то, взяв гордую дудочку в руки,
Вскинул гибкую выю и с Фебом посмел состязаться:
Только косматую шкуру с него самого содрали,
Был он на ветви повешен и сделан мехом раздутым...
Только лишь ветер подует - он прежний лик принимает,
Будто поет он снова, пастырь, ныне безмолвный!

Аполлон же дельфийский сжалился над силеном,
Превратив его в речку, и ныне поток сей струистый
По силену косматому зваться станет вовеки!
Воды его бормочут, лишь только ветер всколышет
Заросль густую песчаных брегов, в тростниках и осоках.
Так вот и ты превратился от огорчения в споре,
Словно другой силен когда-то... Так перестань же
Ты добывать в супруги какую-нибудь вакханку,
370 [330]
Любящую скитаться в горах. Теперь лишь наяды,
Вольновласое племя, радость твоя среди влаги.
Так перестань домогаться венков змеиных Лиэя,
Угря преследуй в струях бурноизвилистых тока,
Рыб вместо змей преследуй с радужною чешуею,
Рыб, скользящих средь влаги в поисках мест укромных.
Но, хоть ты и в разлуке с винолюбивым Лизем,
Все-таки ты счастливый: гроздовью взрасти помогаешь!
Что и желать-то иного? Ты вскормлен не только Вакхом,
Но и Зевсом ты вскормлен, что зыбь твою с неба питает...
380 [340]
Вместо сатиров стаи - волны, а вместо давильни
Пляшешь на хребтовине немолчного Океана!
Облик свой сохраняешь и в лоне влаги текучей!
Нет беды, что силен, гордившийся очень рогами,
Облик речного бога рогатого ныне воспринял!"
Молвил Марон. Дивились все струям извилистым речки,
Даже и в ней признавая силена, искусного в пляске,
Облик и свойства приявшего речки сей прихотливой.

Песнь XX

В песне двадцатой пою секиру Ликурга-убийцы,
В рыбообильные глуби он бога загнал Диониса!

Кончился пир. С благотирсным сатиры Дионисом
В Ботриса дом богатый на ночлег удалились.
К пиру также явились Хоры, что любят гроздовье:
И загудели тимпаны, и зазвучала сиринга
Звонкоголосою песнью... Кравчие же притомились,
Чашу за чашею винной нося допоздна пировавшим...
Только гости все больше вина подавать просили
Слуг и пили все больше. Вот закружилась вакханка,
Пляски буйной подруга чистая, и над перстами
Закрутились кимвалы и волосы взвились по ветру...
10 [11]
Вот призывает супругу Стафила бог виноградный,
Пепел и грязь отирает, пеплос дает ей пурпурный.
Пифоса омывает бородку и тело от грязи
И в хитон облачает новый и белоснежный.
Бросив траурный пеплос, испачканный прахом и пеплом,
Более не отирает слез по ланитам текущих
Ботрис, от скорби не стонет, утешенный Дионисом,
Сундуки открывает и там любуется блеском
Одеяний, каменьем усыпанных преизобильно.
Он родителя Стафила царственный плащ выбирает,
20 [21]
Выкрашенный пурпурной краской из раковин моря,
И в застолье идет, где пируют гости с Лиэем.
Вот над пиром веселым восходит звезда-вечерница,
Свет рассыпая, пригодный для освещения плясок!
Вот одни за другими расходятся гости в покои,
Дабы дары сновидений вкушать на постеленных ложах.
И близ Марона Пифос улегся на ложе едином,
Благоуханный нектар всю ночь извергает дыханьем,
Целую ночь друг друга они вином опьяняли
Равно... А Эвпетала, кормилица бога Лиэя,
30 [31]

Светоч один запалила для Ботриса и для Лиэя,
Сдвоенное застелила пурпурное ложе обоим.
А в соседнем покое, от сатиров с Вакхом подале,
Постелили рабыни ложе златое царице.
Вакху во сне явилась Эрис, кормилица Распри,
На колеснице стояла, львами влекомой, богиня,
Приняв обличие Рейи, любящей рокот трещоток;
Фобос правил возничий призрачной этой повозкой,
Был он и ликом, и телом подобьем Аттиса мнимым -
Мужествен, но и с телом округлоизнеженным тоже,
40 [41]
Голосом звонким, высоким гнал он упряжку Кибелы.
Вот у спящего Вакха встала она в изголовье,
В яростном гневе Эрис, и бога к войне призывала:
"Спишь, Дионис, о потомок бога, Дериадея
Вызвал на смертную битву, а сам предался веселью!
Мачеха, пыл твой завидев воинственный, надсмехалась,
Гера язвила при виде вождя сих пляшущих ратей!
Стыдно мне перед очи Кронида явиться иль Геры,
Ах, позор пред богами - ведь Рейи ты недостоин!
Срам мне! Губитель Титанов, родителя щитоносец,
Бог Арей в поднебесье шествует, вью подъемля,
Гордо щитом потрясает, забрызганный кровью привычной!
50 [53]
Боле того, и твоя сестра по родителю-богу,
Самородившееся безматернее чадо отцово,
Шлемоносица дева Паллада - где ж мне сокрыться? -
Упрекает Афина за лень воителя Вакха!
Тирс уступает эгиде: Паллада мощная древле
Сей эгидой воздетой венчала ворота Олимпа:
Мощно она отразила бурный натиск Титанов,
Роды отцовы почтив явленьем мудрым богиня!
Ты же, бедрй порожденье Диева, только срамишься!
Как смеются-то, глянь, Аполлон и Гермес над тобою:
60 [63]
Первый двойным броском забрызганных кровию братской
Дротов, сынов надменных низвергнул Ифимедейи,
Тот же многоочитого пастыря жезлом смертельным
Погубил, и должна я бегством с неба спасаться,
Дабы не слышать насмешек над Дионисом трусливым!

Видя в бездействии тирсы изнеженного Лиэя,
Над полюбившим пляски и скалы богом смеется
Дева Лучница, та, в колеснице которой лишь лани,
Чья добыча лишь зайцы робкие на охоте
В тех горах, где владычит Рейя, она и смеется
70 [73]
Над укротителем барсов и львов для повозки богини!
Стыдно мне появляться в домах отчего Зевса
Горних, боюся гордыни Летóˊ, что дрот мне покажет
Тот, что ложу богини защитою был от насилья
Тития, отпрыска Геи, пылавшего похотью ярой!
Мукой двойною терзаюсь, как только в небе увижу
Униженье Семелы и звездное Майи сиянье!
Ты не потомок Зевеса! Не поразил ты стрелою
Ни ужасного Ота, ни Эфиальта-громаду,
Тития ты не повергнул погибельным дротом пернатым
80 [83]
С Орионом злосчастным и дерзким! Пастыря Геры,
Аргуса, сына Аруры, сего соглядатая брака
Зевса с отроковицей рогатой, не погубил ты!
Стафил с Ботрисом вместе пиром тебя развлекают,
Ты, неоружный, бесславный, пьянство одно воспеваешь!
Сатиров племя бесчестишь, сынов земнородных, они же
Вакховой пляске предавшись, того, кто крови не пролил,
Битвенный пыл утопили на дне кратеров питейных!
Ибо пиры бывают, конечно, но после сражений!
В доме Стафила пляске предайся ты лишь после битвы
90 [93]
С индами, бей же в пектиды после кровавой победы!
Без деяний отважных неба не завоюешь,
Тяжки дороги к Бессмертным, лишь только доблесть откроет
Свод небесный пред богом с тропою прямою к Олимпу,
Бремя снеси деяний многообразных - и Гера
Гневная станет мириться с твоим пребыванъем при Зевсе!"
Молвив так, улетела. Бог же восстал от ложа,
Чувствуя отзвук ужасный грозного сновиденья.
Встал и Ботрис отважный, накинул хитон он пурпурный,
Блещущий ярким сияньем раковин сидонийских,
100 [103]
Он золотые плесницы застегивает торопливо,

На неустанные плечи набрасывает накидку
И закрепляет застежку на ткани царственно-алой,
После на бедрах вяжет царский пояс отцовский,
Жезл забирает также. Червленую колесницу
Сатиры запрягают, а Дионис их торопит.
Мык испускают силены, вопят исступленно вакханки
Тирсоносицы. Рати готовы к походу на индов,
Строятся строем походным. Авлос Эниб уж грохочет,
И полководцы выводят полки по отдельности каждый.
110 [113]
Вот на хребет медвежий одним прыжком залетает
Некий вождь и хлещет бичом, безумного зверя
Будто в галоп пуская! Другой, бодцом помавая,
Колет косматое чрево тура, гоня на дорогу,
Пятками обхвативши ребра мощные зверя.
Тот взобрался на выи львов косматогривастых,
Вместо узды ухватившись за шерсть густую загривка.
Дом оставляя родимый и отческие владенья,
Ботрис в алой одежде на колесницу с четверкой
Коней взбирается, хочет быть с Вакхом винолюбивым,-
120 [123]
Следом же едут служанки. А рядом с Метой юница
В белой тунике в повозку среброколесную села:
Это Фасúлейя правит упряжкою и повозкой,
Бич золотой воздымая над гривами мулов густыми.
Пифос же большеголовый, тащась позади колесницы,
Следовал точно слуга за Ботрисом и Дионисом.
Он не оставлен наградой: взял и его к лидийцам
Царственный Вакх и поставил подле винодавильни,
Дабы в широкое горло принял он ток виноградный,
Льющийся внутрь изобильно, в имени оправданье:
130 [133]
Ибо с донышком алым стоит он подле давильни
И приношенья поныне от Диониса приемлет:
"Пифос" сосуд сей зовется, а коли 6 умел говорить он,
То рассказал бы, веселье сатиров видя и слыша:
"Пифос зовусь я, и ныне - сосуд, а был человеком,
Стоя подле давильни, сладостный сок принимаю,
Стафила я слуга и Ботриса, ассирийских,
Юношей, оба они мной, старцем, воспитаны были,

Оба они меж моими боками таятся, живые!"
Только все эти событья исполнятся много позднее,
Вакх же владыка ныне и Библ, и Тир проезжает,
140 [144]
Благоуханные струи Адониса, влаги любовной,
Скалы Либана, домы Кипрогенейи-богини,
Вот он и в Арабӣи, и лесам благовонным
Густолиственным в Нисе на склонах отвесных дивится,
Городу на вершине, родине копьеносцев!
Там обитал Арея отпрыск, мужеубийца,
Только отцу подражавший в его ужасных деяньях,
Беззаконник жестокий, губил он всех чужестранцев,
Яросвирепый Ликург, умерщвлял он странников медью,
Головы человечьи после втыкал он в ограду,
150 [154]
Эномаю подобно, чья дочь злосчастная долго
В доме жила закрытом словно пленница-дева,
Так и старела, не зная любви супружеской ложа,
Но Танталид явился с упряжкой, моря бороздящей,
С непобедимой четверкой кóней Энносигея,
Дабы принять участье в ристаньях смертных за деву,
Там Миртил хитроумный как победить им придумал,
Ось колесницы враждебной сменил он на ось восковую,
Ибо жалел и любил несчастную Гипподамейю;
Гибель случилась на скачках: Гелия колесница
160 [164]
Ось восковую нагрела, пламенем растопила,
И разлетелось на части то колесо роковое!
Царь Ликург был подобен Эномаю... И часто
Путников с ношей тяжелой на перекрестке хватал он,
В мрачный дворец свозил их и там Эниалию в жертву
Приносил, разрубая в куски... А конечности тела
На зубцы прибивал негостеприимного дома!
Словно воитель, удачлив в битве с врагом ненавистным,
Что поразвесил на стенах знаки победы в сраженьях,
Щит, шелом или панцирь под кровлей родимого дома,
170 [174]
Так в обиталище сем Ликурга, кровью омытом,
Вместо доспехов кисти да ступни висят убиенных!
Да, здесь царило убийство! Пред ликом Гостеприимца

Зевса рубили на части путников, стонущих словно
Кроткие овцы с быками, коих на камне алтарном
Закалают; и почву перед дворцом обагряла
Кровь убиенных невинных, и граждан города силой
Нудили поклоняться Ликургу вместо Зевеса!
Не избежал Дионис силков злокозненной Геры,
Снова она умышляет на доброго отпрыска Дия,
180 [184]
С вестью Ириду послала недоброй, дабы богиня
Сердце ему оплела и ложью, и всяким наветом,
В дланях сжимая секиру, разящую даже и бога,
Оную предложивши Дриантиду Ликургу!
Не опоздала богиня. Преобразив свое тело,
Появилась в обличье мнимом бога Арея:
Над главою взвивался гребень косматый шелома,
Бросила прочь Ирида пеплос златошафранный,
В битве полезной бронею прикрылась, как матерь сраженья,
Бахтерцем окровавленным. Уста изрыгали угрозы
190 [194]
Битвенные, что мужу приличны в единоборстве,
Голосу придала Эниалия бога раскаты:
"Непобедимое семя Арея, ужель ты испуган
Бассарид нежнокожих рати угрозой пустою?
Ибо не амазонки они с реки Термодонта,
Не воительницы боевые с отрогов Кавказа,
Быстрых дротов не мечут, из луков тугих не стреляют,
На скакунах не мчатся воинственно, и за плечи
Щит, обитый воловьей кожей, они не бросают!
Стыдно на бой вызывать их, когда эти слабые жены
Угрожают Ликургу, непобедимому в битвах!
200 [205]
Ленишься ты, Ликург, Дионис же вооружился!
Муж сей - обыкновенный смертный, не из породы
Он обитателей неба, Блаженных! Молва называет
Сыном его Зевеса, а я никогда не поверю
В роды Кроониона-бога, что бабень из бедер мужчины
Может родиться, Зевса, отца моего всеблагого!
В лживые глупые россказни верить? Что обыкновенный
Смертный зачат Зевесом, отцом и мне, и Афине?
Зевс мой не мог рожденья дать слабому трусу земному!

Твой же отец, как известно, Арей, ты знаешь: Афина,
210 [215]
Дочерь Зевеса, могучей мужчины сего, Диониса!
Силы твоей довольно, о сын мой, тебе нет особой
Нужды в отце Эниалии, битв и сражений владыке!
Если же ты пожелаешь, то в бой и я ополчуся,
Одного не оставлю! Коль будет потребность, то Гера,
И сестра, и супруга Зевеса, союзницей будет,
Сопровождая в сраженье ее потомка, Ликурга!

* * *

<пропуск в тексте>
* * *

"...Расположу я во храме эти мнимые копья,
Бассаридовы тирсы, а с круторогих кентавров
Их рога, украшенье огромное, срежу тотчас же,
220 [225]
Дабы луков наделать из них стрелоносным арабам,
Да, сие справедливо! А что до сатиров длинных
И косматых хвостов, изготовлю бичи для ристаний!
Вот подарки какие тебе подарю после битвы!
А трусливого Вакха плесницы пурпурные, платья
Женские алой расцветки, его набедренный пояс
Для сестры и супруги пойдут твоей, Афрогенейи,
Женские это подарки! А женолюбца Лиэя
Всех служанок и спутниц к себе возьму я в рабыни,
Будут служить мне на ложе без всякого брачного вена,
Пленницам так подобает; а что же до веток ничтожных
230 [236]
Лоз виноградных да листьев, Лиэя даров, то пусть пламень
Арабийских их уничтожит, жаркий и быстрый!
Что ж до могучей служанки пляшущего Диониса,
Пусть сия Бассарида новой работой займется:
После блужданий по горным склонам в домашнем наряде
Пусть посидит на задворках, пятнистую сбросив небриду,
Пусть на жернове мелет каменном мелко пшеницу!
Хватит в венки ей рядиться из лоз виноградных да листьев,
Пусть ремеслу двойному поучится эта рабыня,

Предназначена равно Палладе и Киферейе!
240 [246]
Днем при коробе с пряжей, ночью - при ложе любовном!
Пусть веретенце подержит, не Рейи-богини трещотки!
Старцы пускай силены за трапезою веселой
"Эвоэ́!" восклицают, но только не богу Лиэю
Песнь поют, а богу Арею с владыкой Ликургом!"
Молвил он, а Ирида златокрылая тут же
Улыбнулась и в воздух прянула ястребом быстрым.
Царь же Ликург за победы пророчество принял виденье,
250 [254]
Ибо узнал он в птице стремительной и быстрокрылой
Ту, что лесных голубей преследует и убивает,
Ибо и ранее видел знак такой в сновиденьях:
Лев бежал густогривый, пасть оскалив свирепо
В чаще, преследуя племя робкое ланей бегущих
Так, согласно виденью он мыслил бегущих вакханок -
На Бассарид ополчился точно на робких оленей,
Неспособных сражаться... Вестница же Ирида
По повелению Геры ищет уже Диониса.
Щиколотки препоясав пернатой плесницею крепко,
Жезл приявши во длани, Гермесом, вестником Зевса,
Меднодоспешному Вакху предстала и молвит лукаво:
260 [266]
"Брат мой, премудрого Дия дитя, ступай и без битвы
Таинства передай Ликургу-гостеприимцу,
Меч оставь, не рази друзей, наслаждайся ты миром,
Внемли смирившимся, кто же мирный люд повергает?
Кто же на брань вызывает молящих лишь о защите?
Плоть ли сокроет как небо расписанный звездное панцырь?
Спрячет ли шлем с высоким гребнем чело Диониса?
Кудрей венцом змеиным увенчивать тоже не надо!
Тирс, обагренный кровью, оставь, возьми лишь с собою
Рог с вином благовонным и жезл, твоей длани привычный,
270 [276]
Дар опьяненья другу лозы протяни ты Ликургу!
В пеплос ярко-пурпурный плоть обряди поскорее,
В пляске пойди, безоружный, и песнями воздух наполни!
Пусть отдохнут твои рати в сени густолиственной чащи,
Не устремляйся на битву с кротким и мирным владыкой,

Кудри венчая милым венком, начни восхваленье,
Радостный, оказавшись у дома честного Ликурга
Словно юный жених, а тирсы, что индов рассеют,
Прибереги для сраженья с упорным Дериадеем!
Нет, Ликург всевладычный не избегает сражений,
280 [286]
Он ведь от крови Арея, восходит к потомкам Зевеса,
В битвах жестоких являет отца Эниалия силу,
Не убоится и распри с самим Кронйоном также!"
Так убеждала богиня, а после плесницей мгновенной
В горнее лоно вступает. Лукавством Ириды плененный,
Бог Дионис свои тирсы воинственные оставляет,
Шлем с высоким гребнем снимает с кудрей волнистых,
Щит слагает как небо расписанный, и безоружный
Дланью чашу вздымает с ало-пурпурною влагой,
Остроконечный рог с питьем беспечальным, и темя
290 [296]
Виноградной лозою с плющом густолистным венчает!
Благооружное войско и рати воинственных женщин
Бросивши близ Кармела с повозкой, влекомою львами,
Странником пешим пустился в дорогу, одевшись попроще
Песню сиринга пела как в веселом застолье,
Пели двойные авлосы песню, приличную дружбе,
И, вращая во дланях роптры и клича в честь Вакха
"Эвоэ́!", Бассарида плясала пред дверью Ликурга.
Только владыка надменный услышал пляски и песни,
Шум авлосов, гудящих в ладе берекентидском,
И переливы сиринги, и кож воловьих гуденье
На барабанах огромных - вышел из дому навстречу.
300 [308]
И завидев у двери виноградного бога,
Стал над ним надсмехаться, язвить и злобно, и гнусно,
На вакханок Лиэя брань возводить да угрозы:
"Подношений не видишь разве под этою кровлей?
Так же и ты, мой милый, украсишь тирсами дом мой,
Дланями или стопами, или кровавой главою!
Сатиры тоже рогаты - чей вождь ты, Вакх роголобый? -
Вот и секирой двуострой рога вам поотрубаю!
Вот гостевой мой подарок тебе, чтобы после сказали
Смертные или боги: "О, над вратами Ликурга

Плоть Диониса прибита, изрублена на кусочки!"
Я не Беотией правлю, не Фивами я владычу,
Тут не покои Семелы, где лишь одних недоносков
Зачинают от молний жены, от громов рожая!
Тирсом колеблешь с лозою? Но я потрясаю секирой,
Бычий лоб раскрою я прямо посередине
И разобью витые рога изострые бычьи!"
Молвил, и за Диониса кормилицами погнался,
320 [326]
Замахнувшись секирой - и девы, любившие пляски,
Пястями бить в кимвалы звонкие Рейи богини,
Да в трещотки, да в бубны, да в простые тимпаны,
Всё побросали... Одна лозу да гроздовье теряет,
А другая роняет чаши с нектаром сладким.
В прахе пооставляли сладостные сиринги
И авлосы, чье пенье уста пробуждало Афины...
Так на исходе зимних дней, средь мирной чащобы,
Пастырь, видя луч солнца, пробившийся сквозь ненастье,
Пану знак подает и нимфам для песен и плясок:
330 [336]
Вдруг из-за скал высоких низвергается влага
Горных ручьев полноводных бурно несущихся сверху,
Тут игрец на сиринге невольно ее и бросает
В страхе, что вал внезапный камней и грязи с отрогов
Смоет овечье стадо и потащит в пучину -
Так владыка рассеял с воплем вакханок веселых,
По отрогам крутым разогнал мималлон священных,
И развеяв всю свиту, спасшую жизни лишь в бегстве,
Тут же напал секирой святою, Геры подарком,
Меднодоспешный Ликург на неоружного Вакха!
340 [346]
Гера, грозная в гневе, гром небесный метнула -
Мачеха против Лиэя вражду питала и этим
Знаком его устрашала. От гнева ревнивой богини
Затрепетали колена Вакха... Кроониона, мнилось,
Он прогневил и тот покровительствует Ликургу,
С горних высот посылая грохот и пламень перунов!
И бесноватые ноги прочь его тут же уносят,
Дабы мог он сокрыться в зыбях эритрейских лазурных!
Тут его принимает на мягкое лоно Фетида

И увлекает бога под многошумную кровлю,
350 [356]
Гостеприимною дланью Нерей арабийский встречает
С дружбой и утешает словом кротким и тихим:
"О Дионис, промолви, что взор твой стыдливо опущен?
Нет, не рати арабов бежал ты, землею рожденных,
Нет, не смертного мужа, не пики его изощренной!
Дия Кроониона, бога благая соложница, Гера
Ополчилася с высей и ободрила Ликурга,
Гера с ярым Ареем и меднозданное небо!
Сколь ни могуч Ликург - он четвертый, и высочайший
Повелитель эфира часто потворствует Гере
360 [366]
Славою ты прирастаешь, и все Блаженные скажут.
Что и сестра, и соложница Дия великого, Гера,
Ополчилась свирепо на кроткого Диониса!"
Так утешал Нерей речами Бромия-бога.
Только в светло-лазурных зыбях Дионис схоронился,
Речью Ликург разразился бранной на волны морские:
"О, зачем же ты, Отче, про волн не поведал уловки?
Я б состязаться стремился в ловле рыб с рыбаками,
За Дионисом охотясь, с глубокопучинного лона
Я бы снова на сушу раба лидийского вывел!
370 [376]
Но ремеслу не обучен, рыскать по морю за рыбой,
Хитростей и уловок охоты подводной не знаю...
Оставайся же в доме Левкотеи пучинном,
Вместе пока с Меликертом тебя я не выловлю снова,
Родственником по крови... Нет нужды мне ни в железе,
Ни в обоюдной секире, земном оружье; довольно
И сетей рыболовных, дабы из вод эритрейских
Выловить Диониса, сокрывшегося в глубинах!
О рыболовы, Нерея ловушки вы смотрите часто,
Не тяните же сети в поисках зверя морского,
380 [386]
Лучше мне Диониса найдите и Левкотею,
Вместе с этим Лиэем их приведите на землю,
Также и Палемона отважного в дом мой ведите,
Дабы уже он на суше служил владыке Ликургу,
Дабы, покинув Эфиру и скачки упряжек пучинных,

Он запрягал колесницу моими лишь жеребцами
С кровником Дионисом... Хочу держать их под кровлей
Собственной я обоих, и Вакха, и Палемона!"
Так воскликнул во гневе, так грозился он морю
И Нерею седому, и высечь желал он пучину!
Только вот Зевс-родитель безумному молвил Ликургу:-
"О Ликург! Не безумствуй, не бейся напрасно с ветрами,
Бегством спасайся, покуда видят мир твои взоры!
Слышал ты, верно, сказанье: когда-то у горных истоков
Мельком увидел Тиресий нагую богиню Афину -
Бросил ли быструю пику, стал ли он с нею сражаться?
Нет! Он только увидел - и свет померкнул для взоров!"
Слово такое бросил с неба Зевс Вседержитель,
Только заметил Ликурга надменного нечестивость!

Песнь XXI

Двадцать первая песнь - о гневе Энносигея,
Об Амвросии сраженье, об ухищрениях индов.

Дриантиад не оставил прежней угрозы и брани,
Снова секиру двойную подъял он, и ринулся снова
На Бассарид, по дебрям гоня их - но в Амвросию
Зевс вдыхает небесный мужество и отвагу.
И вакханка, пылая неистовой яростью битвы,
Гору-скалу поднимает и мечет громаду в Ликурга.
Падает от удара с главы шелом меднозданный...
Царь, разъярившись, хватает глыбу громадней и мечет
Мощно в грудь обуянной яростью битвенной девы,
Но не повергнул и речью соромною разразился:
10 [11]
"Битв повелитель Арей, родитель силы Ликурга,
Узри сором потомка, ибо вместо Лиэя
Бьется со слабою девой и безоружной к тому же!
Море секиры могучее, ибо в пучине соленой
Бог Дионис сокрылся, а я стою неприкаян...
Должен ли я вернуться во град, не свершивши деянья?"
Молвил он, и Амвросию, напрягши могучие мышцы,
Обхватил вкруг бедер - связать ее вервием хочет,
В рабство взять Бассариду, увлечь от края родного,
Бромия мамку родную, священнобезумную деву,
20 [21]
Рубит двойною секирой, желая в спину уметать...
Но не сошла она с места, и никакого потока
Крови не пролилося из перерубленной плоти!
Оная нечестивца бежала, Гею молила,
Дева шафранноодетая, вызволить от Ликурга...
Плодоносная Гея недра свои открывает,
Бромия Бассариду в благолюбимое лоно
Заживо принимает, сию Амвросию... И дева
Преображается в стебель гибкой лозы виноградной,
Обвивается крепко вкруг владыки Ликурга -
30 [31]

Выю ему сдавила, душит плетью-побегом,
Тирс потеряв в сраженье, бьется грозной листвою!
Рейя в великой яри дар речи дала растенью,
Сделаться дабы угодной властителю лоз Дионису.
Вот вопиет Амвросия человеческой речью:
"Не откажуся вовеки биться, хоть я и растенье,
Я умерщвлю твое тело побегами, а вместо цепи
Медной свяжу тебе руки волокнами лозовины!
Будучи и лозою, стану сражаться, и скажешь:
"И среди лоз бассариды убьют того, кто убил их!"
40 [41]
Бойся гроздовия в битве! Недругов ненавистных
Дроты-ветви сражают, пронзают копья-побеги!
В жизни с тобой я сражалась, в смерти тебя ниспровергну,
Вот какова могучесть тех, кто питал Диониса!
Слышал ли про держилодью, рыбку морскую, что часто,
Слабая, нападает на моряков и их струги,
В море их остановив? Довольно бывает ей глотку
Приоткрыть, дабы судно остановилось на месте!
Я - держилодья земная, не из железа, из листьев,
50
Мне гроздовье - оружье, что в схватках врагов побеждает!
Здесь пребывай, в ожиданье, ты увидишь, как отпрыск
Славный богини Тионы вернулся из лона морского!"
Так изрекал из пыльной зелени глас Амвросии,
Ставшей лозой виноградной, низвергшей владыку Ликурга.
Узами побежденный зелеными дикий воитель,
Неодолимой листвою будучи обездвижен,
Все же вопил непрестанно, дерзко грозя Дионису,
И обессилел - напрасно старается, бьется и тянет
Выю от хрупких побегов, опутавших все его тело...
60
Тщится и силится крикнуть - чем боле усилий, тем боле
Узы могучей и крепче! И вот сбежались вакханки,
Видя, что воин почти удушен зелёною ветвью...
Тут Арей копьеборный похитил секиру двойную
Сына, боялся, что Бромия ярая дева святая
Поразит смертоносной секирой тело Ликурга.
Только вот Дриантиада не смел от узилищ зеленых
Освободить, ибо молний родителя устрашился:

Громы грозящего Дия с высей будто заслышав
Тут, набросившись яро на кудри густые героя
Неукротимого, рвет власы Поликсо́ в исступленье,
После в недруга чрево впивается пястью свирепой,
Бахтерец с тела сдирает и рвет его на кусочки,
В ярой свирепости гнева - о, пойте, отважные Музы,
Чудо сие из чудес! Ведь панцырь был из железа,
Женские слабые руки как полотно его рвали!
Только сплели из стеблинок тонкие прочные плети,
Пышноволосая Клейда и Гигарто лозовая
Бичевать устремились сразу же спину Ликурга,
Мяса кровавые полосы с плоти сдирая при этом!
Шипом изострым аканфа Флейо́ в безумье лодыжки
Прободает; Эрифа, с нею и Эйрафиота
В бороду сразу густую впиваются посередине,
Мужа повергнуть пытаясь на землю. В сражении этом
Корифейка вакханок пляшущих, Фасилейя,
Злым пронзает бодцом во гневе недруга бёдра...
Вот ополчилась Теопа, вскормительница Лиэя,
Посохом щит пробивает; кромсают владыку Ликурга
Бромия соименница, Бромия, и Киссеида,
Плющелюбивая дева с бичом во дланях лютует...
И, когда мука такая терзала владыку Ликурга,
Худшее горе случилось: на арабийские земли
Энносигея-бога воздвигла горная Рейя,
Могущего и мир разбить ударом безмерным!
Вот разбивает затворы, что чрево земли закрывают,
Моря владыка, земли колебатель, трезубцем пучинным:
Из внутричревной бездны вырвались бурные ветры,
Ветры, рвущие почву, ибо воронкой воздушной
Страшно они буравят самую толщу земную...
Неколебимое лоно колеблется Араби́и,
Кровли, под облаками парившие, пали на камни,
Вырваны с корнем дубравы... Лишь только ударил трезубец,
Арабийской Нисы в пляс пустилась основа,
Ясени полегли, посыпались листья лавра

В прах и сосна лесная рухнула в горные сосны!
И, пока бури подземья, колеблющие мирозданье,
До основанья рушат жилищ столбы и подпоры,
Новое горе приходит неслыханное. В лачугах
Уединенных плетью Мéгайры змееволосой
Возбуждены, все жены нисийские вдруг замычали,
Собственное потомство умерщвляя - вот матерь
Мальчика ухватила одна и подбросила в воздух,
И вперед головою летит ребенок на камни;
Вот другая терзает младенца, груди не давая,
Третья уж обагрила длани кровавым железом,
Искромсав на кусочки тельце, ставши Агавой
Яростной... Кинулись жены все на собственных деток,
Собственных новорожденных ножами режут на части...
Вот иной устрашенный бичом неистовым Пана,
Пастырь земли арабийской резне предается свирепой!
Так быкопасов терзает яростное безумье
Рейи, что на младенцев собственных даже ярятся
И в куски их кромсают... Разума вовсе лишились,
И не питают деток - хоронят в собственном чреве!
Но и под пястью вакханок, в объятьях зелени душной,
Связанный, царь не склоняет колена перед Лиэем,
Дланей к Дию не тянет, моля милосердной защиты,
Молнии не страшится, изрыгает угрозы
На Бассарид, и даже завидев блистанье зарницы
Над головою своею, не клонится перед Вакхом!
Сыпятся отовсюду удары, но и побоев
Вовсе он не боится, недругам сопротивляясь,
Только Арей защищает воина, спорит единый
С Зевсом и Посейдоном, Рейей, Землею, Нереем,
Вакхом Мукой терзаясь, кричит он гласом безумным:
"Пламя мечите! Палите лозу, огню предавайте
Вакхово это гроздовье, пепел в пену морскую
Киньте, туда, где укрылся сей Бромий глубокопучинный,
Доблести арабийской соглядатай! Богиня
Моря, сама Фетида, да примет пепел гроздовья,

Пусть пылание листьев зальет она пеной морскою!
О, разбейте оковы - они только морок непрочный!
Да! Лишь морок, я знаю, нереид Посейдона!
О, разбейте и бросьте в зыби меня! Я желаю
С богом Протеем сразиться! Светоч смолистый зажгите!
Выйти хочу на берег, пламенем мщенья разрушив
Влажного Меликерта, Вакхова гостеприимца!"
Так вопиял, угрожая Нерею и Дионису.
Гера пришла в Арабию и Эниалия сына
Освободила, с лозою изнемогшего в битве,
Медью Арея изострой, направила на вакханок
150 [151]
Мечного лезвия блеск божественного творенья,
И обратила в бегство кибелиных дщерей сиянье!
После она срубает железом листву Амвросии,
Что оплела все тело спеленутого Ликурга,
Успокоила после Лазурнокудрявого бога,
Зевсова родича Гера, и Рейю, богиню праматерь,
Вымолила Ликургу среди бессмертных Блаженных
Место... И арабийцы на жирных камнях алтарных
Сына Дрианта как бога чтут, но не возлияньем
160
Медовосладкого сока от сбора плодов Диониса -
Кровию, в память Ликурга, сражавшегося против Вакха!
Все это старец Хронос свершит намного позднее.
Зевс же отец, дабы смертный не повадился боле
Подражать всем поступкам неистовейшего Ликурга,
Что оспорил победу непобедимого Вакха,
Сделал сего безумца, царя, слепцом побродяжкой,
Ищущим по дорогам в неузнаваемый город
Путь, того, кто поможет страннику правильно выбрать
Направленье, что вечно пыль придорожную топчет.
170
Все в горах это было. Тем временем в эритрейском
Море Нереевы дщери в доме глубокопучинном
Лакомствами морскими потчевали Диониса.
Зависть и ревность отбросив к небесным высям Семелы,
Приободрившись, запела в честь винообильного Вакха,
Воскормительница Диониса Ино, что морскою
Стала богиней, и нектар сладостнотерпкий в кратерах

Меликерт виночерпий подал, брат Вакха молочный.
Бог продлил пребыванье в струистых подводных жилищах,
Море стало просторным домом изгнаннику в безднах!
180
Часто средь водорослей качался в Фетидином лоне
Вакх, кормилицу также, прекраснокудрую матерь,
Не устает он приветить Ино, кадмейскую деву,
Заключает в объятья нежные и Палемона,
Погодка и брата молочного... В это же время
Онемевшей стопою ступая без мысли о пляске,
Позабыв хороводы вольные, песен не помня,
В поисках Вакха блуждает растерянная Мималлона,
Следа повсюду взыскуя Лиэя, ушедшего в море;
Сатир, любящий игры (с лица его спала улыбка!),
Скорбию отягчен и горем, что столь ему новы!
190 [191]
Паны, топча копытцем чащи лесные и склоны,
Паны повсюду ищут пропавшего Диониса.
Да, и силены не пляшут: умолкнув, бросив кимвалы,
Слезно по нем тоскуют... Стонет кронийская дева,
Воскормительница Диониса, дева Макрида, вакханка,
Та, что скорби не зная, стояла рядом в повозке
Все в печаль погрузились, в разгаре скорби всеобщей
Скельмис, оставив приюты морские, где нет даже зыби,
Сам же сухим пребывая, гнал повозку по волнам
И возвещал возвращенье близкое Диониса!
200 [201]
И когда покидает трапезу Вакх морскую,
По отрогам Кавказа к весям и градам индов
Вестник летит ветроногий винотворного Вакха;
Быколикий, подобен обликом круторогим
Он богине Селене рожками точно такими,
Носит через плечо он шкуру козочки горной,
Что на ключице левой крепится гнутой застежкой,
Шкуру, что до бедра до самого справа доходит,
А от ланит обеих уши как у онагра
Дикого, шерстью густою покрыты. А в середине
210 [211]
Поясницы выгнулся хвост волнистый и гибкий.
Стало смеяться над вестником индов смуглое племя,

Видя как к месту глашатай, где на двойной колеснице
Высился Дериадея трон, с трудом пробирался.
Остановились внезапно слоны боевые владыки,
Молвил царь, издеваясь над сатиром, голосом громким:
"О двутелые вой, коих ко мне посылает
Дионис быколикий, игрушка для битвы свирепой,
Вы двуприродны, и ликом не только смертные люди,
Вы как будто и звери... Своею двойною природой
220 [221]
Одновременно быки и мужчины! Ведь оба же лика
Слиты, и морда бычья, и человеческий облик!
Вакх же твой притязает на власть над огнем, ибо вышел
Он из лона Тионы, сожженной молнией Дия!
Только пламени влага могучей! И ты это ведай:
Инд Гидасп, мой родитель, залить в состоянии пламень
Зевса, возженный когда-то от огненного дуновенья!"
Молвил - и распри начало знаком сим оглашая,
В щит свой пестрочеканный мечом ударяет немедля,
В самую середину, и от медью обитой
230 [231]
Шкуры воловьей отзвук пошел и гулкий, и мрачный!
Грозному же владыке, губы открыв в изумленье,
Резвокопытный посланец измолвил ответное слово:
"Дериадей скиптроносный! Бог Дионис призывает
Индов винную влагу давить из сладких гроздовий,
Годную для возлияний богам, без войны или битвы!
Если они откажут, то с тирсами ополчится
Род вакханок свирепых и в рабство повергнет Гидаспа!
Истинное посланье ты слышал! Ныне промолви
Слово ответное, дабы я передал Дионису!"
240 [241]
И скиптроносный во гневе речь извергает правитель:
"Что за дерзкие речи держит сия образина!
Стыдно мне, воину, силой повергнуть такого на землю -
Ни щита не имеет, ни дрота изострого в дланях!
Ведомо, что предводитель твой претерпел! То проведал
Ганг: и трусость Вакха, и силу отваги Ликурга!
Знаю, что твой властитель, бог ложный, бегством спасался
Во глубину морскую спасительного простора!
Коли желаешь, немедля в мидийский край отправляйся,

Там говори о плясках и шествиях Диониса!
250 [251]
Бактрию обойди, где богом Митру считают,
Светит свет ассирийский в Персиде, Дериадей же
Ни Блаженных бессмертных не знает, ни почитает
Ни Зевеса, ни Солнца, ни хора созвездий небесных!
Крона вместе с Кронидом, губителем власти отцовской,
Крона, потомство пожравшего собственное - отрицаю!
Он ведь лишил Эфира органов детородных!
Знать не хочу приношений поздней лозы виноградной,
Не приемлю иного питья, кроме злата Гидаспа,
Хмель мой - копье боевое, питье - мой щит волокожий!
260 [261]
Не рождала Семела меня во пламени грома,
Принявшая погибель в огне, но только лишь Распрей
Меднодоспешной я вскормлен, битвами ненасытимой!
И меня не заботят Диевы дети, лишь только
Двух я богов почитаю в мире - Воду и Землю!
Прочь! И про это трусу доложи Дионису!
Горе тебе! Удалися! Не то тетиву напрягу я!
Горе тебе, если дланью схвачусь за копье! И для боя
Собирай своих чудищ, безоружных безумиц,
Бейся с Дериадеем, и после индов победы
270 [271]
В спутники Диониса своим копьем я добуду!
Ты не глашатай больше, ведь ты же не в состоянье
Быть и рабом домашним! Но твоими ушами
Обвевать на пирах меня тебе я дозволю!"
Молвив такое, он взглядом грозным его отсылает.
Все же царь на табличке восковой нацарапал
Бранное Вакху посланье, на створках ее деревянных:
"В силах ли, о Дионис, ты биться с Дериадеем?"
Так написал, а вестник пустился обратной дорогой.
Возвеселились силены, ибо восстал из зыбучих
280 [281]
Вод Дионис и смешался с толпою жительниц горных.
Прыгали сатиры, в пляску пустились бурно вакханки,
И на слабых ногах и Марон-старик взвеселился,
Опершися руками на шеи вакханок-соседок -
И вино полилося от уст благовонной струею!

Простоволосая, песню заводит тотчас Мималлона,
Восхваляя в сей песне вернувшегося Диониса.
Бог же лозы виноградной забыл о недавних печалях
Радости предаваясь, ибо узнал он в пучине
Все, что произошло от Протея, отца Торонея:
290 [291]
Как земля Араби́и страдала от землетрясенья,
Как Ликург по дорогам, немощный, бродит, ослепнув,
Как пастухов постигла вдруг смертоносная ярость,
Как земледельцев разум тронулся, как на кусочки
Женщины новорожденных стали терзать не жалея,
Как Гиады взнеслися и даже как Амвросия
Жизнь земную оставив, взлетела к высям Олимпа,
Та Амвросия, что билась с неукротимым Ликургом,
Не одолевшим лозы виноградной с листвой и гроздовьем..
В радости все пребывали, когда невредимый и здравый
300 [301]
Вестник, нетерпеливо поджидаемый, прибыл.
Он рассказал о безумной надменности Дериадея,
Подавая табличку двойную с войны объявленьем.
Медлить не стал Дионис: на битву он всех призывает,
Только проведав про эти вести от Дериадея,
Писанные на табличках буковками нарезными!
Он повелел радаманам кочевным (их некогда Минос
Выгнал из острова Крита, и они добралися
До земель Араби́и), по Рейи-богини совету,
Быстрые струги морские для битвы с индами строить.
310 [311]
Сам же быстро повозку погнал к восточным пределам,
Словно утренний светоч сияя в доспехах. Кавказа
Кручи и скалы минуя, край горный отрогов высоких,
Пересекает он пашни светоносного края,
Достигает пределов, где бег зачинает бог Гелий.
Вот раздается окрест благотирсного шум ополченья,
В бой идущего войска нагорного Диониса;
Дериадей же засаду индов располагает
Рать отправив свою на берег противолежащий.
В этом замысле он вдохновлялся только всецело
320 [321]
Меднодоспешным Ареем. Вот уж на стругах все войско

Индов, весла вздымая, плывет через воды Гидаспа.
Вот разделяются рати индов на две половины,
По берегам похожим идут реки копьеносной.
В сторону Зефира вел свои рати Турей-полководец,
Дериадей продвигался в сторону жаркого Эвра.
Было там место с тенью густою, чаща деревьев
Тесно переплеталась ветвями и листьями вместе,
Образуя полость просторную. Не достигала
Ни одна в полете стрела сих могучих деревьев,
330 [331]
Если кто и стрелял бы; и в сердцевину чащи
Не доходили солнца лучи, хоть и в полной силе
Жара полдневного, листьев сплетенных не пробивали,
Даже и ливень небесный не смачивал почвы в сих дебрях,
Воды дождливого Дия, едва ли в сводах ветвистых
Слышался Зевсов ливень, льющий волну дождевую.
Этою чащей лесною двигались тайно отряды,
Прячась в зеленом подлеске, под сенью густою деревьев
Незаметно, бесстрашно; в лоне непроходимом
Дебрей бесшумно шагали шагом они осторожным,
340 [341]
Не сминая ни ветви, не трогая ни листочка,
Не пригибаясь от страха, не трепеща, точно зайцы,
Ни один и цветом в лице своем не изменился:
Духом были бодры и отважны, и даже на ложе
Сна, когда очи смеживши, с недругом ждали сраженья -
Так они шли под песню, в ногу на битву шагая!

Песнь XXII

В двадцать второй же песне - Бромий в деяньях и битвах
Айакóса деянья в водах бурных Гидаспа.

Только лишь брода достигло реки благогалечной войско
Вакха, шедшее пешим ходом, там, где в заливы
Глубокодонные воды Гидасп индийский подобно
Нилу вливал, Бассариды сразу женскую песню
Затянули в фригийском ладе в честь Вакха ночного,
Сатиров хор косматых в честь тинств им откликался -
Всюду пашни смеялись, гудели окрестные скалы,
Всюду вопили наяды, и над волною безмолвной
Нимфы плясали и пели, рождая водовороты,
Песню на лад сикелийский особый, подобный напевам
10 [11]
Что из медоточивых уст когда-то звенели
Дев Сирен пес но певчих... И вот уж трепещет вся чаща:
Мудростью наделены, авлóсом дубы загудели,
Адриады запели, средь листов затаившись,
Спрятанной среди веток нимфы послышался голос!
Белоснежным млеком окрасились струи истоков,
Бывшие влагой прозрачной; на лоне каменном русла
Заплескались наяды в млечных зыбистых волнах,
Насыщался белым млеком... Из каменной щели,
Ставшей пурпурною, брызнул сок вина молодого
20 [21]
Сладостного; по гребню, где никогда винограда
Не вырастало, сусло течет и сами собою
Меда льются потоки, что только лишь пчелы даруют -
Нет боле нужды и в сотах! Средь зарослей, скудных дотоле,
Поднимаются ветви с плодом округло пушистым,
Сам собою сочится, никем и не выжимаем,
Вдоль ветвистого древа Афины сок маслянистый!
Псы охотничьи пляшут - в пляс пустились и зайцы!
И огромные змеи исходят в вакхическом плясе,
Ступни лижут они змеевласого Диониса,
30 [31]

Выгнув гибкие выи, одна с другою сплетаясь,
Испускают шипенье радостное из пастей!
Радостномудрый лад заставляет их извиваться
Растянув хребтовину длинную, кольцами виться,
И подпрыгивать вдруг до бесстрашных колен Диониса!
На высоких прибрежьях Инда скачут и тигры
Будто в играх веселых, и в самой чаще деревьев
Стадо огромное в танец слонов пустилось нагорных!
Прыгая по ущельям глубоким, паны несутся,
Цокая резвым копытцем по неприступным и страшным
40 [41]
Скалам, где бы и птица не всякая пролетела,
Бьющая парой крыл в высоком воздушном полете!
Гривой косматой, идущей вдоль хребтовины, качает
Лев над недругом грозным, неистово пляшущим вепрем;
Птицы своим щебетаньем пенью людей подражают
И, заимствуя песню, голосом человечьим
Предрекают победу богу с индами в битве,
Тельцем зеленым зависнув в воздухе, направляют
Сами себя, опираясь на хвост! Состязаются звери
В восхваленьях, и вместе с барсами пляшут медведи;
Сдерживает Артемида свору быстрых ищеек,
50 [52]
Львицу завидя, что кротко свершает прыжки плясовые,
И на луке стыдливо она тетиву разрешает,
Чтоб веселящихся тварей пернатого не уметить!
Вот некий инд замечает чудеса Диониса,
Подсмотрев сквозь сплетенья сучьев веток и листьев,
Но, всю зелень раздвинув, видеть может лишь столько,
Сколь позволяют в шеломе прорези видеть глазные
Воев в вооруженье тяжелом бьющихся в битве,
Или сколь муж на орхестре в трагической маске увидит,
Звонкий глас испуская искусно из уст велелепный,
60 [62]
Взором из-под отверстий резных наблюдая за сценой
Той личины, что облик смертного представляет!
Так чудеса и деянья, скрытый в зелени чащи
Инд, лицо утаивши, наблюдал в отдаленье.
Весть он войску доносит врагов. Турей испугался,
Стал бранить Моррея с безумным Дериадеем.

Каждый инд трепещет, забыл он уже о сраженье,
Из ослабевших дланей падает долу оружье
Лишь при виде деревьев, поющих в священном безумье.
Кинулось войско индов на соседних прибрежьях
70 [72]
Знак и образ моленья сбирать - листовье оливы,
Дабы склониться выей пред Вакхом непобедимым.
Но измененный явился лик злоискусницы Геры,
Дерзость она в них вдохнула, сказала индов владыке,
Что Дионис владеет колдовством фессалийским
И отравами Кирки, что, обратяся к Бессмертным,
Он отравил теченье реки, дотоле столь чистой,
И легковерных врагов убедила и наказала
Не попадаться в сети, какая б их не томила
Жажда, ибо испивши воды, ума все лишатся!
80 [82]
Вот из засады искусной, никому не заметной,
На пировавшее войско двинулись смуглые инды.
Тут из зелени древа, волнуемой веяньем ветра,
Прянула, прямо из пущи, дева-гамадриада:
Тирс во дланях держала, взглядом подобна вакханке,
Ей в подражанье кудри ветвью плюща приодела;
Знаком она безмолвным поведала о нападенье,
После, придвинувшись ближе, на ухо шепнула Лиэю:
"О Дионис виноградный, лоз плодоносных властитель,
Гроздья твои адриадам несут красоту и довольство;
90 [92]
Я ведь не бассарида, не спутница я Диониса,
Только одно лишь подобье тирса во дланях держу я;
Я не из Фригии, отчей земли твоей, не средь лидийцев
Я обитаю, не рядом с их полноводным потоком,
Я лишь гамадриада сей кущи, где затаился
Враг в незаметной засаде! Забыв о собственном крае,
Войско твое от смерти спасти я хочу, хоть и родом
С Инда брегов, но сердцем верна я сатирам только,
С Дериадеем я быть не желаю, но лишь с Дионисом!
Лишь к тебе благодарность жива, от влаги текучей
100 [102]
Все зачинается к жизни, всякое произрастает
Древо от токов, что влажный льет Дий, твой небесный родитель!

Ветвь виноградную дай мне, ее я выращивать стану,
Дай мне лозы ветвистой - печали она разрешает!
Но не спеши, милосердный, переходить эти воды,
Дабы на вас не напали рядом стоящие инды!
Взор обрати на деревья, там, в самой чаще леса,
Ты и увидишь засаду, спрятанную искусно!
Что они смогут сделать тебе, эти трусы, средь дебрей?
110 [111]
Недруг в живых пребудет, пока ты тирс не поднимешь!
Только молчи, молю я, боюсь, что кто-то услышит!
Не открыл бы Гидасп мои речи индам в засаде!"
Молвила гамадриада и к себе воротилась,
Словно мысль или птица стремительна... Ибо и облик
Изменила на птичий, дабы добраться до леса,
К дубу, что вместе с нею взрастал! А бог же, безмолвный,
С бассаридами сразу смешался и гамадриады
Каждому из полководцев слово на ухо промолвил,
Знак подавая глазами. И повелел он бесшумно
120 [121]
Средь становища лесного всем облачиться в доспехи,
Войску открыв злоковарство индов, засевших в засаде,
Дабы они не напали на неготовые рати,
Только предавшихся пиру. Повиновались Лиэя
Беспрекословно веленьям и были к битве готовы
За молчаливым пиром, и копья поставили рядом!
После трапезы быстрой все со щитами пустились
К водам реки соседней, испить после пищи и влаги,
И по чудным веленьям премудрого Диониса
Не поддавалися хмелю и сытости с дремой ночною!
130 [131]
Расположилось войско по бранному побережью,
Сном забывшися чутким, с оружьем, готовым для битвы!
Зевс же отец в это время расстроил замыслы индов -
Предупредил нападенье в сумерках рокотаньем
Ярым и ливнем полночным, непрестанно шумящим.
Лишь светлоногая Эос мрак ночной разогнала,
Утренний свет явила и алым окрасила скалы,
Вышли враги из засады, где так желали сражаться,
Выстроившись на открытом месте. Турей возвышался
Над ополченьями индов, словно Тифона громада

140 [141]
С молнией в длани безмерной, идущего в битву свирепо.
По повелениям Вакха лукавым вакхийские рати
Притворились от битвы бегущими, будто желая
Схватки жестокой избегнуть - пока все воинство индов
На равнину не выйдет, покинув дебри лесные!
Тут воитель лидийский в роскошный доспех облачился,
Блеском подобный лучистым доспеху ликийского Главка,
Стал он подобен герою страны, где обильное злато
На пактолидских прибрежьях сокровищем блещущим льется!
Вот навстречу лучистым стрелам Эос встающей
150 [151]
Он потрясает светлой гривой роскошного шлема,
Далековидный лидийский муж, от груди́ же исходит
Предгрозовое сиянье алых взблесков зерцала!
Вот на шеломе героя, стоящего рядом с богом,
Из Алибии воя, сподвижника Диониса,
Блещет навершье - богатство отчизны, и над главою
Разливает сиянье сводчатый гребень шелома,
Равное силой и блеском сиянью богини Селены.
Вакх же неуязвимый войско врага устрашает
Целое, даже не вынув меча, а копья и не тронув!
160 [161]
Вот он несется как ветер в первых рядах ополченья,
Бурно по левым и правым флангам кружит, помавая
Тирсом своим длиннотенным: земли порожденья могучей,
Плющ и лоза повергают индов неисчислимых!
Даже и мощный, огромный Турей не повергнул бы бога,
Ни даже целое войско иль новый герой! Пред напором
Бьющегося Диониса пятится ополченье!
Вот воитель Эагр срезает смуглое войско,
Словно ниву какую, сминая ряды пред собою,
Бистонийскою пикой гривастые шлемы сбивая!
170 [171]
Словно поток многоводный с гор несущейся влаги
Неодолимый, мчащий на ложе и камни, и глыбы,
Вдруг низвергается в долы ничем не остановимый,
И ни одна преграда не может сдержать продвиженья
Вала, ибо одним ударом он их разбивает...
Много деревьев несется и много поток вырывает

С корнем сосен приморских и дальше влечет по теченью!
Так он с недругом бился, так повергал он на землю
Одного за другим врагов копьем ситонийским.
Вот уж его окружают: строят то, что солдаты,
180 [181]
Сдвинувшие щиты, и сами зовут "черепахой";
Тесно копье к копью прижимается воем, а щит же
Льнет ко щиту соседа, соприкасался с ними
Плотно, видятся гребни, сомкнувшиеся рядами,
Муж касается мужа плечом... Под быстрым копытом
Конницы пыль густая воинов побелила!
Кто же первый и кто же последний, коего ввергнул
В морок айдесский воитель Эагр, обитавший средь пашен
Бистонийских, убивший многих, достойный и песен
От именитой супруги, песельницы Каллиопы?
190 [191]
Быстрым копьем поражает, в грудь одного, а другого
Медью изострою в выю пронзает, и в ярости третий,
В низ живота уязвленный, падает... Вытянув жало
Пики из раны ужасной, герой увлекает с оружьем
Внутренности на свет, исходящие паром кровавым!
Этого ниспровергает ударом меча по запястью,
Кисть кладенцом отсекая - та отлетает далёко,
Брызгая кровью, и наземь падает, корчась во прахе;
И отрубленной пястью воин щита не может
Удержать, хоть ремни он судорожно и хватает...
200 [201]
Только душа отлетает на крыльях быстрого ветра,
Не желая расстаться с плотью, юности полной!
Пятому рассекает ударом неумолимым
Острия копейного сильные мышцы предплечья,
Бьет он свой щит воловий меча рукоятью тяжелой -
Загудела укрепина выпукло-медная звонко...
И обуянный жаждой неистовой биться и биться,
Стал он стремительно пику обращать пред собою,
То перед шеей, то перед грудью, то за спиною,
Потрясая то вправо, то влево жалом железным,
210 [211]
Недругов строй прорывает прямо посередине,
Быстрый, подняв на дыбы своего жеребца боевого;

Как после зимнего хлада темного времени Солнце
В ясном небе лучами тучи тотчас разгоняет
И согревает воздух своим лучистым сияньем,
Так и неистовый в схватке муж врагов разгоняет
Сомкнутые порядки в самой гуще сраженья...
Вот натянул он лук до самого жала пернатой,
Уперев оперенье о тетиву посильнее,
Дабы врага уметить, и уповает, надеясь
220 [221]
Победить, лишь на нимфу, матерь преславного сына;
Девять раз посылает стрелу острожальную воин,
Девять мужей убивает, и равно число пернатых,
Посланных тетивою, для воинов смертоносно!
Первая же из стрел кому-то выю пронзает,
А вторая вонзилась под перси власатые мужа,
Третья бёдра, четвертая внутренности разрывает,
Эта сквозь сердцевину тела прямо проходит,
Та скользит через плевру, сия несется как ветер
230
И проникает в пятку бегущего воина тут же,
К почве ее пригвождает (Вот узы какие бывают!);
Быстрые словно буря стрелы летят из колчана,
И одна за другою они устремляются к цели,
Точно тут хлещет ливень из стрел, крутящихся смерчем!
Так же как на наковальню железный располагает
Брус кузнец преискусный, и молот его неустанный
Искры на нем высекает, летящие огненным вихрем,
Осыпающие и молот, и наковальню:
Разгорается воздух от попеременных ударов,
Молот и брус разогрелись, рождая огонь друг от друга,
240 [241]
Оба друг друга встречая, огненный всплеск порождают...
Так словно искры заставил индов рассеяться в поле
Муж Эагр, что из лука осы́пал стрелами войско,
Так одного за другим умерщвлял он, не зная промашки!
Недругов строй в середине прогнулся (стрел избегая,
Ливнем несущихся бурным) подобно рогу Селены -
Только рожки как будто сбоку слабо мерцают,
А в середине лишь парой черточек выпуклость видно,
Слабо лучится она полукружием еле заметным,

Знаем мы круг Селены - но лишь на треть он мерцает!
250 [251]
Муж свой меч закаленный вонзает сразу же в горло
Храбрецу впереди, пронзив ему правую щеку!
С гулом вверху пролетает по воздуху к вражьим порядкам
Камень, пущенный кем-то, дугу описав... Он несется
К недругу прямо в темя и его разбивает,
Смяв и гребень высокий, и воротник подшлемный
Расколовши вкруг шеи, сбросив наземь доспехи;
Катится прочь шелом, обнаженной главу оставляя!
Но не одни только вой свирепо вопят, но и даже
Меднодоспешные кони ржут в неистовстве битвы,
260 [261]
Словно в трубы Арея бога трубят исступленно!
Нимфа, что вечно последней крик в горах повторяет,
Отвечает как будто в стоне каменной глыбы -
Откликается Эхо на ржанье свирепое коней!
Валятся мириады ратников павших, всю землю
Заливая потоком крови горячей. Вот первый
Пал своим телом неловко набок, дух испуская;
Вот другой распростерся навзничь с распоротым чревом;
Третий скрюченной пястью прах скребет, умирая;
Этот, в пах пораженный, топчет лежащего рядом
270 [271]
Мужа, в агонии смертной темя его попирая;
Тот в падении стонет с перерезанной глоткой,
Ноги его выплетают пляску погибели близкой;
Ниц иной повалился, как будто бы против убийцы
Он ярится и землю грызет в исступленье зубами!
Оного с длинным жалом копье повергло на землю,
Белый пеплос с хитоном забрызгали крови потоки;
Сей еще бьется упорно, хоть стрела из тугого
Лука бедро пробила и кровью окрасила тело...
Вот некий воин из индов трубу к губам поплотнее
Прижимая, трубит свой клич боевой, призывая
280 [282]
К продолжению схватки рати, бегущие с поля.
Клич призывный заслышав, инды ринулись снова
В битву, столь ободрившись духом для новых сражений -
Стыдно им пред владыкой не одолеть супостата!

Вот один оказался вне тесного строя далеко,
Айакос, застигнут меднодоспешным отрядом
Индов, средь окруженья себе самому предоставлен,
И ни шелом ему не спасенье, ни щит, ни доспехи!
Тут над ним, укрывши не медью его, но отцовской
Тучей неодолимой богиня воздвиглась Афина
290 [292]
(Оная прежде спасала страждущие посевы
Алчущей ливня пашни влагою жизненосной
Зевса, дождливого бога, и борозды всходы давали,
Справив брачные игры плуга с землей плодотворной!)
Вот стоит ратоборец, окруженный врагами,
Бурным копьем с одними бьется, мечом же - с другими,
Третьих камнем сражает... Покраснело от крови
Индов убитых поле, трупы горой громоздятся
От ратоборца ударов: вот один, умирая
В судорогах забился, другой ползет через силу
300 [302]
В смертной истоме по праху и вскоре судьбу обретает...
Загромождают трупы уже и поле сраженья,
Так умело он бился! Вот из разрубленной глотки
Уж остывшего тела льется ток крови горячей!
Неутомим ратоборец, и вот уж богиня взмолилась
Гея, от крови сыновней почернев и разбухнув,
Голосом каменной глыбы, жалуясь, возопила:
"Зевса отпрыск, ты полбы сеятель - ты и убийца!
Правишь дождем плодоносным и крови убитых потоком,
Некогда ливень тобою вызван и плодной Эллада
310 [312]
Стала, а ныне индов борозды залил ты кровью!
Был плодоносным, а ныне стал смертоносным, ведь раньше
Пахарям даровал ты колос, а ныне ты индов
Косишь, как будто жатву свершаешь и одновременно
Влагой Зевеса кропишь, Арею кровь возливаешь!"
Так жизненосная Гея молвила, только Кронион
С высей взгремел небесных, Айакоса к убийству
Громом и грохотом горним Дия труба призывала!
Вот из врагов какой-то, углядев Айакоса,
Дрот метнул - только мимо дрот пролетел, оцарапав
320 [322]

Лядвею, ибо Афина лезвие отвратила!
Только еще сильнее сражается в гуще индов
Неуязвимый герой, он боли и не почуял,
Было лезвие это ему как царапина ногтем!
Вот пеший воин некий в сторону леса метнулся,
Со всех ног убегая от битвы в соседнюю чащу,
Где б удалось ему скрыться... В погоню за воем пустился
Эрехтей, понукая коня быстроного, мчится...
Вот он достиг расстоянья, когда уже должно сражаться
Пикою, могущей цели достичь в ее бурном полете...
330 [332]
Тут обернулся пеший, и став к нападавшему ликом,
Всадника поджидает. Выставив левую ногу,
Чуть согнувши колено, встал он крепко на землю,
Изменив положенье, своею правой пятою,
Ногу отставил далеко, и пальцами, и стопою
Правою крепко уперся, укрепившись на месте,
Скрылся за семикожным индским щитом, подобный
Башне, меч обнаживши изострый... Пред ликом придвинул
Бронзу щита, решившись (Вот инд отважно-могучий!)
Иль умереть, иль натиск конника отражая,
340 [342]
Свергнуть коня и мужа; и вот он скрепой щитовою
Встретил конскую морду, всадника же встречает
Пеший ударом могучим... Снизу удар направив,
Сбросил бы вой безымянный согражданина Афины,
Коль Эрехтей своей пикой в грудь его б не уметил,
Лезвием меди изострой не поразил его чрева,
Наземь врага низвергнув. Опрокинулся воин,
Грянулся в прах мгновенно, и голова отлетела
В сторону быстро вращаясь, словно бы пляску свершая!
Недруга бросив на месте, еще трепетавшего телом,
350 [352]
Согражданин Афины уж в поиске новых схваток...
Битвы не прекращая, споспешествуя Дионису,
Бьется герой Айакос и, опьянев от сраженья,
Сеет смерть он повсюду, в преследовании с равнины
В струи реки загоняет рассеянных индов отряды.
Он один, и враги окружают его, нападая,
Рубят свирепо мечами, но его не заботит

Меч или дрот пернатый, удар за ударом наносит,
Собирает он жатву железом со смуглых отрядов,
Муж отважный и быстрый - одних на брегах поражает,
360 [362]
Прочих бросает в воду, сразив смертоносною дланью.
Трупов гора уж полнит теченье и раны погибших
Кровью исходят, багряня чистые струи Гидаспа.
Вот некий муж, сражаясь, бросается в быстрые воды,
Храбрый, несут его струи и сам он скользит по теченью;
Множество трупов поплыло, сраженных недавно железом...
Вот влекутся по воле волн, громоздясь друг на друга,
Влагой раздутые бурной... Выбиваясь из грязи,
Смешанной с кровью, наяды в заалевших ужасно
Водах ныряют рекй, что уж от убитых темнеет;
Многие, бросив оружье, длани в мольбе простирают,
370 [373]
В водах барахтаясь быстрых; одни уж вышли на берег,
Эти вышли на отмель, третьи на землю сухую
Выбрались, выи склонивши, в плен иль в рабство сдаваясь;
Только мольбы отвергает с поднятой гордо главою
Муж Айакос; невозможно остановить его ярость:
Но средь мужей беззащитных, молящих лишь о пощаде,
Сколько Ликаóнов он умертвил? Беспощадною дланью
Сколько поверг он наземь мужей, уже безоружных,
Сколько же недругов сбросил в быстрые струи теченья?
Многих Астеропеев принял Гидасп убиенных...
380 [383]
Не без бога сражался герой, родитель Пелея,
Ибо он сбрасывал в реку низверженных недругов трупы,
Если сражался он в водах у самых прибрежных излучин,
Стало быть, только пророчил схватку у токов Камандра,
Каковую закончит победой Ахилл богоравный!
Деда пророческий бой продолжит сражение внука!
Вот босоногая нимфа плывет и плещется в струях
Без одежды, наяда нагая, и стонет ныряя:
"Сродник наяд, ибо Дия кровь в твоих жилах струится,
Воду святую потока, сродника Зевса, помилуй!
390 [393]
Индов довольно от дрота погибло! Останови же
Слезы рыдающих нимф - наяд, рыданий не знавших!

Ибо матерь твоя - такая же нимфа-наяда!
Слышала я, что Эгина - дочь водяного потока!
От кого ты родился, вспомни! Не надо нам крови!
Чистую влагу несу я к другим и к морю бегу я,
Примет меня Фетида морская, а эти потоки
Крови пусть будут рекою Эринии и Диониса!"

Песнь XXIII

В двадцать же третьей песне индийский Гидасп ополченье
Перешло, и я славлю битву в огне и на водах!

Молвив так, погрузилась в родимые алые воды
Влажная нимфа-наяда, в струи кровавые тока.
Айакос, иссекая род мечом - ненавистный,
Сбрасывал трупы в реку, преследовал он их оружьем,
Загромождая телами пурпурную влагу Гидаспа.
Длани и пясти убитых теченье вод колыхало,
Плыть они будто пытались, желая рока избегнуть,
Пястями рассекая речные быстрые струи;
Но поглощала пучина их всех, одних за другими,
Влагой раздутых, могила влажная их укрывала...
10 [11]
Но недолго на бреге реки, запружённой щитами,
Окруженный толпой на него нападающих индов
Муж Айакос оставался... Рядом с ним появился
Индоубийца Вакх, потрясая тирсом изострым!
Неисчислимые вражьи рати копьем беспощадным
Снова герой истребляет, снова пылает Ареем
Вместе с пришедшим на помощь сродником Дионисом!
Принял Бромий участье в этой битве совместной,
Недругам в водах погибель он приносил: плывет ли
Кто на щите чеканном, струи реки рассекая,
20 [21]
Спину пронзал ему дротом, а если кто-то из индов
Тщился сражаться, ногою едва на песок оперевшись,
Грудь поражал его тирсом иль выю, и быстро смыкались
Воды над мертвым телом; ведь знал он речные пучины
После бегства от битвы с неукротимым Ликургом,
После спасения в доме пучинном старца Нерея!
Многие вой бросались в струи, спасенья искали,
Трепеща перед бурным сыном Зевеса. Вот первый
Встал, упираясь стопою в илистое основанье,
Поднимается, видный от головы и до чресел,
30 [31]

Скрытый наполовину от ног и до низа черéва,
С Бромием бьется удачней, чем было бы это на суше;
В дланях обеих сжимая по медножальному дроту,
Мечет одну он пику, целя прямо на берег,
В прянувшего Айакоса, другую же бурную пику
Устремляет свирепо на неуязвимого Вакха.
Вот другой остается, завязнув наполовину -
Бегством уж не спастися тирсом сраженному мужу!
Ноги его увязли в тине да иле приречном,
Пятка в песке застряла... Другой же пал на колена;
40 [41]
Третьему влага доходит до самого до подбородка,
Тянется воин кверху, желая плечи расправить,
Бурных волн избегая, плещущих прямо в очи
Этот почти целиком поглощен речною струею,
Влага по грудь доходит... Тот же тянется к брегу,
Развернуться пытаясь, густые кудри отводит
От лица пред враждебным натиском влаги текучей;
Сей же, вдруг оступяся, тонет в пучине, губами
Втягивая речную влагу, несущую гибель!
Вот некий инд могучий показывает на убитых -
Кто копьем длиннотенным сражен, кто мечом изощренным,
Кто на землю повергнут глыбою скального камня,
50 [53]
Кто обвитым гирляндой стеблей тирсом изострым
Видит Турей эту груду тел и в скорби великой
Волосы рвет и исходит яростью горькой, бессильной,
И зубами свирепо до крови губы кусает
После решается сразу, по примеру Оронта,
С жизнью покончить - он варвар, и варварский чтит он обычай!
Меч боевой обнажает, сбрасывает свой панцырь,
Непробиваемый в битве, защиту от копий и дротов.
Меч уставив напротив, не дрогнув, принял решенье;
Так говорит перед смертью сей воитель могучий:
60 [63]
"Чрево, прими же любезный меч, ибо сильно стыжуся
Я умереть от длани изнеженного супостата!
Лучше мне доброхотно меч отправить во чрево,
Да не стыдится родитель, что пал я от тирса вакханки!
Нет! Ни сатир, ни Вакх победителями да не будут!"

Молвит - и погружает лезвие в смуглое тело
Дерзкой своею рукою как во врага пред собою...
Сей Менойкей умирает прямо в гуще сраженья,
Зреть стыдясь после битвы проигранной Дериадея!
Не испустив и стона, погибнул он доброхотно
70 [73]
И в безумье подобен железному мужу Аянту!
Битва была ужасной - против собственной воли
Сделался страшной могилой Гидасп для воинов павших...
Вот умирающий в водах молвил последнее слово:
"Что ж ты, родитель, топишь в волнах детей своих верных?
В Бактрии часто я бился, но никогда своей зыбью
Ратей мидийских не трогал Араке мидийской волною!
Персов не губит соседних Евфрат персидский потоком!
Часто я бился у Тавра, но и во время сраженья
Не завлекал в свое лоно Кидн своих киликиян!
80 [83]
И Танаис белоснежный, песок лишь несущий да камни,
На савроматов соседних не ополчался, но даже
На супротивных колхов метал огромные скалы,
Рати их низвергая глыбами ледяными!
Эридан милосердней тебя, ибо он в свои воды
Чужака Фаэтона принял, ведь тот был не сродник!
Он не топил галата, не стал могилою кельту!
Милых своих прибрежных жителей он одаряет
Янтарем Гелиад, драгоценным даром деревьев!
Ибер не любит младенцев, но унося их, зачатых
90 [93]
Тайно, губит измены лишь несправедливое семя,
Пощадив остальных... Но ты же детей своих губишь
Даже и в браке рожденных - а кровь их тебе не чужая!
Как же можно сливаться с другими потоками, даже
С Океаном-отцом и матерью даже Фетидой,
Коли кровавые реки в воды твои замешались?
Осквернить Посейдона бойся мертвых телами!
Струи твои жесточе Бромия, ибо тирсом
Он уязвил меня меньше, чем ты своими зыбями!"
Так он сказал, злосчастный, и канул в погибельной влаге.
100 [103]
Вот поплыли по водам доспехи и вооруженье

Тел распухших; вот воя, павшего в битве недавней,
Шлем гривастый качнулся, полон водой вполовину,
Уж погрузиться готовый; влекомы вдоворотом,
Крутятся точно струги, застигнуты в море открытом
Там и сям, друг за другом щиты плывущие мимо
По теченью; а вот отягченный весом железа,
Павший воин влечется панцырем прямо в пучину...
Не давал Дионис приказа окончить сраженья,
Вражьи рати пока не разбил своим тирсом изострым.
110 [113]
Ратоборец единый пощажен Дионисом:
Вестником станет победы один Турей уцелевший!
Только увидела Гера разгром ополчения индов,
Прямо в небо взлетела, по горним дорогам направив
Путь, бороздя поднебесье стопою, быстрой как ветер.
Встала на берег восточный, подстрекая Гидаспа
Влажного на сраженье с недругом Дионисом.
Только Арей индийский залепетал о пощаде,
Варвар - способом разным стали переправляться
Через водовороты ополченья вакханок.
120 [123]
Бог пребывал во главе: над самой волною он правил
Властной рукою повозкой своей сухопутной (Вот чудо!) -
И леопарды с когтями сухими идут по Гидаспу!
Рати плывут спокойно по водной глади зеркальной:
Вот уж один на индов прочном плоту выгребает,
Вот другой челноком по водным теченьям правит;
Все они завладели собственностью рыбачьей,
Парусными судами! Иной и весьма необычно
Переправляется - взял он древо с корнями сухими,
Сзади копьем упираясь, толкает вперед свой кораблик,
130 [133]
Пáруса или кормила, иль вёсел ему и не надо,
Не призывает Борея он в этом кораблевожденье,
Он в речные пучины только копье погружает,
Этот Арей копьеборный с пикою вместо вёсел!
Сей же пересекает волны в щите, невредимый,
Перевязь вместо снасти, крутясь на щите среди влаги!
Странный флот на разных предметах плывет по теченью!
Также и конница входит в воду, и конские ноги

Влагу взбивают, лишь спины со всадниками - над волною,
Быстр этот бег надводный скакунов быстроногих,
На хребты снаряженье заброшено, лишь только морды
140 [144]
Конские всюду и видно, коих волна не достигла!
Рать пехотинцев в доспехах (Ведь челноков не хватило!)
Винные мехи надула воздухом и завязала,
Дабы на этих кожах Гидасп переплыть, и пляшут
Мéхи на зыби речной, надуты воздухом сжатым!
Перебирая копытцем козьим, пан паррасийский
Переправляется резво по глади реки спокойной;
Лик же направил рысью коней глубокопучинных,
Словно по суше отцову ведя четверную повозку;
Дамнаменей и Скельмис вместе ведут переправу,
150 [154]
Топчут их резвые кони незыбкие воды речные,
Вспрыгнул иной на спину быка, подобного буре,
Правит им, точно ступает зверь этот прямо по суше,
Бычьи копыта влага будто не трогает вовсе!
Старцы силены входят, спокойные, в воды потока,
И ногой и рукой разгребают воды Гидаспа...
Древний Гидасп начинает бурлить, испуская стенанья.
Волны зовет на помощь братнины, жалобно просит,
Изрыгает угрозы из глотки своей многоустой:
160 [163]
"Добрый мой брат, доколе бег твоих волн будет кроток?
Ополчи свои струи и волны на Диониса,
Дабы мы поглотили сих пеших воев в пучинах!
Мне и тебе, нам позорно, что Бромия рати простые,
Сохраняя плесницы сухими, идут через волны!
Милость мне дай, Эол, на недругов ненавистных
Ополчи свои вихри буйные, бурные ветры,
С сатирами они пусть бьются, что сделали зыби
Тропкою для повозок своих сухопутных, Гидаспа
Влажный бег к управленью конями приспособив!
Ополчи свои ветры на переправу Лизя!
170 [174]
Сатиров пусть рассеют волны мои! А повозки
Влагою пусть повлекутся вниз по теченью скорее,
Пусть неистовой зыбью возниц снесет и укроет!

Не потерплю нечестивой через себя переправы!
Мне и тебе позорно сие, что Бромия войско
Словно по пыльной дороге идет и пешим, и конным!
Я уничтожу идущих по влаге львов Диониса!
Молви, зачем по потоку как посуху шествует войско,
Нимфе зачем, о, молви, слышать конское ржанье,
Рыбообильный хребет мой почто раздробляют копыта?
180 [184]
Мне сочетаться любовью с другими реками стыдно,
Коли женские толпы меня попирают стопами!
Скромные инды вовеки в моих не плавали водах
На колесницах высоких; влаги родительской отчей
Дериадей вовеки не оскорблял колесницей,
Кою вперед увлекали слоны, огромные звери!"
Молвил - и вздыбились волны, и ополчились на Вакха,
Друг о друга забившись, и в сердцевине гневливой
Влаги, идущей на битву, труба водяная взревела!
С грозным грохотом волны, вздымаясь наверх и бушуя,
190 [194]
Сатиров хлещут, от рева и рыка неистовой влаги
Бассарида в легком хитоне роняет кимвалы,
Перебирая ногами, чтоб выгрести по теченью...
Алые дева плесницы искусные в волнах теряет,
Вал же, ветром гонимый, обрушивается на темя
Девы-вакханки плывущей, струясь по кудрям волнистым.
Сбрасывает другая влагой намоченный пеплос,
Оставляет небриду намокшую буйной пучине,
Зыбь же, бия ее в грудь, в свирепости ближнего боя
200 [203]
Черную воду бросает на белого тела румянец.
Сатир проворною дланью гребет в бурновспененной влаге,
Только лишь хвост намокший мелькает в неистовых волнах!
Старческими ногами вращая, выплыть пытаясь,
Марон барахтается бессильно во влажной стихии,
Мех, наполненный сладким вином, в зыбях потерявши.
Словно авлóс двойной вращаясь в зыбях непрестанно,
В бурных валах ныряет потерянная сиринга
Пана сама по себе... И с буйной волной состязаясь,
Грива густая силена стекает волною по вые!
Вот река, воздымая с тяжким грохотом зыби,

210 [214]
Волоча за собою песок взбаламученный с грязью,
Кружится близ Диониса, его вызывая на битву!
Вот волна, уже к бою готова, вздымаема ветром,
До облаков восстала, закрыв и небо собою,
И клокоча и бушуя, обрушивается на Вакха!
Так не ревела хмельная от распри зыбь Симоента,
Так не вздымалася влага Камандра в тот день, когда воды
Он низвергал на Ахилла пенные водопадом,
Как Гидасп разъяренный обрушивался на вакханок!
Вот Дионис свой голос поднял в безумье священном:
220 [224]
"Ссоры ищешь с сыном Зевеса, о Дия потомок?
Коль возжелаю, иссушит тебя Зевес ливненосный!
Выросший лишь от тучи отца Крониона, хочешь
С отпрыском тучегонителя распри жестокой и брани?
Поберегися же молний отца, средь коих рожден я,
Как бы тебя не сразило перуном, меня породившим!
Как бы тебя не назвали Асопом, склонившим колена,
Усмири свои воды, пока я свой гнев умеряю!
Влажный, идешь на пламя зарниц - ведь ты же не сможешь
Сопротивляться и искре единой небесного грома!
Храбр ты из-за Астриды? Что же, коль эта богиня
От Гипери́она крови происходит небесной,
Вспомни, что Гелия отпрыск, возничего горней повозки,
230 [237]
Свергнут моим отцом, сожжен его пламенем вышним;
Мертвого сына оплакал правитель огня, Гиперион,
За своего Фаэтона не стал он с Дием сражаться,
Пламя на битву не поднял, хоть правил пламенем Солнца!
Или родством кичишься со старцем седым, Океаном?
Об Эридане помысли, отцом моим свергнутом, Дием,
Брате твоем, что пламя пожрало! На скорбь не взирая,
Пращур твой влажнопенный, бегущий вкруг чресел вселенной,
Коего ток могучий землю в объятьях смыкает,
Видел как сын его тлеет, но не сразился с Олимпом
240 [247]
И не повел свои зыби на громы с огненным жалом!
Так рассей свои воды - как бы мне не увидеть
Испепеленный Гидасп, подобный реке Эридану!"

Так он промолвил, но гневный Гидасп свои зыби обрушил,
Вал высокий вздымая, с ревом глухим изливаясь,
Затопил он вакханок рати, забывших о плясках;
Горе им, если на помощь Вакх не придет! Он в ближайшей
Чаще хватает древо, к востоку направив, и греет
Гелия жаром - и в кроне пламя само возгорелось;
Сей же огонь, порожденный древом сухим и ветвистым,
250 [257]
Мечет в буйные воды! От этой палящей угрозы
Загорелися зыби и у прибрежий вскипели,
Дым густой завитками к самому небу поднялся,
Пожирает огонь и тростник, и лотос прибрежный,
Их обращая в пепел, круговоротом ревущим
Этот дым огненосный весь небосвод высокий
Удушает собою - чаща вся почернела,
Жар удушливый чуя, веющий над тростниками...
Пожирает пучину пламя, и рыбы от жара
Скрыться желают в глубинах, огонь же и вглубь проникает,
260 [267]
Будучи искрой плавучей, и пучится ил придонный
От нагреванья, из самых глубин выходит горенье,
И выходя на поверхность, сливается с дымом воздушным!
Девы плывут гидриады нагою толпою, желая
Побыстрее от дома скрыться по влаге зыбучей;
Вот одна, не стерпев горящей отческой влаги,
Некая дева, наяда нагая, в Ганг погрузилась;
Вот уж другая в индский плывет Акесйн громкозвучный,
Плоть опалив, а иная бежит к потокам Хоаспа,
Нимфа нагая, наяда, мчась сквозь горы и долы,
270 [277]
Бросив повязки, плесницы, к реке в соседней Персиде;
Вот Океан извергает угрозы свои Дионису,
Рев изрыгая влажный своей многоустою глоткой,
Он водометы мечет из неиссякаемых зевов,
Он берега вселенной топит своими речами:
"О Океана супруга, ровесница миропорядка,
Вод кормилица общих, Фетида, - ты любишь потомство! -
Саморожденная дева, что делать? В огонь превратившись,
Зевс ливненосный на наших отпрысков ополчился!
Как Асопа убил Кронион в образе птицы,

280 [287]
Так и Вакх убивает Гидаспа, потомок Зевеса!
Но поведу я воды на Дия горние громы,
Влагою пенною пламень Солнца я уничтожу,
Я затоплю созвездья, дабы Кронион увидел
В водах моих ревущих тонущую Селену!
Область Медведицы скрою потоками бурными влаги,
Ось омою Повозки, дотоле зыби не знавшей!
Я в морские пучины древнейшего морехода,
Неба созвездье, Дельфина, заставлю опять погрузиться
В пенные гребни моря! Поток, текущий по небу,
290 [297]
Вновь верну я к прибрежьям земным, в край кельтов просторный,
Эридан огненосный сделаю влагою полным,
Водного пламени небо лишу... А созвездие горних
Рыб обрести заставлю стихию водную снова,
Плещутся пусть близ Олимпа! Восстань же, богиня Фетида!
Воды обрушим на звезды эфира, пока не увижу
Тура, что зыбь рассекал бы спокойно-безбрежного моря,
Влажного странника, валом неистовым сбитого с толку
После ложа Европы... И пусть сама удивится,
300 [306]
Видя подобный же облик бога, рогатого также,
Дева, погонщица бычьей повозки, богиня Селена!
Горней дорогой на небо взойду! И желаю увидеть
Влажного я Кефея и Волопаса средь влаги
Энносигею подобного - он же из-за Коринфа
Битву морскую затеял, клича средь горних созвездий!
Скрою Козу под водою, кормилицу звездную Дия,
В дар Водолею волны отдам, ему они милы!
Ополчайся, Фетида морская, коль с обликом бычьим
Отпрыска Зевс породил - сие для того, чтоб погибли
310 [316]
Реки все и потоки! Тирсом погубит он индов,
Пламенем он сожжет дотла всю влагу Гидаспа!"
Гласом толиким рёк, вскипевши от самой пучины.

Песнь XXIV

В песне двадцать четвертой - горькие индов стенанья,
Прялка, кудель и челнок - Афродита тканью́ предаётся!

Зевс, отвращая угрозы разгневанного потомка,
Возгремел из сплетенья туч огненосным Перуном,
Успокоил он ярость безмернейшего Океана,
Остановил Диониса битвенное пыланье!
Гера же потрясла весь воздух окриком грозным,
Путь преградив Дионису, что силы истратил на пламя;
Сжалившись над изнуренным огнем своим Дионисом,
Сыну Диеву старец Гидасп, умоляя, взывает,
Слово такое извергнув из грохочущей глотки:
"Вакх, пощади же воды, что также от крови Зевеса,
10 [11]
Смилуйся над потоком столь плодоносным - от наших
Вод питается стебель твоей лозы виноградной!
Огнетворящий Вакх! Заблуждался я, это сиянье
Пламени доказало небесное происхожденье!
К детям любовь принуждала меня, ведь Дериадея
Я защищал, подъявши валы́ водяные высо́ко,
Индов ради убитых взвилися водовороты,
Ибо стыжусь показаться родителю - в море пришлося
Сбросить струи, полные крови, пролившейся в битве,
Что осквернил Посейдона потоками грязи кровавой,
20 [21]
Вот какая причина мне гневаться на Диониса!
Ради Гостеприимца, заступника всех молящих,
Сжалься ты над Гидаспом горящим, уйми же ты пламя!
Обращаются в бегство наяды - одна устремилась
Жить у истока чужого, другая стала подругой
Адриады, покинув воды для жизни в чащобах;
Эта бежала к Инду, та, осквернив свое тело
Пылью, живет на иссохших скалах Кавказа высоких
Ныне; иная к Хоаспу отправилась, к чуждым пределам,
В волнах чужих обитает - но только не в отческих токах!
30 [31]

Зарослей тростниковых не жги, моего порожденья,
Ибо они, подрастая, опорой становятся лозам
Виноградным; тростинки, связаны будучи вместе,
Разве не подпирают грозди, налитые влагой?
Не из тростинок ли ладят стволы мигдонийских авлосов?
Так смотри, не печаль песнолюбицу, деву Афину,
Это она в подражанье змеиным жалам Горгоны,
Изобрела ливийский авлос двойной для веселья!
Сжалься над ладом ведущей таинства, пляску и пенье
Бога Пана сиринги, чьи устьица - из тростинок!
40 [41]
Уничтожать не пытайся лозою вод быстроструйных,
Ибо сии-то воды лозу твою и лелеют!
Нет, тебе не чужие воды, по коим ступаешь,
Этой самой волною я мыл Диониса иного,
Соименника юного Бромия, ибо Кронион
Нимфам моим, кормилицам, отдал младенца Загрея...
Ты Загрею подобен обликом - о, так почти же
Милостью запоздалой воспитателя, ибо
Ты Дионисова сердца прославленный песнями отпрыск!
Чти же потоки Лама, тебя вспитавшего в детстве,
Меонийскую вспомни родину, ибо Пактола
Милого Вакху, братом Гидасп является индов!
Рекам таким почтенным воздай же свое уваженье,
50 [54]
Родственным по воспитанью - умерь смертоносное пламя!
О, не сжигай сии струи, из этой реки полноводной
Молния родилася, влажный пламень Зевеса!
Гнев усмири ужасный! К твоим коленам гоню я
Замиренные волны с моленьем; лишь после битвы
Дерзкая выя склонилась смирившегося Тифоэя;
Переменил решенье и яростные угрозы
Молний высокогремящий Зевс, отец твой, оставил!"
Молвил он, и Дионис угасил неистовый пламень.
Северный ветер повеял, зареял над самой рекою,
60 [64]
Зимним холодным дыханьем, чреватый снежною бурей,
И охладили потоки волны, объятые жаром,
Гелия почитая, Вакха и вышнего Зевса.
Он угасил над волною неодолимое пламя.

Снова переправляться стал Вакх через воды Гидаспа;
Ликом подобный Арею и мощным телом могучим,
Дериадей на битву индов полки поднимает,
Перед рекою поставив воинов, на переправе,
Дабы встречали племя ко брегу плывущих вакханок -
Но не укрылся от Дия всевидящего, и спустился
70 [74]
Зевс с высот поднебесных помощь подать Дионису.
Состязаясь друг с другом, один за другим полетели
Вместе с Дием и боги, насельники высей Олимпа,
Прянув с небес на крыльях. Ради ложа Эгины
Зевс, орел поднебесный, вторично в воздух поднялся
После полета к струям Асопа: взял Айакóса,
Обхватив когтями, в лапы свои осторожно,
И перенес по небу, для битвы с Дериадеем,
На побережье индов. Далеко от устья речного
Аполлон, сей родитель, придя для спасения сына,
80 [84]
Перенес Аристея к влекомой ввысь лебедями
Колеснице, он помнил о львов убийце, Кирене.
Сына также восхитил бог Гермес резвокрылый,
Отпрыска Пенелопы, косматого Пана с рогами;
Уранйя от смерти бога спасла Гименея,
Соименника сына, хранителя свадеб и брака,
В воздухе просиявши звездою, чертящей дорожки,
Милосердствуя брату, виноградному Вакху;
Каллиопа Эагра посадила на плечи,
А Гефест о Кабирах заботился, детях родимых,
90 [94]
Взяв обоих с собою, подобных огненным искрам!
Дева актейка, Афина, спасла своего Эрехтея,
Индов убийцу, владыку, царя Афин богозданных.
Нимфы же адриады богам олимпийским спасеньем
Все обязаны, чтящим боле всего деревья:
Аполлон, бог лавра, спас нимф из рощи лавровой,
Вместе с ним поспешает на помощь Летó, его матерь,
Ибо она почитает древа, что полезны при родах;
Спасены Бассариды и рати жен лозоносиц,
Спасены из пучины, бушевавшей свирепо,
100 [104]

Дочками Кидна потока, что Зефира веянье любит,
Знали они все дороги сквозь влагу, коих родитель,
Дабы воинственных индов низвергнуть, дал в помощь Лиэю
Их же учил сражаться Тифоэй киликийский
Во времена, когда бился сам он против Кронида.
Двинулось войско следом за ними, и все поспешали;
Эвий их вел за собою на горопроходной повозке -
Сатиры той же дорогой шли, а с ними вакханки
Зыби пересекали и паны, и прочих быстрее
Были тельхины, чьих коней вскормили пенные гребни,
110 [114]
Погоняли повозку отца, рожденную в море,
Следуя приказаньям спешащего Диониса!
Прочие поотстали, повыше переправляясь,
Поспешая иною, невидимою тропою,
Также богом ведомы: мягко бия крылами,
Вел их по горным тропам Зевс, орлом обратившись,
Он в когтях осторожно сына сжимал орлиных,
Айакоса, по горней несясь воздушной дороге.
Шествовали хороводы по индским отрогам скалистым,.
Проходили ущелья, отдыхали по чащам,
120 [124]
А шатры по росистым ставили пущам прохладным
Травлю иные оленей ветвисторогих со сворой
Псов учиняли... И к местным гамадриадам и нимфам
Адриады пристали лозолюбца Лиэя!
Бассаридские толпы в густых лесах эритрейских
Вскармливая щеночка горной львицы свирепой,
Млеко с сосцов изобильно струилось само собою!
Предавались ловитве они и тирсом изострым
Быструю лань поражали - а то в исступленье бросались
На медведицу в скалах, того и не ведая сами!
130 [134]
Схватит иной раз вакханка слона с хребтовиною черной,
Взгромоздившись мгновенно на высокий загривок;
Эта, желая из змей ядовитых свить ожерелье,
Рыщет в поисках нор укромных змеиных по скалам;
Вот из лучников кто-то тетиву напрягает,
Ясень стрелою уметив, другому мишень - лишь олива
Или же сосны лесные... От множества дротов пернатых

Посланных в пихты и ели, звенит и колышется воздух,
Отклик в горах гуляет от празднеств, а в это же время
К Дериадею, владыке, Турей злосчастный приходит
Со слезами; и вот он о поражении индов
Молвит, превозмогая молчанье жалобной речью:
"Дериадей державный! О, Распри божественной отпрыск!
Ты приказал - мы достигли напротив лежащего брега,
Там нашли среди чащи укромный лог для стоянки,
Расположившись в засаде, ожидали явленья
Тирсобезумного Вакха... Вот Дионис показался:
Загудели авлосы, шкуры воловьи и бычьи
Барабанов взгремели отзвуком звонкоголосым,
Завизжала сиринга... Затрепетала вся чаща,
Заголосили дубравы и скалы сдвинулись с места,
Завопили наяды... Я отдал приказ в наступленье,
Воины же испугались, дрожали и трепетали!
Тот же, кто богом назвался, взметал изострые тирсы,
Хрупкие листья как стрелы слетели на воинство индов,
Сея смерть на равнине средь рати тирсом изострым
Погубил он остаток в водах несчастного войска!
Брахманов спросим премудрых, дабы узнал ты всю правду!
Бог ли средь нас появился иль смертный он духом и телом?
Не вступай же ты в битву бессмысленную ночную,
Не погуби ты войска в сражении полуночном,
Пал непроглядный морок, тьма - и только и виден
Веспер, встающий над ратью, мерцающий над полками!
Если горишь ты желаньем сразиться в неистовой схватке,
Индов до солнца дневного сдержи - и схватися при свете!"
Так он промолвил, и речь убедила Дериадея,
Столь упрямого раньше, но это не трусость! Закату
Он уступил Фаэтонта, а вовсе не богу Лиэю!
Царь приказал порядкам индов от вод удалиться...
Дериадей колебался меж яростью и печалью,
Взгромоздившись на спины слонов, идущих обратно.
Инды сопровождали повсюду гиганта-владыку;
Устремился он в крепость, под стен защиту и башен,

Весть неся о победе воинственного Диониса.
Вот уж Молва взлетела, стеная горько, над градом,
Возвещая о многих братьях, только что павших;
Стон несказанный поднялся, плакали, причитая,
Жены, в кровь раздирая на лицах округлых ланиты,
Пеплосы разрывая и в грудь бия кулаками -
Обнаженные груди от этих свирепых ударов,
Наносимых ладонью, струйками крови сочились
180 [185]
Алой; Вот старец в сединах, в знак скорби великой и горькой
Белоснежные кудри срезает острым железом,
Извещенный о смерти сынов четырех, что убиты
Айакосом, меча единым свирепого взмахом,
В цвете юности жертв... А вот среди женщин скорбящих
Плачет одна по брату, а та по отцу причитает,
Третья слезами в рыданьях заходится, молодица,
Мужа оплакивая, как древле Протесилая -
Лаодамéя... Вдовица, не убрана, без покрывала,
Рвет и терзает руками в горести пряди густые...
190 [195]
Вот, обезумев от горя, соложница павшего инда,
На сносях, в приближенье мук родовых, онемела,
Месяц десятый встречая круга богини Селены, -
Убивается слезно над мужем, сгинувшим в водах,
И, реку укоряя, жалобным голосом стонет:
"Пить не стану я боле от влаги горькой Гидаспа,
Не подойду к этим водам вовеки, несчастная, боле...
Не прикоснусь к этой зыби, что милого мужа сокрыла,
Нет, клянуся я чревом, что нынче дитя твое носит,
Страстью нашей клянуся, что время не может разрушить!
200 [205]
Да поведут меня люди туда, где покоится милый,
Дабы я влажное тело ласкала, дабы те волны
С милым рядом укрыли меня, горемычную, вместе...
Ах, родить бы мне сына да выкормить - мне же, злосчастной
Только вынашивать бремя во чреве от милого мужа...
Если рожу я ребенка - как мне показать, кто родитель,
Как же лепечущей детке скажу я: "Вот он, твой папа!"
Так говорила, рыдая, не внемлющему супругу!
Вот причитает иная по несостоявшейся свадьбе,

Ибо жених ее мертв - и свадьбы она не узнала,
210 [215]
Брачным венком не венчалась, на ложе любви не всходила,
Сладостный ей не звучал авлос жизнедарный эротов...
Властвуют в граде печали, а в чаще в это же время
Вакх своим ратям победным и сатирам, индов разбившим,
Пир великий устроил: разделывают там бычьи
Туши и режут тёлок многих ножом изострым,
Лоб разбив им секирой; с пастбищ ведут эритрейских
Стадо овец (вот добыча!) и множество их забивают;
Вот, тесняся, уселись за круглый стол друг за дружкой
Сатиры и силены с благотирсным Лиэем,
220 [225]
Тянут ладони все вместе к лакомой пище единой,
Пьют хмельное по кругу, чаш не считая, и много
Виночерпий амфóр опрокинул с вином благородным,
В коем смешался нéктар с соком лозы безупречным;
Всем наслаждавшимся пиром подле кратеров лесбосец
Левк, самоучка в искусстве игры, выплетал песнопенья;
Пел он о древних Титанах, сражавшихся против Олимпа,
Правую славил победу высокогремящего Зевса,
Как был Крон ниспровергнут брадатый зарницей палящей
В Тартара мрачную бездну и заперт в глубинах навеки;
Как и другого сразили, как бился он градом и снегом...
230 [236]
Лапет, живший на землях мирного острова Кипра,
Рядом с певцом восседавший, часть от обильного яства
Уделил ему тут же, чтоб спел песнопевец сказанье,
Милое вечному граду афинян: о состязанье
В ткаческом рукоделье Афины и Киферейи.
Вот он, настроив формингу, петь начинает Киприду,
Что воспылала желаньем ткаческой трудной работы,
Дланью неопытной взявшись за рукоделье Афины.
Сгорбилась дева над пряжей, пояс забросив эротов,
Нить из-под пальцев Пафийки толста да груба выходила,
240 [246]
Скручена словно веревка, какую с искусством привычным
Старый плотник способит, отмерив куски подлиннее,
К доскам нового струга, вяжет их крепко узлами...
Дни и ночи проводит богиня за делом Паллады,

Трудным да тяжким пряденьем, и в этой новой работе
Непривычной все руки нежные натрудила,
Нить разделяя основы зубьями грубого гребня;
Камень подвесила тяжкий к навою - да только болтался
Камень! Вот так и трудилась Киприда, ставши Афиной!
Труд этот был неудачен: полотно выползало
250 [256]
Комковатым, неровным, и ломкие нити плетенья
Падали сами собою наземь, и, хрупкие, рвались;
Эту двойную работу только лишь двое видали:
Гелий, света вспомощник, и дружественная Селена!
Не плясали плясуньи, орхоменские девы,
Верные служки Пафийки - круглое быстро вращала
Веретенцо Паситéя, Пейто в клубок собирала
Нити, их подавала владычице дева Аглая.
Жизнь без любви скудела для смертных, песнь не звучала
На заключении браков, свадеб уже не играли,
260 [266]
Мира вершитель, Айон, стенал над отсутствием страсти;
Юный и пламенный Эрос тетиву распускает,
Видя пашни вселенной всей неплодными боле!
Нет уж звуков форминги, сиринги уж и не слышно,
Звонкоголосых авлосов не чуется призываний,
Жизнь уходила живая, дряхлела, оскудевала,
Нерасторжимые связи уз разорваны были...
Но мастерица Афина Пафийку узрела за пряжей -
Гневалась и смеялась богиня одновременно,
Видя грубую пряжу неопытной Киферейи!
270 [276]
Весть донесла до Бессмертных об этом и, сердцем пылая,
Молвила укоряя отца и богиню Киприду:
"Сколь же твои приношенья изменчивы, Зевс поднебесный!
Дара уж я не имею, что Мойры судили, ведь ткацким
Ремеслом обладает ныне твоя Афродита!
Нет, не владычица Гера похитила дар Афинайи,
Дия сестра и супруга, нет, покусилась на деву
Агелейю, с рожденья владеющей бранным доспехом,
Ключница спален, богиня нежная! Разве сумеет
Своды Олимпа в битве защитить Киферейя?
280 [286]

А кого из Титанов поясом дивным сразила?
Вынесла я сраженье - она же меня оскорбляет!
Что ты, Лучница, молвишь, когда ты в чаще увидишь
С луком деву Афину, бегущей за дичью лесною?
Молится кто Светлоокой при родах деве-богине?"
Так она говорила - Олимпа насельники, боги,
Посмотреть пожелали на Афродиту-ткачиху.
Зрелищем наслаждаясь Киферейи неловкой,
Все с любопытством столпились пред неудачной работой,
Вот, смеяся, обмолвил тут Гермес любосмешник:
300 [296]
"Ткацким станком, Киферейя, владеешь? Оставь-ка Афине
Пояс! Коль нити свиваешь, размахиваешь веретенцем -
То взмахни и эгидой да дротом Тритогенейи!
Ведаю, Киферейя, зачем многошумной работой
Ты занялась, то не тайна: Арей, твой возлюбленный тайный,
Требует вам на свадьбу, верно, одежд тонкотканных!
Пеплос ткешь ты Арею! Только щита ты на платье
Не вышивай, умоляю - зачем Афродите оружье?
Изобрази Фаэтонта, свидетеля скромного страсти,
Что возвестил всему миру, кто спрятан на ложе богини!
310 [306]
Коли желаешь, вытки также и древние путы,
Бога, с коим блудила, вытки стыдливой рукою,
Вытки златом Арея подле златой Афродиты,
С челноком вместо дрота или щита боевого,
Ткущего ткань двойную с Афродитою вместе!
Лук свой оставь, о Эрос, веретено повращай-ка,
Матери нити свивай, тканьё полюбившей Киприде,
Дабы тебя не крылатым Эросом - ткущим назвал я!
Дабы увидел, что вместо лука пламенный Эрос
Нити тянет в основе, не стрелы в цель посылает!
320 [316]
Ах, моя Киферейя, пусть длани, что ткачество любят,
Бросят нити скорее и пояс возьмут вместо пряжи!
Позаботься о брачных союзах, ведь мир пребывает
В небреженье великом, пока ты ткать продолжаешь!"
Так он сказал - засмеялись Олимпа насельники, боги;
Тут, тканья не закончив, бросив полотна да ткани,
Устыдилась Киприда светлоокой Паллады,

В Кипр явилась богиня, родительница человеков,
Вновь многоликий Эрос поясом завладевает,
Засевая как прежде плодные пашни вселенной!
330 [326]
Левк-песнопевец такую песню сложил, сладкогласый,
Неумелую славя ткачилыцицу Афродиту,
Что состязалась в уменье ткать с мастерицей Афиной.
Но когда насыщенье пришло на пире веселом,
Где рекою лилося вино, повалились, заснувши,
Все, кто на пестрых небридах, кто и на лиственном ложе
Засыпает, иные на земле разостлали
Козьи мягкие шкуры, ложе уютно устроив.
Некоторых посещали воинственные сновиденья:
Яростно ратники бились, грудь препоясавши медью...
340 [336]
Этого вдруг настигнул инд в сражении конный,
Тот жеребца поражает в шею, а сей в поединке
Пехотинца пронзает мечом, а оный - Дериадея...
Пятый мечет далёко дрот, его посылая
Прямо в громаду слоновью в этих снах беспокойных...
Род леопардов и племя свирепое львов необорных
Так же, как псы из своры дикого Диониса,
Поочередно стражу несут, озирая окрестность,
Ночь напролет блуждая по чащам и дебрям соседним,
Как бы врасплох не застали на месте их смуглые инды!
350 [346]
Светочи же пылали, свой свет вознося до Олимпа,
Светочи игр вакхийских, не знающих отдохновенья!

Песнь XXV

В песне же двадцать пятой речь идет о Персее,
И о сравненье Геракла с божеством Дионисом!

Муза, битве предайся ученой тирсом премудрым,
Ибо не преклонился доселе пред Дионисом
В семилетнем походе Арей из восточных пределов!
Ведь испугавшись, как древле, пасти драконьей разверстой,
На индийском платане снова птенцы закричали,
Битву с Вакхом пророча; но петь я не стану о первом
Шестилетье, что инды провели за стеною
Крепостной, подражая стихам образцовым Гомера,
Воспою лишь последний год сражений, седьмому
Соответствуя только птенцу, что и сожран последним
10 [11]
И для Фив семивратных песню свою я составлю,
Дабы она в своей пляске закружилась как дева,
Обнажившая груди и подобравшая пеплос...
Помня плач по Пенфею, петь меня побуждает,
Руки ко мне простирая, склон Киферона древнейший,
В страхе, вдруг запою я о ложе супружеском гнусном,
Сыне-отцеубийце, что с матерью сочетался...
Слышу звон аонийской кифары! Молвите, Музы,
Амфион ли явился новый, камни заставить
Тронуться с места? Я знаю - то Фивы песню запели
20 [21]
Эхом дорийской форминги Пиндара вновь зазвучавшей!
Но к истребленью вернемся племен эритрейских индов!
Ибо другого похода такого не ведало Время,
Столь далекó на востоке нет равной с индами распри,
И никакая другая не может с нею сравниться;
Пред Илионом такого не было войска и стольких
Воев великих; соперник и древним, и новым поэтам,
Я восславлю деянья великие Диониса,
С подвигами потомков Зевеса сравню и узнаю,
Кто же его превосходит, кто равен славою Вакху!
30 [31]

Резвоплесничный Персей, крылами перебирая
На плесницах, измерил простор воздушный стопою,
(Если крылат был и вправду!) Да чудо ль это - касаться
Ветроногой ступнею воздуха в плаванье странном!
Он воровской рукою похитил зрячее око
Путеводное вечно бодрствующей Форкиды;
Крадучись на плесницах, точно тать полуночный,
Снес мечом он змеиный венец единой Медусы,
Коей в тяжести чрево готово уже разродиться
Было Пегасом, и выя плодная девы Горгоны
40 [41]
Срезана Илифи́ей - саблей кривою изострой;
Вот Пегаса рожденье! После победы без битвы
Взял он вместо доспехов, Персей наш резвоплесничный,
Бездыханной Горгоны змеевласые космы
С головы, что сочилась кровию смрадноотравной,
Слышался коей посвист лишь тихий из пастей змеиных
Прерывающийся... Но это не битва с героем!
Не было слышно бряцанья доспехов, и на море также
Не сражался Персей, под бранными парусами,
Там, где вздымались Ареем битвы бурные вихри!
Да, Нерей ливийский не обагрялся рудою
И в волне погребальной не влек за собою погибших...
50 [53]
Устрашенный шипеньем гривы змееобразной
Девы ярой, Стено́, Персей унесся крылатый,
Хоть и владел Аида шапкой, мечом Паллады
И плесницами бога Гермеса, хоть был он потомком
Зевса... Вознесся он в небо, спасаясь стремительным бегством!
От Эвриалы рыданья (не от трубы боевой же!)
Затаившись в пещерке ливийской, воинств не жег он,
И не брал укреплений, в пепел их обращая...
Не таковы свершенья Бромия: тайно ль он крался?
Нет! Но в полном доспехе! Он не в засадах таился,
60 [63]
Избегая дозора сестринских зраков бессонных,
Подстерегая дрёмы Форковых дщерей (их Гипнос
Усыпил!), дабы выйти к безоружной Медусе!
Наголову разбил он индов в двойной победе:
В битве на суше сражался и бился яро с рекою,

Залил кровью он землю и в ярко-алых потоках
Нереид он заставил плескаться во влаге кровавой,
Варваров племена умерщвляя. В матери Гее
Обезглавленных сколько гордых индов пропало!
Множество в море воев сразил он тирсом изострым,
70 [73]
Плыли трупы по гребням, влекомы морскою волною,
Столько, что не исчислить! С непобедимым Лиэем
Битву речного вала с пеною вместо оружья
Я поминать не стану, как пламень жгучий и яркий
Вакха сжигал без остатка варварские потоки
Влажнопылающей искрой, как влага, вскипевшая паром,
Исходила от глади речного бога Гидаспа!
Скажешь: Персей ведь тоже тварь прикончил морскую!
Звери пучины мертвели от взгляда только Горгоны!
Что ж тут за чудо? Владыка пред взором единым Медусы
80 [83]
Преобразился в камень от головы и до пяток,
Что сам собою, от взгляда, стал Полидект изваяньем?
Вакхом, Индоубийцей, скошено семя Гигантов,
А не только Горгона, гора иль плоть Полидекта!
Нет, обильную жатву змееволосых Гигантов
Доблестный Вакх собрал сокрушительным тирсом нежнейшим,
Некогда плющ обрушив в сражении с Порфирионом,
Он Энкелада низвергнул и в бегство Алкионея
Обратил лишь листвою единой, метал он лишь тирсы,
Губящие землеродных, спасающие олимпийцев,
90 [93]
Племя Аруры когда, двухсотрукое, кинулось к небу,
Многоглавое, звезды алча с высей низвергнуть -
Только пред хрупкой верхушкой тирса чудовища сникли;
Пред виноградным побегом, не пред огнем небесным
Пало дикарское племя, пред разрушительным тирсом!
Сами судите, о други, ибо в пределах восточных
С доблестью превеликой Вакх разбивает индов
Пред изумленным взором Гелия, дева ж Селена
Гесперийская видит в быстрых плесницах Персея,
Медью изогнутой, острой свершившего скромное дело!
100 [103]
И Фаэтонт насколько блеском могучее Мены,

Так я и Вакха считаю доблестней много Персея!
Инах обоим свидетель: когда пред плющом густолистым
И лозой смертоносной смирились микенские копья
Медные, ибо в бегство пред сатирами обратился
Серпоносный Персей, уступил тирсоносцу Лиэю,
Бурную пику метнувши в Эвия-брaноносца,
Поразил Ариадны беззащитное тело!
Вот он, подвиг Персея! Убить единую деву,
Брачное платье которой еще любовью дышало...
110 [113]
Может ли он гордиться Диевым ложем и златом?
Зевс ливненосный Данаю не взял на звездное небо,
Дабы прославить сей ливень, извергшийся с высей на деву,
Дабы предаться страсти потáйной... Семелу к Олимпу
Он восхи́тил, к бессмертным, к пирам и веселью Блаженных,
Дабы она восседала близ лозоносного Вакха!
Но не судьба Данае домы Олимпа - по влажным
Водам соложница Дия помчалась, влекома теченьем,
Проклиная коварный ливень страсти любовной,
Ей оставившей только влаги обилье ничтожной!
120 [123]
Ведаю про Андромеду, блистающую на Олимпе:
Только страждет и в небе она, и ропщет, и стонет,
Часто слово такое с упреком горестно молвит:
"Что мне в славе, на небо взнесенной, Персей, о супруг мой?
Так ли хорош сей брачный подарок - Олимп? И на звездном
Небе чудовище гонит меня, это новые узы,
Сходные с теми, что деву у брега морского держали
И среди горних созвездий меня оковали, небесный
Меч серповидный спасенья не подал, и око Медусы
Звездной не защищает, хоть мечет огонь и к Олимпу!
130 [133]
Кит угнетает меня - ты крылатых плесниц не вздеваешь!
Матери мука доли́т, боязливая Кассиопея
Нереид опасаясь, плывет средь небесных созвездий
Сквозь эфирные зыби, Медведицы участи легкой
Удивляясь, ни волн Океана, ни моря не знает!
Муки дочерние видя, Китом гонимой небесным,
Старец, оставивший землю, Кефей, тут плачет и стонет!"
Жалобно дева стонала, закована в крепкие цепи,

Клича Персея-супруга, но не пришел он на помощь!
Коли Персей гордится звездной своей Андромедой,
То обрати свои взоры туда, где в эфире блистает
140 [144]
Змееносец лучистый, перстами подъемлющий Змея,
Ты венец круговидный увидишь тогда Ариадны,
С Гелием рядом бегущий и с восходящей Селеной,
Вестник желания бога, венколюбивого Вакха!
Миноса ведаю битву - за ним Энио выступала
Нежная, пояс доспехом был, не перевязь бычья,
У Киприды оружной, когда она в шлеме блистала,
И Пейтóпотрясала сулицей... Словно Паллада,
С Миносом шла Киприда на битву, и в сшибке горячей
Брачная стая эротов мирных стрелы метала!
150 [154]
Сладостное ополченье город сей осадило
И к нисейским Мегарам взгремели кидонские трубы!
Фобоса с Деймосом видя, что стали друзьями эротов,
Пятясь шагом постыдным, медный Арей удалился,
На щитоносную деву Афродиту взирая,
На копьеносную Похоть... У меднодоспешного воя
Эрос в легкой тунике прекраснокудрявый победу
Вырвал... Ведь Скилла из кудрей отца уснувшего тут же
Срезала рыжий волос, что был у него от рожденья,
И отдала на поживу недругу целый город,
160 [164]
Срезав железом изострым волос, отчизну хранящий!
Минос так градовержец через деву нагую
Верх одержал в сраженье - не победил он железом,
Только одним любострастьем! Когда же Бромий сражался,
Не было Любострастье союзником с индами в битве,
И не билась Пафийка, споспешествуя Лиэю
Красотой... Ни единой не было девы влюбленной,
Ослепленной желаньем, что помогла б Дионису,
Не было хитростей страсти, не было у Дериадея
Пряди, но в битвах премногих, истекши потом и кровью,
170 [174]
Славу победы он вырвал! Может, почтить пожелаешь
Инаха и Геракла? Я сам расскажу и об этом!
Ведаю, как в объятьях льва задушил он могучих,

Только тисками дланей сжав его выю жестоко,
Обойдясь без железа изострого, там где сквозь глотку
Жизненосную воздух в пасть как раз поступает...
Больше не будем про то - невеликое это деянье!
Доблестная Кирена рукой, для льва смертоносной,
В чаще такое ж деянье свершила, повергнула зверя
Мужественного на землю силою женственных дланей
180 [184]
Юношей будучи нежным, Вакх, по горам пробегая,
Только одною рукою льва хватал за загривок,
Зверя, что в ярости страшен, и нес его к матери Рейе
Пешим, а лев, разъяряся, грозил клыками из пасти!
Бог его нес живого, прилаживал к вые поводья,
И мастерил уздечку, чтоб им управлять поудобней,
Упряжью пасть укрощая. После, взобравшись в повозку,
Диких львов хребтовины хлестал бичом, погоняя
Робких, а леопарды и род мясоедных медведей
Детской еще ручонкой укрощены Диониса!
190 [194]
Знаю о горном вепре аркадском, да только Лиэю
Вепри были забавой, как и львов укрощенье!
Что ж такого отважный Геракл совершил? Он всего лишь,
Поднатужившись, Лерны болотце избавил от змея,
Головы чьи возрастали сами собою, отрезав
Насажденья змеиных шей возрождавшейся гидры!
И не один он трудился! Разве не звал на подмогу
Он Иолая, что гада вновь растущие главы
Головнёю горящей прижигал, пока самка
От усилий двоих мужей не издохла... Почтить ли
200 [204]
Двух мужей, что сразились с червем каким-то ничтожным?
Подвиг один совершили два мужа, а тирсоносец
Изрубал, одинокий, сынов змеевласых Аруры,
Эвий, Дия поборник, всех он Гигантов низвергнул,
Хоть по плечам и змеились, клубками свивался, гидры,
Больше, чем Инаха змеи, и не в Лернейском болоте
Шип раздавался змеиный, а в звездоносном эфире!
Ах, Иолай, прости: прижигал ты головы гидры,
Но одному лишь Гераклу досталась почесть победы!
Вакх меж тем, мой поборник, не Лерну и не Немею

210 [214]
Спас великим деяньем, лес бесчисленных пастей
Ядовитых срубая многоглавого зверя -
Нот и Борей резвоногий, и ветер Эвр быстрокрылый
С Зефиром вместе славят его четверную победу,
Небо, земля и море о подвигах бога узнали!
Если змей или аспид и могут кого-то прославить,
То лишь юного Вакха, то лишь героя Лиэя,
В кудрях чьих, что подобны змеям гибким, ужасным,
Есть змеиный венец от рожденья дивного данный!
Умолчу я о лани с рогами златыми: вот подвиг
220 [224]
Мужа Геракла, косулю убившего самолично!
Нет, не скажу я о лани пугливой, ведь для вакханки,
Рвущей оленей на части, это жалчайшее дело!
Кносский подвиг Геракла не стоит вниманья. Работа
Жалкая больно свершилась: быка, что взбесился от страсти,
Укротили дубиной, рога ему обломали!
Часто такое свершает одна лишь дева-вакханка,
Голой рукою ста'да быков остророгих убийство,
Слабая дева, служанка быкорогого Вакха!
Рог ухватив заостренный, часто она укрощала
230 [234]
Зверя, что буйствовал, грозный, на деву свирепо бросаясь,
И прижимала к земле рога, что и льва бы пронзили!
Не вспоминай же напрасно трехтелого Герионея!
Ведь Дионис мой низвергнул плющом, разрывающим плоти,
Алпоса-богоборца, свирепого сына Аруры,
Алпоса с сотней голов, на коих аспиды вились,
Чудище к Гелию рвалось, к Селене рукою тянулось,
Сотрясая главою свод небес многозвездный!
Ибо Геракла деянья, коего бог бессмертный
Зевс на ложе с Алкменой зачал, возлегая три ночи
240 [244]
С нею, горца ничтожный подвиг, деянье же Вакха -
Бой с многоруким гигантом, с вождем надменнейших индов,
А не погоня за ланью, не стадо бычье, не вепря
Убиенье косматого, тур или пес, или древо
С золотыми плодами, иль хлев, иль птица какая,
У которой не перья в крылах, а железные копья,

Или кони, что жрут чужеземцев, не пояс девичий
Ипполиты ничтожный; слава бога Лиэя -
Дериадея убийство и бой с могучим Оронтом!
Сын именитый Мелета, славитель бессмертный ахейцев,
250 [254]
Милостив будь! Милосердья, ровесница Эригенейи,
Умоляю! Похода к Трое не вспомню - сравнить ли
С Бромием Айакида, с Гектором - Дериадея!
Ибо твоя только Муза должна столь великие битвы
Славить, как Вакх низвергает гордое племя Гигантов...
Ведь и другим возможно петь деянья Ахилла,
Если б Фетида о чести такой не просила. Подмоги,
Умоляю, о дай мне божественного вдохновенья,
Удели мне от дара, воспеть достойно деянья,
Кои свершил Дионис, разбив ополчение индов!
260 [264]
Предводи же, богиня, мной средь племен индийских,
Сулицу со щитом родителя дай мне, Гомера,
Дабы против Моррея, надменного Дериадея,
Бился я с Бромием вместе и Дием! И в битвах жестоких
Голос услышу сиринги вакхийской, ведущей на битву,
И неустанные клики трубы премудрой Гомера,
И дарования дротом покончу я с индом последним!
Вот на береге лесистом Инда, на луге прибрежном
Ополчение Вакха, гор обитателя, встало
В ожидании битвы. Ганг же, охваченный страхом,
280 [274]
Горевал по потомству, и участь недавно погибших
Город оплакивал горько, и плакальщицы причитали,
Оглашая рыданьем улицы и переулки.
Страх и ужас, и трепет Дериадеем владели:
Все до конца узнаёт он, и взором окинув неверным
Местность, плачет в печали, ведь облик божественной влаги
Переменился и кровью зыби вскипали Гидаспа!
Вот по речному брегу бредет широкобородый
Старец, и веки слепые застланы темною мглою,
Каплет он желтую влагу целительного потока
290 [284]
На сомкнýтые вежды, и только глаза окропила
Винная влага, как сразу очи старца раскрылись.

Пляшет от радости старец и славит звонкою песнью
Темно-пурпурные воды всеисцеляющей влаги!
Старческими руками плещет в мех ароматный
Густотекучую чéрвлень, горстями воду речную;
Ставит жертвенник Дию и виноподателю Вакху,
Ибо свет Фаэтонта узрел, невидимый прежде!
Юноша, вдруг потерявший псов своих в горных долинах,
Видит как псы лакают багрец божественный тока;
300 [294]
Тут же ловчий, нагорной Лучницы верный сопутник,
В город скорей поспешает, упрямому Дериадею
Весть о сладостных струях поведать текучего хмеля;
Вот уж благоуханье лозы над градом струится,
Ветерками несомо, все улицы вмиг опьяняет,
Провозвещая победу Индоубийцы Лиэя!
Стража к башням сбежалась, встревожена рокотом шумным
И напугана, стены окружают щитами
Высокостенного града воины... В горных же долах
Дионис в нетерпенье, и часто он укоряет
310 [304]
Геру, что дескать, на битву вновь распаляются инды,
Что ветерки, мол, уносят всю на победу надежду!
Видя львиную пару, стоящую в яслях воздушных,
После того, как Селена уж десять кругов обежала,
Зная, что Эос уж триста раз восходила на небо,
Сам он, как лев разъяренный стенал и метался по чаще,
Слезы лия из бесслезных зениц... Ко страдавшему Вакху
Аттис, скопец, явился сквозь скифские дикие горы,
Длинноодетый, стегая львов своей быстрой повозки,
Рейи божественный вестник резвый, он с помощью меди
320 [314]
Острой кровию залил колос плодоносящий
Юности и разлучился с бороздою и плугом
Страсти, оставив жатвы... Разлился рекою кровавый
Ток, как отбросил он лемех любовный от бедер, лишившись
Мужеских признаков после ударов железа по телу...
Да, это он поднялся на колесницу Кибелы,
Дабы утешить Лиэя вестью в великом несчастье!
И Дионис, завидев вестника, мыслил: везет ли
Рейю, богиню праматерь, на битву свирепую с индом?

Остановивши повозку и вожжи к осям привязавши,
330 [324]
Вестник румяноланитный с кожею, женской нежнее,
Молвил Вакху реченье звонким гласом высоким:
"О Дионис лозоносный, Дия отпрыск, потомок
Рейи, ответь мне, когда возвратишься в лидийскую землю
После победы над родом индов косматоголовых?
Рейя не видела пленных, добычи со смуглою кожей!
После битв и сражений, устроенных в горных загонах,
Львов, зверей мигдонийских, гривы не омывала
В щедрых потоках Пактола! Не слышно шума сражений,
А пролетело меж тем уж десять годов круговратных!
340 [334]
К матери всех бессмертных в знак несомненной победы
Не приводил ты и пары львов индийских с востока!
Вот тебе от Гефеста-бога и Рейи бессмертной
Битвенные доспехи, что кованы в кузне лемносской,
Как во вселенной, найдешь там и небо, и море, и землю!"
Вестник и речи не кончил, как Вакх-воитель воскликнул:
"Жалки же боги-ревнивцы! В этой войне бесконечной
Мог бы лишь за день единый индов низвергнуть ничтожных
Сулицей плющевою, но похищает победу
Зависть упорной Геры, богини ревнивой и злобной!
350 [344]
Дериадею-владыке Арей потакает открыто
Дикий, когда он бьется с сатирами, и сам я
Тирсом его поразил бы, да только Кронион грозится,
Молниями и громами гнев мой ярый смиряя!
Если бы Зевс поднебесный, из-под туч возгремевший,
Дал мне знаменье какое - связал бы тогда я Арея,
Жатву обильную взял бы с племени индов надменных!"
Но на то Дионису Аттис лидийский отмолвил:
"Если во длани подъемлешь щит звездоносный эфира,
Друг мой, то яри Арея и Геры козней не бойся,
360 [354]
Войск не страшись и Блаженных, ведь Рейя праматерь с тобою,
Воев изогнутолуких пре́зри - не могут и ранить
Оные Гелия-солнце или богиню Селену!
Кладенец Ориона какой же меч превозможет?
Лезвие дрота какого уязвило б Боота?

Не защитит и отец рогатый Дериадея,
Океана не могут оспаривать воды Гидаспа!
Так что смело сражайся снова, ибо праматерь
Рейя тебе предвещает победу скорую в схватке!
Только не будет закончен поход, пока четверная
370 [364]
Хор колесница шестижды по небу не обернется -
Вот и все, что и Зевс, и нить всепобедная Мойры
Гере упорной уступят, но год лишь седьмой народится,
Сразу же ты одолеешь город сих индов надменных!"
Молвит он, Бромию щит подавая и радуясь сердцем.
Чаши бог наполняет вином, разрешающим скорби,
Чистым и крепким напитком на пире, и дух облегчивши,
На колесницу восходит и львов бичом погоняет,
Намереваясь к нагорьям Фригии воротиться.
Вот миновал по пути он горы земли кавказской,
Выси краев ассирийских, суровые Бактрии пики,
380 [375]
Выйдя к ливанским нагорьям и к цепи Тавра высокой,
Вот в Меонии долы вступил, в исконные земли,
Где божественный дом нашла детомощная Рейя.
Бог от уз разрешает львов своих плотоядных,
В яслях их запирает, дает амвросии на яство.
Вот увлекаемый вдаль пророчеством матери дивной,
Дионис тирсоносный смешался с толпою вакханок,
Бремя развеяв по ветру печали, его тяготившей,
Щит пестроцветный во дланях держа, Олимпа оружье,
Труд искусный Гефеста. Вот собралися толпы,
390 [385]
Дабы полюбоваться работой божественночудной,
Ослепительнодивной, небесной исполненной дланью,
Многоцветным щитом: в середине оного мастер
Круг земной и великий изваял, и над кругом
Неба выси круглились с бегом созвездий над ними,
О брега же плескалось море; в эфире высоком,
На колеснице, пылавшей пламенем яркоблестящим,
Гелия вырезал мастер из злата, из серебра же
Белого ваян и полный диск богини Селены;
А над ними созвездья пылают в текучем просторе,
400 [395]

Ярко над сводом сияют многозвездного неба
Семь поясов небесных и над чертой Зодиака -
Бег двояких Медведиц, не заходящих вовеки!
По колее нерушимой над Океаном безмерным
Обе несутся бок о бок и только одна лишь коснется
Головы наклоненной к низу идущего Аркта,
При появленье другой он голову вновь поднимает!
Ровно посередине сияет созвездье Дракона,
С двух сторон разделяя будто одну и другую,
Между ними небесным чревом бьется и вьется,
410 [405]
Сам вкруг себя свивает блестящее тело, как будто
Ток извивный и быстрый Меандра, который на тверди
Влагой рисует своею кольца, виясь прихотливо.
Смотрит он на Хели́ки голову взглядом упорным,
Звездною чешуею обвив Медведиц обеих,
Рядом лежащих, а в пасти, на языке изостром
Льет, мерцая, сиянье звезда лучистая, прямо
Между клыков огромных свои лучи посылает!
Вот что изваяно было посередине искусной
Меди щита кругового; Угождая Лиэю,
420 [415]
Мастер представил и стены лирозданные града,
Фив семивратных, их строят каждые поочередно
Эти врата, не все сразу. Был там и Зет, что на плечи
Поднял огромный камень, трудяся на благо отчизны;
Пел Амфион, на лире играя. Согласно сей песне,
Сам собою катился камень горный, вращаясь
Как зачарованный даже и на щите! И промолвил
Ты бы, что камень недвижный пляшет в радостной пляске,
Ты бы почувствовал трепет высей, незыблемых раньше!
В этом безмолвье поющем, внимая игре песнопевца,
430 [425]
Ты бы пришел поскорее увидеть, как движутся камни,
Песне послушные, слух свой ты б усладил несказанно,
Градозданной форминге себя самого подчиняя,
Семиструнному ладу внимая, что скалы колеблет!
Есть на щите круговидном, где ходят хоры созвездий,
И другие картины: изображен там отпрыск
Троса в Зевесовом доме с невероятным искусством,

Коего птица уносит, кравчего, в небо восхитив!
Мнится, вот-вот сей орел перехватит когтями красавца -
Только Дий осторожен, летя в высоком эфире,
440 [435]
Держит он мальчика крепко и нежно его обхвативши,
Мягко крылом помавает, бурный полет умеряя:
Как бы в зыбях пурпурных моря любимый не сгинул,
Ганимед, с высоты устремившись вниз головою!
О, как он Мойры трепещет! А вдруг преждевременно имя
Даст этот юный красавец проливу соседнему, почесть
Геллы и славу похитив, в будущем данные деве!
Далее был изваян за трапезою Бессмертных
Юноша как живой, в сосуды льющий напиток,
Будто бы он кратéры нéктаром сладостным полнил,
450 [445]
Пировавшему Дию протягивал будто бы чашу!
Будто бы гневалась Гера, лицо ее отражало
Гордую, властную душу! Деве Палладе богиня
Знак перстом подавала - как же сей нектар небесный
Смеет лить быкопас Ганимед, взнесенный к Олимпу,
Предназначенных Гере смеет касаться кратеров?
После кормилица Вакха изваяна там Меонúя
Вместе с Морúей, и пестрый змей, и травы густые,
Дамасен-змееборец, отпрыск Хтоны могучей,
После и Тил, недолго в Меонии обитавший,
460 [455]
С ядовитым укусом змея из жизни ушедший;
Ибо однажды на бреге ручья мигдонийского, Херма,
Аспида он коснулся рукой, и быстро поднявшись,
Голову показала змея с разверстою пастью,
Бросилась на человека, обвúла его, бичуя,
Смертный мрак насылая кольцами быстрыми тела,
Гибким хребтом обхватила накрепко смертного мужа,
Вкруг подбородка с первым пушком молодым обвилася,
Многозубою глоткой против ланит оказавшись,
Плюнула ядом отравным, влагою Мойры богини -
Тело змеи клубилось над самыми мужа плечами,
470 [466]
Хвост же чудовища мощно стянул и грудь, и предплечья...
О ожерелье Аида, Мойры предвозвеститель!

Пал он замертво наземь, словно былинка земная!
Сжалившись над судьбою юноши, что пред глазами
У нее и скончался, рыдала нагая наяда,
Подле ужасного зверя над юношей плача покойным...
И не один уж странник или пастух был погублен
Здесь, не единого Тила, в чаще лесной затаившись,
Змей стерег, но и зверя подстерегал он, и часто
Древо с корнями вырвав, хватал его он клыками
480 [476]
И безмерною пастью сжирал и ветви, и листья,
Испуская из зева губительные испаренья...
Часто, воздух втянувши, путника увлекал он
Внутрь бездонного чрева, шипя ужасно и грозно,
Пасть открыв пошире, глотал его без остатка!
И Морúя узнала убийцу брата родного,
Издали все подсмотрев: обезумела дева от страха,
Видя клыки и зубы, яд источавшие в пасти,
Смертное ожерелье, обвившееся вкруг выи...
Плача и горько стеная, металась дева по чаще
490 [486]
И Дамасена узрела, сына могучего Геи,
Коего матерь в утробе сама по себе зародила,
Изначально с густою брадою, обвившей ланиты;
Воспитала младенца Эрис: и вместо груди он
Копья сосал и кровью его омывали, пеленкой
Панцирь служил, великан сей был и огромен, и тяжек,
Головою касался высей небесных воитель,
Дроты метать от рожденья стал, а только родился -
Уж со щитом Илифúя младенца сего восприяла!
Только его увидала на холме густолесистом -
500 [496]
Сразу пред ним склонилась нимфа, моля о защите:
Показала на змея огромного, брата убийцу,
Тила, чье мертвое тело в пасти еще трепетало...
Просьбы могýт не прéзрел девичьей и кинулся сразу;
Вырвав огромное древо из лона матери тучной,
Сделал его оружьем против грозного змея.
Тот же, боец извивный, готовился к битве, свернувшись
Кольцами, испуская шипенье из пасти огромной,
На пятьдесят локтей простиралось змеиное тело!

Вот он тесно обвился вокруг ступней Дамасена,
510 [506]
Члены его обхватил, извиваясь и содрогаясь,
Пасть разверзнул, зубами усеянную повсеместно,
И летела из глотки слюна смертоносная дротом,
Смерть выдыхая; вращал он ужасно глазами... Близ лика
Воина щелкали зубы, яда ручьи источая,
Зеленоватую пену с концов клыков изощренных...
Вот бросается аспид к главе на вые высокой,
И от броска такого вся земля затряслася -
Только змеиное тело отброшено было ударом
Воина; точно скалистый мыс стоял он на месте!
520 [516]
Вот он дланью подъемлет как дрот ветвистое древо,
Мечет его пред собою, и ствол, и корни, и ветви,
Размахнувшись широко - и в шею змея сражает,
Там, где в самую выю врастает тело на сгибе...
Древо уж дважды за век свой корни пустило! Повергнут
Змей оплетенный на землю... Свернулся в кольцо... Но внезапно
Появляется самка змеиная, вьется по камню,
И обвивает, как будто жена обнимает супруга,
Горько плача над мертвым телом... Потом уползает
530 [525]
В скалы, свивался быстро в кольца хребтом необъятным,
В горы стремится, где много трав на лесных луговинах,
Там она пастью своей вырывает коренье Зевеса,
В зубы его прихвативши, целительный корень приносит.
Вот подает лекарство от смерти ужасной и страшной
Прямо к ноздрям супруга и в ядовитое тело
Неподвижного гада корень сей жизнь возвращает!
Зашевелился аспид сам собою как будто,
Часть еще неподвижна, но оживает другая,
Сам еще бездыханен, но хвост уж вздрогнул сильнее,
540 [535]
В пасть его ледяную уже вернулось дыханье,
Глотку он открывает мало-помалу, и слышен
Шип свистящий свирепый - и вот, возвращается снова
Змей в ту нору, где прежде лежал он, в кольца свернувшись.
Вот Морйя Зевесов корень срывает и к телу
Мертвому брата подносит, к самым ноздрям жизненосным,

Корень сей жизнедарный с целительным стеблем и цветом
Вновь возвращает дыханье вместе с жизнию в тело,
Входит душа повторно в холодную внутренность трупа,
Плоть постепенно теплеет в спасительном пламени корня...
Мертвый вновь оживает, свершается жизни начало -
Правую ногу согнув и левую подтянувши,
Вдруг он садится на землю, стопами вперед упираясь,
Словно тот, кто внезапно, крепко спавши на ложе,
Пробужденный, остатки сонной неги отбросил;
Кровь уж бежит по жилам, грудь воздымается снова,
Вверх потянулися руки, ноги способны к движенью,
Очи - ко зренью, а губы голос опять обретают!
Видно в щите и Кибелу по разрешеньи от родов,
Будто она прижимает к лону плод нерожденный,
Подает на ладонях ненавистному мужу
Хитроумная Рейя камень вместо младенца,
Несъедобное яство... Камень сей круговидный,
Мраморный образ дитяти, отец своей алчною глоткой
Пожирает, сей ложный облик бога Зевеса!
Лишь ненасытное чрево приняло внутрь этот камень,
Извергает тотчас многочисленное потомство,
Выплюнув оное бремя из полного с верхом желудка!
Столь различные сцены с превеликим уменьем
Изображались по кругу сего щита боевого,
Принадлежащего Вакху. Спутники им любовались,
Вкруг оружья и бога столпившись кружком изумленным,
Восхваляя горенье кузницы Олимпийца!
Но меж радости бурной Эос клонилась к закату,
Свет угасал постепенно огнепылавшего взора,
Тень простирала густую безмолвная Ночь над землею.
Почивать ополченье разместилось на ложах,
Пищи вечерней вкусивши в горном своем становище!

Песнь XXVI

В песне двадцать шестой о лукавстве поется Афины,
Заманившей владыку индов в битву с Лиэем!

Дериадей почивает в слезах и печали на ложе;
Предана Вакху, Афина неукротимая встала
В изголовье постели, победу ему замышляя:
Облик она изменила на облик владыки Оронта
(Родич он был и соратник надменного Дериадея!);
Спит он, оставив и мысли о жалящей сулице Распри -
Встало пред ним виденье во сне злокозненном, клича
Слово поносное громко испуганному судьбою
Павших, его ободряя на битву идти с Дионисом:
"Спишь, о Дериадей! За это тебя проклинаю!
10 [11]
Спать по ночам не должно града вождям и владыкам!
Спит умеренно мудрый: ибо вкруг стен и башен
Недруг встал ненавистный... Ты же копья́ не подъемлешь
Бурного, шума не слышишь барабанов, авлосов,
Звуков трубы, на битву кровавую выйти зовущей!
О, над собственной дщерью, юной вдовою скорбящей
Смилуйся Протоносей - она потеряла супруга!
Не оставь, самодержец, неотомщенным Оронта!
Тех, кто меня погубил, безоружного, наземь повергни!
Мертв я, родич твой близкий - убийцы родича живы!
20 [21]
Грудь мою осмотри - там раны от тирса зияют!
Горе! Не сын Арея, Ликург, обитает в сем граде!
Горе! Ты ведь не правишь арабом мстительногордым!
Нет, Дионис не бог, коль смертный загнал его в воду,
Дабы он никогда не вышел уже из пучины!
Вижу пред женственным войском трусость Дериадея!
Стань же львом нестрашимым и перед воем оружным -
Вакх под шкурой оленьей сбежит как лань предо львами!
Ибо не он уничтожил племя воинственных индов,
То отец твой, Гидасп, их убил, увидев, что в битве
30 [31]

Все твои ополченья спасаются бегством позорным!
Ты не такой как другие, ведь в жилах твоих Фаэтонта
Дщери кровь пробегает, пращура огневого,
Ты полубог, а не смертный, тебя не дано ниспровергнуть
Ни мечу и ни дроту напавшего Диониса!"
Молвив, к Олимпу взнеслась многоумная дева Афина,
Обретая свой прежний облик богини бессмертной.
Дериадей же наутро вестников рассылает
По островам да по градам ко многоразличным народам!
Много краев обежавши бурной и быстрой стопою,
40 [41]
Много различных народов вестники собирают
На востоке. И жаждой битвы томимо, собралось
Войско большое, ответив на зов своего же владыки.
Первыми ополчились воители в распрях великих,
Флогиос и Аграйос, союзники по походам,
Ведь схоронили недавно они отца, что скончался...
Оба - сыны Эвлая. С ними прибыли вместе
Жители Киры и града, стоящего рядом с потоком
Ómбелом, влагой обильным, жители Байдия-града;
Из укрепленной Родои прибыли пылкие инды,
Также из Пропаниса скалистого, с острова также
50 [52]
Грай, где младенцы не матерь сосут, как обычно бывает,
Нет - малютки, родившись, приложены к персям отцовским,
Жадно тянущие млеко по каплям ротиком алчным!
Также с Сесиндия-града, и те, кто столь укрепили
Гадзос льняною стеною, сотканной крепко и плотно,
Неприступный Арея оплот - ни один ненавистник
Не сподобился башни льняные разрушить железом:
Нерушимые, встали они на плетеной основе!
Также прибыли в город воители, смелые сердцем
Дарды и вой из Прасий, а также дружина салангов,
60 [62]
Златом покрытых, у коих много богатства, для коих
Было обычным питаться стручками, их вместо хлеба
Ели они, размоловши в муку на мельничном круге;
Забиев войско явилось кудрявое, их предводитель
Был Палтанор премудрый, Дериадея-владыку
Он не любил, благочестный, сочувствовал он Дионису -

Оного Вакх повелитель увел после битв против индов.
Иноземца, чужого, с собой в лирозданные Фивы,
И остался у Дирки питомец родного Гидаспа,
Исменийскую влагу стал пить реки аонийской;
70 [72]
Рядом свое ополченье Моррей построил надменный,
Тиднасид, он в город явился с отцом престарелым,
Чья печаль вместе с горькой старостью соединялась...
Старческою рукою вздымал тот щит пестроцветный,
Поводил клочковатой и густой бородою,
(И сие возвещало о летах его препочтенных!) -
Ибо на индском Оронте пал сын его юный, любимый...
Слезы он лил непрестанно! Тиднас, за ним же отмститель
Следовал, воздымая копье, Моррей непреклонный,
Войско Вакха решивший низвергнуть; горел он с Лиэем
80 [82]
Биться, с убийцею кровных... Неуязвимого сына
Девы Тионы замыслил сразить, убившего брата;
Следом за ними приходит род индов разноязыких,
Гелия град населявших, дивнозданную Айтру,
Выстроенный в пределах безоблачных... Также явились
Жители чащ Антены и тростников Орики́и,
Не́сайи знойного града, беззимнего града Мелайны
Благозданной, волной окаймленной морской Паталены;
Вот идет ополченье диссеев, за ними ступает
Войско из племени с грудью густовласой сабиров,
90 [92]
Коих и сердце покрыто шерстью, кои отважны
Вечно и неустрашимы ликом пред распрей любою;
Вслед приходит за ними дружина уатокойтов
(Спать это племя привыкло на ушах своих длинных!),
Фрингос командует ими и Аспетос вместе с Даниклом,
Гордым и властным владыкой, в согласье действуют с ними
И Моррей-стреловержец, и Гиппурос, верный сопутник;
Все согласно и правят войском, свирепые в битве,
Пять полководцев великих племени уатокойтов;
Тектафос-стреловержец приходит (он некогда дщери
100 [102]
Алчущими губами млекообильные груди
Страждущий, высосал, дочерь отца спасала от смерти!);

Тектафос с плотью иссохшей, мертвец разумный, ходячий:
Некогда скиптродержец Дериадей его бросил,
Исполняя угрозы свои, наложивши оковы,
В яму, где сырость и плесень, и тьма постоянно царили.
Там он томился без яствы, в собственных нечистотах,
Света Солнца лишенный и Луны круговидной.
Пленник в яме этой и жил, закованный в цепи,
Без питья или яств; людей к нему не впускали...
110 [112]
Вытесаны из камня стены скальной темницы -
Он же терзался без меры, гладом уже истомленный,
Уст его страждущих только одно дыханье касалось,
Бездыханному трупу подобно дышал он, как мертвый,
Источая зловонный дух разложившимся телом!
Пленника охраняли стражников царских отряды,
Но хитроумная дочерь одна обмануть их сумела;
Так говорила с мольбою в голосе, горько рыдая,
На сносях уже дева, разрывая одежды:
"Не убивайте, о стражи, меня - ничего не несу я,
120 [122]
Нет, ни питья, ни пищи отцу я не доставляю,
Слезы и жалобы только одни пребывают со мною,
Пусто в этих ладонях! Коль недоверчиво сердце
Ваше, то развяжите пояс мой на одеждах,
Покрывало снимите, мой хитон обыщите!
Влаги нет жизнедарной со мною, хочу лишь остаться
Вместе с родителем милым в этой подземной темнице;
Нет, молю вас, не бойтесь, владыка коль и узнает -
Кто ж на сочувствие к трупу сердится? Кто ж угрожает
Жалкому мертвецу? Кто ж мертвого не пожалеет?
130 [132]
Я ведь закрыть желаю очи покойного только,
Дайте войти! Разве мертвый под подозреньем? Да сгибнем
Мы в единой могиле - и дитя, и родитель!"
Стражей она умолила. В темницу дочерь проникла,
Свет неся утешенья родителю; в яме промозглой
Брызнула в губы отцовы млеком спасительным персей
Ээрйя бесстрашно... Узнав благочестное дело,
Дериадей восхитился, ради подвижницы-девы
Освободил он отца, подобие тени иссохшей.

Слух о подвиге этом распространился повсюду,
140 [142]
Войско индов хвалило хитрость спасительных персей!
Тектафос средь болингов блистал, как блистает в созвездьях
В небе высоком Веспер, звезда пресветлая ночи,
Веспер, всходящий лишь только сияние дня угасает...
Гинглон высокоглавый, а также Тирей мощнобедрый
Вместе с Хиппалмом, что небо челом доставал, пришедши
С мира окраин, вели копьеборный род арахотов
Быстрых, а также дерсеев, кои железом убитых
Воинов хоронили, насыпав над ними курганы
(Так велел их обычай погребения павших!);
150 [152]
Вот, набравши дружину стрельцов изогнутолуких,
Хаброто́с прибывает обритый, неторопливый...
Он стыдится во гневе и в горечи неутолимой
На самовластца рогатого, ибо в припадке безумья
Дериадей надменный остриг его гриву густую:
Знак позора для индов такое! Призванный к службе,
Он, в поход отправляясь, спрятал под шлемом гривастым
Голову, с коей кудри состригли, позор полководца...
Негодованье в глубь сердца загнал он, но в битвах сражаясь
Целыми днями средь воев, он тьмою глухою ночною
160 [162]
Слал свои донесенья о замыслах Дериадея
Вакху, верный прислужник бога... Хотя и открыто
В войске Дериадея сражался против Лиэя!
Дикое племя ксутов вел он и ариенов,
Вооружил зоаров, а также и племя иоров
Вместе с родом каспейров и арбиев, кои гордились
Хиспором с влагой блестящей, глубоководным потоком,
Где богатая россыпь камня таилась электра;
Были там и Арсени́и жители, жены которых
Только лишь за день единый за работою, милой
170 [172]
Деве Палладе, сидя ткали хитон преискусно;
Вслед ополчилась за ними для битвы на море жестокой
Племя киреев, знавших лишь земли свои островные,
Племя кормчих, искусных в сраженьях... Судов же торговых
Не признавало племя, пользуясь челноками,

Выделанными из бычьих шкур, подобьями лодок:
В шкурах таких и свершали набеги они беззаконно,
Сидючи в шкуре, скользящей по зыби спокойной, зеркальной,
Устремляясь по волнам в этих странных лодчонках;
Тиамис правил ими и Хо́лкасос, полководцы,
180 [182]
Вои, сыны Тарбела, сулиценосного мужа;
Также пришли народы толпою из Аризантейи,
Хлебцов медовых питомцы, ибо с деревьев ветвистых,
Пьющих на самом рассвете росу небесную вдоволь,
Мед стекает на землю, как будто течет он из сотов,
Плод, рожденный пчелы работящей, премудрой деяньем,
Светлый напиток, средь листьев сам зародившийся, ибо
Фаэтонт, восходящий из вод круговых Океана,
В почву тучную края влагу с волос отряхает,
Плодоносную землю питая лучом животворным -
190 [192]
Вот каков Аризантейи мед! Он радостен многим
Птицам пернатым над током реки пролетающим быстро,
Хлопая крыльями; змеи, кольчатым телом свиваясь,
На стволах иль ветвях подобных пышной короне,
Алчною глоткой впивают лилейносветлую влагу,
Слизывая язычками сладостный плод выделений;
После же насыщенья роса древесная каплет
Сладкой струею медовой из пастей, а не отравный
Сок, что они извергают из глоток своих ядовитых!
Там, на ветвях, что сочатся медом, поет сладкогласно
200 [202]
Славная птица "хори́он" словно разумная лебедь,
Нет, не с Зефиром шумным, что крылья птицы вздымает,
Запевает она с ветерком сладкозвучным согласно,
Клюв открывая искусно (как делают песнопевцы,
Свадебный гимн зачиная невесте под звуки пектиды!);
Птица ж "катре́й" предвещает ливень скорый, обильный,
Птица, что кличет так звонко, с хвостом она ало-пурпурным,
Чье оперение блеском соперничает с зарею!
Часто катрей испускает крики над древом, что ветер
Треплет, и заглушает хориона звонкую песню,
210 [212]
Он, в оперенье пурпурном... Слышат пенье катрея

И говорят, что коленца так свои испускает
Соловей пестрогорлый с первыми солнца лучами!
Также явилось войско мужей, исступленных в сраженье,
Коих неустрашимый Пилойтес, отпрыск Хиппалма,
Ополчил совместно с Биллеем, родичем, в битву;
Также взялись за оружье сибы и племя хидарков,
Также и войско из града Кармины к сбору явилось:
Все они под началом Астрея и воя Киллара,
Бронга сынов, что снискали милости Дериадея;
Также и лóдьи явились с трехсот островов, что лежали
В море, одни за другими, архипелаг образуя
В совокупности целой, там они находились,
Там, где далек от истоков, Инд двуустый впадает
В море, смеяся лениво средь тростников эритрейских,
Средь пределов восточных, лежащих у брега морского,
Дабы потом затеряться средь эфиопских отрогов;
Там, раздувшись от влаги снегов, подтаявших летом,
Катит он, пядь за пядью, вниз обильную влагу!
Там супруг сей струистый тучную почву объемлет,
Радуя влажным лобзаньем жаждущую невесту!
Множит он струи, желая проникнуть в матерь посевов,
Зачиная собою побеги, растущие вечно
Снова, ведь Нил он - в Египте, Гидасп - на индийском востоке!
Там, топоча копытом по черно-галечным струям,
Плавает в этих водах, странствуя, лошадь речная,
Словно и тот, кто и в Ниле моем поток рассекает
Летним паводком, влажный странник пучин подледонных,
С узкими челюстями; когда же выходит на берег,
Острыми зубьями пасти сквозь заросли путь прорубает,
Влажноплоскою глоткой свою собирает добычу,
Словно серпом срезая злаконесущие стебли,
Урожайное поле без помощи всякой железа -
Вот какое преданье о Ниле, реке семиустой,
Ходит, что будто начало берет он в индийском Гидаспе!
Край островной круговидный оставив, Инду соседний,
Ополчилися вой с их поборником ярым,
Ригбасом, ликом подобным лику самих землеродных!

Старец А́рет внимает призыву Дериадея,
250 [251]
Но не спешит, однако: седую грудь облачает
Медноzданным доспехом, наподобье хитона,
За согбенную спину забрасывает воловий
Щит и перевязь бычью на плечах закрепляет;
Вынужденный сражаться, снаряжает дружину
Он с пятью сыновьями, Ликом, Мирсом и Главком,
С Перифантом и младшим сыном своим, Меланеем.
После того, как под шлемом спрятал старец седины,
Встал он с левого края неукротимого войска,
Детям своим доверив правый край ополченья,
260 [261]
Детям, коим молчанья печать уста оковала,
Речь их связав живую, мыслей и чувств проводницу.
Некогда брачных чертогов порог преступил Лаоби́и
Арет и сочетался с нею законным союзом,
Намереваясь потомство зачать - он славил союз сей!
Только там чудо случилось: на алтаре освященном
Совершал Афродите, вспомощнице брака и страсти,
Приношение юный супруг под брачные гимны,
Шум раздался великий и визг в дворцовых покоях -
Будущее возвещая, свинья там опоросилась,
270 [271]
Разродилася странно и чуждым образом вовсе,
Четвероногих там не было. Вместо этого к брюху
Матки влажноплывущие рыбы морские прильнули,
Нет, не твари земные, а твари морские явились!
Вот о рыбородящей свинье молва понеслася
Быстро во всем народе, множество толп стеклося,
Многие люди дивились обильнейшему помету,
Тварям, морским по природе, хоть на земле народились!
Толкователя воли богов вопрошает тут А́рет.
Тот же ответил: потомство его пребудет безмолвным,
Словно рыбы морские, безмолвные от рожденья.
280 [282]
Также дав объясненье знамений, явленных свыше,
Повелевает молить он резвоплесничного сына
Майи, водителя речи, правителя мысли и чувства
Вот родила Лаоби́я и в родах благоприятных,

Так же как тварь земная, пять младенцев явила,
Столь же безмолвных, как рыбы (над ними после победы
Сжалился Вакх-владыка, и безъязыкие глотки
Разрешил от безмолвья, изгнал порок их врожденный,
И наделил, хоть и поздно, даром и слова, и речи!);
С ними вооружились на битву мужи-щитоносцы,
290 [292]
Те, кто в Пилах живут и кто, оказавшись близ Эвра,
Жили во граде Эвколле, где Эос беззимняя правит,
И в святом Горианде с тучной землею на пашнях.
С ними на бой ополчились жители области Ойты,
Матери густолесистой слонов, животных огромных,
Коим природа судила жить два раза по сотне
Лет, а может быть, даже и по три круговорота
В сотню годов длиною... Пасутся друг подле друга
Звери эти, от ног до главы черны они кожей,
В челюстях удлиненных пара зубов выступает,
300 [302]
Словно серпы жнецов изогнуты лезвием острым.
Могут, вперед продвигаясь по зарослям густолистым,
Их растоптать стопами... похожи они на верблюда,
Ибо изогнут хребет их, на этой вот хребтовине
Могут они и толпы нести людей, и поклажу
Долго и неутомимо, не преклоняя коленей!
Широколобые звери главою змеиной поводят,
Выя ж их коротка да крива, а малые глазки
Вид этим тварям огромным совсем придают поросячий,
Хоть высоки да сильны! Когда же идут они шагом,
310 [312]
Уши с тонкою кожей по обе стороны шеи
Так и болтаются, коли хоть малый ветер повеет!
Хвостик же хрупкий, короткий всегда и всюду в движеньи,
Непрестанно по телу и вьется, и бьется, и хлещет!
Часто, вперед продвигаясь в сражении, с пастью открытой,
Зверь быкоглавый, огромный обрушивается на мужа;
Недруга вооруженный зубами, торчащими грозно,
Дротами, от природы данными, страшно вращая;
Часто, в полном доспехе и со щитом, супротивник
Вверх, пронзенный, взлетает, в пасти грозной зажатый,
320 [322]

И низвергается долу зубом изострым сраженный.
Сбросив недруга наземь, катящегося во прахе,
Тело он поддевает, подбрасывает свирепо,
Ходит кругообразно, пастью быстро поводит
По сторонам с зубами кривыми, торчащими грозно,
Сам же хребтом извиваясь будто в движенье змеином,
Дроты зубов изостренных перед ногами уставил!
После сражения с индами их Дионис-владыка
По кавказским лугам привел к реке амазонок
И устрашил благошлемных воительниц-жен, восседая
330 [332]
На загривке высоком сих зверей преогромных!
После похода случилось сие. А сейчас для сраженья
С богом Лиэем по зову Дериадея Пелойтес
На прямоногом звере гигантском выходит на битву;
Кровь в нем кипит Маратона, воя, славного в схватках.
Также с ним ополчился наречьем иным говорящий
Род, в Эристобарейе живущий, стенами крепкой.
К Дериадею явились также и племя дербиков,
Саки и эфиопы, и разноязычные бактры,
И дружина большая блемиев, воев косматых.
340 [342]
Странно вооружались, на битву идя, эфиопы:
Лошадиные главы водружали на шлемы,
Пряча под этой личиной лик свой истинный в битве,
На виски натянувши эту иную личину,
Пряча живое под мертвым, и на врага устремляясь,
Воинов с толку сбивали, сея средь недругов ужас;
Главный же их полководец рев испускал непомерный -
Из человеческой глотки неслося конское ржанье...
Вот что за войско собралось по повелителя зову!
Повелевал ими всеми в битве индов владыка,
350 [352]
Коего отче Гидасп, потока быстрого боже,
С Гелия дщерью, Астридой, зачал, пылая любовью -
Дева, как говорили, от матери-океаниды
Род свой вела, от Кетó, родившей прекрасную дочерь.
Некогда и проникнул Гидасп на бурное ложе,
Пылко жених ее обнял влажный, в коем кипела
Кровь титанийская пылко по праву, ибо на ложе

Дивном Тавманта было когда-то двойное потомство:
Розоперстой Электрой, соложницей оного в браке,
Рождены и река, и вестница Уранидов,
360 [362]
Быстрая дева Ирида с быстроструйным Гидаспом!
Славилась та - быстротою бега, а этот - потока!
Оба быстрыми были потомками девы Электры,
Среди бессмертных - Ирида, Гидасп же среди потоков!
Войско было огромным, кишел отрядами город,
Благошлемных дружин отделенья по стóронам ветров
Строились, все четыре части града заполнив!
Кто-то на перекрестках сидел, а кто под навесом,
Кто на стене высокой, а кто и на башню взобрался,
Сладкому сну предаваясь в полном вооруженье.
370 [372]
Дериадей полководцев принял в дворцовых покоях,
Все они за столами, пируя, рядом сидели,
Вместе с владыкою пищу одну и ту же вкушали;
Пиром они насладились, а после Гипнос полночный
Прилетел - и все войско спит, поджидая Арея.
Но и сладостно спящих сны посещали, и бились
С сатирами до рассвета в призрачном вои сраженье!

Песнь XXVII

В песне двадцать седьмой вожди войска ободряют
Каждый свое, разделились бессмертные Олимпийцы!

Гипнос, забот разрешитель, сложил свои крылья пред девой
Эос, врата отворившей дню, вершителю битвы,
Светоносною девой, оставившей ложе Кефала.
Черный Ганг засиял пред сулицею Фаэтонта,
Мрак отступает от первых ударов лучей светозарных,
Обращается в бегство, росистая колесница
Реет над утренним краем, брызгая влагой весенней -
И закипело сраженье. Кóней огненных Гелий,
Пастырь годов неисчетных, придержал, лишь услышал
По соседству бряцанье и блеск доспехов Арея,
10 [11]
К битве он призывает блеском пламени Солнца,
Алые дроты метая с горних небес. Над землею
Рассыпает свой ливень Зевс, влагоносный владыка,
Кровью окрашенный, индов резню и убийство вещая,
И смертоносною влагой из тучи, ярость струящей,
Залиты черные нивы, свой цвет изменившие тут же
Края индийского, шлемов сумятица и доспехов
Затмевает сиянье Гелия дротов блестящих.
И пред войсками явившись индов в вооруженье
Полном, Дериадей надменный, их строя на битву,
20 [21]
Провозвещает устами грозное слово такое:
"Подданные! Сражайтесь и верьте в нашу победу!
Храбреца, что зовется сыном рогатым Тионы,
В рабство Дериадею доставьте - он тоже рогатый!
Панов убейте тоже своим изострым железом,
Если же боги они, и нельзя убить и оружьем
Неуязвимого Пана, да ведь и делать не должно
Этого, пусть сии паны лесные станут рабами,
Пусть в горах выпасают моих слонов одиноких!
Много пришло сюда разных диких зверей - мы отправим
Их к кентаврам и панам горца убогого, Вакха!

30 [32]
Дам я дочери нашей толпы служек застольных,
Сколько обычно бывает на застольях Моррея!
Пусть фригийский дружинник, за Вакхом идущий в походе,
Лик свой омоет в потоках нашей реки индийской,
Вместо Сангария кличет отеческим званьем Гидаспа!
Пусть от Алибы пришедший к этому Дионису
В рабство тут обратится и вместо серебряной речки
Да изведает влаги златоструйного Ганга!
Дионис! Отступися! Беги ты Дериадея
40 [41]
Пики! Здесь тоже есть море! И наши волны укроют
Близ арабийского брега и встретят тебя благосклонно!
Эта пучина обширней, что плещет свирепою влагой,
Зыби этой довольно для сатиров, диких вакхантов,
И для твоих бассарид, и лучше тут, чем у Нерея,
Лучше чем даже Фетида пучина индийская примет,
Некогда хоть и явили волны гостеприимство -
Ныне спасут тебя только лишь отчего гребни Гидаспа,
Скажешь только: "Я крови Зевеса, отца олимпийца!"
Гея эфир породила, где кружатся ныне созвездья,
Скажешь, что родом с небес - и край мой тебя и сокроет!
50 [52]
Даже и Крон, пожиратель детей своих новорожденных,
Явленный небом - в недрах скрылся темных Аруры!
Я - предводитель копейщиков, и помогучей Ликурга,
Гнавшего неженку прочь со стаей вакханок трусливых!
Хоть ты от горнего Зевса, а мне все равно! Здесь известно
Лишь о несчастной Семеле, погибшей в пламени свадьбы!
Не говори о зарнице, мальчишка от ложа Зевеса,
Иль о главе Кронида, иль о бедре Громовержца!
О, не поверю я мукам родов, испытанных Дием,
Сам я женские роды видел у верной супруги!
60 [62]
Если же Зевсу угодно, коль скоро отец он и матерь,
В помощь пусть шлет мужчине женственную Палладу,
Что называют Никой, дабы я мог скалою
Голову ей окровавить или же изувечить
Пикою дерзкой своею! Из благорогого лука
Лядвею Диониса изострой стрелой я умечу,

Сатиров быкорогих пастыря, и надсмеюся
Сразу над Зевсом-отцом и Бромием, и Палладой!
Разве Хромец поможет обоим? В искуснике дивном
Сам я нуждаюсь Гефесте, пускай для меня порадеет,
70 [72]
Дивные пусть доспехи выкует Дериадею!
Нет, не страшуся я нежной защитницы, коли подвигнет
Дева горнего Дия - владею я отчею влагой!
А храбреца Айакоса, этого кровника Вакха,
Смелого отпрыска Дия, что в небесах управляет,
К Дню подземному свергну, направлю в царство Аида!
Не унесет его в воздух Зевс, родитель пернатый!
Много потомков Кронида погибло, о коих я слышал:
Дардан был Диев потомок, и сгибнул, умер и Минос,
И не спасло от смерти и бычье ложе Зевеса!
80 [82]
Он ведь в Аиде судит - но этого индам не надо!
Коль Айакóс среди мёртвых, то пускай насладится
Властью над мертвецами и скиптром бездны подземной!
А длинноруких, огромных, коснувшихся высей Олимпа
Землеродных киклопов низвергните и изощренной
Пикой их убивайте не в чрево или в затылок -
Только в единое око медью их поражайте...
Не умерщвляйте киклопов земных, ибо в них я нуждаюсь,
В кузницы их устроим работать жаркие индов,
Бронтес мне изготовит трубу звонкогласую, грому
90 [92]
Горнему высей небесных подобную ропотом шумным,
Дабы казался я Зевсом земным! Изготовит Стерóпес
Новую молнию - стану и я смеяться над Зевсом,
С сатирами сражаясь, ибо, робки душою,
Мечущим громы и пламя Дериадея представят!
Станет Кронид ревнивей, видя, что индов владыка
Мечет в сражении яром вновь изготовленный пламень!
Кто запретит мне биться с вихрем огненным в дланях?
Матери милой родитель - планет огнепылких правитель,
Сам Фаэтонт светозарный! А если я в жилах имею
100 [102]
Кровь божества речного, значит, могу я сражаться
Сулицей влажнотекучей против сего Диониса,

И ненавистных вакханок в реке утопить быстроструйной!
О, железом изострым изрубите подземных
Племя тельхинов, топите род этот в море соседнем,
Пусть позаботится отче о них Посейдон, принесите
Упряжь резную повозки со скакунами морскими
Как добычу победы владыке Дериадею!
После того, как плените согражданина Афины,
Девы, не ведавшей родов, огненного Гефеста
110 [112]
Сына - его вы сожгите, в коем ток именитый
Крови течет Эрехтея, оного ж древле Паллада,
Безматерняя дева, вспитала на девственном лоне,
Древнюю тайну хранит он при светоче вечногорящем,
Пусть останется в индской корзине навеки сгоревший,
Словно в девичьей темнице пустой и мрачной закрытый!
Эти же быстрые слуги щитов воловьих и резвых,
Столь искусные в пляске воинственной и свирепой -
Сих корибантов доставьте ко мне безоружных! Пусть плачет
Над погибшею двойней лемни́янка без повязок
120 [122]
Кабейро́, и пусть пылкий Гефест, отбросив кузнечный
Мех и клещи, посмотрит на убийцу потомков
Бога, что занял место Кабиров на колеснице
Дериадея, что правит меднокопытной упряжкой!
Дия сынов я низвергну! Моррей пускай убивает -
Зависти нет! - Аристея, Фебова сына, что гонит
Зайцев, и пчел гневливых выращивает прилежно!
О, серпами кривыми, двулезвийными мечами
Бассарид убивайте изнеженных, Диева сына
Высокорогого отпрыск рогатый Гидаспа прикончит!
130 [132]
Пусть никто не трепещет пред львиным возницею или
Ездоком на косматых загривках диких медведей,
Иль пред пастью разверстой зверей в упряжках; да кто же
Леопардов боится, когда слоны ополчились?"
Так говорил владыка индийский, ведя на сраженье
Индов, сидящих на спинах слонов, одетых в железо,
Индов, стремящихся в битву на скакунах быстроногих!
Мощным было и войско пеших. Щиты воздымали
Эти, и дроты - иные, колчаны с луками - третьи,

Были и те, кто выхватывал меч меднокованый, битвы
Ловкой жнеца, а были и те, кто держал пред собою
Быстрые луки и стрелы бурные за щитами.
140 [144]
Оба войска столкнулись для сечи на поле просторном
Около устья речного Инда. Выйдя из чащи,
Вооружил ополченье зеленью неуязвимой
Дионис тирсоносный, ветвями, стволами, листвою.
По четырем направленьям против пылающей Эос
Расположил он четыре части войска вакханок.
Первая располагалась под осью округлою Аркта,
В той стороне, где реки несут свои быстрые воды
По скалистым отрогам Кавказа, питаясь дождями.
Часть вторую построил там, где к восточным пределам
150 [154]
Инд устремился, венчая земли петлёю двойною,
Следуя среди всхолмий, петляет он прихотливо
И окружает стремниной своею поток Паталены,
В ту же область и токи устремилися бурно,
Водовороты рождая, реки многошумной Гидаспа.
Третью часть он построил по направлению к морю
Красному, там, где бушуют южного волны залива.
Часть четвертую в медных доспехах войска владыка
Выстроил у изножья западных всхолмий, откуда
Благоуханный Ганг прибрежный тростник омывает.
160 [164]
Каждой из благопоножных частей он дал полководца,
Вооруженного дивным медноzданным доспехом;
К храброму войску взывая, он так к нему обратился:
"О бассариды, пляшите и здесь в своих хороводах,
Варваров убивайте, с тирсами копья мешая,
К ним и мечи прибавив! Вместо призыва к застолью
Флейта пускай как труба к сражению сáтиров кличет
Ярому! Зелень да будет в столкновенье с железом
Дротом победным лозы, превозмогшей острую пику;
Вместо песен и плясок полночного Диониса
170 [174]
Пусть мой авлос выдувает зовы неистовой Распри,
Лад оставя застольный Бромия нежно-желанный!
Ежели с рабскою выей Гидасп предо мною смирится,

Ежели вновь на вакханок мятежных волн не поднимет,
Буду я милосердлив: его именитые воды
Соком блаженным и светлым соделаю, винною влагой,
Терпкою, благоуханной, я препояшу лозою
Лес прибрежный, содеяв виноградник из дебрей!
Если же зыбью защитной снова оденет надежно
Индов, убийц ненасытных и отпрыска Дериадея,
180 [184]
Приняв облик рогатый и грозный бога речного,
Смело ступайте по водам надменнейшего потока,
И топчите ногами ложе влаги иссохшей,
По сыпучему праху пройдите русла Гидаспа,
Конское пусть копыто изроет гальку и глину!
Если и правда владыка грозный воинственных индов
От Фаэтонта небесного род ведет именитый,
Коль Фаэтонт огненосный вступит со мною в сраженье,
Для рогоносного сына дочери давши поддержку,
То против брата Кронида пойду я снова на битву,
190 [194]
Влагой морскою обильной пламя его одолею!
На Тринакúю пойду я, где огненосный возница
Выпасает чудесных коров и быков безопасно,
И против воли девичьей дочерь Гелия в рабство
Уведу, эту деву, ставшею в битве добычей,
Дабы он встал на колена! Будет Астрида в великом
Горе в горах скитаться, стеная над Дериадеем!
Пусть, коль хочет, приходит в кельтов далекие земли,
Чтоб с Гелиадами древом света плакучим, поплакать,
Слезы роняя во влагу, быстро бегущую мимо!
200 [204]
Поскорее спешите черные индов ланиты
Пленных обрядным мелом сделать белее и краше!
Дерзкого инда пленяя, свяжите зеленой лозою
Меднодоспешного воя, небридою - Дериадея!
К Бромию после победы пускай обращенного в рабство
Индов владыку приводят, пусть выбросят панцырь на ветер,
Дабы одеть его в панцырь косматый - иной, да получше!
Ноги его пусть обуют в плесницы пурпурные сразу,
Сребряные поножи воя отбросив подальше
После стрельбы смертоносной в бою да схваток привычных

210 [214]
Пусть его пляскам поучат полуночным Диониса,
Виться заставив кудри подле винодавильни!
В знак победы несите тирсом пронзенные главы
К Тмолу, где буйные ветры, знамения нашей победы!
По окончаньи похода порядки индов плененных
Поведу и у самых врат лидийского края
Я рога прикреплю безумного Дериадея!"
Так изрекал он, сердца ободряя. Вакханки вскипели,
Возопили силены в воинственном яростном клике,
Сатиры заревели криком единым из глоток,
220 [224]
И загремели ответно тимпаны грохотом буйным;
Мык и вой испуская, забили все Бассариды
В бубны и погремушки, будя удвоенный отзвук,
И пастушья сиринга зашлася в вопле фригийском!
Сатиры бросились в битву, ланиты выбелив мелом
В таинствах освященным, на ликах измалевали,
Дабы навеять ужас на недругов, злые личины,
А впереди ополченья устремилося в битву
Мигдонийское пламя, заполыхало над полем,
Словно свидетельствуя о Вакховом огнерожденьи!
230 [234]
И над ликом Силена, благорогого старца,
Засияла зарница, и затянула вакханка
Горная змеями пряди, словно льняною повязкой.
Вот некий воин, бросая на недруга ярого тигра,
Опрокидывает повозку с парой слоновьей,
Вот уж и Ма́рон седой побегом лозы виноградной
Разрубает на части истово бьющихся индов!
Вот Бессмертные, сколько их всех обитает в Олимпе,
Собралися у Зевса в его божественном доме,
Возлегая на ложах обильно украшенных златом.
240 [244]
И средь богов всеблаженных, питье размешавши в кратере,
Ганимед благокудрый разносит сладостный нектар...
Ибо не то уже время, когда осаждали ахейцы
Трою, и чаши, и кубки должна была к пиру готовить
Дивновласая Геба, сын же Троса держался
Поодаль от Блаженных (не повредить бы отчизне!);

Зевс пред собраньем богов изрекает мудрые речи,
Обращаясь к Гефесту, Афине и Аполлону:
"О владыка Пифо́, прорицалища гордый владелец,
Лука и стрел повелитель, о Вакха брат светоносный,
250 [254]
Вспомни о склонах Парнаса и о твоем Дионисе,
Ампелоса лозового не забывай, ведь изведал
Светоча таинств двойного и сам на вершине горенье
Сдвоенного! Так бейся за единокровного Вакха,
Лук изогни олимпийский, дабы помочь Бассаридам,
Скалы почти Парнаса, общую вашу отчизну,
Там, где пляски и песни вакханок сливаются в гимнах,
Там, где полночного бога бденья идут Диониса,
Там, где дельфийское пламя в вашу честь возжигают!
Вспомни, о Стреловержец, львов убийцу, Кирену,
Помилосердствуй обоим, Агрею и Дионису,
Пастырь Номий! Сражайся за пастырей сатиров тоже!
Ревности Геры гневливой поберегись, как бы Феба
260 [267]
Мачеха не увидала бегства в бою Диониса,
Вечно она и мое преследует любвеобилье
И потомков вне брака рожденных! Мне ведь негоже
Поминать о мученьях матери: бремя двойное
В чреве нося, скиталась Лето́ богиня по миру,
Изнуряема мукой ро́дов неразрешенной,
Отступились Пенея волны, и Дирка отвергла
270 [274]
Матерь твою, и Асопа; обратилися в бегство
Зыби, реки, что теченье без конца замедляют,
Делос доколе не принял матери и не помог ей,
И пока пальма с листвою ветхой не стала ей ложем...
Дочь с бестрепетным сердцем, кому и отец я, и матерь,
Помоги, о Паллада, брату, славе отчизны,
Защити свой народ, что следует за Дионисом,
Не допусти погибнуть племени Марафона,
Отпрыск оливы отцовской почти, что города строил,
Помилосердствуй старцу Икарию, оному подал
280 [284]
Дар пестроцветной грозди бог Дионис когда-то!
Вспомни и Тлептолема и благопашца Келея,

Не оскорби урожай приносящих корзин Метанейры,
Ибо Вакх-виноградарь, вспомощник и охранитель,
Зевсом рожден когда-то из бедренной только ложницы,
Из головы отцовой и ты родилася, о дева!
Так подними же копье, с тобою рожденное вместе,
Потряси же эгидой козьей, ведущею в битву,
К сатирам, в козью шкуру облаченная, сниди,
Ибо они, как и козы горные, тоже косматы!
290 [294]
Есть среди нас божество, владыка сиринги пастушьей,
Пан козлоногий, эгиду твою почитающий также,
Скиптру Зевса соперник, он некогда бился на равных
С родом Титанов мятежных, он няньки был млеконосной
Пастырем и кормильцем, горной козы Амалтеи,
Охрани же того, кто грядет в аттической битве,
Убивая мидийцев, Марафон защищая!
О, подъемли эгиду вместо щита над Лиэем,
Братом черноэгидным, что защитит и твой отчий
Край, изгнав из пределов его вождя-беотийца -
300 [304]
И Элевтó обитатель воспоет тебе славу,
Апатýрия славя, верного сына Тионы,
Не во фригийском ладе вспоют Афины для "Вакха
Из поселения Лимны" - но Вакху-элевтерийцу!
О, великое племя олимпийцев! Се чудо!
К варвару Дериадею склонна аргивская Гера,
Нет с кекропидским войском аттической девы Афины,
С сыном родимым Вакхом, ведущим войско фракийцев,
В битву идущее смело за божеством Дионисом,
Сын мой, Арей фракийский, меня оставил для Геры!
310 [314]
Пылкой зарницей единой я побораю Лиэю...
Но и один я сражуся против Бессмертных, чтоб Вакху
Честь досталась низвергнуть племя смуглое в битве!
Ты же, землей плодоносной любимый, Геи соложник,
Ты, Гефест, оставляешь свой Марафон без защиты,
Где твоя страсть разгоралась к деве, не знающей брака!
Знаешь и сам ты священный светоча вечного пламень!
Вспомни ларец девичий, где возрастал младенец,
Где землеродный родился и где самородного сына

Дева мужеской грудью бесплодною воскормила!
320 [324]
Подними же секиру, оружье, помогшее родам,
Новым ударом спаси народ тебе милой Афины!
Ты в безделье, Гефест! Своих детей не спасаешь!
Светоч зажги привычный для защиты Кабиров!
О, подними же взоры, жену Кабейрó ты увидишь
Прежнюю, что обвиняет тебя из любви к своим детям!
Алкимахейе-лемнийке силы твоей не хватает!"
Так он сказал, и боги, все, что Олимп населяли,
Стали спешить: Аполлон и Афина объединились,
Бог Гефест огнепылкий отправился с Тритогенейей,
330 [334]
Прочим Бессмертным пристало с Герой соединиться -
Вслед устремились за Герой Арей и Гидасп быстробурный,
Жаждущие сразиться в битве с равным гореньем!
С ними и Фобос, и Деймос пошли, и Деó устремилась
С ними, богиня колосьев, Бромию богу враждебна,
К гроздолюбивому Вакху дающему силу ревнуя,
Ибо вино изобрел он, дарующее опьяненье,
Древнего бога Загрея миру явил в Дионисе!

Песнь XXVIII

В песне двадцать восьмой описана жаркая битва,
В коей киклопы оружьем огненным бьются свирепо!

Вот разгорелася битва жестокая, бросились оба,
Фавн и герой Аристей, в одно и то же сраженье,
Айакóс устремился с ними, свершивший деянья
Зевса, отца своего, достойные - щит, что богато
Изукрашен закинув за плечи, щит медноздanный,
Круговидный, искусный, работу бога Лемнийца!
Войско же ополчилось многообразно на битву
С индами, чье ополченье шло уж навстречу... С разрывным
Тот плющом выступает, правя повозкой с упряжкой
Леопардов, а этот, уздою правя искусно,
10 [11]
Двинул повозку со львами эритрейскими в битву,
Грозною парой... Иной, обрушившийся столь яро
На ополчение индов смуглых, готовых к сраженью,
Хлещет, неустрашимый, тура, не знавшего дышла...
Сей вскочил на хребтину медведицы кибелийской,
Ринувшись дерзко на недруга и помавая тирсом
С виноградной лозою, страх средь погонщиков сеет
Тонконогих слонов; вот оный плющом разрывным,
Не мечом иль щитом круговидным, не дротом смертельным
В схватке, но только одною листвою хрупкою рушит
20 [21]
И убивает в доспехах медноздanных героя...
Шум раздается, подобный пронзительным взвизгам авлоса!
Вот возопили силены, вакханки бросились в битву,
Грудь прикрывая небридой словно бы панцирем крепким;
Сатиры устремились вперед, взгромоздяся на спины
Львиц, как будто они поскакали на кобылицах!
С криком бросаются инды навстречу... Труба зазвучала
Варварская, призывая сплотить боевые порядки...
С грохотом плетеницы обрушиваются на шлемы,
С дротами тирсы столкнулись и выступают котурны
30 [31]

Против поножей, в едином натиске сшиблись дружины;
Щит ко щиту притиснув, сжались для боя порядки:
Пешие с пешими бьются и под высокою гривой
Шлемов шлем мигдонийский спорит со шлемом пеласгов,
Схватки противоборцев идут с переменным успехом...
Вот взметается в воздух вакханка как будто бы в пляске -
Падает воин стеная... Вот топнул о землю стопою
Сатир - вой валится наземь... Звучит пэан в честь Лиэя!
Кто-то же славит Арея, воинственный клич испуская,
Кто-то, напротив, застолье Бромия поминает!
40 [41]
Тут Энѝо подобна в таинствах Дионису:
Кровь с возлияньем смешала, с пляскою - ярость сраженья!
Роптры в неистовстве битвы рокочут, и в бой призывая
Кличет труба к сплоченью строя дружин боевого!
В гущу врагов углубившись, легкой стопою летящий,
Мечет в Дериадея копье Фаленéй боевое!
И уязвил он ударом панцырь железный и крепкий,
Но смертоносное жало плоти и не коснулось,
Мимо скользнуло и в землю воткнулось... Воспламенившись,...
Видом Дериадея, что бросился в битву, огромный,
Коримбáс устремился вою навстречу... Владыка
50 [52]
Индов все-таки выю недругу успевает
Перерезать мечом и с главой, отделенной от тела,
Фаленей, обливаясь кровью, падает наземь...
Бой закипает вкруг трупа свирепый, прямо над бровью
Дексиох Флогѝя удар наносит железом
И от удара такого надвое шлем раскололся...
Тот же, объятый страхом, отступает помалу,
Прячется за просторным щитом родимого брата
(Тевкр, когда свои стрелы метал в дарданское племя,
За щитом семикожным брата Аякса скрывался,
60 [62]
Брата-соратника прятал тот под кровом отцовым!)...
Коримбас же, свой меч извлекши из ножен немедля,
Голову Дексиоха отсекает от тела!
Быстро, чтоб телу защиту дать, устремляется ярый
Клитий, пешим отрядом в бою предводящий, и бурно
Мечет длинную пику в надменного Дериадея -

Только копье ратоборца Гера тотчас отклонила,
Клития ненавидя и Индоубийцу Лиэя,
Но меж тем сей воитель быстрый бил не напрасно:
Он огромного зверя уметил прямо в подбрадье,
70 [72]
Одного из упряжки слоновьей Дериадея!
Зверь прямоногий, что справа впряжен был в повозку, от боли
Хоботом потянулся, яростный, прямо к вознице,
Хоботом, что продолжает губу огромного лика,
И обливался кровью, рвет недоуздок и упряжь!
Опытный же возница с мечом под ярмо ускользает,
Режет постромки мгновенно, что держат слона под оглоблей...
Он от ясель просторных преогромного зверя
Нового тут же приводит, герой Келеней, для упряжки!
Клитий же духом воспрял во чаянье новой победы:
80 [82]
После смерти жестокой Дексиоха, в безумье
Кличет он, надрываясь, гордое слово такое:
"Стой же, пес, не беги, Коримбас! Я учить тебя буду,
Как надо биться на копьях с поборниками Диониса!
Уведу тебя в рабство во Фригию! Грады же индов
Пика сия осаждает, а после победы над вами
Дериадея слугою я Диониса содею!
Бесприданница дева честь теряет - отдашься
Сатирам с грудью косматой, будешь у них ты рабыней,
Срам да узнает служанка у мигдонийского Херма!"
90 [92]
Рек он. Разгневался тут же Коримбас, и смешливец
Клитий еще свои речи договаривал, с плеч же
Уж голова покатилась, настигнута страшной судьбою,
Кровь из жил заструилась, пурпуром прах увлажняя
Вот оставляет он тело, бьющееся во прахе,
Коримбас, и силенов пугает, могучий индиец,
Всех могучее, кроме Моррея и индов владыки!
Вот он уметил Себета под самую грудь своим дротом,
Входит легко в подбрюшье медножальная пика,
Он вырывает ее - и валится супротивник!
100 [102]
Бросился он к Ойномаю: тот обращается в бегство,
Ветра быстрее несется к ополчениям Вакха.

Видя такое, противник за ним вослед устремился,
Пику метнул боевую и прямо в спину вонзилась
Пика, во чрево проникнув и выйдя чрез пуп своим жалом.
Тот же, железом пронзенный, во прах, весь в крови, повалился,
Пал он ликом на землю, на бегу пораженный,
И смертоносный облак очи ему осеняет
Ратник огромный никем не сражен - он, единый, напротив,
Четверых поражает пеших благооружных:
110 [112]
Тиндарио́са, Тоо́на, Они́теса и Автеси́я.
Сколько же тел ратоборцев, недавно убитых, не пали
Ни лицом, ни спиною - там, где стояли, остались!
И погибнув как будто не перестали сражаться,
Словно вой живые: один словно сулицу мечет,
Этот лук напрягает, метя в недруга стрелы!
Мертвое тело сие и в смерти сражается даже,
Не испугавшись судьбины смертной - оно ведь подобно
Воину, вставшему с дротом, утыканному остриями
Стрел, покрывших его со шлема до самых поножей
120 [122]
Как изваянье Арея! И ополченья дивятся
Полными изумленья глазами на копьеборца,
Что не бросил ни дрота, ни щита боевого,
Даже и мертвый схватился за сулицу щитоносец!
Вот афи́нянин некий правую руку теряет,
Пораженный железом, ударом длани могучей,
Отсеченная прыгнула словно бы в пляске десница,
Вместе с плечом задетым, быстро кружась, полетела,
Желтый песок заливая кровью, текущей из раны;
Раненый хочет вырвать длиннотенную пику
130 [132]
И с дальнобойным оружьем возобновить поединок,
Левой рукою желая снова и снова сражаться,
Но поперек дороги недруг встает ненавистный,
Новым ударом меча отсекая и левую руку -
Падает длань эта наземь, и крови ток изобильный
Брызгает, обагряя каплями и убийцу,
Длань же, отсечена от тела, цепляется яро,
Судорогой, сведена, за песок и словно живая
Скачет, зали́та кровью: пальцы скрючены, будто

Рукоятку меча они сжимать продолжают
140 [142]
Или за перевязь снова схватились щита боевого...
Молвит он слово такое, лия бессильные слезы:
"О, зачем не имею третьей длани, свершил бы
Подвиг, достойный хвалы и от девы Тритогенейи,
Смог бы тогда я сражаться с недругом ненавистным!
Я еще биться желаю, даже оставшись безруким,
Пусть прославят афинян, кои и длани теряя,
Бьются тем, что осталось у них - ногами своими!"
Слово молвив такое, он бросился ветра быстрее,
В битву и безоружный сражается пылко с врагами;
150 [152]
Встали вокруг, удивляясь, недруги тесной толпою
И осыпают героя ударами тут же двойными -
Он же, оставшись один пред оружьем врагов беспощадным,
До последнего бьется под градом и дротов и сулиц,
И, наконец, сраженный падает, ликом подобен
Богу Арею, прообраз соратника Кинегенейра...
Но не только средь пеших свирепый бой разгорелся,
И средь конников-воев резались страшно! Столкнулись
Всадник со всадником в битве свирепой противоборной;
Этот сражает пикой насмерть бегущего в спину,
160 [162]
Тот же в грудь поражает напавшего воина дротом,
И, сраженный, повергнут во прах с коня боевого!
Вот жеребец, уязвленный в пах стрелою каленой,
Вскинулся и ездока он наземь, разнузданный, бросил,
Точно как некогда конь, соперник быстрого ветра,
Беллерофонта - Пегас, устремляясь в горние выси!
Вот, сражался пылко, валится наземь наездник,
Сбит он с конского крупа, запутался в стремени тут же,
И повиснув бессильно вниз головою, по праху
Волочится, оставив ноги свои на хребтине!
170 [172]
Вот темнокожее племя киклопов-бойцов окружило,
Зевса вспомощников сильных - против смуглого люда
Аргилип воздымает светоч, сияющий ярко!
Вооруженный зарницей, кованной в кузне подземной,
Бьется он этим оружьем... Инды пред ними трепещут,

Кажется им это пламя с небес низошедшим на землю!
Сим огнем и сражался воитель - на недругов главы
Сыпались молнии эти от светоча в длани киклопа!
Вражеские доспехи, мечи и копья сжигал он
Сулицею огненосной, пламенеющим жалом!
180 [182]
Пламя и луком служило, и нельзя перечислить,
Сколько же индов сгорело в стрелах зарницы палящей;
Ведь не один Салмоней сражен зарницей враждебной,
Ведь не один Бессмертный низвергнут, и дева Эвадна
Плакала не одна над низвергнутым Капанеем!
Вот и Стерóпес бьется, пламенный огнь воздымая,
Блеск испускающий, с блеском спорящий звезд поднебесны:
Меркнущее сиянье от гесперийской жаровни,
Семя огня Сикелúи, углей кузни подземной;
Пламя же он покровом как облаком прикрывает -
190 [192]
Необорною дланью то прикроет, то явит
Свету зарниц небесных подобно, ибо и в блеске
Молний зрим переменно то блеск, а то угасанье
Вот сражается Бронтес, рокочет его песнопенье
Грохотом необорным подобно небесному грому,
Льется вокруг него землей порожденная влага,
Он и при ясном небе как будто бы дождь проливает,
Изображая Зевеса с громом в безоблачном небе!
Бронтес потом оставляет мнимое рокотанье
И сикелúйским железом бьется с недругом яро,
200 [202]
Молотом он вращает над своими плечами,
Главы врагов ненавистных поражая железом,
Кругообразно бьет их смуглые толпы; привычно
Бить ему в кузне под Этной по ропщущей наковальне!
Вот, оторвав вершину горы с основаньем широким,
С каменной этой пикой несется на Дериадея,
Мечет глыбу всей силой дланей он необорных
Во владыку со смуглой кожей в гуще сраженья -
Каменное оружье косматую грудь поражает!
И под ударом камня, что жернова тяжелее,
210 [212]
Зашатался владыка! Спас Гидасп от судьбины

Раненого потомка. Тот же, хоть и могучий,
От удара роняет копье, ужасное в битве,
В двадцать локтей длиною, роняет и щит свой на землю
Из ослабевших дланей, и, испуская дыханье,
Меж грудных полукружий сраженный мраморной глыбой,
Падает с колесницы ниц на землю сырую
Словно высокоствольный густоветвистый на землю
Падает кедр, простертый на пространстве обширном...
Битва вскипела! Но индам на колесницу владыку
220 [222]
Удается внести - страшились они киклопа:
Вдруг и другую глыбу метнет он снова, свирепый,
И снарядом ужасным убьет повелителя индов,
Ибо обликом схож он был с Полифемом громадным:
Прямо посередине лба огромного воя
Зрак округлоблестящий испускает сиянье!
Грозный облик киклопа грозного созерцая,
Страхом благоговейным преисполнились инды
Смуглые, мнят будто с неба горняя сходит Селена,
Сыну земли, киклопу, блеском чело осеняя,
230 [232]
Испуская лучи, помогая в битве Лиэю!
Зевс же отец, завидя в битве свирепой киклопа,
Столь похожего с ним, засмеялся из тучи высокой:
Облак в земле сотворенный льет ливневые потоки,
Землю всю орошая, но ни единая капля
Не потекла по своду неба, лишенному влаги!
Вот ополчился Трахи́ос: с братом вместе ступает,
Глыбой вздымается в дланях щит огромный и тяжкий!
Элатей же, сородич, схватил целый ствол сосновый
Вместо пики, и рушит главы врагов ненавистных!
240 [242]
Вот ополчился Эврй́ал: отрезав от главного войска
Индов отряд, он загнал их до морского прибрежья,
После, в рыбные воды столкнувши индов порядки,
Он торжествует над ними в волнах, полных оружья,
Лезвием мечным вращая в двадцать локтей длиною -
И над заливом скалу висящую срезав ударом,
В недругов оную мечет... Многие рока двойного
Мойры изведали в море! И погребенья лишившись,

И Арея морского ставши добычей, и дрота
Слышится рев на равнине: на помощь смятенным вакханкам
250 [252]
Благопомощный явился Примней как ветер, что в парус
Дует и мореходца тащит как бурные кони!
Войску приходит на помощь, так же как в бурю приходит
Полидевк к кораблям, плывущим в море открытом,
Умеряя волненье бурнородного моря...
Третий брат вместе с ними, доблестный Халимéдес,
Бьется, огромный, свой танец вакхический исполняя!
Сея страх меж врагами, тело свое защищая,
Держит прямо пред глазом щит он выпукловидный!
Видит его Флогúй, и мстя за убийство индов,
260 [262]
Лук боевой напрягает, спуская стрелу ветровую -
Мчится пернатая, метя в единое око киклопа!
Только вот тот разумеет цель ее и направленье,
И ускользает проворно он от разящего жала,
Высокоглавый киклоп, а после скалу вырывает
И во Флогúя мечет снаряд каменистый, но воин
Бегством спасся к повозке рогатого Дериадея,
Он едва ускользает от мраморной глыбы, летящей
В воздухе. Бранью покрывши Флогúя, что тут же сокрылся,
Открывает во гневе глотку свою Халимедес
270 [272]
И убивает двенадцать мужей могучейшим воплем,
Столь громкогласным, что стал он поистине смертоносным!
Ревом этим киклопы свод сотрясли поднебесный,
Был он таким ужасным! И вот Энúо свирепой
Плясуны выступают - диктейские корибанты!
Бьется Дамней, что в битве недругов укрощает;
Резвой стопою вращая, врага обращает в бегство
Воин Окйтоос - скольких убил он ударом смертельным!
Дротом кого уметил, кого низвергнул стрелою
Меткою, а кого-то мечом низринул ужасным!
И бежавшего быстро, подобно бурному ветру,
280 [283]
Яростный, он настигает, коленом как буря играя!
Ибо был он подобен в беге Ификлу, который
Только касался стопою пенной поверхности зыби

Или верхушек колосьев, когда проносился над полем,
И ни единый стебель при этом не колыхался -
Вот каков бурностопый Оки́тоос! Рядом же бился
Мимас, плясун искусный в пляске битвы свирепой,
Сея во вражеском войске смятенье круговращеньем
Кладенца, согласуя прыжки с сим танцем зловещим:
Так же, некогда ропот сея в Кроновом слухе,
290 [293]
Пиррихос в щит ударял мечом на склонах идейских,
Песнь боевую клича ложную, дабы не знали
О возмужанье Зевеса, о крепнущем мужестве бога!
Вот какова была пляска с прыжками в полном доспехе
Мимаса, бурным дротом вращающего над главою!
Недругов режет он выи, жнец-воитель железный,
Смертоносной для индов секирой, кинжалом двуострым,
В жертву приносит начатки всевидящему Дионису
Вместо быков алтарных, вместо вина возлиянья -
Возлияния кровью творит он для бога Лиэя!
300 [303]
Вот Идей остроглазый в честь Энио хороводит,
Битвы плясун неустанный, бурно вздымает стопою,
Неодолимый, убийством индов обуреваем!
Вот Мелиссей в ополченьях индов сумятицу сеет,
Необорим в ратоборстве, он имя свое подтверждает,
Уподобившись жалу острому пчел разъяренных!
Вот искусно стопою в круговой неустанной
Пляске, в высокогривом шлеме сражается Акмон
Рядом - Оки́тоос, крепок как в кузнице наковальня -
Щит он корибантидский держал пред собою во время
310 [313]
Сна малютки Зевеса, спящего в каменной нише,
Жил тогда Дий-младенец в пещере горной, где часто,
Как от кормилицы, млеком козы священной питался;
Мудрости млеко струилось, и щитоносцы гремели,
И с оружьем плясали, в доспехи свои ударяя,
Дабы никто не проведал о месте рождения бога!
Вот во врага Мелиссея, ловкого в битве курета,
Быстро скалою бросает Моррей - но его не уметил!
Ведь невозможно, чтоб камень погибелью стал корибантам,
Кои Рейи-богине его подавать помогали,

Вместо Кронида-младенца на стол кровожадному Крону!
320 [324]
Так вот они вступили в эту единую битву,
Ярого бога Арея зачинщики пляски, и подле
Колесницы теснятся владки Дериадея,
Окруженного рядом щитов и в движении битвы
Башню они обступили повозки, в щиты ударяя -
Шум громкозвучный боя возносится к домам Зевеса,
Дев прекраснолодыжных Хор сим лязгом пугая!

Песнь XXIX

В песне двадцать девятой Гера своим поборает
Индам. Арей исчезает, знаменьем обманутый Рейи!

Только Гера узрела индов, изрубленных в битве -
Неодолимую ярость вдохнула в Дериадея!
Жажда великая битвы преисполнила сердце
Грозного властелина. Слов поток извергает
Громкогласно-безумных на ратников воинства смуглых,
Скачет за беглецами? к сраженью вернуть их пылая,
С кем-то обходится лаской, а с кем-то гневной угрозой!
Мужество возрастает царя, когда повинуясь
Зову к битве свирепой, возвращаются инды!
Вот уж Моррей всеразящий рассеял сатиров войско:
10 [11]
То он, лук напрягая, мечет на недругов тучу
Стрел сухую, далеко по воздуху их посылая,
То он, быстро вращая неукротимую пику,
Род рогатый силенов в ужас и страх повергает!
Но Гименей благовласый вращает лезвием мечным
На жеребце фессалийском, неуязвимый, - он бьется,
Смуглых индов повсюду разит белолокотный воин:
Лик лучами исходит, ты б его принял средь индов
За Вечерницы сиянье, мрак проницающий ночи!
Сеет он в недругах ужас - его красотой обольщенный,
20 [21]
Силу могучую бога вдохнул Дионис в ратоборца;
Иовакх очарован, видя деянья героя
Доблестные, не желает другого вспомощника в битве
(Даже и молний Кронида!), кроме копья Гименея!
Коль жеребца он бросает в битву свирепую с индом,
Хлещет выи свирепых зверей Дионис беспощадно,
Дабы поближе повозка божественная оказалась
К юноше, как и у Феба с Атимнием было... и рядом
Он старался держаться, желая и смелым, и сильным
Быть пред ликом героя юного, в гуще сраженья
30 [31]

Он, Гименея соратник, к сиянью того прикасался!
Только одно омрачало чело - тот родом был смертный,
Сын Флегúя родимый, не отпрыск бога Кронида!
Вакх же всегда оставался рядом, как верный родитель,
Дабы какой не уметил стрелок потаенный стрелою
Юноши. И повернувшись лицом и к копьям, и к лукам,
Бог простирает десницу, защиту для Гименея,
И посреди деяний юноши доблестных молвит:
"Дрот метни, о любимый, покончи с свирепством Арея,
Вакха сразил ты красою, сразившего столько Гигантов!
40 [41]
О, метни свои дроты в безумного Дериадея,
Недругов наших владыку, что выступил против бога,
Станут тогда говорить: "Гименей обоих уметил,
В тело - Дериадея, в самую грудь - Диониса!""
Внемля словам Лиэя, бросился в битву с двойною
Радостью Гименей-дальновержец приободренный!
Вакх же с сердцем отрадным яростней начал сражаться,
Сея страх и смятенье в недругах смуглокожих!
Молвили, видя Лиэя в неистовстве яростной битвы,
Главы крушащего индов алчно и ненасытно,
Слово такое сразу неистовому Меланею:
50 [52]
"Где же лук твой, о лучник? Где твои быстрые стрелы?
Нежноодетые девы дротами нас поражают!
Сулицею уметь-ка ничтожнейшего Диониса!
Не трепещи перед званьем олимпийского бога,
Коим он хвалится! Боле Вакха не бойся! От крови
Смертной он, кратковечен, и не от Дия он родом!
Так мечй же смелее копье и коли уметишь,
Много подарков бесценных с казны владыки получишь,
Коли увидит он Вакха, всемощного сына Тионы,
На костре погребальном, низвергнутого Меланеем!
60 [62]
Только удар единый - и кончено! Дай же обоим
Ты обещанье, Гидаспу и матери Гее молися,
После победы обоим сули обильные жертвы
Речью нелживой, отдай на жертвенник бога Гидаспа
Быкорогого тёлку с рогами, сходными с оным,
Гея же темная пусть получит черного агнца!"

Слово такое сказали метателю стрел Меланею.
Взволновался сей воин желаньем богатства и славы!
Вскидывает он молча лук, достает из колчана
Стрелку пернатую, после натягивает привычно
70 [72]
Тетиву до отказа, сию напряженную жилу,
Острие опирает железное на изгибе,
А убойную жилу бычью в грудь уставляет!
В цель пернатая метит, но мимо летит Диониса -
Зевс ее отклоняет! Язвит она Гименея
Благовенчанного, кровью бедро его оросивши!
Не ушла от вниманья Вакха свистящая стрелка,
Воздух взвихрившая, ветра мчавшаяся быстрее...
Бог преграждает жалу путь в беззащитное тело,
Цели лишает удар смертоносной стрелы Меланея,
80 [82]
Острие же Пафийка тут же остановила,
Благосклонна ко брату, милому Дионису,
И удалила из раны - как будто заботливо матерь
От дитяти муху назойливую отгоняет,
Над уснувшим ребенком колышащую занавески!
И кровавую рану в бедре, болящую горько,
Гименей Дионису, соратному другу, являет:
Слезы невольные льются из-под ресниц приоткрытых,
Хочет он видеть десницу целительную Диониса...
Надобен врачеватель! И бог, свою белую руку
90 [92]
Протянув, помогает ему на повозку взобраться;
Он его поскорее из многошумного боя
Вывез в тенистое место, под раскидистым дубом
Ослабевшего нежит, как Аполлон Гиакинфа,
Раненного смертельно диском, стенает и плачет,
Гневаясь на дыханье ревнивое Зефира-ветра...
Так Дионис, терзая густые кудрявые пряди,
Оком, не знавшим рыданий, оплакивает Гименея.
Вот наконец он узрел, что зазубрин в ране не видно
И возрадовался, и из окровавленной плоти,
100 [102]
Где белизна и алость смешалися в равной доле,
Жало он осторожно из язвы бедра удаляет

Слезы невольные видя юноши на ланитах,
Гневается Дионис на Арея и Меланея.
Сладостный пот Гименея с чела его отирая,
Укоризненной речью жалуется он втайне:
"Ампелоса убивает бык, а Арей - Гименея!
Гибнут все ратоборцы, что ополчились со мною,
Я невредим лишь единый... В сражении этом свирепом,
Что за боль испытаю за павшего в битве Кабира?
110 [112]
Сатира язва какая Вакха сердце взволнует?
Пусть хоть Силен, друг грозди, падет! Хоть толпы вакханок
Сгинут - меня лишь единый юноша этот волнует!
О, прости, Дальновержец! Оплачу ль я смерть Аристея,
Возжелавшего боле сока лозы виноградной
Сладостное порожденье от деяний пчелиных?
Не судьба мне спастися от скорби по юным любимцам,
Вскоре мне снова оплакать возлюбленного погибель!
Чья же злобная ревность терзает Лиэя? Сказать ли?
Гера своим ненавистным меня преследует взором
120 [122]
Вместе с воителем, племя смуглокожих разящим!
Мучима к юноше злобой и ко влюбленному Вакху,
Неукротимого сына послала убить ратоборца,
Под личиною смуглой ненавистного инда,
Дабы влюбленного бога в самое сердце уметить!
Что ж, я сулицу вскину и лук натяну с тетивою
Мнимого Меланея низвергнуть, и совершу я
Месть за сраженного в битве милого Гименея!
Если же, о Гименей мой, умрешь, оставив сраженье,
Битву и я покину, и тирса уже не подъемлю,
130 [132]
Недругам ненавистным жить позволю и дальше,
Лишь одного прикончу врага твоего, Меланея,
Вовсе не Дериадея, хоть ненавидит он Вакха!
О, прости, Киферейя! После отпрыска Мирры
Ранил Арей суровый Адониса уж другого,
Ранил белое тело, и из бедра засочился,
Прах орошая, ручей - это кровь пролилася эротов!
О, тебя умоляет о милосердии Бромий!
Феба покликай, брата, искусный он врачеватель

Ран, спасет он любимца юного... Остановитесь,
140 [142]
Речи мои, да пребудет Феб бестревожно в Олимпе,
Напоминать не желаю о ране ему Гиакинфа!
Кликни, если желаешь, Пэана, пусть он приходит,
Он не подвластен желаньям любовным, не знает эротов!
Новую рану узнал я В этой неистовой битве
Могут ранить во чрево окровавленным дротом,
Меч же в предплечье иного уязвит, а бывает
В пах жестокою рана или в висок... Прямо в сердце
Ранен я, лишь Гименея сразили жестоким ударом!"
Молвил он - и трепещет, и смотрит только украдкой,
150 [152]
Не отрываясь, на рану любимого Гименея:
Вкруг бедра его вьется ало-пурпурным потоком
Кровь по коже белейшей, в два цвета окрасилось тело.
В чувство юношу Бромий приводит плющом жизненосным,
Гименея вином целительным омывает.
Так же мгновенно смоковниц действует сок на млеко,
Быстро створаживает он белую жидкость в сосуде,
Дабы имел возможность потом козопас терпеливый,
Неторопливо мешая, творог по круглым корзинкам
Разместить - был умельцем Вакх во врачебном искусстве!
160 [162]
Возобновляет сраженье приободренный воитель,
Дионисовой дланью избавленный от страданья.
Выхватив дрот воздушный, к цели его направляет,
Заново лук изгибает - стрелу послав, он уметил
Жертву выстрела этого, лучника Меланея!
Устремляется в битву храбрец: при поддержке Лиэя
Недругов он поражает, не отставая от Вакха,
Словно бесследною тенью призрачной, бездыханной,
Следующей за телом мужа по всем дорогам
(Мчится он - мчится она, остановится - следом за ним же
170 [172]
Остановится, сядет - сидит, пирует за чашей -
Вместе с ним и она пирует за чашею той же!),
Так вот и юноша следом за Вакхом идет виноградным!
Бьется Лиэй неустанно в битве неистовой, тирсом
Ратоборцев сражает, в самое сердце уметив,

И торжествуя, подъемлет трупы. А после швыряет
Мертвецов, чтоб узрела сие гневливая Гера!
В трех ипостасях явлен в этой неистовой битве
Аристей богородный: "Агрей" он в деяньях Арея;
"Номий" он, ведь во дланях посох пастушеский держит,
180 [182]
Далекомечущий муж Автонои. Для доблестной схватки
Луком он вооружился как славный лучник-родитель,
Храбрость в нем закипает от матери, лучницы также,
Дщери Гипсея, Кирены, и как бы ни был неистов
Недруг, Агрей нестрашимый в полон его забирает,
Точно дикого зверя. Врагов низвергая на поле,
Мощной рукою он камни мечет огромные, давит
Недругов будто оливки давит в давильне для масла!
Страх на врага он наводит бронзовым громким кимвалом,
Потрясая сей медью, он шумом грозным, как будто
Рой пчелиный пугает жужжащий с жалящим жалом!
190 [193]
Братья с фракийского Самоса, огненной силой могучи,
Кабейрóлемнийки сыны, вакхийствуют яро:
От дыханья Гефеста óтчего, полного жара,
Мечут их грозные взоры пламенные зарницы!
Колесница для боя - из стали, вкруг жеребцов их
Прах клубится, колеблем ударом копыт медноздaнных,
Глотки сих коней прыщут ржанием алчно-свирепым -
Отче Гефест животных выковал с превеликим
Мастерством и уменьем, дышащих пламенем грозным,
Так же, как и для Ээта, властителя племени колхов,
200 [203]
Выковал он когда-то быков железных упряжку,
Огненную узду и ярмо, раскаленное жаром!
Эвримедонт ими правит и огненною уздою
Огнепылкую коней медных пасть укрощает.
Алкон сжимает во дланях огненный светоч смолистый,
Принадлежность шествий Гекаты в краю его отчем;
Дрот в деснице лемнийский, деянье кузницы отчей,
Держит он, воздымая; у лядвеи сильно-могучей
Меч широкий мерцает, если же кто-то посмеет
Камень, хоть малый, метнуть и заденет меди поверхность,
210 [213]

То от широкого лезвия и закаленного жала
Сами собою вспыхнут пламенные зарницы!
Вот потрясая гребнем шлемов высокоокруглых,
Корибантов диктейских отряд бросается в битву.
Алчно пылая сразиться... Звучно мечами бряцают,
Выхваченными из ножен, в кожу щитов воловью
В лад своей пляске военной, и движется вооруженье
Всё согласно их бегу стремительному по праху...
О, плясуны Арея! Пастыри с гор высоких
Рубят воинство индов в куски железом куретов -
220 [223]
Валится недруг на землю, в прах головой зарываясь,
Только лишь рокот заслыша тяжкогремящих доспехов!
Вот, воздымая дрот цветущий неистовой распри,
Мчится вперед бассарида на род, не знающий Вакха,
Главы тотчас отсекая хрупкою зеленью тирса!
Вот косматою дланью сорвавши с высокой вершины
Глыбу огромную камня, Леней ополчается к бою
И сей дрот посылает увесистый в воинство вражье!
Воет вакханка и мечет сулицу из лозины
Пястью, плющом окаймленной, женственною и хрупкой!
230 [233]
Вот Эвпетала запела, Арея и Вакха сплетая
В песне, в битву вступая; листвою плюща, что с лозою
Дружит, железо доспехов крушйт в безумье и рушит,
Племя индов враждебных ветвью она низвергает!
Тучу недругов индов пронзает тирсом могучим
Терпсихора, дева гроздолюбивая, в битве
Медь двойную кимвала вращающая над собою -
Так и Геракл трещоткой птиц стимфалийских пугая
Не гремел, сколь гремела войско страшащая индов
Терпсихора, что в пляске битвенной заходилась!
240 [243]
Вот Тригúя хмельная отстала от Вакхова войска,
Заплетаются ноги, трепещет от страха старуха,
Нету рядом силенов, в битву умчались, оставив
Кличущую на помощь вакханку... Она же взывает
К Марона милосердью - но Марон только молился,
Чтобы не нарушала старуха сатиров пляски
И корибантов, пусть боги окажут старости милость,

Дряхлую пусть прикончит сулица Дериадея!
Бьется Калика-вакханка, рядом держась с Дионисом,
Впав в безумие битвы; подле, шатаясь от хмеля,
250 [253]
Еле ступает Ойнона, и в самой гуще сраженья
Деву подводят колена, гнущиеся невольно,
Клонится и голова вперед, отягченная брагой.
Мрачные вопли несутся над полем. Несется в сраженье
Астраэнт за Стафилой, Келеней - за Каликой,
А Моррей копьеносный отряд разгоняет силенов,
Взмахивая секирой... Угроза лишь только Астрея
Злит - и он обращает Марона в бегство, пугает
И Ленея, силена косматого отпрысков робких,
Кои сами родились от матери общей, Аруры.
260 [263]
Вот Дорикл-ратоборец ужас вселяет в Ликасту!
Бог же приходит на помощь - и раненым Бассаридам
Льет лекарство на язвы Раненной острым железом
Всех больнее, чьи кудри так вольно вились по ветру,
Рану на лядвее он перевязывает лозою;
Кровотеченье из шрамов Эвпеталы он винной
Влагою заливает, а ослабевшей Стафиле
Кровь заговаривает. Миртó врачует он миртом,
А Калику спасает, в плечо уязвленную медью,
Сладостным суслом давильни залив кровавую рану...
Язву Нисы врачует, умеченной прямо в ланиту,
270 [274]
Налагая на кожу мазь из целебного мела,
А над Ликастой плачет оком, издревле бесслезным!
Вот, облегчив страданья войску вакханок искусно,
Вакх, вселяющий тирсом безумье, вступает в сраженье
С новым пылом. Вакханки, неистовством обуянны,
Снова на брань со смуглым индом бросаются пылко
За тобой, о лидийский бог! Вкруг кудрей вакханок
Сам собою пылает возгоревшийся пламень!
Братьев вновь побуждают с удвоенным пылом сражаться
Звуки авлоса, что вечно сопровождают Арея,
280 [284]
И от ладоней могучих грохочущих корибантов
Содрогаются бубны из крепкой кожи воловьей!

Возгремели кимвалы, сладостные свирели
Пана лад изменили, в битвенный клич превращаясь.
Вражье ответило войско воплем, и засвистели
В воздухе потемневшем пернатые частые стрелы:
Лук зазвенел, праща приготовлена, трубы взревели!
Только лишь войско достигло брега, где изливалась
Чистая влага Гидаспа, алым окрашена цветом,
Как Дионис испускает вопль громкогласный из глотки,
290 [294]
Будто одновременно девять тысяч взревело
Воинов кличем ужасным - тут же остановились
Инды и разбежались: кто к струям алым потока.
Кто к равнине приречной! А войско, ведомое Вакхом,
Недругов истребляет и на брегах, и на водах,
Жаждою истомленных врагов в тот час, когда Эос
Жжет полудённую землю и странник, от зноя уставший,
Ищет спасенья от жарких Гелия бичеваний.
Вот божество винограда кличет индов владыку,
Грозное слово молвит из уст, изрыгающих ужас:
300 [304]
"Что ж ты бежишь и страшишься? Коль ты из рода речного,
Я - от крови небесной! И хуже настолько Лиэя
Дериадей, насколько Гидасп слабее Зевеса!
Коль пожелаю - достигну и туч, а коль прикажу я -
Дрот мой тут же достигнет орбиты богини Селены!
Коль полагаешь величье в своем ты лике рогатом,
Бейся - коли ты в силах! - с Бромием быкорогим!"
Молвил - и гул одобренья войска божества испустили,
Каждый пылает сразиться рядом с самим Дионисом!
Пан, столь некогда мирный, бьется косматой ногою,
310 [314]
Сбоку ударив копытом раскрывшегося на мгновенье
Лучника Меланея, его поражает во чрево,
Отомщая за рану тяжкую Гименея,
Хочет, чтоб плакал от боли, во внутренностях запылавшей,
Тот, кто слезы вызвал бесслезного некогда Вакха!
Яростью обуянный, Бромий бросился в битву
По временам доставая в безумье главою до неба,
Туч касаясь челом, а дланью сводов Олимпа,
Бьет он пяткою в землю, рукою в горние своды!

Битва сия продолжалась, пока не зашла Вечерница,
320 [324]
Веспер, льющий сиянье над убиением индов.
Вот уж Арей засыпает, послушный велению Рейи,
Ибо к изглавию ложа виденье она посылает...
Слово лукавое кличет призрак, сплетенный искусно:
"Спишь, Арей, о злосчастный, одинокий в доспехах
Дремлешь на ложе железных, Пафийкой же снова владеет
Бог Гефест - Афродитой, бывшей когда-то твоею;
Отослал он из дому Хариту, ревнивую деву,
330 [332]
Дабы к супружеской прежней жизни принудить богиню,
Эрос стрелою уметил изменницу Афродиту,
Дабы воздать благодарность Гефесту-родителю! Даже
И великого Дия не знавшая страсти Афина
Убедила, как сводня: она защитит, мол, Гефеста
(Помнила дева пламя, осеменившее землю,
И не хотела, как прежде, вскормить могучею грудью
Нового Эрехтея, нового сына Аруры!);
Так пробудись и отрогов фракийских достигни скорее,
На Киферейю взгляни на острове, бывшем ей домом,
Посмотри как жилища пафийские, кипрские кровли
Стая эротов убрала цветочными ныне венками,
340 [344]
Внемли как в Библе славят песнью твою Афродиту,
Брачное единенье новое гимнами жены!
Ты потерял Киприду - увалень хромоногий
Опередил Арея-мужеубийцу! Так славь же
Огненного Гефеста, похитившего Афродиту!
О, ступай в Сикелйю, коли ты мне доверяешь,
И умоляй киклопов в кузне! Они ведь искусны
В рукомесле Гефеста, соперники с ним и в уменье,
Сделают и тебе железные сети (когда-то
Ты ведь в них попадался!), сможешь тогда и поймать их,
350 [354]
В сей силок нерушимый с помощью хитрости этой
Похитителя брака в мстительные оковы,
Вора, хромого Гефеста, связав их в одно с Афродитой!
Все, кто ни есть на Олимпе, тебе посочувствуют боги,
Изловившего в сети оскорбителя ложа!

Пробудись и придумай ловушку такую! Супруги
Отомсти похищенье! Что тебе Дериадея
Беды? Только ни слова! И Фаэтонт да не слышит!"
Молвив так, улетела. Дремоту с ресниц отряхает
С первыми Эос лучами, слепящими боговы очи,
Бурный Арей, и с ложа прочь устремляется, будит
Фобоса с Деймосом, дабы они запрягли колесницу;
Те повинуются - в спешке родитель! Деймос ужасный
Пропускает удила стальные меж челюстей конских,
И устраивает узду покрепче на вые,
К дышлу коней пристроив. Арей же вскочил на повозку!
Фобос сел вместо возницы - и вожжи тотчас напрягает
В Пафос он из Либана правит, и из Киферона
Колесница летит до земли рогатого Кипра.
Смотрит бог пристально, зорко на Лемнос, а также ревниво
Озирает и кузни, пышущие пламенами,
Рыщет быстрой стопою, следов Киприды взыскуя:
Уж не стои́т ли богиня как прежде у горнов Гефеста?
Он боится, что дымом и чадом скрыт ее облик,
Вдруг Арей не узнает под копотью - Афродиты!
Вот он взмывает в небо над Лемносом, дабы железом
Вооружася, сразиться за супругу с богами,
С Дием и Фаэтонтом, с Афиною и Гефестом!

Песнь XXX

В песне тридцатой смертельно ранив, ниспровергает
Тéктафа Эвримедонт в подземные домы Аида.

Так в семислойное небо Арей взыскующий прянул,
Гневаясь тяжко и яро. Но в битве как в пляске веселой
Бьется Бромий отважный и гонит народ смуглокожий,
То устремляясь к передним бойцам, их натиск встречая,
То в середину сраженья бросается, тирсом изострым
Он собирает начатки жатвы своей темнокожей,
То убивает, ярясь, недругов ненавистных!
Сатиров Вакх ободряет для битвы с Дериадеем
Как только видит, что войско индов Арей оставляет;
Вой неистово бьются - оставив кипение битвы
10 [11]
Ярой на правом крыле неистовому Дионису,
Аристей устремился к левому краю сраженья.
Полководец Моррей, увидев, что Бромия слуги
Жезлами бьются отважно, усыпанными цветами,
В страхе великом взывает к безумному Дериадею:
"Дериадей, что за диво? Валятся замертво вой,
Сражены они нежной листвою и ветвью цветущей,
Панцырник в тяжком доспехе от безоружного гибнет!
Неуязвимы менады! Секира двуострая с дротом
Их не берут! Если правду дозволишь сказать, повелитель,
20 [21]
Медное копие оставь, оставь все оружье,
Вооружись виноградной лозою-мужеубийцей,
Коли железа могучей гроздь да лоза, да листовье!
Нет, никогда я не видел вовеки такого сраженья -
Хрупкие ветви, побеги - сильнее, чем острые дроты!
Дай же и мне сразиться оружьем зеленым! Ведь наши
Дроты, увы, уступают нежной зелени трости!
Алые дай плесницы обуть, ибо нашим поножам
Сделанным из металла, с котурнами не сравниться!
Что мне, когда имея медный щит, беззащитным
30 [31]

Девам в бою уступаю, когда в неистовой битве
Бубнами потрясают они - то падают кмети!
Шлемы рушат венками, панцыри - только небридой!
Ратоборствовал часто я с Вакхом неуязвимым,
Намереваясь до чрева нетронутого добраться,
Но лишь сулица только касалась плоти Лиэя
Острая - крепкое жгло раскалывалось внезапно!"
Молвил - и улыбнулся зятю вождь горделивый,
Взглядом его окинул, безмолвным вестником гнева,
И разразился речью, полною гневных попреков:
40 [41]
"Пред безоружным Вакхом трепещешь, Моррей неразумный?
Сладко, верно, бояться сатиров, пляшущих в битве?"
Так он сказал, пробуждая мужество в зяте сей спесью
Злобной, и ополчился Моррей на Вакхово войско...
Эвримедонта он ранит, воина в пах уметив
Окровавленным дротом... Разрезало быстрое жало
Мягкую плоть бедра и кожный покров разорвало, -
Подогнулись колена, и наземь пал ратоборец...
Алкон меднодоспешный заметил падение брата,
Бросился воину в помощь, длинным копьем потрясая,
50 [51]
Поединщика сразу прикрыл щитом круговидным,
Башнею возвышаясь над ним, грозя супостатам
Копием длиннотенным к себе их не подпуская:
Брат защищает брата! Встал он над раненным мужем,
Словно лев над щенками, пасть разверзающий яро,
Корибантийские вопли из глотки своей испуская!
Только Моррей увидел, как тот изготовился к бою
В землю упершись подле поверженного Кабира,
Словно Тифон исполинский взъярился Моррей могучий
И ополчился на братьев обоих, дабы стенала
60 [61]
Кабейрó над двоими погибшими сыновьями,
Коих убьют за единый день железом единым!
И убил бы обоих, предав их смерти подобной,
Враг, когда б не взмолился, дыша и хрипло, и тяжко,
Эвримедонт лемнийцу и не молвил такое:
"Отче, вождь огнепылкий тяжкого кузни искусства,
Помилосердствуй за службу прежнюю, ибо когда-то

Сикелию взяла Део плодоносная, брачный
Дар для скрытой в краю трехвершинном Персефонейи!
Гесперийские ветры выпустила на кузню,
На горящие горны и раскаленные клещи!
Я ведь встал на защиту твою, изгнал я богиню,
Наковальню храня - и ты мне должен за это,
Ибо дымится кузня и брызжет огнем сикелийским!
Сына спаси! Исполинский Моррей его тяжко уметил!"
Молвил - и с горней выси пылкий Гефест устремился,
Пламенем многоязыким отпрыска окружил он,
Огненный дрот воздымая во длани. Вкруг выи Моррея
Вспыхнул огонь сам собою, будто умом наделенный,
Закрутился вкруг горла огненным ожерельем,
После сбежал по телу от самого подбородка
Вниз и достиг за мгновенье ока ступней и лодыжек,
Меж колен его вспыхнул, разливая сиянье;
Вот уж и шлем охватило пламя, к вискам подбираясь;
Быстро погибнул бы он под огненным натиском ярым,
Ратоборец отважный, сгорев в костре без остатка,
Кабы Гидасп, сей отец повелителя Дериадея,
Не пришел бы на помощь. Наблюдал он за битвой
На скале, но не в бычьем облике, а в человечьем!
Сразу пришел на спасенье к нему прохладною влагой,
Свежестью угасил он лик горящий героя,
Смыл он и чад, и копоть с доспехов его раскаленных,
Облаком свежим и чистым окутал мгновенно Моррея,
Ослабевшие члены укрыл мерцающей зыбью -
Так что кузнец могучий сияющей искрами кузни
Огненной силой лемносской не смог спалить ратоборца!
Но и седой родитель, Гидасп милосердный, не может
Родственников владыки Дериадея увидеть
Мертвыми и оплакать мужа Оронта с Морреем!
Бог же Гефест, умелец, пламенем ратоборцев
Отогнав от сына раненного, на плечи
Поднимает его и уносит с поля сраженья -
Травы целебные к чреву пронзенному прилагает,

Жизнь тем самым спасая уязвленного сына!
А Моррей в это время продолжает сражаться:
Вот, от пламени спасшись, от огненного поединка
И от ударов копейных, он вперед устремился
И Флогúя уметил, Строфия быстрого сына,
Зачинателя в песнях плясолюбивого Вакха!
Сей Флогúй развлекал бесслезного Диониса,
110 [111]
Изображал он искусно с помощью рук и движений
Тела разнообразных юного смерть Фаэтона,
Гости притом в застолье слезы лить начинали,
Горько плача над мнимой смертию Фаэтона -
Воображая погибель юноши в пламени Солнца,
Даже неплачущий Бромий стенал, обливаясь слезами...
Вой же Моррей копьеносный, Флогúя узрев, надсмехался:
"Вот тебе пляска иная, не то, что в веселом застолье,
Исполнял ты за чашей, поданной с винною влагой -
Может, теперь ты спляшешь, павший в свирепом сраженье?
120 [121]
Так спляши, неуемный, коль вождь плясунов Диониса!
Таинства танцев Аиду яви, не подбеливай лика,
Ибо и так он, округлый, раскрашен кровью и прахом!
Коли желаешь, пляши у влаги Леты плачливой,
Пляске обрадуется печальная Персефонейя!"
Так он рек и к силенам бросился, сея в них ужас,
Бурный воитель. Вослед, взмахнув мечом смертоносным,
Тéктаф, муж щитоносный стремится, его ведь когда-то
Дериадей в глубокой яме держал заточенным...
Но не мог он дважды судьбы избежать, ибо если
130 [131]
Судит судьба, то кто же погибели избегает -
Всеукрощающей Мойрой он будет все же настигнут!
Тектафа не спасли бы ни хитрость и ни уменье,
Хоть сейчас пред собою он гнал ратоборцев Лиэя:
Сулицей поражая рогатых сатиров резвых,
Сносит голову с плеч у храброго Пи лазя,
Онтирúя чело сечет мечом беспощадным,
Широкогрудого Питоса ниспровергает железом
Многих воителей Вакха он еще погубил бы,
Если бы Эвримедонт быстроногий его не увидел,

140 [141]
К недругу не устремился б, меч корибанта вздымая,
В лоб его не уметил! Из расколотой кости
Брызнула кровь струею, разливаясь потоком,
Грянулся оземь воитель, пóля прах орошая,
Полумертвый скатился, оплакивая темницу,
Прежнюю, каменный погреб, и нити Мойры, настигшей
После, и поминая хитрости дщери родимой,
Что спасала когда-то его от погибели в яме -
И полилися слезы, мешаясь с жалобным стоном:
"Матерь моя и кормилица! О, несчастная в браке
150 [151]
Дочерь премудрая, что же не вижу тебя перед смертью?
Что не спасешь меня ныне, о бесстрашная дева?
Где твой напиток целебный? Или хранила ты верность
Только живому родителю, а не мертвому телу?
Если поможет коварство вывести из Аида -
Хитрость придумай получше, найди уловку лукавей,
Дабы избегнуть смерти, дабы из ямы подземной,
От привратья Аида смог я вернуться в сраженье,
Ускользнув от темницы, откуда никто не являлся!"
Молвил он только слово - угас его голос звучащий.
160 [161]
Зрела родителя в ранах с башни града высокой,
Заливаясь слезами и стонами скорбь изливая
Ээри́я и пряди густые осыпала прахом,
Перси свои обнажила, разодравши одежды,
Кулаками в чело ударяя и зная, что помощь
Не оказать уж отцу, вскричала, как будто он слышал:
"Сын-отец злополучный, вскормленный млеком дочерним,
О, устам бездыханным умершего млеко какое
Будет в помощь и жизнь возвратит душе отошедшей,
Как тебе снова дорогу к миру земному поведать?
170 [171]
Ах, и млеко грудное уже тебе не поможет!
Если бы Аидонея перехитрить я сумела!
Почесть одну остается воздать тебе, отче родимый:
К смерти пойдешь не один - и дщери кровь убиенной
Из перерезанной глотки прими, как принял ты млеко!
Где вы, Дериадея стражи, вместо тюремной

Ямы, ведите в иную, где я родителя встречу
Мертвого и еще раз смогу возвратить его к жизни!
Только Аид - не стражи, дабы позволить былые
Хитрости и лукавства для отчего только спасенья!
180 [181]
Мне бы тот меч-убийцу, дабы могла я погибнуть
И умереть от железа, отца пронзившего тело!
Ты, что голову снес родителя с плеч невозбранно,
Ты и убей Ээри́ю за Те́ктафом, дабы сказали
Люди: "Родитель и дочерь мечом единым убиты!""
Так, заливаясь слезами, сказала. Бой продолжался -
Энио́ раздувает с удвоенной яростью битву!
Вот Моррей убивает Дасиллия Тенарида,
Щит свой пред воем враждебным ни разу в бою не склонявшим,
Воина амиклийца, страшного в поединках -
190 [191]
Правую меч ланиту пронзает, кость проницая!
Алкимахейю сражает горную, что красотою
Превосходила ровесниц, юною силой и здравьем,
Харпали́она дочерь, лозою славного мужа
Некогда в храм посмела Аргивянки дева явиться,
Плющ воздымая во длани, ненавидимый Герой
С тою же силой, с какою любила гранат пурпуровый!
Идол она благозданный тирсом своим бичевала
Виноградным и медный лик стегала лозою,
Оскорбляя бесчестьем мачеху злую Лиэя!
200 [201]
Не избежала гнева грозного, жгущего Геру,
Алкимахейя, лемнийка воинственная, но во прахе
Погребена чужбины, родителя после битвы
Харпали́она боле она не увидит, лемносской
Тверди, брачной светлицы Ясона и Гипсепелейи!
Гибель постигла деву, скрыл ее дальней чужбины
Холм погребальный - о, кара! Злосчастная не увидит
Ни Харпали́она боле, ни милого сердцу Лиэя!
Но Моррей, свирепый в сраженье, деву убивший
Алкимахейю-менаду, на этом не остановился:
210 [211]
Ту, что жила близ Олимпа, в земле Элиды равнинной,
У Алфея потока, благовенчанную деву

Убивает Кодону... Смилуйтесь, Мойры-богини!
Не пощадил он ни прядей главы, от плеч отсеченной,
Ни румяного лика, загрязненного пылью,
Не пощадил он округлой груди, что так подобна
Яблоку, и грудные мечом рассек он повязки...
Не пожалел он и лона нежного между бедер -
Он красоту уничтожил такую! Грянулась дева
Оземь и дух испустила... Преследуя яростно многих
Длинноодетых вакханок Моррей мечом убивает:
Эврипилу, Стеропу и Сою убил он, настигнув,
Вот пронзает Стафилу, Гигартó уязвляет;
Меч погрузивши в перси розовые Меликтайны,
Обагряет железо смертоносное кровью.
Яростные тельхины также в битву вступают:
Ствол маслины вздымает один, кизиловый комель
Вырвал другой из почвы с листьями и корнями,
Третий с глыбою камня устремился на индов,
Над головою вращая сей дрот, супостата крушащий!
Гера меж тем, что дышала ненавистью к Дионису,
Смелость придала и силу могучему Дериадею,
Блеском его наделивши, бьющегося с врагами,
Устрашающим - только нападал он свирепо,
Как от доспехов индов свет исходил смертоносный,
А над шлемом гривастым блистали грозно зарницы!
Даже и Вакх отважный затрепетал, заметив
Дериадея доспехи, сияющие средь битвы,
Пламенное мерцанье по-над гривою шлема!
Дионис изумлялся, узрев его доблесть, и в сердце
Сил не стало сражаться с вооруженным на битву
Герою, и неохотно стал отступать он из битвы...
Инды, отважные сердцем, духом воспряли, увидев
Как отступает Бромий, и это также заметил
Дериадей и врубился с удвоенным пылом в порядки
Вакховых войск, вращая копьем над собою ужасным.
Иовакх отступает, смущенный, к чаще древесной,
На победу надежды ветер буйный уносит.
Устрашился он гнева мачехи злобной, но с неба

Тут явилась Афина, велением Зевса ведома!
250 [251]
Брата, бегущего битвы, испуганного угрозой
Геры, желаньем томима вернуть на поле сраженья...
Над сородичем встала, за русые кудри схватила,
Видимая лишь Вакху... Грозная дева метнула
Взорами пламень гневный, обратилася ликом
К брату, стала внушать ему мужество жарким сияньем,
И укоряя гласом бранолюбивым, вещала:
"Что, Дионис, бежишь ты? Что битвы страшишься свирепой?
Где же твой тирс могучий, где виноградные дроты?
Что о тебе поведать отцу Крониону ныне?
260 [261]
Что я узрела мертвым повелителя индов?
Дериадей живет, а Моррей неистово бьется!
Разве не обладаешь силой, дарованной небом?
Не был ли ты в Либи́и? Не состязался ль с Персеем?
Не заглядывал в око Стено́, обращающей в камень?
Грозный рык Эвриалы непобедимой не слышал?
Разве не срезал ты пряди змееволосой Медусы,
Разве змеиной отравой ты не был древле обрызган?
Струсил ли отпрыск Семелы? Ибо Горгоноубийцу
Доблестного породила Акри́сия дочерь Зевесу,
270 [271]
Серп мой из дланей могучих Персей пернатый не бросил,
За плесницы воздушные бога почтил он Гермеса,
Ведь свидетель - пучинный зверь, обратившийся в камень!
Можешь спросить Кефея - Персеева серпа владельца!
Западный и восточный пределы спроси, и в обоих
Нереиды трепещут пред Андромеды супругом!
Славу поют Гесперид повергшему деву Медусу!
Ах, Айакос нестрашимый похож ли, молви, на Вакха?
С Дериадеем схватился, от индов царя не бежал он!
Снова тиран арабийский тебя напугал? Мне позорно
280 [281]
Яростного Арея видеть, отца Ликурга,
Как он кричит на дорогах о бегстве из битвы Лиэя!
Твой же и мой родитель битв и врагов не боялся,
Он низверг и Титанов божественных с кручи Олимпа!
Взял ли ты Орсибою в рабство, индов царицу?

Хейробúю не зрела твоим плененную дротом
Рейя Зевс да простит, если от Дериадея
Убежишь и от индов - тебе не сестра я вовеки!
Так возьми же ты снова тирс и вспомни о битве,
Войско возглавь, и рядом с неистовой Бассаридой
290 [291]
Да увидит Афина благодоспешного брата,
И поднимет эгиду, опору победам Олимпа!"
Бромию так сказала, вдыхая мужество. Духом
Бог воспрял и сражаться снова пылает с врагами,
На победу надежду дала ему Тритогенейя!
Первым кого и последним Вакх сразит в поединках,
Вдохновленный на битву неукротимой Афиной?
Сотни врагов убивает в сраженье безжалостным тирсом,
Многообразные раны наносит, пикой вращая
Или разя ветвями иль гроздами в листьях зеленых,
300 [301]
Или метая глыбу каменную вместо дрота -
И сраженные бьются на прахе в неистовой пляске!
Фринга тирсом изострым он в левую пясть поражает -
Тот покидает битву... но, Мелиссеем застигнут,
От секиры двуострой падает воин бегущий!
Целится Вакх в Эгретúя, неистовый дрот воздымая,
Дионис-дальновержец тирсобезумный - несется
Мощно посланный Вакхом дрот изострый сквозь воздух
Воя алча уметить, но Эгретúй ускользает!
Бог же на племя болингов и доблестных арахотов
310 [311]
Страх насылает великий, он виноградным листовьем
Грозное племя салангов, в копьеборстве искусных,
Гонит, и ариенов рассеивает щитоносных!
Фринга и Эгретйя преследуя ратоборцев,
Эвий рать низвергает уатокойтов попутно!
Лига в единоборстве кровавом наземь свергает
Иовакх всемогущий; настигнув укрытого в чаще
Меланиона хитрого, тирсом сразил виноградным,
Воя, что ярых вакханок стрелою язвил из засады!
Только злобная Гера его спасла от смертыни,
320 [321]
Ибо сражался он хитро и часто сражал вакханок,

Спрятавшись в тайном укрытье; всегда за скалой он скрывался
Или за древом высоким, ветвями прикрывши оружье,
Незамеченный, прыскал стрелами в недругов тайно...
Вот отступают инды в битве свирепой, кровавой,
Трепеща перед силой всепобедного Вакха!

Песнь XXXI

В песне же тридцать первой поется о том, как Гера
Сном смирила Кронида, а Вакха - Персефонейей!

С индами так сражался в далекой битве свирепой
Вакх на полях эритрейских в мира восточных пределах,
Прядями золотыми вкруг белых ланит помавая!
Гера злокозненная замыслила злоковарство,
Пересекая небо над полем битвы кровавой -
Войско же индов снопами в то время наземь валилось,
Насмерть противоставши погибельным гроздам Лиэя!
Гневом богиня вспылала, у вод эритрейских завидев
Уз Андромеды обломки лежащие и громады
Скальной в песке прибрежном (ведь чудище стало камнем!)...
10 [11]
Шарила взглядом грозным повсюду, не видя на море
Блеска серпа медноздaнного Горгоубийцы Персея.
Ибо стопою резвой в воздухе перебирая,
Жаждущие просторы одолевал он Либи́и,
Словно плывя на крыльях. Одноглазой старухи,
Бодрствующей Форкиды глаз похитил единый,
В страшный грот он вошел и сре́зал у скальной громады
Жатву шипящую, прядей кудрявых начатки змеиных,
Плоть Горгоны чреватой от головы отделил он,
Серп в ее кровь окунувши, и от убитой Медусы
20 [21]
Брызнул поток бурливый крови змеиной, и длани
Омочил - и мальчик с мечом золотым появился
Вместе со зверем, схожим с племенем конским, из выи!
В сердце Геры-богини ревность и ярость вскипели,
Злобы лютой полна на Персея и Диониса -
Восхотела прельстить она сердце и очи Кронида
Страстью сладкообманной под Гипноса бога крылами
По-над ложем простертым любовным, и при заснувшем
Зевсе желала предаться козням против Лиэя!
Во всеприимные домы Аида Гера проникла,
30 [31]

Там Персефону сыскала и молвила хитрое слово:
"О, блаженнейшая! Живешь ты вдали от Бессмертных
И не видишь, как правит Олимпом дева Семела!
Как бы Лизй, боюся, от смертного чрева рожденный,
Не завладел громами после бога Загрея,
Смертною дланью не взял бы перунов огненных силу!
Волею взяли тебя, многодарную? И подле Нила
Плодного чествуют люди другую, не матерь Деметру
Злаконосную, нет, но обильную почитают
Быкорогую деву, Ио́ они чтут, Инахиду;
40 [41]
Я породила Арея, явленного чревом небесным,
Сына от собственной крови - и был он запрятан под землю,
В глиняном чане, скован Эфиальтом могучим!
Зевс его, муж мой небесный, освободить не трудился -
Сына спасал он Семелы из пламени жаркого молний,
Вакха спасал от зарницы, плод недоразвитый страсти!
Полукровку-мальчишку! Изрубленного мечами
Горнего Диониса, Загрея - не защитил он!
Только гневит меня больше то, что Кронид поднебесный
Свод предоставил Семеле, а Тартар - Персефонейе!
50 [51]
Для Аполлона - небо, горний дом - для Гермеса,
В мрачном доме подземном ты должна обретаться!
Что же хорошего, коли в облике аспида мнимом
Развязал он девичий пояс невинности, если
После брачного ложа желал погубить он младенца?
Зевс на Олимпе владычит, в доме, полном созвездий,
Брату власть над простором соленым, морским, предостав
Твой же супруг во мраке бездны земной пребывает!
Так ополчи же Эриний на гроздолюбивого Вакха -
Зреть не могу недоноска владыкою на Олимпе!
60 [61]
Милости к Дия супруге! К Деó, несомненной богине!
Милости к деве Фемиде чистой: пусть храбрые инды
Отдохнут хоть немного от натиска Диониса!
Смилуйся над оскорбленной богиней, ибо Кронион
Нектар судил Дионису, кровь же распри - Арею!
Почитать да не смеют афиняне Диониса
Нового, равным не чтут его элевсинскому Вакху,

Древнего выше Иакха, что прежде был, не поставят,
Да не бесчестят грозды Деметриной плетеницы!"
Молвила - и пробудила сочувствие в Персефонейе,
70 [71]
Ибо притворные слезы струилися по ланитам
Средь обольщений... Богиня божеству одолжила
Мéгайру в спутницы. Сердце злобное ликовало
Геры - свирепым оком Эриния будет ей в помощь!
Прянула Гера из бездны, шагнула бурной плесницей
Трижды и на четвертом шаге явилась у Ганга,
Мегайре с ликом суровым показывает на индов
Мертвых, на войска смятенье, на мощь и натиск Лиэя.
Мегайра видит деянья Вакха Индоубийцы,
В сердце гнев закипает больший, чем Геры небесной!
80 [81]
Радуется супруга Зевса Змееволосой,
И засмеявшись ужасно, молвит мрачно богине:
"Вот как свершают деянья новые боги Олимпа,
Недоноски Зевеса вот как воюют! Семеле
Зевс единого сына дал, дабы всех погубил он
Индов невинных и кротких - неправедному Зевесу
Вместе с Вакхом яви же могучесть Мéгайры-девы,
Ибо и боже всевластный, Зевс, преступает законы!
Он с лихим тирсенийцем не бьется, что только умеет
Воровать беззаконно да грабить купцов на разбойных
90 [91]
Стругах рыская, зыбь измеряя вод сикелийских!
Не карает он племя дриопов бесстыдных, у коих
Жизнь - лишь убийство да драки, он индов казнит благочестных,
Кои сосцов Фемиды славной млеко вспитали;
Горе! В уме божества беззаконье! Бессмертного бога,
Столь благого Гидаспа язвит зарницами смертный,
Смертный, рожденный небесным отцом всевластным, Зевесом!"
Молвила так и в небо прянула. Тихо скользнула
100 [99]
Мегайра к высям кавказским, спряталась там в пещере,
Лик змеевласый сменила, грозного ужаса полный,
На совы оперенье; ждала там, пока величайший
Зевс не забудется сном - так велела державная Гера!
Дия-супруга слетела к волне гесперийской Хремета,

Злоумышляя, туда, где Атла́с, сей старец ливийский,
Выю гнул под высокой сводчатой высью небесной.
Зефира, ветра ревнивца, Ириду-соложницу ищет,
Вестницу Зевсовой воли (она ведь быстра точно ветер!),
Дабы послать за туманным Гипносом с быстрою вестью.
110 [109]
Вот призвала Ириду и молвит ей дружеской речью:
"О, благодатного Зефира златокрылатая дева,
Эроса матерь благая, ты ветролетной плесницей
В мрачного Гипноса дом гесперийский ступай побыстрее,
Осмотри ты и Лемнос прибойный, лишь только отыщешь,
Молви - бессонные очи Крониона пусть зачарует
На день единый, пока я за индов, мне милых, сражаюсь!
Преобрази только облик, черно́опоясанной девы
Никты прими обличье, Гипноса матери темной,
Именем чуждым прикройся, я и сама поступаю
120 [119]
Так, когда принуждает судьба и преображаюсь
То в Артемиду, то в деву Фемиду, а то в Киферейю!
Паситею в супруги сули - за ее снисхожденье
Он мне поможет, бог Гипнос... Тебе я не напоминаю:
Ради любовных утех невозможное деет влюбленный!"
Гера рекла - и взнеслась златокрылая дева Ирида,
Небо рассекши крылами; на Пафос, на Кипра пределы
Взор направила острый, на Библа отроги взглянула,
На ассирийца Адониса благолюбовные воды,
След взыскуя воздушный Гипноса, быстрого бога -
130 [129]
И отыскала на склонах брачного Орхомена!
Оставлял он там часто след стопы быстролетной
У затворов жилища возлюбленной Паситеи.
Снова лик изменила Ирида, невидимой ставши,
И приняла обличье незнаемой сумрачной Никты.
Злоковарная, рядом с Гипносом встала Ирида,
Молвила, ложная матерь, обманнольстивые речи:
"Сыне! Доколе Кронидом я презираема буду?
Мне Фаэтонта довольно ярости, Ортроса гнева,
Мне довольно гонений от Эригенейи жестокой!
140 [139]
Зевс породил полукровку, чтоб кровного сына унизить!

Смертный меня позорит и сына. Всю ночь неустанно
Разгоняет мой сумрак своим таинственным светом
Яркопылающим Бромий, тебя утруждает бессоньем!
Всеукрощающим, Гипнос, зовешься? Не медли сразиться
С бодрствующими мужами, ибо земного Лиэя
Мнимый блеск побеждает шествие ночи, и наши
Угасают созвездья в сиянье светочей Вакха!
Смертный меня позорит - он, светоносный, сильнее
Ярче и осиянней девы лучистой, Селены!
150 [149]
Стыдно мне Эригенейи, смеющейся громко над тьмою;
Ложна, как оказалось, ярость моя, для чужого
Солнца создана ночь - отражать его свет ежедневно!
Ты же, сын мой любимый, должен возненавидеть
Сатиров тайнообрядцев и Вакха, что сон презирает!
Матери помилосердствуй, помилосердствуй и Гере,
Дия всевластного очи сном зачаруй невозбранно
Только лишь на день единый, для честных индов защиты,
Коих сатиры гонят и Вакх теснит прежестоко!
Всеукрощающим, Гипнос, зовешься, и коль не противно,
160 [159]
Взоры направь ты по воле моей - и у Фив семивратных
Зевса бессонного снова увидишь за всенощным бденьем,
Дия уйми бесчестье, Амфитрион ведь далече,
В медноозданных доспехах сражается в битве свирепой
Яростно, а у Алкмены в ложнице Зевс почивает
И не насытится страстью ночь уж лунную третью!
Ах, не дай мне увидеть Луну четвертую снова,
На Кроиона, сыне, ополчись, да не будет
Наслаждаться он девять дней и ночей сладострастьем!
Вспомни, что с Мнемосиной случилось. Ведь почивал он
170 [169]
С нею девять полных ночей в бессонье любовном,
К деторождению страсти полный ненасытимой!
Всеукрощающий бог, но иной, тебе лишь подобный
Крыльями, Эрос-малютка Кронида жалом уметил!
Смилуйся же над родом индов моих смуглокожих,
Сжалься, они ведь подобны родительнице смуглотою!
Темных спаси, темнокрылый! Земли не прогневай ты, Гайи,
Хаосу равной по летам, отцу моему! От единой

Гайи мы все происходим, кто только и есть на Олимпе!
Не трепещи пред Кронидом, благоволит к тебе Гера,
180 [179]
Не трепещи пред Семелой - сжег ее жаркий соложник!
Пламенная зарница не может с тобою равняться,
Тяжкоропщущий гром, грохочущий в тучах, не может!
Ты лишь единый крылами взмахнешь - и Зевс бездыханным
Будет на ложе столько, сколь Гипнос только захочет!
Ведаю, ты вожделеешь одной из Харит, коль стремишься
Жалом томимый желанья, не раздражай понапрасну
Матери Паситеи, Геры, владычицы брака!
Коль пожелаешь при Тéфис жить, у левкадского мыса,
Помощь Дериадею подай, потомку Гидаспа!
190 [189]
Будь же с соседом тих: круговратный поток Океана,
Бьющийся рядом с тобою - пращур Дериадея!"
Так рекла - согласился Гипнос и, повинуясь
Матери мнимой, взлетает Клянется он взоры опутать
Зевса всезрящего сном на три обращения Эос
Умолила Ирида его лишь на день единый
Кронова сына опутать сердце дремотою сладкой.
Повиновался Гипнос, надеждой на свадьбу ведомый.
Быстрая же Ирида пустилась обратной дорогой,
Возвестить поспешая приятную новость хозяйке.
200 [199]
Прянула бурной стопою по небу державная Гера,
С кознями в мыслях иными: как бы к Дию проникнуть,
Препоясавши чресла поясом страстных желаний.
Ищет она Пафийку: нашла ее средь ливанских
Гор, ассирийская Афродита одна пребывала,
Ибо Харит отослала пестрый венок весенний
Из цветов ей содеять, плясовиц орхоменских;
Крокус в горах киликийских одна собирала, другая
Бальсамон и молодые побеги рогозов индских,
Третья благоуханных роз собирала охапки.
210 [209]
Изумлена появленьем Геры, дочерь Зевеса
С ложа, лишь только увидев соложницу Дия, привстала,
И поняв, что в печали та пребывает, спросила:
"Гера, супруга Зевеса, что бледны на лике ланиты?

Что же, владычица, взоры долу ты опустила?
Снова ли Зевс ливненосный пустился в любовные лести?
Снова ли в бычьем обличье зыби браздит он морские?
Снова ль тебе досаждает Европа? Или другая
Антиопа, Никтея дочь, что отцовским запретам
Вопреки почивает в сатира дланях косматых?
220 [219]
Не превратился ль он снова в коня, одаренного только
Разумом, мнимым ржаньем вновь прикрывающий похоть?
Уж не другая ль Семела огнем своих родов печалит
Средь зарниц, указующих путь к светлице эротов?
Уж не у ложа ль телицы прекраснорогатой он рыщет,
Мык испуская любовный? Ведь если только желаешь,
Можешь послать для пригляда за Зевсом ты быкопаса
Снова со взором бессонным, пастыря Аргуса к стаду!
Дай мне ответ на вопросы, и я помогу тебе в горе!"
Так отвечала богиня с мыслью злокозненной в сердце:
230 [229]
"О, Киприда! Оставим склоны Олимпа для смертных!
Зевс на небо Семелу вознес, родившую Вакха,
И Диониса желает взнести... Какой же получит
Гера дворец? И куда мне деться? О, униженье -
Видеть, как не по праву правит Олимпом Семела!
Страшно: ужели в жилище бессветного Напета
Жить и быть вне Олимпа, Крона судьбу повторивши?
Страшно: презрев наш нектар, они с земли подбирают
Нечто, что кличут "гроздью", желая взрастить средь эфира
Да не попустят такому Дика, Гайя и Влага!
240 [239]
Да не взнесет он к эфиру лозы, да не будет разлита
Влага хмельная на небе вместо звездного света,
Пить мне на высях вовеки лишь сладостный нектар единый!
Да не увижу хмельною воительницу Афину,
Дрот подъявшую против Арея и Киферейи,
Да не изведаю распри вовеки в высях эфирных
Между брызгами хмеля и созвездьями неба,
Коих вино посбивало с путей, назначенных свыше;
Да не узнаю вовеки пьянства насельников неба
Пляшущих корибантов щитоносную пляску!
250 [249]

Разве мне не довольно срама с этим мальчишкой
С долов троянских, что служит виночерпием Зевса?
Он и Бессмертных позорит, и Гебу, чашницу Дия,
Коли смертною дланью льет в чаши сладостный нектар!
Изгнана я на землю с позором, и для обоих
Я эфир оставляю, для Вакха и Ганимеда!
Я эфир оставляю, ставший жилищем Семелы!
Пусть Персей с Дионисом властвуют в доме небесном!
В Аргос пойду я родимый, во град велелепный Микены,
Жить на земле я стану... За матерью оскорбленной
260 [259]
Бог Арей, твой супруг, последует, да и сама ты
В Спарте своей объявися, гневная Афродита
Благодоспешная, вместе с меднозданным Ареем!
Знаю, откуда беды: Эриния хочет отцово
Отомстить прегрешенье мое, ибо некогда против
Крона я билась свирепо, кинувшись в ярую битву
На стороне Зевеса - Гера, Титанова дочерь!
И поделом мне видеть властвующим на Олимпе
Вакха с Эросом рядом, подле пеннорожденной,
Что подъем лет эгиду подобно Кроniду с Афиной!
270 [269]
О, помоги мне, Киприда - дай мне, нужда ведь настала,
Пояс, рождающий страсти, повязку с чарой могучей
Только лишь на́ день единый, чтоб взоры Дия сомкнуть мне!
И, пока спит он, могучий, я индам моим помогла бы!
Я ведь свекровь твоя дважды: женою была ты обоих
Сыновей - как Арея, так и бога Гефеста!
Смилуйся, я умоляю, ведь смуглокожие инды
Чтили тебя всегда, эритрейскую Афродиту,
Их же бранолюбивый теснит Дионис! Зачинатель
Отпрысков, Зевс-женолюб, в безумии похоти алчной
280 [279]
Молнии мечет, за сына-полукровку сражаясь!
Дай же мне этот пояс, им лишь единым чаруешь
Ты, богиня, весь мир, ведь и мне владеть им прилично,
Мне, вспомощнице страсти, лелеющей брачные узы!"

Песнь XXXII

В песне тридцать второй поется о битве великой,
Сне глубоком Зевеса и о безумье Лиэя!

Молвив так, убедила она кознодейку Киприду
С сердцем хитрым и лживым. Та пояс с лона снимает,
Гере, горящей желаньем, дает повязку эротов,
Так объясняя при этом чары сей опояски:
"Вот тебе пояс, обиде сердечной твоей вспоможенье,
Всех очаруешь ты в мире этим могучим плетеньем,
Гелия бога, Зевеса, хор небесных созвездий,
Неумолимый поток беспредельного Океана!"
Молвила и удалилась к отрогам сирийским Либана.
Прянула Гера по сводам звездным высей Олимпа;
10 [11]
Торопливо прибрала лик белейший богиня,
Тщательно расчесала пряди и подравняла,
Поровну распределила по обе стороны лика,
После же умастила кудри маслом душистым,
От сиих благовоний и выси эфира, и море
Вместе с твердью земною исполнились благоуханья!
На чело возложила венец искусной работы,
Вправлены были в который рубины, что страсть возбуждают,
Камни, мерцающие при движенье Кипридиным светом!
Также надела и камень, в мужах любовную стойкость
20 [21]
Укрепляющий, камень раненной страстью Селены,
Также и камень, милый влекущемуся железу,
Также и камень любовный индов, что будто из влаги
Сам собою выходит, сродный Пеннорожденной,
И гиацинт темноцветный, особенно Фебом любимый!
В волосы веточки мирта вплела, сей травки любовной
(Любит ее Киферейя как розы и как анемоны,
Носит ее богиня в память по отпрыску Мирры!);
Вкруг же лона и бедер пояс она повязала.
В пестроцветное платье она облачилась, в котором
30 [31]

Древле с братом родимым тайно соединялась.
Кровь девичества след свой оставила на одеждах -
Платье богиня надела, чтоб вспомнил супруг о союзе...
Белое тело омыла, мерцающей тканью укрыла,
И заколола булавкой хитон у самой ключицы.
Так одевшись, предстала пред зеркалом. После взлетела
В небо подобно мысли быстрая Гера-богиня.
Вот приблизилась к Дию... Увидел ее всемогущий
Зевс и жало желанья пламенное вонзилось
40
В сердце, и взоры Дия супруга взглядом пленила.
Глядя на Геру упорно, муж ей пламенно молвил:
"Гера, зачем ты пределы эойские посещаешь?
С целью какою? Сегодня зачем же ты тут появилась?
Гневная, снова ужели преследуешь Вакха хмельного?
И поборать за индов надменных снова желаешь?"
Молвил, а Гера, смеяся в сердце своем хитроумном,
Злобная, так отвечала, лукавя с божественным мужем:
"Отче Зевес, с другою целью сюда я явилась,
Распря жестокая индов с Индоубийцей Лиэем
Вовсе меня не заботит в это мгновенье, спешила
50 [51]
Я к восточным пределам, знойным, граничащим с краем
Гелия, ибо пернатый Эрос у влаги тефийской
К океаниде Родопе страстью ныне охвачен,
Стрел желанья не мечет - нарушен и миропорядок!
Жизнь, увы, угасает, когда не любятся пары!
Я же его призывала к порядку - иду восвояси
Ибо зовуся "Дзигúей" смертными вовсе не зря я,
Браки ведь устрояю прочные собственной дланью!"
Так ответствовал Гере супруг со взыгравшею кровью:
"Милая, ревность оставь, и пусть Дионис мой могучий
60 [61]
Вырвет навеки с корнем род индов, не знающий Вакха,
Нас же обоих да примет ныне любовное ложе!
Страстью горю, каковую ни смертная, ни богиня
Мне не внушала - лишь только пояса я прикоснулся!
Так не желал и Атлáса дщери, Тайгеты, когда я
С девою той зачинал Лакедéмона, славного в летах!
Так не горел я к Ниобе, дщери живущего в Лерне

Пращура Форонея, так и к Ио́ не пылал я,
Дщери Инаха милой, там, у нильских потоков,
Мне родившей Эпафа и плодную Кероессу,
70 [71]
Не вожделел к Пафийке страстью такою, когда я
Семя в землю извергнул, зачавши племя кентавров -
Как я к тебе пылаю сладостным ныне томленьем...
Ты же - сама Дзигия, владычица ты зачатья,
Жалишь стрелою Киприды собственного супруга!"
Так он сказал, - и облак златой словно вихорь поднялся,
Обступил и сомкнулся над ними сводом округлым,
Словно воздвигся брачный покой, над коим дугою
Выгнулся пояс Ириды эфирный ярким покровом
Пестроцветным сияя для Геры лилейнораменной
80 [81]
С Зевсом, ибо желанье застало их на отрогах,
Там же само собою возвиглось брачное ложе!
Только они съединились узами сладкими страсти,
Гайя отверзла лоно благоуханное тут же
И увенчала цветами многими брачное ложе:
Крокус возрос киликийский, выросла там повилика,
Женские листья с мужскими сплелися в тесных объятьях,
Будто бы страстью горит благовонный супруг средь растений;
Ложе четы любовной венчали двойные побеги -
Зевса укрыл сей крокус, а Геру - сия повилика,
90 [91]
И нарциссы томились над пу́рпуром анемонов
Словно безмолвьем истомным являя пыланье супругов!
И никто не увидел ложа Бессмертных - ни нимфы
Ближние, ни всезрящий бог Фаэтонт, и ни око
Быколикой Селены не зрели нетленного ложа.
Плотными облаками оно окутано; Гипнос,
Страсти соратник, опутал дремою очи Зевеса.
В сонной покоился неге Дий, зачарованный страстью,
Коей и видеть не должно, прикованный к милой супруге.
Дева ж Эриния, скрыта под чуждым обличьем, по знаку
100 [101]
Геры с отрогов спустилась, чтоб выйти с Вакхом на битву.
Плеть засвистала во дланях богини пред оком Лиэя,
Громко шипели змеи, обвившие рукоятку -

Вот затрясла головою, и вздыбили волосы змеи,
Шип испуская ужасный, погибельный для живого,
И забили в скалистых склонах источники яда.
Время от времени снова облик она принимала
Львиный, безумный и страшный, с косматою пастью раскрытой,
Окровавленными клыками грозящей Лиэю!
110
Приступом злого безумья охваченного Диониса
Артемида узрела - безумье прогнать возжелала:
Но с высоты поднебесной, гневом ее устрашая,
Гера взгремела громами. Хоть гневалась мачеха сильно,
И отступая, богиня охоты все же решилась
Вакха спасти в болезни - свору собак усмирила
И охотничьих псов взяла на короткую створку,
Шеи ремнями стянула искусноплетеными крепко,
Дабы порвать не сумели зубами безумного Вакха!
Мéгайра, скрытая мраком, в коем тонула округа,
120
Воротилась в подземье, наславши на Бромия-бога
Призраков пестроликих. Над головой Диониса
Ливень вихрился обильный ядовитого зелья,
Ужас вокруг изливая. В слухе шип раздавался
Змей, лишающий Вакха разума, чувства и мысли.
Вот Дионис, изнуренный по чащам мрачным и диким,
По отрогам и скалам неверной стопой устремился,
Мукой ужасной гонимый... По склонам скалистым, утесам,
Словно тур разъяренный, скачет, тряся рогами,
Мчался бог, испуская мык устами в безумье.
130
Пана оставила Эхо и песнею, отзвуком гулким,
Гласом, терзающим душу, откликается только
На бессмысленный рев обезумевшего Диониса.
Робких и кротких ланей, и львиц косматосвирепых
Гонит буре подобный Вакх, забавляясь охотой.
Лев ни единый, свирепый, не смеет приблизиться, робко
Прячется в тайной пещере медведица в скалах укромных,
Устрашенная бога Лиэя неистовством грозным.
Слыша рычанье и вопли в слухе настороженном,
Змей, свернувшихся мирно огромными кольцами в камнях,
140

Бог безумный на части рубит безжалостным тирсом;
Надвое колет скалы он рогатой главою,
Львов пронзает он племя, молящее о пощаде;
Вырывая из почвы деревья в полном расцвете,
Гамадриад разгоняет, рушит речные долины,
Оставляя без дома нимф, обитающих в реках.
Бассариды бежали в ужасе перед богом,
Сатиры в море искали убежища в страхе великом,
Нет, никто даже близко подойти и не смеет,
В страхе, что одержимый на них набросится с ревом,
Белые хлопья роняя с губ (о, признак безумья!).
Дериадей же с отвагой двойной на вакханок стремится,
Ибо низвергнут Бромий по наущениям Геры!
Словно бы зимнею бурей, вздымающей валкие зыби,
Несудоходное море поднято к самому небу,
В коем до туч поднебесных несется белая пена,
Где и канаты и снасти срывает бушующим валом,
Паруса истерзавшим, где ветры гнут неустанно
Мачту вместе с льняными растяжками и снастями
Вкруг обвившихся рей, и брус поперечный ломают,
Где мореходцы надежду на жизнь уж похоронили -
Так на Вакхово войско индийский Арей напустился!
Более не было строя в битве или порядка
В единоборствах, неравны силы отныне казались,
Ибо вернулся к сраженью медный Арей неустанный:
Принял он облик Модея, ненасытимого битвой,
Коему в радость казались безрадостные убийства,
Кровопролитие боле застолья его веселило,
Нес на щите он Медусы лик прекрасноволосый,
Темя ее оплетали аспиды, словно кустарник;
Равен Дериадею сей воин, обликом схожий
Неулыбчивым, страшным, неумолимым, суровым
С повелителем индов, схож и оружьем, и гербом!
Словно Арей ярился он в самой гуще сраженья,
Помощь своим подавая. Вопль испустили единый
Инды бесстрашные, видя, что нет в сражении Вакха.
Вскрикнул Арей всегубящий как рать из тысячи воев -

Рядом Эрида летела, и в битве свирепой и ярой
Фобос и Деймос встали подле Дериадея.
В дебрях Бромий скрывался, и пред повелителем индов
Рать бежала, гонима Ареем - и спал Громовержец!
Все смешалося в битве беспорядочной, в коей
Бассарид ополченье недруги окружили,
Многих поубивали в этом бегстве единым
Взмахом железного дрота - молвите, о Гомериды
Музы, кто пал, кто убит от дрота Дериадея!
Айбиало́с, Тиами́с, Орме́ниос и Офе́льтес,
Кри́асос, Аргаси́д, Теле́бес, Антей Ликтийский,
Тро́ниос и Аре́т, Молене́й, копьеборец умелый,
Ко́маркос храбрый, могучий - всех их копье поразило
Дериадея (о, войско мертвое!)... Павшие в битве,
Кто на песке простерся, кто у вод быстроструйных
Принял свою погибель, кто у самого моря,
Прямо у скал прибрежных, настигнут дротом железным,
И Нерей арабийский павшим стал погребеньем!
Этот бежал по горным тропам быстрой стопою,
Керы своей убегая, а этот, дротом умечен
В спину, заполз в кустарник, в самую гущу деревьев,
Бромия умоляя бежавшего о спасенье.
Пал Эхе́лаос юный на землю непогребенным,
Пораженный скалою, пущенной дланью Моррея,
Был он с Кипра и первый пушок покрывал его щеки,
Пальме стройной подобный. В этой яростной битве
Юноша нежный, чьи кудри никем не стрижены были,
Светоч сжимая во дланях, сраженный там, где природа
Соединяет бедро со туловом костью сустава...
Умер он, крепко сжимая во дланях светоч священный
Из сосны, еще тлевший, и огнь от факела пряди
Также зажег, и в пепел вместе они обратились!
Жестокосердный воскликнул Моррей, над ним надсмехаясь:
"Мальчик, чужой ты отчизне, вскормившей тебя понапрасну!
Милый Эхе́лаос, лжешь ты, что родом с самого Кипра!
Разве от Пигмалиона ты происходишь, Киприда

Коему многие лета дала и доброе здравье?
Разве помог тебе ныне Арей, соложник богини?
Ведь тебе Киферейя бега годов неисчетных
Юному не даровала иль колесницы катящей
Без остановок, чтоб смог ты бежать от судьбы на повозке,
Долго правя упряжкой мулов с бегом неровным!
Нет! Ошибся я! Родом ты всё же с прибрежия Кипра:
Дал Арей тебе гибель такую ж, как отпрыску Мирры!"
Молвил Моррей-копьеборец и снова бросился в битву:
Би́лита он сражает хромого и Дентиса дротом,
Сносит голову с плеч Эри́гбола, буйного в пляске,
Дротом далекоразящим рассеял фригийцев отряды,
Наземь низвергнул Себея, метнув скалистую глыбу,
За ополченьем фиванцев и за Антеем погнался,
Воя сразил Эвбота, жителя пашен кадмейских,
Согражданина Актея. Крик один раздавался,
Словно из глотки огромной, когда пытались спастися
Дрота Дериадея и Мойры неумолимой,
Избегая ударов одного человека,
Падали друг за другом словно целою ратью,
В прах кровавый валились, громоздясь друг на друге -
Кри́мисос, Химале́он, Та́ргел, Иа́он и Фрасий.
Средь бесчисленных павших в битве покоился Койлон,
Ки́эса мертвое тело покатилось за ними...
Все описать невозможно: от всех убитых железом
Острым твердь напиталась, залита кровью обильной,
Ливень приявши щедрый Эниалия бога.
Ужас Вакхово войско охватил: и бежали
Пешие без остановки, а конные, поднимая
Коней своих на дыбы, поворачивали из битвы
В страхе... Кто в горы спасался, в укрытые в скалах пещеры,
Кто в ущельях лесистых, в чащах искал спасенья;
Тот, обезумев, в берлогу забрался медведя лесного,
Бегством иной спасался на горной вершине скалистой,
Быстрой стопою достигнув горного плоскогорья...
Вот побежала вакханка мимо укрывища зверя,
Только принесшего деток, робкой стопою по скалам -

Но боится остаться в логове львицы свирепой,
Ищет она среди горных склонов лежбище серны
В страхе великом, ибо вакханки нрав изменился -
Бьется в груди ее сердце лани робкой, не львицы!
Сатиры, ветра быстрее подгоняемы страхом,
Побежали (как вихорь ноги босые мелькают!),
Быстро спасаясь от дротов грозных Дериадея.
Старец Силен почтенный кинулся в горные долы,
Слабы его колена - часто он спотыкался,
Падал наземь он часто ликом во прах, несчастный,
Но поднимался, косматый, снова, но не для сраженья,
А чтоб укрыться в скалах... Копье же Эвия бросил
С тирсом, чтоб ветры и бури о нем попеченье имели,
Думая только о бегстве от дротов блестящих Моррея!
Эрехтей понемногу, заплетаясь стопами,
Отступает, часто озираясь и глядя
По сторонам, стыдяся защитницы, отчей Афины;
Аристей, уязвленный в левую пясть стрелою,
Вынужден битву оставить за менад и Лиэя.
Войско неистовое копейщиков-корибантов
Мелиссей оставляет, в грудь косматую ранен,
Эритрейское жало в тело глубоко проникло.
Грозные в битве киклопы, устрашены не на шутку,
Бросились с поля бесстыдно, и вместе с ними несется
Фавн, хоть никто и не гонит из битвы с индами кметя!
Пан паррасийский, старейший, отряд роголобый с собою
Уводил потихоньку в темную чашу лесную,
Дабы отзывчивой девы Эхо насмешек не слышать -
Ибо увидит бегство непостоянная дева,
Станет язвительно кликать насмешки и поношенья!
Все вожди отступили, Айакóс один лишь остался,
В этой схватке свирепой упорно и яро сражаясь,
Хоть он не видел подмоги победного Диониса,
Оставался на месте. Нимфы, девы речные,
Скрылись в черных пучинах быстроструйных потоков,
К нимфам Гидаспа одни, к наядам Инда другие

Бегством спаслися, ныряя в воды соседние быстро,
Прочие к сидриадесским струям бежали, иные
К водам спасительным Ганга, где грязь кровавую смыли -
Он же дворцы водяные беглянкам, гостеприимный,
290
Предоставил, и сразу среброногая нимфа
Встала у врат и в доме приняла их девичьем!
Бегством спаслися иные в убежища гамадриады
Темнолистные, в дуплах скрылись могучих деревьев.
Многие бассариды укрылись в потоках подгорных,
Словно слезами текущих - и там от плача беглянок
Нимф потемнели потоки, заалели глубины,
Застонали от горя; печалились нимфы по Вакху,
Богу, который вовеки печали и плача не ведал!

Песнь XXXIII

В песне же тридцать третьей Эрос неукротимый
Укрощает Моррея Халкомедейи красою!

Бог в это время несся, не разбирая дороги,
Словно бык круторогий, неистовыми скачками,
Хрипы и вздохи срывались с губ, обуянных безумьем;
Резвоцлесничная дева Харита в саду эритрейском
Благоуханные стебли тростника собирала,
Дабы в огнем опаленных священным пафийских сосудах
Приготовить из масла ассирийского с корнем
Индским крепкодушистым благовонья хозяйке.
Вот, срывая росистый стебель и даль озирая,
Вдруг увидела в чаще она соседнего леса
10 [11]
Вакха, родителя бога, охваченного безумьем.
Дева заплакала горько, и в знак печали и плача
Стала терзать ланиты до крови ногтями Харита.
Увидала, что с поля брани сатиры мчатся,
Различила Кодону и Гигартóн, что в ранах
Пала во прах, умирая, оставшись непогребенной,
Халкомеде она сострадала резвоплесничной,
Что спасалася бегством от бурного дрота Моррея,
А ведь когда-то боялась девы розоволикой,
Чья красота могла бы затмить и блеск Афродиты!
20 [21]
Скорбно она к Олимпу взошла, но горе в молчанье
По родителю Вакху дева в сердце скрывала,
Смертная бледность покрыла щек цветущих румянец,
И омрачилось сиянье прекрасного лика Хариты.
Мужа Адониса древле любившая Афродита
Обратилася к деве, в печали ее утешая,
Паситеи беду поняв по безмолвному лику:
"Милая дева, что страждешь - ты ликом переменилась!
Кто же девичий румянец согнал с ланит белоснежных?
Кто угасил сиянье весеннее этого лика?
30 [31]

Что серебром не лучится как и прежде юное тело,
Что не смеются очи твои как прежде бывало?
Молви о всех печалях! Ужель и тебя умети л
Сын мой, ужели влюбилась, по долинам блуждая,
В пастуха как Селена? Ужель как Эригенейю
И тебя мой Эрос жалом жгучим изранил?
Знаю сие, ибо бледность ланиты покрыла, и Гипнос,
Сумрачный странник, желает видеть тебя лишь супругой..
Но принуждать я не стану силою, ведь не смею
Смуглокожего бога сопрячь с белокожей богиней!"
40 [41]
Так рекла, а Харита заплакала и сказала:
"Сеятельница живого, матерь сладких томлений,
Не влюблена в пастуха я, Гипнос меня не заботит,
И не грозит мне судьбина Селены и Эригенейи,
Скорбь меня охватила по родителю Вакху,
Ибо Эринии разум его поразили - о, если б
Защитила ты брата кровного, Диониса!"
Молвила, и о бедах отца госпоже рассказала,
Про бассарид ополченье, коих Моррей убивает,
И про сатиров бегство, как демонов бич жестокий
50 [51]
Сводит с ума Диониса, бегущего в чащи лесные,
Как Гигарто простерлась, трепещущая, среди крови,
Как до срока погибла Кодона; стыдясь и смущаясь
Описала страданья прекрасной Халкомедейи...
Побледнела внезапно, ликом переменилась,
Смех оставила звонкий улыбчивая Афродита!
Вестницу кличет Аглаю, чтоб призвала она сына,
Ярого Эроса, мощным крылом секущего небо,
Первопричину продленья племени человеков.
Тронулась в путь Харита, пред собой озирая
60 [61]
Небо и море с землею, не сыщется ль где-нибудь в мире
Эроса след незаметный, ведь может крылья раскинуть
Он в четырех пределах этого круга земного.
И отыскала бога на высях златого Олимпа:
В кóттаб играл он, капли нектара в чаши роняя.
Рядом стоял ровесник, товарищ по милым забавам,
Гименей благовласый; от матери гордопремудрой,

Ведающей о ходе созвездий небес, Уранйи,
Мяч получил он округлый, в игре поставил наградой,
Чья из узоров поверхность подобилась Аргуса телу!
70 [71]
Эрос, мальчик кудрявый, выставил ожерелье
Золотое, изделье искусное, что Афродите
Принадлежало морской, как награду. Чаша меж ними
Из серебра стояла, в середине которой
Изваяние Гебы виднелось. И виночерпий
Ганимед был судьею в этой игре-состязанье,
В дланях венок воздымая. Кому же первому бросить
В сей игре предстояло - решали выбросом пальцев:
То они открывали ладони, счет начиная,
То держали друг друга за пясти, менять не давая
80 [81]
Счета пальцев - картина состязания взоры
Чаровала! Кудрявый Гименей, чтоб начальный
Выиграть ход, чтобы капли нектара метко добросить
К чаше серебряной с Гебой, взмолился матери Музе
Горячо - и взметнулись в воздухе нектара капли,
Взмыли дугою высокой прямо над самою чашей,
Но с пути соскользнули, неверно направлены, мимо,
Прежде чем вниз устремиться вновь, едва лишь коснулись
Статуи темени, даже и отзвука не оставив!
Эрос, бог хитроумный, вторым приготовился бросить
90 [91]
Нектара сладкие капли, но прежде Кипрогенейе
В сердце своем он взмолился и взор устремивши к цели,
Бросил высоко и прямо к статуе капли направил.
Быстро летели капли с пути не свернув ни хоть сколько,
С высшей точки полета стали падать на темя
Статуи, шлепая звонко - громко эхо звучало!
Идол серебряный весь зазвенел и в чаше победно
Отозвался, златого сына Кипрогенейи
Выигрыш знаменуя - венок Ганимед ему отдал!
Быстро схватив ожерелье, не позабыв и о круглом
100 [101]
Мячике, ибо в игре овладел он двойною наградой,
В пляс пустился мальчишка, обрадованный победой,
Эрос дерзкий и меткий, и в радости веселяся,

Гименея ладони пытался отнять от лика.
Встала рядом Аглая, из дланей прияла награду
Сладких томлений владыки, после отводит в сторонку,
И призывая к молчанью, Эросу молвит на ушко
То, что сказать повелела словом лукавым хозяйка:
"Всеукрощающий! Неукротимый! О, жизни податель!
Поторопись! Киферейя просит! Одна ведь осталась,
110 [111]
Ныне богиня - Харита ушла, Пейто убежала,
Потос непостоянный исчез, только я и осталась,
Дабы, владыка, явиться к тебе за стрелой всепобедной!"
Молвила только, а Эрос уразумел уж посланье!
Ибо понятлива юность, и не окончены речи,
А она уже начало, конца не дослушав, познала!
Так он, вспыхнув, воскликнул, и гневная речь полилася:
"Кто же обидел Пафийку? На всех и на всё ополчуся
За нее! Коли матерь будет в печали и в страхе,
Непобедимой стрелою я и Зевеса умечу!
120 [121]
Так что в неистовой страсти взмоет орлом в поднебесье
Снова иль кинется в море быком, разрезающим зыби!
Если обидела дева Паллада иль Хромоногий,
Кекропийское пламя снова на матерь подвигнув,
Стану с обоими биться, с Афиною и Гефестом!
Ежели Лучница снова, Звероубийца, вспылила -
Горний меч Ориона высмотрю в поднебесье,
На Артемиду направлю, на землю повергну богиню!
Резвоплесничного Майи отпрыска унесу я
Вдаль на крылах, пусть кличет Пейто свою понапрасну!
130 [131]
Я и без стрел всемогущих, лука с колчаном не тронув,
Усмирю Аполлона лавром густоветвистым
И свяжу говорящим венчиком гиацинта!
Не трепещу я пред мощью Эниалия-бога -
Сладостным поясом страсти опутаю руки и ноги,
Двух божеств лучезарных совлеку я на землю
И отправлю на Пафос, в спутники к матери милой,
Фаэтонта с Клименой, Эндимиона с Селеной,
Дабы и боги узнали, что всех я в мире могучей!"
Молвил и быстрой стопою прянул в высокое небо,

140 [141]
И быстрее гораздо Аглаи с парою крыльев
Он оказался в жилище разгневанной Афродиты.
Встретила мальчика тут же, радуясь сердцем, богиня,
Заключила в объятья, приподняла, посадила
Эроса на колени, милое бремя, и сладко
Целовала его в уста и в очи, ласкала
Данию лук и стрелы, дотрагивалась до колчана,
И говорила будто во гневе хитрые речи:
"Ах, дитя, ты забыл Фаэтонта и Киферейю:
Пасифая не хочет с быком любовного ложа,
150 [151]
Надо мною смеется Гелий! Астридово семя,
Внука, Дериадея в сражение ополчает
На погибель вакханкам женолюбивого Вакха!
Сатиров Бромия страстных хочет сгубить, уничтожить!
Боле всего тревожит, что в облике смертного мужа
Бурного в битве Арея и Энио ополчает,
Невзирая на прежний пыл его к Афродите,
По наущениям Геры против идет Диониса,
Индов царю поборая... Что ж, коль Арей пособляет
Дериадею, сражайся ты за бога Лиэя!
160 [161]
Дрот у него - но лук твой сильнее гораздо, пред ним же
Зевс всевышний склонялся, Арей могучий, Гермеса
Сила, и Стреловержец сам сего лука страшится!
Милый мой мальчик, ах если б Пеннорожденной помог ты,
За бассарид сражаясь, за нашего Диониса!
Поспеши же к эойским пределам земли поскорее,
К индов просторной равнине, где есть служанка Лиэя
Среди войска вакханок, сияющая красотою,
Именем - Халкомеда; ведь если деву эту поставить
С Афродитою рядом на отрогах Либана,
170 [171]
То не смогут, мой мальчик, выделить Афродиту!
Так ступай же туда и безумному Дионису
Помоги, и Моррея сразу красой Халкомеды!
Дам я тебе награду благую за выстрел из лука,
Скованный богом лемнийским венок, сияньем подобный
Гелия жаркому свету! Сладкое жало метнувши,

Ты угодишь обоим, Киприде и Дионису!
Так почти нашу птицу, вестницу сладких желаний,
Знак сочетания в счастье, счастливого сердца во браке!"
Молвила - Эрос от лона матери спрыгнул мгновенно,
Лук сжимая покрепче, колчан закинув за плечи,
В коем стрелы теснились всеукрощающей страсти!
Прянул пернатый мальчик в неба просторы, близ Керны
Развернул он крылья против Эос искристой,
Улыбаясь тому, что лучистого в небе возницу
Некогда он спалил огнем своей крохотной стрелки,
Так что сияние страсти затмило сияние Солнца!
Вскоре он оказался в средине индского войска,
Лук опирая о выю прекрасной Халкомедейи
И овевая ланиты оперением жала,
В сердце умети л Моррея стрелою... После, взбивая
Воздух своими крылами, прянул обратно он в небо,
Прямо к воротам отчим, мерцающим средь созвездий,
Инд оставив горящим пламенем пылким любовным!
Сладкотомное пламя тело его охватило -
Бросился вслед за девой Моррей, злосчастный влюбленный,
Меч уже не вздымая, вращая копьем понапрасну.
Жалило буйное сердце только одно лишь желанье,
Сделался хмелен от страсти, взоры по кругу блуждали,
Лишь о Киприде и думал в неукротимом томленье!
Нимфа же с полководцем индов всего лишь играла,
Изображая вздохи и разного рода томленья
Девы влюбленной, и сердце Моррея взлетело до неба
В глупой надежде на счастье... Он мыслил: в сердце девичьем
Равная страсть пылает, что так же и дева томится;
О, безумный! - он мыслил благоразумную кожей
Черной своею прельстить, забыл он, каков его облик!
Но смеясь и лукавя в сердце коварном, вакханка
Близостью бедного дразнит, сказанье одно открывает
Недругу: как бежала некогда некая дева
От быстроногого Феба, подобного ветру Борею,
Как несчастная встала подле брега речного,

Уперевши девичьи стопы́ о струи Оронта,
Как земля расступилась у почвы зыбкой приречной,
В лоне гонимую деву из состраданья укрывши!
Развеселилося сердце Моррея от были древнейшей,
Только одно и печалило: ведь гонимую Дафну
Аполлон не настигнул и страстью не насладился...
Звал он медлительным Феба, Гею тем попрекал он,
Что сокрыла беглянку, не познавшую брака,
220 [221]
Сладостным жаром пылая, он трепетал и страшился,
Что Халкомеда любимая, точно как некогда Дафна
Пустится в быстрое бегство, девичество оберегая,
Как бы ему не остаться ни с чем, как Фебу когда-то!
Вот и ночной спустился мрак, окончилась битва,
И, одна, Халкомеда в чаще лесной блуждала,
След обнаружить желая безумного Диониса.
Не было с нею ни роптров, ни Рейи кимвалов презвонких,
Кои обряды Лиэя бессонного возвещали,
Шла она тихо, печально, не мысля о пляске веселой,
230 [231]
Губы молчанье хранили, столь непривычны к молчанью -
Ибо она понимала болезнь спасителя бога!
Робко и спотыкаясь Моррей вперед пробирался,
По сторонам озираясь, деву пытаясь увидеть,
Проклинал Фаэтонта поспешность, в мыслях царила
Мужа одна Халкомеда, шептал он нежные речи,
Голос его прерывался в безумье Кипридиной страсти,
Ибо ночные стрелы томлений сердце язвили:
"Прочь, о луки и стрелы Арея, могучей оружье
Сердце мое пронзило! Прочь, щиты и колчаны,
240 [241]
Сладкое жало желанья меча и дрота сильнее!
Не ополчусь против войска вакханок неистовых боле,
Отчего бога и землю, и влагу родную оставив,
Жертвенник я воздвигну Киприде и Дионису,
Бросив медный дрот Эниалия и Афины!
Боле не жжет меня пламень битвы, неумолимый
Эниалия светоч пламя страстей победило!
Нежным огнем я охвачен! Ах, если б в толпе суматошной
Сатиров мне оказаться нагих, забыться бы в пляске

Посреди бассарид, хотя бы ладонью коснуться
250 [251]
Локтя ее иль в объятьях сжать мою Халкомеду!
В край Дионис фригийский прислужника Дериадея
Пусть уведет под игом рабским, чтоб жил в меонийских
Я пределах, не в отчих, средь нив плодоносных, обильных!
Тмола, а не Кавказа желаю, хочу я отныне
Отчее имя инда отбросить и зваться лидийцем,
Эроса зваться рабом, склонившимся пред Дионисом!
Пусть Пактола потоки несут меня, а не Гидаспа!
Пусть Халкомеды жилище станет мне сладостным кровом!
Вакх и Киприда в битве объединясь, победили
260 [261]
Кровников Дериадея, пусть люди ныне промолвят:
"Страсть сразила Моррея, а тирс низвергнул Оронта!"
Так восклицал он, томяся - и мыслил о Халкомеде
Только единой, в смятенье чувств и мыслей, во мраке
Разгоралось сильнее пламя страстных томлений!
Вот уж и плотный сумрак безоблачный и бесшумный
Двигаясь сам собою, чернотою окутал
Все в этом мире, покровом и безмолвным, и зыбким.
Ни единый прохожий во граде не появился,
Ни одна из работниц не занималась работой,
270 [271]
И ни единой прялки под светочем не кружилось,
Круг совершая бессменный колеса неустанно
В пляске неостановимой из пряжи тянущего нити.
Жен прилежных сморила за светочем негасимым
Дневная злая работа, и даже ползучие змеи
Спали там, где заснули, гла́ву хвостом обвивая,
В кольца свернув тугие гибкое длинное тело.
Некий слон у соседних городских укреплений
Сладостным сном охвачен, спиной опирался о древо...
Только один бессонный, не ведающий покоя,
280 [281]
Ныне Моррей блуждает по граду без толку и цели.
Вот он жену Хейробѝю спящею оставляет,
Вспоминает, шагая, сказанье о страсти древнейшей,
Что средь мужей киликийских, живущих у Тавра, ходило:
Узнает он жертву жала желанья в созвездьях,

Смотрит на дом небесный, парящий в горнем эфире,
Поминая Европы соложника, вышнего тура.
К северу обращает внимательный взор ревнивый,
Каллисто́ замечает и созвездье Повозки
Неподвижное видит - сразу же вспоминает,
290 [291]
Как под женским обличьем Лучницы к нимфе проникнул
Дий незримый... Подъявши взор свой Тельца повыше,
Миртила зрит, что древле пламенным был возничим,
Что способствовал браку и Гипподáмейю-деву,
Подменив восковую сту́пицу на колеснице,
Пелопу все-таки выдал... Рядом с Кассиопеей
Крылья орел раскинул, соложник девы Эгины,
Сам же он вдруг уловок таких возжелал, чтобы рядом
Насладиться любовью с еще незамужнею девой...
И, бессонницей мучаясь, молвит он слово такое:
300 [301]
"Знаю как принял образ сатира Зевс всемогущий,
Дабы в облике этом деву поять Антиопу,
Насладившись любовью на радостных торжествах брачных;
Я желаю того же облика, чтобы в веселой
Пляске средь благорогих сатиров веселиться
И с Халкомедою-девой на ложе любви сочетаться!
Знаю теперь, Киферейя, почто ты на индов гневишься:
Жалят их дроты за то, что Гелия инды соседи,
Ты ведь забыть не в силах, как он тебя видел в ловушке!
Не Фаэтонт мой родитель - почто, Афродита, гневишься?
310 [311]
Не Пасифая мне матерь, быка соложница, даже
Ариадне не брат я! Камни и скалы, кричите:
По Халкомеде томлюся - она не желает О дроты,
Прочь! Смертоносные копья, прочь и быстрые стрелы!
И Арей не спасает от ярой в бою Афродиты!
Не победил меня Бромий - Эрос-малютка низвергнул!"
Так в ночи понапрасну в стонах Моррей изливался.
Сладкого Гипноса крылья над девою не простирались
Халкомедой беглянкой, - смерти вакханка искала,
В страхе перед безумным Морреем, страшилась, что страстью
320 [321]
Муж ослепленный принудит любовью ее сочетаться

С ним, ведь Вакха-владыки нет... К зыбям эритрейским
Путь она направляет в ночи и к волнам взывает:
"Ах, Мели́с, сколь блаженна ты, ведь не зная томлений
Страсти, ты мчишься по пенным зыбям Океана привольно,
Избежав домогательств безумного Дамнеменея!
Счастлив девичий удел твой! Томимого похотью мужа
На тебя ополчила пены дочь, Афродита -
Но хранит тебя влага, хоть и матерь Пафийки,
И умрешь ты в пучинах девушкой... Если б морская
330 [331]
Зыбь взяла Халкомеду, укрыла в глубях соленых,
Дабы она избежала безумных желаний Моррея!
Я бы тогда назвалася новою Британартидой,
Брака бегущею девой, за море убежавшей,
Дабы Миноса страсти в новой отчизне избегнуть!
Нет, не страшит меня похоть земли колебателя, бога
Посейдона, как древле Астери́ю страшила,
Гнал он ее неустанно по морю, пока Стреловержец
Остров, бегущий по водам под веяньем ветров свирепых,
Неподвижным не сделал, укоренив его в тверди!
340 [341]
Ах, прими меня, влага, в гостеприимное лоно,
После Мели́с - Халкомеду, новую Британартиду,
Что отказалась от брачных утех ненавистного мужа,
Дабы спаслась от Моррея и от самой Афродиты
Халкомедейя! О, сжалься! Спаси беззащитную деву!"
Молвила так, с мольбою к пене морской обращаясь.
И заплескалися зыби круговратные моря,
Ибо Фетида на помощь пришла служанке Лиэя;
Облик свой изменивши, предстала пред Халкомедой
В образе девы-вакханки с утешительным словом:
350 [351]
"Будь же смелей, Халкомеда, не бойся ложа Моррея,
Явлено мною знаменье твоей девической чести -
Нет, никто не посмеет осквернить твое ложе;
Пред тобою Фетида, и браку я тоже враждебна,
Как и ты, Халкомеда; меня преследовал так же
Вышний Зевес своей страстью, хотел к любви приневолить,
Если б не прорицанье древнего Прометея,
Что от меня родится потомок, Кронида могучей

Не пожелал он, чтоб отпрыск Фетиды сильней оказался
И родителя свергнул, как Зевс это с Кроном содеял!
360 [361]
В хитрость пустись и спаси нас! Ибо коль скоро погибнешь
Так и не сведав страсти пылколюбовной без мужа,
Инд могучий все войско вакханок нынче погубит.
Ах, обольсти же лукавством Моррея, спасешь ты от смерти
Войско безумного Вакха, бегущее с поля сраженья!
О, притворись, что пылаешь Пафийки пламенем, если
К ложу Моррей, сей воин, потащит тебя против воли,
То не противься Киприде - ведь есть у тебя и защита,
Оплела твое лоно змея, что тебя охраняет!
После победы возьмет змею твою в горнее небо
370 [371]
Дионис, и в круге созвездий она засияет!
Вечный девичества вестник, твоих нетронутых чресел,
Близ светил лучезарных Короны, когда сотворит он
Ариадны Кидонки сияющее созвездье!
Северному Дракону равна Змея твоя станет,
Над землею сияя вместе со Змееносцем!
После восславишь Фетиду морскую, когда ты увидишь
Пламенное созвездье, блеском подобное Мене!
Не страшись домогательств! Никто из мужей не развяже-
Пояс девичий на чреслах нежелающей девы -
380 [381]
Я клянусь Дионисом, вкусившим яств от Фетиды,
Я клянусь его тирсом и Афродитою пенной!"
Молвила так, утешая, и облак вкруг девы сгустился,
Страж ни единый вакханки в сумраке этом не видел,
Ни один соглядатай, крадущийся шагом неслышным,
Иль козопас запоздалый, обуянный желаньем
Деву какую схватить и любви у дороги предаться!

Песнь XXXIV

В песне тридцать четвертой Дериадей нападает
На ополченье вакханок вне городских укреплений!

Дева горной тропою быстро и тихо ступая,
Воротилась в густые заросли дикого леса,
Но Фетида за нею не пошла, а в пучины
Отчие погрузилась, вернулась в жилище Нерея.
Созерцаньем небес прозрачных в сияющих звездах
Ратоборец Моррей насытился предовольно,
Молвив в неутоленном сердце речи такие:
"Мечется дух мой без толку, не знаю, как поступить мне,
Что несчастному делать... Одни тоска да томленье
Сердце терзают напрасно, не знаю, к чему и склониться:
10 [11]
Халкомедейю низвергну ль любимую? Или, быть может,
После погибели дева меня низвергнет любовью?
Или живою оставить и невредимой, открыто
Брак предложив этой деве? Ах, в сердце своем трепещу я
Дериадея, и жаль мне супруги моей, Хейробйи!
Не желаю я смерти вакханки, но если низвергну
Деву, то как же на свете жить мне, ее не встречая?
Без Халкомеды мне больно и час единый в сей жизни!"
Так Моррей изливался в жалобах и стенаньях,
Раздираем на части страстию неутоленной.
20 [21]
Вот сего ратоборца, идущего вдоль побережья,
Позабывшего напрочь жену одинокую в спальне,
Хиссакос видит верный, и так как был он разумен,
То догадался по виду о тайном жале желаний
Оного, смелый служитель; измыслив хитрое слово,
С ним он и обратился к воину, речи вещая:
"Что ты, ложе оставив и дремлющую супругу,
Бродишь, скитаясь во мраке, Моррей, не знающий страха?
Или Дериадея отныне упреков боишься?
Или тебя Хейробия гневная приревновала,
30 [31]

Заподозрив в желанье сойтись с плененной вакханкой?
Ибо когда супруги видят мужей, обуянных
Страстью, подозревают тайную сразу зазнобу!
Может, всеукротитель Хи́мерос ополчился
Против тебя стрелою пламенной из колчана?
Не возжелал ли вакханки ты некой? Ибо я слышал,
В мире есть три Хариты, насельницы Орхомена,
Верные Феба служанки, а у хороводника Вакха
Сотни три сих плясуний, из коих единая дева
Всех превосходит красою своей лучезарной и точно
40 [41]
Затмевает сияньем яркие в небе созвездья,
Яркостью несомненной соперничая с Селеной!
Дева двойным оружьем на битву вооружилась -
Красотой несравненной и железом изострым!
Паситея под шлемом вакханками в ополченье
Халкомедой зовется, а я бы назвал Артемидой,
Среброногой богиней иль златощитной Афиной!"
Молвил и тут же у молкнул. Брови страдальчески хмуря,
Слов стыдясь неподобных, Моррей злополучный ответил:
"Видно, и вправду Бромий, погрузившись в пучину
50 [51]
В страхе перед Ликургом, в лоне зыбей пучинных
Ополчил нереид, и с самого дна морского
На ратоборца Арея сестра ополчилась Киприда,
Вместо девичьих тканей хитона благоуханных
Панцырь железный одела; не пояс ее препоясал -
Дрот изострый во дланях! Имя свое изменила,
Назвалась Халкомедой латная Афродита!
С Бассаридами вместе воюет, с обоими биться
Должно и мне отныне, с Кипридою и Дионисом!
Ах, понапрасну вздымаю дрот могучий, оружье
60 [61]
Надо бы прочь! Коль Пафийка могучей метателя молний,
Коль ратоборца-бога сразила пламенем жарким,
Коли огонь Фаэтонта своим она победила,
Огненосца низвергнув - что сделаю я железом?
Молви мне хитрость какую против Кипрогенейи!
Эроса мне ли уметить? Мне ли с пернатым сражаться?
Дрот подниму - он бьется пламенем, меч воздымаю -

Луком грозит и стрелою огненной в грудь поражает!
Часто бывал я ранен в битвах, но врачеватель
Исцелял мои раны жизненосным искусством,
70 [71]
Всецелительный корень возлагая на язвы.
Хиссакос! Не утаи же, какое целение знаешь,
Исцелить мое сердце от язвы сердечных томлений!
Не пугал меня недруг, но только зрю пред собою
Деву Халкомедейю - слабеет жало оружья!
Не страшусь Диониса, но девою дивной низвергнут,
Ибо сиянием лика она любовь пробуждает,
Жаля в самое сердце - и жала не удалить мне!
Нереиду какую будто я вижу, и словно
Галатея с Фетидой Бромию поборают!"
80 [81]
Молвил, и осторожно на кончиках пальцев ступая,
Дабы не пробудилась спящая в спальне супруга,
Снова на ложе восходит - но смуглолонной подруги
Будто бы вовсе не видит, желает только единой
Халкомеды сиянья и блеска раннего утра!
Мукой любовной сраженный, падает воин на ложе...
Верный слуга его также, Хиссакос, дремой томимый,
Сразу на щит повалился, бычьей кожей обитый.
Только Моррея глубокий сон охватил, вылетает
Из ворот, что из кости слоновой ваяны, призрак
90 [91]
И говорит ему речи обманные, утешая:
"Страждущую Халкомеду, Моррей, прими как супругу,
Станет женою желанной на ложе она после битвы,
Днем она красотою очи твои затмевает,
Ночью с тобою возляжет страстная Халкомедейя.
Мил и желанен брак и во сне, и сладостны ласки
Жара любовного даже и в твоем сновиденье...
Я обниму тебя пылко, лишь только пробудится Эос!"
Молвил призрак и сгинул... Моррей тотчас пробудился,
Эос свет увидал, похитительницы желаний,
100 [101]
Восхотел Халкомеды он снова и молвил в молчанье,
Ложной надеждой Киприды в сердце своем обуянный:
"Трижды ты, Эригенейя, блаженна: ты мне приводишь

Халкомедейю, сумрак и темень ты разгоняешь!
Явишься ты - и Моррея утешишь бессонного тут же;
О Халкомеда, что Эос румяноланитной румяней!
Хоры к нашим равнинам роз таких не приносили -
Милая дева, ланиты твои цветут как весною
Ранней сады, что не знают зимних бурь и туманов,
Ты цветешь и с приходом времени Хор осенних!
110 [111]
Лилии и под снегом твои распускаются, лик твой
И анемонов алость затмить вовеки не сможет,
Коих Хариты взрастили и коих не сгубит и ветер!
Имя твое украшает медь изострая дрота,
В имени вся твоя доблесть, Халкомедой зовешься
Не понапрасну ты, дева, от медного бога Арея
Ты и от ложа Киприды, рождающей страсти томленье!
Кличет тебя Халкомедой весь мир, я один называю
Хрисомедой - ведь мыслю красу златой Афродиты!
Думаю, ты из Спарты! Ты от Афродиты Оружной,
120 [121]
Халкомеда, по крови, сияющая красотою!"
Так он любимую славил, бодрствующий на ложе.
Вот, разливая сиянье ликом своим ярко-алым,
Лучезарная Эос провозвестила сраженье.
Ополчил громкогласый Арей всех индов на битву.
Тут же, вооружившись у быстробегущих повозок,
Встали инды вокруг колесницы Дериадея.
Войско же Диониса, не видя победного Вакха,
Выступило на равнину, но в сердце оно не имело
Мужества далее биться в битве кровавосвирепой,
130 [131]
Страхом великим объято... Не бушевало безумство
Боя под меднодоспешной грудью ярых вакханок,
Боле из тяжкорычащих глоток не вырывалось
Пены неистовой. Тихо они на бой выступали,
Дланями не ударяли кожи тимпанов и бубнов.
Светочей не возгоралось сосен эниалийских,
Пагубным дымом дышавших, словно все под ударом
Тех бичей демоницы в робких жен обратились.
Сатиры не вопили, не слышалось кликов авлоса,
В битву бодро зовущих, на поле свирепого боя

140 [141]
Шли силены понуро, не рисуя на ликах
Жидкой грязью узоров, кровь знаменующих в схватке,
Не малевали и алых ликов ложных, пугая
Недруга перед битвой, и мелом не отмечали
Белым чела, как раньше... Паны уже не пили
Крови львиц, прокусивши яремные вены зубами,
Дабы въярившись, бурно безумствуя, броситься в битву,
Но, трепеща, оробели, тихо по праху ступали,
Словно как будто боялись стукнуть о камень копытом,
Больше не прыгали в диких скачкáх неистовой пляски.
150 [151]
Дериадей свирепый в кровавую бросился схватку,
Потрясая рогами словно шлемом гривастым.
На порядки вакханок и Моррей устремился -
Не было Халкомедейи среди той Вакховой рати,
Дабы смягчить его ярость... Метал он копейное жало,
Обагренное кровью сих воительниц алой.
Дева вступила на поле, где бились мужи-ратоборцы,
Красотой засверкав, крутолукая амазонка,
В тканных тонких одеждах, блистая прозрачным хитоном
В поле: так повелела Фетида премудрая, дабы
160 [161]
Войско Вакха спасти, сраженного ярым безумьем.
Тут-то, пронзенный ликом одной из Харит, пощадил он
Целых одиннадцать дев беззащитных, Моррей ненасытный,
Думая, что Халкомеда с ними. Скрутил за спиною
Нежные длани менад, чтоб никто не смог развязать их,
И ухватив за кудри, волок по земле как добычу
К свекору Дериадею, чтоб стали рабынями в доме,
Словно бы новый выкуп брачный за прелесть супруги,
Кою добыл он войною в горах воинственных Тавра,
После чего и дочерь царскую Дериадея
170 [171]
Узами брака связал он, ровесницу Хейробию -
Ибо владыка индов хотел не брачных подарков,
Не серебра и не злата, не драгоценных каменьев,
И не требовал бычьих стад иль овечьих, иль козьих,
Нет, он желал, чтобы дщери вышли за полководцев
Так и случилось, что выдал царь и без выкупов брачных

Дочерей за Моррея, и за могу́та Оронта,
Он воителям добрым милое отдал потомство,
Хейробию - Моррею, Протонойю отдал Оронту.
Не было в мире воев, подобных сему Моррею,
180 [181]
Ибо в могучем сложенье и мощи его необорной
Индов, Геей рожденных, сила вся воплотилась,
Самородная влйлась в мужа могучесть Тифона...
И близ отрогов высоких огнепылких аримов
Он доказал свою доблесть могучую при киликийском
Кидне, вместо подарка влажную Килики́ю
Он преподнес, и безродный, взял себе доблестью знатность!
И ассирийское племя пред женихом-полководцем
Преклонило колена, под иго Дериадея
Скальную выю отрогов склонил и Тавр киликийский,
190 [191]
Кидн смирился надменный - с тех пор в киликийских пределах
Воин Моррей Гераклом Сандом всегда назывался;
Все это было раньше... Потом в жестоком сраженье
Копием беспощадным тиад он пленил и воскликнул,
Торжествуя победу, волю чувствам давая:
"Вот тебе, скиптродержец, для дочки царской добыча,
Захватил я вакханок - потом и Вакха поймаю!"
Так ответил Моррею владыка индов могучий:
200 [199]
"О, прекраснодоспешный Моррей! Твоя Хейробия,
Доблестию всемощной оплачен твой свадебный выкуп,
Города Киликии смирил ты великой победой,
Ныне и новой добычей нам угождаешь; коль хочешь,
Бассарид уведи ты во дворец Хейробии,
Дабы полнились до́мы рабынями, что же до Вакха -
Я не нуждаюсь в Моррее; неразрушимою цепью
Я скую Диониса, ярмо надевши на выю!
Только с рабыней своею да не возляжешь на ложе -
Не уподобься только индам женолюбивым!
Не заглядывайся на очи вакханок и выи
210
Белые, дабы дочерь тебя не приревновала!
Я же, лишь целое войско Бромия одолею,
В меонийскую землю вторгнусь, несметных сокровищ

В Лидии наберу, что в струях Пактола находят!
До благогроздных пределов Фригии доберусь я,
Там, где Рейя, кормилица Бромия, обитает,
Все серебро алибов в равнинах обильных разграблю,
Слитки из серебра увезу в отчизну с собою!
После город разрушу, сии семивратные Фивы,
Дом Семелы надменной спалю, где дымятся покои
Брачные, не остыв от огненных молний супруга!"
Так нечестивый владыка молвил, в дар получивши
Пленниц от храброго зятя, добычу в битве свирепой.
Он Флогúю с Агреем передает вакханок,
Повелитель, за кудри влача их, одною цепью
Длани им повязав и выстроив вереницей;
Воин Флогúй добычу, вестниц царской победы,
Через город повел. Одних повесили сразу
Под высокою аркой врат с искусной резьбою,
Крепко их обхватив удушающей выю веревкой;
В пламени жарком погибель пленниц иных настигла;
Третьих бросили в струи вод, заливших глубины
Рудников и колодцев, туда, где пучинные воды
Только вручную рабы выкачивают на поверхность
Вот уж из недр подземья пленниц крик раздается,
Еле видных во тьме, то одна кричит, то другая:
"Ведала я, что для индов земля и вода словно боги!
Правду молва говорила, и та, и другая враждебны
Равно сейчас для меня, ибо бросили посередине
Меж землей и водою нас на верную гибель,
Смерть приключится со мною вот-вот от обеих... Мне тина
Грязная ноги связала, колена поднять не могу я,
Засосала мне бедра вязкая эта трясина,
Мойрам неумолимым в очи смотрю, неподвижна;
Воды уже подступали, но я тогда не боялась,
Если б тут были потоки быстрые, чтобы руками
Я грести возмогла, рассекая черную воду!"
Молвила так, и воды обильные хлынули в горло
Прямо и принесли ей погибель без погребенья.
Сладостным жалом томимый страсти своей к Халкомеде,

Меналид безоружных Моррей толпу провожает
Через город высокий, погоняя их дротом;
Словно пастух какой овец разбежавшихся стадо
За ограду сгоняет, сбивая в единую кучу
С шерстью косматой животных посохом длинным пастушьим,
А подпаски помогают, размахивая руками,
Окружить сие стадо, чтобы овцы́ ни единой
Не отбилось от общей кучи, чтоб не сбежала
Отделившись, в кусты и где-нибудь не затерялась:
Так и толпу своих пленниц в город высокостенный
Гонит бурный воитель Моррей беззащитных вакханок,
Коих он в битве свирепой захватил как добычу.
Гонит и мыслит при этом в сердце глубокую думу,
Если бы в этой добыче жен прекрасных и нежных
Халкомеда влеклася под игом рабским и тяжким,
Женам этим подобна, чтоб мог он ее принудить
Как служанку работу дневную делать, а ночью
Ложе с ним разделять, богинь исполняя обеих
Труд - и сладкой Киприды, и славной ткачихи Афины...
Боле не оставлял Моррей-копьеборец и битвы:
Дериадею позволил напасть на женское войско,
Сам же на ратоборцев Бромия устремился,
Воев мужей пылая низвергнуть и в яростной схватке
В бегство их обратить. Но встала бурная дева,
Полной красой блистая, близ башен града высоких,
Без покрывала... И женам, коих страсти истомный
Пламень безумит, она подражать движеньем старалась ~
То вращала очами, то пояс она распускала
На хитоне прозрачном - сосцы розовели сквозь ткани
Видя сие, наслаждался Моррей лицезрением персей,
Тесно прижатых друг к другу под пеплосом девы белейшим...
Камень взяла Халкомеда округлый, диску подобный,
Столь огромный, что тяжек был бы и для повозки,
Дланью искусной метнула в Моррея со шлемом прекрасным,
Камень взметнулся в воздух, грозный звон издавая,
В сердце щита ударил, там, где образ изваян

Был Хейробии из злата, во всем подобный сей деве, -
И глава изваянья надвое раскололась
Вместе с ободом крепким; лик его исказился,
Всю красоту уничтожил округлого лика сей камень...
"Счастлив мой щит!" - помыслил Моррей, и снова и снова,
В сердце смеясь, себе речи такие тайные молвил;
"Храбрая Халкомедейя! Пейто розоперстая, нежный
Образ Киприды и новой благодоспешной Афины!
Эригенейя-вакханка! Незаходящая Мена!
Лик резной Хейробии на щите ты разбила -
Если б ты горло пронзила живой супруги оружьем!"
Так он сказал, устремившись под стены за девою вольной,
Клича грозные речи, меча и копья не касаясь,
Жала слов изрыгая на деву, не острые стрелы,
Только для виду оружьем бряцал, его в ход не пуская,
Звуками битвенных воплей обманывал и устрашал он,
Луком изображая ярость битвы свирепой,
В сердце ж смеялся, надежду радостную лелеял
Вот метнул мимо цели, играя, копье боевое,
Ужасая обманно - пустилась противница в бегство -
Веющей бурно моряне бег ее быстрый подобен!
Ноги ее неустанно над землею мелькают,
А ветерки поднимают кольца волос, обнажая
Выю и рамена, вызывая зависть Селены.
Следом мчится Моррей, но приберегает силы,
Жадно выслеживая сквозь промельк ступней обнаженных
Розовые лодыжки девы, обутой в плесницы,
Вьющейся по ветру прядью волос ненасытно любуясь -
За Халкомедою гнался так он, и речи такие
Сладостные изливались из уст Моррея молящих:
"Остановись, Халкомеда, для битвы любовной останься,
Ты красотою спасешься, не бегством, ведь ко́пья не ранят
Так, как ранит мужчину огонь любовных томлении!
Я ведь не враг, о, не бойся! Низвергнуто красотою
Милой твоей боевое копье из меди изострой!
Ах, не надобно ныне щита иль меча, ты сияньем

Красоты поражаешь словно копьем необорным,
А ланиты могучей, чем даже и ясеня жало!
Сила рук ослабела моих! И вовсе не чудо,
Что победное жало низвергнуто, если Киприда
Превратила и бога Арея могучего в деву!
Верным сатиром сделай меня, пусть в битве свирепой
Инды всех побеждали, пока держал я оружье -
330 [329]
Ныне, коли желаешь, послужу Дионису,
Ныне, коль пожелаешь, рази меня в пах или в выю!
Смерти я не бегу от дрота девы-вакханки!
Только оплачь, коль погибну, и слезы Халкомедейи
Из пучины Аида выведут павшего воя!
Дева, что ж ты трепещешь при виде копья боевого?
Вьющиеся по ветру над нагими плечами
Волосы видя, я шлем свой гривастый наземь бросаю!
Видя небриду, я панцирь бросаю наземь с оружьем!"
Молвил - она же бежала, смешалась с вакханок толпою,
И исчезнув из виду ратоборца Моррея,
340
Стала храбро сражаться против мужских ополчений!
Но от натиска войска вражьего отдыхали
Вакховы ратоборцы, пока отвлекали Моррея.
Бассарид же порядки гнал до самого града
Дериадей мечом, пока за огромные.башни
Во врата не загнал их, стаю воительниц ярых,
За высокие стены. Так, гонимы железом,
Внутрь укреплений вбежали они, из дебрей родимых
Изгнаны, там и блуждали в полном смятенье вакханки,
В путанице переулков. Кто в сторону Эвра бросался,
350
Кто на запад, а кто и к весперийским пределам,
К Нота равнинам иные спасались, иные к Борею
Бассариды бежали; покинуло мужество женщин,
Из менад превратились в девушек, вспомнили снова
Про любовь и про ткацкий станок, про заботы по дому,
И про пряжу в корзинке, вновь возжелали Афины
Веретенца с грузилом вместо утвари Вакха.
Смуглокожий воитель гнал белокожее войско

В этой битве свирепой меж городских укреплений!

Песнь XXXV

В песне же тридцать пятой враждебного ратоборцу
Эроса ты отыщешь вместе с убийством вакханок!

Дериадей же могучий неистово бился в сраженье,
На воителей Вакха индов царь ополчился,
То их копьем длиннотенным сражая, то разрубая
Жалом меча изострым, то мечет он горные глыбы,
То испускает из лука метко разящие стрелы.
Так он бился свирепо меж городских укреплений,
Дериадей-копьеборец. Вопль стоял многошумный
С той и другой стороны, оросились кровью обильной
Улицы и переулки града, мощенные камнем,
И убивали бессчетно вакханок в сумятице боя.
10 [11]
Старцы сидели недвижно у башен града высоких,
Созерцая сраженье, жены и девушки также
Видели все смятенье воительниц-тирсоносиц.
В женских покоях скрываясь, прячась у лона кормилиц,
Длинноодетые девы видели женскую Распрю,
Горько рыдали над смертью павших в битве ровесниц
Но повелитель свирепый индам женолюбивым
Приказал без пощады резать прекрасных вакханок,
Опасаясь и ложа с девою копьеносной,
Дабы не отвратила Пафийка их от сраженья!
20 [21]
Только воительница, повергнута в прах, без хитона,
Не имея оружья, кроме красы, повергала
Плотью нагою своей вожделеющего убийцу,
Раненная, наносила раны! Лик ее - пика;
Побеждала и ставши мертвою! Бедра нагие -
Меч ее, стрелы желаний поверженная метала!
Воин влюбился бы в деву павшую... Древле ведь было
Так и с Ахиллом, что после погибели Пентесилеи
К хладным устам прижимался, горько плача над мертвой -
Если бы вой не страшился грозного Дериадея,
30 [31]

Он созерцал бы, жалея, тело нежное павшей,
Светлоокруглые бедра, изгибы белых лодыжек,
Он коснулся бы плоти и холмиков грудей округлых
С розовыми сосками, подобных яблокам сочным,
Он восхотел бы и страсти с нею, и плакал бы после
Смерти девы, злосчастный, такими речами в печали:
"О розоперстая дева, злосчастнейшего убийцу
Раненная - уязвила, погибшая - поразила
Насмерть, твоими очами твой сражен погубитель,
Дротом красы пронзен, сияньем девичьего лика
40 [41]
Наземь воин повергнут, как будто бы лезвием жала!
Груди твои - тетива, сосцы же - острые стрелы,
Стрелы жарких желаний, что битвенных копий могучей!
Странная страсть поразила меня, когда я за девой
Устремился: влюблен я - но нет на свете любимой!
По бездыханной вздыхаю! О если бы чудо случилось,
Чтоб эти мертвые губы заговорили внезапно,
Чтоб наполнились речи сладким любовным признаньем,
Чтоб я услышал от девы: "Ты, что влачишь меня в прахе,
Ты, нечестивый убийца, оставь девичью невинность,
50 [51]
Ты, чья медь погубила деву, не трогай хитона!
Ах, не касайся же плоти израненной! Прочь от увечий,
Нанесенных оружьем... Будь прокляты луки и стрелы,
Пусть мои длани ослабнут, ибо копье мое деву,
Не силенов седых с прекраснокосматою шерстью,
Не безобразных сатиров племя, не немощных старцев,
И не фавнов косматых - деву-беглянку сразило!
Как же коснуться мне раны плоти, отныне желанной,
Дикую чащу какую пересечь или дебри,
Дабы найти для целенья язв и увечий ужасных
60 [61]
Жизнеподателя, старца Хирона; где же открою
Средство и тайны искусства Пэана, что боль разрешает?
Жажду, коль слухи правдивы, найти я "корень кентавров",
Дабы к ранам и стеблем, и цветом его прикоснуться,
Дабы живою вывесть тебя из пределов Аида!
Чары призвать какие иль звездные заклинанья,
Дабы с Эвия песнью боги явились на помощь,

Остановить потоки крови из раненной плоти?
Если б вблизи находился жизнь подающий источник,
Дабы на члены плеснувши влагой, снимающей боли,
70 [71]
Исцелить твои язвы, дабы в прекрасное тело
Смог я даже и душу снова вернуть из Аида!
Главк годов неиссчетных круговращенье познавший,
Если то правда, из бездны просторнобесплодного моря
Выйди, доставь мне той травки, что жизнь бессмертною деет,
Коей ты древле коснулся устами и вечною жизнью
Наслаждаешься ныне, времени не измеряя!"
Молвил бы и удалился со смертною мукою в сердце!
Вот Протонойя, дева, о муже скорбящая павшем,
Отомстить за Оронта желавшая, на вакханок
80 [81]
Бросилась: будто явилась новая Аталанта!
Щит и копье Моррея дева взяла Хейробия,
На бассарид устремившись, уподобилась Торге.
(Дева та щит взяла, обитый кожей воловьей,
Брата Токсея, когда ко благобашенным стенам
Калидона недруг явился, напавший на город,
И сражалась, ведь гневный Мелеагр устранился!)
Храбрая Орсибоя явилась с воителем-мужем,
Подражая в сраженье Деянире отважной,
У парнасских отрогов в стране враждебных дриопов,
90 [91]
Где она как амазонка билась с недругом диким...
Многие бассариды заперты были под кровлей
Благозданных дворцов, и вопли там раздавались
Битвы, а кто-то из женщин на улицы вышел сражаться,
Преисполнившись духа воинственного, а иные
С кровель камни бросали, участвуя в схватке жестокой -
Обе стороны в битве шум поднимали великий!
Бой бушевал меж башен, Арей свирепо ярился,
Все лидийское племя бассарид избивая...
Халкомедейя в то время одна у стены оставалась,
100 [101]
В сторону отошла, от битвы сей уклоняясь,
Поджидая Моррея влюбленного - не придет ли?
Он же скитался, безумным оком вокруг озираясь;

Деву увидев, бурный Моррей пустился за нею,
Страстной любовью томимый, в погоню за Халкомедейей!
Ветер одежды беглянки развевал, обнажая
Тело, чаруя Моррея открывшейся взору внезапно
Светлой красою нимфы, спасающейся от погони.
А бассарида обманным голосом лепетала,
На бегу обращаясь к быстрому вою, Моррею:
110 [111]
"Коли желаешь ты ложа со мною, Моррей-ратоборец,
Совлеки меднозданный доспех свой, ведь в праздничном платье
Даже Арей с Кипридой сочетается страстью,
В белоснежном хитоне, как Аполлон-дальновержец...
Разоблачись, дабы Потос с Кипридой связали нас игом,
Если взойдем на одно мы ложе любовное оба;
Эрос низвергнет Моррея, Киприда - Халкомедейю!
Мне б не хотелось супруга в доспехах железных на ложе,
Политых потом и кровью на поле сраженья свирепом.
Тело омой в прохладных водах, дабы явиться
120 [121]
Фаэтонту подобным, омывшемуся в Океане,
Щит оставь боевой, оставь и копье боевое -
Ты ведь не хочешь низвергнуть дротом меня смертоносным!
Грозный шлем свой ужасный сними с главы пышнокудрой,
Ибо гребень высокий оного мне помешает -
Нет, не желаю и видеть этой железной личины...
Как воспылаю любовью, коль даже лица не увижу!
К меонийским пределам стопы не направлю вовеки,
После Моррея Вакха не допущу я на ложе,
Принадлежу я к роду индов отныне! Лидийской
130 [131]
Я Пафийки не знаю, чту теперь Эритрейку,
Тайной страсти отдавшись Моррея... В битвах жестоких
Пусть полководец инд защищает свою Афродиту!
Ибо равно сразил обоюдным жалом желанья
Химерос нас обоих, единой мукой терзает
Сердце он мужа Моррея и девы грудь Халкомеды!
Страсть с какою же мукой скрываю, ведь скромная дева
Разве посмеет открыто мужа призвать к Афродите!"
Молвила так, обольщая влюбленного ратоборца,
Ей же Моррей злополучный ответствовал только со смехом:

140 [141]
"Что ж тут такого, коли Моррея в медных доспехах
К ложу Халкомедейи влечет копье боевое -
Ибо в имени девы медь звенит и трепещет!
Но кровавого дрота не подъемлю и брошу
Щит свой из кожи бычьей, тело же в водах омою,
Длани от крови очищу, стану деве супругом,
Стану нагим Ареем, появшим нагую Киприду,
Хейробию оставлю, выгоню собственноручно
Дочерь Дриадея ревнивую из дому тут же!
Не ополчусь на вакханок, коль ты мне это прикажешь,
150 [151]
Против сограждан милых сражусь, погублю даже инда
Тирсом грозд олюбивым, не медным дротом, как раньше,
Брошу доспех железный, украшусь листвой виноградной,
За Диониса, владыку нашего, стану я биться!"
Так сказал и отбросил ясень далеко от дланей,
Снял и шелом гривастый с кудрей, залитых потом,
Перевязь бычьей кожи разрешил плечевую,
Освободил он спину натруженную от доспеха,
Расстегнул и нагрудник медный, торс прикрывавший,
Кровью забрызганный вражьей, бросил он панцырь на землю.
160 [161]
Вот увидала Киприда жаждущего Моррея,
Побежденного страстью к Халкомедейе прекрасной,
Молвила тут же с насмешкой над индом безумно влюбленным:
"Ты, мой Арей, ограблен! Моррей от битв отказался!
Ни меча, ни доспеха - из-за сладостной страсти
Выпустил он из дланей оружие боевое!
Отрекися от дрота мощного! В море прохладном
Члены омой, отбросив доспехи! Киприда нагая
Много могучей Арея, и ни щита ей не надо,
Ни длиннотенного ясеня! То и другое заменят
170 [171]
Красота и сиянье белоснежного тела,
А лучезарные взоры будут стрелою пернатой
Перси разят вернее копий, ведь сей ратоборец
Стал из могучего воя нежным любовником сразу!
Не приближайся ты к Спарте, где жители почитают
Медный облик оружной Афродиты отныне,

Ибо твоим же оружьем низвергнет богиня Арея!
Ибо не можешь ты биться взглядами, копья в сраженье
Не разят так могуче, как взоры любовные - воев!
Вот твои слуги отныне, рабы и други - эроты!
180 [181]
Дерзкую выю склони же пред Киферейей победной!
Ты, о Арей, низвергнут, ибо Моррей оставляет
Меч, облекаясь в небриду для свадьбы с Халкомедейей!"
Так рекла Афродита улыбчивая, надсмехаясь
Над Ареем, супругом и недругом. Вот близ морского
Брега Моррей оставляет одежды свои без присмотра,
Сладким томимый волненьем погружается в воду,
Обнаженный, и плещет влага прохладная подле,
Не охлаждая в сердце горящего жала Пафийки,
Молится он Афродите Эритрейской средь пены
190 [191]
Моря, дабы Киприда ему помогала морская -
Только выходит из влаги черным таким же, ведь тела
Не изменить природы, ведь лика соль не отмоет,
Смуглоты не отчистит, хоть влага красна в этом море!
Он в надежде напрасной мылся, хотел белокожим
Стать и тем самым желанней показаться для девы
Вот он уже и облекся в пеплос льняной белоснежный,
Каковой под доспехи воители надевают.
Неподвижно, безмолвно стоит на бреге песчаном
Халкомеда, печальна, в сторону отвернулась
200 [201]
От нагого Моррея, стыдливо потупилась дева,
Обнаженного мужа стыдяся... В обычае женщин
Нет такого: смотреть на мужчину после купанья!
Только сыскал ратоборец место пригодное, к ложу
Дерзкою дланию деву стыдливую увлекает,
Платье, не должное трогать, хватает и тянет с вакханки,
И тотчас заключает в объятия пястей могучих,
Страстно желая принудить к любви целомудрие девы,
Но от чистого лона змея мгновенно восстала,
Защищая хозяйку. Вкруг чресел тесно обвилась,
210 [211]
Кольцами обхватила перси и плоть ей прикрыла,
Испуская шипенье из пасти раскрытой безгласной,

Зазвучавшее эхом средь скал... И ужас Моррея
Охватил, лишь заслышал звук он, трубам подобный
Битвенным этой змеи, защитницы девы невинной.
Воин, свивающий тело в кольца, напал на Моррея,
Гибкий хвост он вкруг выи ратоборца свивает,
Пасть как копье бросает, а зубы его извергали
Яд ужасный... Метал их воин змеиный как стрелы!
Встали и змеи другие из волос Халкомеды,
220 [221]
Защитили и грудь, и лоно они защитили,
Смертоносным шипеньем как песнь запевая на битву!
Так пребывал Моррей пред градом высокостенным,
Скорбною Халкомедой владеть безуспешно желая
Благооружная рать бассарид в то время спасалась
От изострого дрота жестокого Дериадея.
Вот Гермес быстрокрылый стремительно прянул с Олимпа,
Приняв на время битвы Бромия лик и подобье,
Голосом тайных обрядов воззвал он к войску вакханок.
Только лишь вняли девы гласу Эвия-бога,
230 [231]
В месте едином собрались, из путаницы переулков
Меналидское племя обходными путями
Вывел Резвоплесничный к городским укрепленьям,
Стражей у стен стоящих бессонно бдящие очи
В сладостный сон погружает всечарующим жезлом
Тать Гермейас, в ночи поводырь - и пала внезапно
Тьма ночная на индов (невидимые вакханки
Видели все при свете), и дев, бесшумно бегущих,
Тайно вел через город Гермес, в ход крыла не пуская;
Вот уж божественной дланью он открывает запоры
240 [241]
На вратах в укрепленьях и к солнцу вакханок выводит!
Только лишь тьму колдовскую рассеял Гермес светоносный,
Дериадей благомечный кинулся снова с угрозой
За бассарид ополченьем, покинувшим стены и башни.
Некто так в сновиденье глубоко погруженный,
Радуется понапрасну в тщетных своих упованьях,
Перебирая руками призрачные богатства,
Обладатель сокровищ ненастоящих, обманных -
Лишь розоперстое утро займется за окоемом,

Злато сновидческое тотчас пред ним исчезает,
250 [251]
Оставляя пустыми ладони, хватает "ничто" он,
Призрачное довольство терзает его сновиденья!
Так вот и Дериадей блуждал по улицам темным,
Тешил себя надеждой, что пленные бассариды
Точно его уж добыча, пойманная во граде,
Но обманом явилась его во мраке победа!
Свет засиял над градом - никто не увидел вакханок,
Все словно сон миновало... В бешенстве возопил он,
Гневаясь на Диониса, Зевса и Фаэтонта,
Рыская в поисках дев меналидских сбежавших... Вне башен
260 [261]
Слышался вопль свободных вакханок в честь Эвия-бога!
Бросился Дериадей на битву - тут Зевс пробудился
На вершинах Кавказа, Гипноса сбросил покровы
Уразумел во мгновенье ока Геры лукавство,
Лишь только бегство силенов увидел и толпы вакханок
Бегством спасающихся с дорог и башен высоких,
Как повелитель индов сатиров избивает,
Косит менад словно ниву, и собственного потомка
Видит, простертого в прахе, вкруг коего встали вакханки
Плача и причитая... Лежит недвижим, главою
270 [271]
В грудь, беспамятный, ткнулся и с тяжкими всхрипами дышит,
Белую пену роняя с уст (о, признак безумья!)
Уразумел он Геры злобной замысел страшный,
Словом язвительногрозным стал попрекать он супругу,
В гневе низвергнул бы в бездну, где Иапет обитает,
Гипноса заключил бы он во мрачной пучине,
Если б не Ночи моленья, мирящей Бессмертных и смертных.
Гнев с трудом обуздавши, обратился он к Гере:
"Разве ты не довольно жестока с Семелою, Гера?
Даже и против мертвой воюешь? Не может и пламя
280 [281]
Неукротимое ревность твою смирить и утешить,
Из Зевесовой длани спалившее деву Тиону?
Гнать доколе ты будешь Бромия Индоубийцу?
Разве ты позабыла железные тяжкие узы?
Помни, они наготове! За ноги я подвешу

Под облака, в поднебесье! Будешь ты над землею,
Вниз головою повиснув, муки терпеть и страданья!
Сведает бог могучий Арей про тебя, что повисла
Под облаками в оковах - родительнице не поможет!
Огненный бог Гефест не придет - даже он побоится
Искры только единой от поднебесной зарницы!
Длани твои золотыми узами спутаю снова,
Неразрушимою цепью скую твоего я Арея,
Пусть колесо над землею вращает - да побыстрее,
Чем это делают Тантал заодно с Иксионом!
Я бичевать ему стану спину до самого мяса,
Отпрыск пока мой не будет победителем индов!
Сколь же придешься по нраву ты Крониону-мужу,
Коль изгонишь безумье, измучившее Диониса!
Так не противься же боле соложнику, поторопися,
Неуловимая, к склонам пастбищным отчины индов,
Грудь дай Вакху, как матерь давала некогда Рейя,
Да оросятся млеком уста его древле созревшим,
Млеком священным, что в небе Путь являет к Олимпу,
Станет отчизною высь на земле рожденному Вакху!
Млеком своим помазав тело бога Лиэя,
Гнусное гноище выжжешь безумья, сразившего разум!
Будет тебе и награда: я подведу к Олимпу
Этот поток каплевидный, что из сосцов твоих вышел,
Дабы он стал соименным млеку Геры-богини,
Сей целительной влаге, отвращающей беды!
Только не угрожай ты Дия любимому чаду,
Только не строй ты козней иных супротив Диониса!"
Так он сказал, посылая соложницу грозную, Геру,
Против ее желанья, целить безумие Вакха,
Дабы стала богиня дружественной Дионису
Оскорбленному, ибо длани ее, помазав
Млеко грудное, смогли бы избавить его от болезни.
Гера же подчинилась: с целебным касанием дланей
Брызнула каплями млека божественного на Лиэя,
Изгоняя гноище безумья с измученной плоти.

Ревность она сильнее скрывала под ликом спокойным,
Глядя на блеск и сиянье Дионисовой плоти
И касался дланью ненавидящей Вакха.
Вот распахнула одежды она пред бога устами,
Полные амвросии груди свои обнажила,
Полилось ручейками млеко из персей ревнивых,
Бромия возвращая к жизни; кудрявого Вакха
Созерцала очами она и силу, и юность,
И дивилась, что чрево земное сие породило -
330 [331]
То ль копьеборца Арея, то ли бога Гермеса,
То ль самого Фаэтонта иль сладкопоющего Феба...
Вот уж кого женихом бы Гера для Гебы желала,
Если бы Зевс всемогущий ее не назначил он в жены
Мужу Гераклу, двенадцать свершившему славных деяний!
Вот, исцелив безумьем охваченного Лиэя,
Вновь возвратилась богиня к поднебесным созвездьям,
Видеть не в силах войско неоружное Вакха,
Что сражалось лозою с индами и листовьем,
И разрушительным тирсом недруга избивало!
340 [341]
Ибо Дия дитя не пренебрегало сраженьем
Более, вновь появившись пред ратью, смеясь над врагами,
В длани, убийце Титанов, плющ смертоносный сжимая:
"В битву! Сразимся, о други! В эту свирепую битву
Снова нас Зевс увлекает владыка, отпрыску Вакху
Ныне он поборает, с высот защищают Лиэя
Все блаженные боги, и Гера уже не врагиня!
Кто устоит против грома Кронида? Встанет ли недруг
Злополучный, когда зарницы блистать ополчились!
Стать родителю равным желаю! В неистовой битве
350 [351]
Мой отец и Титанов одолел землеродных,
Я ж одолею индов племя, землею рожденных!
После победных деяний Лозоносца познает
Мир этот Дериадея мольбу о пощаде, пределы
Индов выю преклонят пред мирным Бромием-богом,
Струи реки польются Эвия влагой хмельною!
Недругов все увидят подле кратера Лиэя,
Пьющих вино золотое из вод реки хмельноструйной!

Дерзкого индов владыку, связанного лозою
И плющом, средь которых и листья, и грозды теснятся,
Кои, после целенья от приступов злого безумья,
Нисиадские нимфы восхваляют и славят,
Кои, свидетельства силы и могущества наших,
Богохульника мужа удушили свирепо,
Арабию ввергая в ужас деяньем отважным,
Ибо низвергли Ликурга виноградные гроздья!
Ныне же смело бросайтесь в битву, стремитесь к победе,
Приобретайте добычу, сокровища недругов, коих
Много - как в море песка! Влеките к кормилице Рейе
Жен индийских за кудри, к богине, что Вакха вскормила!
Мстите же яростной битвой за павших воинов наших,
Коих погибель мне сердце полнит острою скорбью,
Ибо в груди моей радость с печалью смешалась - лишь вижу
Дериадея живого, Офельтеса без погребенья,
Попрекающего Лиэя злосчастные длани!
Не ополчится Кодона, бедная Алкимахейя
Боле копьем не сразится искусным, даже Айбиал
Пал в неистовой схватке - а я еще тирс воздымаю
Стыдно мне об Аресторе после битвы подумать,
Ибо Офельтесу павшему помощи не подали!
Корибантидского Крита в град войти не сумею,
Ведь Агелай-родитель сына уже не оплачет,
Коли услышит: Антей в сражении пал неотмщенным!
Миносу постыжусь показаться, ибо Астерий
Страждет в шатре, изранен, коему более прочих
Я бы желал уцелеть, ведь кровь Европы струится
В нем, и верну я в отчизну родича невредимым
По окончанье похода, дабы Кадм не услышал,
Что трусливый Лиэй Астерия в битве оставил!
В битву свирепую, друга! Единым только деяньем
Всех спасу, коль убью одного, убившего многих!"

Песнь XXXVI

В песне тридцать шестой, избавившись от безумья,
Вакх, свой лик изменивши, бьется с Дериадеем.

Так он рек, ободряя всех своих полководцев.
Дериадей же войско свое подвигает на битву.
Разделились и боги, насельники высей Олимпа,
Поборают в сей распре и тому, и другому,
Ибо одни за Лиэя, другие за Дериадея!
Зевс, повелитель Блаженных, на высях Керны воссевший,
Смотрит на весовую чашу сей распри, а в высях
Бог лазурнокудрявый Гелия кличет на битву,
Бог Арей - Светлоглазую, бог Гефест же - Гидаспа,
Горная Артемида вызвала Геру-богиню,
10 [11]
Бог Гермес благожезлый богиню Лето вызывает,
И от распри божественной отзвук двойной поднялся
Бьющихся с двух сторон, ведь все они в битву вступили!
В семь локтей высотою, Арей против Тритогенейи
Мечет дрот необорный, но невредима богиня,
Лишь эгиду пронзил он, прошел сквозь ужасную гриву
Змеевласой Горгейи, коей и видеть не должно,
Только разбил он косматый щит Паллады, и жало
Острое мощного дрота, скрежеща, лишь проходит
Сквозь колтун шевелящийся, аспидов раня Медусы!
20 [21]
Вот воинственная возопила кличем свирепым,
Дрот плодоносный взяла, не знающая материнства
Дева Паллада, метнула медь изострую мощно,
С коей на свет совместно из отчей главы восстала,
И Арей, уязвлен, на колено одно опустился -
Помогла Афина подняться ему и послала
Снова к матери милой, Гере, после сраженья.
Вот на Геру напала союзница горного Вакха,
Горная Артемида, лук напрягла огромный,
Выстрелить в цель готова - но нападенье предвидя,
30 [31]

Гера облако Зевса схватила и быстро прикрылась
Им как будто щитом. Мечй стрелу за стрелою,
Свищущую сквозь воздух по направлению к цели,
Не попала в богиню Лучница, опустошивши
Тул: под облаком скрылась неуязвимым другая!
Как разъяренная стая журавлиная, бились
Жала снарядов воздушных один за другим об округлый
Щит, ударяясь безвредно в облак темный, безвидный;
И не единой раны укрытая не получила!
Вот подняла она вихорь воздуха ледяного,
40 [41]
Длани подъявши, метнула глыбу замерзшую Гера
И Артемиду сразила сим ледяным снарядом!
Крепкозданныи сеи дрот преломил ее лук с тетивою,
Битвы не прекратила Дия-супруга, в средину
Прямо груди Артемиду уметила, тул покатился
Прочь по земле от удара этого мощного дрота,
Надсмехаясь над Лучницей, молвит соложница Зевса:
"О, Артемида! Сражайся со зверем! Что ищешь сраженья
С тем, кто могучей! В горы ступай! Зачем тебе битвы?
Ловчую обувь носи, оставь поножи Афине!
50 [51]
Ставь хитроумные сети с силками! Зверей убивают
Пусть твои псы да борзые, не быстролетные стрелы!
Не для охоты на львов оружье твое, на трусливых
Зайцев да кроликов робких снасти ставь да ловушки!
Плачь да печалься по ланям благорогим повозки,
Да, по ланям пугливым, что тебе отпрыск Зевеса,
Правящий леопардов и львов свирепых упряжкой?
Хочешь - позабавляйся с Эросом, милым малюткой!
Дева! Ты брака боишься - сидеть тебе с роженицей
Да облегчать страданья, за пояс девичий хватаясь
60 [61]
С Эросом да Пафийкой - родам, авось, да поможешь!
Так ступай же, беги в покои рожающих женщин,
В женской ты половине надобна для молитвы,
Стрелами мук родовых терзай измученных женщин,
Львице подобна близ ложа только родившей - для битвы j
Ты рождена, о богиня? И целомудренной девы
Целомудрия боле не изображай ты для смертных:

Ибо твой облик девичий приявши, Зевес всемогущий
Овладевал достояньем девичьим, помнят ведь чащи
Гор аркадских ту нимфу, Каллистó, как под ликом
70 [71]
Артемиды Зевс овладел ею; плачут вершины
Гор и поныне над девой, ставшей медведицей дикой,
Как над неверностью верной подруги богини стенают,
В облике коей на ложе девичье проник соблазнитель!
Так что отбрось-ка подальше лук боевой поскорее,
С Герой не бейся, могучей тебя ведь богиня, с Кипридой
Бейся, о повитуха, против причины всех родов!"
Так сказала, оставив повергнутую Артемиду.
Пред потерявшей разум от ужаса брат появился
Аполлон, и под руки белые подхвативши,
80 [81]
Утешает и быстро из схватки подальше уносит,
Сам же к битве свирепой возвращается тут же.
Встал он, пылая сразиться с вождем глубокопучинным,
Посидейоном-недругом, вот уж на лук налагает
Жало и с дланей обеих дельфийское пламя слетает,
Дабы, сияя, сразиться против влаги глубокой,
Свет изливающей темный - лук схватился с трезубцем!
Вот пылающий пламень дрота и влажные жала
Сталкиваются друг с другом. Бьется Феб Дальновержец,
Небо над ним испускает ропот воинственной песни,
90 [91]
Отчий эфир, отвечает бурной трубою прибоя
Бьющего в слух Аполлона дева пенная Эхо,
Тритон широколанитный раковину раздувает
(Сверху - муж, а от бедер - зеленая рыба морская!),
Все вопят нереиды, из пенных зыбей показался,
Потрясая трезубцем, и сам Нерей арабийский!
Отзвук воинств небесных в битве свирепой заслышав,
Зевс взволновался подземный - вдруг Энносигей, потрясавший
Твердь могучею зыбью океанийских прибоев,
100
Миропорядок всевечный разрушит ударом трезубца,
Вдруг он недр основанье глубокопучинное сдвинет
С места, взору являя не должное видеть подземье,
Вдруг разобьет он жилы скальных ям и колодцев,

Зыбь своих вод изливая в тартарийские бездны
И затопит ворота преисподнего мира!
Грохот поднялся безмерный от распри богов бессмертных,
Тут и трубы подземья взгремели; но вот обращает
К недругам жезл свой Гермес, выступая вестником мира,
Трех Бессмертных единой речью увещевая:
"Сын Зевеса и родич, и ты, Стреловержец, на ветер
Светоч бросайте и стрелы, а ты - изострый трезубец!
Да не смеются Титаны, глядя на битву Блаженных,
Дабы после того, как Кронова распря свершилась,
Вновь меж богов бессмертных не было междоусобья,
Да не увижу распри после битв с Напетом,
После Загрея и Вакха послерожденного, гнева
Зевса не узрю, чтоб снова землю зарницей спалило,
Да не узнать мне вовеки потопа и землетрясенья
С ливнями, льющими с неба, да не изведаю боле
В водах небесных плывущий возок богини Селены,
Да не увижу конца лучезарных огней Фаэтонта!
Так уступи старшинству владетеля влаги глубинной,
Брату отца почтенье яви, ибо чтит он твой остров,
Делос, пеной омытый морской, земли колебатель,
Вспомни о пальмовом древе, вспомни о древе оливы!
Энносигей, разве Кéкроп судит тебя в этой распре?
Инах какой селенье Гере опять присуждает?
Что ополчился ты снова на Феба и на Афину,
Что желаешь ты новой ссоры с богинею Герой?
Ты, круторогий отче могучего Дериадея,
После светоча Вакха страшись зарницы Гефеста,
Как бы тебя не спалил он пламенем острожалым!"
Так нзмолвил -и распря богов тотчас прекратилась.
Дериадей же безумный и яростный кинулся в битву
Лишь только снова завидел вакханок, дев безоружных.
Вот углядел он на поле исцеленного Вакха,
Стал призывать к сраженью бегущих своих полководцев,
Конных воев и пеших осы́пал грозной насмешкой,
Варварские попреки выкрикивая из глотки:

"Иль Диониса сегодня схвачу я за кудри густые,
Или в схватке вакхийской инды навек осрамятся!
Устремитесь на сатиров - рок нам повелевает
Биться! Дериадей же схва́тится с Дионисом!
Лозы и грозды и листья, и утварь прочую Вакха
Жгите, шатры его грабьте, менад же к Дериадею,
Рабские ига на выи надев, поскорее влеките!
Недругов тирсы предайте огню, круторогих силенов,
Сатиров толпы трусливых под корень железом срезайте,
Так, как жнец все колосья срезает серпом беспощадным,
Дабы на двери жилищ нам прибить рогатые главы!
Да не свернет Фаэтонт на закат огнедышащих коней,
Прежде чем Вакхово войско наземь я не повергну,
Рабским ярмом удушивши, пока копьем их небриды
Пестрые не изорву в лохмотья жалкие, тирсы
Их не отброшу прочь, а тонколодыжных прекрасных
Жен с виноградного гривой на жарких кострах не сожгу я!
Доблесть в себе пробудите и индского после битвы
Вы восславите громко победного Дериадея!
Дабы и много позже все трепетали народы
Пред всепобедным ликом инда, рожденного Геей!"
Рек он, ряды полководцев один за другим объезжая,
Поощряя возничих слонов неисчетно живущих,
Строя своих пехотинцев в колонны, пригодные к битве,
Плотным клином глубоким... С равною к битве заботой
Бромий тирсобезумный зверей выстраивал к бою,
С пустошей диких притекших - воители с гор испускали
Рев, божественной плетью подгоняемы в битву!
Многие звери пасти с клыками своими отверзли;
Были и змеи, что зевы пооткрывали, готовы
Плюнуть в недругов ядом, стекающим из кипящих
Морд - далеко полетели б в противника струи отравы!
Были ползучие гады и аспиды, стрелам подобны,
Дротам живым, что сами цель для себя находили,
Мощно извивами тела свиваясь и развиваясь,
Индов они оплетали ноги, душили ужасно
Воев, готовых уж биться... Воинственные вакханки

Вспомнили в битве змей метавшую Фидалейю,
Ибо в неистовстве боя (на что лишь жены способны!)
180 [179]
Недруга ниспровергала змей клубком ядовитым!
Вот из аспидов некий как дротом каким длиннотенным
Плюнул струею отравы прямо в Дериадея,
Но промахнулся, лишь панцырь забрызгал плевок смертоносный...
Вот некий воин на землю пал, бездыханный, снарядом
Пораженный живым, вот лапы в прыжке растянувши,
Прыгнула на загривок крутой прямоногого зверя,
Впившись в череп, пантера, и слон затоптался на месте,
Раненный в голову, яро трубит он и прядает, дикий,
Затруднив нападенье слонов боевых на вакханок;
190 [189]
Пали воинов толпы, свирепое слыша рычанье
Львов, явившихся с диких скалистых пустошей горных;
Кто-то умер от ужаса, бычьему реву внимая,
Грозные остриѝ узрев рогов смертоносных,
Прободающих воздух; а некие пешие вой
Страхом объяты внезапным, завидев пасти медведиц...
Лай испуская из многих глоток, псы завизжали
Непобедимого Пана в ярости неизмеримой,
Натиска воющих свор устрашились смуглые инды!
Тут разгорелася распря меж ратями воев презлая,
200 [199]
По-над жаждущей твердью земною полились потоки
Крови, резня началася с убийством всеобщим свирепым,
Леты поток содрогнулся от тел, валящихся в струи,
Собственною рукою Аид врата раскрывает
Мрачные шире возможно, дабы открыть свои бездны
Мертвецам приходящим, и несется из бездны
Берегов харонидских тартарийское эхо...
Грохот великий поднялся, сошлись супротивников рати,
Много погибло в сей битве: вот некий из ратников конных,
Дротом в подбрадье умечен, валится наземь внезапно;
210 [209]
Вот другому воткнулась стрела, и прямо в подгрудье;
Падает третий с повозки от раны ужасной во чрево;
Этому жало с зазубриной под пупок угодило,
Он по траве покатился навстречу погибели близкой;

Тот в поясницу умечен, того в плечо уязвили,
Оный, коня оставив быстрого, бегством намерен
Уж спастись, но упал, в хребет ко пи ем прободенный;
Вот юнец безбородый с жизнью простился пред смертью,
Вот умеченный в печень стрелой смертоносною воин
Валится со слона, гремя железным доспехом,
Ткнулся во прах он главою, грязь царапают пальцы,
Землю кровавую в горсти в отчаянии хватают;
Вот некий воин схватился с конником в схватке смертельной,
Щит свой выпуклый пылью доверху он наполняет,
В землю упершись стопою, ждет уже нападенья,
Только приблизился конник, как пыль в коня он швыряет,
Запорошив всю морду животного едкою пылью!
Выю, безумствуя, лошадь кверху приподнимает,
Ржет, отряхивая от праха гриву свирепо,
Скалясь, она удила выплевывает из пасти
Изукрашенные, и пена каплет из глотки
Вот на дыбы она встала, объята ярым испугом,
И погрузилась по бабки задними в почву ногами,
Прах взрывая копытом, всадника сбросив на землю!
Вот нападает пеший на воя - тому не подняться! -
Подбежав, наклонившись над ратником беспомощным,
Меч обнажает мгновенно и глотку перерубает
Смуглокожему инду, простершемуся во прахе!
Лошадь, заслышав другого наездника хлыст, испугалась
Снова и прядает в страхе, сильнее еще оседая,
Забивая копытом наездника своего же,
Дышащего, но уже скребущего землю перстами.
Вот Колле́тес огромный, в девять локтей высотою,
Ликом ужасный и грозный, подобный Алкионею,
В гущу вакхова войска врывается яро, безумный,
После подвигов ратных желает он Бассариды!
Алчет менад, насильник, на ложе любовное бросить -
Но упованья напрасны и столь могучего мужа,
Как упованья и Ота, желавшего высей эфира
Вместе с ложем священным Стреловержицы-девы,

Как Эфиальта, что жаждал непорочной Афины,
Горние выси Олимпа заоблачного низвергая;
Столь велик был Коллетес, что в небо стремился главою,
В жилах его бурлила кровь землеродного предка,
Пращура племени индов, был он таким могучим,
Что и Арея сломил бы, как отпрыски Ифимедейи!
Но и такого же мужа могучего тут же убила,
Камень метнув изострый, Харопейя-вакханка!
Некто, увидев доблесть девы высоковыйной,
С гневом и изумленьем вскричал на поле сраженья:
260 [259]
"Брось, Арей, свои стрелы, копье и щит боевые,
Бегством спасайся, отроги Кавказа оставив, ведь Бромий
Мужеубийц-амазонок других выводит на битву -
Безоружные девы воюют, не с Термодонта
К нам воительниц ярых привели на погибель!
Зрелище странное вижу, верить взорам не смею:
Нет щитов или копий у Вакховых амазонок,
Только оружные девы кавказские так не могут
Биться, как эти - вакханки мечут нежною пястью
Лишь листву плющевую, не нуждаясь в железе!
270 [269]
Дериадею безумцу увы, когда эти жены
Медные панцырь и латы перстами расколют одними!"
Так говорил он, дивяся, когда преогромной скалою
Столь могучего мужа дева-вакханка убила.
Дериадей невредимый напал на священных вакханок,
За Харопейей погнался, метнувшей камень, но дева
Ускользнула и стала биться подле Лиэя,
Тирсом благоцветущим сражаясь в Эвия битве!
Дериадей убивает Орѝталла острым железом,
Воина из куретов, пришедшего из Абантиды.
280 [279]
Полководец абантов за смерть соратника мстящий,
Мелиссей, низвергает наземь владыку карминов,
Кѝллара, перерезав мечом своим выю у воя,
Логасида убил он, любимого Дериадеем
Более всех средь индов после любимца Моррея
За искусность в бою копейном - он часто с владыкой
И Орсибоей-царицей пировал вечерами,

Друг дочерей домашний, оба сии ратоборцы
В битве копейной, кулачной ровесников превосходили!
Многие там полководцы с полководцами бились:
Халимед резвоногий с Певкетйем могучим,
Марон с Флогéем бился, Леней с Туреем сражался.
И колебал сраженья весы владыка Кронион:
Вот Дионис ополчился на мощного Дериадея,
Тирс и копье повстречались! С искусным сим ратоборцем
Бился бог винограда, изменяя свой облик,
Превращаясь искусно в многоразличные лики;
То ополчался на воя бушующим пламенем ярым,
Языками огня, что жалит сквозь дымные клубы,
То струился вдруг пенной влагой обманною бурно,
Бьющейся мощно, то образ принимал он свирепый
Льва настоящего в битве, вздымающегося на лапы
Задние, громко ревущего глоткой своею косматой,
И являющего клыки, и рев этот ярый
Грохоту уподоблялся отчих страшных перунов!
То принимал многолистный образ какого-то древа
С тенью густою огромной, подобно земному растенью,
Ввысь он неодолимо рос, касаяся неба
Словно сосна иль платан, глава и кудри подобны
Сделались кроне древесной с частой на ней листвою,
Чрево стволом потянулось, сделались длани ветвями,
И корою одежда, ноги корнями стремятся
В землю глубóко, частые ветви с листвою колебля,
Будто он что-то бормочет противнику, индов владыке!
То вдруг являются лапы с когтями страшными зверя
И предстает он пантерой, летящей в прыжке на затылок
Высоконогого зверя, слона, стоящего прямо,
Тот, испугавшись, бросает все со спины снаряженье
Наземь вместе с возничим, что должен в битве сражаться,
Сбрую с яркою бляшкой, ремни, крючки и поводья!
Свергнутый наземь, воитель бьется всё же с Лиэем,
Превратившегося во зверя, и ранит пантеру...
Только бог принимает облик иной - и высоко

Пламень в воздух поднялся, сжигающий все без остатка,
Сыплющий искры по ветру, и мгновенно сомкнулся
Над гривастым шлемом и грудью Дериадея.
Почернели от дыма, рвущегося клубами,
Арабийские латы серебряные от ударов
Огненных, гребень шлема загорелся, железо
Добела раскалилось, наполовину рассеклось...

* * *

<пропуск в тексте>
* * *

330 [329]
...Тут не в свирепого льва, а в вепря бог превратился
Дикого и с клыками пасть тотчас разверзает!
Метит, свирепый, прямо во чрево Дериадею!
Встал на дыбы он, ярый, в землю покрепче уперся,
Бьет копытом изострым мощно и сильно по ребрам...
Дериадей могучий мужества не утратил -
Но напрасны надежды воителя, ибо хотел он
Дланью схватить своею ускользающий призрак...
Вот метнул он копье во льва, что возник на мгновенье
И восклицает грозно пред Бромием многоликим:
340 [339]
"Что, Дионис, таишься? Бежишь от битвы лукаво?
В страхе пред Дериадеем истинный облик меняешь?
Нет, не боюсь я пантеры пугливого Диониса,
Дротом умечу медведя, древо мечом искромсаю,
Жалом бок косматый мнимого льва прободаю,
Брахманов мудрых моих на тебя ополчу я свирепо,
Что нагими ступают по праху и заклинаньем
Часто чаруют Селену, блуждающую по небу,
Словно бык, несмирённый ярмом домашним, и часто
Конную колесницу в горних высях небесных
350 [349]
Останавливают стремительного Фаэтонта!"
Так говорил он, взирая на лик переменчивый Вакха;
Чувствам своим не веря, волею неукротимой
Уповал одолеть он, взывая к иным заклинаньям,

Неодолимую силу чары отпрыска Дня.
Устремился владыка индов к своей колеснице...
Вакх же, увидев безумье мужа, что с богом сражался,
Повелел виноградной лозе вкруг недруга виться!
Вот побег благогроздный божественного растенья
На среброкруглых колесах повозки Дериадея
360 [359]
Распустился и грозной листвою вокруг потянулся
За владыкою индов, его удушить угрожая,
Ветви цветущие сами росли собою, казалось,
Ярого в битве героя лицо они обвивали,
Оплетали могучее тело, Дериадей же
Опьянен до безумья благоуханьем гроздовья!
Возрастают вдруг узы не из железа вкруг бедер,
Пригвождает и ноги слонов вдруг плющ нерушимый...
Якоря острые зубья на судне тяжелом не могут
Так вгрызаться во дно песчаное бурного моря,
370 [369]
Как плющевые побеги вгрызалися в ноги слоновьи!
Крики погонщиков тщетно зверей понуждали к движенью
Тщетно бичами пребольно хлестали слоновьи загривки,
Острым бодцом напрасно за ушами кололи!
Так повелителя индов, непобежденного мощным
Дротом, лоза победила виноградная. Горло
Крепко обвив ратоборца, стали душить его ветви -
Оплели ему рот и сжали частою сетью;
Несмотря на могучесть, не мог он пошевелиться,
Слабые слышались стоны из уст, молящих пощады,
380 [379]
Голоса не имел - стал лить безмолвные слезы,
Поднятой в страхе дланью муки свои знаменуя,
Ибо кричать не может - слезы голосом стали!
Вот Дионис оковы из лоз своих разрешает,
Освобождая царя от уз благогроздных растений,
Все плюща и лозы плетеницы, обвившие крепко
Выи слонов боевых, тотчас Дионис разбивает...
Но едва соскользнули виноградные ветви,
Кои ему обвивали, нерушимые, выю,
Стал он снова грозиться, непримиримый противник,
390 [389]

В бой вступить против бога, но пребывал и в сомненье:
То ли убить ему Вакха, то ль захватить его в рабство!
Тут обоюдную распрю тьма прекращает ночная.
Возобновилася битва, едва только ночь миновала.
Рати от сна восстали, едва лишь Эос явилась,
И не окончена битва для пылкого Диониса...
Столько лет миновало уже круговратных - и длилась
Распря, и трубы звучали Эниалия громко!
Только лишь после многих трудов и деяний вакхийских,
Завершилась вражда, но к концу бушевала сильнее!
400 [399]
Не презрели приказов воинственного Диониса,
Не пустили на ветер слов своего полководца
Радаманы с диктейских отрогов и для Лиэя
Много судов для битвы построили; заняты были
В чащах одни, а иные к корме тесали крепленья,
Кто-то брус для носа отделывал, кто-то обшивку
На сосновые ребра делал для палубы плотной,
Кто-то борта выводил из досок, отделанных тонко,
В самой судна средине подняли ствол высокий;
Мастер из Араби́и укрепил эту мачту,
410 [409]
На которую парус после просторный поднимут,
После на макушке райну гнутую подмастерья
Девы Афины и бога Гефеста сооружили;
Так, работая быстро, прилежно, с немалым уменьем,
Вакху они корабли построили. Ибо и в битве
Помнил вещие речи Рейи-праматери Бромий,
Что, мол, закончатся войны, когда вакханки сразятся,
Недруга ниспровергнув инда в битве на море -
Лику должно в просторах командовать кораблями,
Вот каков Диониса был приказ нерушимый...
420 [419]
Вот повел он повозки к морю по твердой дороге
В место, где радаманы, искусные странники в волнах,
Сделали корабли мореплавателю Дионису.
Вот и Айон, свершая времени бег круговратный,
Повернул колесо на год шестой всех событий.
На агору́ созывает индов смуглое племя
Дериадей державный. Вестник быстро обходит,

Торопя на собранье многоязыкие роды,
И, наконец, стеклися все племена всех индов,
Сели они на скамьи, тесняся, подле друг друга,
430 [429]
И Моррей им владычный молвит, народам в собранье:
"Други, всем вам известно, сколько трудов претерпел я,
Дабы Килиссу вместе с племенем ассирийским
К игу Дериадея склонить, одолев их твердыни!
Также известны деянья мои в борьбе с Дионисом,
С сатирами в сраженье, как беспощадным железом
Главы рубил я вражьи быкорогих порядков,
Сколько я бассарид плененных, в битве добычу,
Дериадею доставил, какими потоками крови
Обагрил переулки града, мощенные камнем,
440 [439]
Недругов убивая, сколь ненавистников прочих
Под веревкой плясали на шее, близкие к смерти,
Сколько их приняло гибель в глубоких влажных колодцах,
Сколько в ямах глубоких узнали от влаги погибель!
Только получше еще я военную хитрость измыслил:
Слышал я, что радаманы, искусные в плотницком деле,
Выстроили корабли для воинственного Диониса!
Но не боюся я битвы морской! И в схватке свирепой
450 [447]
Ратных мужей ополченье, прикрывшееся щитами,
Могут ли жены-вакханки низвергнуть ничтожной лозою?
Разве Пан круторогий, скачущий по отрогам,
Может разбить копытом суда военные индов?
Да и Силен не в силах грести по бурному морю
Иль утопить корабль в пучине посохом мирным;
Коль побуждаем безумьем в пляске кровавой зайдется
С песнею смертоносной, кинувшись в битву - не сможет
Он на влаге уметить рогами противника в схватке
Или приблизиться, дабы его разрубить на две части:
Сам же падет главою вниз, в эти пенные гребни,
Непогребенным оставшись. Найдут погибель вакханки,
460 [459]
Дротом пронзенные жены, пав в смертоносные волны
Моря, и корабли Диониса-бога разрушу,

Дротом в двадцать локтей борта пробивая сих лодий!

Песнь XXXVII

В песне тридцать седьмой описаны игры на тризне
По герою Офельтесу, в битве с индами павшем!

Вот, вспоминая павших друзей, благочестные инды,
Распрю с Вакхом оставив на волю веющих ветров,
Затаив свои слезы, погребали умерших -
Ибо освободились узники этой жизни,
И Душа возвратилась, откуда пришла, к началу
Круга существованья... Вакхово ж войско молчало.
Дионис, познав о затишье в этом походе,
Посылает упряжку мулов с возницами вместе
Поутру за сухими вязанками в горные чащи,
Дабы предать огню Офельтеса мертвое тело.
10 [11]
Он назначил главою по сбору веток сосновых
Фавна, ведь тот был сведущ в блужданьях по дикому лесу,
Ведал о всех тропинках, наученный матерью Киркой.
Вот они рубят деревья, укладывая рядами:
Много там ясеней пало, изрубленных медью изострой,
Много дубов ветвистых с шумом наземь валилось,
Много и елей высоких вместе с сосной прямоствольной,
Сыпя иглы сухие; падали всюду деревья,
Мало-помалу повсюду твердь скалы обнажая...
Многие гамадриады другие жилища искали,
20 [21]
Укрываясь у нимф рассерженных горных потоков.
Множество там народа средь горных отрогов толпилось,
Ищущих троп и проходов. И можно было увидеть,
Как карабкался кто-то наверх, а кто-то спускался
Вниз, по разным снуя направленьям. Вот уж вязанки
Связанных вместе поленьев и хвороста нагрузивши
На спину мулам, спускались, и цокали звонко копыта
Вьючных животных о камни, поспешающих к долу
Вереницею бодрой, и волочилися ветви
Срубленных накануне стволов, в пыли придорожной
30 [31]

Борозды оставляя. Сатиры с панами вместе
Делом сим занимались: кто-то рубил деревья,
Кто-то тяжелые ветви своей упорною дланью
Вверх тащил, и плясали их неустанные ноги!
Всю они ношу из леса привезли к тому месту,
Где предназначил Эвий Офельтесу погребенье!
Племена там собрались разные! Вот над героя
Телом срезают пряди они печальною медью,
Каждый проходит пред павшим плача, и скорбные пряди
Тело героя скрывают полностью под собою.
40 [41]
Сам Лиэй заплакал, и на бесскорбном когда-то
Лике бесслезные древле очи слезами струились -
Срезал и он свой локон вою Офельтесу в жертву.
Выстроили погребальный костер в сто локтей высотою
Слуги идейские бога, питомца гор, Диониса,
Посередине тело устроили, а у тела
Воин диктейский Астерий мечом, висевшим у бедер
Мертвого, перерезал горло двенадцати индам
Смуглым и вкруг героя расположил на костре их,
Рядом также кувшины с медом и маслом поставил.
50 [51]
После прирезали много быков и овец - в погребальный
Пламень. Все эти туши вкруг мертвого расположили
Кру́гом, добавив впоследок и лошадей убитых.
Отделили от каждой туши и жир животный,
Уложили вкруг трупа сию плетеницу густую!
Стали огонь добывать, ведь скалолюбивый Кирки
Отпрыск, пустынножитель Фавн, Тирсениды насельник,
Этому был обучен родительницей премудрой:
Огнеродные камни с отрогов принес он пустынных,
Гор высоких творенье. С места, где молнии пали
60 [61]
С неба, следы оставив несомненной победы,
Вынес пламен священных остатки, дабы над мертвым
Телом разжечь погребальный костер; вот серой священной
Натирает он обе стороны горного камня
Огнеродного, после росток эритрейского древа,
Что посуше, меж парой этих камней укрепляет,
После трет их усердно, о женский мужской ударяя

Камень, пока сам собою из них не брызгает пламень,
Их охвативший, а Фавн кладет их в костер погребальный
Но не хочет никак огонь над костром заниматься!
70 [71]
Бромий подходит и очи подъяв Фаэтонта напротив,
Кличет громко на помощь Эвра, восточного ветра,
Дабы раздул тот пламень своим дыханьем пожарче.
Слыша призыв Лиэя, бог Эосфо́рос соседний,
Зову Вакха внимает и тут же шлет к нему брата,
Дабы своим дуновеньем раздул он огонь погребальный.
Алые тот оставил покои матери Эос,
Дабы всю ночь провеять над костром погребальным,
Пляшущие словно вихри пламена раздувая -
И взметнулося пламя, жар поднимая до неба,
80 [81]
Гелия достигая, и вместе со скорбным Лиэем
Вой диктейский, Астерий, сородич покойного кровный,
Кносский сосуд двуручный, наполненный благоуханной
Влагой, вершил возлиянье, прах земной орошая,
Душу Арестори́да чтящий, летящую в ветре.
Только лишь алый сполох, вестник росистой повозки
Эос, мрак разгоняет ночной, разливая сиянье,
Войско от сна восстало и вином оросило
То, что осталось на месте погребального действа...
Ветер же теплый вернулся на крыльях блистательно-быстрых
90 [91]
В Гелия дом светоносный, вой же Астерий все кости
В слой их жира двойной погрузив, кладет в золотую
Чашу, заботясь о друга, павшего в битве, останках.
И корибанты искусно, словно были на Иде,
Выстроили гробницу, выдолбив углубленье
В основании камня и поместили останки
Там, как жителя Крита, славного в битве героя,
И засыпали глиной Офельтеса в чуждой отчизне!
После воздвигли высокий камень, что издали видно,
100
Вырезав слово такое в знак недавней печали:
"Здесь Офельтес покоится Арестори́д, он же родом
С Кносса. Множество индов убил соратник Лиэя!"
Бог виноградный в честь воя дары учредил для надгробных

Игр и народ созвал, и место отметил для бега
Конного, для ристанья. Он для того на равнине
Выложил чисто и ровно каменными брусками
Бега начало, мету, словно месяца полукружье!
И со сторон обеих вытесал гладко он камни -
Словно ремесленник старый тут постарался на славу!
Камни подобились эти глыбам, которые древле
110 [111]
Некий киклоп поставил над землею высоко.
Камень в конце и в начале точно так же был сделан
Встал там крайней метою, в землю надежно упрятан.
Разные учреждены награды: треножники, кони,
Самоцветы, щиты, серебро и Пактолово злато.
Вот божество назначает награды в конных ристаньях:
Амазонийский колчан и лук, еще - полукруглый
Щит и пленную деву войнолюбивую, кою
Некогда он среди струй нагою застал Термодонта,
В коем она купалась, ее он взял как рабыню;
120 [121]
Резвую также кобылу, соперницу ветра Борея,
Лошадь гнедую, с гривой густой и косматой над выей,
Половину срока жеребая отходила,
И круглился живот от тяжести плодного чрева;
Также доспех боевой и щит назначил в награду:
Оный искусно откован был на кузне лемнийской,
Окаймлен золотою полоской, а в середине
Выпуклое крепленье серебряное сияло!
Также назначил наградой слитки златого Пактола.
После молвил он слово бодрое к ополченью:
130 [131]
"Други! Арей научил вас градорушительной распре,
А Посейдон темновласый править конной упряжкой!
К вам взываю, к мужам неустанным и необоримым,
К тяжким деяньям привычным! Вой и ратники наши
Доблестны и в походах, и в битвах искусны различных,
Ведь обитатель Лидии и уроженец Тмола
На коне преуспеет в деяньях пелопеидских,
Ведь уроженец писейской равнины, рождающей коней,
Ойномая земляк, гражданин колесничной Элиды,
Знают дикое древо олимпийской оливы...

140 [141]
Только у нас не скачки Ойномаевы, кои
Гибельны для чужеземцев, не свадьбы коварной награды -
Доблестное ристанье, места тут нет Афродите!
Ведь насельник Фокиды иль Аонйи по крови,
Знает толк в состязаньях Аполлона пифийских;
Кто в Марафоне родился, премудрости доме масличном,
Знает полные масла оливкового амфоры;
А насельник Ахайи плодоноснейших пашен
Ведает о Пеллене, где мужам состязаться
Суждено на ристаньях за плащ прекрасный из шерсти,
150 [151]
Коли замерзнешь зимою - согреет он хладные члены!
Кто же родился у брега, омытого морем Коринфа,
Ведает тот об истмийских играх в честь Палемона!"
Так Дионис промолвил, и все вожди поспешили
Каждый к своей повозке; и первым из них быстроногий
Эрехтей запрягает Ксанфа-коня в колесницу,
После к нему подводит и Подарку-кобылу;
Ветер Борей их родитель, с Гарпией ситонийской
Он сочетался на ложе в страсти бурной и пылкой,
После за Орифи́ю, аттидскую деву, невесту,
160 [161]
Были подарены кони Эрехтею как выкуп.
Бич исменийский после Актеон воздымает...
Третий - Энносигея отпрыск, бога пучины,
Скельмис быстроупряжный, часто он несся по влаге
Отчей, правя повозкой владыки морей Посейдона;
Фавн явился четвертым, он единый в собранье
Обликом ярким подобен отцу своей матери милой,
Восседал он как Гелий на четверной повозке.
Пятым Ахат явился на возке сикелийском,
Страстный ристаний поклонник, алкающий ветви оливы,
170 [171]
Взросшей в краю писейском, ведь вырос он в той отчизне,
Там, где нимфа спасалась от домогательств Алфея,
Предложившего сладкий ток Аретусе как выкуп!
Вот отводит родитель Актеона в сторонку
И советует, полный заботы о сыне любимом:
"Сын мой! Послушай! Родитель опытней будет в ристаньях!

Знаю, силен ты довольно, в тебе съединились совместно
От природы могучесть и юности бодрость цветущей,
В жилах твоих - кровь Феба, отца моего, и наши
Аркадийские кони силою всех превосходней!
180 [181]
Только напрасно все будет, и сила коней, и резвость,
И не видать победы, коль править искусно не будешь!
Только уменье на пользу идет, и в конном ристанье
Вáжна только искусность возничего умного будет!
Слушай, что скажет родитель, тебе пособлю я в уменье,
Многим искусным уловкам научу я в ристанье!
Сын мой, спеши почтить родителя добрым деяньем,
Славы добудь на ристаньях такой же великой как в битвах!
Доблесть в ристанье так же почетна как доблесть в сраженье!
Ты в бою победил - одержи победу иную,
190 [191]
Дабы назвал я сына атлетом и копьеборцем!
Сын мой! Сделай достойное родича Диониса,
Лучника Аполлона и благодланной Кирены!
Превзойди же деянья отца своего, Аристея,
Выкажи в колесничном беге искусность и ловкость,
Хитроумье и разум, ибо муж неумелый
Не удержит повозки до середины ристанья,
Разобьет колесницу, когда своенравные кони
Понесут, не внимая бичу иль крику возницы,
И, узды не почуяв, будут скакать без дороги,
200 [201]
И повлекут колесницу, куда лишь только желают!
Только лишь тот, кто помнит о мастерстве управленья.
Справится, действуя умно, и со слабейшей упряжкой,
Твердо следя за соседом, сосредоточив вниманье
На повороте, у самой меты удержит повозку,
Обогнет он сей камень, нисколько его не задевши,
Только коня, что поближе к мете, держи ты покрепче,
Сам отклонися немного туда же, в помощь движенью,
Ближе как можно к камню свой поворот ты исполни,
Только бы ступицей камень не тронуть, смотри же тут в оба,
210 [211]
На скаку самом полном этого остерегайся,
Как бы колеса повозки о камень не поломались,

Обозначающий точку, где надобность есть в повороте!
Вдвое поберегись, и лучше всего, чтобы оси
Не разбить и повозки, и коней не изувечить!
Правь же там осторожно, оберегая повозку,
Действуй как опытный кормчий, подбадривай коней ты криком,
Бей бичом по хребтам, да не щади их при этом,
Правую шпорь особо, чтобы быстрее скакала!
Ей не рви удила, пускай посвободнее будет,
Кормчему уподобься опытному на ристанье,
Строго держи направленье посередине, ведь разум
Надобен и вознице так же, как кормчему в море!"
Так он советовал сыну, а после того удалился
Он, в искусстве ристанья один из первых возничих.
Вот, как бывает обычно, один за другим потянули
Руки возницы вслепую в шлем, дыбы вытянуть жребий,
Ликом отворотившись... Каждый ждет жребия лучше,
Словно игрок, что кости вытряхивает на ладони!
Каждый поочередно тянет... Конелюбивый
Отпрыск от славной крови горнего Фаэтонта,
Фавн, обладает первым, второй Ахату достался,
После Дамнемея брату, за ним Актеону
Жребий выпал, но лучший вытянул напоследок
Эрехтен, бичеватель коней, любимец удачи!
Вот уж бичи воздымают бычьи в воздух возницы,
Стоя у колесницы каждый своей наготове,
Айакóс был назначен судьей непредвзятым ристаний,
Дабы следить за возками соперников на поворотах,
Оком смотреть неподкупным за спорами острыми и беге,
Также высматривать зорко - дéржатся ль правильно кони:
Вот и рванулись повозки с места! Одна устремилась
Сразу вперед, а другая следом, а третья желает
Словно между другими половчее вклиниться,
А последняя рвется приблизиться к двум поотставшим.
Часто на полном скаку сближаются колесницы,
Бурно возничий в затылок другому возничему дышит,
Оба вожжи покрепче натягивают руками
Вот иной поравнялся с соперником по ристанью,

Скачет он столь же быстро, не отставая нисколько,
То отклоняется в сторону, то выпрямляется снова,
Бедра крепко напрягши, гонит коней горячих,
Осторожною дланью подстегивает легонько,
То обращает очи назад, следя за другими,
Думает, что же предпримет тот, кто его настигает
(Ибо уж в бешеной скачке вскидывая копыта,
Конь почти задевает крутящиеся колеса!)...
О, не умерит ли бега возничий своей колесницы,
Отворотит ли, давая преследователю дорогу?
Снова и снова меняют направление бега
Те, кто вперед порывались, преграждая дорогу
Сзади мчащей повозке, чтоб не догнал их возничий
Ближний. Вот Скельмис, отпрыск бога Энносигея,
Бич морской воздымая, подаренный Посейдоном,
Отчее племя гонит коней, морем рожденных:
Так никогда не мчался, крылами высь рассекая,
И Пегас поднебесный, как ноги глубокопучиниых
Коней вращались в беге, прах земли попирая!
Все на одном собрáлись хóлме высоковершинном
Вой, желавшие видеть конные состязанья,
Издали все смотрели за бегом быстрым упряжек.
Вот привстал от волненья один, другой же рукою
Ободряет возницу, дланию помавая,
Третий, самóю скачкой увлекшись до самозабвенья,
Остро переживает за избранную колесницу;
Этот, увидев любимца, отставшего ненамного,
Бьет рукою о руку в досаде, то жалуясь горько,
То смеясь, то страшась - и подбадривает возницу;
Словно Медведица ярая, дивные колесницы
Будто летят по воздуху и, земли не касаясь,
Словно вихорь мчатся над песчаной дорожкой,
Быстровращающимся колесом на легком покрытье
Борозды оставляя глубокие и прямые -
Великолепно ристанье! Клубы вздымаются пыли,
Закрывая собою холки мчащихся коней,

Гривы коих по ветру вьются смерчам подобно!
Одновременные клики возниц кругом раздаются
Громче чем даже щелчки бичей, что хлещут по крупам -
Вот уж несутся повозки на последнем отрезке:
300 [290]
Скельмис вырвался первым, коней пучинных возница,
Эрехтей наседает следом, бичуя упряжку,
Кажется, что вторая летит колесница над первой,
Колесницею быстрой глубокопучинных тельхинов,
И жеребец могучий и статный царя Эрехтея,
Распластавшися в беге, дыша как бурные вихри,
Обдает уже пылом спину другого возницы
(Мог тот рукою своею гривы косматой коснуться!)...
Снова и снова Скельмис оглядывается осторожно -
Тот уж готов удила перегрызть в оскаленной пасти,
310 [300]
Клочьями пены покрытый скакун, настигший повозку,
Но Эрехтей умело отвернул колесницу
В сторону, дланью могучей вожжи стянувши покрепче,
Понемногу сжимает выи бешеных коней,
Рядом всё ж оставаясь - но столкновенья избегши!
Понял скачущий Скельмис, как избежал он невольно
Страшного в скачке паденья и воскликнул он грозно:
"Нет, не равняйся напрасно с морскими ты скакунами!
Пе́лоп древле упряжкой, родителем данною, правил
И победил Ойномая коней непобедимых!
320 [310]
Я, как возничий теперешний, призову Посейдона
Конника, влажного бога, - ты ж, скакунов бичеватель,
Чаешь победы с помощью девы-ткачихи, Афины!
Мне не надобно ветви священного древа, оливы
Бесполезной, мне нужно венца из лозы виноградной!"
Так он сказал, и дотоле Эрехтей, распаленный,
Распалился сильнее, и быстрый разумом, начал
Измышлять злоковарства. Руки правили, в сердце ж
Он взмолился к Афине, владычице отчего града,
Речью аттической быстрой прося в ристанье подмоги:
330 [320]
"О Кекропи́и владычица, о безматерняя дева,
Коней другиня, Паллада, низвергла ты Посейдона

Древле, так пусть марафонский возничий увидит сегодня
Отпрыска Энносигея в ристании побежденным!"
Так взмолившись, он хлещет по ребрам неистово коней,
И поравнялась повозка - ярмо в ярмо - с предыдущей,
Левой рукою хватает он недоуздок кобылы
Супротивника, бег несущейся рядом повозки
340 [328]
Остановив, а правой бьет своих коней по холкам,
Принуждая рвануться вперед свою колесницу,
Оставляя соперника по ристанью немного
Позади, занимая место первым по скачке!
На Посейдонова сына он со смехом взирает
И восклицает, к нему с колесницы своей обернувшись:
"Ты побежден, о Скельмис! Сильней Эрехтей оказался,
Хоть жеребец твой, Балио́с, от крови зефиреидской,
Младше - и не замочив и копыт, промчался б над зыбью!
Победила его моя кобыла Подарка!
Коли ты чванишься слишком искусством Пе́лопа в беге
Конном, отца восхваляя, даровавшего коней,
350 [340]
Знай: не уменьем, обманом Ми́ртила победили,
Подменивши ось настоящую - восковою!
Коли так уж гордишься отцом своим, Энносигеем,
И владыкою моря, и владельцем трезубца,
Знай: Афина-дева мужа сего ниспровергла!"
Так Афин обитатель ославил тельхина в ристанье!
Следом же Фавн несется, нахлестывая четверку -
Актеон же четвертым за Фавном сразу же мчится,
Осторожно-разумный, отца совет не забывший;
Только лишь самым последним скачет Ахат-тирсениец.
360 [350]
Тут Актеон отважный и замышляет уловку:
Настигает он Фавна, что впереди его мчался,
Коней нахлестывая, меняет чуть направленье,
С ним становится вровень с тайным умыслом в сердце,
После вперед вырывается и в колесо упирает
Голень, сбивая повозку Фавна с ровного бега,
Колесом попадая меж ног несущихся коней -
Валится набок повозка Фавна, падают трое
Скакунов во прах, увлекаемы кузовом тяжким,

Первый на бок, на чрево второй, и грянулся выей
370 [360]
Третий, остался четвертый, выпрямившийся мгновенно,
Он копытами всеми в землю уперся, задравши
Морду, попав ненароком в рядом упавшую лошадь -
Упряжь его не дала совсем завалиться повозке!
И пока бились о землю упавшие кони, возница
фавн во прах покатился рядом с повозкой своею,
В облаке пыли сокрывшись плотной, поднявшейся тут же,
Лоб разбил, подбородок, грязью дорожной обляпан!
Только опомнился сразу возница и кинулся быстро,
Полный досады и пыла, к выпрямившейся повозке,
380 [370]
И от стыда сгорая, стал поднимать он коней,
Их нещадно хлеща бичом своим, свищущим грозно!
Актеон же отважный, мимо Фавна промчавшись,
Так воскликнул, невинно глядя на горе возницы:
"Не утруждайся напрасно, бичуя коней ленивых,
Не утруждайся, ведь буду раньше тебя я у цели
И передам Дионису, что Фавн притащится позже
Всех остальных возничих, таща на себе колесницу!
Бич свой побереги, мне видеть больно и жалко,
Как бока твоих коней до язв исхлестаны в скачке!"
390 [380]
Молвив, взмахнул он бичом, погоняя коней четверку
Яростнее, чем ране - и Фавн это слышал в досаде!
Делать нечего: упряжь он хватает и тянет,
Встать помогая коням, лежащим в пыли придорожной,
Вот уж ремни подтянул он на жеребце горячем,
Ставит его на место, упряжь на нем поправив,
Разобравши постромки, спутавшие копыта,
Сам взбирается сразу на свою колесницу
400 [388]
И упершись ногами покрепче и понадежней,
Хлещет бичом своих коней, вперед посылая повозку
И настигнуть пытаясь промчавшиеся колесницы.
Это ему удается, ибо вдохнул в его коней
Энносигей и горячность, и пыл, милосердствуя сыну.
Узкий проход в нависших скалах увидел возница,
Фавн, и в сердце составил замысел хитроумный,

Дабы упряжку Ахата настичь с несказанным уменьем!
Был там овраг по дороге глубокий, его сотворила
Влага Зевеса потоком ливней, льющихся с неба
В зимнее время обильно - струи бурные землю
Поизрыли, и рытвин образовалося много;
410 [400]
Должен был там невольно Ахат придержать упряжку,
Дабы с повозкою Фавна, нагнавшей его, не столкнуться!
Фавн все мчался и мчался. Ахат, испугавшись, воскликнул:
"Тише! Фавн неразумный! Грязь еще не обсохла
На хитоне, а упряжь в песке да глине дорожной,
Да и кони от грязи паденья еще не отмыты -
Что же ты мчишься куда-то, что же за спешка такая?
Как бы мне не увидеть снова паденья повозки!
Лучше остерегися дерзкого Актеона -
Как бы бичом воловьим тебя не огрел он о спину,
420 [410]
Как бы снова главою вперед ты во прах не слетел бы!
О, посмотри, на ланитах твоих царапины свежи,
Фавн! Не безумствуй, опомнись, неужто покроешь позором
Ты отца Посейдона и Гелия, деда по крови?
Вспомни сатиров племя и их смешливые глотки,
Племя силенов вспомни и спутников Диониса -
Не осмеяли б они замызганную повозку!
Где же коренья да травы, где зелия разные Кирки?
Все привело бы в чувство тебя, отрезвило б пред скачкой!
Кто б возвести л благородной матери новость такую:
430 [420]
"Колесница разбита, а бич в нечистотах дорожных!""
Так говорил, надсмехаясь, Ахат поиосиые речи -
Но Немесида-богиня это в уме записала.
Вот уж Фавн нагоняет, вот уж и рядом несется,
Бьет о повозку повозка, и втулки колесной коснувшись,
Оную вышибает из повозки Ахата!
Катится втулка, крутясь, далеко по дорожному праху
Было так и с Ойномаем, когда восковое изделье
Под Фаэтонта лучами стало плавиться быстро,
И сократило участье в ристанье ярого мужа.
440 [430]
Там Ахат и остался, застряв в сем узком овраге;

Фавн, удержавши во дланях четверку резвую коней,
Хлещет бичом их сильнее, минуя мгновенно Ахата,
Словно и не бывало его тут, и вновь воздымая
Бич, понуждает упряжку нестись в неистовом скоке!
Вот уж за Актеоном грохочет он, их разделяет
Лишь расстоянье в длину покрытую пущенным диском,
Брошенным в поле рукою сильной, умелой и быстрой!
Повскакали все с места, спорить стали друг с другом.
Кто победит в ристанье, делали в споре и ставки
450 [440]
На победителя, веря в победу коней резвейших,
Ставили кто треножник, кто чашу, а кто и оружье;
Спорил сосед со своим соседом, товарищ рядился
С милым другом, старик с юнцом, а воин с хоробром!
Делали ставки пылко - этот хвалил Ахата,
Тот бранился на Фавна, крича, что только безумец
Мог опрокинуть повозку, вывалившись наружу,
Третий держался мненья, что лишь Эрехтей примчится
Скельмису вслед, вознице коней морских быстроногих,
Спорил один с другим, что в этом конном ристанье
460 [450]
Победит непременно ловкий Афин обитатель,
Что после Скельмиса сразу примчит он к цели упряжку!
Не прекращалися споры, когда Эрехтей показался
Первым, хлеща по ребрам неистово скачущих коней;
Пот струился по шеям обильный, и гривы густые
Взмокли от влаги соленой, клубилася пыль над повозкой,
Словно темнеющий облак, скрывала собою возницу;
Вслед мельтешащим копытам прогромыхали колеса,
Медные обода встревожили прах легчайший,
Замедляя вращенье после неистовой скачки.
470 [460]
Вот победивший в ристанье стоит посреди колесницы,
Правя к открытому месту, полою сухою хитона
Едкий пот отирая со лба, струящийся щедро,
Спрыгивает на землю у благозданного ига,
Бич огромный воловий небрежно там оставляет -
Тут же распряг Амфида́мас, служитель, сию колесницу...
Эрехтей же награды принял веселой рукою:
Лук и колчан, и рабыню благошлемную с ними,

Также щит полукруглый с искусной заклепкой в средине!
480 [469]
Вот вторым подъезжает на конях морских быстроногих
Скельмис, правя повозкой, дарованной Посейдоном,
На промежуток отстав меж лошадью и возницей!
И касались власы густые, бегущие вольно
Быстровращающихся ободков колес, что гремели;
Взял он вторую награду, жеребую кобылицу,
Дамнеменею отдал, служителю, дланью ревнивой;
Третьим только примчался Актеон, получивши
Златокованный панцырь, труд Олимпийца искусный.
После и Фавн подъезжает, ставит на место повозку,
Щит получая округлый с серебряною отделкой,
490 [480]
Все еще грязью покрыт возница от бешеной скачки.
Вот Сикелóс прислужник выносит к повозке последней
Опечаленного Ахата пару талантов
Золотом, - так утешает Вакх блистательный друга.
Бог объявляет после кулачный бой беспощадный!
Первой наградою назван бык из индийского стойла,
Варварский щит пестроцветный был наградой второю;
С места встает Лиэй и кличет на состязанье
Полных силы могучей во дланях мужей именитых,
Кто бы пред всеми поспорил в кулачном бою за победу:
500 [490]
"Будет тут состязанье жестокое, а победитель
От меня да получит быка косматого сразу,
Побежденный же примет щит многослойный в награду!"
Молвил Бромий, и тут встает Мелиссей-щитовержец,
В битве кулачной искусный, быка круторогого взявши
За загривок, речет такое гордое слово:
"Пусть другой пестроцветный щит получает, другому
Не позволю владеть я быком, пока руки подъемлю!"
Так он сказал, и молчанье вдруг кругом воцарилось.
Только один Эвримéдон поднялся, кому снаряженье
510 [500]
Сам Гермес подарил, и этот отпрыск Гефеста
Время часто у мéхов отца, помогая в работе,
Проводил, ударяя молотом по наковальне.
Брата в бою готовит Алкон, его ободряя,

Запон ему подает, поправляет пояс на чреслах,
А на руках узловатых кровника крепко он вяжет
Кожи воловьей ремии сухой, сплетенные парно.
Вот на средину выходит боец, пред собою подъявши
Левую руку как щит, и острому дроту подобны
Были края ремией, обернутые вкруг дланей!
520 [510]
Перед натиском бурным противника он защищался
Верно, не мог тот уметить ни надбровья, ни брови,
Ни ударить, чтоб сразу брызнула кровь изобильно,
Ни поразить ужасно, висок зацепив десницей,
Дабы мозг сотрясеньем, вместилище мысли, разрушить,
Ни прорваться к глазнице справа скользящим ударом,
Дабы глаза бойца в пелене кровавой ослепли,
Также никак в подбородок попасть не мог он при схватке,
Дабы противник зубы выплюнул от удара!
Вот, когда Эвримедон нападал, приоткрылся
530 [520]
Мелиссей и ударил в грудь - но на пясть он наткнулся
И соскользнула десница мимо, лишь воздух сотрясши,
Но Мелиссей подиыриул под защиту, к груди приближаясь,
И умети л ударом под сосок ее мощным:
Тут сплелися друг с другом они, ногами ступая
Осторожно, будто топчась на месте едином,
Руки тоже как будто сплелись в непрерывном обмене
Мощных ударов, узлы же на ремнях их скрипели,
Издавая ужасный шум, и кровью обильной
Щеки сочились, ремней плетенье в пурпур окрасив.
540 [530]
Кости от гулких ударов трещали, лица опухли,
Губы, скулы и шеи уже раздулись ужасно,
И глаза их, казалось, ушли глубоко в глазницы!
Вскоре перед искусным натиском Мелиссея
Стал слабеть Эвримедон. К солнцу лицом повернуться
Вынужден, и не видят очи, и наступает
Мелиссей, и вот он быстрым броском уж уметил
Прямо в челюсть его, под ухо, и грянулся оземь
Супротивник, спиною растянувшись во прахе,
Словно беспамятный пьяный, головой запрокинут
550 [540]

Набок, кровавая пена на губах показалась,
Выю запачкав - и тут же быстро к нему подбегает
И уносит с площадки Алкон, кровный сородич,
Мужа, сраженного дланью могучей, с собой забирает
Щит пестроцветный огромный, сокровище смуглого инда.
Вновь Дионис выкликает сразиться желающих пару
И объявляет награды, назначенные при победе.
В двадцать локтей треножник сулит победителю боя
Бромий, а кто в состязанье проиграет, получит
Медный котел огромный с узором цветочным по краю,
560 [550]
С места встает Дионис и кличет гласом призывным:
"Что ж, выходите, други, кто хочет сейчас состязаться!"
Молвил - и тут же по зову благовенчанного Вакха
Встал Аристей сначала, а вслед за ним и поднялся
Айакóс, что искусен в кулачных весьма поединках.
Пояс набедренный только на них, что срам прикрывает,
Обнажено остальное тело. Оба сначала
Сгибы локтей друг друга ухватывают покрепче,
И на месте толкутся, утаптывая площадку,
Пальцы переплетя - ни один не отпустит другого!
570 [560]
Держат они за запястья крепко и сильно друг друга,
То продвигаются кругóм, захват провести пытаясь,
То проводят приемы толчками искусно иные,
То вдруг, сплетясь воедино, пястями держат затылки
Мощные, уперевшись лоб в лоб, но не двигаясь с места:
Каждый другого пытается перебороть, и обильно
Катится пот со лбов, великой усталости признак,
Спины обоих согнулись под натиском силы безмерной,
Давящей плечи, затылки в двойном сплетенье захватов,
Впились ремни глубóко в тела, и уже заалела
580 [570]
Кожа, окрасившись первой кровью, на ней проступившей!
Так вот каждый против другого борясь, все уловки
Боя выказывал смело. Вот противника первый
Аристей за бедра ухватить исхитрился,
Оторвав от земли. Но ловкости не теряет
Айакóс хитроумный - быстрым искусным ударом
Пятки левую ногу Аристея подсек он -

И низвергся противник, грянувшись оземь спиною,
Словно скалы громада; вокруг народ затолпился,
С удивленьем безмерным глядя на отпрыска Феба,
590 [580]
Столь огромного мужа, мощного, с силой великой.
И тотчас Айакóс, ухвативши сына Кирены
С праха без напряженья, поднял в воздух на дланях
(Славу таких свершений он передаст своим детям,
Яростному Пелею и мощному Теламону) -
Держит его, не тронув ни спины, ни затылка,
Прямо посередине парою пястей могучих,
Руки сошлись как стропила, что строил плотник искусный,
Ветрам противостоящие зимним, холодным и бурным!
Вот, наконец, он бросает с силой противника наземь,
600 [590]
Прижимая в средине спины широкой, а ноги
Скручивает захватом... Телом сильней налегает -
Стиснуты крепко колена противника узами словно,
Щиколотки прижаты щиколотками ко праху,
Сам же он, укрепившись, руки противника быстро
На затылок заводит и держит, очелью подобно,
Дланью железной притиснув пясти и пальцы к затылку!
Крупный пот покатился, прах вокруг увлажняя,
С плеч, да только пригоршней песка он его осушает,
Дабы не выскользнул ловко противник из-под захвата,
610 [600]
Влажно-горячим затылком вывернувшись преискусно.
Все еще продолжалась борьба, когда вестник явился
Быстрый, сей наблюдатель за играми справедливый,
Дабы поверженного не убили в пылу состязанья.
Правил тогда не знали (позже законы были
Установлены): если побежденный соперник,
Не имеющий силы освободиться от дланей
Смертоноснейшей хватки, молчит и ладонию легкой
Мужа коснется, то значит себя признает побежденным!
В двадцать локтей треножник приняли гордые слуги
620 [610]
Басилея-борца, мирмидоны, могучее племя.
Актеон же стыдливой рукою медную чашу
Взял, другую награду отца, огорчался в сердце.

Вакх возглашает новое состязанье, по бегу.
Первой наградою он назначает теперь за победу
Из серебра кратер и пленницу, взятую с боя,
А второй - жеребца фессалийского с пестрою шеей,
Также и меч изострый с перевязью искусной.
С места привстав, возглашает призыв к мужам быстроногим:
"Вот бегунам резвостопым какие будут награды!"
630 [620]
Молвил - и некий поднялся муж, искуснейший в беге...
Встал Эрехтей с ним рядом, в замыслах изощренный,
Полный силы - он мил победительнице Палладе!
Прйасос быстрый идет, сей кибелеидский насельник.
Вот они бросились вместе бежать. Окйтоос первый,
Бурноногий и ловкий, мчится, он ветру подобен,
Бег сейчас возглавляя - за ним же вплотную
Мчится, чуть отставая, муж Эрехтей быстропутный,
Так что Окйтоос чует дыханье его за спиною,
Веющее в затылок ему горячо, он так близок,
640 [630]
Словно меж тканью и грудью зазор на одежде девичьей,
Ткет которую дева, над станиной склоняясь -
Отставал соперник на расстоянье такое!
Первый же клубы пыли оставил следом бегущим...
Но почуял бегун, что не отстает и соперник,
Мчится со скоростью равной, вот уж, поди, настигает,
И стремится он, быстрый, вперед с удвоенным пылом,
И разрыв увеличил! И за победу страшится
Эрехтей н Борею начал молиться он страстно:
"Зять, помоги, коли помнишь любовь ты с дочкой моею,
650 [640]
Коли страстное жало эротов в тебе не остыло!
Дай мне быстрые крылья, дабы добиться победы,
Дабы Окитоос резвый был бы мною настигнут!"
Молвил - и внял Борей молящего родича гласу,
И дохнул ему в спину бурным своим дуновеньем!
Вот помчались все трое, бурному ветру подобны,
Но не с успехом равным - ровно настолько, насколько
Эрехтея Окитоос быстрый в беге обставил,
Столько же Прйасос гордый уступил Эрехтею,
Родом бывший из края фригийского... Быстро помчались

660 [650]
Дальше соперники, ноги в беге своем обращая.
Тут Окитоос резвый поскользнулся случайно
Подле кучки навоза, там, где возле гробницы
Вакх мечом мигдонийским резал животных для жертвы.
Снова вперед рванулся, стопы́ обращая быстрее,
Резвый Окитоос, только противник его бурноногий
Мимо уже промчался, вырвавшись сразу же первым -
Если б только пришлося обоим бежать подольше,
То догнал бы соперник насельника града Афины!
Так же награду принял Эрехтей бурноногий
670 [660]
Первую - сидонийский кратер. Окитоос принял
Фессалийского жеребца. А третью награду
Прйасос получает - меч с рукоятью сребряной!
Сатиров племя смеялось язвительно и лукаво,
Видя сего корибанта, запачканного навозом,
Грязь отчищающего с лица и вонючую жижу!
Вот предлагает железный диск метать, состязаясь,
Бог Дионис, побуждая дискоболов к ристанью.
Первой он назначает наградой ко́пья с гривастым
Шлемом, второю - пояс изукрашенный яркий,
680 [670]
Третьей наградой - чашу, четвертой - небриду. Зевеса
Златокузнец снабдил ее золотою заколкой.
С места встав, на средину, выйдя, бог возглашает:
"Вот какие награды удачливым дискоболам!"
Молвил Бромий - и встал на круг Мелиссей щитоносный,
Вслед поднимается сразу Халимед резвоногий,
Третьим же - Эвримедон, четвертым является Акмон.
Вот у черты они встали, каждый подле другого;
Мечет диск Мелиссей: летит он, крутясь, неудачно -
И силены смеются над этим броском столь напрасным...
690 [680]
Эвримедон бросает свой диск ладонию мощной,
Диск крутящийся бросил многоопытной дланью
Акмон гривасто-шлемный и так снаряд сей забросил,
Что высоко по воздуху диск железный помчался
И Эвримедона метку за собою оставил,
Яро вращаясь. Последним Халимед сильнобедрый

Мечет диск, посылая снаряд сей в воздух высоко,
Быстро поверху мчится резвому вихрю подобный
Диск из могучей пясти пущенный, словно из лука
Вылетела стрела, пронзая ветер собою,
700 [690]
Устремляясь с небесной выси в пологом полете,
Так и диск улетает над землею далёко,
Из преискусной длани направленный собственным весом -
Дальше других укатился диск сей. И зашумели
Зрители состязанья, повскакивали, закричали,
Изумленные силой и дальностию полета!
Так получает награды - и копья, и шлем пышногривый -
И уносит с собою Халимед мощнорукий.
Акмон ловкий уносит пояс златоблестящий,
Эвримедон же чашу двуручную забирает,
710 [700]
Драгоценное диво. Лик опустивши стыдливо,
Мелиссей получает пеструю шкуру, небриду.
Вот Дионис состязанье мужам в стрельбе предлагает
И выставляет награды: первым мул-семилетка
Выведен на обозренье всем, кто желал состязаться,
И благозданный кубок выносят тому, кто другую
Завоюет награду в стрельбе из лука. Эврúал
Укрепляет в песчаной почве огромную мачту,
Снятую с корабля, а после к самой верхушке
Он привязывает голубку дикую крепко
720 [710]
Тонкой нитью за лапки, дабы не улетела!
А божество возглашает голосом громким и звонким,
Всех стрелков призывая умелых к сему состязанью:
"Кто б из стрельцов не уметил голубки хрупкое тельце,
Тот драгоценного мула получит за эту победу.
Тот, кто прицелившись, только стрелу пошлет мимо цели,
Острием благозданным не тронув плоти пернатой,
Лишь только узы заденет, коими связана птица,
Тот получит награду худшую: худший стрелок он!
Вместо мула лишь кубок унесет он с собою,
730 [720]
Возлиять Стреловержцу и виноподателю Вакху!"
Слово такое услышав от щедродарного бога,

Гименей благовласый выходит, за ним и Астéрий
В цель он заботливо метит, в голубку на самой вершине,
Кносский лук изгибая с тетивой напряженной,
И стрелу посылает согласно со жребием. Только
Задевает лишь узы, разрезаны лезвием острым
Путы, и быстро взлетает освобожденная птица,
А бечевка на землю падает... Пристальным взором
Гименей за голубкой следит, исчезающей в небе,
740 [730]
После свой дальнобойный с силою лук напрягает
И посылает по ветру высоколетящее жало
Острое, прямо полету голубки метя навстречу!
Мчится пернатое жало, по воздуху пробегая,
Острое - и сквозь облак свища как ветер несется,
Ибо стрелу направил Аполлон, угождая
В страсти несчастному богу, сородичу Дионису
Быструю же голубку пернатая настигает,
Грудь пронзая навылет... С поникшею набок головкой
Падает быстрая птица с неба прямо на землю,
750 [740]
Бьется, уже умирая, прах воздымая крылами,
И замирает, вздрогнув, у ног плясовода Лиэя.
Вот божество в знак победы, от радости бурно ликуя,
Рукоплещет неистово юному Гименею,
Вскакивают в едином порыве зрители с места,
Выстрелу изумляясь заоблачному Гименея;
Вот Дионис, улыбаясь, собственноручно подводит
Мула, обещанного Гименею за выстрел победный,
А Астерия кубком друзья в этот раз утешают.
Тут метателей копий дружески посостязаться
760 [750]
Вакх вызывает, награды индийские назначая:
Пару поножей и камень со дна эритрейской пучины.
С места встает и молвит слово, клича героев
Двух, прося показать, как бьются в бою смертоносном
Вой, железа изострого в ход не пуская, однако!
"Пусть два мужа сразятся, копья уставив друг в друга,
Что в благородном сраженье и распре щадящей искусны!"
Тут же на Бромия зов, ополченный доспехом железным,
Вышел Астерий, за ним Айакóс на средину выходит,

770 [759]
С медным копьем, вздымая щит, изукрашенный щедро,
Словно лев, что взыскует дикого тура в добычу
Или косматого вепря. Доспехом железном одето
Тело сих ратоборцев обоих, любимцев Арея,
Вышедших на поединок. Вот бурное жало Астерий
Мечет, Миноса силой отческой наделенный,
И поражает в десницу соперника-копьеборца;
Сулицу воздымает медную, в горло направив,
Муж Айакóс, подвигаемый силой всевышнего Зевса,
Хочет он супротивника в мягкую выю уметить;
Вакх прекращает схватку, кровавое жало хватает,
780 [770]
Дабы изострым железом в выю боец не ударил.
Встал он между мужами ярыми, громко воскликнул:
"Копья тотчас оставьте, дружеский бой явите,
Тут поединок бескровный, не ранят бойцов в состязанье!"
Молвил - и принимает награду свою за победу
Айакóс, и, гордяся, златые слугам поножи
Передает, а вторую награду за бой принимает
Воин Астерий, камень самоцветный индийский!

Песнь XXXVIII

Песня тридцать восьмая поведает нам о судьбине
Огненной Фаэтона несчастного в колеснице!

Кончились игры, народы вернулись в укрытие дебрей,
По шатрам разошлися. И дикие жители, паны,
Спрятались по ущельям, по логовищам глубоким.
Там, где в пещерах природных находят убежище ночью
Дикие львицы. К лежкам сатиры устремились
Ярых медведиц и ложа вырыв копытами, ибо
Острий железных они не имели, чтоб камень разрезать,
Спрятались до сиянья утра, пока для обоих
Войск не поднимется в небо мирная Эос повозка,
Свет разливая над ними, а круговратное время
10 [11]
Мигдонийскую битву и ярость индов свирепых
Отодвигает как будто... Нет ни резни, ни убийства,
Ни ратоборства, и Вакхов щит шесть лет от сражений
Отдыхал, пауки лишь ткали на нем паутину
Но явилися Хоры и год седьмой возвестили
Битв и дали знаменье винолюбивому Вакху
С иеба, великое чудо: при полном днéвном сиянье
Мрак опустился на землю и, черноплащный, окутал
Лучезарное Солнце темным и плотным покровом,
Скрыл лучи Фаэтонта - и тьма над холмами сгустилась.
20 [21]
Всюду огни задрожали, то тут, то там пролетали;
Искры небесной повозки сквозь облачные разрывы
Над землею сверкали и над склоном скалистым
Ветерки заструились, пока ие явилась повозка
Гиперйона сверху, сияя Огненным блеском.
Нетерпеливому Вакху летящий орел показался
В небе высоком, держащий змея рогатого в лапах
Острокогтистых, тот быстро изогнулся всем телом
И ускользнул, головою бросившись в воды Гидаспа.
Трепетом благоговейным все проннклося войско.
30 [31]

Идмон же благоразумный (ведь ведал он таинства Музы
Урании, и знал он ход круговратный созвездий!)
Только один оставался спокойным. Когда-то он видел
Темную тень Селены, Солнце собою затмившей,
И пурпурное пламя, пробившееся из-под круга,
Скрывшего ход Фаэтонта, что и видеть не должно,
И грохотание слышал туч, столкнувшихся в высях,
Рев небесный, ужасный и пламенную комету
Видел, и камень сверкнувший и взблескиванье зарницы!
Все Урании науки божественный Идмон изведал,
40 [41]
Дерзкий умом и сердцем бесстрашный, от этого полон
Он спокойствия; ликом смеющимся мудрый провидец
Весь народ ободряет, сказав, что победа уж близко,
Близок конец похода, длившегося столь долго!
Тут Эрехтей провидца фригийского вопрошает,
Только увидев знаки вышнего Дия, на пользу ль
Знаменья Индоубийце Вакху - иль недругам только...
Жаждал не столько проведать про битвы исход, сколь услышать
Явленной в тайнах знамений речи с высей Олимпа,
О движеньях созвездий, о беге Мены по небу,
50 [51]
И о том, как Солнце при свете дня исчезает
Вдруг... Ибо вечно о всяких виденьях божественных жаждут
Знать обитатели Аттики, знатные мудролюбцы!
Не пренебрег предсказатель ничем, и встал, потрясая
Тирсом Вакха, не лавра панопеидского ветвью,
И такое измолвил слово, пророчества полный:
"Знать, Эрехтей, желаешь слово, что сердце покоит?
То лишь единые боги, Олимпа насельники, знают!
Молвлю, как научил Аполлон с лаврового ветвью!
Нет, не страшись зарницы, огней не бойся струистых,
60 [61]
Не трепещи, что Гелий темным сделался, птицы
Не пугайся Олимпа, пророчащей Вакху победу!
Словно змей рогоносный, раздавленный лапой когтистой,
Схваченный хищною птицей, пронзенный ею до смерти,
Сгинувший в водах текучих, в речных исчезнувший струях,
Словно гад умерщвленный, влагой Гидаспа сокрытый,
Дериадей погибнет в родимых валах отцовских,

Обликом быкорогим схожий с родителем милым!"
Так прорицатель старец изрек, и слову пророка
Радовалось все войско, но более всех изумлялся
70 [71]
И ликовал безупречный града насельник Афины,
Сладостным упованьем полон, как будто он в битве
При Марафоне низвергнул врага вслед Дериадею!
После и Дионису, любящему отроги,
Кровник Гермес явился вестником Дия небесным,
Молвить слово такое, в победе его уверяя:
"Не страшися знамений, хоть день и сделался ночью:
Это, о Вакх бесстрашный, отец Кронион пророчит
Индоубийце победу, ибо с явившимся Солнцем
Облик сравню я Вакха лучащегося, что над индом
80 [81]
Смуглокожим и ярым все же восторжествует!
Это природе подобно: тьма выходит на небо,
Гасит день лучезарный, день закрывая собою,
Но поднимается в выси небесная колесница
Гелия бога, пылая, и тьму опять разгоняет!
Так вот и ты отгонишь от глаз своих морок туманный,
Тартарийский рассеешь Эринии яростной сумрак,
Вновь над Ареем заблещет лучистый бог Гиперйон!
Столь великого чуда Айóн вовеки не деял
С той поры, как низвергнут Фаэтон, опаленный
90 [91]
Пламенем, с колесницы огненной Гелия в небе -
Полусгоревший, нашел он погибель в кельтском потоке!
Отрока дерзкого стали на берегах Эридана
Гелиады оплакивать, горько стеная листвою!"
Молвил - и Дионис преисполнился упований,
Из любопытства он просит бога Гермеса поведать
Быль Олимпа, что знают и кельты на западе дальном,
Как Фаэтон низвергся с высей небесных на землю,
Как Гелиады у токов скорбного Эридана
Преобразились в стволы, как с веток и листьев деревьев
100 [101]
Медленно слезы катились, сияя, в бурные струи!
И ему отвечая, Гермес сладкоустый поведал
Сказ вдохновенный и чудный любопытному Вакху:

"О Дионис, о пастырь, милосердный ко смертным,
Коль любопытством томишься сладким по древнему сказу
Молвлю о Фаэтоне все по порядку, что знаю!
Шумный поток, Океан, окруживший собой мирозданье,
Влажным круговоротом бегущий по кругу земному,
В оное время Фетиду выбрал на ложе в супруги,
С нею влагообильный пращур зачал Климену,
110 [111]
Деву прекраснейшую Фетида грудью вскормила.
К деве благораменной за красоту и приятство
Гелий, чей бег за двенадцать месяцев год составляет,
Чья дорога проходит в семи поясах поднебесных,
Гелий, пламени ключник, вспылал пламенами иными.
И сиянья лучей сильнее сияние страсти!
Только над алым потоком шумящего Океана,
Омывая свой облик эойский, от ложа восстал он,
Подле себя он деву увидел, она же, нагая,
В волнах родительских милых беззаботно плескалась,
120 [121]
Белым телом сияя, как будто бы блеск набирала
В небе всплывая двурогим диском округлая Мена,
Что в вечернем просторе над влагою ярко блистает;
Дева скользила во влаге, смутно виднеясь, босая,
Гелия поражая румянцем ланит как стрелою!
Словно призрак скользила, но ни единой повязки
Персей ее не скрывало и полукружья изгибов
Тела во влаге сребристой мерцали чуть розовея!
Отдал отец свою дочерь вознице небесному в жены,
Свадьбу Климены тотчас восславили быстрые Хоры
130 [131]
С Гелием светоносным, и нимфы, и девы-наяды
Веселились вокруг, и на луговине струистой
Благосоложная дева пламенным сочеталась
Браком, в прохладные длани жаркого приняв супруга!
Блеск над брачным покоем разлился созвездий небесных,
Песню в честь Гименея слагали светило Киприды
И Эосфóрос, вестник сей свадьбы. Точно как светоч
Брачный сияла Селена над единеньем влюбленных!
Хор Гесперид ликовал, и вместе с супругой Фетидой
Пел Океан мириадом уст величальные гимны!

140 [141]
Скоро дева Климена чреватою стала во браке.
Только лишь сроки настали для бремени, разрешилась
Сыном она светоносным, чудесным, и подле младенца
Явленного зазвенела отчего песнь поднебесья!
Дочери Океана тотчас омыли малютку
В волнах струистых деда, а лишь очистив, в пеленки
Сразу же уложили... Звезды, сияя, скользнули
В круговорот Океана, столь хорошо им знакомый,
Окружив колыбельку, и Илифи́я Селена
Разлила над малюткой сиянье, Гелий же имя
150 [151]
Собственное младенцу дал, в знак того, что признал он
Сына. Тотчас замерцало сиянье в лике малютки -
Им же родитель Гелий его наделил от рожденья!
Часто на плавной зыби вздымал осторожно и нежно
Океан Фаэтона посередине пучины
Пенной - то он подбросит до самого неба младенца,
По-над самым гребнем неся его быстро как ветер,
То подхватывает налету его дланью безмерной,
Снова подбрасывая... Но часто падал младенец
Мимо протянутой длани пращура Океана,
160 [161]
В бурных водоворотах влаги черной скрываясь,
Словно пророча погибель - и старец, видя такое,
Тяжко и горько стенал, сии прозревая знаменья,
Но молчал, дабы сердца любящего Климены
Не тревожить, открыв ей Мойры замысел страшный.
Мальчик же быстро вырос, то в доме родном пребывая
Матери милой, Климены, то путешествуя часто
К пастбищам Тринаки́и, где оставался подолгу
У Лампети́и, бычьи и козьи стада выпасая...
Но колесницей отца священной он жаждал все жарче
170 [171]
Править и даже из древа выстроил собственноручно
Колесницу с парой колес и подвижною осью!
Упряжь придумал также, из гибких ветвей и стеблей
Разных растений садовых и трехконечную плетку,
А четырех барашков согнал под мнимое иго!
После, изображая звезду Эосфо́рос, из белых

Венчиков разных цветов венок круговидный сплетает
И его водружает над благозданной повозкой,
Утреннему светилу подобно, а после над первым
Густорунным бараном факелы укрепляет,
180 [181]
Изображая сиянье лучей родителя в небе,
Едущего над брегом острова в море прибойном.
Юности благоцветущей возраста быстро достигнув,
Часто пламень отцовский трогал рукою, и упряжь
Огненную повозки перебирал и стремился
Звездный бич удержать, и попоны конские дергал
Белоснежною пястью - так отрок живой забавлялся,
Возложивши десницу на огненнопылкую сбрую...
Охватило желанье страстное отрока править!
Сев на отцовы колени, просит бразды со слезами,
190 [191]
Ездить хочет в повозке с упряжкою огненных коней!
Нет! - отвечает родитель, он же речью кратчайшей
Умоляет и просит, и молвит отец с колесницы
Сыну юному слово, любя его и жалея:
"Гелия милый отпрыск, внук дорогой Океана!
Требуй иную почесть, что тебе неба повозка?
Пусть свой бег совершает, не можешь мою колесницу
Ты удержать, я сам-то еле с нею справляюсь!
Ярый Арей зарницей пламенной не ополчался,
Нет, он песнь боевую из трубы извлекает!
200 [201]
Также Гефест не гоняет туч по небу отцовых,
И, как Зевесов сын, не зовется "Тучегонитель",
Нет, но по наковальне молотом бьет железным,
В мехи кузни вдувая ветер, содеянный дланью!
Лебедь крылатый птица Аполлона, не лошадь,
Он не пытается даже отцовых перунов касаться!
Жезлом Гермес владеет, но не отцовой эгидой!
Скажешь: Загрей, однако, метал Зевеса зарницы!
Да, метал, и погибель его при этом постигла!
Сын мой, остерегись - великие беды познаешь!"
210 [211]
Так он сказал, но сына не убедил, и слезами
Орошая одежды, юноша просит и молит,

Пястью ласкает подбрадье в знак умоленья отцово,
Падает на колена, выю пред богом склоняет,
Умоляя - и к сына мольбе склоняется Гелий.
Молит и просит Климена также, и скорбный родитель,
Ведая в сердце плетенье неумолимое Мойры,
Соглашается, плача, и утирая потоки
Слез с ланит Фаэтона полою пеплоса, после
Сына в губы целует и молвит слово такое:
220 [221]
"Только двенадцать дóмов в пламенном есть эфире,
Круг они зодиака один за другим составляют,
Следуя в строгом порядке, и только один лишь единый
Путь сквозь них пролегает, извилистый, ненадежный
Средь летящих созвездий... Кронос единый проходит
Домы, тяжко ступая, каждый - поочередно,
А Селена в то время двадцать и десять по кругу
Оборотов свершает, шесть поясов минуя,
Зевс же отца быстрее вершит свой круг супротивный,
За год свой дом седьмой проходя... Выступает третьим
230 [231]
Пылкий Арей, за шесть он дней свой дом пробегает
Подле отца твоего; четвертым и я появляюсь,
Следуя кругообразно на повозке сквозь небо
По извилистой тропке, по склонам отвесным зфира;
Хорам, четверке дев, несу я времени меру,
Дом пока не пройду, свершая свой путь как обычно
За один только месяц, я никогда не оставлю
Путь свой не довершенным, назад иль вперед обращаясь,
Или топчась на месте, пока остальные светила
Двигаются по вселенной заведенным порядком,
240 [241]
Против или согласно, вперед, назад иль на месте;
И с половины дороги опять к себе возвращаюсь,
Дабы с одной стороны затмить свое излученье;
И средь звезд роголобая ярко сияет Селена,
Месяцы отмечая убылью и наращеньем
Диска, то полного, то половинного, то лишь в полоску!
Мене против дороги иду я кругообразно,
Мощно лучей испуская снопы во все стороны света,
Сквозь зодиака домы вечно я путь совершаю,

Времени меру рождая, и только от дома до дома
250 [251]
Целый круг совершу - то и год земной завершится!
Ты берегись пересечься с кем-либо, не приближайся,
Вечной тьмы не касайся, подальше правь колесницу,
Как бы твое сиянье тьма собой не затмила!
Ты на пути привычном не отклоняйся с дороги,
Между двумя кругами держися и не любопытствуй
Прочие все познать, идущие сверху и снизу,
Нет, колесницей отцовой правь по торной дороге,
Дабы не понесла упряжка по далям эфира!
Нет, не гляди на двенадцать дóмов, сквозь них проезжая
260 [261]
Все, один за другим - приближаясь к созвездию Овна,
Постарайся повозкой созвездье Тельца не затронуть,
Не стремися проведать о вестнике урожая,
Коли, ввиду Скорпиона, едешь ты под Весами,
Поезжай постепенно, блюдя очередность дороги!
Речи моей ты внемли: всему тебя научу я!
Только созвездие Овна минуя, сердце Олимпа,
Сразу же нарастает тепло весеннее в мире;
Только достигну края, где Зефир уже задувает,
Там, где становятся рáвны день и ночь протяженьем,
270 [271]
Я на росистые тропки ласточек насылаю;
В дом же иной вступая, дом, супротивный Овну,
Свет я равновеликий лью на парные клешни,
День становится равным ночи в это мгновенье...
К осени листопадной путь склоняется Хоры -
Правлю я, светом слабея, к месяцу листопадов
Ниже, и к земнородным смертным идет уже время
Зим, обильные ливни спина рыбохвостого зверя
Козерога несет, дабы после плодом обильным
Земледельца дарила пашня под ливнем с росою
Лето веду я, вестника щедрого урожая,
280 [282]
Теплым лучом огнистым бичуя плодную землю,
Как только я появляюсь в высшей точке созвездья
Рака, противоположного хладному Козерогу,
Нила разлив пробуждаю и созревание грозди!

Только путь начинаешь - держися Керны поближе,
Проводником тебе станет Фосфóрос в небесной дороге,
Так ты с пути не собьешься, а направленье покажут
Девы Хоры, двенадцать их на пути твоем встанет!"
Так он рек Фаэтону, чело венчая убором
Золотым, возжигая собственный огнь над главою
290 [292]
Сына; Семилучевым сияньем кудри зажглися!
Бедра его препоясал поясом белоснежным
И накинул на плечи пеплос свой огнецветный,
Бережно обувая в плесницы пурпурные ноги
После ведет к повозке, и от утренних ясель
Хоры огненных коней Гелия отрешают,
А Эосфорос бесстрашный встает у самого ига,
Надевая на шеи конские упряжь и сбрую.
Фазтон на повозку восходит и получает
Вожжи лучистые вместе с бичом огнепылким, блестящим
300 [302]
От родителя Гелия, затрепетавшего в страхе
Молчаливом (ведь знает отпрыска участь!)... У брега
Видится смутно Климена, радостно зрящая сына,
Восходящего ныне на огненную колесницу!
Вот уже заискрился влажноросистый Фосфорос,
И Фазтон поднялся по утреннему небосклону,
Водами Океана дедовскими омытый.
Вот возница бесстрашный коней огненнопылких
На небеса восходит, созвездьями окруженный,
Семь поясов пред ним, и движутся звезды навстречу,
310 [312]
Видит он также землю посередине вселенной,
С высей небесных взирает на долины земные,
Где беснуются ветры вдоль склонов башнеобразных,
Зрит и быстрые реки и брег Океана песчаный,
Льющего струи влаги своей в свои же теченья.
Взгляд на эфир направляет и на движенье созвездий,
На созданья земли, на хребет беспокойного моря,
Непрестанно глядит в безграничное мирозданье,
Кони ж огнистые мчатся, ярясь и беснуясь под игом
По привычной дороге вдоль зодиакального круга.
320 [322]

Вот неопытный отрок бичом пылающим хлещет
Шеи коней ретивых, и взбесилися кони,
Вздыбившись под бодцом безжалостного возницы,
Более не желая скакать по старой дороге;
Понесли мимо знаков привычного зодиака,
Ибо стегал им хребты и непривычный наездник!
И поднялся средь южных и северных неба пределов
Шум великий, в небесных вратах на ход необычный
Дня столь странного все быстроногие Хоры дивились,
Эригенейя дрожала от страха, воскликнул Фосфорос:
"Что ж ты, отрок, наделал? Не безумствуй, возница!
330 [333]
Огненный бич в покое оставь! Берегись по дороге
Звезд, на месте стоящих, и комет беззаконных!
Дерзкого Ориона меч тебя б не прикончил!
Как бы посохом старец Боот не поверг огнепылким!
Бешеных скачек не надо - как бы во чреве огромном
Не схоронил парящий в эфире Кит Олимпиец!
Лев не сожрал бы небесный! Телец многозвездный, склоня
Выю, тебя не пронзил бы рогом пламенно-светлым!
Ах, Стрельца ты побойся - как бы, лук натянувши,
340 [342]
Огнелезвийным жалом тебя он не поразил бы,
Хаоса не сотвори второго - или же звезды
Явятся в небе днéвном, и на бурной повозке
Эригенейя безумная встретит богиню Селену!"
Молвил так. Фаэтон же гонит сильней колесницу,
Мчатся на север кони, на юг, восток или запад,
Сотрясается небо, основы миропорядка
Все нарушены сразу, и ось срединная неба,
Коловращенье замедлив, в сторону отклонилась!
И с трудом превеликим катящийся свод небесный
350 [352]
Словно бы сам собою Атлáс согбенный Либиец
Удержал посредине. И вот уж вдали от Аркта
Чрево гибкое тащит Дракон к экватору прямо
И на созвездье Тельца шипит недовольно при встрече.
Лев угрожает пастью знойной звезде Собаки,
Выси все опаляя огнем, накинуться хочет
На восьминогого Рака, гривою потрясая,

Хвост пылающий хлещет небесного хищного зверя,
Заднею задевает лапою ближнюю Деву -
Отроковица крылатая мчится мимо Боота,
360 [362]
Около полюса встала, встретившись с горней Повозкой!
К западным дальним пределам яркий свет посылает
Весперу прямо навстречу светоч небес, Эосфорос;
Эригенейя блуждает; вместо привычного Зайца
Сириус жгучий хватает созвездье Медведицы алчной,
И, наконец, разделилось горнее Рыб созвездье,
К северу льнет одна, и к югу другая; к Олимпу
Сдвинулся Водолей, сильнее закувыркался
Верткий дельфин и пляшет у са́мого Козерога;
С южной стези отходит, пятясь кругообразно,
370 [372]
Скорпион, почти к рукояти меча прикоснувшись
Ориона, мгновенно затрепетавшего в небе -
Как бы тот не ужалил ловчего в пятку повторно!
Вот при полуденном свете с ликом уже почерневшим
Мена готова явиться, сиянье лия вполовину,
Ибо не в силах скрыться от солнечного пожара.
Собственным отражая телом солнца блистанье;
Отзвук семиголосый созвездья Плеяд раздается
Над семью поясами неба кругообразно,
К ним несутся планеты в безумье ревя неустанно
380 [382]
Всеми глотками сразу, покинув привычные тропы.
Следом за Зевсом Киприда, за Кроном Арей, и к весенним
Сестрам Плеядам несется вослед и моя планета,
Родственное сиянье с сестрами соединила,
Встала, еле видна, при Майе, матери милой,
От колесницы жаркой отвернулась (а раньше
Рядом с ней пребывала, предшествуя раннему утру,
Вечером же вослед закатному солнцу мерцала
Так как она соразмерно с Солнцем передвигалась,
"Сердцем Гелия" звали книгочеи планету!)
390 [392]
Тянет выю, склонившись под бременем влажного снега,
Зверь Олимпиец, Европы жених, Телец - и стенает,
На ноги встав прямые, и рога направляет

Острые на Фаэтона; сотрясаются неба
Своды, когда он копытом ударяет во гневе;
Из висящих у бедер ножен выхватил быстро
Меч Орион бесстрашный, Боот потрясает дубиной,
Встал на дыбы и бьет копытами в выси эфира
Конь Пегас, и ржет, показавшись лишь наполовину,
И к созвездию Лебедя мчится в яростной скачке,
400 [402]
Бешенно бьет он крылами, словно наездника хочет
Сбросить другого с неба, как некогда сбросил на землю
С высоты поднебесной героя Беллерофонта.
Боле уже не мнутся Медведицы друг подле друга,
В северных склонах неба, но обе к югу сместились
И в гесперийских пределах стопы, не знавшие влаги,
Омывают в потоке незнаемого Океана!
Зевс же, владыка великий, сбрасывает Фазтона
Пламенною зарницей в водоворот Эридана.
Восстановил он могучей дланию колебанье
410 [412]
Мира и Гелия коней вернул на привычные тропы,
Колесницу же Солнца к востоку снова отправил
И быстроногие Хоры двинулись старой стезею!
Возвеселилася снова земля, с высот поднебесных
Жизнеподателя Зевса дождь оросил ее долы,
Влажные ливня потоки пляшущий огнь усмирили,
Над землей вознеслися, пламя и дым выдыхая,
Огнепылкие кони, ржанием высь оглашая,
Гелий снова восходит, правит опять колесницей,
Ввысь ростки потянулись, зазеленели посевы,
420 [422]
Наслаждаясь дающим жизнь лучом теплотворным.
Отчий Зевес Фаэтона сделал небесным созвездьем,
Дав ему имя и лик: "Возничий". Сияющей дланью
Он стоит пред небесной светоносной повозкой,
Словно в путь собираясь по склонам небесным неблизкий,
К звездам как будто желая править отца колесницей,
И огнеструйные токи также на своде эфирном
Зевс поместил владыка, и среди звездного круга
Катит извивную влагу Эридан млечно-белый.
Сестры злосчастного в горе приняли раннюю участь,

430 [432]
Стали они деревами - и от ветвей скорбящих
Льются прозрачные слезы обильной росой золотою.

Песнь XXXIX

В песне тридцать девятой на́ море битва вскипает,
С Дериадеем-вождем разбиты пылкие инды.

Кончил Гермес свою повесть и прянул в высокое небо,
В радости и изумленье оставил он Диониса.
Думал пока о смятенье средь звезд небесных, о смерти
Фаэтона Лиэй, упавшего в кельтских пределах,
В гесперийских потоках нашедшего раннюю гибель,
В далях суда показались: плыли споро по влаге,
Строгий строй соблюдая для битвы с индами в море.
Радаманы по тихой спокойной соли летели,
Мерно поверхность моря весла гребцов взбивали,
К месту сраженья неся корабли - по веленью Лиэя
10 [11]
Ветер поднялся попутный, им паруса надувая,
Лик же свою колесницу погнал навстречу по водам -
Коней копыта гребней пенных и не касались!
Дериадей же огромный увидел с башен настенных
Корабли на валах морских, подобные тучам,
Зорким оком своим, он также известие слышал,
Что корабел арабийский суда боевые построил,
Грянуть поклялся войною на плотников арабийских,
Град Ликурга разграбить и перебить населенье,
А железом изострым истребить радаманов.
20 [21]
Видя строй кораблей, трепетали бесстрашные инды,
В море страшась Арея, ибо и у владыки
Дерзкого Дериадея колена его подогнулись.
Но овладев собою, с улыбкой на лике спокойном,
Повелитель индийский приказал собираться
Воям с "Трехсот островов", тянущихся вдоль неприступных
Мелей отчизны слонов... И пустился в дорогу проворный
Вестник, стопы обращавший быстро от края до края,
И привел он войско с земель, рассеянных в море,
Как приказал повелитель. Приободрился владыка,
30 [31]

Строй кораблей благозданных увидя для боя морского,
Слово такое молвил, свой народ ободряя:
"О мужи, что взрослй у стойкого в битвах Гидаспа,
В новую битву вступайте, воспламенитесь Арея
Пламенем и зажгите светочи смоляные,
Дабы спалить все струги, их обращая в пепел,
И по морю пришедшее войско в море и сбросить
Со щитами и копьями, вместе с их Дионисом;
Коли сей Вакх - божество, огнем погубим мы Вакха!
Разве он не окрасил многоразличной отравой
40 [41]
Из фессалийских корений в пурпур струи Гидаспа,
Разве смотрел я безмолвно и спокойно, как желтый
Ток струился реки, отныне безумный и грязный?
Если бы эти струи текли на чужбине далекой,
Если бы это не был Гидасп, прародитель индов,
Я бы течение это землей завалил бы и прахом,
Чтоб уничтожить и запах лозы сего Диониса,
Я бы попрал стопами отчее ложе Гидаспа,
Пересек бы я с войском это русло сухое,
Как когда-то с аргивян потоком земли колебатель
50 [51]
Поступил, осушивши инахийское русло -
И копыта во прахе речном отпечатались коней!
Только не бог он, не бог! И лжет о роде и крови!
Разве он потрясает эгидой Крониона-бога,
Разве мечет он пламя Диево Громовержца,
Разве небесные стрелы он родителя мечет,
Разве Кронид ополчался на битву плющом и лозою,
Разве скрежет тимпанов сравнишь с грохотаньем перунов?
Нет, держателя тирса Дием не поименую!
Панцырь земной работы с облаком Зевса сравнить ли?
60 [61]
Пестрый узор небриды с небесным узором созвездий?
Скажешь, что ветвь винограда, дающая винную влагу -
Дар Крониона щедрый, подателя жизни растеньям,
Скажешь, троянцу по крови, какому-то быкопасу,
Чашнику Ганимеду дал он нектар небесный
Лить... Но вино - не нектар! Прочь, нечестивые тирсы!
Вакх на земле пирует с сатирами своими -

Ганимед же с богами пир разделяет на небе!
Ежели этот смерд от четы происходит небесной,
То с Блаженными вместе и Дием пусть попирует!
70 [71]
Слышал я, как однажды и скиптр, и знаки Олимпа
Дал он богу Загрею, что подревней Диониса,
Этому - молнию, Вакху - лишь лозу и гроздовье!"
Молвил - и бросился в битву. За ним устремились народы
С копьями и со щитами, надеяся на победу
Не на суше, на море они в бою рукопашном!
Дионис к ратоборцам своим воззвал упоенно:
"Род могучий Арея и благооружной Афины!
Жизнь ваша - дело битвы, надежда - исход сраженья!
80
В бой! И низвергните в море племя смуглое индов,
В пенных валах довершите вы на суше победу!
Сделайте в битве на море соленом своею подмогой
Копья, связав их попарно, чтоб биться над зыбью удобней,
Копья, чьи жала железом крепко окованы гнутым,
После на недругов бросьтесь, что распрей морскою пылают,
Их низвергните прежде, чем дланью, огнем ополченной,
Дериадей уничтожит струги у нас боевые!
Бейтесь бесстрашно и яро, о мималлоны! Надежды
Недругов - лишь пустая хвальба! И коль не хватило
Сил предводителю индов одолеть нас на суше,
90 [91]
Даже и восседая на шеях слонов преогромных,
Ростом под облака, бесстрашных, неуязвимых...
Я бы пошел сражаться, я не позвал бы на помощь
Никого, лишь отца Крониона, он ведь над морем
И небесами правит, а коли я захотел бы,
То ополчил лишь брата Крониона, Посейдона -
Он бы низверг трезубцем индов целое войско,
Ибо и Главк, герой широкобородый, сей отпрыск
Энносигея, воюет с нами, сосед мой по Фивам,
Житель он Антедона, града в полях Аонúи;
100 [101]
Мой союзник и Форк, и пену браздящий морскую
Меликерт, что низвергнет Дериадеевы струги,
Он поборает Лиэю, ведь матерь его и вскормила

Вакха-младенца когда-то - Ино, морская богиня,
Млеком обоих питала, и Бромия и Палемона!
Предвещателя старца, что нам напророчил победу
В битве глубокопучинной, проведав вещие знаки,
Старца Протея я друг! Еще ополчит на сраженье
Нереид-дочерей Фетида, Ино же на битву
Ополчится - помочь воительницам-бассаридам!
110 [111]
Я же на брань подвигну Эола, пока не увижу
Эвра за копий метаньем, за луком и дротом - Борея,
Эрехтеева зятя, что взял марафонскую деву;
Также эфиопийца Нота, поборника Вакха;
Также и Зефир разрушит в битве натиском бурным
Множество вражьих стругов, ибо он должен в супруги
Вестницу взять Ириду, посланницу Зевса-владыки!
Только Эол отважный от индов и благотирсных
Воев будет подальше, пускай развяжет с ветрами
Мех свой там, где захочет, но только не в море открытом,
120 [121]
Дабы они дуновеньем были ратникам в помощь,
И завершу я битву кораблегубительным тирсом!"
Так сказав, полководцев верных повел он сражаться.
Вот уж и вестница битвы, труба боевая, взгремела,
Песнь боевую запели свирепо Арея авлосы,
Ободряя народы, тимпаны гулкою медью
Зазвучали, на битву морскую войска призывая,
Завизжала неистово, ярь пробуждая, сиринга,
Не из каменных долов голос свой подавая
Панам, над пенною зыбью Эхо морская звучала!
130 [131]
Вот уж схватились войска и грохот поднялся великий:
Рать сражалась искусно, с умением преотменным.
Заключила в кольцо тотчас она недругов ярых,
Все ополчение индов вдруг оказалось в ловушке,
Словно рыбы косяк в сетях. Начиная сраженье
Муж Айакос своим детям пророчество дивное молвил,
Предвещая потомкам битву при Саламине:
"Если ты внемлешь моленью, если ты слышишь молитвы,
Освободивший от засухи наши бесплодные нивы,
Ибо земля алкала ливня, чтоб к жизни вернуться,

140 [141]
Дай же равную милость, отче Зевес ливненосный,
Даруй мне славы на море, чтоб люди сказали повсюду,
Нашу победу увидя: "Как Дий на земле прославил
Отпрыска, так и на море ему подтверждает он милость!"
Пусть из ахейцев кто-то промолвит: "Одновременно
Айакос наш податель жизни - и Индоубийца!
Головы вражьи срезает он будто обильную жатву
По милосердью Деметры, по разуменью Лиэя!"
О, защити наши лодьи! Так же, как к страждущим пашням
Жизнедающую влагу вызвал я по молитве,
150 [151]
Так и теперь ополчаю вал из пучины пенной
Смертоносный, сражаясь с судами Дериадея!
Отче, жизнь предержащий, исход предрекающий битвы,
Ниспошли мне орла как вестника воли небесной,
Справа для ратоборцев и вождя Диониса!
Слева пускай приходит птица к недругам нашим,
Пусть знаменьем различным обе птицы предстанут,
Пусть, взмахнувши крылами огромными в небе высоком,
Схватит одна рогатого змея когтистою лапой,
Это предскажет погибель врага роголобого сразу,
160 [161]
Вражьему войску яви другую, темную птицу,
С черными крыльями, пусть предскажет индам погибель,
Черный прообраз смерти, столь близкой, а коли желаешь -
Громом перунов и молний предреки мне победу,
Либо пошли зарницу - как при рожденье Лиэя,
Дабы почтить потомка еще раз огнем, пусть зажалят
Насмерть твои перуны суда благозданные индов!
Вспомни, отче, Эгину, слуги не стыдись, что на помощь
Браку пришел твоему, милосердствуя страсти любовной!"
Молвил - и устремился в битву. На небо бросает
170 [171]
Взор, на горние тропы Медведицы незаходящей
Эрехтей, умоляя зятя такими речами:
"Зять мой, Борей любезный, ополчися на битву,
Веющее свирепо дыханье пошли на подмогу,
Брачный дар за невесту - подай морскую победу!
Стругам и лодьям Лиэя даруй спасительный ветер,

Милостив будь к обоим, к Бромию и Эрехтею!
Дериадея струги низвергни, бичуя пучины
Пенные моря, обрушься на них ураганом и шквалом -
Опытен ты в сраженье, ибо живешь в пределах
180 [181]
Фракии, где сам бог войны, Арей, обитает!
Грозным и бурным дыханьем развей ты недругов войско,
Выйди на Дериадея, ударь ледяным его дротом!
Грозную Распрю подъемли на вражеское ополченье,
Ратей расстрой порядки ледоносной стрелою,
Стань ты союзником верным Дию, Палладе, Лиэю!
Вспомни о Кекропи́и, о девушках юных и милых,
Кои ткут на покровах повесть о страсти Борея!
Вспомни проводника Илисса, что свадебный поезд
Вел аттической девы, похищенной бурным дыханьем,
190 [191]
Что покойно сидел на плечах твоих необоримых!
Ведаю: есть союзник, что недругам нашим на помощь
Явится - ветер восточный, но в этой схватке свирепой
Я бесстрашного Эвра не побоюся - все ветры
Сколько ни есть, союзны северному Борею!
Пусть эфиопский владыка, Кори́мбасос, не вернется
К южным своим владеньям вовек, да падет он в сраженье,
Если ему окажет помощь Нот эфиопский,
Пусть смертоносной влагой в холодных зыбях захлебнется!
Зефир меня не заботит, коли Борей ополчится!
200 [201]
Будь же поборником зятя! И с неба вместе с тобою,
С Бассаридами купно, в битву сию ополчатся
Посейдон, взяв трезубец, и дева благая Афина,
Он - племяннику в помощь, она - землякам на подмогу!
Даже Гефест огнепылкий, кровь Эрехтея почтивши,
Явится, столь желанный союзник в битве на море,
Станет метать он пламя на ло́дьи Дериадея!
Дай мне сразиться успешно на море, а после победы
Пусть в Кекропию вернется с невредимою ратью
Эрехтей, чтоб в Афинах воспели Борея с невестой!"
210 [211]
Так воскликнул он громко и кинулся в схватку морскую,
Взмахивая искусно копьем - ведь как Марафона

Житель привык он к сраженьям на море. И в грохоте весел
Сам Арей оказался мореходцем умелым,
Твердой рукою Фобос за правúло держался,
Деймос же рушил снасти лодий, мечущих копья.
Войско киклопов огромных явилось на скалах прибрежных,
Стало метать утесы на враждебные струги.
Вот уж вопит Эврúал - и ростом до туч поднебесных,
Халимед устремился в гущу неистовой битвы.
220 [221]
Вот столкнулись два войска после сраженья на суше
В битве жестокой на море, обрушился яростный натиск
На вакхийские лодьи стругов неистовых индов.
Много было убитых, окрасились пурпуром воды;
Оба сии ополченья бились свирепо, лилася
Кровь, лазурные зыби моря сделались алы!
Многие воины пали мертвыми в этом сраженье,
Трупами море покрылось, и вспучивалось, и бурлило,
А беспощадные ветры убитых нагромождали,
Вдаль гоня их по водам, топя их во вздыбленных гребнях.
230 [231]
Многие погибали, задушенные столкновеньем
Тел, и в море валились, находя свою гибель
В горько-соленой пучине, приняли так судьбину,
Тяжестью лат влекомы на дно, и черная влага
Скрыла распухшие плоти в недрах пучины глубокой,
В водорослях и кораллах; ил да грязь затянули
Латный убор ратоборца медный в глубинах зыбучих.
Стало море могилой, многие вой погибли
В пасти морских чудовищ, сделались рыб добычей,
Разорвали на части тюлени их челюстями,
240 [241]
Кровь изрыгнув на поверхность темную; мертвых оружье
Уволокло теченье, без ремней и застежек
Шлем гривастый поплыл по зыби как сам собою,
И на вздыбленных гребнях пенных валов соленых
Щит пехотинца округлый с перевязью забился
И заплясал, и в струях вод штормового прибоя
В пене седой виднелись ясно кровавые пятна,
Смешанные с водою блестящей темные токи...
И Меликерт забрызган этою пеной кровавой!

Радовалась Левкотея, кормилица Диониса,
250 [251]
Выю подняв из зыбей, и в честь победы Лиэя
Кудри цветами морскими нимфа ей увенчала!
И Фетида нагая вынырнула из пучины,
Дланию опираясь на Панопе́йю с Доридой,
Взор устремив веселый на благотирсного Вакха.
Вот Галатея явилась из глубокой пучины
И поплыла по лону морскому, еле виднеясь -
Глядя на битву морскую огромных свирепых киклопов,
Испугалась, и девы ланиты бледность покрыла...
Уповала она Полифема в схватке увидеть,
260 [261]
Бьющегося с Лиэем против Дериадея,
Робкая, умоляла, она Афродиту морскую
Отпрыска Посейдона спасти, отважного воя!
Галатея просила лазурнокудрявого бога
Сына от смерти избавить в битве жестокой на море.
Окружили бога с трезубцем пучинным Нерея
Дочери, приподнявшись из вод. Опершись на трезубец,
Энносигей со вниманьем следил за ближнею битвой,
На Дионисово войско в латах и шлемах взирая,
Наблюдал он ревниво за действиями киклопов,
270 [271]
Бившемуся на море Вакху бросая попреки:
"В битву, о Вакх любезный, сколь много привел ты киклопов,
Только вот я не вижу средь них одного из сильнейших!
Целое семилетье ведешь ты с индами распрю,
Только напрасно питаешь надежды на окончанье,
Ибо один из могучих бойцов отсутствует в поле,
Непобедимого видеть желал бы я Полифема!
Если б киклоп, мой отпрыск, участвовал в битве Лиэя,
Отчий трезубец вздымая изострый над головою,
Он бы тогда, поборая на поле сражения Вакху,
280 [281]
Грудь навылет пронзил быкорогого Дериадея,
Он бы великое войско, размахивая трезубцем,
За одно только утро уничтожил всех индов!
Древле другой мой отпрыск, сей великан сторукий,
Ниспровергнуть помог отцу твоему Титанов,

Многорукий Айгайон Крона к бегству принудил,
Многочисленные над ним простеревши ладони
И копной своих кудрей солнца свет застилая;
Грозные же Титаны удалились с Олимпа,
Изгнанные напором могучего Бриарея!"
290 [291]
Молвил он речь, терзаясь ревностию великой.
Нимфа Фооса, стыдяся, ланиты руками закрыла -
Ибо герой Полифем не участвовал в этом сраженье.
Но когда завершилась сия кровавая битва,
Старец Нерей оказался в море родимом средь крови.
Энносигей изумился цвету пурпурному зыби,
Видя, что пожирают трупы рыбы морские,
Груды узрев мертвецов на пенных гребнях соседних.
Так вакхийские рати с индами смуглыми бились!
Да, во множестве пали ратоборцы в сей битве,
300 [301]
Множество стрел и мечей изострых тела их пронзили -
Этого дротом сразило в бедро, а того уязвило
Медным копьем меж висками, насквозь через череп прошедшим,
Страшно зияла рана на голове уязвленной!
Множество там и сям гребцов погружали в пучину
Весла, мерными взмахами вспенивая поверхность
Темной воды, и светлела от пены лазурная влага.
Только напрасной казалась гребцов поспешающих сила,
Ибо кормчий железом изострым вдруг обрубает
310
Все канаты и снасти и рвет причальные цепи!
С каждого войска летели стрелы изострые вихрем,
С грозным свистом пронзая воздух в полете мгновенном!
Вот вонзается в рану одна, другая проходит
Сквозь полотно, раздирая парус малый на части,
Третья вдруг в корабельный нос попадает, иные
Бурно летят по небу, верхушки мачт расщепляя,
Или же в основанье малых мачт попадают,
Или же на корму деревянную валятся сверху,
Или в быстром полете близ головы мелькают
320
Кормчего, вдруг умечая по краю лопасти весел.
Вот Флогий-дальновержец стреляет и быстро, и метко,

Палубу стрелами всю истыкав, - но не Лиэя!
Вот одну из пернатых стрел, летящих над морем,
Обхватил осьминог клубком из щупалец гибких...
Дроты падали густо... Направленное в Диониса
Жало из эритрейской меди в рыбу попало,
Вот Корúмбасос мечет копье, чтоб сатира ранить
В пояс, но мимо стремится дрот и над морем взлетевши,
Ранит в плавник высокий некую рыбу морскую
Жалом своим изострым; вот, воздымая железо,
Мечет его безуспешно в неуязвимого Вакха
Дериадей-владыка - отпрянув от Диониса,
Смертоносная сулица в спину вонзилась дельфина,
Там, где глава и выя в спинной плавник переходят!
Скачет дельфин во влаге, кувыркаясь привычно,
Но, уже полумертвый, принял он в пляске судьбину...
Многие звери морские, в спину сраженные яро,
Вверх плавниками всплывают, приняв, ныряя, погибель!
Бьется Стерóпес в передних рядах; Халимед мощнобедрый,
Оторвав от утеса-камня огромную глыбу,
Мечет ее во врагов, и тонет недруга судно,
Погружаясь в пучину под каменною громадой!
Вот над пенною влагой взлетело копье и пронзило
Оба борт ó борт стоящих струга, связав воедино
Связью тесною их - так облако к облаку в небе
Льнет, воедино сливаясь... Вот вопль всеобщий поднялся!
Оба войска на море по четырем направленьям
Бились: ведь позади наседал на них Эвр огнепылкий
Вместе с Либом пернатым, дождливым, и бились свирепо
Обороняясь и с юга, и с севера! Перебираясь
С судна на судно, Моррей быстроногий и тут на вакханок
Страх наводил и ужас в битве ярой на море,
Доблестен и в сраженье морском, но воя у мети л
Эвий, умерив свирепство героя пенною влагой,
И, уязвленный жестоко, Моррей во град воротился.
Вот. пока божню рану дланью своей колдовскою
Брáхман-жрец исцелял с великим Феба искусством
Под звучанье распевное заклинаний священных,

Торжествовал над врагом Арей лидийский в сей битве.
После их поединка вспыхнула с новою силой
Распря на пенных гребнях, и в сем столкновенье на море
Вопль поднялся великий, и, сраженные камнем
Или копьем изострым недруги, иль смертоносной
Ветвью лозы, или гроздью, или мечом, или дротом,
Падали в черные глуби, размахивая руками -
Там, не умея плавать, могилу себе находили!
Если ж какой-то из ратников Бромия в воду валился,
Быстро протягивал длани бог плывущему, против
Вала, что взвился высоко, пястью волноубойной
Так сражаясь, как будто враг перед ним оказался!
Вот наклоняет Кронион весы в этой битве на море,
Предвещая победу в сражении Дионису.
Бог лазурнокудрявый трезубцем пучинным Лиэя
Ополчает, и бурно мчится, зыбей не касаясь,
Посейдона повозка с Меликертом возничим.
И четыре бурнодышащих ветра над морем,
Дуя, валы вздымали темногрохочущей влаги,
Страстно желая низвергнуть в пучину недругов струги
Дериадею одни помогали, другие Лиэю.
Вот ополчился Зефир, вот Нот устремился на Эвра,
Вот уж Борей воздымает ветер холодный фракийский,
Яростным бичеваньем вздымая гребни пучины...
Струги Дериадея ведет в сражение Эрис,
Дева Раздора, но парус корабля Диониса
Ника наполнила ветром, смерть сулящая индам.
К влажно-соленым и горьким губам поднеся боевую
Раковину, песнопенье трубит Нерей в знак победы!
И богиня Фетида отзывается шумом
Волн, защищая Лиэя отческими валами.
Эврим́дон кабирский вздымает огненный светоч,
Доблестно в битве сражаясь, и вот он уже поджигает
Собственный длинный струг, и по приказанью Лиэя
Тот на враждебные лодьи несется, охваченный жарким
Пламенем, над зыбями, врезается в недругов струги,

От ладьи до ладьи идет сквозь строй корабельный,
Зажигая по ходу бортá деревянные лодий,
Пламя распространяя среди снастей и канатов.
Жаркое видя сиянье над поверхностью влаги,
Нереиды всплывают нагие, спасался бегством,
400
Сквозь струистые зыби бурного моря ныряя;
Вот отступают с моря на сушу индов порядки!
Радуется Фаэтонт, ведь морской Арей как и древле
Бегством спасался из сети, бежал от огня Гефеста!
Дериадей же свирепый, видя как пламя с пучины
Продвигается к суше, обращается в бегство -
Будто спастись возможно от Диониса Морского!

Песнь XL

В песне сороковой преследует Дериадея
Вакх и Тир посещает милую Кадма отчизну

Нет, не избегнул он Дики всевидящей, нет, не избегнул
И сетей нерушимых Мойры неумолимой,
Беглеца увидала богиня Афина Паллада,
Восседавшая рядом на скалистом утесе,
Наблюдая за битвой морскою с племенем индов.
Прянула вниз богиня, облик мужа приявши,
Хитросплетенною речью остановила владыку
Индов под видом Моррея, способствуя Дионису,
Задержала богиня Дериадея, исходом
Будто взволнована битвы, стала бранить и позорить:
10 [11]
"Дериадей! Бежишь? На кого же лодьи оставил?
Как пред своим народом явишься? Что же ты скажешь
Орсибое отважной, когда она разузнает,
Что сбежал ты от войска жен изнеженных вражьих?
Бойся же Хейробии свирепой, проведает дева
Что безоружным Лиэем низвергнут ты в поединке,
Ибо она со щитом и копьем с бассаридами билась,
Поборая супругу, из битвы не отступила.
Что ж! Уступи Моррею поле битвы жестокой,
Сам я себя защищу и неженку Вакха низвергну!
20 [21]
Но беглеца я не стану тестем звать, и другого
Мужа ищи Хейробии-дочке, твоим я стыжуся
Зваться подданным ныне, пойду к пределам мидийским,
В Скифию я отправлюсь, а зятем зваться не стану!
Скажешь, что Хейробия знает искусство сраженья -
У Кавказа есть племя воительниц-дев, амазонок,
Бьются они гораздо искусней твоей Хейробии!
Дротом добуду деву могучую я и супругой
Назову, коли только того пожелаю, на ложе,
Дочери труса не надо, бежавшего с поля позорно!"
30 [31]

Молвила - речью такою гордого Дериадея
Убедила, вдохнув в него мужество - будто бы сможет
В битве низвергнуть он Вакха с тирсом его мужегубным!
Воин надменный не понял лукавства Афины, представшей
В облике лживом Моррея пред ним, и на бранные речи
Отвечал виновато, зятя гнев умеряя:
"О, Моррей нестрашимый! Умерь же брань и попреки!
Разве истинный воин меняет облик в сраженье?
Ибо даже не знаю, с кем в поединке я бился!
Только хотел я уметить Лиэя стрелою изострой
Или мечом поразить его в выю, иль дротом
В чрево попасть, как уж вместо Бромия предо мною
Леопард появлялся с пестроцветною шкурой...
Льва хотел я уметить в пышногривую выю -
Вместо льва появлялся змей внезапно огромный,
А за змеем свирепый медведь представал предо мною!
Бурную сулицу бросил в горбатую хребтовину -
Тщетно метал я жало! Вместо медведя явилось
Неуязвимое пламя, жалящее сквозь воздух!
Видел свирепого вепря - и рев быка вдруг услышал!
Нет, не кабан клыкастый - выю вперед наклонивши
Тур устремился ярый с рогом изогнутоострым
На слонов боевых, и меч обнажал я напрасно
Против зверья и чудовищ, ни одного не низвергнул!
Только увидел древо - но тут же оно исчезло,
И водомет взметнулся влаги под самое небо!
Затрепетал от волшéбства многоразличного тут же
Я, ибо собственным взором зрел кознодейство Лиэя!
Но ополчуся на битву свирепую с Бромием снова,
Гнусные лжи и обманы разоблачу Диониса!"
Так он сказал - и ярость прежняя им овладела,
Только теперь поднимает оружие он не на море,
Он на суше, как прежде, в битву идет с Дионисом,
Он позабыл о победе Лиэя в единоборстве,
Как его выю обвили тесно древесные ветви,
Как умолял о пощаде он победившего Вакха!
Снова на богоборство дерзает владыка, лелеет

Замысел - Диониса в рабство взять иль прикончить!
Трижды копье он мечет, но воздух лишь поражает,
А когда и в четвертый раз не уметил Лиэя
70 [71]
Лозового, пронзив лишь воздух один как и прежде,
Дериадей отважный, то к себе на подмогу
Зятя он призывает - но не видит Моррея!
Ибо Афина свой облик мнимый преобразила,
Встав с божеством виноградным рядом. Лишь только богиню
Дериадей узрел, как колена его подогнулись -
Да, наконец он увидел, кто скрывался за ликом
Мнимым зятя Моррея, кто облик сородича принял,
Замысел хитроумный разгадал он Афины!
Возвеселился Бромий, узнав ее, понял он сердцем
80 [81]
Как хитроумным обманом пришла на подмогу Афина!
И божество лозовое в безумье священное впало,
Поднялось как громада, подобная скалам Парнаса,
Стало преследовать труса Дериадея - как ветер
Мчался бегущий от бога, быстрее бурного вихря!
Вот достиг он равнины, где пенился влагой раздорной,
Вдаль валы устремляя, старец Гидасп горделивый;
Остановился на бреге воин огромномогучий,
Уповая, что будет союзником в битве родитель,
Что возмутит он влагу, пойдя на бога Лиэя -
90 [91]
Но божество виноградное тирс изострый метнуло
И царапнуло кожу владыки Дериадея!
Тот же, только задетый плющевыми ветвями,
В лоно отческой влаги низвергся вниз головою,
И от брега до брега как будто бы переправой
Растянулся... А боги после похода на индов
Вместе с Дием всемощным на Олимп возвратились.
Возликовали вакханты вкруг необоримого Вакха,
Празднуя окончанье войны, а многие сразу
Сулицами искололи тело Дериадея.
100 [101]
Орсибоя на башне за боем следила - и воплем
Разразилася скорбным, оплакивая супруга,
В знак печали ланиты ногтями она разодрала,

Волосы распустила, сбросив с прядей повязку,
Прахом и пеплом осыпав в знак скорби плечи и глйву.
Плач подняла Хейробия, узревши родителя гибель,
Расцарапала руки смуглые, и одежды
Белые разодравши, грудь свою обнажила!
Босоногая, щеки Протонойя разодрала,
Лик и ланиты от скорби золою посыпав нечистой,
110 [111]
Ибо отца и мужа, обоих она потеряла,
Мукой двойною томима, скорбно стеная, рыдала:
"Муж мой, сколь юным погиб ты! Оставил меня ты вдовои
В доме родимом бездетной, о муж мой, меня ты оставил -
Сын же меня не утешит! Уже никогда не увижу
Твоего возвращенья победного, острым железом
Сам себя умертвил ты, чтоб имя твое и потоку
Дали! О, на чужбине ты умер! Я ж именую
Мужем, лишившимся жизни, только лишь влагу Оронта!
Над обоими плачу, над Дериадеем с Оронтом,
120 [121]
Равная участь обоих постигла, ведь отчая влага
Дериадея укрыла, Оронта - струи речные!
Больше гораздо страдаю, чем матерь! Ведь Орсибоя
Пела брачные гимны дочек, она ведь супруга
Зрела Протóнойи, мужа Оронта она привечала,
Ведь Хейробия имела непобедимого мужа,
Коего даже и Вакх страшился! Живым Хейробия
Видела мужа любимого, коего тирс и речные
Струи не победили; я ж мукой терзаюсь двойною,
Ибо и муж мой мертв, и погиб родитель мой милый!
130 [131]
Ах, кормилица, детку не утешай понапрасну,
Мужа верни - и не стану над родителем плакать,
Дай мне дитя, дабы в горе утешиться этом великом!
Кто меня к брегу проводит реки огромной, Гидаспа,
Дабы я поцелуем влаги медовой коснулась?
Кто меня к храму проводит, в долину священную Дафны?
Ах, обняла б я Оронта пылко и в струях прохладных!
Если б была я рекою или ключом родниковым,
Дабы слезою точиться бегущею неторопливо
К водам обильным потока, в который супруг обратился!

140 [141]
На Комайтó на деву стала б тогда я похожа,
Ибо древле влюбилась в поток прекраснейший дева,
И испытала радость, Кидна сжимая в объятьях...
Так говорят (про это Моррей, мой родич, поведал!)
И до сих пор в народе про то на земле киликийской!
Я ведь не Перибойя-беглянка, и не забуду
Никогда я супруга, сладостного Оронта,
Бурнобегущей влаги вдали держаться не стану!
Если не даст судьбина смерти с Дафною рядом,
Я бы желала в водах отческих сгинуть Гидаспа,
150 [151]
Дабы атир рогатый не обнимал меня пылко,
Дабы не видеть фригийских плясок, не бить мне в кимвалы,
Не резвиться в веселых таинствах, дабы не видеть
Меонйи и Тмола, не ведать про домы Лиэя,
Тяжковыйного рабства не знать, дабы не говорили:
"Дочерь Дериадея-владыки, царя-копьеборца,
Ставшая в битве добычей, служит у Диониса!"
Так сказала, и жены жалобным разразились
Плачем по детям, по братьям и по родителям милым,
И по мужьям погибшим. Кудри рвала и терзала
160 [161]
Скорбная Хейробия, царапала в горе ланиты:
Мукой двойною терзалась не столько по батюшке, сколько
Против соложника, плача горько, она возмущалась,
Ибо слыхала о страсти Моррея великой и ярой,
И о лукавствах коварных девственной Халкомедейи!
Так причитала, вопя и одежды в клочки раздирая:
"Утешителем в битве, Морреем, отец мой погублен,
Так от кого же мести ждать? Ненавистною девон
Халкомедой пленился, с женами не воевал он,
Лишь помогал бассаридам! Молвите, Мойры богини:
170 [171]
Чья же зависть индийский город сгубила? Чья ревность
Дериадеевых дщерей в одночасье низвергла?
В поединке погибший, непогребенный воитель,
Муж Оронт вдовою бездетной Протóнойю сделал,
От Хейробии при жизни неверный отрекся - и бросил1
Только страдаю больше сестры и от гибельных бедствий:

Муж Протóнойи умер в битве за отчую землю,
Хейробии соложник предал свою отчизну,
Бесполезный воитель, споспешник Кинрогенейи,
Непостоянный, Лиэя стал он союзником верным!
Даже и свадьба стала предательством, ибо влюбленный
Слепо Моррей - пособник падения города индов,
Через измену супруга отец мой погиб! И стану,
Гордая некогда дева, владычица племени индов,
Стану одной из служанок, а может быть, и госпожою
Стану звать я смиренно рабыню Халкомедейю!
В индов краю обитаешь пока, Моррей, о неверный,
Завтра отправишься, может, ты в пределы лидийцев,
Из-за красы Халкомеды слуга при дворе Диониса!
Что же, супруг мой, не делай тайны из страсти к вакханке -
Нечего больше бояться мертвого Дериадея!
Прочь! Ступай за змеею, шипящей призывно о страсти,
Мысль эта силы лишила тебя и разум затмила!"
Так говорила, плача над участью горькою дева.
Зарыдала Протóнойя; В скорби длани воздела
Матерь, и к дочерям обратилась, рыдая и плача:
"Пáли нашей отчизны надежды, и не увижу
Мужа Дериадея и зятя Оронта вовеки!
Умер Дериадей, град индов теперь беззащитен,
Неприступные стены пали нашего края,
Если бы Вакх и меня убил с соложником вместе,
Если бы он и меня низвергнул в Гидасп быстроструйный!
Не хочу я земли! Да возьмет меня отчая влага,
Встречусь с Дериадеем в пучине и не увижу
Я Протóнойи-девы за колесницей Лиэя,
И не услышу жалоб новых моей Хейробии,
Пленницы и рабыни, силой к любви принужденной!
Кроме Дериадея, мужа иного не будет!
Стану подобна наядам, ведь и сама Левкотея
Взята с земли в супруги богом лазурнокудрявым!
Назовуся одною из нереид и влажной
Стану Ино, только смуглой, не белобедрою девой!"

Молвила так - и жёны длинноодетые снова
Разрыдались среди городских укреплений и башен.
Крóталами возгремели неистовые вакханки,
Празднуя окончанье похода, вопили все вместе:
"Мы одержали победу! Индов низвергнут владыка!"
Радостный Дионис с вакханками веселится,
Освободившись от ратных трудов и кровавых сражений,
Сразу же он исполняет долг относительно павших:
220 [221]
Соорудил погребальный костер он вместе со всеми
В сто локтей шириною, на погребенье звучала
Мигдонийская флейта ладом унылым, плачливым,
Авлетеры фригийские мужественно подпевали
В скорбной песне, в печальном шествии шли вакханки,
Погребальную песнь эвийным гласом Ганúктор
Распевал, и Клеоха авлос двойной берекинтский
Причитаньем ливийским стенал - Стеннó с Эвриалой
Некогда так разразились плачем многоголосым,
Обезглавленную Медусу оплакав в стенаньях,
230 [231]
Вместе с ними и змеи бесчисленные вопили -
Вот от них-то, шипящих и плачущих над погибшей
Девой Медусой, и лад зовется теперь "многоглавый"!
Скорби обряды исполнив, плоть омывает он влагой,
После же назначает новым владыкою индов
Богобоязненного Модея, и с Вакховым войском
Пиршеством окончанье празднует враждованья,
Золотистую влагу винной реки возливая.
Вот зачинают пляску: бесчисленные бассариды
В хороводе топочут, пьяны священным безумьем,
240 [241]
Сатиров толпы скачут, землю всю сотрясая,
Кувыркаются резво, в пляске буйной споткнувшись,
Виснут на шеях вакханок неистовых в хороводе!
Ратники Бромия пляшут, потрясая щитами,
Подражая походке воинственной корибантов,
В полном вооруженье подпрыгивают и кружатся!
Конное войско в шлемах высокогривастых гарцует,
Полную славя победу над недругом Диониса!
Нет, в стороне не остался никто, и согласные вопли

В небо семипоясное возносятся отзвуком звонким.
250 [251]
После того, как окончил празднование победы
Бог и собрал добычу после сражения с индом,
Вспомнил Бромий о древних краях далекой отчизны,
Завершив семилетний поход на индов успешно.
Долю богатства каждый вражьего получает:
Кто-то индийскую яшму, кто-то сапфир, Аполлона
Камень, а кто изумруд, сияющий светом зеленым;
Тот от подножья отрогов поднебесных Имая
Тянет слонов боевых, зверей с прямыми ногами,
Этот от Хемодоя, хребта с пещерами в недрах,
260 [261]
Тащит с собой, торжествуя, львов индийских с повозкой,
Сей, ухватившись покрепче за цепь железную, еле
За собою пантеру ведет ко брегам мигдонийским.
Вот некий сатир гонит посохом густолистным
Тигра с пестрою шкурой, его беспощадно бичуя,
Вот иной воротился с даром невесте фригийской:
Благоухающим стеблем, растущим у самого моря,
И жемчужиной круглой, славою вод эритрейских...
Многих дев смуглокожих повытащили из горниц,
Будущих брачных подруг, за черные косы густые,
270 [271]
Руки им рабским игом сведя за выей девичьей.
Возвращались, наполнив длани добычей обильной,
Девы святые, вакханки, ко Тмола родимым отрогам,
Славя в шествии пышном возвращение Вакха!
Так Дионис добычей щедрой по окончанье
Долгой с индами распри оделил ратоборцев,
С ним деливших труды. Поспешали народы в обратный
Путь, погрузивши дары сияющие восточных
Волн и птиц всевозможных, и возвращаясь в отчизну,
Славили громко в дороге непобедимого Вакха
290 [281]
В плясках и хороводах неистовых, память оставив
О войне беспощадной развеять ветру Борею.
Каждому удалося, хоть поздно, быть может, вернуться
В отчие домы с военной добычей. Один лишь единый
Воин Астерий только на родину не воротился,

Жить стал у Фасиса устья, под Арктом, страждущим вечно
У массагетов, у хладных вод, под снежным копытом
Деда Тельца, чей образ гордо сияет на небе.
В Кносс он уже не вернулся, к родичам мужеска пола,
Миноса и Пасифаю ненавидящий страстно,
300 [291]
Скифию отчему краю предпочел. И с одними
Сатирами Лиэй и вакханками, индов разбивших,
Выдержав бой у реки амазонок в кавказских отрогах,
Вновь пришел в Араби́ю и сделал там остановку,
Научив неумевших ходить за лозою арабов
Трость святую растить, венчая нисийские холмы
Плодоносной лозою с зеленолистным гроздовьем.
Вот, покинув пределы обширных лесов арабийских,
Тронулся пеший Бромий к ассирийскому краю,
Алча узреть тирийцев землю, Кадма отчизну.
310 [301]
Там оставался, тканям различным дивясь и одеждам,
Изумляясь искусству тонкому ассирийцев
Познакомился с делом вавилонской Арахны,
И любовался тирийской краской морских улиток,
Коей окрашены ткани, сияющие пурпурным
Блеском - древле по брегу рыскаючи, собака
Принесла в своей пасти редкостное созданье,
От выделений ракушки вся морда пса заалела,
Сделавшись ярко-пурпурной, словно горящее пламя -
Краской такою и красят царские одеянья!
320 [311]
Радовался он, видя сей град, Эносихтон который
Словно зыбучей повязкой со всех сторон препоясан,
Видел как будто снова взошедшее в небо светило
Лунного диска, немного еще - и станет он полным!
Материка и моря тесное переплетенье
Вакх наблюдал восхищенно - ведь Тир простирался средь влаги,
На лоскутке покоясь земли, привязанной к морю,
С трех сторон омываем зыбью морскою соленой,
Уподобяся деве, плывущей над гладью спокойной
330 [320]
Влаги, зыблются в коей гла́ва, выя и перси,
Деве, что руки раскинув плещется среди гребней,

И белопенные волны по плоти светлой струятся,
Только стопы́ этой девы тянутся к матери-суше!
Энносигей сей город держит в крепких объятьях,
Влажный возлюбленный будто жених обнимает невесту,
Облекающий выю девушки негой любовной.
Городом Тиром Бромий восхищался, где рядом
С морем скот выпасает пастух и свирель мореходец
Слышит на пенном бреге, где козопас рыболовный
340 [330]
Невод видит, где плуги тучную пашню взрезают
На виду у судов, вздымающих весла над влагой,
Где с моряками у чащи, растущей у брега морского,
Дровосеки болтают, где сплетаются вместе
Шум морского прибоя, мычанье скота и деревьев
Шелест, где миром единым стали деревья и снасти,
Весла и тростники, стада, сады и оружье!
Этому граду дивяся, так божество восклицает:
"Остров я вижу на суше! Возможно ль такое? Я чуда
Столь великого прежде не видел, чтобы деревья
350 [340]
Шелестели над зыбью морскою, чтоб нереиды
Говорили в пучине, а гамадриады внимали,
Чтоб над тирийским прибрежьем и вспаханными полями
От отрогов ливанских веял сладостный ветер
Южный, своим плодоносным дыханьем столь благотворный
И для души земледельца, и для парусной лодьи!
Здесь с серпом земледельным в союзе трезубец пучинный,
С нивой Деó цветущей встречается моря владыка,
Погоняющий коней повозки над тихою зыбью,
Вровень едет богиня, не уступая владыке,
360 [350]
Змей бичуя хребты в своей воздушной повозке!
О, прославленный город! Морской ты и сухопутный,
С трех сторон препоясан перевязью зыбучей!"
Так говорил он, глазами обводя этот город.
Он созерцал мостовые, мощённые камнем искусно,
Он не мог оторваться от улиц сиянья и блеска -
Видит он Агéнора предка палаты, он видит
Кадма подворье и домы, входит в светлицу Европы,
Ране похищенной (деву напрасно оберегали!),

Мыслил он о роголобом Дие-отце, он дивился
370 [360]
Больше еще водометам, бьющим сквозь лоно земное,
Что лишь час извергались бурно полною мерой,
После лиясь обильной влагой по ложу речному,
Видел он Абарбарейю щедрую, зрел и источник,
Названный Каллироей, невестною любовался
Влагою Дросеры́, что метала сладкие струи;
Все осмотрев, неуемное сердце взором насытив,
В храм Астрохи́тона входит и громко взывает к владыке
Звезд, восклицая такое слово, полное тайны:
"О Геракл Астрохи́тон, владыка огня, повелитель
380 [370]
Миропорядка, о Гелий, пастырь людей длиннотенный,
По всему небосводу скачущий огненным диском,
Путь двенадцатимесячный деющий, времени отпрыск,
Круг за кругом проходишь - и за твоею повозкой
Жизнь для ста́ра и мла́да льется рекою единой:
Мудрый родитель Мены трехтелой ты безматерней,
И Селена росистая призрачное питает
Отраженное пламя светом лучей твоих щедрым,
Рожки гнутые бычьи приращивая понемногу!
Око всезрящее выси, ты четвероконной повозкой
390 [380]
Правишь, за ливнями снеги, за хладом весну к нам приводишь!
Мрачная ночь отступает, гонима твоими лучами,
Блещущими, лишь только под сверкающим игом
Выи покажут кони, бичуемы дланью твоею!
Только ты засияешь - и меркнут в сиянии ярком
Звездные луговины пестрые в поднебесье;
После же омовенья в западном Океане
С пенных волос отряхаешь ты прохладную влагу
Ливнем животворящим и на родящую Гею
Росной влаги потоки утренней ты низвергаешь;
400 [390]
Тучные нивы зреют под диском твоим благосклонным,
Орошая колосья в бороздах плодоносных;
Бэл - на Евфрате, в Либи́и - Аммон, и Апис на Ниле,
Крон ты отец в Арави́и, и Зевс - в ассирийских пределах!
Благоуханные ветви когтями острокривыми

Тысячелетняя птица на твой алтарь благовонный
Носит, феникс премудрый, рождаясь и умирая,
Ибо там она снова является, юная вечно,
Старость в огне меняя на молодость в солнечном свете!
Будь ты Сера́писом, Зевсом тученосным Египта,
410 [400]
Кроном иль Фаэтонтом многоименным, иль Митрой
Вавилонским, иль Фебом, богом эллинским в Дельфах,
Гамосом, коего Эрос в сновиденьях смятенных
Нам являет в обманных любовных объятьях на ложе,
Если от спящего Дия, возбужденного грезой
Страстной, влажное семя изливается в нивы
Тверди земной, и горы встают от небесных потоков!
Будь ты Пэаном целящим или пестрым Эфиром,
Или как Астрохи́тон явись, когда звездное небо
Ярко ночью сияет россыпью светочей горних -
420 [410]
Внемли мне благосклонно, будь ко мне милосерден!"
Слово такое промолвил радостный Бромий - внезапно
Образ божественный вспыхнул Астрохитона в храме
Над Дионисом, лучистый лик божества проявился
Алыми засиявший очами и в одеянье
Звездном сверкая, и длань простер он над Дионисом,
Образ являя вселенной, лик многозвездного неба:
Светом мерцали ланиты, с брады созвездья струились,
К дружеской приглашая трапезе Диониса...
Сердцем возрадовался Лиэй бескровному пиру,
430 [420]
Длань возложивши на нектар и амвросию... Разумно ль
Нектар отринуть после млека Геры-богини!
Спрашивает с любопытством Астрохи́тона Бромий:
"Мне, Астрохитон, поведай - кто из божеств среди моря
Город воздвиг, чьей дланью небесной на суше начертан
Замысел, кто эти скалы врастил в соленые зыби?
Кто сотворил строенья, кто дал источникам имя,
Кто этот остров с сушей связал чрез матернюю пену?"
Рек он, в ответ же промолвил Геракл дружелюбное слово:
"Внемли, о Вакх, ответу - всё я тебе открою!
440 [430]
Некогда тут обитало племя, которое видел

Сам Айóн изначальный, ведь с ним и оно появилось,
Отрасль девственной тверди священная, лик и подобье
Коей сами собою взросли без семян или плуга
Это племя воздвигло на основанье скалистом
Град в земле изначальной незыблемый силой врожденной:
Ибо когда палящий жар иссушал всю землю
И бегущие струи источников в пламенных руслах,
Спали они беспокойно под летейским покровом
Гипноса, в сердце моем желанье тогда появилось
450 [440]
Град воздвигнуть; и призрак с обликом человека
Я послал земнородным, породил сновиденье
В их умах, и оракул изрек сей призрак священный:
"Встаньте и сон отряхните истомный, отпрыски праха,
Стройте повозку, по морю пригодную ездить, рубите
Острой секирою чащу сосен высоких и стройных,
Труд искусный творите, крепите к тесному ряду
Балок скрепой и веревкой доски и прочие снасти,
Прочно скрепляйте друг с другом прочие части повозки,
Первого струга морского, что вас понесет над пучиной
460 [450]
Пенною, только имейте заботу о брусе исподнем,
Что от кормы и до носа опорою целому станет,
После его поперечными брусами окружайте,
Лесу подобными сосен, а после между стволами
Палубу настелите поверху ровно и прочно;
К мачте в средине струга парус льняной привяжите
Прочною снастью с каждой из сторон, растянувши
Полотно, дабы ветер парус этот наполнил,
Двигая судно по волнам... Укрепите все щели
Между обшивками струга скрепами небольшими,
470 [460]
Плотно и часто набивши дощечек малых на стенки,
Ивовых, чтобы бортá внутрь влагу не пропускали,
Незаметно во чрево пустое прочного судна;
Сделайте руль, чтобы править бегом вашей повозки
По путям влажно пенным, вращая оный согласно
В разные стороны, если куда повернуть захотите!
Сей скорлупой древесной хребет разрезайте пучинный
И достигнете места, назначенного судьбою,

Там, где скалы двойные высятся среди пены,
Коим природа такое имя дала: "Амброси́и".
480 [470]
На одной в середине оливы ствол возрастает
Одинокой, такой же могучей и древней как камень,
В кроне густой и ветвистой орел исполинский гнездится
Подле чаши искусной. Охвачено пламенем древо,
И огонь самородный лижет ствол языками,
Разливая сиянье, но дерево не опаляет!
Высоколистный ствол змея обвивает, чудесный
Вид являя и зренью, и слуху одновременно;
Ибо сей аспид не в силах добраться до птицы, парящей
В воздухе, кольцами тела обвить орла, удушая,
490 [480]
Или метнув из пасти смертоносное зелье,
Птицу сим ядом ужалить, но и орел в поднебесье
Не в состоянии гада ползучего когтем уметить
Остроизогнутым, в воздух чудовище поднимая,
Клювом твердым, шипастым замучить змею он не может.
Пламени не дотянутся до кроны высокоствольной
Древа, и не спалить оливы сей нерушимой,
Нет, не задушит жаром и кольчато-гибкого тела
Аспида это пламя, как бы к нему не тянулось,
Птицы пернатой также этот пламень не схватит...
500 [490]
Только до середины ствола сей огонь достигает
Чаша вверху пребывает, не дви́жима клу́бами дыма
И не колеблема ветром, прочно покоясь на кроне.
Птицу премудрую, древней оливы ровесницу должно
Вам изловить и в жертву лазурнокудрявому богу
Дать... Излейте кровь над плывущими в море камнями
В честь Бессмертных и Дия, и зыбью колеблемы, скалы
Встанут и боле не будут блуждать по бурному морю,
Соединятся навеки с материкового сушей!
После выстройте город, простершийся подле утесов,
510 [500]
Город, морскою волной со всех сторон огражденный!"
Вот каков мой оракул... Очнулось от сновиденья
Земнородное племя, в их слухе слышался отзвук
Дивного слова бога, дошедшего в смутных виденьях.

Им и другое чудо явил я в дремах крылатых,
Духом смущенным желая города основанья
Словно премудрый правитель: рассекши бурные воды
Понеслася по морю раковина витая
Словно сама собою, подобье морского моллюска,
И за ним наблюдая, за поворотливым ходом
Судна такого, училось племя править искусно
Стругом, вышедшим в море открытое, на примере -
Как это делает сей моллюск, обитатель пучины!
Так мореплаванью было начало положено. Камня
Ровно четыре в чрево для веса они уложили -
Так журавли, желая сохранить направленье
Постоянное, в клювы, путь себе облегчая,
Камень берут тяжелый, дабы пернатое тело
Поднебесные ветры в сторону не сносили;
Вот, наконец, и достигло племя места, где бились
Волны о пару утесов, вольно плывущих по морю.
Остановили судно у пенношумящей суши,
И на утес взобрались, где древо Афины взрастало.
Вот попытались люди птицу схватить на оливе -
К ним же орел добровольно спустился, судьбы ожидая.
Земнородные сразу за мощные крылья схватили
Дивную птицу и главу орлу назад запрокинув,
Выю выгнули птице, железом согнутым тут же
Перерезали горло, обряд совершая священный,
Дию и влажному богу в угоду, когда же свершили
Приношение птицы хищной и дивно-премудрой,
Кровию окропили, льющейся из отворенных
Жил, мореходные скалы и берег рядом с пучиной,
Подле Тира лежавший на нерушимых утесах,
Земнородные гавань-кормилицу сотворили!
О Дионис-владыка, тебе я поведал о людях
Земнородных, что сами собой родились, олимпийцы.
Знаешь теперь ты о предках тирийских, что тут поселились!
Ныне тебе я открою источников происхожденье:
Чистые девы-наяды некогда тут обитали,

Гневался Эрос пылкий на их девичьи повязки,
Стрелы метал желанья и так говорил этим нимфам:
"Абарбарейя-наяда, девичеством славная, жало
В сердце и ты получи, которое мир весь изведал!
Здесь Каллирои светлицу умечу, спою Дросерé я
Песнь! Ты сразу промолвишь: "Ведь я из влажного рода,
В струях я родилася, воды меня воскормили!"
Но и Климена-наяда, дочерь она Океана,
А подчинилася страсти и стала покорной супругой,
Лишь поняла, что лазурный бог у Эроса в рабстве,
560 [550]
Жалом сражен Киприды! Ведь Океан, прародитель
Рек и бегущих потоков, всемогущий владыка,
Сочетался с Фетидой-нимфой влажною страстью!
Ты, подобно Фетиде, сие испытаешь, и также
Родом из пены соленой, не из ручья иль истока,
Галатея зажглась - к сладкопевцу зажглась Полифему!
И, любовью пылая, она, из пенной пучины
Песней влекомая, вышла на твердую сушу к супругу!
Стало быть, знают истоки жало мое, и не надо
Ставить в пример мне бурливый ток! Вы знаете также
570 [560]
О любви Аретусы сиракузской в глубинах,
Слышали вы об Алфее, который текучим объятьем
Нимфу любимую сжал во влажном брачном покое!
Вы же, дочери влаги, почто вы с Лучницей в дружбе?
Родилась Артемида не в море, как Афродита!
Молвят пусть Каллирое, пусть Дросера услышит -
Ты должна пред Кипридой склониться, сама же богиня
Выю пред Эросом клонит, хоть и питает все страсти!
Не противьтесь вы жалу желанья, ведь и сама ты
С морем связана, сродна ты сестре Афродите!"
580 [570]
Молвил он слово такое и лук схвативши, навскидку
Три стрелы посылает, и во влажном покое
Сочетаются нимфы и земнородные браком;
Вот тирийского рода божественной крови истоки!"
Так вот Геракл, небесный владыка, Вакху поведал
Любопытному всё, и в сердце бог насладился,
И подарил Гераклу отлитый с дивным искусством

Златоблестящий кратер узорчатый. А Диониса
Бог Геракл одевает в расшитый звездами пеплос.
Вот, расставшись с владыкой Тира, богом созвездным,
590 [580]
Вакх в другие пределы Ассирии выступает.

Песнь XLI

Сорок первая песнь - о Берое, что отпрыску Мирры
Родила Афродита, о новой в мире Киприде!

Снова бог насаждает на отрогах ливанских
Корни лозы яркоплодной с неизбывным усердьем,
Дабы в этих пределах цвели винородные грозди.
Брачный покой посетил он, и лозовые побеги
Ветви рощи священной оплели повсеместно -
Так даровал он грозди Адонису и Киферейе.
Там и Хариты плясали, из чащоб плодоносных,
Переплетаясь со светлой лозой поднимался обильно
Плющ, к стволам кипарисов плотно и тесно прильнувший.
Вы же, ливанские Музы, в соседстве с землею Берон,
10 [11]
Девы законопослушной, спойте об Амимоне,
Распре между пучинным Кронидом и в песнях воспетым
Вакхом, пенным Ареем и Энио хмельною!
Город стоит Бероя, центр жизни, гавань эротов,
С островами у моря, зеленый, чью тучную землю
Узкую с двух сторон окаймляют соленые зыби,
Бьющие бурным прибоем с обеих брегов в перешеек,
Простираются стены его до ливанских отрогов
Лесом поросших, где ветер жаркий дует с востока,
Там проложен для граждан путь жизненосный, где чащи
20 [21]
Зыбятся кипарисов под ветром благоуханным...
Там мореходец издревле живет, выпасает и пастырь
Стадо, там дом земледельца, где близ чащобы нередко
Серпоносной Деó встречается Пан сладкопевный,
Пахарь там ходит нередко по пашне, склоненный над плугом,
В борозды семя бросая за спину мерно и ладно,
Там на опушке леса с быкопасом-соседом,
Опершись на загривок вола беседует пахарь;
Да, на прибрежье город Бероя простерся - владыка
Моря, раскинувшись вольно, так вью милой супруги
30 [31]

В травах морских сжимает во влажно-пенном объятье,
Нежно целуя нимфу солеными моря устами.
Как и обычно, приемлет из длани глубокопучннной
Брачный подарок невеста, на ложе с ним возлегая:
Скот, взращенный в глубинах, многоцветную рыбу,
Что на зыбях Нерея кормится, в водах играя
Северных под созвездьем Медведиц, где глуби пучины
Разбиваются в брызги о скалы, стоящие рядом...
Но у южных пределов земли дружелюбной, веселой
Путь проходит песчаный к теплым отрогам пологим,
40 [41]
В землю сндонскую прямо, где многоразличье деревьев
И виноградников блещет, где осенены все дороги
Сводом ветвей и прохладой странников привлекают...
В берег бьет там теченье, направленье меняя,
Устремляясь на запад темный, Зефир там веет
Над вечернею нивой, влагой дыша и прохладой,
По-над взморьем ливийским облак неся дожденосный,
Где луговины пестреют цветами, где прямо на бреге
Все растет в изобилье, где благоуханные рощи
Шелестят и рокочут, колеблемы ветра дыханьем.
50 [51]
Люди там обитают, ровесники Эригенейи,
Коих сама природа без мук и трудов породила
Юная, безматерних, безотчих, без брачного ложа.
Неделимые части четырежды в этих людях
Смешаны, и от слиянья пламени, воздуха, влаги
Вышли из праха люди разумные сами собою,
Одушевленное племя из чреватого ила,
Коим природа облик дала совершенный: созданья
Вовсе не походили своим на Кёкропа видом,
Предка, чье тело ниже пояса в змеев ужасных,
60 [61]
Ядовитых и гибких переходило, а сверху
Было вполне человечьим - таков был муж двуприродный...
Не были на Эрехтея похожи, коего Гайя
Зачала от Гефеста, впитав во прах его семя,
Нет, на богов походили люди, что вышли из праха
13 те времена, золотым подобные в поле колосьям!
Жили во граде Берое те люди, в месте извечном,

Где бывал и сам Крон, когда уступая премудрой
Рейе, он позднее яство вкушая прожорливой глоткой,
Как роженица, с камнем наружу сразу извергнул
70 [71]
Всех проглоченных древле детей из тяжкого чрева.
Выпил для этого Крон рекй огромной потоки;
Освобождаясь от бремени, после раздутая глотка
Изрыгнула в потоках несчастное это потомство
Одного за другим, используя влагу как помощь,
Вышли они наружу, дважды рожденные дети.
Зевс тогда народился младенец, но не блистало
Молнии яркое пламя, пронзая небо и тучи,
Раскаленные дроты в битве против Титанов
Не метал он сквозь воздух грохочущий в схватке свирепой,
80 [81]
Не низвергал он глыбы туч с оглушающим треском,
Не грохотало эхо тогда неистовых ливней...
Град же Бероя прежде был сотворен, и он видел,
Как возник сам собою и Айон соприродный!
Тарсоса не было, смертных услады, Фив семивратных,
Сарды не существовали, где златоструйного воды
Вьются Пактола, где в иле златые песчинки блистают,
Сарды, ровесники бога Гелия. Племени смертных
Не было, и ахейских селений не существовало,
И Аркадии также, что родились пред Селеной,
90 [91]
Только цвела Бероя, Луны и Солнца древнее,
Старше тверди земной... На лоне своем плодоносном
Первой Бероя прияла солнечное сиянье,
Как и первые взблески вечно растущей Селены,
Первой отбросила темный покров первородного мрака,
Первою жизнь явила в хаосе первоначальном!
Раньше острова Кипра, Истма, раньше Коринфа,
Первой прияла Киприду, врата открыв пред богиней,
Только родившейся в пене морской. И древле те зыби
Были тогда чреваты кровию уранийской,
100 [101]
Вместе с семенем бога влагу оплодотворили,
Пеною женородящей ставшую в моря пучине,
Повитухой природа стала... И с Афродитой

Пояс явился расшитый на чреслах лежащей богини,
Словно венок обвивший владычицу сам собою!
И поплыла богиня тогда сквозь влагу ко брегу
Тихому, но не в Пафос, не в Библ, выходить не желала
В Колиаде на сушу, быстро она миновала,
Поспешая, и берег, где высился град Киферы...
Водорослями обвито, сверкало божие тело.
110 [111]
В зыби моря пурпурной, взбивая пенные гребни,
Дланями рассекая богородную воду,
Вдаль плыла Афродита, перси во гладь погружая,
Воду спокойную бурно она взбивала стопами,
Лик подъяв над волною, выныривала на поверхность,
И бурлила пучина вспе́ненная за нею...
К граду плыла Берое... А что богиня на суше
Кипра следы оставляла - то лгут и лгут киприоты!
Встретила первой Береоя Киприду, и на прибрежье
Стали травы тянуться и заросли на луговинах
120 [121]
Сами собою повсюду, на побережье песчаном
Распустилися розы, венчиками алея,
В пене соленой утесы, винною влагой излились
Из каменистого лона как из-под давильного камня,
Брызнул сок пурпуровый ливнем, на солнце блистая...
Речка там зажурчала, струями млека белея,
Благовонным дыханьем ветерок вдруг повеял,
Сладостнейшим бальзамом и маслом воздух наполнив,
И всемогущий Эрос, начало сего мирозданья,
Жизнеподатель, возница, связь и крепитель вселенной,
130 [131]
Тут у богини родился при появленье на бреге,
Резвоногий мальчишка, забил как мужчина ногами
И без подмоги извне́ нашел он дорогу из лона...
Сильно стучал он в тело зачавшей без мужа богини,
Страстно желая родиться; крылья затрепетали -
И единым порывом врата он рожденья покинул,
Кинулся на руки, быстрый, блестящие матери милой,
Эрос, к высокой груди прильнув Афродиты-богини,
Стал высасывать млеко, зная, как сладостной пищей
Глад утолить, неученый... Стал сжимать он губами

140 [141]
Эти перси, что ране не ведали прикосновенья,
Ненасытно впивая млеко из груди округлой!
Корень жизни, Бероя! Кормилица весей, героев
Слава, Айона сестрица, ровесница миропорядка,
Дом Гермеса, равнина Дики и место законов,
Храм Евфросины, Пафийки дворец и жилище эротов,
Сладостный край Лиэя, укрывище Лучницы-девы,
Нереид украшенье, дом Дия, Ареево ложе,
Ты и Харит Орхомен, ты светило пределов Либана,
Сродница ты Фетиды, древняя как Океана
150 [151]
Струи, брачный покой любовью пылавшего старца,
С девой Фетидой на ложе соединенного браком,
Дочерь отца, Амимона по имени, кою Фетида
Родила средь зыбей, сей плод любви с Океаном!
Есть сказанье древнéе, по коему матерью града
Киферейя была, дарящая жизнь мирозданью,
Ассирийцу Адонису принесла она дочерь
Девять кругов совершила по небу богиня Селена -
В тягости Афродита была... Но пред самым рожденьем
Вестник явился с табличкой латинской, грядущее зная,
160 [161]
Бог Гермес о рожденье пришел возвестить Берои.
Илифи́ей Фемида стала. Помощь малютке
Оказала заботливо в трудном пути изо чрева,
Боль родовую смягчила, сопутствующую рожденью,
Свиток Солона во дланях сжимая. Мучаясь болью,
Ухватилась Киприда за богинины пясти,
И, наконец, разродилась, и на аттической книге
Дочерь разумная миру явилась - лаконские жены
Так сыновей рожают на щит из шкуры воловьей!
Вот и пришла малютка в сей мир из цветущего лона,
170 [171]
Майи сын повитухой был, хранитель закона!
Лишь дитя народилось, омыли и умастили
Девочку все четыре ветра, промчавшие в высях,
Дабы землю Берои благословить на законы.
Словно первый блюститель дитяти и по сегодня,
Проложил Океан как пояс теченье близ суши

Кругообразное влаги, вечно бурлящею пеной,
Старец достойный, Айон, обвил покрывалом богини
Дики тельце малышки сразу после рожденья,
Будущее прозревая, сбросил он старости бремя,
180 [181]
Так и старую кожу змея мгновенно меняет...
Весь он во влаге закона омылся и сделался юным!
Дочерью лишь разрешилась Афродита-богиня,
Песнью четыре Хоры хвалебной тут же взгремели;
О разрешенье от родов Пафийки только проведав,
Возликовали звери: лев, исполнясь веселья,
Языком своим лижет радостно бычий загривок,
Бык же мычит, довольный, под львиной пастью свирепой;
Радостно роет копытом землю конь своенравный,
Звонкий гул раздается от этих мощных ударов;
190 [191]
А леопард с пятнистой шкурой в прыжках презабавных
В воздух взвивается резво близ пугливого зайца;
Вот завизжал по-щенячьи волк в великом веселье,
И покусывает овцу в умиленье счастливом;
Вот, оставив ловитву в лесах на оленей и ланей,
Сладостное томленье радости ощущая,
Пес пускается в пляс, состязаясь с вепрем свирепым;
Вот на задние лапы медведица поднялася,
Обнимает телицу, ее нисколько не раня;
200
Вот заскакал теленок, бодаясь как будто бы с кем-то,
Льнет он с лаской ко львице дикой, толкает и лижет,
Сам же еще и мычать-то как следует не умеет!
Вот ядовитые змеи слонов касаются с лаской;
Слышен радостный ропот дубрав, с умиленьем сердечным
Сладкоулыбчивая Афродита на это взирает,
Радуясь в сердце, что звери рожденью малютки ликуют;
Всё она озирает в округе взором счастливым,
Только от дикого вепря взгляд богиня отводит
Радостный, ибо знает, пророчица: в облике зверя,
Брызжущего с изострых клыков слюною, Адонис
210 [211]
Будет Ареем низвергнут в ревности яробезумной!
Вот малютку Берою веселую принимает

В длани дева Астрайя, кормилица мирозданья,
Всех существ золотого века хранящая вечно,
Кормит грудью премудрой дитя, что знает законы!
Вместе с млеком девичьим лился и ток убежденья
В губки младенческие, в уста дитяти вливала
Дева капли густые, мед аттической пчелки,
Что сотворило созданье многотрудной работой,
Мудро смешав в сосуде мед красноречья и силы...
Жаждущая малютка впивала и обогащалась
Влагой разумной пнфийской, взятою от Аполлона
Или тока Илисса, вдохновленную Музой
Аттики и пиэрийским ветром над брегом песчаным!
Колос с неба срывала дева златой и свивала
Словно венок и под главу подкладывала младенцу;
Пляшущие юницы из Орхомена Пафийке
Деве малютку омыли влагой, что музам так свята,
Влагою из корчажки, выбитой конским копытом;
Выросла дева Бероя в обществе Лучницы-девы,
Сети отца расставляя, охотника в диких чащобах.
Обликом дева подобна родительнице Пафийке
С бедрами белыми, если на поверхности моря
Вдруг плескалась Фетида, белизною сияя -
Видели в ней Фетиду среброногую - та же
Вглубь ныряла, стыдяся насмешек Кассиопеи;
Ассирийскую деву невинную вдруг завидя,
Зевс загорается, снова лик изменить свой желая,
Эросом снова томимый, желает в облике тура
С новым бременем волны рассекать в Океане,
Дабы отроковицу не забрызгать волною
Только воспоминанье о деве сидонской владыку
Удержало! И начал средь созвездий яриться
Муж небесный Европы - взревел Телец олимпийский!
Бог не мог в поднебесье созвездье, знамение страсти
Новой опять поместить, соперника прежнего брака...
Зевс оставил Берою, из-за смертной юницы
Спорить не стал он с братом, Энносигеем пучинным,
Коему предназначил рок пылать к ней любовью!

250
Вот какова Бероя, отрасль Харит! И только
Говорить начинала - медом текли ее речи,
Дева Пейто расцветала в устах, убеждая любого
Мужа премудрого, речи такой не знавшего прежде!
Затмевала она подруг ассирийских сияньем
Глаз улыбчивых, чистых, бу́дящих стрелы желанья -
Так в поднебесье все звезды затмевает собою
Светло-лучистым сияньем Селена полная, только
В силу вошедшая... Девы нежно-румяное тело
Даже сквозь пеплос с хитоном разливало сиянье!
260
Так что вовсе не чудо, что дева подруг красотою
Превосходила, сияя очарованьем любовным -
Всей красоты наследством родителей девы являлась!
Видя ее, Киприда, пророческим обладая
Даром, замысел в сердце взлелеяла, мыслью далеко
Над просторами тверди воспарив невозбранно:
Красота подвигала на основание градов!
Ибо по имени девы ясноглазой Микены
Назван город преславный, Микены, коего стены
Древле киклопы сложили; ибо у отмелей Нила
270
Именем нимфы Фивы египетской названы Фивы...
Вот и решила богиня град основать Берою,
Дабы и град был прекрасен, внушая любовь, как и дева!
Помня Солона уставы, зло отвратившие речи,
Взор обратила богиня к широко-дорожным Афинам,
Зависть чуя к порядку и праву в сестринском граде.
Вот она поспешила и прянула по небосводу
Во дворец Гармони́и, матери мирозданья,
Нимфа жила там в покоях, устроенных миру подобно:
В доме четыре двери охраняли покои,
По одной на каждую сторону света земного;
280 [281]
По подобию мира округлого, нимфы сновали
Тихо, девы-прислужницы: о восточных воротах
Эвра заботилась дева Антоли́я, ворота
Зефира охраняла Дю́сис, нянька Селены,
Нота врата сторожила дева Месембриада,

Открывала ворота, все избитые градом
Снежным и тучами с ветром дева по имени Арктос.
Вот Харита, сопутница Афрогенейи в дороге,
Постучала в ворота восточные Эвра, навстречу
Из ворот золотистых восточных на стук появилась
290 [291]
Дева Астиномейя, служанка, богиню Киприду
Увидала, что подле створок стояла привратных,
В дом вернувшись, сказала владычице дома о гостье.
Та занималась работой искусной и трудной Афины,
Пеплос ткала и на ткани узорчатой изображала
Праначальную землю посередине, вокруг же
Небо округлое выткала в звездах разнообразных,
Бились о прибрежье снизу волны морские,
Реки по ткани струились в облике туров рогатых,
Но с человеческим ликом, сверкали смарагдом потоки;
300 [301]
А у самого края ткани выткала дева
Океан круговратный, что мир обтекает и землю!
Входит служанка в покои, приблизясь к станку хозяйки,
Говорит ей, что нынче стоит у ворот Афродита!
Это услышав, хозяйка искусно сработанный пеплос
Уронила, и выпал челнок из божественных дланей...
Спешно накинув на гла́ву белое покрывало,
Села на трон привычный, что прекраснее злата,
Дабы встречать Киферейю, только вдали появилась
Афродита - встала, оказывая почтенье.
310 [311]
Вот приводит Пафийку ко трону, прямо к хозяйке,
Длинноодетая дева Эвринома, взглянула
Та на лицо Афродиты, являющей облик печальный,
Матерь всему, Гармония, и молвила сладкое слово:
"Корень жизни, Киприда, владычица роста и матерь,
Упованье вселенной, по твоему разуменью
Неумолимые Мойры нити судеб выпрядают!
О, какая забота тебя привела в это место?"
Ей отвечала богиня: "Скажи мне, кормилица мира,
Ты, что вспитала Бессмертных, ровесница миропорядка,
320 [321]
Молви, в каком же граде правит голос владычный,

Голос, хранящий законы для разрешения распрей?
Некогда жгучею страстью томящегося непрестанно,
Столь пылавшего к Гере, сестре бессмертной, любовью,
Мукой томимого триста лет к вожделенной подруге,
Зевса я съединила браком - и в благодарность
Дал мне понять владыка мановением гла́вы,
Что отдаст мне из градов тот, где правят законы
Дики Я ведать желаю, не на земле ли Кипра
Или Пафоса дар сей таится, уж не в Коринфе ль,
330 [331]
Спарте, где правит Ликурга установленье, иль, может,
Будет оный Берои отчизной, девы разумной?
О, воздай справедливость и лад сохрани мирозданья,
Жизнь спаси, Гармония, меня ведь поспешно прислала
Звездная Дева сюда, хранящая установленья
Смертных вместе с Гермесом, богом благозаконья,
Обязав, дабы племя людское, рожденное мною,
Я охраняла, брачный закон сотворив и порядок!"
Молвившей так отвечала богиня словом приветным:
"Будь смелее, не бойся, матерь страстей и желаний,
340 [341]
Ведаю семь пророчеств, записанных тут на табличках,
Оные отвечают семи именам планетным!
Названа там среди первых Селена округлая сразу,
После златая табличка Гермеса упоминает
Под названием "Сильбос", там вырезаны законы...
Алым окрашена третья с именем Киферейи,
Ибо Эос алеет твоя... на четвертой табличке
Гелия имя сияет ярко, срединного бога;
Пятая - бога Арея! - кровавится светом зловещим;
"Фаэтонт" зовется шестая, планета Кронида;
350 [351]
Имя седьмой таблички - Крон высокоходящий!
Запечатлел на табличках оракулы мирозданья
Огненно-алыми знаками муж древнейший, Офи́он!
Спросишь об установленьях, о власти мудрых законах -
Это старейшего право из всех селений вселенной!
Что за град - Аркади́я, иль Геры селение, Аргос,
Или же древние Сарды, или же в песнях воспетый
Тарсос, старейший из градов, или какой-либо прочий -

Мне говорить не должно! Табличка Крона покажет
Все, он восходит первым на небо, Эос ровесник!"
360 [361]
Молвила так и подводит гостью к сияющим знакам,
Та же находит место, где о граде Берое
Явлено предвещанье офионейским искусством
На кронийской табличке киноварью блестящей.
"Будет первым Бероя, возникший со всем мирозданьем,
Названный именем девы, и авсонийское племя,
Свет иноземных законов, установления Рима,
Град назовет Бейрутом, стоящий на взморье ливанском..."
Вот каким выло слово пророчества... Только лишь строчку
Первую изреченья прочла на седьмой табличке,
370 [371]
Стала читать она дальше, где на стене пребывали
Знаки, исполненные с величайшим искусством, с рассказом
В мирных стихах обо всем: как Пан, из пастырей первый,
Сотворил сирингу, как лиру Гермес придумал
Геликонийский, как Хи́агнис вывел лад на авлосе
Сладостный, как Орфей написал свои тайные песни,
Как сладкогласный явился Лин, как Аркад, сей странник,
Месяцы года расчислил, Гелия бег круговратный,
Что на четверке повозки, отец, весь год образует,
Как перстами своими Эндимион премудрый
380 [381]
Исчисляет Селены превращенья тройные,
Как в одно сопрягает гласный звук и согласный
Кадм, дабы ведали люди правильное прочтенье,
Как Солон все законы творит, как аттический светоч
Кекропа соединяет в браке разные пары!
Так богиня Пафийка в знаках различноискусных
Музы читает деянья во градах, явившихся после...
А на табличке, что в центре вселенной всей находилась,
Прочитала богиня эллинской Музы реченья:
"Некогда станет Август царствовать над землею,
390 [391]
Зевс авсонийский подарит власть священному Риму,
Станет блюсти законы и во граде Берое,
Это случится в то время, когда на судах оружных
Сокрушится владычество Клеопатры-царицы!

До того же покоя целительного не нарушит
Ни один, пока нянька покоя и мира, Беритос,
Соблюдает законы, блюдя на земле справедливость,
И на зыбком просторе морей, воздвигнувши стены
Нерушимые пра́ва, град единственный в мире!"
Вот богиня, изведав оракул офионейский,
400 [401]
В собственное жилище возвращается. Рядом
С сыном своим садится на троне златоискусном,
Обвивает рукою она за пояс малютку,
Радуясь в сердце великой радостью, ликом лучится,
На колена сажает милое бремя и сразу
Детку в уста и очи целует, безумящий после
Лук его поднимает с колчаном, дротами полным,
И говорить начинает хитрольстивые речи:
"Жизни нашей опора, услада Пеннорожденной,
Угнетает Кронион жестоко мое потомство!
410 [411]
После того, как девять кругов свершила Селена,
Мучаясь мукой жестокой родов, я разродилась
Гармонией, страдала я от болей ужасных,
А ведь Лето́ уж явила деву в мир Илифи́ю,
Артемиду, помощницу женщин, тех, кто рожает!
Единоутробный брат Амимоны, сразу навряд ли
Ты поймешь, как из пены и неба родятся... Желаю
Я деяний великих, хочу небесный порядок
Тут явить у прибрежья, у пены волн материнских!
Зачаруй ты Блаженных, одной и той же стрелою
420 [421]
Бога уметь Посейдона и виноградного Вакха,
Сих блаженных Бессмертных! Даром достойным тебя я
Отдарю за труды по сей стрельбе дальновержной!
Дам тебе лиру златую, которую Феб Гармонии
Древле дарил, па память во длани свои получишь
Лиру сию о граде, ведь ты, мой мальчик, не только
Дальновержец, как Феб, но также играешь на лире!"

Песнь XLII

В песне сорок второй Диониса воспламеняет
Эрос и Посейдона любовью к деве единой!

Сына она убедила - и в одночасие прянул
Пылкий Эрос и грозный, перебирая стопами
В воздухе, пролагая пернатыми путь в поднебесье,
Огненный лук сжимая в ладонях. А за плечами
Пламенеющий, полный дротов, колчан находился!
Точно звезда, помчался в безоблачные просторы,
Вычертив след за собою звездно-искристым мерцаньем,
Знаменование словно неся мореходцу иль вою,
Путь отмечая по краю неба огнем целокупным.
Так необорный Эрос мчался стремительно в небе,
10 [11]
Воздух крылами взбивая, плещущий за спиною
С шумом глухим: у пределов ассирийского края
На тетиве единой расположил он две стрелки,
Дабы две раны подобные, страсть будящие к деве,
Он нанес двум Бессмертным, пожелавшим бы брака,
Пенного моря владыке и божеству винограда!
Вот тем временем первый оставил соленые глуби,
Край тирийский оставил, у ливанских отрогов
Оба встретились бога. От колесницы ужасной
Леопардов уставших прочь отпускает Марон;
20 [21]
Прах со шкур отряхая, поит влагой прохладной,
Остужает их, потных, в водах источников горных.
Эрос же необоримый подкрался к деве поближе
И оттуда уметил богов двумя остриями:
Эрос вселил в Диониса стремленье страстное к деве,
Дабы он предложил ей и сердце, и винные грозди!
Пыл любви разжигает в груди владыки трезубца,
Дабы он предложил двойной ей брачный подарок:
Страсть сражаться на море и яства отведать морские!
Вакх пылает сильнее - ведь разум вино распаляет,
30 [31]

Много сильнее жало безумное жалит желанья
Вакха, горячего нравом и более юного телом!
Ранен Лиэй, и жало по самое оперенье
В сердце вошло - едва ли так опьянишь красноречьем!
Оба пылают любовью... Птицею обернувшись,
В небо малютка взмывает, помавая крылами,
Грозовому подобно ветру несется сквозь выси,
Кличет гордо: "Коль племя людское вином побеждает
Вакх, то я Диониса пламенем жарким низвергну!"
И божество винограда взгляд устремляет к Берое,
40 [41]
Воспламеняется страстью и проникает желанье
Сладостное через очи - с ней сочетаться на ложе!
Стал бродить по чаще Лиэй, терзаемый негой,
Тайно он па Берою смотрит пристальным взором,
Следует незаметно за нею в нежной истоме.
Но уж ему недовольно взглядов... Чем боле взирает
Бромий на деву, тем боле хочет он ей любоваться!
Вспоминая о страсти владыки созвездий к Климене,
Гелию он взмолился, дабы свою колесницу
С конями, мчащими в выси, он придержал хоть немного,
50 [51]
Дабы продлил сиянье днéвное, дабы к закату
Медленней день катился, дабы не гнал он повозки
Вот постепенно к Берое, идя за нею вплотную,
Бог приближается будто случайно... Тогда же с либанскнх
Гор Эносихтон, скрываясь, сходит в эти же чащи,
Бродит, блуждая, по лесу, ни на что не решаясь,
Ум уподобив морю, когда оно бьется в прибое,
Рокоча неустанно бьющимися валами...
Ненасытный от страсти, в чаще лесов ливанских
Дионис остается подле отроковицы,
60 [61]
Остается один! О, молвите мне, Ореады,
Что же хотеть еще богу, как девою не насладиться,
Видя ее одну, без влюбленного Энносигея?
Уж покрывает он тайно поцелуями землю
Многими там, где дева ступала, и прах под стволами,
Там, где касалась стопою белою отроковица!
Смотрит на нежную шею Вакх, на Берои лодыжки

Промелькнувшие, смотрит на красоту, что Природа
Сотворила, ведь дева румян благовонных и масел
В кожу свою не втирала и лика не украшала,
70 [71]
Не подкрашивала ни щеки, ни губы, ни очи!
Перед блестящею медью собою не любовалась,
С ликом довольным образ лживой красивости дева
Не судила, искусной драгоценной тесьмою
Кудри не перевивала, по брови кромку равняя
Убранных с превеликим умением локонов легких!
Но и в простом уборе она поражала сильнее
Страстью несчастных влюбленных, блистая красою природной -
Волосы вились вольно по ветру без лент и повязок,
80
Прелестью яркой пленяли, не заплетенные в косы,
Белоснежные щеки приоткрывая невольно!
Время от времени дева, истомленная зноем,
Веющим от дыханья Пса небесного с выси,
Воду пила из истока ближнего, наклоняясь
Ниже и ниже главою к токам прохладным, ладонью
Черпала из глубоких струй сородную влагу,
И утолив свою жажду, источник она оставляла,
Путь продолжая по лесу... Вакх же склонялся над током
Тем, подражая деве, ладонями черпал он воду,
90
Влагу лесного истока впивая, что нектара слаще!
Видя его, от страсти сгорающего любовной,
Босоногая нимфа вод глубоких смеялась:
"Хладную воду напрасно пьешь, Дионис, ведь не могут
Жажду любви угасить и воды все Океана!
Порасспроси-ка родителя - зыби пересекая
Моря, влюбленный в Европу не справился с жаром желанья!
Стало томленье лишь жарче! Спроси ты и у Алфея,
Странника пó морю, в рабстве у Эроса находился
Он, стремяся сквозь влагу по влаге зыбучей не в силах
100
Справиться с пламенем страсти, хоть пена его окружала!"
Молвила так, и нырнула во влагу, сходную цветом
С телом ее, и смеялась притом над Лиэем, нагая!
Бог же, на Посейдона гневаясь, влаги владыку,

Стал ревновать и бояться, - ведь не вином утоляла
Жажду дева, водою... Воскликнул он громко, взывая
К деве Берое, дабы с ними она соединилась:
"Дева! Нектар отведай! Оставь любострастную воду!
Струй опасайся истока, как бы Лазоревокудрый
Не похитил во влаге девичьего достоянья,
110
От молодиц он в безумье впадает, хитрец! Фессалийки,
Девы Тирóˊ, ты знаешь во влаге речной обольщенье...
Ах, опасайся коварных струй! О, как бы повязок
Не развязал девичьих приявший лик Энипея!
О как желал бы потоком быть я, как бог Эносихтон,
Дабы, журча, в объятья сгорающую от жажды
Принимать невозбранно мою Тирóˊ - либанийку!"
Молвил бог - и тотчас же преображает он облик.
Там, где дева бродила, он оказался, в той чаще,
Стал охотнику Эвий подобен, неузнанный, тут же
120
Он приблизился к деве густокудрявой и вольной,
Юноше уподобясь, придал он прелестному лику,
Хитрости преисполнясь, стыдливое выраженье -
То на горыˊ посмотрит уединенной вершину,
То он взгляды направит в самые глуби чащобы,
То на сосенку глянет, то на ель, то на ясень
Взор отведет, но тайно все время смотрит на деву,
От него столь близко проходящую ныне -
Только бы не бежала! Ибо юному взору
130 [129]
Малое утешенье, взоры ровесницы милой,
Ибо любви желанье в нем лик ее пробуждает!
Вот он подходит к Берое, сказать как будто бы хочет
Что-то, да только робеет... О буйный, где ж твои тирсы
Смертоносные? Где же рога? Где переплетенье
Змей извивных на кудрях, сей земли порождений?
Где же мык и рычанье от уст? О великое чудо:
Дева страшит Диониса, повергшего племя Гигантов!
Страх победил победившего земнородное племя!
Он, ниспровергнувший войско свирепо-воинственных индов,
Ныне перед единой девою нежной трепещет,
140

Нежного тела страшится... И средь скал и отрогов
Львов свирепых и ярых тирсом властным к молчанью
Призывал он, ведь девы нежной отказа страшился!
Пылкая речь стремит с языка к устам онемевшим
И уж слететь готова от уст, но страха исполнясь,
Возвращается снова, из сердца исшедшая, в сердце!
В сладком и горьком стесненье слова на устах замирают,
Уж прозвучать готовы, но страх их вглубь загоняет!
Вот он с трудом разрешает в устах оковы стесненья
И прерывает молчанья медлительную отсрочку,
Мнимым охотника гласом он речь обращает к Берое:
"Где же твой лук, Артемида? Кто же колчан твой похитил?
Где же хитон потеряла, едва прикрывавший колена?
Где же плесницы, в которых ты ветра стремительней мчалась?
Где же служанки, где сети, где резвые псы для ловитвы?
Ты не готова к погоне за ланью? Ловить не желаешь
Там, где с Адонисом рядом почивает Киприда?"
Молвил он, изображая изумленье, но сердцем
С отроковицей лукавил... Не разгадав обмана,
Гордо выгнула выю, красу свою осознавая,
Дева смертная, ликом подобна бессмертной богине,
Обольщенная ложью смущенного Диониса:
Вакх же сильнее страдает - ведь милая дева не чует
Страсти, чиста и невинна, а он желал бы, чтоб чувство
В ней зародилось глубóко, ведь если это случится -
Есть потом и надежда, что страсти возникнут, желанье
И любви обоюдной... А если же нет, то напрасно
Ждут мужи наслажденья от жен, не познавших желанья...
Стал он и денно и нощно бродить по рощам сосновым,
Эос встречая в чащобах, приветствуя в дебрях и Веспер,
Близости с отроковицей желая, терзаясь томленьем...
Могут довольствоваться мýжи сновидением сладким
И сладкогласною песнью и пляскою бурно-веселой
В хороводах согласных, но обезумевшим в страсти
Нет ни сна, ни покоя - ах, лжива книга Гомера!
И Дионис, страдая, пытается вынести молча
Муки, божественным жалом причиненные, втайне

Неисцелимые раны Эроса претерпевает!
Так и быка, что в чаще густолистной пасется,
Вдруг безжалостно жалит в хребтину овод чащобы,
Зверь же огромный несется напролом сквозь лесную
Чащу, жалом гонимый, ревет и мычит он прегромко,
Мимо бычьего стада устремляется в горы,
По бокам своим хлещет хвостом и по хребтовине,
Извивается телом, и, поваляся на землю,
Трется о камни спиною, катается он по травам,
После вскочив, рогами воздух вокруг сотрясает...
Так и бог Дионис, столь часто увенчан победой,
Эросом вдруг ужален, жалом его всемогущим!
Вот, наконец, исцеленья ища от любовной напасти,
Стал он плакаться Пану, богу косматому, горько,
Что любовная мука жестоко его истомила,
Просит у Пана защиты от любовных терзаний,
Выслушав о томленьях жгучих и муках Лиэя,
Пан роголобый хохочет, но все же (в любви-то несчастен!)
Движим и состраданьем к влюбленному столь неудачно,
Хочет совет подать - хоть и малое, а утешенье
Видеть, как кто-то страдает от стрел из того же колчана!
"Оба мы, Вакх, страдаем! Твоей сочувствую страсти!
Как же бесстыжий Эрос сразил тебя? Смею ли молвить:
Опустошил колчан свой Эрос для Вакха и Пана!
Что ж, тебе расскажу я о мороке всяком любовном
Каждая женщина больше желает мужчины, хоть стыдно
Ей обнаружить пламя, снедающее безумьем!
Больше она страдает, когда же страсть разгорится,
Жарче пылает, хоть втайне старается пламень эротов
Удержать, когда жало лоно ее уязвляет!
Если жены друг другу расскажут о бедах любовных,
Легче станет бремя Кипридино, болтовнёю
Скрыто... Ты же, милый мой Вакх, ты должен, томяся,
Лживый румянец лика использовать точно уловку!
Нет, улыбаться не надо - яви ей умеренность, скромность,
Пребывая с Бероей, но сеть держи наготове:

Лик, столь розе подобный, озирай с восхищеньем,
Льсти красоте ее, будто б и Гере с ней не сравниться,
Молви, что дева краше Харит, порицай же за облик
Строгий богинь обеих, Афину и Артемиду,
А Берое открой, что краше она Афродиты!
Дева, хвале внимая, притворным твоим порицаньям,
Станет к тебе благосклонней, слышать она не захочет
О серебре или злате - а только как лик ее хвалят
Розе подобный, что всех ровесниц она превосходней...
Зачаруй ее сердце красноречивым молчаньем,
Взгляд истомный украдкой пошли, чтоб она оценила
Страсти огонь, а дланью ударь по грудй словно в горе!
Чувство яви в молчанье, в лике яви восхищенье!
Ах, выказывай робость пред скромной отроковицей...
Чем же дева ответит? Ведь сулиц она не мечет,
Дрота нежною пястью она не бросает, лишь очи -
Копья отроковиц, несущие пламя эротов!
Только ланит румянец - лезвие копий девичьих!
Брачный подарок - желанье, сокровища девы влюбленной
Не драгоценные камни индийские, нет, и не жемчуг
Завоюет невесту, нет, для Пафийки довольно
Лика желанного только, ибо ласкают и любят
Жены прекрасные тело любимого, а не злато!
Нет у меня другого свидетельства. Ибо какие
Получила Селена дары от Эндимиона?
Юный Адонис какие дары получил от Киприды?
Орион же не слитки сребра дал Эригенейе!
Ведь просил не богатства прекрасный Кефал! И единый
Кто посмел преискусный дар предложить любимой,
Был Гефест, но Афина на дары не польстилась!
Не помогла и секира, и потерял он богиню
Вожделенную... Коли желаешь, тебя научу я
Средству, как же достичь любви юницы желанной.
Барбитон в руки возьми, посвященный Рейе богине,
Драгоценность Киприды за чашей... Пускай же сольются
Пенье вместе с игрою в одно единое действо,
Первой воспой ты Дафну, бег Эхо зыбкой воспой ты

После, звучащий пылко отклик немолчной богини,
Были сим ненавистны влюбленные боги... А после
Питие воспой беглянку, бежавшую ветра быстрее,
По отрогам от Пана, от похоти беззаконной,
Пой о судьбине девы, что в землю вросла, и Гею
Прокляни! И пусть слезы прольет по деве Бероя,
Участь несчастной оплакав... Ты ж радуйся в сердце безмолвно
Коли сладких рыданий следы заметишь у девы,
Только, смотри, не засмейся, над милой твоею желанной -
Вдвое не любят жены такое в горестях нежных!
После пой о Селене, безумной от Эндимиона,
Пой об Адониса страсти счастливой, о босоногой
Афродите-богине, забывшей о платьях и бусах,
В поисках милого друга бродящей по горным отрогам -
Не убежит Бероя, любовным рассказам внимая...
Все я тебе, о несчастный Вакх, открыл об уловках
Страсти, поведай, о Бромий, чем обольстить мою Эхо!"
Так он сказал и оставил, утешив, сына Тионы.
И Дионис, лукавя, проявляя участье
Словно, расспрашивал деву о родителе милом,
Об Адонисе, словно он друг по горной ловитве,
И при этом случайно как будто касался он персей
И повязок, десницей приобнимал за пояс,
Будто совсем случайно, Вакх, безумный от страсти!
Спрашивает юница, как и обычно бывает,
Сына Диева, кто он, кто родом, явился откуда...
Лишь у храма Киприды вышел он из затрудненья,
Глядя на лозы и грозди, на край изобильный, цветущий,
На росистые травы, на рощи разных деревьев,
И придумал Берое, что будто бы он земледелец,
Помышляя о страсти, Бромий деве поведал:
"Я земледелец ливанский, и коли того ты захочешь,
Орошу я твой край родной и возделаю пашни!
Я понимаю движенье повозки Хор, когда вижу
Окончание поздней осени, к девам взываю:
"Вот Скорпион восходит, жизни податель и вестник

Будущих урожаев, быков впрягайте на поле!
Вот заходят Плеяды - когда же сеять мы будем?
Ибо появятся всходы, коль росы выпадут, если
Фаэтонт соизволит! При прекрасной повозке
Вижу Арктýра в начале зимы и звонко я кличу:
"Гею, ждущую влаги, ливнями Зевс орошает!"
Коли весна приходит, утром ранним кричу я:
"Время цветам распускаться - срывать ли мне лилию с розой?
Гляньте, как гиацинты над миртами стебли колеблют,
Как нарцисс превосходит анемон высотою!"
Видя гроздь винограда, возвещаю я лето:
"Зреет лоза и грозди, время затачивать серпы!
Девы, сестра восходит! Не время ль для сбора гроздовья?
Наливается колос, поле требует жатвы!
Время жать злаконосный урожай, не Деметре
Петь хвалу - приносить начатки Кипрогенейе!"
Ниву твою обиходить возьми меня, земледельца,
Сделай меня, молю, виноградарем Пеннорожденной,
Я незрелые грозди отличать от созревших
Умею, как яблоки зреют знаю, как вырастить надо
Вяз огромный, тенистый, опору для кипарисов,
Пальмы мужскую особь с женской скрестить умею,
Хочешь - и крокус прекрасный подле вьюнка насажу я!
Злата не попрошу я, не попрошу и богатства -
Дашь мне лишь пару яблок, единую гроздь винограда!"
Только просил он напрасно - не ответила дева,
Ибо не разумела любовных речей Диониса!
Тут измыслил иную Эйрафиотес уловку:
Взял он из рук Берои сети охотничьи, снасти,
Стал восхищаться работой искусной, бросая по кругу
Сети, и вопрошал о работе этой преловко:
"Что за уменье? Какой же бог явил тут искусство?
Кто же? Не смею поверить, что для Адониса эти
Сделал Гефест олимпийский лучше ловчие сети!"
Но и такою речью не мог обольстить он Берою!
Вот почивал он однажды на ложе из анемонов

И в сновиденье явилась пред ним внезапно Бероя,
Облаченная в платье невестное, ибо что делал
Днем мужчина, то ночью явится в сновиденье!
Быкопасу приснится, что тянет быка он на поле,
Ловчие сети охотник во сне в лесу расставляет,
Спящему землепашцу снятся бразды полевые,
В кои зерно он бросает... Терзаемому средь зноя
Жаждою мужу приснится прохладная ручьевая
Влага, являют обманный сон бегущие струи!
Так вот и Дионису приснилась причина печали,
Призрак зыбучий, прозрачный послал ему сон полуночный,
С коим хотел сочетаться Вакх любовью... Проснулся
Бог, а девы не видно, и снова желает забыться...
Все ж испытал мимолетно он радость любовных объятий
На лепестках анемонов, столь быстро гибнущих в мире!
Плакал над увяданьем бог безмолвно, молился
Гипносу с Эросом, даже звезде, Афродите вечерней,
Чтоб насладиться ему любовью в таком сновиденье
С призраком зыбким любимой... Часто близ мирта Киприды
Дремой Вакх забывался, но снов любовных не видел,
Мучился сладостной мукой, желанием неутоленным,
Вакх, сей мук разрешитель, не мог разрешиться от муки...
С сыном Мирры, с Берои родителем на охоту
Он ходил, забросив тирс, увитый лозою,
Шкуру только убитой лани забросив на плечи,
Тайно бросал.на Берою взгляды... Но юная дева
Пряталась от Диониса взоров влюбленных и пылких,
Запахнув в покрывало и ланиты, и очи...
Вакх же воспламенялся сильнее - желанья Киприды
За стыдливой женою следуют с большею силой,
Страсть лишь жарче пылает, не видя предмета желанья...
Вот застал он однажды Адониса вольную дочерь
Одинокой, без свиты, и юноши сбросив личину,
Раньше которую принял - как бог предстал перед девой.
Имя назвал и поведал ей об индийском походе,
Как отыскал он грозди, вино сотворил из гроздовья,
Для веселия смертных... Томимый страстной любовью,

Вдруг обрел он и пылкость, и смелость - и робость отбросив,
Молвил отроковице лукавострастные речи:
"Дева, в тебя я влюбился, небесные выси оставил,
Неба милей мне пещеры, где предки твои обитали,
Землю твою родную предпочитаю Олимпу,
Скиптра отца не желаю, как стражду страсти Берои,
Коей краса амвросии сладостней, с коей одежды
Благоухают сильнее нектара благоуханья!
Дева, слыхал я о диве - что матерь твоя Афродита...
Больше дивлюся, что дочерь так холодна, неприступна!
Эрос твой кровник, ты же не ведаешь жала желанья?
"Страсть светлоокая дева отвергает" - ты скажешь -
Но, родившись без страсти, ее и не знает Афина!
И Артемида с Палладой ведь не изведали родов!
Кровь Киприды в тебе, а ты отвергаешь Киприду!
Стыдно ли матери рода? Ассирийский Адонис,
Муж прекрасной Киприды - родитель твой, о Бероя,
Нежности научися, пред коей отец твой смирился,
Поясу подчинися, что древен так, как Киприда,
Бойся гнева эротов, лишающих милостей страсти!
Беспощадны эроты - страсти требуют даже
От не знающих неги жен упорно холодных!
Знаю как беспощадно огненная Кифера
С девы Сиринги взыскала за хранимое девство,
Как превратилась в тростник, спасаясь от бога Пана
Страсти! Поныне поет о страсти Пана та дева!
Знаю как Ла́дона дочерь, чьим именем славится речка,
Страсти труды ненавидя, превратилася в древо,
Шепчущее листами в кроне, колеблемой ветром,
С Фебова ложа беглянка чело Аполлона венчает!
О, берегися гнева ужасного негодованья
Эроса тяжко-разящего пылкого - пояс для Вакха
Разреши ты девичий, стань соложницей бога!
Сам принесу я сети Адониса мягкие к ложу,
Сам его я устрою, ложе сестры Афродиты!
Энносигей какие дары тебе предлагает?

Влага соленая моря будет выкупом брачным,
Шкуры тюленей расстелет, смердящих пеной пучинной,
Для сладострастного ложа сей бог, одежды морские!
Шкур тюленьих не надо Бромию! Девы-вакханки
Станут служанками в спальне, сатиры слугами станут,
Выкупом брачным будет лоза виноградная Вакха;
Коль пожелаешь оружья, о Адониса дочерь,
Дам тебе тирс вместо дрота... Прочь, о жала трезубца!
Ты берегися, о дева, шума немолчного моря,
О, берегися страстью грозящего Посейдона!
Ибо Лазурнокудрый лежал уж близ Амимоны,
И превратилася дева потом в поток соименный!
Скилла любовь испытала его - и стала скалою,
За Астери́ей погнался - и стала островом дева,
Дева Эвбея также вросла основаньем в пучину...
Он Амимону принудил после совокупленья
Островом стать одиноким, в дар же свадебный этот
Бог предложил лишь источник соленый, лишь травы морские,
Лишь моллюсков пучинных Я же, твоей красотою
Насмерть сраженный, тебе подарил бы всё, что ты хочешь -
Только дитя Афродиты златой не нуждается в злате!
Разве тебе из Алибы принесешь самородков -
Сребролокотной деве слитков сребряных не надо!
В дар мерцающий камень принесть ли тебе с Эридана?
Всё Гелиад сиянье затмит твой облик прекрасный!
Ибо выя Берои сияет ярче, чем Эос,
Камню-электру подобна выя девы Берои!
Царственным излученьем прочие затмевает
Драгоценные камни... Мрамора ты светлее!
Светоча мне не надо - твой взор лучится и блещет!
Что тебе розы, о дева, пустившие только бутоны -
Ярко алеют ланиты, розы прекрасней и чище!"
Так он молвил, но дева слух руками замкнула,
Дабы не слышать ни слова из любовных признаний,
Чтоб не внимать реченьям, напоминавшим о страсти, -
Столь ей брак ненавистен... И пылкого бога Лиэя

Стала мука сильнее... Что же может быть хуже,
Чем возлюбленной девы от влюбленного бегство
Мужа, что страждет и алчет, и мучается любовью,
Только вдвое терзаясь больше... Да, ведь сильнее
Страсть, коль милая дева влюбленного отвергает!
Вот, терзаемый пастью неутоленных желаний,
Вакх уходит от девы, воображает охоту,
Бродит как призрак за нею, сердце его язвимо
Сладостно-горькою болью... тем временем зыбь поднялася
Тут - так пенным ступает шагом сквозь горы сухие,
Страстью томясь по Берое, Посейдон-женолюбец,
Землю при каждом шаге заполняя водою!
Спешно пересекает он лесистые пики
И содрогаются в страхе под тяжкой поступью выси.
Смотрит он на Берою, окидывает влюбленным
Взором и свежую юность, и прелесть отроковицы,
Зрит сквозь прозрачные ткани одежды как в зеркале облик
Девы прекрасной манящей, смотрит не отрываясь,
Словно она обнаженной явилась вдруг перед богом,
Видит он сквозь повязки блистание тела младого,
Груди упругие видит, скрытые легким хитоном,
Алчным взглядом обводит лик непрестанно, упорно,
Сквозь струящийся пеплос плоть ее созерцает...
Вот к Киферейе морской, одержимый любовным безумьем,
Эносихтон взывает и на морском побережье
Деву прельщает такою речью, ища снисхожденья:
"Вся Эллада склонилась пред красотою такою,
Лесбос и Пафос не славят, Кипра не величают
Родиной красоты, и Наксоса не превозносят
Боле как землю красавиц, боле не благодатны
Лакеде́мона долы для воспитанья и родов!
Нет, не Пафос, не Лесбос, не край Амимоны восточный
Славу затмили отныне преславного Орхомена,
Тем, что живет там Харита новая... Нет, блистанье
Трех Харит четвертой прелесть затмила, Берои!
Милая, землю оставить должна ты - разве не пена
Матерь твою породила, морскую дщерь, Афродиту?

Беспредельное море - тебе мой свадебный выкуп,
470 [469]
Тверди оно прекрасней! Ты с Диевой Герой поспоришь,
Скажут, что Дия-супруга с соложницей Энносигея
Миром целым владычат, в заоблачной выси Олимпа
Гера державная правит, а безднах пучины - Бероя!
Нет, не дам во владенье тебе бассарид полоумных,
Сатиров пляшущих толпы или стаи силенов,
Станут прислуживать в брачном покое невесте Берое
Сам Протей или даже Главк пойдет в услуженье,
Можешь взять и Нерея, и Меликерта, коль хочешь!
Сам поток круговратный, омывающий землю,
Океан многошумный станет прислужником девы!
480
В брачный подарок, Бероя, получишь ручьи ты и реки;
Коль пожелаешь служанок для поручений, то будут
Ими дщери Нерея; кормилицу Диониса,
Няньку Инó, я тоже отдам тебе в услуженье!"
Молвил, но гневалась только, не слушала посулов дева...
И оставил ее он, грозные речи бросая:
"Отпрыск блаженной Мирры, дочерь твоя прекрасна,
Ныне двойная почесть единому выпала мужу,
Ты и отец Берои, и Пеннорожденной прислужник!"
Так вот и Энносигея жало любви уязвило.
490
Много даров предлагал он Адонису и Киферейе,
Выкупов брачных за деву. Горящий такой же любовью,
И Дионис богатства принес - все слитки златые,
Что близ соседнего Ганга добываются в копях,
Страстно моля, но напрасно, морскую богиню Киприду
И взволновалась Пафийка, беспокоясь за деву,
Ибо страшилась обоих женихов, что горели
Равною страстью любовной, знала, что ревность и пламя
Страсти к Берое невестной могли закончиться распрей,
500 [499]
Битвою за невесту, боем за брачное ложе!
Вот осторожно уводит отроковицу с собою
Матерь и помещает в укрытии горном, надежном,
Отроковицу, награду в любовном сем состязанье,
И говорит обоим соперникам речи такие:

"Как бы родить я хотела двух дочерей прекрасных,
Старшую для Эносихтона, младшую для Диониса!
Только я не имею двух дочерей, и такого
Нет закона земного, такое для нас невозможно,
Дабы единая дева двух супругов имела!
Вот и должны побороться два жениха за невесту!
Ибо без тяжких Берою трудов не добыть, и за деву
Пусть соискателя оба устроят одно состязанье:
Кто одержит победу, без выкупа дочерь получит!
Оба мне поклянитесь, ибо страшусь я за город,
Где владычицей дочерь, хранительницей законов,
Я назначила - как бы не сгибнул он из-за Берои!
Дайте мне обещанье, что после свадебных плясок
Энносигей не разрушит града из-за пораженья,
Землю колебля в неистовстве, Бромий тоже не станет
Горем пылая потери возлюбленной Амимоны,
Виноградников чащу на град насылать неповинный!
Дайте клятву, что после спора вы примиритесь,
Оба, пылая любовью ревностной к деве прекрасной,
После ж украсите город к вящему процветанью!"
Так рекла, убедив домогателей. Сразу же оба
Дали клятву такую, поклявшись Кронидом, Эфиром,
Геей и влагой стигийской, Мойры все подтвердили
Данные ими обеты - Дерис и Клонос, эротов
Спутники, дали согласье, Пейто же клятву скрепила.
С высей небесных спустились, желая за состязаньем
Понаблюдать, все боги, сколько ни есть на Олимпе,
Разместившись с Кронидом на отрогах либанских.
Тут явилось знаменье великое Дионису:
Сокол быстрый как ветер преследовал в высях эфирных
Кроткую голубицу, но тут появилась внезапно
В небе скопá и, крылья расправив, в морские глубины
Унесла голубку, схватив осторожно когтями!
И Дионис, увидев, сие знамение, бросил
На победу надежду - но распри не испугался.
За состязаньем Кронион взором всевидящим сверху

Наблюдал, за распрей брата и милого сына!

Песнь XLIII

В песнопении сорок третьем о битве поется,
О состязанье невестном вина и пены пучинной!

Бранолюбивый Арей восстал на службе эротов,
Громко вопя, призывая к началу сраженья за деву;
Вот Энио́ готовит площадку для брачного боя,
Вот с небосвода примчал к Эносихтону и Дионису
Бурный бог Гименей, приплясывая и кружася,
Сулицей потрясая амиклейской Киприды,
Песнь возглашая Арея на фригийском авлосе.
Для повелителя моря, для сатиров полководца
Дева станет наградой - она же стояла безмолвно,
Ибо союз с женихом из пучины соленой внушал ей
10 [11]
Отвращенье, боялась дева влажных эротов,
Вакх ей нравился больше. Подобилась Деянире
Отроковица, что древле, увидя мужей поединок,
Вдруг предпочла Геракла и испугалась союза
С непостоянным богом бурным реки быкорогим!
Вот зазвенев по кругу, сам собою к сраженью
Небосвод затрубил призывно и звонко, прозрачный.
Клич издавая ужасный из мощной и яростной глотки,
Бог лазурнокудрявый воздел ассирийский трезубец,
Даль колебля морскую, и вперед устремился,
20 [21]
В схватку бог Дионис, подъемля тирс лозоносный,
Восседая в повозке Рейи, горной богини.
Вкруг колесницы мигдонской сплетаются сами собою
Виноградные ветви, Вакха собою скрывая;
Грозды и плющ, свиваясь, единый покров образуют!
И под упряжью, гривой косматою потрясая,
Лев своей лапой когтистой роет мягкую землю,
Рев испуская при этом ужасный из пасти разверстой.
В это же время ко влаге источника слон продвигался
Неумолимо, ноги негнущиеся воздымая,
30 [31]

Алчною весь он пастью опустошает источник,
Дно одно оставляя. И тогда из укрытья
Выпрыгнула нагая нимфа и бегством спаслася.
Вот уж в сраженье вступает пучинный бог, нереиды
Крик поднимают великий. И чудища из пучины
Поднимаются строем - Посейдонова дома
Кровлю, влагу морскую, бьют виноградные ветви!
Но пещеры в отрогах Либана высоких трезубцем
Вмиг обрушены, корни вырваны лоз виноградных!
Вот на скот черношкурый, пасущийся мирно близ моря,
40 [41]
На Посейдоново стадо, свирепо на них устремившись,
Бурно тиады напали - вот одна с хребтовины
Выдирает огромный мяса кусок, вот другая
Выломав оба рога изострые, топчет их яро!
Третья пронзает чрево броском изострого тирса,
Эта ударом метким ребра ему разрубает,
Падает бык полумертвый и катится в прахе бессильно,
Кровью пока он исходит, корчась в муке предсмертной,
Подбегает вакханка другая, за задние ноги
Рвет и в едином порыве бросает в воздух копыта,
50 [51]
Словно мячи их швыряя крутящиеся в полёте!
Вот Дионис свое войско выстраивает по порядку
В пять отрядов и в битву ведет его с влажной стихией.
Первый ведет отряд киликиец Ойней благогроздный,
Отпрыск Эревталиона, его близ таврийских отрогов
Породила Филлида, браком с отцом сочетаясь
Вольно, другой отряд Хеликáон ведет чернокудрый,
Белокожий; ланиты розам подобны, вкруг выи
Вьются власы прекрасно, кольцами плечи скрывая!
Третий ведет Ойнопи́он, Стафил ведёт четвёртый,
60 [61]
Оба сыны Ойномая, родителя винолюбца.
Пятый ведет отряд Мелантий, индов владыка,
Коего породила киссеида, Ойнона,
Сразу же после рожденья в ли́стовье винограда,
Полного гроздов и почек, нимфа закутала сына,
После в давильне купала, полной сока хмельного.
Вот таково было войско, ополченное в битву

Листьями плющевыми виноградного Вакха!
Рать, готовую к бою, речью Лиэй ободряет:
"Бейтесь, о бассариды! С вами Лиэй ополчился!
70 [71]
Битвенный клич да испустит авлос роговой, заглушая
Раковин трубные звуки противника нашего в битве,
Пусть двойные удары меднозданных тимпанов
Прозвучат над сраженьем, пусть же в воинственной пляске
Марон низвергнет Главка всеразрушительным тирсом!
Кудри Протея вяжите плющом, ему непривычным,
И да оставит Египет у Фарийского моря,
Вместо шкуры тюленьей набросьте на бога небриду.
Дерзкую выю склоните его предо мною, коль может -
Пусть Меликерт ополчится против хмельного Силена!
80 [81]
Древнего Форка учите размахивать тирсом средь долов
Тмола и пастбищ лесистых на склонах крутых предгорий,
Пусть этот старец почтенный виноградарем станет!
Сатир пусть посохом буйным замахнется в сраженье
Неуклюжей рукою! Возросшим в садах побегом
Волосы Палемона стяните узлом виноградным
И колесничего моря гоните из бухты истмийской
Через сушу, тащите к нашей матери Рейе,
Дабы повозку, что львами влекома, гнал он по зыби;
Родича боле не в силах оставить я в бездне соленой!
90 [91]
Видеть желаю войско копьеносное моря
Выряженным в небриды! Нереидам же нимфам
Дайте в неловкие длани кимвалы, смешайте вакханок
И гидриад, но Фетиды, хоть она родом из моря,
Гостеприимные домы разрушать и не смейте!
Левкотеи босые ноги обуйте в котурны!
Пусть с вакханкой безумной вместе ступает по травам,
Воздымая светоч священный морская Дорида!
Пусть Панóпейя бросит водоросли пучины
И чело увенчает свое змеею извивной!
100 [101]
Эйдотея же в роптры пускай против воли играет!
Да сама возжелает пускай Галатея (да разве
Это позорно?) Лиэю влюбленному стать служанкой,

Пусть Амимоне на свадьбу подарок выткет прилежно,
Сидя за ткацкой станиной, пеплос либанской хозяйке!
Нет! О, нет! Оставьте нереевых дочек, служанок
Не хочу я из моря - ревнивой станет Бероя!
Пан мой, горный бродяга милый и роголобый -
Кинься-ка, безоружный, и забодай Посейдона!
В грудь ударь, о, повергни рогом изогнутоострым
110 [111]
Бога морского, или уметь его глыбой скалистой,
Тритона-бога крепким копытом ударь посильнее,
Там, где природа двойная являет соединенье!
Главк же, Энносигея вестник, пенного бога,
Пусть подчинится Вакху и поднимет тимпаны
Звонкогласые Рейи, повесив их ловко на выю!
Бьюсь я не за Берою только, за край родимый
Нашей невесты сражаюсь, чтобы сей Эносихтон
Города не порушил, стоящего нерушимо
На пучинном прибрежье, колебля зыби трезубцем,
120 [121]
Вот за это я бьюся, ибо сей град двуединый
Соединяет и море, и Вакховых лоз мириады,
Нашей победы знаменье, выросшее у прибрежья...
Пусть же, как было во граде Афины издревле, приходит
Кекроп сюда судьею и град присуждает Лиэю,
Ибо лозою он славен, как град Афины - оливой!
И не хочу я, чтоб этот город стоял на приморском
Бреге, и посохом в землю ударив, воздвигну отроги
Словно какую плотину между Беритом и морем,
Пенную соль со скалистой грядой обращу в плоскогорье,
130 [131]
Тирсом изострым дороги извилистые проложу я!
В битву ступайте скорее, о мималлоны! Победу
Славную мы добудем, ведь кровью Гигантов окрашен
Вакховой низ небриды, ибо еще трепещет
Весь восток предо мною, на поле выю склоняет
Индов Арей, перед Вакхом в ужасе слезы струятся
По ланитам старца почтенного, бога Гидаспа!
В этой схватке свирепой добуду либанскую деву,
Столь желанную почесть для бога Энносигея!
После, коль пожелает, пусть брачное славословье

140 [141]
Сложит, но пусть уж не смотрит после на деву Берою!"
Слово молвил такое - в ответ же речи угрозы
Бросил Лазурнокудрый, смеяся над Дионисом:
"Вакх! С тобою мне биться позорно! Как мне трезубцем
Ратоборствовать, коли секиры бежал ты Ликурга!
Вот, посмотри, Фетида! За кров и гостеприимство
Платит как Вакх трусливый великодушной пучине!
Мужу, что светочи носит, дивиться ль? Огнем опаленный,
Бог сей и будет как пламя слабое по ветру биться!
Тритоны-други, восстаньте! Заставьте этих вакханок
150 [151]
По морю вдоволь поплавать! Пусть горные эти бродяги,
Сатиры, паны, силены средь пены колотят в кимвалы,
В соли барахтаясь моря! Пусть среди вихрей и бури
Сатиры эти попляшут, дудеть лишь в авлосы привычны,
Средь зыбей и валов! И в черной влаге кипучей
Будут со мной бассариды резвится на ложе, не с Вакхом!
Сатиры мне не по нраву, менад не влеку я в пучину,
Нереиды прекрасней! Пусть-ка влагой соленой
Мималлоны упьются - пить они больно хотели!
Вместо сладкого хмеля солью пускай насладятся!
160 [161]
Пусть в водометах могучих, поднятых богом Протеем,
Сгинут все бассариды, влекомы в пучину водою,
В честь погибели Вакха ведя свои хороводы!
Что ж, зови эфиопов фаланги да индов порядки -
Нереидам в добычу! Ведите племя несчастной
Кассиопеи злоречной, в рабство ведите к Дориде
Поздние выкуп да пеню, пусть круговратным омоет
Океаническим током Майры огненный светоч,
Пламя звезды, предводящей пляской бессонно-безумной,
От давильни с гроздовьем Сириус виноградный!
170 [171]
Ты же, о Вакх лидийский, тирс ничтожный оставив,
Ныне ищи иное оружье, пестрые шкурки
Лани бросай, покровы дряблого тела, уж коли
Диево скорбное пламя в мир явило на горе
Матери - пламенем бейся, вскормленник пламени, отчим
Бейся перуном и громом против владыки-трезубца,

Дланью подъемли зарницы, взметни эгидой отцовой!
Дериадей ли владыка единоборствует, или
Царь Ликург с тобою, или арабийцы? Стихия
Моря могучего! Небо трепещет пред мощью моею,
180 [181]
Знает, что значит биться с пенною бездною нашей!
И Фаэтонт-владыка, что горней тропою проходит,
В небе трезубца удары испытывал в битве небесной
За коринфскую землю с пенно-бурным Ареем!
Море вставало до высей, и Океаном омылась
Алчущая Повозка, гребни соленые бурно
Хлынули к пламени Майры, морду Пса охладивши!
Бездны и недра пучины морской восстали высóко,
Зыбь на зыбь взгромоздилась, и средь водопадов соленых
Звёздный Дельфин повстречался с дельфином, зверем пучинным!"
190 [191]
Так изрекал - и трезубцем потряс и бездны, и недра
Моря, поток вызывая великий, шумящий и бурный,
Вдруг взметнувшийся в небо влажно-вспéненным вихрем!
Сдвинули влажные тарчи пучинные ратники тут же
Подле подводных я́слей Кронида, пучинного бога,
Встал Меликерт, потрясая копьем из бездны соленой,
Быстро запряг повозку истмийскую, подал владыке,
Вставшему на колесницу, сулицу пенного бога,
Полетели по морю, след оставляя на гребнях,
Кони истмийской упряжки, и со ржанием конским
200 [201]
Львов индийских смешался рык свирепый и страшный!
Вот колесница несется, вращаются быстро колеса,
Коней копыта сухие влагу едва задевают!
Вот густобрадый Трúтон к битве трубой призывает,
Тварь сия многоразлична обликом чудным и странным:
Смертного человека образ обычный имеет
От головы и до чресел, хоть зеленью отливает
Тело, а дальше рыбий хвост раздвоенный бьется!
Вот взмахнул уже влажным бичом близ яслей глубинных,
Запрягая повозку с конями бурными быстро,
210 [211]
Главк и нахлестывая упряжку несущихся коней,
Сатиров гонит, и в битве среди глубокого моря

Пан роголобый, идущий легко по непроходимым
Гребням, топчет копытом козлиным зыбучие струи,
Пляшет безумно и посохом бьет водяную поверхность,
Битвы песнь извлекая из пектиды, в прибое
Волн подобную слышит, звуки, несомые ветром;
Дальше он бурно мчится над потоками влаги,
Бог, привыкший по скалам прыгать, и хочет источник
220
Звуков найти и мчится, ища его в водоворотах.
Вот некий воин скалою замахнулся и бросил
В гидриад ее мощно, но глыбу сию отразили
Нереиды - и дрогнул дом Палемона подводный!
Вот и Протей оставляет истмийские зыби близ бухты
Паленидской и в шкуру тюленя на бой облачился.
Смуглые ратники, инды, плотно его окружили,
Призывая Лиэя, и толпы кудрявые алчут
Пастыря взять тюленей, что облик менять умеет!
Но, застигнут на месте, старец преображаться
Стал внезапно телом на виду у всех воев -
230 [231]
Леопардом пятнистым он пред ними явился...

* * *

<пропуск в тексте>

* * *

...Стали деревьями ноги, собственной силой из бездны
Выросшими, и листья прочь они отряхнули,
Будто Борей необорный подул над верхушкой деревьев!
Стала спина его пестрой, словно змея пресмыкаться
Принялся, чешуею покрытый, из окруженья
Выскользнул и устремился прочь, свивался в кольца,
Хребтовиною всею ладно о зыбь ударяя
Словно в пляске, главою ж вдруг дотянулся до неба
И с шипением плюнул отравой из пасти разверстой!
240 [241]
И превращался он снова и снова обликом мнимым
То во льва, то во влагу, то в вепря - рати же индов,
Тело текучее алча схватить, заключивши в оковы,

Дланями жадными тщетно пену морскую хватали!
Старец морской могучий, меняющий лики искусно,
Принял Периклимена образ, что был к превращеньям
Разным способен, Геракл умертвил его в битве когда-то,
Пальцами мнимую пчелку раздавив беспощадно!
Старца же в устремленье к тверди земной окружало
Стадо тюленей свирепых, любящих берег песчаный -
250 [251]
Громко ревели звери, шум зыбей заглушая!
Вот, собрав ополченье дочернее, в битву вступает
Вакхову старец Нерей и дрот влажно-пенный вздымая,
Через море летящим слонов поражает трезубцем,
Грозный, а нереиды толпою плотной стремятся
К берегу вслед за пикой грозного бога морского!
Вот уж Нереево племя, битвенный клич испуская,
Мчится за ним, нагое, тела их сверкают средь пены,
Бьются они среди глуби словно менады морские!
Вот Ино обезу́мела, вспомнив как будто былое,
260 [261]
И без оружья бесстрашно с сатирами в сраженье
Жаркое дева вступает - с губ ее падает пена...
Грозно Пано́пейя бьется, взрезая пенные зыби,
Спину львицу морской нахлестывая вожжами...
Вот, подъемля дубину злосчастного Полифема,
Галатея морская на бассарид ополчилась!
Вот над водою скачет, оседлавши акулу,
Дева Эйдо́ - и волны нимфы не задевают...
Как на ристаньях конных, правит возничий умело,
На повороте направив левую пристяжную,
270 [271]
Правую придержавши лошадь короткой уздою;
Раззадорив упряжку, хлестнув бичом по хребтинам,
Сам назад отклоняясь, упершись коленами в кузов
Прочный, умелой рукою разумно распределяя
Силы, он коней нудит резвее скакать, их бичуя
Осторожно, а сам на соперника взгляд свой бросает,
Оглянувшись украдкой на мчащую вслед колесницу -
Так вот и дщери Нерея словно на конном ристанье
Правят зверьем пучинным как будто упряжками коней!
Вот по-иному другая мчится по тропам соленым,

Зверя взнуздав дельфина, наклонилась над зыбью,
280 [282]
Скачет над гладью всклокоченной, на хребтовине звериной
Волны взрезая; как странник по пенным бурунам несется
Зверь-дельфин, вполовину виден средь стаи дельфинов!
Вот уж теченья взревели, сражаясь против Лиэя,
Мощь велика владыки, разверзлись самые недра,
Рев исторгая ужасный плещущего Океана,
И труба Посейдона битвенный клич возглашает -
Вспучилось мощное море и вслед полетело трезубцу!
Зыбь миртойская с зыбью икарийской слилася,
Сардская зыбь к гесперийской кинулась, кельтские воды
290 [292]
С иберийскими встали, и с сопредельною гладью
Дико бушуя смешался Боспора неистовый натиск!
Эгеиды потоки яростно устремились
К ионийским в объятья, обрушиваясь водопадом,
Сикелийские волны вздыбились, обнажая
Бездны, встали до неба, с адриатической влагой
С шумом столкнувшись... Нерей же раковину близ Сиртов
Поднял и затрубил свои звонкие зовы на битву!
Вот одно из божеств морских оказалось на гребне
Горном и левой ногою оперлося на камень,
300 [302]
Правою, потрясая долы и горы, уж рушит
Пик, и менаду бросает оттуда вниз головою!
Вот Меликерт, направив трезубец прямо на Вакха,
Бросился дико вперед, как некогда ярая матерь!
Но бассарид порядки ринулись буйно в сраженье:
Вот одна, потрясая неистово гроздами ветви,
Ополчилась свирепо на пенные зыби морские,
Яростно водную гладь топча и терзая стопами;
Самофракийка иная из гротов глубоких кабиров,
В беге яром несется с вершин высоких Либана,
310 [312]
Корибантийскую песнь по-варварски распевая!
Третья с отрогов Тмола, хребет оседлавши львицы,
По-мужски подвязавши власы змеетелой повязкой,
Меонийка нагая, мималлона, взревела
В ярости, волоча стопы по склону крутому,

Словно пену морскую, роняют уста её влагу...
Вот силены, роняя винй киликийского росы
С уст, в сраженье стремятся на спинах львов мигдонийских,
Устремляясь толпою крикливой на войско морское,
Виноградные ветви как дроты вздымая в десницах;
320 [322]
Шуйцами уцепились крепко за львиные гривы,
Дабы вниз не свалиться, и правят зверьем они диким,
Пользуясь космами гривы вместо узды и поводьев!
Вот один из силенов, глыбу скалы оторвавши,
Мечет ее в Палемона, а копьем плющеносным
Деву Ино, сквозь влагу бегущую, уязвляет!
Бьются друг с другом рати - и не страшатся вакханки,
Мечут тирсы как копья против трезубцев пучинных!
Девы они - и менады! Вот, защищая морскую
Гладь, вступает на суше Нерей в сражение с Паном,
330 [332]
Любящим горы... Вот ветвью плюща, обагренного кровью,
Гонит горная дева вакханка палленского бога -
Но низвергнуть не в силах! Вот на Лиэя выходит
Главк, но Марон тирсом грозным его низвергает;
Вот и слон, что до неба возвышается, топчет
Эносихтона войско - трясется все под ногами! -
Бьет он хоботом длинным стадо тюленей на бреге,
Вот и сатиры в схватку ринулись пляшущей ратью,
Роголобые, бьются бесстрашно рогами, и в прахе
Волочатся хвосты, растущие от поясницы!
340 [342]
Вот ополченье силенов ринулось: самый же смелый
Вскакивает на бычий крестец и упершись покрепче
Дует в двойные авлосы, клич боевой испуская!
Вот мигдонийская дева, оставив по ветру виться
Буйные кудри, взгремела кимвалами гулкими в дланях,
И медведицы ярой хлестнула косматый загривок,
Бросившись в море на зверя... Вот леопард свирепый,
Дикий на задние лапы вздыблен жалящим тирсом;
Вот одна бассарида, безумием обуянна,
По-над гребнями пены, ног не влажня, устремилась,
350 [352]
Словно пляшет - и топчет Посейдоново темя

Будто, бьет пятками волны, грозит безмолвному морю,
Бессловесные зыби хлещет тирсом изострым,
В волны не погружаясь! Вкруг кудрей неистовой нимфы
Жаркое пламя блистает, не опаляя вакханки,
Чудо дивное! Вот на береге ближнем простершись,
Видя морское сраженье бьющегося Диониса,
Жалуется Псамафа, горестно страх изливая:
"Если ты помнишь Фетиду и мощного Бриарея,
Коль не забыл Айга́йона, хранителя установлений
Зевс всемогущий, от Вакха спаси нас, да не увижу
В рабском ярме Нерея, едва не убитого Главка!
Да не взрыдает Фетида, в рабынях у Диониса,
Да не увижу служанкой ее в пределах лидийцев
Щедрых, скорбящей горько по Пирру, Ахиллу, Пелею,
Сына, супруга и дядю оплакивающей в печали,
Смилуйся, отче, молю я, над горестями Левкотеи:
Муж убил ее сына, а бессердечный родитель
Собственное дитя сразил клинком беспощадно!"
Молвила - и услышал Зевс всевышний Псамафу,
Принял тотчас решенье: Берою Энносигею
Отдал и брачную распрю соперников он разнимает...
С высей взгремел перун, Энио бесконечная смолкла,
И заблистали зарницы грозные вкруг Диониса!
Бог виноградный сначала, измученный страсти стрекалом,
Деву свою не оставил... Родитель высокогремящий
Остановил грохотаньем трубу боевую сраженья,
Отческий ропот битву остановил посредине!
Медленным шагом, пятясь, начал Лиэй отступленье,
Взгляды назад бросая, только бы видеть Берою,
Ах, позором звучал разносившийся над зыбями
Для ревнивого бога брачный гимн Амимоне!
В пене морской запела радостная сиринга,
И негасимое пламя брачное в водах зажглося -
Брачный служка, Нерей, светил у ложа Берои,
Форкис песнь запевала и перебирая стопами
В лад, приплясывал Главк, а с ним Меликерт веселился!
И Галатея пустилась в свадебный, хороводный

Пляс, кружася на месте на сильных пальцах умелых,
Свадьбу славя невесты. Вторил ей на сиринге
390 [392]
Полифем, ибо девой он ловко играть научен!
И по свершении брака в водах соленого моря
Стал покровителем града отчего милой подруги
Энносигей и дал он насельникам этих пределов
В битвах и схватках на море свадебный дар - победу!
Славно справили свадьбу, и для морской невесты
Эроса дар достойный Нерей предложил аравийский:
Труд искусный Гефеста, божественные украшенья:
Ожерелья, браслеты и серьги были подарком!
Много их в честь Киприды для дочек Нерея наделал
400 [402]
Трудолюбец лемнийский с мудро-искусным уменьем,
Под валами морскими работая с горном и мехом,
Раздували же пламя плавильни ловкие ветры,
Дабы огонь горячее горел, негасимый, во глубях
Жаром неодолимым струясь средь бездны пучинной!
Старец Нерей дарами моря осы́пал невесту,
А персидский Евфрат послал Арахны изделья,
Рейн иберский - златые застежки, из глубей обильных
Вынес древний Пактол подношенья милые, длани
Робкие пряча невольно, ибо страшился владыки
410 [412]
Вакха лидийского старец, Рейи соседней боялся -
Мигдонийскую землю она ведь лелеяла вечно!
Эридан и деревья Гелиады янтарный
Шлют на празднество камень. И все, что Стримон или Гёвдес
Из серебряных копей вымывают, послали
К брачному пиру как дар Посейдоновой Амимоне!
Так в честь пенного ложа пировали в пучине!
Энносигей ликовал. К опечаленному Дионису
Эрос-кровник явился и молвил такое ревнивцу:
"Что, Дионис, яришься на жало брачных желаний?
420 [422]
Не для Бромия вовсе Бероя, но для морского
Бога назначена, дабы дитя морской Афродиты
Сочеталася браком с владыкою пенной пучины!
Я для тебя приготовил сладостную Ариадну,

Нежную Миноса дочерь! Оставь бессмысленной пене
Моря сродницу пены, прекрасную Амимону,
Должен ты горы и долы Ливана, Адониса струи
Ныне покинуть Фригии ради, отчизны красавиц,
Ждет тебя Титанида Авра, из Гелия рода,
430 [431]
Там венец за победу в битве тебя ожидает,
Там, в отчизне невесты, во Фракии, также Паллена
Призывает тебя копьеносная, ложем юницы
Вознагражу за отвагу, увенчаю любовью,
Ибо ты выиграл битву на состязаньях Киприды!"
Молвил такое Вакху, скорбящему в страсти, сородич
Эрос, бог всемогущий. Крылья с шумом расправил
Пламени треску подобно, и в выси небес устремился,
В горние домы Зевса. И из долин ассирийских
Пышноодетый Бромий двинулся в домы лидийцев,
К долам песчаным Пактола, чьи темные влажные глуби
440 [442]
Золотом отливают в песках, рассыпанном щедро.
Вот миновал Меони́ю, предстал пред матерью Рейей,
Громоздя перед нею дары Индийского моря,
После, оставив струи сей реки златоносной
И фригийские долы с изнеженными племенами,
К северу путь направил, сажая лозу хмельную,
Грады Асиды минуя, оказался в Европе!

Песнь XLIV

В песне сорок четвертой в Элладе Вакх торжествует
Зрит безумие жен, Пенфея-царя побеждает.

Вот давлантийского племени иллирийские земли
Он миновал, Гемони́ю, а также пелийские выси,
И оказался в Элладе. По аонийским равнинам
Пляс повел хороводный... Мычанье авлоса услышал
Пастырь, и игры святые в честь Пана в Танагре устроил;
Ключ забил говорливый из мягкого праха обильно
Там, где конским копытом ударили влажную землю;
Заплясали струи Асопа в пламенной пляске,
В пенных водоворотах; С отцом, Исменосом милым,
Заструилися воды Дирки бурной по кругу;
10 [11]
Заплескали листвою высокоствольные чащи,
Выглянув, вдруг запела гамадриада на древе,
Славя имя благое щедрогроздного Вакха,
Величанье нагая нимфа вод подхватила;
Грохот обтянутых шкурой бычьей тимпанов раздался
Средь отрогов и слуха достиг упрямца Пенфея -
Гневался нечестивец на винолюбивого Вакха
И ополчился на бога, призвавши сограждан-фиванцев
Семивратного града закрыть замки и ворота!
Вот уж поочередно сходятся створки... Внезапно
20 [21]
Сами собою ворота открываются снова,
И горожане напрасно, быстрые словно ветер,
Мчатся к тяжелым створкам запереть их покрепче -
Нет, их не в силах сдержать и стражи, завидев вакханку!
Опытные щитоносцы пред безоружными в страхе
Затрепетали силенами и презрели угрозы
Повелителя града, не подчинившись владыке,
В пляс пустились безумный, в хоровод устремились,
Гулко щитами бряцая, обитыми кожей воловьей,
Ликом во всем подобны доблестным корибантам!
30 [31]

Обезумев, медведи в горах окрестных завыли,
Грозно взревели пантеры, поднявшись на задние лапы,
Развеселившийся лев мурлыкает и играет
Со своею подругой, соратной и кроткою львицей!
Сам же дворец Пенфея сотрясается бурно -
Вздыбливается основанье каменного строенья:
Башня привратная дома дрожит от толчков подземных,
Вестница грозных несчастий... Колеблется сам собою
Храм и алтарь Афины Онкайи, который воздвигнул
Некогда Кадм-повелитель, когда на колена телица
40 [41]
Пала, давая знаменье ко основанию града!
И вкруг лика богини согласно божественной воле
Катится сам собою пот обильный и слезы,
Граждан во страх повергая, от ног до главы покрылся
Во обещание горя кровию лик Арея...
Ужасом город объят. От ужаса вся трепещет
Мать нечестивца Пенфея, помутился рассудок -
И она вспоминает зловещее сновиденье,
Предречение горя... После того, как похитил
Власть у отца родного над градом Пенфей-владыка,
50 [51]
Сном забылась Агава - и к спящей сладко на ложе
Вдруг является призрак из врат роговых необманных,
Смутен он и неясен, всю ночь напролет бормотал он...
Царь Пенфей как живой поет на улице, пляшет,
Он облачен (а мужчина!) в женский узорчатый пеплос,
Топчет он, бросив на землю, царский наряд пурпурный,
Тирсом он потрясает, не жезлом державным владыки...
Мнится, что видит Пенфея Кадмеида Агава,
Высоко на вершине густолистного древа...
Высокоствольное древо, где Пенфей восседает,
60 [61]
Окружено зверьем, и яростно у изножья
Клацают звери клыками и скалятся, и ярятся...
Когти точат о ствол, а древо сильней и сильнее
Верхом качает, где дерзкий Пенфей в листве укрывался!
Падает царь - и злобно медведицы ярые тело
Рвут... Вот дикая львица некая вырывает
Руки его, рыча, и вот уж неудержимо

Бросилась на Пенфея, рвет простертое тело,
Полосует когтями, внутренности выедает,
Голову высокó вздымая в когтях пред собою,
70 [71]
И, обглоданную, бросает свидетелю Кадму,
Голосом человечьим клича свирепые речи:
"Да, это я, твоя дочерь-звероубийца, Пенфея
Матерь, да, я Агава, детолюбивая дева!
Вот какого я зверя убила! Прими же ты глáву,
Знак моей доблести львиной, силы моей первородной!
Ибо Ино-сестрице со зверем таким и не сладить,
Автоноя такого не сможет, от дщери Агавы
Знак прими, над вратами прибив его царского дома!"
Сон такой увидала, бледна от страха, Агава.
80 [81]
После, освободившись от Гипноса крыл бременящих,
Сына она призывает Харикла утром в покои,
И открывает ему кровавое предвещанье.
Вопрошатель Тиресий быка посоветовал в жертву
Принести (дабы против знамений дурных защититься)
У алтаря Зевеса, оборонителя горя,
Подле сосны огромной, там, где отрог Киферона
Выси свои воздымает. Гамадриадам же нимфам
В чаще овцу зарезать велел, в приношенье и в жертву.
Ведал он - в облике львицы Агава явлена, сына
90 [91]
Растерзает Пенфея, сей плод материнского лона,
Главу его как добычу похитив... В молчанье, без речи,
Он хранил толкованье во сне обманной победы,
Дабы гнева Пенфея на себя не обрушить!
Детолюбивая матерь последовала совету
Старца и на вершину явилась лесистую вместе
С Кадмом и сыном Пенфеем. На алтаре благорогом
Овчую жертву и бычью приносят одновременно,
Там, где роща Зевеса в самой чаще взрастала,
Зевсу и адриадам единое приношенье,
100 [101]
Кадм, потомок Агéнора - возжигает он пламя
Им угодное, после пламени возжиганья
Дым благовонный поднялся, кольцами в небе свиваясь,

Смолами напоенный, а после быка он прирезал,
И струею кровавой, пущенной прямо из жилы,
Орошает Агавы длани росой пурпуровой.
Вот выползает, свиваясь чешуйчато-кольчатым телом,
Выю вытягивая удлиненную к горлу владыки,
Но не свирепо, а мирно, словно повязкой какою,
Змей и над всею главою Кадма венцом величальным
110 [111]
Тихо ложится и лижет языком подбородок,
И сочится из пасти, в знак намерений мирных,
Зелье душистое... Также змея виски обвивает
Гармонии, в пшеничных кудрях затихнув царицы...
Пару змеев тотчас обращает в камень Кронион -
Кадм должны с Гармонией лик изменить, превратиться,
Дабы у волн иллирийских, в устье морского залива,
Скалами сторожевыми стать в змеином обличье!
И возвратилась Агава, и сна пугаясь, и вести
Дивной, к себе в покои с родителем милым и сыном...
120 [121]
Так познала не только пред сновидением ужас,
Детолюбивая матерь, но также и страх пред знаменьем
У алтаря. А молва над градом уже семивратным
Взмыла, пророча обряды хороводные Вакха!
Нет равнодушных во граде - уже бегут земледельцы,
Улицы украшая листвою и цветом весенним!
Вот почивальня Семелы осенена побегом
Быстрорастущей грозди, хоть еще и дымится
От перунов небесных, полнится сладостным духом...
Видя сии чудеса, во граде творимые Вакхом,
130 [131]
Гневается Пенфей, пылая гордым презреньем,
Поношеньями сыпет, полон угроз напрасных,
Слугам он объявляет, владыка сей нечестивый:
"Дайте сюда лидийца, неженку беглого, дайте
Послужить побыстрее ему за столом у Пенфея,
Только пускай наливает в кубки не хмель, а другое:
Млеко иль сладкий напиток какой... А тётку родную
Автоною, я плёткой вытяну в наказанье!
Кудри густые обрежу нестриженные Диониса!
Погремушки-кимвалы выброшу в поле подальше

140 [141]
С берекинтскими дудками и тимпанами Рейи!
Всех Бассарид полоумных и вакханок хватайте,
Бромия всех прислужниц и тут, за стеною фиванской,
Бросьте в Исменос, нимфам в добычу реки аонийской!
Пусть Киферон почтенный к своим адриадам добавит
Новых, отнятых только у свиты бога Лиэя!
Дайте огня, мои слуги, содею законное мщенье:
В пламени он родился, в пламени он и погибнет!
Зевс низвергнул Семелу, я погублю Диониса!
Коли меня он захочет убить, то и пламень перунов
150 [151]
Наших изведает, ибо жаром земли я владею,
Он помогучей небесных зарниц, огонь мой подземный,
Бог виноградный погибнет, пламенем недр опаленный!
Если он в битве со мною тирс изострый поднимет,
Да изведает дроты подземья! Его уязвлю я,
Нет, не в бедро или ноги, иль в грудь, иль в широкое чрево,
Или же в поясницу, нет, и не рассеку я,
Роголобого лика надвое острой секирой,
Шеи не изрублю, но сулицей крепкою медной
Уязвлю его тело в лядвею, мстя за обманы
160 [161]
(Хвастался он, что когда-то выношен Дием великим!
Хвастался, что обитает на небе!) - и вместо покоев
Горних небесного Дия в недра Аида низвергну
Наглого самозванца или в Исменоса струи
Загоню, ибо нет тут глубокопучинного моря!
Смертного мужа за бога принять? По правде признаться,
Сам я, как Вакх, обманулся: ибо я не от Кадма
Происхожу земного, отец мой - звездный владыка,
Да, родитель мой - Гелий, не отец мне Эхи́он,
Породила меня Селенайя, а не Агава!
170 [171]
Я от крови Кронида, высей я горних насельник,
Многозвездное небо - мой град, мне молитесь, фиванцы!
Греет мне ложе Паллада, супруга мне - вечная Геба,
Грудь мне после Арея давала державная Гера...
А святая Лето породила Феба с Пенфеем!
Я Артемиды желаю! Дева меня не отвергнет

Словно Феба, страшася брака с собственным братом,
Он же преследовал деву, любви с ней страстно желая!
А Се мела твоя не сгорела в пламени горнем, -
Кадм, со стыда сгорая, спалил ее собственноручно
180 [181]
И сказал, что зарница небес огнем загорелась,
Светоч смолистый назвал сияньем небесных перунов!"
Так говорил владыка и войско выстраивал в битву,
Но медно-латные рати для бога - что по полю ветер!
...Войско могучее в чащу сосновую направлялось,
Следуя за Лиэем, коего видеть не должно!
Так вот распоряжался Пенфей народом во граде -
Вакх же в то самое время ждал наступления ночи,
И с такими речами к Мене воззвал круговидной:
"Гелия дочерь, матерь всего, круговратная Мена,
190 [191]
Правящая повозкой серебряной в небе Селена,
Если ты вправду Геката многоименная, если
Светочем ты помаваешь в руке огненосной все ночи,
Снизойди, о ночная владычица, коль веселишься
Воем и лаем, и визгом полуночной своры собачьей;
Если ты Артемида далекоразящая, в скалах
На охоту спешащая с ланеубийцей Лиэем -
Брату приди на подмогу! Ибо, хоть кровь в моих жилах
Древнего Кадма - я изгнан из Фив, семивратного града,
Отчей земли Семелы, матери! Ибо, злосчастный,
200 [201]
Смертный хочет со мною биться! Богиня ночная,
О, приди на подмогу полу́ночному Дионису!
Если ты Персефонейя, вспомощница мертвым, владычишь
Душами у тартарийских пределов нашими в смерти,
Дай мне Пенфея мертвым увидеть, пусть душ предводитель,
Бог Гермес, осушит мне слезы в горестях тяжких!
О, бичом тартарийским Ме́гайры и Тисифоны
Пресеки поношенья безумные и пустые
Сына земного, Пенфея, как сделала некогда Гера,
Вооруживши Титанов против Бромия-бога,
210 [211]
Так укротив нечестивца - дабы почтить Загрея
Древнего, что явился под именем Диониса!

Зевс владычный, угрозы уйми ничтожного мужа,
Внемли, отец мой и матерь! Презрели бога Лиэя!
Отомсти же за брачный огонь тебе милой Семелы!"
И быколикая Мена ему в ответ вопияла:
"О Дионис ночесветный, друг лоз и Мены сопутник,
О, посмотри на грозди: ведь чту я празднества Вакха!
И земля доставляет спелость ягодам нашим,
Коли пресветлой росою упьется бессонной Селены!
220 [221]
Ты же, о Вакх хороводный, помавающий тирсом,
Вспомни о том, как родился... разве страшны тебе люди,
Коих и разум ничтожен, коли судьба уготовит
Бич Эвменид, оглушая мысли смертных и чувства!
Да, ополчусь я с тобою против врагов, ведь с Лиэем
Я на равных владычу безумьем, вакхийская Мена,
Я не только движеньем луны в небесах управляю,
Но вызываю ума помраченье и буйную ярость!
Нет, нечестивцу земному идти на тебя не позволю!
Ибо Ликург когда-то унизил уже Диониса,
230 [231]
Быстроногий и горький гонитель менад и вакханок!
Только ослеп он ныне, теперь поводырь ему нужен!
Всюду следы находят тростников эритрейских,
Доблести Бромия в битве, твоей отваги и силы -
Трупы индов! И в струях, стеня и вздыхая напрасно,
Дериадея-безумца отец Гидасп упокоил,
Посягнувшего тщетно на плющ и лозу... И бежавший
В отческие пучины пал с бесславным позором!
И тирсенийцы познали тебя, и на корабельной
Мачте, что вдруг закачалась, распустились внезапно
240 [241]
Лозы с гроздовьем обильным, и парус под сению листьев
Сразу провис, отягченный побегами винограда!
А на палубу змеи вползли шипя и беснуясь,
Яд источая ужасный... Тирренские мореходцы
Разум и лик человечий от ужаса потеряли,
Стали дельфинами, в воду попрыгав с кормы корабельной!
Но и поныне на море чтут они Диониса,
Весело кувыркаясь на гребнях пенных пучины!
Пал, умерщвлен жестоко тирсом изострым Лиэя,

И погрузился глубо́ко Оронт в поток ассирийский,
250 [251]
Он и поныне страшится Лиэя в могильной стремнине!"
Так златоуздная Мена ответила Дионису.
И пока Вакх беседу вел с круговидною Меной,
Сердцем склонясь Дионису-Загрею, Персефонейя
Ополчила Эриний, грозна и ужасна во гневе,
Вакху пришла на помощь, самому младшему брату!
И соложницы Дия Подземного исполняя
Волю, три Эвмениды дворец осадили Пенфея...
Вот уж выходит одна из пропасти темной и страшной,
Бич тартарийский, обвитый змеями в дланях вращая,
260 [261]
Черпая влагу горстями из Стикса и из Кокита,
Росною влагой подземной кропит покои Агавы...
Предвещанье исполнилось плача и слез для фиванцев!
Меч актейский, из Аттики, божество обнажило,
Коим Итил когда-то прирезан (оного матерь,
Львиносердая Прокна, с Филомелой-убийцей,
Плод возлюбленный чрева убила острым железом,
Яство сие предложивши съевшему сына Терею...)
Это орудье убийства кровавое подложила
В яму, вырыв ее когтями, Эриния-дева,
270 [271]
Спрятав аттический меч средь сосен высокогорных,
Под корнями деревьев, там, где менады, ряся,
Обезглавят Пенфея... В раковине с собою
Принесла она крови убитой Горгоны Медусы,
Сей росою ливийской пурпурной обрызгала корни...
Вот какое деянье Эриния сотворила!
И во мраке полночном Лиэй в обиталище Кадма
Входит, бог ночесветный, облик бычий приявший,
В длани Пана-кронийца бич безумья сжимая,
И жене Аристея Вакхово буйство внушает,
280 [281]
Будит он в Автоное ярость гласом священным:
"Ты, Автоноя, блаженней Семелы, ведь более поздний
Брак твоего дитяти вознес тебя прямо к Олимпу,
Почесть небес ты снискала, ведь Лучница Актеона
Выбрала милым супругом, как Эндимиона - Селена!

Нет, Актеон не сгинул, не стал он зверем чащобным,
Не превратился в оленя с рогов короной ветвистой,
Не терял человека обличья прекрасного вовсе,
Свора охотничья сына твоего не терзала,
Нет, это все пустая болтовня злоязычных
290 [291]
Пастухов о судьбе злосчастного Актеона!
Ими ведь ненавидим избранник безбрачной богини!
Ведаю я, откуда наветы - ведь девы ревнивы
К браку, к усладам Пафийки, если не им достаются!
Дева, восстань! Облачися, резвоплесничная, быстро -
В горы беги поскорее, там ты найдешь на ловитве
Актеона, что рядом охотится с богом Лиэем
И с Артемидой-подругой, он с ловчею сетью во дланях,
В платье простом для охоты, с луком в руках наготове...
Ты, Автоноя, блаженней Семелы, ведь через свадьбу
300 [301]
Сына с бессмертною Лучницей станешь свекровью богини!
Счастливей ты Ино, столь гордой потомством - твой отпрыск
К ложу взойдет Артемиды, презревшей могучего Ота!
Дерзкого Ориона Лучница также отвергла!
Юность и здравье вернулись к радующемуся свадьбе
Кадму, что веселится ныне в горных долинах,
Белоснежные кудри в беге быстром взметая!
О, пробудись! Восстань же, счастливая матерь, от ложа -
Брак сей решил сам Эрос и чистая Артемида
Сына брата супругом выбрала, не чуженина!
310 [311]
Коль ненавистница брака родит сыночка на радость,
Дитятко ты воспитаешь милое Лучницы чистой,
Выняньчишь перед ревнивым, завистливым взором Агавы!
Разве сие не прекрасно - родить она сына желает,
Будет охотиться мальчик на разного горного зверя
Как Актеон, как Кирена, любившие страстно ловитву,
Сына, что будет мчаться за матерью на охоте?"

Песнь XLV

В песне же сорок пятой Пенфей за туром погнался,
Вместо того, чтоб ловить роголобого Диониса!

Слово такое молвил Бромий - и ринулась дева,
Обуянна безумьем, дабы взглянуть поскорее
На жениха Актеона, сидящего с Лучницей рядом.
Так же, как ветер помчалась, прыжками огромными, в горы,
Разумом помутившись, Агава нагая: похищен
Ясный рассудок ударом бича беспощадного Пана,
И бессвязные речи с уст безумных срывались:
"Ополчусь на Пенфея ничтожного, пусть-ка спознает
Амазонку могучую, дочерь Кадма, Агаву!
Ибо полна я силы мужской, и коль пожелаю,
10 [11]
Голыми я руками обуздаю Пенфея,
Меднолатное войско низвергну дланью нагою!
Тирс у меня! Не надо мне ясеня, дрота не надо,
Сулицей виноградной низвергну я копьеносца,
Хоть и без лат я, но вражий латник будет низвергнут!
Потрясая кимвалом, трещоткою звонкогласной,
Сына Зевеса восславлю, не владыку Пенфея!
Дайте лидийские роптры, что медлите, Хоры святые!
Мчусь я к долинам и скалам, туда, где менады ярятся,
Где однолетки-юницы охотятся вместе с Лиэем!
20 [21]
Зависть, о Вакх, меня гложет к Кирене, что львиц убивала!
Бромия не оскорбляй же, страшись, о Пенфей-богоборец!
Бурно мчусь я по склонам, пока не войду в хороводы,
Эвия прославляя в пляске бурносвирепой!
Не удержать меня боле от празднеств вакхических буйных,
Возлюбила я вопли вакханок и почитаю
Диониса безмерно, потомка нетленного ложа,
Коего Дий высочайший омыл огнем своих молний!
Я ветроногою стану сопутницей Лучницы дивной,
Ловчие снасти возьму, за станок Афины не сяду!"
30 [31]

Молвив, вперед устремилась, новая мималлона,
Прыгая с воем по скалам в честь празднеств винодавильни,
Бромия величая, восхваляя Тиону
И призывая Семелу, жену высочайшего Дия,
Воспевая сиянье в брачных покоях перунов!
Пляски в горах закипели, вкруг скал завопили вакханки,
По равнине просторной, подле Фив семивратных
Слышались новые звуки, единогласно гремели
Клики и пляски, и песни на Кифероне лесистом;
Зашумели чащобы влажные, даже, казалось,
40 [41]
Веселятся деревья и слышится пенье отрогов!
Каждая дева спешила, покинув дом, в хороводы
Влиться под пенье авлоса, звучащее в скважинках рога;
Били бубны двойные, обтянуты кожей воловьей,
Дев безумя, гоня их из-под кровель домашних,
Понуждая к отрогам кинуться, к плясу вакханок!
Вот уж и стаей несутся бурноногие девы,
Бросив девичьи светлицы, с распущенными волосами,
Ткацкий станок Афины искусной сразу забыли,
Скинули покрывала, оставив их без вниманья,
50 [51]
К бассаридам явились, вакханки они Аони́и!
Храм воздвигнул Тиресий покровителю Вакху,
Ибо хотел безумцу противостать он Пенфею,
Гнев ужасный рассеять Лиэя неодолимый -
Только напрасен алтарь, когда пря́дево выпряла Мойра!
Вот к отцу Семелы взывает провидец премудрый,
Дабы принять участье в плясоводных обрядах -
Спотыкаясь неловко, пляшет Кадм престарелый,
Увенчав аонийским плющом белоснежные кудри,
Рядом пляшет Тиресий, хоть слаб ногами сей старец;
60 [61]
И притоптывает в честь мигдонийского Вакха
Весь хоровод фригийский вкруг уставшего Кадма...
Опирается старец рукою дряхлой о посох -
Кадма с Тиресием видя, старцев, средь хоровода,
Стал надсмехаться над ними Пенфей в нечестивой гордыне
"Что за безумие, Кадм? Что за демона ты почитаешь?
Кадм, отбрось этот грязный плющ с главы белоснежной,

Брось плющеносный посох обманщика Диониса,
Меч подъемли Онкайи Афины, дарующий разум!
О неразумный Тиресий, выброс ь в поле на ветер
70 [71]
Сей венок нечестивый с висков седых, вместо тирса
Лавр божества Аполлона исменийский подъемли!
Стыдно мне и позорно кудрей сих белоснежных,
Что свидетельствуют о жизни долгой и славной!
Кабы не возраст почтенный, не седина своих кудрей,
Я бы на дряхлые длани надел крепчайшие узы,
Бросив тебя, не колеблясь, в каменную темницу!
Старец, ты повредился умом, оскорбляя Пенфея,
Ложный провидец, ты бога ложного чтишь неразумно,
Видно, прельстился дарами льстеца лидийского сразу,
80 [81]
Слитками золотыми реки златоносной из сказок!
Хочешь сказать, что Бромий принес виноградные гроздья?
Да! И вино пробуждает тягу людей к Афродите,
Возбуждает желанье у слабых к пролитию крови!
Ах, да походит ли видом сей бог на отца иль одеждой?
Зевс высокогремящий в златых одеяньях блистает
Средь богов, а не в грубой шкуре оленьей, и бьется
Медным дротом Арей, не тирсом в плюще да гроздовьем!
Нет и бычьих рогов на лбу Аполлона изострых!
Бог речной на Семеле не женился, и матерь
90 [91]
Богу речному сына рогатого не рожала...
Скажешь, что светлоокая дева, Афина Паллада,
Родилася в доспехе, с копьем и щитом появилась...
Что ж не подъемлет Бромий эгиду отца Кронида?"
И отвечал владыке Пенфею премудрый провидец:
"Гневаешься на Лиэя? Кронид же высокогремящий
Миру явил из бедра Диониса, могучий родитель,
Рейя вспитала младенца молоком материнским,
Только дитя народилось у матери милой, как сразу
Закалил его тело пламень перунов небесных;
100 [101]
Может только Деметра с богом Вакхом сравниться
Даром: она ведь колос явила, Лиэй же - гроздовье!
О, берегись Дионисова гнева! Ведь о нечестье,

Коли желаешь, могу я и быль рассказать Сикелӣи:
Некогда тирсенийцы зыби морей бороздили,
Убивали купцов и грабили их достоянье,
На стада прибрежья овчие налетали!
Многие мореходцы почтенные стругов торговых
Гибель свою находили в пучине, безвинные жертвы.
Многие пастухи, отстаивая достоянье,
110 [111]
Были убиты, окрасив алою кровью седины!
Коли какой торговец или купец финикийский
Вез с сидонийских просторов пу́рпурные одеянья,
Тирсенийцы внезапно в море открытом являлись,
Грабили и набивали свои корабли достояньем...
Сколько же раз финикиец терял и товар, и богатство,
К сикелийской реке Аретусе влекомый в оковах,
Он, вдали от отчизны ограбленный, проданный в рабство!
Вот Дионис меняет свой облик, хитрость замыслив.
Он провел тирсенийцев! Мнимое принял обличье
120 [121]
Нежного юноши, чей подбородок железа не ведал,
С золотым ожерельем на шее, на кольцах же кудрей
Блеском сиял венец нетленным, неугасимым,
Изукрашенный индским каменьем и ярким смарагдом,
Что отражал сиянье зыбе́й зеленых пучины!
Пеплоса складки струились, Эос свет излучая,
Ибо окрашены были раковиной тирийской...
Мирно на бреге стоял он, будто желая на судно
Добровольно подняться. Они ж, соблазнившись, спустились
130
С корабля и пленили блистательного Тионы
Отпрыска, сняли одежду, сорвали все украшенья,
И заведя за спину руки, его повязали!
Но внезапно восстал он в истинном облике бога,
Лик прекрасный рогатый достал до самого неба,
Где облака несутся и из глотки исторгнул
Рев, как будто бы девять тысяч воев взгремели!
Корабельные снасти внезапно в змей обратились
И по палубе аспиды поползли, извиваясь,
Шип раздавался повсюду. Стремительно словно ветер
Вдруг корабельную мачту змей обвивает рогатый -

140 [141]
И зеленой листвою одевается мачта,
Став кипарисом могучим; из основания древа
Потянулись побеги плюща, уперлися в небо,
Сами собою взбираясь по ветвям кипариса.
Вкруг оплетаясь уключин вёсельных, закачались
Над зыбями морскими лозы и грозди, и листья!
А на корме, изливаясь бурнокипящей струею,
Благоуханный источник забил Дионисовой влаги!
Вдоль бортов корабельных запрыгали дикие звери,
Вдруг возникнув: взревели ярые туры свирепо,
150 [151]
И из пастей разверстых львы свой рык испустили!
Тирсенийцы от страха вскричали, и обуяло
Ярое их безумье... Цветы поднялися из зыби,
Пенные гребни хлестали стебли их, разбиваясь:
Распустилися розы словно в садах пышноцветных,
Киноварь лепестков их даже сквозь влагу блистала,
Лилии зыбь кропила брызгами... В этом смятенье
Мнились на зыбкой глади смарагдовые луговины,
Горные долы в чащах, заповедны́е поляны
Средь лесов, земледельцы на нивах, пастыри, овцы!
160 [161]
Мнились звуки свирелей пастушьих, сладко манящих
Вместе с пеньем согласным юношей звонкоголосых
И пронзительное звучанье ладных авлосов,
И посреди просторов соленых открытого моря
Мнилась суша земная... И с умом помутненным
Бросились, не рассуждая, прямо в пенные глуби
Тирсенийцы-дельфины! Обличьем преобразившись,
Из людей превратились они в зверей водоплавных...
Так что, дитя, опасайся гневно-коварного Вакха!
Скажешь: я силы могучей полон, в жилах струится
170 [171]
Кровь могутов, возросших из зубов исполинских!
Божьей длани беги ты Вакха Гигантоубийцы,
На тирсенийском прибрежье, на мысе скалистом Пелоре
Алпоса он ниспровергнул, сына земли, богоборца,
Бившегося с богами глыбами камня земного!
И никто из прохожих и не дерзал оказаться

Близ этих гор, страшася свирепства и рева могута...
Если же чужеземец шел по нехоженым тропам,
Коней бичом погоняя, то зрел его отпрыск Аруры
С гор и скопищем дланей схватывал вместе обоих,
180 [181]
Конника и коня, и сжирал их алчною пастью!
Часто на пастбищах жарких высокогорных лесистых
Долов овчее стадо пасшего похищал он...
Пан пеноспевный часто играть не дерзал на пастушьей
Складно сложенной дудке песни стадам и подпаскам,
Откликаться не смела на песни послушная Эхо...
Часто безмолвие древле столь говорливой беглянки
Сковывало уста, не смевшие следовать песням!
Сеял ужас в округе могут. Ни пастух там не смеет
Появиться, ни плотник гамадриад не печалит,
190 [191]
Сосны, сопутниц жизни дев, на мачты срубая
Корабельные, дабы струги плавали в море...
Все было так - но Бромий явился в эти отроги,
Потрясая эвийским тирсом, и на Лиэя,
Проходившего мимо, отпрыск огромный Аруры
Бросился, плечи горою свои как щитом прикрывая!
Камень был его дротом! Напал он бурно на Вакха,
Вырвав из почвы с корнем огромное древо, ясень
Или сосну, и метал свирепо их в Диониса!
Или же, палицей сделав ели ствол узловатый,
200 [201]
Бился, а вместо меча оборачивал комель оливы!
Только он целую гору вырвал до основанья,
Дабы метнуть, обдирая с камня древа и кустарник,
В ярости Вакх тирсоносный недруга ловко у мети л,
Алпоса лик огромный, могучеглавого воя,
Посередине... Вонзился ветвистый дрот и зеленый
В глотку сего могута, в полете быстро вращаясь,
Тут, у меченный малым тирсом изострым искусно
Замертво грянулся, дикий могут, в морские пучины
Ближние и всю бухту телом огромным заполнил!
210 [211]
И над сей тифаонской громадой волны сомкнулись,
Пенятся и дымятся над телом тлеющим брата,

Гасится огненный облик влаги прохладной громадой!
"О, дитя, берегися, как бы тебя не постигла
Участь тех тирсенийцев иль наглого сына Аруры!"
Молвил, но не убедил Пенфея. Уверенным шагом
Он в высокие горы вместе направился с Кадмом,
К пляскам присоединился... Со щитоносною ратью
Царь Пенфей остается воинственный, молвив такое:
"Слуги мои, во граде станем мы крепко, и в чащи
220 [221]
Выйдем, но все же доставим сего бродягу в оковах,
Дабы, поротый нами жестоко бичами, он женщин
Не опаивал наших зельем отравным до дури!
Дабы пал на колена, молящий! Мне же с отрогов
Приведите Агаву, детолюбивую матерь,
Что безумствует в чащах, кружится в пляске бессонной,
Хоть за пряди густые тащите безумную матерь!"
Так промолвил владыка. Соратники быстро пустились
В путь по отрогам лесистым, по чащам непроходимым,
След отыскать желая блуждающего Диониса.
230 [231]
Близ одинокой вершины с трудом они бога находят
И окружают повсюду тирсобезумного Вакха,
Бога хватают они, и связывают покрепче
Бромия длани, мысля, что Диониса повергли...
Вдруг он невидимым стал, и на пернатых плесницах
Взмыл в небесные выси - остались на месте безмолвно
Пораженные слуги, силы божьей страшася,
Ужаснулися гнева невидимого Диониса,
Робкие... Вмиг обратился бог в меднолатного кметя,
Буйного тура смиряет и за рога ухвативши,
240 [241]
Он предстал как дружинник верный владыки Пенфея
Перед ним, на бога ложного будто браняся.
Вот приблизился к трону поближе Пенфея-безумца,
Стал над ним надсмехаться жестоко и громогласно,
Говоря без улыбки в лице ужасные речи:
"Вот он, о скиптродержец, кто ранил нашу Агаву,
Вот он, желавший похитить и трон, и власть у Пенфея,
Вот этот зверь рогатый, обманно назвавшийся Вакхом,
Вот - вяжите же ноги притязателю-зверю,

Пусть роголобой страшатся главы, как бы он не сорвался
250 [251]
Не пронзил зтим рогом длинным кого перед троном!"
Бромий молвил такое, и становясь безумным,
Бранноносные речи вскричал Пенфей нечестивый:
"Что же, вяжите скорее похитителя трона,
Вот он, враг моей власти, он алчет корыстно Семелы,
Он явился, чтоб трон отобрать у родителя Кадма!
Честь для меня - Диониса, рожденье тайного ложа,
Взять в оковы, его, что скрывается в облике зверя,
Коего как Пасифая, породила Семела,
Сочетавшися браком с роголобым супругом!"
260 [261]
Рек он, и приказал связать копыта покрепче,
Повелев сего зверя, вместо плененного Вакха,
В конское стойло свести и там привязать его к яслям,
Мысля, что это не тур, а сын нечестивый Семелы;
После толпу бассарид, опутав им длани веревкой,
Бросить велит в темницу, заперевши покрепче,
В темную яму большую, место для многих несчастных,
Где, как в стране киммерийцев, нет ни лучика света,
Стаю священных служанок Вакха, связавши им кисти
Кожаными ремнями, натиравшими пясти,
270 [271]
Ноги ж велел в оковы железные заковать им...
Но приходит и время плясать в хороводе священном -
И заплясали менады! И устремились вакханки
Бурно, взметнули руки и ноги в танце безумном,
И ремни соскользнули с дланей их невредимых,
И оковы разбились, едва только ноги забили
Оземь в ладе эвийском, разлетелися звенья
Кованые из железа, лишь только затеяли танец!
И разлилося сиянье по каменной мрачной темнице,
Все высокие своды высветив понемногу,
280 [281]
Пали сами собою затворы тюрьмы ненавистной!
Затрепетав и воспрянув, понеслися прыжками
С воплями бассариды, пену безумья роняя
С губ и страх наводя на стражу, сии же беглянки
Все до одной воротились в непроходимые дебри -

Вот уж одна умерщвляет тирсом целое стадо
Бычье, неистовой дланью рвет и кости, и мясо,
Шкуру от кровоточащей туши она отдирает;
Вот уж другая ветвями виноградными стадо
Овчее настигает и всех овец убивает;
290 [291]
Третья преследует коз... Омываются кровью вакханки
Сих несчастных животных, руками разъятых на части!
Вот вырывает третья дитя из родительских дланей
И на плечо сажает - держится прямо малютка
И улыбается даже, нисколько дитя не боится,
Только сидит спокойно, не падая в прах придорожный!
Вот открывает менада небриду мохнатую, дабы
Неразумный младенец млеком ее напитался,
Дева ж его напояет необычным напитком!
Многие бассариды львят отнимают у львиц,
300 [301]
Дабы своими сосцами вскормить зверенка тугими,
Вот иная изострым тирсом землю пронзает
Иссушенную, тут же бьет из недр сам собою
Ключ из земли каменистой винно-пурпурного хмеля,
А с вершины гранитной млеко струится обильно,
Белыми струями льется сверху на каменном ложе!
Эта змею на дуб забрасывает, и вкруг древа
Аспид чешуйчатый вьется вдруг плющом густолистным,
Гибким стеблем прильнувши к коре ствола векового,
Сим плющом, что как змеи кольцами вьется и гнется!
310 [311]
Вот бежит некий сатир и вспрыгивает на спину
Тигра, грозного зверя, хребет его он седлает,
Сделав дикого нравом смирным и даже послушным!
Вот и Силен почтенный вепря вдруг раздирает,
В воздух подбрасывая куски как будто бы в шутку;
Вот иной из силенов вспрыгивает мгновенно
На верблюжий загривок косматый без стремени, третий
На хребтину быка взобравшись, мчится и скачет!
Мчатся они по отрогам... В Фивах же лирозданных
Гражданам всем являет Вакх чудеса и знаменья:
320 [321]
Быстрой стопою несутся по улицам града вакханки,

Пена с их губ струится - стонут целые Фивы,
И языки огня все улицы охватили!
Содрогаются стены, и словно бы глотки бычьи
Исполинские створы визжат и ревут непрестанно!
Даже строенья огромные содрогаются града,
И начинают как будто трубы трубить из камня
Вакх не умерил гнева; и глас божества несется,
Поднимаясь над градом до семислойного неба -
Словно бык обуянный яростью мык испускает
330 [331]
Обезумевшего владыку Пенфея он гонит
Пламенем, освещая светом дворец, а по стенам
Словно струясь побежали язычки, пламенея,
Огоньков: над одеждой царской уж пламя сияет,
Пеплоса не опаляя, не плавя златых украшений,
Только бегут по складкам смарагдового оттенка
Вот уж над ним заплясали искорки, кинулись в ноги,
Поднялися до чресел и на́ спину взобралися,
Вот на затылке трепещут, вот уж в подбрадье мерцают;
(Часто божественный пламень жарко сияет над ложем
340 [341]
Геей рожденного мужа, но не сжигает покровов,
Рассыпая лишь искры, плящущие над тканью...)
Видя огонь самородный, Пенфей рабов призывает
В страхе, велит водою залить пугающий пламень!
Пусть, говорил он, погаснет огонь столь жаркий и вольный
В доме, политый обильно зло отвращающей влагой!
Опустошили слуги округлые все сосуды,
Лили влагу струями изобильными всюду,
Воду нося прилежно и огонь заливая:
Только труд бесполезен, бессильна источников влага,
350 [351]
Струи, что в пламя лилися, делали пламя сильнее,
Жарче и ярче, чем прежде... Всюду рев раздавался
Словно бы тысяч и тысяч глоток бычьих свирепых,
Мык заглушал ужасный всё в покоях Пенфея!

Песнь XLVI

В песне сорок шестой безумца и нечестивца
Видишь ты гла́ву, Пенфея, и матерь-убийцу, Агаву!

Скоро владыка узнал во гневе, что пали оковы
Сами собою железные с дланей безумных вакханок,
Что менады сбежали в горные чащи лесные,
Скоро он понял хитрость невидимого Диониса,
И воспылал владыка Пенфей неистовым гневом!
После увидел он бога в венке из плюща над висками,
Волосы Диониса струились густою волною,
Кольцами рассыпаясь под дуновением ветра,
И разразился бранной речью царь нечестивый:
"Как хорошо, что Тиресий лживый был прислан тобою!
10 [11]
Ныне твои провидцы уж разум мой не обманут!
Молви кому-нибудь это! Сыну Рейя-богиня
Собственному отказала Зевесу - ужели воскормит
Сына Тионы? Спроси же Дикты пещеры об этом,
О, спроси корибантов, ведь ими дитя охранялось,
Вымя козы Амальтеи млеком вспитало малютку,
Вырастило Зевеса - не млеко Рейи-богини!
Ты же воспринял лживость вместе со лживой Семелой!
Из-за ее обмана спалил сию деву Кронион,
Так что как бы Кронид и тебя не поверг, как и матерь!
20 [21]
Я же не варварской крови, пращуром назову я
Струи Исменоса, вовсе Гидасп мне пенный не родич!
Дериадея не знаю, не ведаю о Ликурге,
Так что с сатирами и вакханками убирайся
Ты от потока Дирки; коль хочешь, тирсом изострым
Убивай в ассирийских пределах другого Оронта!
Ты не от крови небесной Крониона, ибо зарницы
Осветили бесчестье самозванки погибшей,
Молнии и перуны ложное видели ложе!
Ибо покои Данаи влажный не жег Кронион;
30 [31]

Кадма, отца моего, сестру он нес на хребтине
Бережно, деву Европу в море не утопил он!
Ведаю, что до рожденья младенца пламень небесный
Сжег вместе с матерью, дабы незаконного сына
Освободить из чрева горящего матери мертвой!
Если только дитя невинное не сгорело
Тайного ложа земного, свидетеля страсти Зевеса,
Только тогда я поверю, что ты себя называешь
Отпрыском горнего Зевса, не повергнутым громом!
Что же, ответь мне на это чистой правдивою речью:
40 [41]
Зевс Арея иль Феба рожал из лядвеи разве?
Если ты Диевой крови, взойди на свод поднебесный,
В горних живи просторах, оставь Пенфея и Фивы!
Ну же, скажи доброхотно, чтоб каждый остался доволен,
Не используй уловок Пейто, чарующей душу,
Разве Кронид породил из кóсти тебя височной,
Расскажи нам об этом: Зевс всевышний и Вакха
Из головы как Палладу породил сам собою!
Я бы желал, чтоб Кронион высокогремящий, могучий
Породил тебя, дабы мог я тогда Диониса,
50 [51]
Отпрыска Дия, преследовать - я, Эхи́она отпрыск!"
Оскорбился такими речами бог, но ответил,
Гнев ужасный и грозный в сердце скрывая глубóко:
"Варварским правом кельтских пределов я восхищаюсь,
Там, где потоки Рейна свидетельствуют о рожденье
Незапятнанном, чистом от родителей верных,
Где решает река - рожден ли он в праведном браке!
Но не Рейна теченье судить меня праведно станет,
Не потоки ничтожной влаги и грязной, имею
Я могучей свидетелей: это отцовы перуны!
60 [61]
О Пенфей, не ищи доказательств, лучших перунов!
Верят воде галаты - поверь же пламени молний!
Я не нуждаюсь в покоях земных владыки Пенфея,
Отческое поднебесье - домы для Диониса!
Если б мне выбор делать меж сушей и звездным Олимпом,
Что бы ты сам посчитал значительней и прекрасней,
Семислойное небо иль семивратные Фивы?

Я не нуждаюсь в покоях земных владыки Пенфея,
Я лишь прошу уваженья к медоточивым гроздовьям,
Можешь не пить Диониса влаги хмельной и бодрящей!
70 [71]
Против Индоубийцы Бромия ты не сражайся -
Коли ты в силах, побейся с одною только вакханкой!
Может быть, имя дали тебе провидицы Мойры
Не напрасно, погибель мне возвещая? О, правда -
Царь Пенфей, порожденный от крови существ земнородных,
Должен делить и судьбину племени мощных Гигантов!
О, это правда - от крови горней Вакх происходит,
Значит, наследует также Гигантоубийце Зевесу!
Изгнанного Тиресия или Пейто, что с Семелой
Пребывала, спроси - родила ли младенца Тиона!
80 [81]
Коли узнать желаешь таинства плясовые
Эвия, о Пенфей, то скинь свое царское платье,
Пеплос женский на плечи набрось, стань девой Агавой -
Не убегут, коль помчишься в горы, от женщины жены!
Коли ты дикого зверя подстрелишь рукою своею,
Отпрыска Кадм похвалит, что с матерью он на охоте!
С Вакхом поспоришь, единый иль с Лучницей, коли сумеешь,
Назову тебя львов убийцей я с Актеоном!
Что же, оставь оружье! Ратников меднолатных
Убивают вакханки неоружною дланью!
90 [91]
Если вооруженный с безоружными бьешься
Девами, кто же восславит из твоих же сограждан
Мужа, павшего в схватке с безумною бассаридой?
Не страшится вакханка дротов пернатых иль копий,
Должен ты переодеться, чтоб стать неузнанным в женах,
Таинства так лишь увидишь плясовые Лиэя!"
Так убеждал он Пенфея, рассудок его помрачая,
Спутав его сужденья, поверг он владыку в безумье...
Мена же помогала богу Бромию в этом,
Над Пенфеем безумья бич воздымая. С Лиэем
100 [101]
Спутала мысли владыки Селена, похитила разум,
Перед которым уж много ложных видений носилось,
И потомка Эхи́она погрузила в забвенье,

Слух Пенфея грозным гулом она оглушила,
Вострубив наказанье трубы звучанием божьей.
Царь тогда устрашился, прошел он в свои покои,
Одержимый желаньем видеть таинства Вакха;
Он открыл благовонный ларец, где платья хранились
Женские, сидонийским пурпуром крашены ярко,
Пеплос накинул Агавы узорчатый быстро на плечи,
110 [111]
Покрывало на кудри накидывает Авто ной,
И на груди замыкает царской его поплотнее,
После он обувает ноги в женскую обувь,
Тирс берет он во длани и за вакханкой ступает -
Женские же одежды по земле волочатся...
Подражая менадам, Пенфей ступает, танцуя,
Сладостного безумья полный, плесницами быстро
Переступает, руками по-женски лукаво поводит,
Переплетая персты, ударяя дланью о пясти
Как в хороводе плясунья, когда же подъял он кимвалы,
120 [121]
Ударяя о медь их переплетенных пластинок,
Кудри его расплескались из-под ткани по ветру,
Лад послышался песни лидийской в честь Эвия - мнилось,
Будто вакханка стремилась в дебри уйти к хороводам
Видел он двух Фазтонтов, двоились и сами Фивы
Перед глазами, он мыслил и стенные ворота
Унести на плечах от башен Фив семивратных...
Окружили владыку сограждане плотной толпою:
Тот на пригорок взобрался, этот на камень повыше,
Третий облокотился о плечи толпы передней,
130 [131]
И поднялся четвертый на самые кончики пальцев,
На приграничном камне уж примостился пятый,
Сей на зубец взобрался стены, а этот уж пялит
Из бойницы глаза на то, что пред ним происходит,
Оный повис на башне, обхватив ее дланью,
И взобрался повыше, чтоб лучше видеть и слышать
Мимо несется прыжками огромными, в лес устремляясь,
Царь Пенфей, помавая тирсом в полном безумье!
Вот уж затворы сами Фив семивратных открылись,
Завращавшись неспешно в петлях врат исполинских,

140 [141]
Вот уж пред самым градом бежит он, и вьются по ветру
Кудри, уж оказался пред змеепитающей Диркой,
И кружася в безумной пляске, лад отбивает,
Вслед ему бог виноградный также быстро несется.
Только пришли они к месту, где были дубравы, где пляски
И обряды свершались в честь Бромия, где бассариды
Босоногие зверя преследовали лесного,
Сразу же Вакх виноградный приметил в горной чащобе
Ель, что стояла высоко, вровень с огромной скалою,
Исполинское древо с кроной густой и великой,
150 [151]
Закрывавшее тенью своею соседние склоны.
Тут, не боясь ничего, хватает бог за вершину
Древо и пригибает к земле, поближе к Пенфею,
Тот зацепился за ветви, вскарабкался сразу повыше,
Дабы яснее видеть с высоты все обряды -
Вот укрепляется в кроне, перебирая ногами
В пляске как будто бы, царь (неустойчиво положенье!)
Вот и приходит время буйства менад в этом месте -
Спорят они друг с другом, пеплосы наземь бросают
Вместе с небридами... С ними с гор примчалась Агава,
160 [161]
С губ ее падала пена безумья, так вопияла:
"О Автоноя, скорее туда, где Лиэевы пляски,
Где средь горных отрогов рокочут и свищут авлосы,
Песен Эвия, милых сердцу, желаю изведать,
Знать желаю, кто первым в пляске пойдет Диониса,
Кто же из нас в служенье Лиэю ревностней станет!
Что же ты медлишь с пляской? Инó нас опережает!
Боле она не в пучине, вышла дева из моря,
Вместе она с Меликертом, возничим, покинула зыби,
Дабы помочь Дионису, за коим нынче охота,
170 [171]
Дабы Пенфей нечестивый не злоумыслил Лиэю!
В горы, причастница Вакха! Сюда, исменийки менады -
Таинства Вакховы деять, в пляске ревностной ярой
С Бассаридой лидийской поспорить, дабы сказали:
"Мималлону мигдонскую одолела Агава!""
Только сказала - и тут же на древо она посмотрела,

Отпрыска увидала, подобного зверю в засаде...
И на него указала сразу безумным вакханкам,
Сына родного зверем алчным она называла!
Окружили менады древо тесной толпою,
180 [181]
Где он в ветвях скрывался, в ствол перстами впивались
С силой неистовой дланей, засевшего на вершине
Страстно низвергнуть желая Пенфея. Ствол обхвативши
Пястями крепко и сильно обеими, древо рванула
Мощно Агава и вырвала с корнем сосну вековую.
Пало древо на землю, склон Киферона открылся,
И покатился с верхушки древа вниз нечестивец,
Царь безумный Пенфей, пал вниз головою на камни!
Тут его оставляет навеянное Дионисом
Помраченье ума и видит он близкую участь
190 [191]
Смертную Вот возопил он жалобно, наземь низринут:
"Нимфы-гамадриады, укройте, чтоб не убила
Детолюбивая матерь Ахава сына родного!
Матерь, жестокая ныне, опомнись от исступленья!
Сына зовешь ты зверем хищным! Разве косматой
Гривой покрыт я густою? Львиному рев мой подобен?
Вскормленного тобою не узнаешь и не видишь?
Кто же твой разум и зренье похитил? Прощайте, отроги,
Киферона лесные и долы! Фивы, прощайте!
Матерь-сыноубийца, прощай! Прощай же навеки!
200 [201]
О, взгляни на ланиты с пушком молодым! О, взгляни же
На человеческий облик - не лев я, не зверь кровожадный!
Чрева плод пощади и вспомни, кого ты вскормила,
Ибо Пенфей пред тобою, твой отпрыск! Умолкни, мой голос,
Сам ты с собою лепечешь - не внемлет матерь Агава!
Коли меня ты прикончишь, Бромию угождая,
Собственною рукою убей, злосчастная матерь,
Пусть не терзают сына прочие бассариды!"
Так он пред нею взмолился, но не внимала Агава
Вот на него устремились неистовые вакханки!
210 [211]
Руки к нему простерли, в прах его повалили,
Первая ноги прижала, другая схватила десницу

Мощно и вырвала напрочь из плечевого сустава,
Автоноя же шуйцу сломала, матерь стопою
Отпрыска грудь попрала, пронзив безжалостно тут же
Тирсом изострым, от выи гла́ву она отделила!
Гордая сим убийством, с кровавой добычею в дланях,
В радости яробезумной пред Кадмом ею хвалилась,
Думала, что одолела льва свирепого в схватке,
С яростным хмелем в гортани стала хвалиться пред старцем:
220 [221]
"Благословенный Кадм - ты благословеннее станешь:
С безоружною дланью доблестную Агаву
Видела Артемида, и царица охоты
Зависть пускай скрывает пред девой, льва разорвавшей!
Пусть дивятся дриады деянью нашему! Дщери
Гармони́и родитель, копьем ополченный всегдашним,
Медный Арей подивится пускай на дитя, без оружья
Тирсом только ветвистым, львов разящее в схватке!
Что же, о Кадм! Позови-ка владыку нашего трона,
Позови-ка Пенфея, он позавидовать должен
230 [231]
Материнской добыче, принесенной с охоты!
Слуги мои, поспешите! И над воротами дома
Кадмова гла́ву эту в знак победы прибейте!
Ибо Ино́ сестрица добычи такой не имела!
Авто ноя, дивися и выю склони пред Агавой!
Ты никогда не добудешь славы такой - и награда
Эта заставит матерь завидовать Аристея,
Славную всякой ловитвой львоубийцу Кирену!"
Молвила так, воздымая трофей именитый. И внемля
Самохваленьям кичливым дочери сумасшедшей,
240 [241]
Кадм ответствовал, плача и горько в сердце горюя:
"Что за разумного зверя убила безумная дочерь?
Что за зверя убила, плод материнского чрева?
Что за зверя, потомка Эхи́она, нашего внука...
Посмотри же на гла́ву этого льва, что подъемлешь
Дланью и хвалишься коей пред родителем Кадмом!
Посмотри же на главу этого льва - Гармония
Оную в люльке качала и к груди прижимала!
Ты ведь сама вскормила сию добычу ловитвы,

Что зовется Пенфеем, добычу, что ныне подъемлешь!
250 [251]
Разве дитя не узнала собственное убийца?
О, взгляни же на зверя - ведь это сын твой родимый!
О Дионис, как прекрасна награда усердию Кадма!
Дар мне Кронион прекрасный брачный дал - Гармони́ю!
Дар, достойный Арея и Афродиты небесной!
В море Ино́, Семелу спалил Кронион Перуном,
Погребла Автоноя роголобого сына,
Горе теперь и Агаву горькое, матерь, настигло!
А Полидор злосчастный ныне беглец и изгнанник!
Горе! Один я остался как мертвый! Куда же
260 [261]
Скрыться, коль умер Пенфей и нет со мной Полидора?
Град какой меня примет? Будь, Киферон, ты проклят!
Старость ты обездолил Кадмову, внуков обоих
Ты убил: и Пенфея, и сгинувшего Актеона!"
Молвил Кадм свое слово. И слезами залился
Киферон почтенный всех ручьев и истоков!
Застонали дубравы и нимфы-наяды зашлися
В плаче, и пред седою главою горькою Кадма
Дионис устыдился! Мешая слезы с улыбкой
Божество беспечальное возвращает Агаве
270 [271]
Разум утерянный, дабы плакать могла над Пенфеем
Вот и увидела матерь собственными глазами
Жертву, и будто не веря, оцепенела от горя!
Вот увидела гла́ву растерзанного Пенфея -
Пала злосчастная наземь, забилась и заметалась,
Кудри в скорби глубокой осыпала пылью и прахом,
Бросила прочь небриду косматую с плеч, зарыдала;
Утварь священная Бромия выпала из бессильных
Рук, а перси нагие в кровь разодрала Агава:
Вот она сына целует в восковые ланиты
280 [281]
И в прекрасные кудри окровавленной гла́вы,
Жалобно причитает, слово слезное молвит:
"О Дионис жестокий, казнитель ненасытимый,
Возврати мне безумье, ибо в дарованном здравье
Худшее помраченье гораздо, с ума меня снова

Боже, сведи, дабы зверем сына я называла!
Думала, зверя низвергла - вместо же львиной гривы
Главу сына Пенфея воздымала во длани!
Счастлива сколь Автоноя в горе своем, ибо сына
Актеона оплакав, она его не убивала!
290 [291]
Детоубийца одна я! Инó своего Меликерта
Не терзала, изгнанница, не убивала Леарха,
Только отца погубила! О горе мне, горе злосчастной -
Зевс сочетался с Семелой, чтоб плакала я по Пенфею!
Зевс породил Диониса из собственной лядвеи, дабы
Кадмово все семейство до конца уничтожить...
(Кадмово семя убил ты - сжалишься ли надо мною?)
Ране на свадьбе великой за трапезой боги сидели,
Праздновал Кадм единенье в любви с Гармонúей своею,
Сам Аполлон-песнопевец ныне лишь может прославить
300 [301]
Древней кифарою горе Агавы и Автонои,
Горькую участь Пенфея, злосчастную - Актеона!
Где ж, ненаглядный мой мальчик, от скорби искать исцеленья?
Нет, не держать пред покоем твоим мне свадебный светоч,
Нет, не услышать вовеки песен желанных эротов!
Кто из внуков утешит - пусть другая вакханка
Растерзала бы сына, не горькая матерь Агава!
Не проклинай же безумной родительницы, злосчастный -
Вакха, Пенфей, проклятью предай - Агава невинна!
310
Руки мои, сыночек, омочены кровью родимой
Выи, от главы единой кровь, истекшая щедро,
В пурпур окрасила яркий материнское платье...
Бромия чашу подайте, молю вас, но только не влагой
Винною я возлияю Вакху - ах, кровью Пенфея!
Я, многослезная матерь, о слишком рано умерший,
Собственными руками твое безглавое тело
Прахом укрою и так надпишу на сыновней гробнице:
"Странник, Пенфей упокоен в этой могиле, Агавы
Лоно его породило - погиб он от длани Агавы!"
Так безумица речи здравые говорила.
320 [321]
Тут принялась Автоноя ее утешать средь злосчастий:

"Горе твое внушает зависть! Хотела б того же
Я, ибо можешь в уста целовать Пенфея, в ланиты,
Или в милые очи, и волосы гладить густые!
Сколь ты блаженна, сестра - как матерь ты сына убила!
Вместо же Актеона, изменившего облик,
Плакала я над оленем, вместо главы сыновней
Хоронила лишь тушу в венце из рогов ветвистых!
Есть у тебя утешенье, ты видишь родимого сына,
А не обличье чужое, не тушу оленью хоронишь,
330 [331]
И ни копыт, ни ветвистых рогов пред собою не видишь!
Я же дитя не узнала, плакала над пятнистым
Мехом и грубою шкурой, не слышала глас человечий,
Матерью ставши оленя, не матерью человека!
Ныне я умоляю, о чистая дочерь Зевеса,
В честь Аполлона, отца моего Аристея-супруга,
Облик мой человечий преобрази ты в олений,
Милость подай Аполлону, дай злосчастнейшей следом
За Актеоном быть жертвой той же охотничьей своры
Или твоих ищеек... Пусть Киферон увидит,
340 [341]
Как после сына и мать на ловитве растерзана псами!
Только, коль превращуся я в роголобого зверя,
Не запрягай в повозку, бичом меня не погоняй ты!
Древо Пенфея, прощай! Прощай, Киферон жестокий!
Тирсы и жезлы Лизя, мрачащие разум, прощайте!
Счастлив будь, Фаэтонт, о радость для смертных, сияй же
Над горами, сияй Летоиде и Дионису!
Коли ты смертных умеешь губить своими лучами,
Чистым огнем низвергни Агаву и Автоною!
Мстителем за Пасифаю стань, сразу же насмешкой
350 [351]
Афродиту-богиню, чтоб плакала мать Гармонии!"
Так рекла, но Агава-детоубийца взрыдала
Горше еще и тело, скорбная мать, схоронила,
Из очей изливая потоки слез изобильных...
Граждане Фив воздвигли Пенфею благую гробницу.
Сестры горько стенали, и скорбь безграничную видя,
Вакх, милосердный владыка, почуял к ним состраданье,
Жалостью побежденный, и каждой поочередно

Наливает напитка, вина медового с травкой,
Зелья, целящего скорби А болящего Кадма
360 [361]
Горе смягчает словами, полными утешенья...
В сон тотчас погрузились Агава и Автоноя,
И во сне увидали оракул, надежду сулящий:
На земле иллирийской, у дальних вод гесперийских,
Гармония-изгнанница вместе с ровесником Кадмом
Странствовать будут; и только исполнятся времени сроки,
Превратившись в утесы, змеиные примут обличья!
Взяв с собою и панов, и сатиров, и погоняя
Рысей повозки, в Афины Вакх удалился державный.

Песнь XLVII

В сорок седьмом песнопенье - Персея и Икария гибель
Злая, и Ариадна в пышнотканом хитоне!

Вот уж мало-помалу по градам молва полетела,
Весть сообщая повсюду о шествии Диониса
Пышногроздного в землях Аттики. Пляски и песни
Зазвучали в Афинах в честь бессонного Вакха;
Празднество пышно справляли: жители шумной толпою
Вышли на улицы, город украсив листвой и коврами,
В честь благогроздного Вакха граждане увенчались
Листьями и гроздовьем его лозы благодатной;
Как украшенье, жены к персям своим подвязали
Чаши железные, таинств и празднеств вакхических знаки,
10 [11]
Девушки в хороводы соединились, венками
Плющевыми венчая свои аттидские кудри;
Илиссос, прославляя Бромия, заплескался
Бурно, Эвия песню затянули единым
Гласом, в пляске сойдяся, кефисидские камни!
Травы с цветами пустились в рост, и из лона земного
Выросли сами собою лозы, полные сладких
Ягод, масличные рощи багрянцем одев Марафона!
Залепетали дубравы, и луговые Хоры
Вырастили в долинах речных двухцветные розы!
20 [21]
Сами собою взрастают лилии с длинным стеблем!
Вторит авлос Афины вослед фригийским авлосам,
И тростники ахарнян песнью двойной зазвучали,
Управляемы пястью искусной, из глоток согласных
Звонкая песнь зазвенела юницы с брегов мигдонийских
И вакханки шумливой, тихо обнявшей за плечи
Девушку с берегов пактолидских, поющую с ними!
Вот уж идут хороводы и светоч двойной загорелся
(Древле Загрей родился - потом появился и Бромий!)...
Помнящая об Итиле, о Филомеле-ткачихе,
30 [31]

Песня аттидская льется жалобой соловьиной,
Зефира певчая птица защебетала под кровлей,
Мысль о Терее далеко в ветре воздушном развеяв...
Нет, никто не остался вне хоровода во граде!
Вакх приветственный входит в домы Икария. Старец
Отличался искусством в насажденье деревьев!
Вот попытался хозяин старый в честь гостя пляску
Изобразить, Диониса встречая - за стол приглашает
Бога лозы виноградной, яством скромным накрытый:
Подает Эригона напиток из козьего млека,
40 [41]
Остановил ее Бромий и плясолюбивому старцу
Мех протянул с напитком, разрешающим скорби,
Он с вином благовонным подал сосуд десницей
Старцу Икарию, молвя ласковые реченья:
"Старче, прими подношенье, незнаемое в Афинах!
Осчастливлю тебя я, сограждане старца прославят
И навсегда превозмогут славою превеликой
Старец Икарий - Келея, Метанейру - Эригона!
Матери древней Деметры ныне и я соперник,
Колос Део изобильный землепашцу дарила -
50 [51]
Триптолем собирал пшеницу, сберешь ты - гроздовье!
Горнему Ганимеду станешь соперник единый,
Превзойдешь Триптолема, ведь полевые колосья
Не утоляют печали, сие вину лишь возможно,
Лишь лозовое гроздовье в горестях смертных утешит!"
Молвил он слово такое гостеприимному старцу,
Чашу сладким наполнив вином, бодрящим и терпким!
Пил вино постепенно старик, виноградарь искусный,
Жаждою распаляясь ко влаге сей благородной.
Дочерь уж не подавала млека отцу, но за чашей
60 [61]
Чашу ему подносила, дабы испил родитель.
Вот он приободрился, из многочисленных кубков
Вин отведав, и сразу принялся, пьяный, ногами
Пляску выписывать резво, раскачиваясь на месте,
И запел славословье в честь Эвия и Загрея!
И сему садоводу являет бог виноградный
Виноградные ветви, дары, угодные Вакху,

Учит его бог Эвий, как выращивать лозы,
Как обрезать их, и землю рыхлить, сажая их в ямки,
И другим земледельцам виноградарь умелый
70 [71]
Передает дар Вакха, лоз виноградных отростки,
Учит, как надо возделать грозд овие Диониса:
Из своего кратера льет он сок благовонный
В деревенские кружки из глины преизобильно,
И пируют крестьяне, чаши опустошая.
Вот, насладившись влагой из благоуханного меха,
Благодарит Эригоны отца один из пришедших:
"Молви нам, старче, откуда добыл ты нектар небесный?
Не с берегов Кефиса золотистая влага,
Нет, не подарок наяды медовосладкий напиток,
80 [81]
Медоточивые струи не из источников наших,
Илиссос ведь не может окраситься влагой пурпурной!
Это питье невозможно пчеле прилежной сготовить,
Насыщающей смертных Это что-то другое,
Только меда послаще, слаще воды самой лучшей...
Нет, не напиток это, добытый с оливы аттидской!
Лучше, чем млеко напиток твой, его не сравню я
С ним, даже с медом смешавши, дух несущим и сладость!
Коль розоперстые Хоры в наших садах научили
Добывать сей напиток из всех растений для смертных,
90 [91]
То от Адониса это дар и от Киферейи -
Благоуханная влага, роса от роз благовонных!
Изгоняет печали питье это странное, наши
Горести и заботы развеивает по ветру!
Не подношенье ли это небесной Гебы всевечной?
Не подарила ли это державная дева, Афина?
Кто же похитил с неба кратер, из коего в чаши
Зевсу и всем Бессмертным Ганимед возливает?
Сча́стливей ты Келея гостеприимного, коли
Ты принимал под кровлей одного из Блаженных!
100 [101]
Мыслю, что бог какой-то пришел к тебе гостем желанным
И за пиром приятным это питье тебе подал,
Дар, что колос аттидский богини Део превосходит!"

Молвил гость, изумленный сладким напитком, от уст же
Сладостно песнь излилася крестьянская радостно, громко!
Чашу за чашею пили хмелеющие земледельцы,
Помрачаясь рассудком, в неистовство приходили -
Вот уж глаза помутнели, вином окрашены чистым,
Щеки зардели ярко, забилось бешенно сердце,
И в висках застучало, гла́вы бессильно поникли,
110 [111]
Кровь побежала сильнее по жилам, мозг распухает...
Им, опьяненным, казалось: лоно колеблется тверди,
Пляшут окрест деревья, закружились отроги!
Вот уже, непривычный к стольким чашам напитка,
Некий муж покатился по земле в опьяненье,
Вот уж толпа деревенщин, охвачена подозреньем
И безумьем, на старца Икария устремилась,
Мысля, что некиим зельем он отравить их пытался -
Этот секирой железной, а тот, сжимая во дланях
Заступ... Вооружился третий серпом изострым,
120 [121]
Коим жал он колосья; камень припрятал четвертый,
Пятый посох пастуший схватил возмущенною пястью!
Так вот и навалились. Один же из них в безумье
Стариковское тело бичом избивал беспощадно!
Виноградарь искусный, старец злосчастный, на землю
Повалился от страшных ударов, под стол покатился,
Посбивал все кратеры и замер уже, полумертвый,
В луже пу́рпурной влаги... Из головы разбитой
Крови потоки лилися под ударами пьяниц,
И кровавые струи смешались с влагою винной!
130 [131]
И, в Аид отлетая, молвил он слово такое:
"Бромия-гостя напиток, утешающий в скорби,
Сладостный, оказался мне горек... Радовал сердце
Всем, лишь Икарию-старцу дал печальную участь...
Сладостный, он Эригоне желчь, Дионис бесслезный,
Дочери нашей дарует, слез горчайших потоки!"
Но не закончил он речи, судьбина слово прервала...
Вот и лежит он, мертвый, глаза его полуоткрыты,
Дочери милой не видит - на голой земле, по соседству,
Спать повалились убийцы опьяненные старца,

140 [141]
Точно трупы недвижны... А поутру, пробудившись,
Стали плакать над мертвым, кого во хмелю погубили.
Разум вернулся к ним, и взваливши тело на плечи,
Понесли его в чащу ближайшую и в истоке
Горном, в струях прозрачных, страшные раны омыли;
Тело, растерзанное в неистовстве опьяненья,
Собственными руками схоронили убийцы.
Дух Икария, дыму подобный, направился к дому
Отчему, к Эригоне, явился в смертном обличье,
Призрачным сновиденьем, тенью неясною, смутной,
В образе человека, недавно убитого, в платье
150 [152]
Изобличавшем удары ненайденного убийцы,
Кровию обагренном, осыпанном пылью и прахом,
В платье, висящем клочками, изорванном страшным железом.
Пясти тень простирает и подходит поближе,
Приоткрывает раны ужасные перед девой.
Ужасается дочерь страшному сновиденью,
Кровоточащие язвы узрев на главе отцовой,
Исходящие кровью ужасные раны на вые
Призрачный же родитель молвит дочери скорбной:
"Встань, злосчастная дочерь, отца поищи родного!
160 [162]
Встань! По следам опьяненных убийц иди неустанно!
Да, это я, твой родитель замученный, коего после
Чаши вина невежды убили железом изострым!
Счастлива ты, дитя - ведь ты убиенного гла́вы
Не видала пробитой, не слышала страшных ударов,
Ты седин не узрела, забрызганных грязью кровавой,
Как полумертв, обескровлен, он корчился только во прахе,
Ты не зрела дубинок отцеубийных, ведь боги
Уберегли твои очи от зрелища тела отцова,
Тело растерзанное увидеть не попустили!
170 [172]
Ныне смотри на одежды в пурпурных подтеках и пятнах,
Ибо вчера до беспамятства люд деревенский упился,
Непривычною влагой Вакха смутился их разум -
И на меня напали, и острым железом пронзили,
Я овчаров напрасно звал, никто не услышал,

Лишь запоздалоголосой Эхо клик отозвался,
Жалобное отраженье стенаний и жалоб отцовых!
Более ты не поднимешь посоха на луговине,
Более трав и цветов искать не пойдешь ты средь пастбищ,
Стад не узреть тебе, супруга в доме не видеть,
180 [182]
Более ты за ручку мотыги уже не возьмешься
В благородя́щий сад провести орошенье благое!
Медоточивого тока винных струй не испивши,
Плачь над отцом убиенным, отныне сирая дочерь,
Вижу, что жизнь провести тебе неневестной придется!"
Так он изрек и сокрылся, пернатый призрак, во мраке.
Пробудилася дева, румяные стала ланиты
Раздирать и в скорби терзать упругие перси,
Стала рвать она пряди из кудрей густых от мучений,
После взглянув на стадо быков на склонах скалистых,
190 [192]
Скорбная вопияла в слезах и отчаянье дева:
"Молвите, милые выси, где труп Ика́рия спрятан?
Участь знакомого вам пастуха, быки, расскажите!
Что за люди убили родителя милого в чаще?
Где мой отец благонравный? Учит, как прежде, соседа
Плод возделывать новый? Странствует по земледельцам?
Иль наставляет в искусстве выращиванья грозд овья?
Иль пастуха с огородником празднество разделяет?
Молвите мне, злосчастной - сколь можно, его подожду я!
Коли в живых родитель остался, то жить как и прежде
200 [202]
Стану, в саду копаться, свои цветы поливая;
Коли родитель умер, к чему и цветы, и деревья,
Лишь над телом родимым принять смерть пожелаю!"
Так восстенав, устремилась в чащи горного леса,
В поисках милого тела отца, убиенного только
Ни козопас невинный, ни гуртовщик, пасущий
Скот на всех перегонах, иль быкопас - не могут
Деве помочь или даже на след навести недавний,
Место ей указать, где убили Икария-старца.
Долго она понапрасну блуждала, пока ей садовник
210 [212]
Некий о том злодействе правды всей не поведал,

Не показал могилы недавно убитого старца!
Только узнав об этом, впала дева в безумье
Скорбное, срезала кудри она над милой могилой
И, босоногая дочерь, слез оросила потоком
Неиссякаемым землю, хитон и пеплос девичьи...
Онемевшие губы замкнула после в молчанье...
Пес же, сопровождавший Эригону, разумный,
Спутник в поисках тела, заскулил и заплакал,
Скорбь разделяя скорбящей. И вот, в помрачении горя,
220 [222]
Подбежала ко древу огромному дева и сделав
Крепкую петлю, вью в силок удушающий вдела,
Жизни себя лишила, на ветви высокой повиснув,
Пляску погибели страшной стопы ее заплясали...
Так умерла, доброхотно приявши погибель, а рядом
Пес ее горестным воем оповестил о деянье
Скорбном, и слезы струились из глаз бессловесной твари...
Нет, этот пес не оставил одну, без охраны, хозяйку,
Он близ древа остался, диких зверей отгоняя,
Горных львов, леопардов, когда же прошли мимо древа
330 [232]
Путники, он показал им место сие, бессловесный,
Где на ветвях высоких в петле хозяйка висела.
Сжалились перехожие странники, видя такое,
Подошедши поближе, они с ветвей ее сняли,
Густолистного древа, выкопали могилу
Заступами, схоронили тело в земле девичье...
Пес же как будто бы ведал, что делают люди и всем им
Помогал, сострадая, рыть могилу когтями,
Будто бы всё разумел он, землю могильную роя.
Так они и схоронили недавно умершую деву,
340 [242]
После, печалуясь горько по безвременной смерти,
Прочь поспешили из леса каждый по собственным нуждам,
Только вот пес у могилы один на страже остался
Лишь по собственной воле - он ведь любил хозяйку!
Сжалился Зевс всевышний, в круге созвездий небесных
Он поместил Эригону сразу за Льва хребтовиной,
Держит в деснице колос Дева, ибо не хочет
Гроздов она виноградных, причину смерти отцовой;

Старца Икария рядом с дочерью Дий помещает
Волопасом-Боотом называет и светит
350 [252]
Это созвездие близ Медведицы аркадийской,
Пса же палящего рядом с Зайцем располагает,
В Гончих Псах, где Аргó, созвездие горнего свода,
Проплывает по кругу, словно по морю, Олимпа!
Вот каково сказанье ахейское, в нем как обычно
Смешаны вымысел с правдой, истина такова же:
Вышний Зевс Эригоны душу с злакодержавной
Девой соединил на небе. Собаку земную
Поместил он средь Гончих Псов, с ними сходную ликом,
Сириусом ее назвали. Икария душу
360 [262]
Также вознес на небо, давши ей имя Боота!
Вот каковы Кронида дары аттидским пределам,
Вот как почтил Всевышний Палладу и Диониса!
После того, как оставил Илиссос сладкоструйный
Вакх, отправился он на Наксос, край виноградный.
Эрос дерзкий раскинул крылья над ним, Киферейя
Реяла впереди, любви она богу хотела,
Ибо уже оставил спящую на побережье
Деву Тесей неверный, покинув остров на лодье,
Позабыв все обеты... И вот Дионис увидел
370 [272]
На берегу пустынном спящую Ариадну,
И изумленье мешая со страстью, молвил вакханкам,
Хороводы ведущим, восхищенное слово:
"О бассариды, в роптры не бейте, не поднимайте
Шума ни пляской, ни дудкой! О, не спугните Киприду!
Только вот пояса нету на деве Кипрогенейе!
Мнится, Харита с лукавым Гипносом свиделась в этом
Месте. Но лишь только Эос явилась и засияла,
Спящая Паситея проснулась! Но кто одеянья
Дал на Наксосе деве Харите? Не Геба ли это?
Но на кого она чаши Блаженных оставила? Может,
380 [283]
Это Селена, повозкой правящая блестящей?
В силах ли Мена оставить любимого Эндимиона?
Не среброногую ль деву Фетиду я вижу на бреге?

Но не нагая богиня румяная... Молвить по правде,
Лучницы вижу наксосской отдых после ловитвы,
Пот она омывала в море после охоты!
Тяжкий труд порождает сладостный сон... Но в чаще
Кто же видал Артемиду в пеплосе? Стойте, вакханки!
Пляску оставь, о Ма́рон! Не играй на свирели,
Пан мой милый, не должно сон сей Паллады нарушить!
390 [293]
Только вот где же Афины копье? И кто же подъемлет
Шлем медноозданный богини, эгиду Тритогенейи?"
Так Дионис измолвил. Тотчас с песчаного брега
Брошенная невеста приподнялась - и проснулась!
Ни жениха не узрела, ни корабля, ни дружины...
С зимородками взрыдала кидонийская нимфа
И побрела по брегу, брачному дару эротов,
Стала любимого кликать по имени, и близ прибоя
Струги искала дружины, бранила ревнивую дрему,
Более всех упрекала матерь Пафийки, пучину!
400 [303]
После Борея молила, заклиная обетом
Брачным его Орифи́и, вернуть Тесея на Наксос
Снова, дать ей увидеть корабль, столь сладостный сердцу!
Боле еще молила Эола жестокого, дабы
Внял он мольбе и исполнил, дабы послал он противный
Ветер лодьям отплывшим, да только брошенной деве
Бог Борей (он и сам ведь несчастен!), увы, не помощник -
Ветры, несущие струги к аттидскому брегу на деву
Брошенную рассердились и взревновали... Дивился
Эрос девичьей печали на радостном Наксосе, мальчик
410 [313]
Мыслил, что на песке сама Афродита тоскует,
Ибо даже в страданье блистала красой Ариадна,
Скорби ее украшали, и сравнивать коли с богиней,
То и сама Афродита, лучащаяся улыбкой,
Славная сладостным смехом, и очи Пейто и Хариты,
Эроса пламень могучий смирились пред плачем девичьим!
Плачущая Ариадна так восклицала, тоскуя:
"Сладостный Гипнос явился, Тесей любимый покинул,
Счастлива ль я в сновиденье? Себя в стране кекропийской
Я узрела, любимый Тесей уж в отческих домах

420 [323]
Сладостное единенье с чистою Ариадной
Подготавливал, пляски и песни в честь девы звучали,
Радостными перстами я брачный алтарь убирала,
Брачным венцом уж кудри венчала, а рядом любимый
Был в одеждах нарядных, готовый к обрядам Киприды!
Сладостное сновиденье! Увы мне, несчастной! Оставил
Неневестною деву жених! Пейто! Милосердья!
Празднеств брачных не стало, во мраке полночном осталась!
Эос из зависти злобной расхитив все, появилась!
Я пробудилась - со мною нет желания сердца!
430 [333]
Мнимые лики эротов являлися предо мною,
Видела я обманный сон о свадьбе счастливой,
Не состоявшейся, милый Тесей меня бросил навеки!
Даже кротчайший Гипнос жесток ко мне Молвите, скалы,
Горемычной - так кто же афинского воя похитил?
Коли Борей дохнýл - пойду тогда к Орифи́и,
Только и Орифи́я гневна, ведь из Марафона
Родом она, откуда родом Тесей, мой любимый;
Коли тут Зе́фир виновен, скажите невесте Ириде,
Матери страсти, как ею угнетена Ариадна!
440 [343]
Коли Нот или дерзкий Эвр, то пойду я молиться
Эос, матери горькой сих необузданных ветров,
Гипнос! Верни сновиденье счастливое, я умоляю,
Милый мне лик, хоть и лживый, верни мне, подобный лику
Истинному, чтоб могла я (хоть в сне!) насладиться Кипридой!
Ах, еще хоть немного пускай он со мною побудет,
Дабы узнала я жало Эроса хоть в сновиденье!
Если в аттидские земли Тесей, мой суженый лживый,
Увлекли тебя ветры бурные от наксосских
Скал, ты только шепни мне - пожалуюсь сразу Эолу,
450 [353]
Пусть бесстыдные ветры ревнивые нам не мешают!
Если ж изгнанницу тут, не ведающую про это,
На наксосских песках мореходец жестокий оставил -
Против Фемиды пошел он, Тесея и Ариадны!
Да не знать мореходцу сему попутного ветра,
Да погонит по гребням его неистовый вихорь,

Милостей да не узнает спокойного Меликерта!
Нот да дохнет ему в спину, когда он желает Борея,
Да взволнуется Зе́фир, не Эвр желанный, и вместо
Кротких ветров весенних да веют зимние бури
460 [363]
Для него одного во всем неспокойном просторе!
О, мореход нечестивый! Но и сама я ослепла
В страсти к согражданину чистой богини Афины...
Горе мне, жалкой влюбленной! Ибо Тесей как воитель
Столь же мне стал желанным, сколь и возлюбленным мною!
Нет, не такие слова говорил он с нитью в деснице,
Нет, не такие слова говорил тогда, в лабиринте!
Если б его свирепый убил минотавр... Не безумствуй,
Речь моя! Да не погибнет возлюбленный! Горе мне, горе!
Нет! Отплыл одиноким Тесей в родные Афины!
470 [373]
Нет... Без сомнения, знаю: отплыл он отсюда с другою!
Страсть в его сердце иная, и ныне он в Марафоне
Занят свадебной пляской - на Наксосе я блуждаю...
Наксос мне - брачное ложе, Тесей, неверный любимый!
Я потеряла отца и супруга! О горе мне, горе!
Миноса я не увижу, Тесея боле не встречу!
Кноссом не любоваться, Афины града не ведать!
И отца, и отчизну утратила - горе злосчастной!
Зыбь и соль мне подарки на свадьбу - куда побегу я?
Бог какой мне поможет и в Марафон переправит?
480 [383]
Чтоб Ариадна с Тесеем и Афродитой судилась!
Кто меня над зыбями взнесет? Когда бы другую
Нить Ариадне увидеть, чтоб истинный путь показала!
Этого ныне желаю, дабы над вспе́ненной зыбью
Перелетев Эгеиды, я в Марафоне явилась,
Дабы тебя обнять, хоть меня ты и ненавидишь,
Дабы тебя обнять, хоть ты и клятвопреступник!
Дабы меня хоть служанкой взял, когда пожелаешь!
Буду стелить тебе ложе не в отчем дому, в Марафоне,
Словно добыча в набеге на Крит и невесте счастливой
490 [393]
Стану служить как рабыня за ткацким станком неустанно,
Ткать да воду в кувшине носить непривычном, ревнуя,

Сладостному Тесею ее поднося за вечерей -
Только б любимого видеть! Родимая некогда матерь
Для земледельцев трудилась, пред пастырем выю сгибала,
Верной была подругой быку бессловесному в стаде -
И принесла теленка ему - не хотела и слышать
Дудку пастушью как твари бессловесной мычанье!
Нет, не хочу я посох чуять на хребтовине,
Нет, не хочу я в стойло - желаю быть близ хозяйки,
500 [403]
Дабы голос Тесея, не рев иль мычание, слышать!
Петь я хотела бы песню свадебную молодому
Мужу, ревность упрятав в сердце к его новобрачной!
Остановите у мелей наксосских лодьи и струги,
О, мореходы! Причальте - иль гневаетесь на что-то?
Кто тут из Марафона? Коль едет в обетованный
Край этот сей мореходец, в жилище любви и согласья,
Жалкую пусть возьмет, хоть град кекропийский увижу!
Коли меня ты оставишь, о мореходец жестокий,
Молви, тогда Тесею о горестной Ариадне,
510 [413]
Молви, как проклинает клятвопреступного мужа!
Ведаю, отчегó лгуна Тесея оставил
Эрос тяжкогневливый: вместо Геры Дзигúи
Божества, что на смертных брака ярмо налагает,
Брачный обет он Афине принес, не знающей ложа,
Общего что ж, о люди, у Киферейи с Афиной?"
Горестной речью такою девы Вакх наслаждался,
Ведал он о Кекропии, ведал он и о Тесее,
И об обманном бегстве с Крита... И вот перед девой
Он в лучистом сиянье возникнул, и Эрос могучий
520 [423]
Затрепетал крылами, стегнул ее поясом страсти,
Дабы любовью зажглася поблагороднее, дабы
Миноида вспылала к родичу Дионису!
Вот злосчастной влюбленной, стенающей Ариадне,
Вакх, чаруя ей сердце, молвил слово такое:
"Дева, зачем причитаешь над кекропийцем обманным,
Дева, забудь Тесея - станешь возлюбленной Вакха,
Не ничтожного мужа из смертных! А коли отраден
Юноша, милый ровесник тебе, то Тесею ль равняться

Юностью и красотою, и доблестью с Дионисом?
530 [433]
Скажешь: "Там, в переходах подземного лабиринта
Пролил он кровь быкомужа, твари кровь двуприродной!"
Ведаешь ты о нити спасительной, ведь вовеки
Муж афинский победы и с палицей не одержал бы,
Если б не помощь девы румяно ланитной, нет нужды
Молвить про Эрос иль про Пафийку, иль нить Ариадны!
Скажешь, что град Афины лучше высей небесных?
Минос, отец твой, не равен всемогущему Дню,
Кносс родной не подобен горним сводам Олимпа!
Сей мореходец не тщетно Наксос, мой остров, оставил!
540 [443]
Бог всемогущий, Пóтос, дает тебе брак благородней:
Ты, блаженная, худшее ложе теряя Тесея,
Обретешь Диониса, с ним сочетавшись любовью!
Что же лучшего можешь просить? Ибо станет навеки
Домом горнее небо, а свекром - и сам Кронион!
Участью не сравнится с тобою Кассиопейя
Из-за славы небесной дочери, ибо и в высях
Андромеду в оковах звездных Персей оставил,
Я же тебе предназначил звездный венец, дабы знали:
"Вот сиянье супруги венколюбивого Вакха!""
550 [453]
Так он ее утешил. Обрадовалась Ариадна,
И о неверном Тесее память в зыбях утопила,
Внемля небесным обетам страстно влюбленного Вакха;
Тут начинает Эрос брачный покой готовить,
Свадебные хороводы зашумели, вкруг ложа
Вдруг цветы возрастают, весенней зеленью целый
Наксос остров оделся с помощью орхоменских
Дев, адриады запели брачные гимны, наяды
Вкруг истоков, нагие и босоногие пляшут,
Славя союз Ариадны и божества винограда!
560 [463]
Громко поет Ортигúя для кровного родича Феба
Градодержца и славит брачною песнью Лиэя,
Пляшет в пляске веселой сей незыблемый камень!
Алые розы сплетая в пурпурную плетеницу,
Радуется огнепылкий Эрос (венок ведь с созвездьем

Сходен!), венца появленье звездного предвещает!
Вкруг наксосской невесты вьются малютки эроты!
И на свадебном ложе, соединившим супругов,
Стал отцом Хрисопатор, зачинателем рода!
И втечение долгих лет земных круговратных
570 [473]
Будет он вспоминать пророчества матери Рейи,
Наксос благой оставив, полный дыханья Хариты,
Всю миновал он Элладу и Аргос конеобильный
Посетил, хоть Гера издревле Инахом правит!
Там ведь не приняли бога и жен, хороводы ведущих,
Сатиров резвых изгнали и тирсы вакханок отвергли -
Да не порушила б Гера пеласгийские домы,
Злобу ревнивую к богу винограда питая!
Старых силенов прогнали - и разгневанный Бромий
Насылает безумье на племя жен инахийских!
580 [483]
Вопль ахеянки громкий подняли, по перекресткам
Понеслись, нападая на всех, кто им попадался,
Стали безумные резать ножами своих же младенцев -
Меч одна ухватила и отпрыска зарубила,
Эта убила сразу трехгодовалого сына,
Третья бросает в воздух вопящего громко малютку,
Ищущего лишь персей, млеком обильных! Так Инах
Собственными глазами увидел гибель младенцев!
Мать умерщвляла сына, ни о чем не печалясь,
Женщины позабыли о долге своем материнском!
590 [493]
И Астерий-поток, что юности видел начатки,
Приношение кудрей, срезанных к повзросленью,
Ныне узрел не пряди волос, а детские трупы!
Только Лиэй покинул край, как один пеласгиец
К слугам уже уходящим громко кричал напоследок:
"О, двуприродные твари с гроздовьем во дланях, ведь Аргос
Гера дарила Персею, нам нужды нет в Дионисе!
Есть у нас отпрыск Зевеса, нам не надобно Вакха!
Резвовеселой стопою давит Бромий гроздовье -
Наш сородич по небу высокому быстро ступает!
600 [503]
Серп ведь плющу не подобен, и тирсоносного Вакха

Наш с мечом серповидным Персей превосходит намного!
Войско индов разбил Дионис, но равны́ ли, я мыслю,
Горгоубийца Персей и Бромий Индоубийца!
Коли в краях гесперийских на многошумном просторе
В камень тирренскую лодью Вакх обратил всемогущий,
То Персей обратил пучинное чудище в камень!
Коли ваш Дионис в просторе бесплодно-пустынном
Спящую Ариадну спас с песчаных прибрежий,
То от уз Андромеду Персей крылатый избавил,
610 [513]
Брачным же выкупом стало чудище, ставшее камнем!
И не была к Андромеде благосклонна Пафийка,
И Персей наш невесту не отбивал у Тесея,
Чист он был перед свадьбой... Матерь его, Данаю,
Не сожигало пламя небесное, как Семелу!
Ибо отец Персея ливнем любовным из злата
Пал с поднебесья на ложе, подругу не жгло его пламя!
Не восхищаемся Вакхом - разве могучую в дланях
Пику он воздымает Арееву, Горгоубийца!
О, Персей! Не сражайся с плющом мечом серповидным,
620 [523]
Рук не пятнай плесницей, с женской ступни оброненной!
О, не снимай убора айдесского перед враждебным
Ты венцом виноградным, а если ты пожелаешь,
Вооружи Андромеду на безоружного Вакха!
Нет, Дионис, поскорее покинь ты конеобильный
Аргос, в своих семивратных Фивах води хороводы,
Снова терзай Пенфея - Персей не сравним с Дионисом!
Инаха быстрые воды оставь, пусть тебя принимают
Фив аонийских потоки ленивые! Напоминать ли:
Струи Асопа и ныне кипят от пламенных громов!"
630 [533]
Молвил он слово такое, смеяся над Дионисом.
Пеласгийская Гера кликнула рати аргивян,
Прорицателя облик Мела́мпода приняв, вскричала,
Горгоубийцу Персея громко к себе призывая:
"О, Персей шлемогривый, отпрыск небесного рода,
Меч серповидный подъемли, не дай изнеженным тирсам
Жен бездельных и слабых край обездолить аргивский,
Не трепещи пред змеею единой, в кудрях засевшей,

Ибо твой серп смертоносный окрашен пурпурною кровью
Змей, чело обрамлявших девы, Медусы Горгоны!
640 [543]
Ополчись на порядки Бассарид, о покое
Меднозданном воспомни, в коем Данае на лоно
Влажный Зевес проливался ливнем золотоносным,
После ложа Данаи, после златообильной
Страсти да не преклонишь колена пред жалким Лиэем!
О, покажи, что от крови Кроониона происходишь!
О, покажи, что от рода златого ты и от горних
Туч, несущих на землю бури и непогоды!
С сатирами расправься! Ополчись на Лиэя!
Смертоносное око яви змеевласой Медусы!
650 [553]
Дай мне - после владыки, объятого зыбью Серифа -
Нового Полидекта узреть превращение в камень!
Ибо с тобою всемощная арголидская Гера,
Мачеха Бромия бога! Защищая Микены,
Серп подъемли и город спаси, дабы Гера узрела
Ариадну, что следом рабыней бредет за Персеем!
Сатиров быкорогих толпы низвергни! Вакханки
Пусть же станут под взором смертельным Горгоны Медусы
Камнем, ликом нисколько не изменившись, а после
Каменными изваяньями улицы града украсишь,
660 [563]
На площадях инахийских статуи эти поставишь!
Что Диониса трепещешь? Он ведь не Диева рода!
Что же он может сделать? Ибо летящего в небе
Разве в силах настигнуть пешеход на дороге?"
Так его ободряла - Персей же ринулся в битву!
Вот пеласгийские трубы к бою уже призывают,
Вот уж один воздымает копье ратоборца Линкея,
Этот - дрот Форонея древний, а третий стремится
В битву, за плечи закинув щит волокожий Абанта,
Ясень Пройта и тул Акрисия пятый вздымает
670 [573]
Муж. Иной ополчился храбрец на свирепую битву,
Меч изострый Даная взяв (тот меч обагрялся
Некогда кровью супругов дочкиных в царских палатах)
Сей секиру хватает огромную, коей у храма

Инах когда-то, служитель ревностный Геры аргивской,
Мощно быка уметил, приведенного в жертву!
Войско воинственное на ко́нях быстрых и резвых
Выступает на битву вслед за Персеем: владыка
Встал впереди всей рати, клич боевой испуская,
Пеший, закинув за плечи колчан округлый подале,
680 [583]
И наложив стрелу на лука жилу тугую!
Так повелитель аргивян стоял, Персей серпоносный,
И у лодыжек героя крылья плесниц трепетали,
Главу Медусы вздымал он, коей и видеть не должно!
Бог Иовакх ополчил на битву плясуний безумных,
Сатиров быкорогих, пришел он в священную ярость,
В небе узрев героя, готового с ним сразиться.
Тирс воздел он во дланях и собственный лик защищает
Адамантом, сим камнем, укрепленным дыханьем
Зевса, защиту от взора ужасного девы Медусы,
690 [593]
Обращающего на лик посмотревшего в камень!
Видя рати вакханок и приготовленья Лиэя,
Молвил, в шлеме гривастом, Персей, над ним насмехаясь:
"Ах, как мило с зеленым дротом, с сим тирсом с листвою
Нежною ополчиться, в войну как будто играя!
Коль ты от Диевой крови - дай доказательства рода!
Коли ты златом владеешь струй быстротечных Пактола
Я от отца золотого, влажный Зевес мой родитель,
Только взгляни на стены алые комнат девичьих,
Там видны до сих пор следы дождя золотого!
700 [603]
Прочь из краёв именитых аргосских, державная Гера
Правит этой землею, она твою матерь низвергла,
Как бы Безумящего она не ввергла в безумье,
Как бы мне не увидеть с ума сошедшим Лиэя!"
Молвил и бросился в битву. На вакханок напала
Распалившись в сраженье, как и Горгоубийца,
Гера всемощная, в Вакха, над головой его вставши,
Молнией мнимой сверкнула, будто владычица громов,
В Бромия бросила пламя, дохнувшее жарким дыханьем.
Но Дионис рассмеялся, кликнув неистовым гласом:
710 [613]

"Гера, зачем злопыхаешь пламенами без жала?
Ранить меня ты не можешь и истинным пламенем неба!
Молнии Дня безвредны для Вакха! Еще ведь младенцем
Будучи неразумным, пламенем омывался
Я - не палил Диониса истинный пламень Зевеса!
Гордый Персей серпоносный! Остановись, не безумствуй:
Не с Горгоной придется, слабою девою, биться,
Не Андромеда в оковах станет наградой. С Лиэем,
Отпрыском Зевса, сразишься, единого некогда Вакха
Рейя вскормила млеком жизненосным, с Лиэем,
720 [623]
Коему пламя перунов брачное нянькою стало!
Веспер и Эосфóрос пред коим дивятся - ведь индов
Рать он разбил, трепетали Дериадей с Оронтом,
Хоть исполинами были, подобные древним Гигантам!
Алпос, могýт надменный, с головою до неба,
Отпрыск богини Аруры, колена согнул; и склонился
Род арабийский пред Вакхом, и мореход сикелийский
Славит еще тирсенийцев, плещущихся на просторах
Моря, коих когда-то я обратил во тварей
Пенной пучины, и пляшут они на зыбях словно рыбы!
730 [633]
Фив семивратных печали ты знаешь, и мне ль о безумном
Молвить царе Пенфее, о сыноубийце Агаве!
Ты не знаешь, что Аргос почуял силу Лиэя,
Вести тебе не подали, что уж ахейские жены
Изливаются в плаче по убиенным младенцам!
Что ж, сражайся, мой милый, и очень скоро восхвалишь
Вакха, что бьется зеленой ветвью, когда пред котурном
Непобедимым смирится плесница героя Персея!
Не победить ополченья тебе бассарид, не устану
Тирс воздымать виноградный, пока мне не покорится
740 [643]
Аргос! Умеченный в глотку плющевым моим дротом,
Серп пока не падет пред лозою! Тебе ведь на помощь
Не придет ни Кронион, ни Афина, ни Гера,
Хоть она ненавидит упорного Диониса!
Будешь, будешь повержен, надменные ýзрят Микены
Обезглавленного - обезглавившего Медусу!
Или, связавши, брошу тебя я в сундук медноозданный

И по зыбям отправлю тебе уж знакомого моря;
Коли желаешь, пристанешь ко брегу родного Серифа!
Раз уж так ты гордишься своим рожденьем от злата,
750 [653]
Пусть поможет в лукавствах тебе Афродита златая!"
Молвил - и стал он биться, и в бой устремились вакханки
С сатирами заодно, а над головою Лиэя
По поднебесью летая, бился Персей быстрокрылый.
Тут Иовакх внезапно стал исполином могучим,
До поднебесья главою достал, где носился на крыльях
Муж Персей, дотянулся до семислойного свода
Дланию исполинской и Олимпа коснулся,
И тучевого покрова - Персей от страха трепещет,
Видя десницу победную неустрашимого Вакха,
760 [663]
Что и Луны коснулась, и Солнца одновременно!
Вакха оставив, он бьется с безумною ратью вакханок,
И воздымая гла́ву смертоносной Медусы,
В гуще сражения в камень обратил Ариадну!
И бездыханную видя невесту, Вакх обезумел:
Мыслит, что Аргос низринет, уничтожит Микены,
Войско данаев рассеет, и державную Геру
Смерти предаст (ведь бьется неузнанной в битве богиня,
Облик мнимый провидца приняв, смертного мужа!);
Резвоплесничный Персей непременно нашел бы погибель,
770 [673]
Если б, сзади напавши, не ухватил на златые
Кудри Вакха Гермес, прилетев на крылатых плесницах,
И не молвил бы слова ласкового Лиэю:
"Зевса истинный отпрыск, пасынок Геры гневливой,
Некогда - ведаешь это! - я спас тебя от зарницы
И поместил тебя к нимфам, дщерям Лама-потока,
Дабы младенца вспитали, а после тебя я доставил,
Снова в собственных дланях, в домы Ино́ кормящей!
Благодари же Майи сына ты за спасенье,
Родич, и это сраженье оставь, ведь оба вы братья,
780 [683]
И Дионис, и Персей, изошли вы от крови единой!
С войском аргивским не бейся и серп не брани Персея -
Ибо аргосцы не сами ввязались в распрю, но Гера

Их распалила; обличье провидца Мела́мпода приняв,
Бьется в битве богиня! Ты же покинь эту битву,
Вновь свершит нападенье с кознями злобными Гера!
Скажешь, что окаменела супруга... Она ведь со славой
Пала, в битве сражаясь! Погибшую Ариадну
Должно восславить достойно, ибо убита героем,
Происходящим от крови небесной, не ратником смертным,
790 [693]
Победителем чудища и конеродной Медусы!
Нити Мойр не избегнуть: даже соложница Дня,
Умирает Электра, насладившись любовью
Зевса, горнего мужа, сестра родимая Кадма;
Дева Европа должна умереть! О, вспомни про матерь -
Только тебя породила, как тут же она и погибла!
Но не вошла во врата Олимпа Семела пред смертью,
Только после того как свершилась судьба, Ариадна
Умерев, вознесется в горние выси к созвездьям,
Засияет близ Майи, седьмою звездою Плеядой...
800 [703]
Что желать Ариадне большего, чем над землею
Светом лучиться горним, живя в небесах после Крита?
Ты же тирс опусти и брось во владение ветра
Брань, и лик Ариадны, смертной девы, на небо
Вознеси, где Геры лик небесный сияет!
Не разрушай же город, где кровь родителя правит,
И воздай уваженье равнине Ино быкорогой!
Не неистовствуй тирсом! Жен восхвалишь ахейских,
Коли алтарь воздвигнут они быкорогой Гере
И возлюбленной деве твоей, Ариадне-супруге!"
810 [713]
Так он промолвил - и Аргос конеобильный оставил,
Возвратившись на небо, после того как узы
Дружбы установил меж Персеем и Дионисом.
Но и аргивянка Гера в сем краю не осталась:
Изменивши обличье смертного мужа-провидца,
Вновь обрела свой облик и на Олимп возвратилась.
Старец Мела́мпод молвил инахийскому войску,
Отпрыск Линкея Пеласга, основателя рода:
"Повинуйтесь провидцу: в честь виноградного Вакха
В роптры медные бейте, в тимпаны эвийские Рейи,

Боле не надо плакать по племени инахийском,
820 [724]
Боле не будут гибнуть младенцы и мальчики наши,
Боле детей наших девы убивать уж не станут!
Так вознесите моленье благочестному Вакху,
Пляски затейте в честь Дия, Персея и Диониса!"
Так он рек пред народом - и люди возликовали,
Ночь напролет неустанно в честь Вакха плясали и пели,
И совершали обряды, в хороводах священных
Роптры гремели согласно, топали пятки о землю,
Светочи ярко горели, и всюду толпы сограждан
830 [733]
Белым мелом белили, справляя празднества, скулы!
И звенели тимпаны, и от меди гудящей
Гул двойной излетал и все алтари обагрялись
Жертвенной кровью, текущей из жил быков закаланных
И овец! У светилен алтарных мир заключили
Воины с Вакхом, а жены молили о милосердье.
Воздух полнился песней благодарственной, в коей
Славили все спасенье; инахийские девы
И менады на ветер свирепую отдали ярость!

Песнь XLVIII

В песне сорок восьмой поется о роде Гигантов,
О Паллене-юнице, о сыне Авры заснувшей!

На колесницу восходит, парою леопардов
Запряженную, Бромий, в край фракийский направясь,
Конеобильные земли оставив отца Форонея.
Но инахийская Гера гнев не оставила злобный,
Помня и Аргос смятенный, и жен аргосских безумье
Страшное, и ополчилась вновь она на Лиэя.
Стала она молиться, коварная, матери Гее,
О деяниях Дня вопя, о могуществе Вакха,
Погубившего индов землеродное племя.
Лишь жизнедарная матерь узнала, что отпрыск Семелы
10 [11]
Предал уничтоженью племя почтенное индов,
Восстенала, припомнив погибель другого потомства,
И ополчила на Эвия племя горных могу́тов,
Отпрысков высоковыйных, и гневное слово сказала:
"Дети мои, сражайтесь с гроздолюбивым Лиэем
Глыбами скал огромных, сгубите Индоубийцу,
Диева сына, рода земли погубителя, дабы
Не узрела его на Олимпе, державного, с Днем,
Заключите в оковы Вакха и бросьте в темницу -
Я же для Порфириона потребую Гебы в супруги,
20 [21]
А Киферейю - Хтони́ю, для Энкелада - Афину,
Артемиду потребую Алкионею для ложа!
Мне Диониса доставьте, чтоб горевал Кронион,
Видя в рабстве мною плененного Диониса!
Или его уязвите терзающим тело железом,
И убейте, как древле Загрея убили, чтоб после
Говорили - о боге иль смертном! - что отпрыска Дня
Гневная Гея дважды убила за гибель двойную,
За низверженье Титанов, древнейшего рода земного,
За землеродных Гигантов, рожденных после Лиэя!"
30 [31]

Так рекла - и могутов войско она ополчила,
И могутов порядки в битву тотчас устремились!
Этот с глыбой нисейской земли, а тот, отрубивши
Высокооблачных гор скалы кусок преогромный,
Им тотчас же на битву с Бромием ополчился.
Сей с прибрежья морского утеса вырвал громаду,
Оный взял с перешейка глыбу скалистую, с нею
Устремившись в сраженье. Бесчисленными руками
Вырвал пик пе лионский Пелорей исполинский,
Миру пещеру девы Филиры открыв. Ослабевший
40 [41]
Вострепетал Хирон, увидев разбитую кровлю,
В коем тело мужское из конского крупа взрастало...
Ветвь лозовую вздымая, Гигантам смертельную, Бромий
Устремился на воя огромного, Алкионея,
Не метал он ни бурный дрот, меча не имел он,
Только разбил он длани многоруких Гигантов
Лишь единой лозою, грозд овьем, милым в застолье,
Раздавил он мгновенно змей, ползущих навстречу,
Обрубил он Гигантов змеевласые главы,
И они покатились во прах в мученьях предсмертных;
50 [51]
Множество воев убил он, в куски изрубил Гигантов,
Кровь потоком лилася, кровые токи стремились
Новые по ущельям, обагряя утесы!
И клубки землеродных змей заплясали повсюду
В ярости пред Дионисом аспид овласым и в страхе!
Бился Вакх и палящим пламенем - светоч вздымая
В воздух, разил супостатов, и огонь самородный
В небесах разливался искрою жгучей и яркой,
В пепел плоть обращая нападавших Гигантов.
Вот уж змей полумертвый какой-то, с пламенем в глотке,
60 [61]
Хочет огонь изрыгнуть, шипит, от жара свиваясь,
Но лишь чад выдыхает, не яд из погибельной пасти!
Шум великий поднялся. На главы врагов ненавистных
Вакх исполинский обрушил светоч свой смертоносный,
Жег он земным пыланьем жарким лики Гигантов,
Горнего отраженье пламени Дня земное,
Ярко пылал сей светоч: вот над челом Энкелада

Воздух вдруг возгорелся и жар текучий излился,
Но не низвергнул могута, пред веяньем жара земного
Не подогнулись колена, он невредимым остался
70 [71]
Алкионей устремился на Диониса, огромный,
Пик фракийский во длани вместо дрота сжимая,
Против Вакха воздвигнул скалу громадную Тема,
Но напрасно - скалою сей не попал в Диониса!
Вот уж другую он мечет гору - но о небриду
Вакха она разбилась, панцырь его нерушимый!
Вот Тифоэй уже младший громоздит Эматúи
Глыбы, во всем он подобен прежнему, горы крутые
Взды́бившего когда-то матери милой Аруры!
Сулицы из утесов стал он метать в Диониса!
80 [81]
Выхватил меч у твари, вставшей пред ним над землею,
Вакх державный и гла́вы стал сносить сих Гигантов,
На куски изрубая змей, плюющихся ядом!
Войско саморожденных даже и без оружья
Он низвергает, безумный, бьется плющом гибкоствольным,
Вверх по стволам ползущим, сражая рати Гигантов!
Тирсом своим смертоносным всех бы врагов уничтожил
Вакх, когда бы из битвы сам же и не удалился,
Жизни и души Гигантов оставив в родителя воле!
Вот он быстрой стопою во Фригию устремился.
90 [91]
Но деянье иное вернуло его, ибо должно
Вакху убить героя, убийцу многих, Паллены
Девы отца смертоносного, ибо позорною страстью
К собственной дщери пылал он, любовь превозмочь не в силах,
Деве препятствовал выйти замуж, ее понуждая
Женихов умерщвлять в поединке, обильною кровью
Сватовство и кончалось на состязаньях в палестре -
До тех пор, пока Вакх не явился, Дики предвестник!
Так вот жила Пал лена, долима отцом нечестивым.
Бог же стал домогаться девы, внушающей ужас,
100 [101]
Много даров выставляя. На предложенье Лиэя
Повелитель ужасный потребовал с дочерью боя
И привел на арену, где женихов убивали,

Где уж с копьем огромным изострым во дланях могучих
Дева невестная встала, щит закинув на плечи.
Тут на арену явилась Киприда, нагой в середине
Эрос встал, показавши брачный венец Дионису.
Лишь с победой в сраженье получали невесту.
Нимфа Пейто одела девы нежное тело
В серебристое платье, победу суля Дионису -
110 [111]
Но сорвала одежды, мышцы свои обнаживши,
Дева, копье отбросив, предстала нагой, босоногой,
Дочерь Ситона, явивши всю красоту девичью.
Не было с нею оружья, только повязкою алой
Препоясаны перси туго упругие были.
Да, нагою явилась, только буйные кудри
Вольно струились волною, выю ее закрывая,
Бедра крутые виднелись, а от подошвы сандалий
Белые ленты тянулись вверх по икрам до лядвей
И препоясав чресла, срам они закрывали.
120 [121]
Белоснежная кожа лоснилась маслом оливы
Боле всего на дланях: она желала из пястей
Освободиться борца, коль ее поймают захватом.
Вот она с речью бесстыдно насмешливой к богу Лиэю
Прянула, к жениху, и дланями ухватила
Сильными словно канаты за выю в мощном захвате!
Но одним лишь движеньем быстро назад отклонился
Вакх и прочь отбросил белокожей юницы
Нежные мягкие пясти, ослобонивши затылок;
После мгновенным захватом двойным обхватил он Паллены
130 [131]
Бедра и словно вприпляску стал раскачивать деву,
После, румяные длани вывернув, Афродиты
Вдруг почуял дыханье от белолокотной дщери!
И вознес он высóко над землею врагиню,
К розовой плоти прижался, сладостным упоенный
Бременем, изображая прерывистое дыханье
Смертного, словно победа из рук того ускользает!
Милая богу Паллена попыталась искусно
Нежною пястью девичьей бросить в воздух Лиэя,
Только не совладала с тяжестью мужеской мощи

140 [141]
И назад отступила от непобежденного Вакха!
Только бог устремился вперед и проворно юницу
Милую обхватил и поднял (как будто бы тирсом
Помавал он) на воздух, и бросил быстро за плечи,
После могучую деву нежнощадящею дланью
Уложил незаметно, простертую, прямо на землю,
Жадно глядя украдкой на распростертое тело,
Нежную плоть озирая в песке и пыли арены,
Вольной волною любуясь волос, осыпанных прахом,
Но в одно лишь мгновенье на ногах оказалась,
150 [151]
Прежнее положенье заняв, соперница, только
Дионис незаметным плавным движеньем подкрался,
Встал напротив Паллены, кругообразным вращеньем
Дланей подсек колена безжалостно молодицы,
После, захват изменивши, проворно стиснул ей ребра,
Одновременно выю зажавши, а длани девичьи
За спину заведя, выкручивая и ломая,
Стал держать, попытавшись подсечь лодыжки иль икры.
Тут внезапно на землю бросился Бромий, дозволив
Нежным пястям победу, ибо страстно он жаждал
160 [161]
Исцеленья любовных желаний и в сладостном прахе
Упивался, охвачен вожделеньем безмерным,
Жаркой тяжестью девы, навалившейся сверху,
Мощным объятьям отдавшись соперницы добровольно!
Но вскочила Паллена, сильной стопой оттолкнувшись,
Вырвавшись из объятий хмельного от страсти Лиэя;
Бог же броском незаметным снова ловит юницу,
Розоволикой врагине подсечку ловкую сделав.
Грянулась отроковица, длани далёко простерла,
Уж не в силах подняться... Пока она ниц лежала,
170 [171]
Вакх заломил за выю нежно ладони любимой...
Тут отец устремился быстро и встал между ними...
Дочь попыталась снова вступить в сие состязанье,
Но удержал родитель, и в борьбе за невесту
Он присудил победу сладостную Дионису,
Только бы у побежденной жизнь не отнял юницы!

После единоборства победного и с одобренья
Дня, сородича Эрос тут же венком и венчает,
Тем завершив испытанье, выдержанное Лиэем!
Было подобное древле состязанье за право
180 [181]
Сочетаться любовью с девой: когда Аталанту
Гиппомен победил, златое яблоко бросив...
Только единоборство с невестою завершилось,
Как Дионис, еще потный после борьбы упорной,
Поражает Ситóна тирсом во грудь изострым,
Тирс же Вакх как подарок брачный подал невесте...
Вот свершается свадьба, и славят ее, и над ложем
Запевают силены и буйно пляшут вакханки,
Величают хмельные сатиры в гимне любовном
Страсть, рожденную между соперниками в поединке.
190 [191]
Нереиды, толпою пришедшие с ближнего брега,
Окружили Лиэя хороводом девичьим,
Пели они громкозвучно, и средь зыбей фракийских
Гостеприимец Вакхов, старец Нерей, веселился.
А Галатея, ныряя средь волн, поздравляла Паллену,
С коей сейчас сочетался любовью Вакх-победитель,
И ликовала Фетида, хоть брачной страсти не знала,
И перешейка морского твердь венчал плетеницей
Меликерт, восхваляя брачное празднество девы.
Нимфы-гамадриады на Лемноса огненной суше
200 [201]
Брачные возжигали светочи в честь пированья!
Сладостными речами утешил скорбящую дочерь,
Плачущую по отцу, супруг благорадостный, молвив:
"Отроковица! Не плачь, не печалься по нечестивцу!
Отроковица! Не плачь - оскорбил он девичество дщери
О, да не смеет родитель дочери домогаться,
Скорбь по казненному мужу-нечестивцу напрасна,
По Ситону-родителю... Дика уж пляшет, смеется,
Пястью девичьей высóко свадебный светоч вздымая,
Дика, не знавшая брака, свадьбу твою воспевает,
210 [211]
Нового Ойномая зрела она погибель...
Да, погиб Ойномай, но после родителя смерти

Гипподáмейя браком стала своим наслаждаться!
Дай же ветрам развеять печаль по отцу и предайся
Радости, сочетаясь в любви с виноградным Лиэем;
Домогательств отцовых ты ведь теперь избежала,
Ненавистной Ситона страсти, свадьбы отсрочки,
Нет уж теперь убийцы женихов, нечестивца,
Что отвращал Афродиту от старившейся невесты,
Осудившего дочерь на одинокое ложе!
220 [221]
Ах, взгляни на останки женихов убиенных,
Коих любила Пафийка, Эриния грозная - свергла!
Вспомни юношей глáвы, прибитую к двери добычу,
Крови текучие струйки, свидетелей свадьбы кровавой!
Ты не дочерь Ситона смертная, ты происходишь
От божества Арея фракийского, отпрыска неба,
А на свет породила тебя Киферейя-богиня,
Ты на родителей этих небесных похожа обоих:
Нравом подобна Арею, красотой - Афродите!
Может быть даже державный Гермес-состязатель - отец твой,
230 [231]
К ложу Пейто скользнувший богини, пособницы брака,
Он тебе в единоборстве путь к страсти открыл любовной!"
Так говорил, и утешил исцеляющим словом,
Слез унял он потоки печалующейся юницы,
После уже и на ложе возлег он к возлюбленной деве,
И насладился любовью во браке, недавно свершенном!
Вот он домы Паллены оставил и через фракийский
Край направился к Рейс, где средь долов фригийских
Кибелиды обильной и челядь, и двор обитали.
Там, охотясь средь горных Дúндима скал и утесов
240 [241]
Авра, цвела Риндакида, горнолюбивая дева,
Страсти эротов не знала, Лучницы дикой подруга,
Знать не хотела занятий девушек незамужних,
Новая Артемида... Отцом неистовой девы
Был Лелант из рода Титанов, супруг Перибойи,
Дочери Океана, и быстроногая Авра
Мужеством отличалась, не ведала о Киприде;
Выше она и сильнее своих подруг и ровесниц,
Белолокотная другиня вечная кряжей -

Часто охотилась дева на свирепых медведиц,
250 [251]
Часто, могучая, дроты метала во львиц ненасытных,
Ланей не убивала, не гоняла и зайцев,
Но колчан воздымала, залитый кровью добычи
С плеч, чтоб у метить племя неукротимое горных
Львов стрелой смертоносной... Согласно имени, дева
Ветра мчалась быстрее вдоль ущелий чащобных!
В час полуденный однажды, лишь зной начался несносный,
От ловитвы она отдыхала в сладостной дреме,
Телом простерлась на ложе Кибелы, чело приклонила
У изножья у самого древа, чистого лавра,
260 [261]
Там она в полдень заснула и о брачных грядущих
Празднествах было знаменье сладостное в сей дреме:
Явится бог огнепылкий и жгучее жало на жилу
Лука наложит, и станет зайцев стрелять по чащобам,
Уязвляя стрелою легкою множество зверя;
Будто придет и Киприда вместе с отпрыском Мирры
Сразу за ловчим малюткой, окажется, будто бы дева
Рядом и Авра, не лук Артемиды неся за плечами,
А охотника Эроса тул, пернатыми полный!
Вот он зверя уметил, но, утомившись охотой,
270 [271]
Мстительно-злобной на разных медведиц и леопардов,
Поясом страсти любовной львицу вдруг заарканил,
И по земле волоча, показал ее матери милой;
После увидела дева во тьме, как ее подхватил он,
Злобный, как, умоляя, к Адонису и Афродите
Длани она простирала, а бешеный Эрос глумился,
Отроковицу представив добычею, львицею в путах,
Как кричал, похваляясь: "Благовенчанная матерь!
Вот привожу со склоненной главою к тебе я девицу!
Вы же, девы-плясуньи изнеженного Орхомена,
280 [281]
Пояс сей возложите на чресла Авры для брака,
Дабы возмог он упорство львицы непобедимой!"
Вот предсказанье какое дикая Авра узнала.
Были сны неразумны - разве не эти эроты
Ловят и жен, и мужей, загоняя их в ловчие сети?

Пробудилася дева, гневалась против лавра,
Эроса и Киприду бранила, но Гипноса - больше,
Глупому сновиденью угрозы она обращала,
Листьям мстить собиралась, рекла безмолвному древу:
"Дафна, меня ли ты гонишь? Разве ты древо Киприды?
290 [291]
Я под сенью твоею расположилась, дремала,
Мыслила, ты защищаешь девичество, чистое древо,
Думала, не потеряла облика ты и надежды...
Ныне и ты изменилась, и мыслишь ныне иначе!
После погибели стала прислужницей Афродиты?
Ты уж не древо девы, а древо ты новобрачья!
Только лишь подле мирта видят сии сновиденья,
Милые только распутницам... Разве Пейто ты древо?
Не Аполлоновой дланью возделаны листья и ветви?"
Гипноса так укоряла с Эросом, вместе со древом.
300 [301]
Тут владычица леса поблизости оказалась,
От палящего солнца истомилась богиня
Артемида, повозку остановила, чтоб в струях
Вод с наядами вместе освежиться от зноя.
Прямо в зените неба палящее солнце стояло,
Жарким бичом беспощадно хлестал в полуденное время
Гелий, горя нестерпимым блеском над Льва хребтовиной;
Вот подводит под иго ланей своих упряжных
Горная Артемида, сама же быстрой повозки
Передала и вожжи, и бич своей девственной Авре,
310 [311]
Та же рогатых ланей, быстрых как ветер, погнала.
Дщери нагие старца, извечного Океана,
Сопровождали богиню, служа ей и повинуясь -
Первая сильно и резво впереди поспешала,
Та, подвернув одежды, рядом бежала с повозкой,
Третья, за кузов схватившись повозки быстроко лесной,
Вровень с нею летела вперед и не отставала.
Лучница же лучилась, свет на них изливая,
Ярче служанок красою сияла, как будто в повозке
Горней с высот поднебесных бессонный огонь рассыпала
320 [321]
На безоблачной выси мерцающая Селена,

Восходящая в полном блеске средь россыпей звездных,
Ликом своим затмевая горних звезд мириады.
Ей подобная блеском Артемида по чаще
Ехала в те долины, где, журча, изливались
Токи Сангария, горней напоённые влагой.
Авра же погоняла, бич воздымая высоко,
Ланей, златою уздою быстрый бег направляя
Ярко блестящей повозки владычицы к брегу речному.
Вот на землю спустилась богиня, Упис снимает
330 [331]
Лук с богининых плеч, колчан берет Хекаэрга,
Дочери Океана снимают ловчие сети,
Псов сажают на сворку. Локсо́ богини плесницы
Развязала... И в самый полдень, юниц продолжая
Защищать, она в воды осторожно вступает,
Мало-помалу от бедер подвертывает одежды,
Медленно через гла́ву снимает хитон тонкотканый,
Ступни, лодыжки и лядвеи не разомкнуть стараясь,
Погружается в струи почти целиком Артемида.
Авра смотрит украдкой сквозь прозрачную влагу,
340 [341]
Зорким взором пучину проницая бесстрашно,
На очертания тела, коего видеть не должно,
Наслаждаясь красою божественною хозяйки.
Вот, оттолкнувшись от брега, руками себе помогая,
Рядом с богинею Авра в токах воды заскользила.
Вынырнув из потока, гла́ву подъяв, подплывает
В бурно струящейся влаге, с распущенными волосами,
Артемида лесная, и неукротимая Авра
К персям ее прикоснулась, бесстыдные речи сказала:
"Ты лишь единая имя целомудренной носишь,
350 [351]
Перси твои по-женски полны, округлы и мягки,
Как у самой Пафийки, не как у девы Афины,
Нежно-алым румянцем пылают девичьи ланиты!
Ах, если ты сияешь божественной красотою,
Что ж не богиня ты брака с пышнов ласой Кипридой,
Что ж не ведешь мужчины в светлицу - с тобой, коль захочешь,
Может Гермес иль Арей почивать, оставь же Афину!
Если б хотела, взяла бы луки и стрелы эротов,

Коли привязана к луку и стрелам, и к полным колчанам!
Милосердья молю - но много тебя я прекрасней!
Тело мое могучей! Взгляни на стать и обличье
Мужественности моей! Я Зе́фира в беге быстрее!
Посмотри, как сильна я! Нет ничего от женщин
Слабых в моей груди! Сказать по правде, скорее
Из твоей изольется обильное сладкое млеко!
Мягки твои ладони зачем? Отчего же и гру́ди
Не округлы и тверды, не налиты силою Авры,
Говорящие явно о целомудрии чистом?"
Молвила так, надсмехаясь... Внимала богиня безмолвно,
Наливаяся гневом, ходившим волнами в сердце,
А в очах разгоралось смертоносное пламя...
Прянула быстро на берег, в одежды вновь облачилась,
Препоясала чресла девственные повязкой,
Стала искать Немесиду - и обнаружила деву
На заоблачных высях Тавра, где близ струистого Кидна
Похвальбу Тифоэя та пресекала когда-то,
Пред стопами ее само собою вращалось
Колесо, и гордыню оно с высот низвергало,
Немесиде-богине сопутствуя в странствиях дальних,
Божеству, блюдущему правду и жизни дороги,
Птица возмездья летела над плечами богини,
Гриф исполинский, раскинув большие крыла и четыре
Когтя, сей возвеститель того, что богиня в пределах
Четырех по дорогам проходит миропорядка!
Злобного гордого мужа она уздою смиряет,
Облик такой имея; она нищетою бичует
Гордеца и свергает вращеньем колесным надменство!
Только завидела дева Лучницы лик побледневший,
Артемиды, чьи взоры местью и смертью дышали,
Стала ласковой речью утешать ее сразу:
"Лучница, взоры твои говорят о гневе ужасном!
Кто из сынов Аруры тебя оскорбил и унизил?
Снова ль из бездны подземной Тифоэй появился?
Тития взоры неужто бесстыдные снова открылись?

И с родительницы твоей он срывает одежды?
Где же твой лук, Артемида? Где жала стрел Аполлона?
Снова какой притесняет тебя Орион? Нечестивец,
Раздиравший одежды твои, покоится ныне
В недрах земных, бездыханный, если снова какой-то
Муж, обуянный страстью, хватает тебя за пеплос,
Скорпиона другого пошли отомстить поруганье!
Ежели От надменный иль Эфиальт бесстыдный
Принуждают насильно тебя к утехам эротов,
То оскорбителя девства, богиня, убей на месте!
Коль многоплодная матерь снова, Летó, оскорбляет -
Каменною Ниобой плачущей женщину сделай!
Радостно я на Сипиле новый камень поставлю!
Разве отец принуждает, как прежде, ко браку Афину?
Нет, ведь и за Гермеса тебя не выдаст Кронион,
Как желал за Гефеста отдать Афину когда-то!
Если как некогда матерь Летó тебя ревностью гонят,
Стану мстительницей за поруганную Артемиду!"
Так рекла. Не дослушав, богиня ее прерывает,
Слово псолюбивая Лучница и молвит во гневе великом:
"Всеукрощающая! Водительница поколений!
Нет, ни Зевс, ни Ниоба, ни От уж не оскорбляют,
Титий за край одежды Лето[206] не хватается боле,
Орион, сын Аруры, не понуждает ко браку,
Но оскорбила словом обидным и нечестивым
Дочерь мужа Леланта, дева-бесстыдница, Авра!
Как же поведать об этом? Позор для меня и бесчестье -
Над красотою тела богини она надсмехалась;
Как моя матерь и я поруганы! Ведь во фригийских
Землях хвалилась Ниоба перед Летó детородством,
И во фригийских пределах хвалится Авра красою!
Но заплатила Ниоба, в камень за то обратившись,
Танталида, и слезы льют и поныне обильно
Окаменелые очи... Меня же, ах, оскорбили
Безнаказанно! Авра, девичество возлюбивши,
Не омывает камня слезами, и не являет

Ключ говорливый кары за бесстыдные речи!
Ныне к тебе взываю, о Титанида по крови,
Милости дай мне, как матери милой, дабы узрела
Каменную громаду вместо Авры бесстыдной!
Не оставь без отмщенья твою сородницу ныне,
Да не увижу вовеки лика смешливого Авры,
Или ввергни в безумье ее серпом медножальным!"
Так восклицала, и слово ответное молвит богиня:
"Чистая Летоида, Охотница, сродница Феба,
Крови Титанов медным серпом язвить я не вправе,
Девы фригийской в камень превращать я не стану,
Племя Титанов почтенно, близка им сама я по крови,
Отче Лелант Немесиды не укорит и вовеки!
Но окажу я услугу Лучнице: дикая Авра
Девственность потеряет и боле чистой не будет!
Ты же ее увидишь у лона горных потоков
Плачущей по утрате невинности безутешно!"
Так рекла Немесида, и Артемида, оставив
Мести богиню, в повозку взошла с четверною упряжкой
Ланей и оказалась во Фригии. Адрастейя
Стала преследовать сразу ненавистную Авру,
Сразу своих пустила грифов огромных по следу,
И взлетела за ними в небо на быстрой повозке,
Путь завершивши, встала на вершине Сипила,
Каменных зраков напротив плачущей Танталиды,
Птицам с четверными когтями сесть приказала,
К высокомерной Авре приблизилась, гордую выю
Девы она хлестнула плетию змееносной
И колесо закрутила, гордость свергая девичью,
Волю ее опутав неразрешимою вязью,
После чресла змеиным поясом завязала,
Адрастейя аргивская... Лучницы волю исполнив,
Гневному Дионису-сороднику угождая,
Богу внушила иную страсть, хоть страсти не знала,
После любви к Паллене, после любви к Ариадне,
(Первую он оставил в отчем краю, а вторую
На чужбине далекой, превращенною в камень,

Схожий с Герой ахайской, Берою же не получил он...)!
А Немесида вернулась к Тавра снежным вершинам,
К токам Кидна знакомым. Эрос тем временем жалом
Сладостного желанья уязвил Диониса,
После взмыв на огромных крылах под своды Олимпа!
Вот уж бродящего в долах Вакха страсть поражает,
Места себе не находит бог, уже не надеясь
На благосклонность девичью - но нет от любви исцеленья!
Эрос его сжигает пламенем, жалящим разум,
Бромия подвигая на насилье над Аврой!
Страсть уж скрывать не в силах, в чащу бросается леса,
Но не любовною лестью склоняет дикую Авру -
Страхом охвачен, что дева бегством спасется! Бесстыдней
Нет ничего, когда дева страшится, а муж изнывает!
Но все глубже и глубже вонзается жало эротов...
Он за юницей крадется, за стаей псов ее гончих,
Поджидая, что ветер Киприды одежды поднимет,
Бромию позволяя бедром и ступнёй любоваться...
Вот, наконец, истомленный любовью страстною к Авре,
Выкликнул Вакх в безумье неистовства полные речи:
"Я словно Пан злосчастный, нет мне в страсти удачи,
Дева быстрее ветра бежит сквозь дикие чащи,
Нимфы Эхо неверней, вечно невидимой девы!
Бромия Пан счастливей гораздо, ибо он знает
Исцеленье от страсти в сладостнодивном звучанье:
Эхо ему отвечает откликом запоздалым,
Возвращая его же речи как будто! Когда бы
Хоть единое слово из уст послала мне Авра!
Эта любовь не такая! Норов сей молодицы
Столь отличен от прочих норова милых любимых!
Зелье какое муку мою исцелит? И какое
Средство я испытаю? Разве прельстится Авра
Взглядами нежными, разве взором безумным и пылким,
Клятвою льстиволюбовной склонить мне медведицы сердце
К Эросу и Пафийке? Кто ж львице о страсти лепечет?
Кто беседует с древом? Кто ель в любви убеждает?

Разве камень прельстишь? Со скалою ли объясняться?
Кто из мужей очарует неприступную Авру?
Кто из мужей очарует, кто с девою даже повязок
Не носящей, о браке залепетать посмеет?
Или об Эроса жале? Или о Кипрогенейе?
Выслушает Афинайя такое иль Артемида
510
Лучница - только не дева неприступная Авра!
Если б слово "любовь" из уст возлюбленных слышать!
Только надежда напрасна, о Вакх, забудь же об Авре!"
Так говорил он, блуждая по травам долов цветущих,
Жалуясь ветрам весенним... У благоуханного мирта
Остановился он в полдень, дав плоти сладостный отдых,
Притулившись у древа, лепеты Зéфира слушал,
Сломленный страстною мукой. Томящемуся под листвою
Вдруг из ветвей родимых пышнорастущего древа
Дева нагая, нимфа- гамадриада явилась,
520
Верная и Киприде, и влюбленному Вакху:
"Раз уж Бромий не может с Аврою сочетаться
Браком, то надо опутать охотницу нежною вязью
И на стопы наложить и на длани оковы Киприды,
Дабы в сладостной дреме иго любви претерпела
И без брачного вена девичество потеряла!"
Так промолвила, после скрылася в доме ветвистом,
В древе, что вместе взрастало с нимфой. Вакх истомленный
Дремой забылся тяжелой в снах, в любовных томленьях...
И видение мертвой Ариадны явилось
530
В сновидениях богу, дремлющему Дионису,
И укоряла, и в смерти возлюбленного ревнуя:
"О, Дионис, забывший о прежней пламенной страсти,
Ради возлюбленной Авры презревший свою Ариадну,
Ах, Тесей, мой любимый, ветром злым унесенный,
Ах, Тесей, мой любимый, мужем ставший для Федры...
Выпала доля такая, что суженый деву оставил,
Он возлюбленную покинул, спавшую сладко,
Я же непостоянному богу Лиэю досталась!
Горе мне, что не смертный стал мне соложником милым,
540

Против безумного Вакха должна я была ополчиться,
Ставши одной из лемнийских дев, губящих супругов!
Клятвопреступника, многих посетителя спален,
Звать должна я любимым после героя Тесея!
Что же, проси невесту о подарке эротам,
Прялку прими из дланей, дар любви незабвенной,
Дай ей, о соблазнитель, своей возлюбленной новой,
Царственной Миноиды подарок, и скажешь, бесстыдный:
"Нить дарила Тесею дева, а прялку - Лиэго!"
Ты и сам, как Кронион от ложа к ложу меняешь
Облик, о женолюб, родителя сын и наследник,
Одержимый желаньем женской любви ненасытным!
Ведомо мне о браке с ситонийской Палленой,
Столь недавнем, и знаю о браке с девой Алтайей,
О Короните-супруге молчу, родились от которой
Неразлучные три Хариты! Скажите, Микены,
Миру об Ариадне, о грозном зраке Медусы,
О прибрежье наксосском! Молвите, где соблазнили
Ариадну, кричите: "Тесей, о жених мой, приди же,
Кличет тебя Миноида, гневаясь на Диониса!
Что поминать Кекропи́ю? Я стану Пафийке-богине
Жаловаться на обоих, Тесея и Диониса!""
Молвила так - и исчезла, подобная дымке прозрачной.
Вакх пробудился, отбросив Гипноса мощные крылья,
Опечалился скорбью явленной в сне Ариадны...
Только стал он искусных лукавств искать для любовных
Обольщений, о прежних вспомнив - как отроковицей
Астакидской обманом завладел, погрузивши
В сон ее и добившись любви вином опьяненной...
Вот, пока Вакх замышляет обманы любовные снова
Дочерь Леланта бродила, ища лесного потока,
Ибо мучила жажда охотницу жгучая Авру...
От Диониса не скрылись поиски страждущей девы,
Прянул тотчас он к изножью близлежащего склона,
Тирсом ударил о землю и раскололась громада
Скальная, тут же извергнув из лона струи хмельные
Влаги ало-пурпурной... В благодарность Лиэю

Хоры богини, служанки Гелия, разубрали
Луговыми цветами ложе и стенки истока,
Пряным благоуханьем повеяло с нового луга...
Возросли там и стебли с цветами, что имя Нарцисса
Славного красотою, носили, на плодном Латме
Оного породили Эндимион и Селена;
Юноша ликом прекрасным собственным любовался,
Видя свое отраженье, явленное во влаге -
Умер, не в силах от лика призрачного оторваться...
Рос там и благоуханный гиацинт амиклейский,
Над распустившимися лепестками, словно весною
Соловьиные стаи песни свои распевали...
Вот туда-то, томима жаждой мучительной, Авра
Прибежала, желая влаги Зевеса ль, истока ль
В долах найти, или речки горной журчащие струи!
Тьмою плотною Эрос одел ее очи и разум,
Только она увидала ложный Вакхов источник,
Облик туманный Пейто развеяла перед Аврой,
Молвив ей слово, предвестье страсти любовной для девы:
"Припади же к истоку, сулящему страсти свершенья,
Струи прими в уста, возлюбленного - на лоно!"
Радостно смотрит Авра на ключ и к зыби журчливой
Припадает устами, впивая Вакхову влагу...
Влаги испив, восклицает изумленная Авра:
"Что за диво, наяды? Благовонную влагу
Чье же небесное чрево породило в сем доле?
Этой влаги отведав, я к бегу уже не способна!
Тяжестью ноги налиты, сладостный сон навалился,
Только истомные стоны уста издавать и способны!"
Молвила - и колена неверные подкосились.
Вот она попыталась продолжить путь хоть немного,
Но в висках зашумело, все поплыло пред глазами,
И голова, налившись сном, на плечи склонилась...
Рухнула у подножья высокоствольного древа
Авра, оставив защиту девичества матери Гее.
Тут огнепылкий Эрос сломленную увидел

Деву, с небес спустился с ликом улыбчиво-ясным,
Молвив такие речи радостному Дионису:
"Как, Дионис, охота? Авра тебя поджидает?"
Так он сказал и к Олимпу взлетел, крылом помавая,
Только на листьях весенних цветов начертал он сначала:
"Ложе твое готово, пока забылась невеста
Сном, о жених, смотри же, не пробуди столь желанной!"
Вот Иовакх узрел на земле заснувшую деву,
Под крылами летейского Гипноса спящую Авру,
И подкрался бесшумно, босыми ступая ногами
По траве к беззащитной, безгласной и бездыханной
Осторожною дланью колчан узорчатый с девы
Он снимает и прячет лук и стрелы в пещере,
Дабы Гипноса крыл ненароком не потревожить
Он повязками крепко ноги юницы опутал,
Нежные пясти девы обвил бечевою он прочной,
Дабы не ускользнула, запрокинул на землю
Нежное бремя, во сне готовое для Афродиты,
Снял он брачную жатву с Авры, спящей глубóко,
Стал супругом, но выкуп не заплатил! И дева
На земле, хмельная, отдана в жены Лиэю!
Лик охватил крылами тонкотенными Авры
Гипнос, пособник в страсти Диониса, и сам он
Ведал услады Киприды, вспомощник верный Селены,
В сладостных сновиденьях с ласковой знаясь любовью.
Брак с ней во сне свершился, и в радостно-резвую пляску
Сами собою пустились окрестные весело горы,
Гамадриада лесная на дереве веселилась -
Только чистая Эхо не приняла в пляске участья,
А стыдливо забилась в пещеру укромную, дабы
Женолюбивого Вакха радостей брачных не видеть.
Вот, сочетавшись любовью на ложе этом безмолвном,
Гроздолюбивый соложник ушел, он лишь на прощанье
В милые губы деву целует и разрешает
Пясти от пут и лодыжки, колчан достает из пещеры,
Снова в ладони влагает лук и охотничьи стрелы,
И возвращается снова к сатирам, брачное ложе

Авры, дремлющей сладко велению ветров оставив.
Вот просыпается Авра после услады любовной,
Стряхивает дремоту, свидетельницу сей свадьбы!
Видит она в изумленье лежащие рядом повязки,
Обнаженные перси ощущает, нагие
Лядвеи, видит и кровь на подоле мятом хитона,
Знак девичества, взятого и без брачного вена!
Озирается Авра растерянно... Снова в повязки
Облачается, гру́ди девичьи скрывает под тканью,
Облекается в пояс - да все уже понапрасну!
Стонет она от скорби, мучается в безумье,
Гонится за пастухами, их убивает на склонах
Горных, казнить желая похитителя девства,
Боле всего стремится беспощадным железом
Убивать быкопасов, ведая о Титоне,
Эос милом супруге, быкопасе злосчастном.
Знала об Эндимионе латмийском, быков пасущем,
О возлюбленном бычьей упряжкой правящей Мены;
Слышала о фригийце Хи́мносе, древле иною
Девой лишенного жизни, пастыре злополучном,
Боле всего убивать стремилась она козопасов,
Целые коз стада вырезала за то, что обличьем
Пана ей напоминали, косматого похотливца;
Убедила себя, что Пан изнасиловал Эхо
Чистую тоже во сне, сей пастырь коз неисчетных!
К земледельцам пылала ненавистью, ведь служили
Все они тоже Киприде, когда Иаси́он, соложник
Щедроплодной Деметры, первым стал землепашцем.
Убивала Авра охотников, верила ибо
Древним сказаньям: охотник Кефал из града Афины
Безматерней был мужем румянолокотной Эос!
Виноградарей Вакха смерти она предавала,
Ибо они выжимали влагу хмельную из ягод,
Злополучные спутники пьяные бога Лиэя,
Ибо не ведала дева о хитростях Диониса,
Об Афродитином зелье, добавленном в струи истока,

Разоряя лачуги пастухов или горцев,
Кровью их орошая скалы и склоны крутые.
В разуме повредилась дева, метаясь в безумье;
В храм Киприды попала: пояс ей ненавистен
Страсти, сорвала одежды новые с изваянья
И бичевала тело неумолимой богини...
Статую вдруг схватила брачной она Киферейи
И в Сангария воды, в бурные водовороты,
Прямо в наяд объятья богиню нагую швырнула!
После лика Киприды, наказанного бичеваньем,
Ясноликого Эроса статую в прах низвергла,
Опустошила храм Кибелиды Пеннорожденной;
Вот верну лася в чащу, стремительная, родную,
Ловчих сетей коснулась, вспомнила об охоте,
Стала рыдать над девичьей утраченной долею горько,
Плакала и стенала, и плача, так возглашала:
"Кто же, кто из божеств развязал девичьи повязки?
Что если мною на ложе овладел одиноком,
Мнимый образ приявши, Зевс - всемогущий владыка,
Не устыдившись и Рейи, что по соседству простерлась,
Стану бояться зверья и стрелять в многозвездное небо!
Если поял меня в дреме Феб Аполлон Дальновержец,
Разнесу я по камню оракул Пифо́ именитый!
Если Гермес из Киллены осквернил мое ложе,
Расстреляю из лука аркадийские нивы,
В рабство Пейто́ обращу я, деву с повязкой златою!
Если со злобным коварством взошел на сонное ложе
Дионис, незаметно похитив девичество Авры,
Я до жилища Кибелы дойду и гнать не устану
От высокого Тмола безумного в похоти Вакха!
С плеч сорву смертоносный лук, направив все стрелы
Против Фригии с Пафосом, и на божеств обоих
Ополчуся свирепо, на Афродиту и Вакха!
Но на тебя я гневлюся, Лучница, больше: ведь дева
Ты и сама, а защиты не было мне, уснувшей,
Не согнала ты мужчину стрелами чистыми с ложа!"

Так говорила... Вдруг голос задрожал и слезами
Разразилась юница побежденная... В чреве
Понесла от Лиэя дева, сраженная горем,
Бремя двойное, и ярость неистовая овладела
Аврою злополучной на собственную утробу!
Мыслила дева: сам ли плод зародился, бог ли,
Поучаствовал, муж ли... Вспомнила Дия невесту,
Берекинтийку Плутóн, ведь в лоне ее зародился
730
Тантал, отпрыск Зевеса! В безумии диком желала
Авра вспороть себе чрево и плоть растерзать, чтоб в утробе
Нерожденных младенцев убить до срока рожденья!
Вот уж и меч подъяла над грудью своей обнаженной,
Беспощадной рукою жало приставила к плоти...
Часто она входила ко львице щенной в пещеру,
Словно желая предаться Мойры нити непрочной,
Только вот зверь свирепый бегством спасался от девы,
Жизнь отнимать не желая у ней, и прятался в долах,
Беззащитного львенка в логове бросив укромном.
740
Часто готовилась Авра пронзить железом утробу
Собственную, желая добровольно расстаться
С жизнью, только б позора навеки избегнуть такого
Заодно с поношеньем Лучницы, девы злорадной;
Мужа узнать желала имя, дабы дитятю
На глазах у родителя с поношеньем прикончить,
Детоубийцам подобно женам, чтобы сказали:
"Авра, злосчастная в браке, как Прокна дитя погубила!"
Только ее увидала в тяжести ненавистной
Артемида, явилась пред ней и злобно глумилась,
750
Над несчастной служанкой безжалостно надсмехаясь:
"Гипноса знаю, служку Пафийки, в лукавстве любовном
Бьющие влагой златистой мнимые струи истока
Там, где грезила дева, питьем прельщенная лживым,
Что развязали пояс девичий, столь долго хранимый!
Видела, видела склоны скалистого брачного ложа,
Где застигну ли деву во сне хитроумно-обманном!
Видела гору Киприды любовную, где похищает
Девственность жен любовник, а после спасается бегством!

Что ж ты так ходишь неловко, ответь мне, чистая дева!
Ветра быстрее мчалась - ныне тащишься еле!
Ах, тобой овладели - а ты и не знаешь супруга?
Ах, ты ведь тайной любови не можешь таить, ведь распухли
Груди твои, возвещая теченье обильное млека!
Молви, вепреубийца, сонная дева - а ныне супруга,
Щечки зачем побледнели, столь румяные прежде?
Кто же запачкал ложе? Девичество кто же похитил?
Златоволосые нимфы, не прячьте любовника Авры!
Ах, чреватая, знаю, кто же твой беглый соложник,
Он не сокрылся от взоров моих, ведь я разглядела,
Как с бездыханной невестой Лиэй занимался любовью!
Ах, оставь свой лук и колчан, ведь самое время
Спрятаться в толпах вакханок женолюбивого Вакха!
Бить в тимпаны, в авлосы дудеть его роговые!
Молви, во имя страсти, на голой земле запылавшей,
Вено выдал какое Дионис, твой соложник!
Разве не дал он небриды, вещающей о союзе?
Медных роптров, для деток будущих милых игрушек?
Ах, он тирс свой, наверно, дал храброй звероубийце!
Может быть, и кимвалы - средство утешить младенцев
Неразумных кормилице, коли они расшумятся!"
Так богиня глумилась, а после тотчас удалилась
Ланей повозки бичуя, оставив гнева причину
И самолюбья заботы ветрам отныне небесным!
Авра в горах сокрылась, никто ее там и не видел,
Чуявшую уж муки на себе родовые,
Там она страшно кричала в родах как ярая львица,
Скалы в ответ звенели, и гласу истерзанной девы
Вторила гласом таким же злополучная Эхо!
Прикрывала руками дева причинное место,
Выйти она мешала в надлежащие сроки
Плоду, родов мученье затягивая, не хотела
Артемиду-врагиню призывать к вспоможенью!
Дщерей она не желала Геры, ведь от Илифи́и
Дева родит быстрее сыновей Дионису!

Так в обиде и горе страшно Авра кричала,
Мучаясь первыми родами, речи держала такие:
"Если б мне видеть Афину могучую и Артемиду,
Видеть их в родах ужасных - о как бы я наслаждалась!
Ах, покажите мне Лучницу в схватках, милые Хоры,
В муках простых роженицы, молвите Тритогенейе:
"О, светлоглазая дева! О, безматерняя матерь
Новая!" Если б мне видеть чистую Эхо, что с Паном
Сочеталась бы в страсти и злоковарным Лиэем!
Если бы ты, Артемида, матерью стала и млеко
Из груди мускулистой извергла, меня 6 ты простила!"
Авра, страдая от мук родовых, кричала такое!
Лучница же замедляла от бремени разрешенье,
Делала муку сильнее затянувшихся родов!
Ни́кайя, таинств Лиэя блюстительница благая,
Наблюдая мученья ужасные Авры безумной,
С тайной жалостью в сердце молвила речи такие:
"Авра, и ты страдаешь, и ты чистоту потеряла!
Бремя во чреве носила и ты, и терзаешься мукой
Родовой, ты терпела во сне насилье на ложе,
И непривычную грудь отдашь терпеливо младенцам
Что ж пригубила ты хмеля, похитителя девства?
Что ж пригубила ты хмеля, ставши женою чреватой?
Вот, как и я, страдаешь, безвинная... Плачь же, о дева,
Над обманною дремой эротов, кляни любострастных!
Хитрость одна нас обеих сразила: питье сотворило
Матерью Авру и Ни́кайю, дев безвинных и чистых!
Зверя уже из лука не застрелю как бывало,
Не натяну тетивы, не подъемлю и дрота... Я стала
Прясть да ткать словно жены, немощная амазонка..."
Молвила так, жалея в муках рожавшую Авру,
Ибо сама претерпела такие же прежде мученья.
Но Летоида-богиня, Авры стонущей слыша
Вопли, снова явилась, глумливая, перед девой,
Авру язвила насмешкой, наслаждаясь страданьем:
"Кто же привел тебя, дева, на материнское ложе?

Что же млеком сочится грудь, не знавшая страсти?
Я такого не знаю, чтоб девственница рожала!
Не изменился ль отец мой? Не научились ли жены
Зачинать без мужчины? Ты же, чистая дева,
Все равно разродишься, хоть ненавидишь Киприду!
Да не зовут ли жены, когда подступают сроки,
Артемиду на ложе? Разве и ты, умоляя,
Не позовешь богиню-охотницу ко вспоможенью?
Ах, и сама Илифи́я видела Диониса,
840
Вышедшего из лона матери без усилий,
Повитухой была недоношенного - зарница!
Что ж ты бранишься, что дети твои в пещере родятся?
Даже державная Рейя Зевса в горах породила!
Так что все справедливо - и ты в горах разродишься,
Ты, соложница горная горного Диониса!"
Молвила так богиня - Авра же корчилась в муках
И в страданьях великих стыдилася Артемиды,
Бедная, и на сносях хотела казаться невинной...
Вот появился младенец первый на свет, ибо речи
850
Артемиды родящим в схватках всегда помогают,
Вот уж двоим подарила жизнь упорная Авра,
И по этим младенцам двойная вершина Рейи
Названа "Ди́ндимон" древле, известна под именем этим...
Видя, какие младенцы прекрасные народились,
Лучница в сердце смягчилась, молвив слово такое:
"Что же, кормилица дева, двойню родившая, дай же
Непривычные к млеку перси новорожденным,
"Папа!" - кричат твои дети, родителя имя желая
Знать, и ты им скажи, кто тайный твой совратитель!
860
Артемида не знает брака, младенцев не кормит,
Будешь жить средь отрогов, будешь баюкать не в люльке
Деток обычной, а в шкуре пятнистой лани добытой!"
Молвила - и исчезла в чаще леса тенистой.
Никайю вызывает, кибелидскую нимфу,
Указуя на ложе горько плачущей Авры,
Дионис, улыбаясь, над одинокою девой
Гордый своею победой брачной, так восклицает:

"Ни́кайя, вот утешенье для твоего несчастья,
Ведь Дионис к другой на ложе тайно подкрался
И сочетался любовью с другой, что в скалах и долах
Прежде имени даже пылких эротов пугалась,
Ныне она, как когда-то и ты, изведала страсти!
Ты не одна познала сладкой дремы эротов,
Ты не одна и хмеля отведав, девства лишилась!
Снова ключи забили бурливые брачного тока,
Вновь вино извергая - и влаги отведала Авра!
Ты, претерпевшая муки когда-то деторожденья,
Ради молю Телеты, водительницы хороводов,
Поспеши побыстрее и отпрыска бога у Авры
Забери, как бы дева его убить не решилась!
Знаю: хочет младенца единого из рожденной
Двойни безумная Авра сгубить! Ты Иакху, младенцу,
Помоги! И того, кто сильнее, спаси, ведь Те лета
Будет ему служанкой, как и родителю Вакху!"
Молвил Лиэй - и исчез, и радуясь, и веселяся
Двум фригийским любимым, обеими девами гордый,
Старшей, бывшей подругой, и младшей, матерью ставшей!
Скорбью тяжкой объята, подле скалы, где родились
Дети, взяла их обоих на руки матерь, вскричавши:
"С неба любовь свалилась - в небо я вас и заброшу,
Ветры мной овладели, не знала я ложа земного!
Ветры во грех вовлекли меня, соименники Авры,
Ветрам отдам на волю плод утробы и чрева!
Прочь от меня, лукавца проклятье, младенцы двойные,
Вы мне не дети родные! Что делать мне с вами, с бесчестьем!
Львы, приходите, не бойтесь, уже не недруг вам дева,
Авра за вами во скалах охотиться боле не станет!
Зайцы со взором раскосым - вы лучше, чем гончая свора!
Горные волки, сбегайтесь! У ложа нашего в скалах
Видеть пантеры желаю прыжки и веселые игры!
Приводите медведей без страха, пантеры, ведь стала
Матерью Авра, и жала медные нежатся в туле!
Стыдно мне матерью зваться, некогда деве невинной,

Нет, не подам я младенцам гру́дей своих мускулистых,
Ненавистного млека из сосцов я не стану
Сцеживать, матерью нежной, охотница, зваться не стану!..
Вот положила младенца Авра пред львицей свирепой,
Но Дионисовой крови младенца, отпрыска бога,
Львица не захотела, тварь разумная, даже
910
Челюстями ужасными мальчика приласкала!
Окружили подстилку изумленные змеи,
Пасти раскрыв ядовитые, стражу неся у младенцев,
Ибо смягчил их норов Бромий, Авры соложник!
Вспрыгнула дочерь Леланта на резвые ноги мгновенно,
Гневом ярым пылая, словно косматая львица
Неумолимая, в воздух подбросила, ветрам добычу
Вырвав из пастей звериных, единого из младенцев!
Грянулся новорожденный оземь, упав головою
На основанье скалистое, прах вкруг себя воздымая.
920
После схватила тельце, и, разорвавши, сожрала
Плоть, которую должно любить материнской любовью!
Устрашившись деянья матери бессердечной,
Лучница Артемида схватила другого ребенка
И устремилася в чащу с бременем непривычным!
Так, после Бромия ложа, после безумия родов,
Смыла бесчестье насилья дева-охотница, Авра!
Стала такою как прежде, девственною и скромной,
Вышла к Сангария струям, лук свой выгнуто-крепкий
С пре́зренным вместе колчаном бросила в быструю воду,
930
После в глубины речные бросилась вниз головою,
Видеть стыдясь отныне сиянье стыдливое Эос,
Скрылась в водах потока... Ее всемогущий Кронион
Превращает в источник - груди стали зыбями
Пенных водоворотов, тело - теченьем, цветами -
Кудри, а лук роговóй - рогами бога речного
В образе тура, жилы - в тростник обратились прибрежный,
Стрелы же рогозом стали, шепчущим что-то под ветром,
В илистое основанье глубокого русла речного
Чревоокруглый колчан превратился, влагой наполнен...
940

Лучница гнев свой смирила, кинулася по дебрям
В поисках следа Лиэя, любившего горные чащи,
Новорожденное чадо Авры к груди прижимая,
Странное бремя во дланях неся... И вот уж стыдливо
Передает младенца сородичу Дионису.
Никайе сына родитель вручает, кормилице нимфе,
Мальчика та принимает, заботливо кормит малютку,
Выжимая по капле жизненосное млеко
Для насыщенья ребенка. Как и родителя "Вакхом"
Малую детку назвали, отец же на колеснице
К деве аттидской Афине детку для празднеств привозит,
Детка вопит при этом "ио́!", и богиня Паллада
В храме его устрояет своем, к груди прижимая,
К коей один лишь владыка Эрехтей прижимался...
Млеко само собою сочится из персей богини!
После доверила Дева элевсинио́йским вакханкам
Мальчика, стали кружиться весело марафониды
Вкруг Иовакха, венками плющевыми венчаясь,
Светоч аттический в пляске высоко вздымая полночной,
Бога сего почитая вслед отпрыску Персефонейи
И Семелы потомку. Таинства учредили
Древнему пра- Дионису и позднему богу Лиэю,
Гимнами почитая третьего Иовакха!
Празднество это тройное все справляют Афины,
В позднем шествии с пляской граждане радостно славят
Бромия и Загрея, и Иовакха совместно!
Вакх не забыл и о страстных кидонейских эротах,
Помнил любимую крепко, погибшую ранее деву,
И как свидетельство страсти округлый венец Ариадны,
Девы покойной, возносит он к созвездьям Олимпа,
Вечного вестника в небе благовенчанного брака!
Бог же грозд олюбивый в отчизну эфирную всходит,
С единородным родителем трапезу там разделяет,
После яствы земной и вина, добытого прежде,
Нектар небесный впивает из благородных кратеров,
С Фебом он восседает, с отпрыском Майи пирует!

notes

Примечания

1

Nonni Panopolitae Dionysiaka, nunc primum in lucem edita ex Bibliotheca Ioannis Sambuci Pannonii. Cum lectionibus et coniecturis Gerarti Falkenburgii Noviomagi, et indice copioso. Antverpiae, ex officina Christofori Plantini, 1569.

2

Χαὶρετε, Νοννιάδες Μοῦσαι, φὶλον ἦτορ Ὁμήρου
πλῆσον ἐμὸν μολπῆς οἶκον ἅπαντα τεῆς

3

«Ego crediderim si Homerus amissus esset… ea omnia, quae in illo admirari solemus, ex hoc fonte hauriri posse et restituì».

4

«Ita mihi orationis aequabilitas, et similitudo admirabili sonantium verborum, et epithetorum sesquipedalium elegantia …, et iucunditate perfusa mirum in modum placet, adeo ut quod illi forsan vitio vertant, ego in minime vulgari laude ponam. Nam haec grandis et elata compositio tam ubique sibi constat, tam dilucida, tamque suavis est, ut nullo labore conquisita et sua sponte fusa videatur… ne quid interim de illis versibus dicam, qui ìurc optumo proverbiorum vice usurpari poterunt. Quae cum ita se habeant, optarem severiores illos aestimatores, antequam iudicium de hoc auctore faciant, bis terque universum opus legere et relegere».

5

Последнее издание парафразы: Nonni Panopolitani Paraphrasis s. Evangelii loannei. Ed. A. Schneidler. Lips., 1881; последнее посвященное ей исследование: Golega J. Studien über die Evangeliendichtung des Nonnos von Panopolis. Ein Beitrag zur Gcschichte der Bibeldichtung im Altertum. Breslau, 1930.

6

Papyrus Berolinensis [P. 10567].

Ludwich A. Praefatio. I. De auctore carminis // Nonni Panopolitani Dionysiaca / Rcc. A. Ludwich. Vol. I. Leipzig, 1909.

Chamberlayne L. P. A study of Nonnus // SPh, XIII, 1916. P. 40–68.

9

*Lind L. R. T*he Date of Nonnos of Panopolis // SPh, XXIX 3, 1934. P. 69–73.

10

Ф. Виан считает его греческим прозвищем, ставшим впоследствии личным именем. Других носителей этого имени (св. Нонна, крестившего св. Пелагею, и Ноннов, упоминаемых в письмах Синесия (ep. 43), у Дамаския (Vita Isidori, frg. 138) и др. (ср. Aet. Amid., latr. 114), также нет оснований однозначно считать коптами, хотя они могли и быть таковыми. Нонн, участвовавший в Халкедонском соборе, был епископом Эдессы в Сирии.

11

Nonnos ἐγώ· Πανὸς μὲν ἐμὴ πόλις· ἐν Φαρίῃ δὲ / / ἔγχει φωνήεντι γονὰς ἤμησα Γιγάντων — AP, IX, 198.

12

«Falso nonnulli ex hoc epigrammate colligebant Nonnum scripsisse gigan–tomachiam. Intelligenda est pars Dionysiacorum, quae Typhoei pugnam complectitur» — Epigr. Anthol. Pal / Ed. Dübner, 2, 185.

13

«…sunt audiendi, qui aliam ex illis duobus versiculis Nonni gigantomachiam commenti fuerunt, cum ipse in Dionysiacis Indos gigantes appellet» — Lilius Gyraldus. Historìa poetarum. 1545.

14

Рудольф Кайделль в статье о Нонне в Realencyclopaedie сделал попытку обрисовать его круг чтения. Кроме Гомера, Гесиода и Пиндара, упоминаемых Нонном в тексте поэмы, Кайделль находит реминисценции и заимствования из «Агамемнона» Эсхила (XIII, 114; V, 149), «Аякса» Софокла (XXIII, 75); «Финикиянок» и «Меланиппы» Еврипида (VIII, 236), Каллимаха, Арата, Аполлония Родосского со схолиями к нему, Оппиана, Никандра, орфиков, а также астрологов Дорофея, Манефона и Максима. Нонн обнаруживает свое знакомство с орфической поэмой «О камнях», упоминает целительные заклинания (XVII, 374) и культовые волшебные гимны (IV, 272, *Bogner H*. // Gnomon, VII, 181). Кайделль предполагает также знакомство Нонна с платоновским учением о душе (X, 25); с романом Ахилла Татия (II, Í2 — об изобретении пурпура, Dion. XL, 306; рассказ о слонах XXVI, 297); а в рассказе о изобретениях Кадма Нонн мог использовать Овидия.

15

Ἱστίον δὲ ως ἔστί καί Νόννος κύριον Πανοπολί'της ἐξ Αιγύπτου λογιώτατος· ό καὶ *τὸν παρθὲνον Θεολόγον παραφράσαῃ* δι᾽ ἐπίων.

16

Ἰστέον, ὅτι ὁ *Νόννος οὗτος Αἰγύπτιος ὢν λογιώτατος·* ὁ καὶ *τὸν παρθένον Θεολόγον παραφράσας* δι᾽ ἐπῶν ἡρωικῶν.

17

Аргументом в пользу того, что парафраза написана ранее «Деяний Диониса», Богнер считает сопоставление строк 9, 10 Евангелия от Иоанна (πῶς *οὖν ηνεῳχθησάν σου* οί *οφθαλμοί*) и 9, 55 нонновской парафразы (*πως δὲ τεαὶ προβλῆτες* άνωίχθησαν *οπωπαί;)* и XXV, 284 — 285 «Деяний Диониса» (… *ἀρυομενου δὲ προσώπου //* οἰνωπὰς *ραθάμιγγας άνωίγθησαν οπωπαί).* Согласно Богнеру, Нонн заимствует выражение из Евангелия и видоизменяет получившуюся формулу в «Деяньях Диониса».

18

Например, Йозеф Голега (*Golega J.* Studien über die Evangeliendichtung des Nonnos von Panopolis. Ein Beitrag zur Geschichte der Bibeldichtung im Altertum. Breslau, 1930).

19

«Un faux dilemme» — Nonnos de Panopolis. Les Dionysiaques. Texte établi et traduit par F. Vian. T. I. Paris, 1976. P. XIV.

20

Hist. IV, 23, 5.

21

Ταῦτα γὰρ ὁί τε πρότερον ποιηται ἄιδουσι καί οι νέοι παραλαβόντες συνάιδουσιν. ὧν δὴ καί *Νόννος,* ὁ *ἐκ τῆς Πανος τῆς Αίγυπτίας γεγενημενος, ἐν τινι των οἰικειἰων ποιημάτων, ἅπερ αύτῶι Δ*ιονυσιακά *ἐπωνόμασται, ούκ οἶδα ἐφ᾽ ὅτωι ολίγα ἅττα του Ἀπολλονος περί ἀφηγησάμενος (ού γαρ δὴ τῶν προηγουμένων ἐπῶν ἐπιμεμνημαι) είτα επάγει*

εξότε Μαρσύαο θεημάχον αύλὸν ελέγξας
δέρμα *παρτ᾽ηώρησε φυτῷ κολπούμενον αὔραις.*

22

Die griechischen Dichterfragmente der römischen Kaiserzeit / Ed. E. Heitsch. 1963. V. I. P. 104, 118.

23

К вопросу о том, мог ли Нонн читать по–латински, см. обширную литературу о нем и Овидии: Eller K. H. Die Metamorphose bei Ovid und Nonnos // Der Altspràchliche Unterricht. Arbeitshefte zu seinem wissenschaftlichen Begründung und praktischen Gestalt. Stuttgart, 1982; также Bezdechi St. Nonnos Si Ovidiu. Sibiu, 1941; также Herter H. Das Diluvium bei Ovid und Nonnos // Illinois Classical Studies, VI, 1981; также Fauth W. Eidos Poikilon. Zur Thematik der Metamorphosen und zum Prinzip der Wandlung als dem Gegensatz in den Dionysiaka des Nonnos von Panopolis //Hypomnemata, XLVI, 1991, Göttingen.

Braune J. Nonno e Claudiano // Maia, I, 1948. P. 176–193.

25

Keydell R. Nonnos // RE 33. S. 904–920.

26

Fridlander P. Die Chronologie des Nonnos von Panopolis // Hermes, XLVII, 1912. S. 53 ff.

27

Riemschneider M. Die Rolle Aegyptens in den Dionysiaca des Nonnos und Probleme der koptischen Literatur. Halle, 1968/1.

28

D'Ippolito G. Studi Nonniani. L'epillio nelle Dionisiache // Atti della Academia di Palermo. Ser. 4, vol. 21, 2, 1964.

29

Ludwich A. Krit. Miszelle, wissenschaftliche Beilage zum Vorlesungverz. für das Winterhalbjahr, 1899. Rheinisches Museum 27, 385, 34, 357.

30

Golega J. Studien über die Evangeliendichtung des Nonnos von Panopolis. Ein Beitrag zur Geschichte der Bibeldichtung in Altertum. Breslau, 1930.

31

Cataudella Qu. Cronologia di Nonno di Panopoli // SIFC N. S. XI, 1934, 15 — 33

32

Àίδε πατήρ μ' ἐδίδαξε — AP IX, 136.

33

Επει τα γε κατά ρητορικὴν ίξαρκει τοσοῦτον εἰπεῖν ὅτι ἦν Αίγύπτιος. τὸ δὲ ἔθνος ἐπὶ ποιητικῇ μὲν σφόδρα μαίνονται ὁ δε *σπουδαῖος Ἕρμῆς αὐτῶν* ἀποκεχώρηκεν — X, 7, 12.

34

Collart P. Nonnos de Panopolis. Etudes sur la composition et le texte des Dionysiaques // Recherches d'archéologie, de philologie et d'histoire. Cairo. 1930.

35

Stegemann V. Astrologie und Universalgescbichte. Studien und Interpretationen zu den Dionysiaka des Nonnos von Panopolis. Leipzig & Berlin, 1930.

36

В форме *θεήτοκος (θεότοκος* невозможно в гекзаметре), как эпитет, всегда в III–IV стопе, перед буколической диэрезой, трижды в парафразе (2, 9; 2, 66; 19, 135) и дважды в «Деяньях Диониса»: применительно к морю, родившему Афродиту (XLF, 112) и к Рее (XLV, 98).

37

Dostálová–Jenistova R. Baje o eponymovi Blemyu u Nonna ζ Panopole // LF IV 2, 1956, 174–177.

38

Перемирие было прервано лишь при императоре Тиверии II (578–582), при котором блемии были окончательно побеждены.

39

Abel–Wilmanns B. Der Erzahlaufbau der Dionysiaka des Nonnos von Panopolis. Frankfurt am Main; Bern; Las Vegas, Lang, 1977.

40

О наказании Ликурга см. Z 130; в *Ξ* 323, 325 Зевс упоминает Семелу в перечне своих возлюбленных (место часто считают интерполяцией).

41

Frg. 22–25, 57–67, 124–126 Radt. Латинское переложение принадлежало Невию.

42

Frg. 221–224 Radt.

43

Frg. 221–224 Radt.

44

Известна также комедия Анаксандрида «Ликург» (frg. 27 Kock).

45

B. A. van Groningen, Euphorion, Amsterdam, 1977, 39–61.

46

Athen. III, 23, 82D: *Νεοπτόλεμοῃ* δ ὁ Παριανοῇ εν *σῇ Διονυσιάδι.*

47

FGrHist IIIC, 702.

48

Athen. VII, 47, 296A: Θεόλυτος *μὲν ὁ Μηθυμναῖος ἐν τοῖς Βακχικοῖς ἔπεσιν*.

49

Rusten J. Dionysios Scytobrachion // Papyrologica Coloniensia, 10, Opladen, 1982. P. 106–116.

50

Pers. Sat. I, 99–103.

51

S. 6 Heitsch.

52

St. Byz. s. v. *Βώλιγγαι.*

53

Papyr. Oxy. 2815 tr. 32 — 70. Terminus post quem определяется имитацией Никандра (II в. до н. э.).

54

Исследование всей нонновской географии см.: *Chuvin P.* Mythologie et Séographie dionysiaques: recherches sur 1'oeuvre de Nonnos de Panopolis. Clermont–Ferrand (Puy–de–Dome), ADOSA, 1991.

» S. v. *Σωτήριχος*.

56

S. v. Ὕασις. «Бассарику» иногда приписывали Дионисию Периэгету, автору географической поэмы, жившему, вероятно, в первом веке нашей эры; он же написал и другие дидактические поэмы (Scholia in Dionysii periegetae orbis descriptionem whnlia vetera olim sub auctore Demetrio Lampsaceno // Ed. K. Müller, Geographi Graeci mìnores, vol. 2. Paris, Didot, 1861; repr. Hildesheim: Olms, 1965: 427–457. Vita Dionysii: pp. 427 — 428. Scholia: pp. 428 — 457). О творчестве Дионисия Периэгета также иногда вспоминают в связи с генезисом нонновской поэзии.

57

IV, 25, 9, IV, 52b, 41.

58

Suda s. v. Πείσανδρος*; Keydell R.* RE 19,1, 1937. 35–36.

59

Так же, как Ликург помещался в Аравии только у Антимаха Колофонского.

60

James A. W. «The honey of the cup» in Oppian and others // PCPhS 12 (1966). P. 24–36; *idem.* Studies in the language of Oppian of Cilicia. Amsterdam, 1970; *Schmitt W.* Kommentar zum ersten Buch von Pseudo–Oppians Kynegetika. Diss. Münster, 1969. См. также: *Giangrande G.* On the Halieutica of Oppian // Eranos, 68 (1970). P. 76–94; *idem.* On the text of Ps. — Oppian, Cynegetica // GRBS 13 (1972) P 489 — 496 (обе статьи перепечатаны в: Scripta minora Alexandrina, 4. Amsterdam, 1985. P. 303–310, 311–329).

61

Суп. III, 320.

62

Pap. Oxy. 2946. Папирус содержит стихи 491–502 «Взятия Илиона» и датируется временем не ранее конца II — не позже начала IV века.

63

Ее, кроме «Суды», упоминает Евстафий (Od., prooem., 1379).

64

Аналогичную «Илиаду» написал Нестор из Ларанды, отец автора «Героических богобрачий» (Suda s. v.).

65

См. предисловие к его изданию Квинта Смирнского (Quintus de Smyrne. La Suite d'Homère. V. I. P. XIX–XXII. Paris, 1963).

66

B 461.

67

Suda s. v. *Κύρος*.

68

Euagrii Historia eccl. I, 19. Migne, Patr. Gr. 86, 2, 2472.

69

Wifstrand A. Von Callimachos zu Nonnos. S. 165.

70

Стр. 12.

71

FGrHist IIIC 732.

72

Fragmenta P. Vindob. 29788 A–C; Heitsch, vol. 1, 109–120, frg. 1–4.

73

Heitsch XXXIV.

74

Стр. 11.

75

Rapt. Pros. I, 12–177.

76

Rapt. Pros. I, 179 sqq.

77

При этом у Овидия, которому в целом следует Клавдиан, Кибела отсутствует: Деметра отправляется в гости к Аретусе (Fasti, IV, 423).

78

Κάθοδος τῆς Κόρης — Orphicorum fragmenta / Ed. O Kern. 48 (209) sqq.

79

IX, 141; следует оценить символичность эпизода: перворожденный бог отдает Диониса на воспитание Матери Богов.

80

XII, 34.

81

Genethliakon für Carl Robert, 1910. S. 87; Hermes 46 (1911). P. 431. Гимны, иозможно, созданы пергамскими жрецами Деметры.

82

«Следы *орфической поэзии*, — пишет Керн, — *заметны также у Нонна в VI, 155, XXVII, 285, XLVII, 50, и у Клавдиана в I, 229, II, 18, 204, 223, III, 48,* 109»,

83

Heitsch XXX.

84

Heitsch XVII.

85

Heitsch LIX, 6, 7.

86

Например *Reitzenstein R.* Die hellenistischen Mysterienreligionen. 1926. P. 185.

87

Νυκταστραπῆτα, *ψυχροθερμοφύσησε*,
πετρεντὶνακτα, τείχοσεισμοποίησε,
κοχλαζοκύμων, *βυσοταροξοκινησε*.

88

Christ W. Geschichte der griecnischen Literatur bis auf die Zeit Justinians / Ed. Müller. Nördigen, 1889. S. 827.

89

10567.

90

Афонская рукопись (A) — excerpta, Vat. Lat. 5250, fol. 19 v.

91

Laur. 32, 16.

92

XVII, 73, XLII, 221 (возможно, речь идет об исправлении в оригинале, с которого копировалась L), XLVIII, 909.

93

Это два Vindobonenses phil. gr. 45, 51 (F); два Monacenses gr. 94, 95 (M); Vaticanus Ottobonianus 51; Neapolitanus II F 19; Vaticanus Reginensis (датирован 1551 годом); Vindobonenses phil. gr. 28, 52 (датирован 1561 годом); Scorialenses 135 (T. I. 15) и 158 (T. П. 19).

94

Nonni Panopolitae Dionysiaka, nunc denuo in lucem edita et latine reddita per I ilhardum Lubinum, poeseos in Academia Rostochina professorem. Ex bibliotheca loannis Sambuci Pannonii. Cum lectionibus et coniecturis Gerarti Falkenburgii Noviomagi et iwlia: copioso. Hannoviae, typis Wechelianis apud Claudium Marnium et heredes loannis Aubrii, 1605.

95

·Poetae Graeci veteres carminis heroici scriptores, qui extant, omnes. Apposita est e regione latina interpretatio. Notae item et variae lectiones margini adscriptae. Cura ri irccnsione lac. Lectii V. Cl. Accessit et Index rerum et verborum locupletissimus. Aureliae Allobrogum. Excudebat Petrus de la Rouvière. 1606 (1614), vol. II, pp. 307–624.

96

Nonni Panopolitae Dionysiaca. Pctri Cunaei Animadversionum liber. Danielis Heinsii Dissertatio de Nonni Dionysiacis et ciusdem Paraphrasi. Josephi Scaligeri Coniectanea. Cum vulgata versione, et Gerarti Falkenburgii lectionibus. Hanoviae, typis Wechelianis apud Claudium Marnium et haeredes loannis Aubrii, 1610.

97

Nonni Panopolitae Dionysiakorum libri sex, ab octavo ad decimum tertium rcs Bacchicas ante expedionem Indicam complectentes. Emendavit, omnium Nonni librorum argumenta et notas mythologicas adiecit Georgius Henrichus Moser, Ulma–Bavarus, seminarii philologici Heidelbergensis sodalis. Praefatus est Fridericus Creuzer. Heidel–bergae, ex libraria Mohrii et Zimmeri academica, 1809.

98

Nonni Panopolitae Dionysiacorum libri XLVIII. Suis et aliorum coniecturis emendavit et illustravit D. Fridericus Graefc, litt. graecc. in instituto paedagogico Petropolitano et in academia ecclesiastica Alexandro–Nevensis prof. ord., imperatori Rossorum augustiss. a consiliis aulicis, divi Wladimiri eques. Vol. I libros I —XXIV complectens. Lipsiae 1819. Vol. II libros XXV–XLVIII complectens. Lipsiae 1826, sumptibus Frid. Christ. Guil. Vogelii.

99

Второй вышел уже после восстания декабристов.

100

Nonnos. Les Dionysiaques, ou Bacchus; poème cn XLVIII chants, grec ct francais, précédé d'une introduction, suivi de notes littéraires, géographiqucs et mythologiques, d'une tableau raisonné des corrections et de tables et index complets, rétabli, traduit et commenté par le Comte de Maecellus, ancien ministre plénipotentiaire. Paris, librairie de Firmin Didot frères, 1856.

101

Nonni Panopolitani Dionysiacorum libri XLVIII. Recensuit et praefatus est Arminius (H.) Köchly. Accedit index nominum a F. Spirone confcctus. Vol. I, 1857. II, 1858. Lipsiae, sumptibus et typis B. G. Teubneri.

102

Nonni Panopolitani Dionysiaca, recensuit Arthurus Ludwich. Volumen prius libros XXIV continens, 1909. Volumen alterum libros XXV–XLVIII continens, 1911. Lipsae, in aedibus B. G. Tevbneri.

103

Nonnos. Dionysiaca. With an english translation by W. H. D. Rouse. Mythological Inlroduction and notes by H. J. Rose, and notes on text criticicism by L. R. Lind In three volumes. I, books I–XV. II, books XVI–XXXV. III, books XXXVI–XLVIII. London, W. Helnemann; Cambridge, Mass., Harvard University Press; 1940 — 42.

104

' Nonni Dionysiaca, recognovit Rudolfus Keydell. Volumen prius libros I — XXIV continen. Volumen alterum libros XXV–XLVIII continens. Beroiini, apud Weidmannos 1959.

105

' *Kinkel G.* Die Überlieferung der Paraphrase des Evangeliums Johannis von Nonnos Zurich, 1870.

106

Brunet. Manuel de librairie, Bruxelles, 1839, ν, III, ρ. 352; *Didot A. F.* Alde Manuce et l'Hellénisme à Venise, Paris, 1875. P. 186.

107

Fabricius–Harles a. O.: Ebert. Allgemein. bibliogr. Lexikon. Leipzig 1821, 2.206.

108

Graesse. Trésor de livres rares, v. 4. Dresden, 1863, p. 685.

109

Schwabisch–Hall, 1540, Frankfurt, 1541, Paris, 1542.

110

Martinus Juvenis, Paris, 1556, переиздано Köln, 1570; 1588.

111

Nonni Panopolitani poetae antiquissimi conversio Evangelii Secundum Joannem Graecis verbis conscripta, nunc primum ad verbum Latina facta, multisque in locis emendata, per Joannem Bordatum Bituricum. Ad illustrissimum et piìsimum Principem Antonium Borlonium Regem Navarrae. Parisiis, in officina Caroli Perier, in vico Bellovaco, sub Bellerophonte, 1561.

112

Nonni Panopolitani Translatio vel Paraphrasis S. Evangelii secundum loannem, carmine heroico Graeco conscripta, Erhardo Hedeneccio, Doctore medico, interprete.

Basileae, ex officina chalcographica Petri Pernae, 1571, 1577, 1588; снова была напечатана вместе с Homerici centones, ed. H. Stephanus, Paris 1578; Leipzig 1604.

113

Nonni Panopolitani Graeca paraphrasis sancti Evangelii secundum loannem, antehac valde & corrupta & mutila, nunc primum emendatissima et perfecta atque integra opere l; rancisci Nansii, cum interpretatione Latina. Additae ejusdem notae, in quibus multa inin vulgaria tractantur, et varii auctorum loci corriguntur aut illustrantur. Lugduni lialavorum, ex ofticina Plantiniana, apud Franciscum Raphelengium, 1589.

114

Nonni metaphrasis Latine ex metaphrasi metrica Ulrici Bollingeri et ex recensione [Pauli Melissi Schedii. Spirae. 1596.

115

Nonni Panopolitani Metaphrasis Evangelii Secundum loannem, versibus heroicis, llraere et latine. Cum ms. cod. Pal. collata; brevibus notis illustrata; verborum Indice Ipuda; rectius aliquod in locis versa. Opera Frid. Sylburgii Veter. Heidelberg ex Hie. Commelini typographio. 1596 (Lipsiae, excudebat Laurentius Cober, impensis Jacobi Apelii. 1618).

116

Exercitationes ad Nonni in loanni metaphrasim (Aristarchus sacer), ed. Daniel Hdnsius, Lugd. Bat. B. et A. Elzevirii 1627. Второе издание имело подзаголовок: Danielis Heinsii Aristarchus Sacer sive ad Nonni in Johannem metaphrasin exercitationes, quarum priore parte interpres (Nonnus) examinatur, posteriori interpretatio eius cum sacro scriptore confertur. Lugd. Bat. Elsevirii 1639.

117

Das Evangelium Johannis, metaphrasiert durch Nonnos aus Panos in Aegypten, zum erstenmal in die deutsche Sprache metrisch übertragen von H. Arn. W. Winckler, mit Kcgenüberstehendem Text. Giessen 1838.

118

«Удивительный поэт».

119

Выделенное курсивом – явно напечатано не на месте. *OCR.*

120

«Hoc eruditissimum Nonni carmen vice prolixi commentarii esse potest. Ego praedicare non dubito multis locis ab eo me adiutum esse speroque fore, ut si alii legerint, fateantur se quoque ex hoc medio factos. Quamquam enim ita religiose servavit leges paraphrasis, ut de suo vix quicquam addiderit Joanni, tamen plerasque sententias mira felicitate illustravit».

121

«Huius igitur aedificium putamus ex auro constare».

122

Schöll–Pinder. Geschichte der griechische Literatur. 3.54.

123

«Poeta eruditus ac grandiloquus» — D. Heinsius. Arist. sac. 669.

124

«Utitur [Nonnus] citra controversiam selectissimis, Homerícis maxime, vocabulis Graecis atque epitheta habet varia et copiosa quidem tantaque felicitate composita, ut summis etiam artificibus hac in parte non inferior sit a doctis aestimatus…. Constat autem pie et docte hoc opus conscripsisse: neque enim vel de suo quiquam adiecit vel longius ab historia evangelica recessit, sed plane atque simpliciter contextum ipsum explicavit» — 1577, fol. 4.

125

Unus sit instar omnium noster hic Nonnus. In quo si materiam spectes, Christi divinitatem exponit: si veritatem, Euangelistam interpretattir, et cum eum ipsum qui in Acternae Sapientiae gremio conquievit: si iudicium, nihíl limatius: si verborum ubertatem, nihil foecundius: si compositionem, nihil concinnius: si filum ipsum et ductum orationis, nihil sublimius, magnificentius, augustius: ut in eo nec Homeri maiestatem requiras, nec Píndarj sublimitatem, nec Sophoclis gravitatem, Euripidis prudentiam, Callimachi Irmtatem, Musaei concinitatem, numerum Nicandri, facilitatem Hesiodi, Theognidis prrspicuitatem, Anacreontis teneritudinem, Aristophanis sales, Menandri comitatem. Adeo iiiius cst Nonnus omnibus omnium Poetarum, ipsiusque poeseos numeris absolutus atque iniUctus — Nonni Panopolitani Paraphrasis Sancti secundum loannem Evangelij. Accesserunt notae P. N. A. Societatis Jesu. Parisiis, apud Sebastianum Cramoisy, via Jkobaea sub Ciconijs, 1623.

126

«Nonnus… interdum cum numerorum legibus adstringatur, magis textum Joannis obscurasse quam elucidasse videtur» · · Bibliotheca selecta, qua agitur de ratione studiorum. Romae 1593, 1,198.

127

«Posterioris saeculi poetae, dum illam ubertatem affectant, nihil praeter strepitum verborum et ampullas attulerunt. Qui in hoc generis licentius veliticati sunt, primas obtinet Nonnus ille Panopolitanus, cuius redundantiam in Dionysiacis excusaret materia, nisi in evangelii paraphrasi maiorem immodestiam, ut ita loquar, professus esset. Eum ita soleo legere, quomodo mimos spectare solemus, qui nulla alia re magis nos oblectant, quam quod ridiculi sunt» — Epistolae, 276.

128

Si adesses, vitia et ἀκορολογίαν eius scriptoris, quatenus legendus et quantum amplectendus, ostenderem; immane volumen censoriarum notarum exurgeret: iuvi tamen infinitis eum locis, qui etsi non est imitandus, legendus tamen est» — Heinsius, Arist. sac. 685. Скалигер имеет в виду свои «coniectanea» к «Деяньям Диониса», сделанные им для издания Кунея.

129

«Cum iam dudum principes ingenii et doctrinae, Angelus Politianus, Marcus Antonius Muretus ac fere ceteri omnes non aliter de hoc [Noimo] quam de summo et praestantissimo scriptore sentirent, contra ostendendum fuit neque tanta rerum cognitione eim abundasse, et ut alia omnia superfuerint, tamen usum dicendi pariter et imitandi peritiam ei defuisse».

130

Praefatio, Migne, 43, 704.

131

«Sicubi vel in dicendi ratione ac norma vel in temporum descriptione aut locorum, sicubi vel Hellenisticae vel Graecae vel Hebraeae linguae vel philosophiae imperitia peccavit auctor [Nonnus], singula ad regulas eorum, qui de his scripserunt, sine acerbitate ulla obiter ac bona fide examinavimus: si quid contra pridem a veteribus de fide Christiana approbatos canones interpretatus est, si quid opinione sua, homo vix e paganismo ut videtur redux καὶ *τὴν τοῦ Κυρίου ὁδόν*… tandem *κατηχούμενος* vel mutilavit vel adiecit, candide notavimus» — Arist. Sac. Proleg. 670.

132

«Ce Nonnus estoit un Egyptien, dont le stile est sauvage et monstrueux. C'estoit un peintre de chimère et d'hippocentaures. Ses pensées, je dis les plus reglées et les plus sobres, vont bien au dela de 1'extravagance ordinaire. En certains endroìts, on le prendroit plustost pour un démoniaque que pour un poéte: il paroist bien moins inspiré des Muses qu'agité par les Furies» — *Balzac J. B.*, Socrate Chrestien et autres oeuvres. Arnhem, 1675, II, 85.

133

«Nonnus redivivus».

134

Paris, 1674, II, 15.

135

Fr. Vavassoris opera omnia, Amstehold, 1709, стр. 695.

136

Dissertationes septem de poetis Graecis et Latinis, diss. 1, num. 42, 18. В издании Baillet, Jugeraents des savants, 3, 294.

137

«Dictio saepe *διθυραμβώδης*.»

138

Institut. poetic. lib. 3, cap. 16, § 5 in Opera, v. 3.

139

О нем см.: *Prat J. M.* Maldonat et 1'université de Paris au 16. siècle. Paris, 1856.

140

Mussiponti 1597, Moguntiae 1874. Парафразу и до Мальдональдо испльзовали для комментария; ср. Claud. Guilliaudus Bellovacensis In sacrura Jes. Christì evangelium secundum Joannem enarrationes, Lutetiae 1548. На стр. 338 в качестве примечания к главе 16 цитируется парафраза.

141

Venezia, 1566.

142

«Nonnus Panopolitanus inter Graecos Christianorurn poetas praecipuus… paraphrasin hexametris Graecis carminibus in Joannis evangelium composuit, quam nos typis Aldi excusam. legimus» — Neapol. 1742, 1, 437.

143

«Licet Nonni interpretatio proprie tantum sit paraphrasis, tamen multis in locis evangelii sensum per epitheta indicat et illustrat» — Cornelii a Lapide Commentarii in quattuor evangelia, Aug. Vind. et Graecii 1734, 2, 248. Книга была впервые издана после смерти ее автора в 1639 году в Антверпене, и в том же году в Париже.

144

P. 689, 731, 739.

145

20, 98.

146

Marcellus, предисловие к изданию Миня, 43, 704.

147

Bodmer J. Die geraubte Europa // Gödeke Grundrifi zur Geschichte der deutschen Dichtung. Dresden, 1891. IV, 10.

148

Turici 1782.

149

Wakefield G. Silva critica. London, 1793.

Hermann G. Orphica, Lipsiae 1805.

151

Schow N. Commentarium de indole carminis Nonni eiusdemque argumento. Hafniae 1807.

*Weichert J. A. D*e Nonno Panopolitano. Vitebergae 1810.

153

«Ведь хоть и на закате — все же еще солнце» — *Uwaroff S. von*, Nonnos von Panopolis der Dichter; ein Beitrag zur Geschichte der griechischen Poesie. Petersburg, 1817

Struve L. De exitu versuum in Nonni carminibus. Programm des Altstadt. Gymn. Regiomontii 1834; *Nacke F.* De Nonno, imitatore Homeri et Callimachi. Bonnae 1835; *Lers K.* Quaestiones epicae, Regimontii 1837; *Riegler F. M. M*eletemata Nonniana, Potsdam 1850; *Köhler R.* Über die Dionysiaka des Nonnos von Panopolis. Halle, 1853; *Köchly H.* De evangelii Joannei paraphrasi a Nonno facta dissertatio. Turici 1860; *Kreiz A.* Beitrage zur Charakteristik des Nonnos von Panopolis in dem Gebrauch der Epitheta. Programm des stadtischen Gymn. zu Danzig, 1875; *Ludwich D.* Beitrage zur Kritik des Nonnos, 1873.

155

Kuhn A. Literatorische Studien zur Paraphrase des Johannesevangelium von Nonnos ·>»·· Panopolis. Kalksburg, Druck von R. Brzezowsky, 1906.

Stegemann V. Astrologie und Universalgeschichte: Studien und Interpretationen /ii clciì Dionysiaka des Nonnos. Leipzig, 1930.

157

Προοίμια, *γένος*, *πατρίς*, *γένεσις*, *ἀνατροφή*, *παιδεία*, *πράξεις κατά τον πολεμον*, πράξεις *κατά τὴν εἰρήνην*, *σύγκρισις*.

' *Collart P.* Nonnos de Panopolis; études sur la composition et le texte des Dionysiaques. Le Caire, Impr. de Γ Institut franfais d'archeologie orientale, 1960.

159

Keydell R. Zur Komposition der Bücher XIII–XL der Dionysiaka des Nonnos // Hrnnc–s 62 (1927). S. 393–394.

' *D'Ippolito G.* Studi Nonniani: l'Epillio nelle *Dionisiache.* Palermo, 1961.

161

P. 58–68.

162

Nonnos de Panopolis. Les Dionysiaques. Texte établi et traduit par F. Vian. T. I. Paris, 1976. P. XVIII–XXIX.

163

P. XXVI.

164

Вино для людей и нектар для богов (VII, 76–78 — XLVIII, 976); упоминаются роды Зевса (VII, 80 — XLVIII, 975), Дионис после обожествления удостоится таких же почестей, как Гермес и Аполлон (VII, 104 -· XLVIII, 978) и др.

165

Vian F. Dionysus in the Indian war: a contribution to a study of the structure Dionysiaca // Studies in the Dionysiaca of Nonnus / Ed. Neil Hopkinson. Pimlmdge philologícal society, 1994.

166

VII, 117–128.

167

Плоды «теогамий» Данаи и Эгины, Персей и Айакос, также участвуют в поэме.

168

XXV, 341.

Wifstrand Л. Von Kallimachos zu Nonnos. Lund, 1933.

170

I, 13; III, 10.V, 25; I, 116; II, 292; XXXV, 171.

171

Ηθοποΐα, έστὶ μίμησις ἤβους ὑποκειμένου προσώπου.

172

Подавляющее большинство нонновских сравнений — «риторическое» сравнение одной мифологической ситуации с другой, а не «эпическое» сравнение мифологического с не–мифологическим. Даже такие «эпические» сравнения попадают у Нонна из и юрской речи в речь персонажей, как например, гомеровское сравнение поколений с опадающими листьями — в речь Кадма о своей судьбе (III, 249 — 256; Z 145 sqq.).

173

I, 124–140.

174

VII, 226–251.

175

Ὁ *μεν*, *ὁ δέ*, ἄλλος, ἕτερος, *τις*, *πολύς*, *πολλοί*..

176

IV, 128–142, X, 169–195, III, 412–416.

177

Ср. ζ 231, где это говорится о Фебе.

178

Однако в это время в греческой литературе уже существовали попытки Преодолеть стандартизованность описаний внешности (прекрасный Кадм во всем похож на прекрасного Ампелоса) и создать индивидуализированные портретные описания мифологических героев. Подобные описания мы находим в трактате Филострата «О героях» и в предполагаемом греческом оригинале «Повести о разрушении Трои» Дарета Фригийского. Затем, в византийский период, у Кедрена и Малалы, портретные каталоги стали традицией.

179

Cp. *Keydell R.* Nonnus // RE s. v.

180

' *Herries B.* The Pastoral Mode In The *Dionysiaca* / / Studies In The *Dionysiaca* Of Nonnus. Cambridge, 1994. P. 63–85.

181

«Похищение Прозерпины» Клавдиана, соотечественника и, в общих чертах, Временника Нонна (филологам так и не удается установить, кто же из них на кого влиял — также «теологический эпос», посвященный, как и «Деянья Диониса», центральному мифу мистерий.

Например, глава IV, 4, прим. 1; примечание 2 к главе И, 4 позволяет предположить, что нонновские цитаты попадали к Иванову из знаменитого «Аглаофама» Лобека, отразившего романтическое возрождение интереса к мистериальным и Дионисическим культам.

183

Chuvin P. Local Traditions & Classical Mythology In The *Dionysiaca* / / Studies In The *Dionysiaca* Of Nonnus. Cambridge, 1994. P. 167.

M., 1957. С. 160–161.

185

Памятники поздней античной поэзии и прозы II–V веков / Под ред. М. Е. Грабарь–Пассек. М. 1964. С. 66 — 76. Переведены отрывки о мировом пожаре и потопе после смерти Загрея (VI, 206 — 231, 250 — 291, 367 — 388), о дочери Тектафа (XVI, 141–144), о тканье Афродиты (XXIV, 230–339), плач Кадма об Агаве (XLVI, 240 — 271), смерть Эригоны (XLVII, 187 — 255). Несколько фрагментов (наиболее крупный о Загрее, мировом пожаре и потопе — VI, 155 — 388) в переводе Д. С. Недовича опубликованы в «Античной мифологии» А. Ф. Лосева (с. 174—180).

186

*Грабарь–Пассек М. Е. Н*онн // История греческой литературы / Под ред. С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь–Пассек, Ф. А. Петровского. Москва, 1960. Т. III. С. 327–334.

187

Фрейберг Л. А. Античное литературное наследие в византийскую эпоху // Античность и Византия. М., 1975. С. 22–24.

188

Заблуждение, распространенное со времен Фалькенбурга. Нонн неоднозначно относится к Гомеру.

189

*Гаспаров М. Л. П*родром, Цец и национальные формы гекзаметра // Античность и Византия. М., 1975. С. 362 — 385.

Ludwich A. Aristarchs Homerische Textkritik. Leipzig, 1885.

191

*Аверинцев С. С. П*оэзия Нонна Панополитанского как заключительная фаза эволюции античного эпоса // Памятники книжного эпоса. Москва, 1978. С. 212 — 229.

M., 1977. С. 132–149.

193

См. прим. на с. 6.

194

I, 528.

195

Курсив С. С. Аверинцева.

196

*Цыбенко О. П. Г*ород в поэзии Нонна // ВДИ, 1983, № 166. Статья «Тифония Нонна» опубликована О. П. Цыбенко в: Питання классичной філологіи (= Іноземна філологія, 70), XIX, Львів, 1983.

197

К которым можно было бы добавить изображение Иерусалима в парафразе.

XL, 430–477; 493–496.

199

XXXV, 311–326; XL, 313.

200

XLI, 91–91; 41; 96; 130–131; XLI, 155; 160–174.

201

XLI, 268.

XLIV, 264, 633; XXV, 11–14; XLV, 325.

203

Так — OCR.

204

Начиная со стиха 333 и до стиха 348, следую порядку стихов, установленному Ф. Вианом (Прим. переводчика).

205

377 — 388: порядок стихов Грефе.

206

В книге – без ударения.